

ГЛАВА VIII

ПРАВО И СУД, ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ: К ГЛАВЕНСТВУ ЗАКОНА

В предыдущих главах книги затрагивались различные отрасли права, за исключением уголовного и процессуального, но не систематически, а в связи с социальной структурой общества, образованием сословий, браком и разводом, положением членов семьи, крепостничеством, государственностью и другими проблемами. Настало время ответить на вопрос, насколько успешно выполняло свои функции уголовное и гражданское право в России. С этой целью в данной главе будет дан краткий очерк истории судебных учреждений, процессуального и уголовного права, проведено сравнение официального права с обычаем. Кроме того, будет рассмотрена история преступности и пенитенциарной системы в XIX—начале XX в. и сделана оценка быстроты и объективности судебных приговоров. В очерках по истории права придется заглянуть в XII—XVII вв., так как древние нормы права сохранялись в обычном праве до конца императорского периода.¹

ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

В зависимости от источников права различные правовые системы можно свести к трем типам: 1) обычному праву, 2) судебному праву, основанному на судебном решении и 3) законодательному праву. Общества, в которых доминирует обычное право (например, страны третьего мира), являются традиционными — в них на первом плане находятся традиции и коллектив, нормы права тесно связаны с религией и моралью. Обычное право формируется практикой, процесс его выработки носит спонтанный, коллективный характер; оно формально не фиксируется, вследствие чего доказать наличие его нормы не всегда легко.

Судебное право в некоторых обществах, например в Англии, также представляло собой первоначальный источник права. Однако его удельный вес в правотворчестве снижался по мере того, как общественным органам власти удавалось заранее разработать общие, абстрактные нормы права, а также в той степени, в какой возрастали объем и значение законодательства. Одновременно функции судьи все более специализировались и ограничивались. Суд все больше становился органом применения, а не создания правовых норм. Судебное решение создавало норму права только в том случае, если оно исходило от высшего судебного органа, компетентного окончательно разрешить возникший спор.

Если обычное право есть результат стихийного создания права, то законодательство — результат целенаправленного правотворчества, осуществляемого компетентными органами с соблюдением специальной процедуры, это предустановленное, формально выраженное в письменной форме право. Его содержание может быть определено весьма точно. Законодательное право налицо тогда, когда юридическая норма устанавливается узаконенным официальным путем, носит всеобщий характер и доведена до общества посред-

ством опубликования. Это способ непосредственного создания юридических норм.²

В России в течение императорского периода действовали законодательное и обычное право, сферой приложения первого был преимущественно город, второго — деревня, точнее — крестьянство. Для того чтобы получить представление о том, как функционировало право, необходимо познакомиться с тем и другим и сравнить их.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Источники права

Формально и фактически Соборное уложение 1649 г. действовало до 1835 г., когда был введен в действие Свод законов Российской империи, 15-й том которого заключал уголовное законодательство (во избежание путаницы напомним, что Свод законов был подготовлен в 1832 г. и, хотя вошел в силу в 1835 г., считается Сводом законов 1832 г.). В 1845 г. вступило в силу Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. В течение почти столетнего периода Соборное уложение постоянно дополнялось новыми указами, регламентами и уставами, которые нередко входили в противоречие с прежде изданными. Например, в петровское царствование важное значение имели «Воинские артикулы» 1715 г., которые являлись составной частью Воинского устава и касались вопросов о преступлениях военнослужащих и наказаниях за них. На практике «Воинские артикулы» применялись и в отношении гражданских лиц, в особенности за совершение государственных и служебных преступлений. В царствование Екатерины II важное значение имели Наказ Екатерины членам Комиссии для составления нового Уложения 1767 г., Учреждение для управления губерний 1775 г., Устав благочиния 1782 г., Жалованная грамота дворянству и Жалованная грамота городам 1785 г. В 1864 г. Уложение о наказаниях 1845 г. было дополнено Уставом о наказаниях 1864 г. и значительно изменено при переиздании его в 1885 г. В 1903 г. было утверждено новое Уголовное уложение, которое стало постепенно, по отдельным частям, входить в силу с 1904 г.³ Вследствие этого 15-й том Свода законов, который включал уголовное право, тоже действовал в тех своих частях, которые еще не упразднены новым Уголовным уложением. После принятия Основных законов, которые являлись российской конституцией, и учреждения Государственной думы в 1906 г. нормы Уголовного уложения 1903 г. и Уложения о наказаниях 1845 г. подверглись ревизии, приводились в соответствие с конституцией, дополнялись новыми положениями. Это продолжалось до 1916 г., когда был в последний раз издан 15-й том Свода законов Российской империи, включавший Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (с дополнениями и исправлениями) и Уголовное уложение (с новыми и дополнительными статьями), введенными в действие.

До издания Свода законов в 1832 г. судьи пользовались разными сборниками законов и полагались на память: «Что касается до законов уголовных, относящихся как до следствий, так и до решения дел, напрасно думают, что до издания Свода трудно было узнать их, — указывает М. А. Дмитриев, работавший судьей в 1825—1833 гг. — Их было не так много, как воображают, ибо из всей кипы старых законов в ходу были немногие. Из всего „Уложения“ царя Алексея Михайловича нужна была только 10-я глава, потом — для следствий — „Воинские процессы Петра Великого“, а для решения дел „Воинские артикулы“, отчасти Воинский и Морской уставы. Из всех названных мною томов применялись только несколько пунктов, которые мы знали наизусть. <...> Потом манифест Екатерины, кажется, 1784 года, раз-

деляющий воровство на четыре степени: разбой, грабеж, кража и мошенничество; и знаменитый ее же манифест 1787 года о спокойствии, или о поединках. Две-три статьи Наказа и немногие законы Александра: вот и все».⁴

Основные понятия уголовного права в их историческом развитии

Основные понятия уголовного права со временем претерпевали важные изменения. Их изучение представляет большой интерес, поскольку в них отразились перемены в социальных отношениях, а также и в общественных взглядах на личность и криминальное поведение.

Понятие преступления. Современное понятие преступления включает в себе два атрибута, или признака, — внешний и внутренний. Внешний атрибут— это совершение деяния, воспрещенного законом, либо преступное упущение или бездействие, также предусмотренное законом; внутренний атрибут— наличие у совершившего правонарушение виновности, преступного намерения, или воли. Только при наличии обоих признаков противоправное деяние считается преступным и подлежит наказанию. Данное понятие преступления, связывающее противозаконное деяние и преступную волю человека в единую систему, устанавливалось долго и постепенно. *Уголовному праву XI—XIII вв. было чуждо понятие преступления как нарушения закона.* Преступление понималось как действие, направленное в первую очередь против личности, как материальный, физический или моральный ущерб, нанесенный отдельному человеку, во вторую очередь — как нарушение общественного мира и спокойствия, а в некоторых случаях и как оскорбление всего коллектива, к которому пострадавший принадлежал. Это следует из того, что кроме возмещения убытка потерпевшему нарушитель платил штраф в пользу общественной власти.⁵ Однако в праве не проводилось различия между уголовным и гражданским нарушением, или деликтом, — всякое правонарушение рассматривалось как посягательство на материальные интересы потерпевшего, а потому преследование нарушителя и его наказание принадлежали пострадавшей стороне, и всякое уголовное дело могло оканчиваться примирением сторон. В связи со специфическим пониманием преступного деяния в эту эпоху в законодательных памятниках, например в Русской правде, преступное действие называлось «обидой», хотя в русском языке того времени существовало и пришедшее из греческого языка слово «преступление». «Обида» означала несправедливое притеснение, насилие, нарушение прав, оскорбление, а также материальное притеснение и ущерб, в то время как под «преступлением» имелось в виду нарушение закона, присяги (крестного целования), устава, заповеди, обета и т. п., а также проступок, грех, прегрешение.⁶ Термин «обида» соответствовал тому, что считалось в то время преступлением, — этим и объясняется предпочтение, которое отдал законодатель слову «обида». Таким образом, хотя в законодательстве преступление рассматривалось как частно-общественное деяние, акцент делался на нарушении частных, а не общественных интересов.

В XV—XVII вв. постепенно происходили изменения в понимании преступления, которые кристаллизовались в Соборном уложении 1649 г., где преступление стало трактоваться как нарушение царской воли и установленного государством правопорядка, как посягательство на огражденные законом права частных лиц, как антиобщественное деяние. В соответствии с новым пониманием преступления преследование преступника и его наказание постепенно переходили от потерпевшего и общины, к которой он принадлежал, к государству, а во всех делах, хоть в какой-либо степени затрагивавших интересы последнего, Соборное уложение утвердило абсолютный приоритет государства в расследовании. Существенно отметить, что государственные органы не только не прекращали дела, если потерпевшая сто-

рона мирилась с преступником, что широко практиковалось в XI—XIII вв., но наказывали ее за это. Государство приняло на себя функцию общественного мстителя. Для обозначения преступного деяния вместо «обиды» стало использоваться словосочетание «лихое дело», которое означало плохой, дурной, злой поступок, действие.⁷ Именно этот термин, а не слово «преступление», соответствовал пониманию преступного действия в законодательстве, которое не проводило четкого разграничения между уголовным деянием и гражданско-правовым нарушением. Таким образом, хотя еще Судебник 1550 г. провозгласил закон единственным источником права, понятие преступления как нарушения закона в XVI—XVII вв. не утвердилось. Тем не менее публично-правовое воззрение на преступление вытеснило частноправовой взгляд, доминировавший в XI—XIII вв., и в этом состояло значительное достижение уголовного права XV—XVII вв.⁸

В законодательстве первой четверти XVIII в., в царствование Петра I, преступное деяние впервые определялось как нарушение закона, но в понятие преступления входило также нарушение повелений самодержавной власти, посягательство на государственные интересы, понимаемые очень широко. Сам император понимал преступления как «все то, что вред и убыток государству приключить может». Данное понимание преступления было значительным шагом вперед, поскольку нарушение закона ставилось в центр понятия преступления. Не случайно именно в петровском законодательстве — в «**Воинских артикулах**» 1715 г. **преступное деяние получило наконец название преступления.**⁹ И все же определение преступления в законодательстве Петра I и его ближайших преемников не позволяло отделить преступное деяние от гражданского деликта, так как, во-первых, и мятеж, и убийство, и ношение бороды, и порубка заповедного леса являлись одинаково важными деяниями, заслуживавшими смертной казни, ибо все они нарушали повеления самодержавной власти,¹⁰ и, во-вторых, в законе не было четко определено, какие именно деяния воспрещались под угрозой уголовного наказания. В силу этого на практике наказания нередко подвергались лица за деяния, не запрещавшиеся законом, но противоречившие государственным интересам, которые, учитывая противоречивость законов, каждый судья мог понимать по-своему.¹¹

Екатерина II в Наказе, служившем руководством депутатам Комиссии для составления проекта нового Уложения, учрежденной в 1767 г., дальше развила понятие о преступлении. Она определила преступление как деяние, запрещенное законом, так как оно противоречит общему и частному благу. Из этого определения следовало, что при квалификации деяния как преступного необходимо принимать во внимание два основания: 1) факт нарушения закона и 2) происходящий от него общественный и частный вред. Отказ от формального взгляда на преступление, в соответствии с которым один факт совершения правонарушения был достаточным для заключения о виновности человека в совершении преступления, позволял более четко отделять преступление от гражданского нарушения, или деликта. Екатерина II впервые сформулировала в том же Наказе (гл. 6, ст. 41—42) принцип, согласно которому, все, что не запрещено законом, то дозволено. Новое понимание преступления нашло отражение в законодательстве. Например, в Уставе благочиния 1782 г. проведено разграничение между полицейским нарушением, или проступком, не влекущим за собой уголовного наказания, и преступлением в собственном смысле этого слова. Не все идеи Наказа были воплощены в жизнь, так как Комиссия по разным причинам не составила нового кодекса законов, но он оказал заметное влияние на правовое сознание образованного общества и на судебную практику.

Понимание преступления как противозаконного действия было зафиксировано в 15-м томе Свода законов 1832 г. В Уложении о наказаниях 1845 г. данное понятие было развито и приблизилось к современному пониманию

преступления. Преступное деяние определялось как наказуемое противозаконное действие, а также неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано. Из этого следовало, что противоправность и определенная в законе наказуемость являлись важнейшими признаками преступления, что наказание за преступление должно находиться в точном соответствии с законом. Одновременно в общую часть Уложения о наказаниях 1845 г. было внесено в качестве общего требования указание о необходимости отличать уголовное преступление от деликта. Данное определение преступления разделяли российские юристы конца XIX—начала XX в.,¹² и оно вошло в Уголовное уложение 1903 г.

Важный аспект объективного нарушения закона состоял, как было указано, в преступном упущении или бездействии, к которому относилось и недонесение о готовящемся или совершенном правонарушении. Правовая обязанность извещать великого князя о готовящемся против него заговоре впервые предусматривалась так называемыми крестоцеловальными записями, которые давали представители правящей элиты в конце XV—XVI в., и в присяге царю Василию Шуйскому в 1606 г. (в них, правда, ничего не говорилось о наказании за умолчание).¹³ В русском уголовное законодательство понятие о преступном бездействии под названием «извета» (что соответствует современным терминам «донесение», «сообщение»¹⁴) было введено Соборным уложением 1649 г., которое предусматривало наказание в виде смертной казни за умолчание (недонесение) о заговоре или каком-либо злом умысле против царя. Обязанность донесения не распространялась на другие преступления.¹⁵ В петровское царствование было дано новое понимание преступного бездействия, к которому было отнесено не только недонесение о всех политических преступлениях и деяниях, нарушавших государственные материальные и иные интересы, умолчание о беглых, ворах и разбойниках,¹⁶ но также и преступное бездействие чиновников, начиная от сенаторов и кончая канцеляристами, при нахождении на службе.¹⁷ В случаях политических и государственных преступлений субъект преступления расширился за счет духовных лиц, которые обязывались сообщать о замыслах против государственных интересов, услышанных на исповеди, если исповедовавшийся в них не раскаялся. Закон о недонесении способствовал увеличению числа доносов во второй половине XVII в., но при Петре I доносительство приняло особый размах и охватило широкие слои населения. Разумеется, страх наказания за умолчание играл определенную роль.¹⁸ Но не все сводилось к страху. По-видимому, имелись другие не менее важные причины. Во-первых, священность личности царя — помазанника Божьего — делала большим грехом всякое против него слово и недонесение об этом. Тем более что простые люди XVII—XVIII вв. верили в магическое значение слова. Во-вторых, доносители стремились идентифицировать себя с царем, властью, авторитетом, и донос служил средством для этого. Во времена больших социальных потрясений и изменения системы ценностей идентификация с властью служит своего рода защитой от неопределенности и внутренней смуты. Не случайно, что со второй половины XVIII в. началось уменьшение числа доносов, и эта тенденция продолжилась впоследствии. Можно предположить, что уменьшение доносительства было связано не только с тем, что само правительство, начиная с Петра III, принимало против него меры,¹⁹ но главным образом с тем, что жизнь вошла в новую колею и потребность в идентификации с властью потеряла свою остроту и актуальность.

Свод законов 1832 г., Уложение о наказаниях 1845 г. (ст. 124—127, 132—134, 185, 271, 274, 347—350) и Уголовное уложение 1903 г. (ст. 99—102, 163—164, 643—652) расширили состав преступления о недонесении, предусмотрев наказание за недонесение о любом замышленном или содеянном уголовном преступлении, и одновременно увеличили состав лиц, обязанных доносить, включив в их число кроме чиновников также лиц, находившихся на обще-

ственной службе, и вообще любого взрослого человека. Ответственность чиновников за преступное бездействие была подтверждена в 1811 г. в «Общем учреждении министерств»,²⁰ в 1832 г. в Своде законов (т. 15, ст. 278), в Уложении о наказаниях 1845 г. (ст. 368—372, 414, 435—439, 475—476, 483, 528),²¹ в Уголовном уложении 1903 г. (ст. 643—652 и др.).²² Таким образом, со временем преступное бездействие трактовалось все более широко, достигнув своего апогея в Уголовном уложении 1903 г. Там оно понималось не только как бездействие граждан в охране политических и государственных интересов, как это было во второй половине XVIII—начале XVIII в., но и как бездействие в охране интересов частных лиц и общества в самых разнообразных формах: уклонение от участия в суде в качестве свидетеля, эксперта или присяжного, недонесение о преступлении против частного лица, умолчание о появившейся эпизоотии и других опасных для жизни человека явлениях и т. п. Благодаря этому акцент в понимании законом преступного бездействия изменился: требование помогать государству было дополнено требованием помогать ближнему, что несомненно свидетельствовало о социальном прогрессе, вносимом уголовным правом в правосознание и жизнь общества.

С вопросом объективного вменения преступления тесно связан вопрос о *составе преступного деяния*. И в этом отношении русское уголовное право также прогрессивно развивалось. В киевский и московский периоды уголовные законы при характеристике преступления чаще всего ограничивались лишь его наименованием. Например, Соборное Уложение 1649 г. за первое воровство приговаривало преступника наказывать кнутом, отрезать левое ухо, посадить в тюрьму на два года, конфисковать имущество в пользу пострадавшего, а после тюрьмы отправить в кандалах на принудительные работы. За второе и третье воровство наказание ужесточалось. Ни виды воровства, ни величина ущерба, ни форма вины не различались. Аналогично обстояло дело с разбоем. За первый разбой закон предусматривал отрезать правое ухо, заключить в тюрьму на три года, конфисковать имущество, а после тюрьмы принудительные работы. За второй и третий разбой наказание ужесточалось.²³ Никакой дифференциации разбоя, как и других видов преступлений, не делалось, и самого определения конкретного преступления не давалось. Очевидно, что нечеткое определение состава преступления создавало почву для судебного субъективизма и приводило к нарушению принципа адекватности наказания преступлению. В течение XVIII—первой трети XIX в. в уголовных законах состав преступления стал определяться более четко. Начиная со Свода законов 1832 г. в законодательстве в большинстве случаев закон не только определял все существенные признаки состава преступления, но и те признаки, в силу которых данное деяние являлось наказуемым. Лишь в тех случаях, когда состав преступных деяний являлся совершенно простым и не вызывал юридических недоразумений, закон ограничивался наименованием преступления.²⁴

Таким образом, понятие преступления с *объективной стороны* прошло длительную эволюцию. Оно развивалось, во-первых, от понимания преступного деяния как личной обиды к пониманию его как антиобщественного действия, от частного-правового к публично-правовому взгляду на преступление; во-вторых, от смешения уголовных деяний и деликтов к их разделению; в-третьих, от понимания преступления как деяния, нарушающего царскую волю и государственный интерес, к его пониманию как деяния, нарушающего закон; наконец, от понимания преступления как деяния, заслуживающего мести или материальной компенсации, к пониманию его как деяния, влекущего за собой уголовную репрессию в форме, четко определенной в законе. Понимание преступления как преступного действия было дополнено со временем понятием преступного бездействия. Четкое определение преступления оставляло мало места для субъективизма судей.

Параллельно с развитием понятия о преступлении как объективном нарушении закона развивалось и понимание преступления как *субъективного нарушения закона*. В древнейшее время господствовал принцип объективного вменения: есть правонарушение — есть и преступление. При таком представлении о преступлении субъектом преступления наряду с человеком признавались животные и неодушевленные предметы. В памятниках русского уголовного права X—XIII вв. не зафиксировано случаев суда над животными, причинившими смерть человеку, но известны случаи наказания животных и предметов без суда. Например, в 1593 г. был наказан кнутом и сослан из Углича в Сибирь колокол за то, что после смерти царевича Дмитрия он был использован для сбора толпы, которая устроила беспорядки; в первой трети XVII в. в Москве была казнена обезьяна за то, что забежала в церковь и произвела там беспорядок.²⁵ Наказание животных и неодушевленных предметов в XVI—XVII вв. являлось пережитком древнего уголовного права, когда животные и предметы могли быть субъектами преступления, когда не проводилось различия между умышленным и неумышленным преступлением, не принимались во внимание невменяемость лица, совершавшего правонарушение, случайность, неосторожность, необходимость обороны и другие важные обстоятельства объективно преступного деяния. Однако уже законодательство киевского периода различало умышленные и неумышленные преступления (правда, не используя этих понятий), хотя весьма нечетко и непоследовательно и лишь относительно некоторых преступлений. Например, разбойное нападение считалось как бы умышленным преступлением, а преступление, совершенное в ссоре, в драке или в нетрезвом виде во время большого званого угощения (на пиру), — неумышленным. Однако главным признаком преступления считался все же материальный вред.

В XV—XVII вв., особенно в Соборном уложении 1649 г., разделение на умышленные и неумышленные преступления было последовательно проведено, однако влияло на тяжесть наказания лишь в отношении убийства. Тогда же возникли понятия неосторожного деяния, необходимой обороны и крайней необходимости, но они определялись еще нечетко и поэтому слабо дифференцировались и применялись непоследовательно в том смысле, что для одних преступлений эти обстоятельства учитывались, для других — нет. Вместе с тем объективный подход к преступлению еще преобладал. Это проявлялось в нечетком разделении ступеней преступной деятельности, в том, что члены семьи преступника подвергались наказанию, а случайное причинение вреда вменялось в вину, а также в том, что к преступлениям, кроме убийства, не применялось деление на умышленные и неумышленные. В петровское царствование достижения уголовного законодательства XVII в. не были утрачены, но и не получили дальнейшего развития. Например, в «Воинских артикулах» 1715 г. разделение правонарушений на умышленные и неумышленные принималось в расчет лишь при убийствах. Случайность, неосторожность и необходимость обороны признавались, но непоследовательно и нечетко. Наметившаяся в XVII в. тенденция установления вины не развивалась, принцип объективного вменения преобладал, так как наказание зависело главным образом, а часто и исключительно, от факта объективного совершения преступления без учета вины. Вследствие этого по-прежнему могли наказываться невинные, а виновные — избегать наказания, в судопроизводстве большую роль играл субъективизм судей, наказание не всегда было адекватным противоправному деянию.

Во второй половине XVIII в. виновность, или преступная воля, стала чаще приниматься во внимание, разумеется, настолько, насколько это понятие было развито в законодательстве; и постепенно, ко времени создания Свода законов 1832 г., виновность стала обязательным признаком преступления. Однако пережитки сугубо объективного подхода к преступлению долго сохранялись. Так, в XVIII—XIX вв. все члены сельских общин несли фи-

нансовую ответственность за лиц, не уплативших в срок налоги, в XIX в. редактор журнала или газеты нес ответственность за содержание напечатанных в них статей. Однако это были все-таки исключения. Как правило, преступление стало рассматриваться в единстве преступного деяния и умысла. Это явилось важным достижением уголовного права, так как делало суд более объективным и справедливым.

Понятие о *степенях развития преступной деятельности* также является важным в уголовном праве. В Уголовном уложении 1903 г. различались следующие ступени преступного деяния: умысел, приготовление, покушение, добровольно оставленное покушение, покушение с негодными средствами, неудавшееся преступление, окончание преступного деяния. При этом каждая ступень деяния четко определялась и ей соответствовало определенное наказание. Но к этому уголовное право пришло постепенно. Долгое время дифференциация преступного деяния по степеням отсутствовала, что вело либо к уравниванию разных ступеней преступной деятельности в отношении наказания (например, наказания за незавершенное преступление были столь же суровы, как и за завершенное), либо к игнорированию некоторых видов преступной деятельности (лицо, совершившее преступление до конца, как правило, наказывалось чрезвычайно сурово независимо от последствий, а добровольно оставленное преступление не наказывалось). Понятия о покушении и умысле впервые появились в Соборном уложении 1649 г.: первое применялось к преступлениям против личности и государства, второе — только к политическим делам, при этом «голый умысел» наказывался как совершенное преступление. Угроза рассматривалась как самостоятельное преступление, но наказание увеличивалось, если доказывалось, что за угрозой действительно скрывался преступный замысел. Неудавшееся преступление приравнивалось к покушению, а действие, превысившее намерение преступника, приравнивалось к совершенному преступлению.²⁶ В XVIII— первой трети XIX в. понимание различных ступеней преступления мало изменилось, хотя Екатерина II провозгласила в Наказе ненаказуемость голого умысла. Как и прежде, голый умысел в политических преступлениях наказывался одинаково с совершенным преступлением. Различные стадии преступления чаще всего уравнивались и не оказывали влияния на тяжесть наказания. Только в Своде законов были даны более или менее четкие понятия ступеней преступного деяния, которые были усвоены и развиты в Уложении о наказаниях 1845 г. и в дальнейшем законодательстве. Принцип современного уголовного права «с мысли пошлости не берут» получил признание в русском уголовном праве только с 1845 г., и хотя имелись исключения, но они были именно исключениями из правила. Развитие понятия о преступлении как единстве объективной и субъективной сторон имело решающее значение для дифференциации в законе стадий преступления. Когда последнее понималось только как нанесение материального ущерба, различие стадий преступного деяния не имело смысла.

Субъект и объект преступления. В XI—XIII вв. субъектом преступления выступал свободный человек, который совершал преступление и нес за это наказание, — это было лицо, обладавшее свободной волей и сознанием. Так как холоп, по воззрениям людей того времени, не обладал свободной волей, то за совершенное им преступление перед потерпевшим нес ответственность его господин. В XV—XVII вв., в частности в Соборном уложении 1649 г., субъектами преступления стали считаться все лица, включая холопов, и признавалось равенство ответственности перед уголовным законом. В утверждении законом всеобщей ответственности за уголовные преступления отразился важный сдвиг в общественном сознании: признавалось наличие у каждого человека независимо от его социального статуса свободной воли, а также равенство всех людей с психологической и нравственной точек зрения. В этом сказалось влияние христианства, которое считало всех людей

равно ответственными перед Богом за совершенные ими прегрешения, поскольку понятия преступления и греха во многом совпадали. Такой вывод логично следует из того, что только в XVI—XVII вв. крестьянство по-настоящему приняло христианство.²⁷

В качестве субъекта преступления в уголовном праве вплоть до 1803 г. весьма часто выступали семья, сельская или городская община, воинское подразделение. Например, в XI—XIII вв. в случае неотыскания общиной убийцы вся община платила штраф. В XV—XVII вв. вся община платила штраф за неисполнение любой своей полицейской обязанности: за укрывательство беглых, за совершение преступления на ее территории и т. п. В петровское царствование наказание применялось ко всем без исключения лицам, бывшим во время совершения известного преступления в данном месте, доме, деревне. Если участие в преступлении некоторого, но неизвестного числа лиц из данного коллектива было доказано, то «виновных» выбирали по жребию или на основании децимации — каждого десятого. Ответственность семьи за правонарушение, совершенное одним из ее членов, возросла. Например, если дворянин не являлся вовремя на службу — что считалось уголовным преступлением, то ответственность за него несли его жена, дети и родственники, жившие с ним одной семьей. Соответственно за детей и жен несли уголовную ответственность родители и мужья. Групповая ответственность перед государством покоилась на концепции круговой поруки, предполагаемой виновности и на презумпции, что в семье или общине не могли не знать о преступлении, что плодами преступления пользовались все члены семьи или общины. Разумеется, для современного человека это звучит странно, но, как мы видели в главах, посвященных общине и семье, коллективизм был действительно им присущ, и секретов в общине и семье практически не существовало. Закон это обстоятельство и учитывал, привлекая членов коллектива к ответственности как соучастников. Лишь в 1782 г. закон отменил ответственность родителей и детей друг за друга. Принцип исключительно личной ответственности за все уголовные преступления в уголовном праве окончательно утвердился в 1803 г.²⁸ С этого времени ответственность за преступное деяние несли только непосредственные исполнители; семья, община, а также любое юридическое лицо не могли быть виновниками преступного деяния. За оскорбительное письмо, написанное от имени общины, нес ответственность староста или лица, подписавшие его. За неисполнение полицейских обязанностей общиной ответственность ложилась на старосту. За подлог, совершенный выборными должностными лицами, ответственность несли сами эти лица и т. д. Однако уголовная безответственность не освобождала юридических лиц от ответственности гражданской, в частности — от обязанности вознаграждения за вред и убытки.

Понятие *коллективного преступления* в XI—XIII вв. отсутствовало, а в XV—XVIII вв., в том числе по Соборному уложению 1649 г., все участники преступления несли равную ответственность независимо от их роли в преступлении, хотя формы соучастия были известны — подстрекатели, инициаторы и непосредственные исполнители. Законодательство XVIII в. придерживалось той же точки зрения. Возникает вопрос: с какой целью закон предусматривал дифференциацию соучастников, если все они наказывались одинаково? Дело заключалось, вероятно, в следующем. Во-первых, круговая ответственность являлась важнейшим принципом общественных отношений. А поскольку в данном случае имелся коллектив преступников, то и поступать с ним следовало на основе равной круговой ответственности. Во-вторых, хотя понятие вины в законодательстве существовало, но понятие формы вины было крайне слабо развито, что вело к назначению одинакового наказания для всех участников преступления. В-третьих, до начала XIX в. наказание имело целью устрашение и назидание, в силу чего с точки зрения законодателя не имела смысла тонкая дифференциация наказания в

зависимости от степени вины. Наконец, коллективные преступления, как правило, являлись наиболее тяжкими, часто носили характер политический, антигосударственный и антиобщественный, подрывали существовавший общественный порядок. В таких случаях в соответствии с традиционным правилом «лучше наказать невиновного, чем освободить от ответственности виновного», законодатель предпочитал всех, так или иначе замешанных в преступлениях против общественного порядка, карать строго и одинаково. Что же касается оценки роли отдельных участников, то она имела не юридическую, а политическую цель — выявить наиболее опасных для государства и общества лиц.

Формально только в Своде законов 1832 г. была установлена индивидуальная ответственность за соучастие в коллективном преступлении. Однако на практике это произошло раньше. Например, участники выступления декабристов в 1825 г. и лица, принадлежавшие к обществам декабристов, были дифференцированы по степени вины и получили различные наказания. Законодательство 1832 г. просто следовало за практикой. При этом закон различал зачинщиков, подстрекателей, пособников, участников, главных виновников и назначал им различные наказания. В Уложении о наказаниях 1845 г. эти понятия были определены еще четче и тоньше. Учет ролевой структуры коллективного преступления говорит о том, что уже в первой трети XIX в. точка зрения на коллектив преступников как недифференцированную группу людей стала анахронизмом. **Введение в уголовное право понятий формы вины и индивидуальной ответственности и изменение взгляда на коллективное преступление явились следствием того, что круговая порука постепенно отменялась, процесс индивидуализации личности прогрессировал, обцинные отношения превращались в общественные связи.**

Существенно изменилась со временем интерпретация еще одного ключевого понятия в уголовном праве — *объекта преступления*, имеются в виду люди, предметы или идеи, на которые направлено деяние и которые защищены законом. Не всегда объектами преступления были все физические и юридические лица. В XII—XIII вв. закон защищал права свободных и дееспособных людей, поэтому объектом преступления могли быть права лица, имевшего полную дееспособность. В силу этого раб, или полный холоп, не являлся объектом уголовного преступления, поскольку его убийство являлось не преступлением убийства, а гражданским преступлением истребления чужой вещи. Если раб оскорблял свободного, он мог быть убит пострадавшим без всякого наказания. Малолетние дети не являлись объектами преступления для своих родителей, которые не наказывались ни за побои детей, ни за их убийство и имели право продать их в рабство. Убийца во времена кровной мести, т. е. примерно до XIII в., не защищался законом и в силу этого не был объектом преступления. Вор, застигнутый на месте преступления, мог быть убит «как собака».²⁹ В киевский период религиозные верования не стали еще объектом преступления ни по закону, ни на практике, хотя уже тогда были зафиксированы случаи расправы с «волхвами». Но последние наказывались не за еретичество, т. е. не за исповедание другой веры, а за вред, ущерб, который они, по мнению людей той эпохи, наносили обществу своим «волшебством».

В XV—XVII вв. **объектом преступления** помимо прав физических лиц стал сам **общественный строй**, установленный государством и церковью, законы и повеления верховной власти, а также и господствовавшие **верования и мировоззрение**. На Московском церковном соборе 1551 г. было принято решение о запрещении языческих обрядов, волхвования, чародейства, кудесничества, скоморошества, а также о сохранении благочиния в церквях (ст. 53, 57, 63). В отношении еретиков стала применяться смертная казнь по приговору церковных соборов. В Соборном уложении 1649 г. впервые уголовно наказуемым через смертную казнь стало поношение (хула, богохуление) Бо-

га, Христа, Богородицы, креста и святых (гл. 1, ст. 1), а также переход в бусурманскую веру (мусульманство) (гл. 22, ст. 24). На практике богохуление трактовалось шире — как неверие, отрицание Бога,³⁰ что уже имело прямое отношение не к оскорблению чувств верующих, а к вере и мировоззрению человека. В XVIII—первой половине XIX в. отвлеченные идеи и верования мало-помалу переставали быть объектом преследования, если они не нарушали права лиц. Но рецидивы случались, например, при Екатерине II преследовались масоны, при Николае I — философы и т. д.

По Соборному уложению 1649 г. дети защищались законом и поэтому стали объектом преступления: за их убийство родителям грозило годичное заключение в тюрьме и церковное покаяние, которое заключалось в том, что родители должны были приходиться в церковь своего прихода и объявлять всенародно о своем грехе. За убийство незаконнорожденного ребенка матери грозила более суровая кара — смертная казнь (гл. 22, ст. 3, 26), так как считалось, что вина убийства отягчена виной «блуда» и стремлением его скрыть. По «Воинским артикулам» 1715 г. за убийство любого ребенка грозила смертная казнь — наказание, присуждаемое за умышленное убийство взрослого, в чем отражалось повышение статуса детей в общественном сознании. Уложение о наказаниях 1845 г. (ст. 1920—1924) и Уголовное уложение 1903 г. сохранили этот принцип, только наказание было уменьшено, так же как и за убийство незаконнорожденного. Если дети в конце концов сделались объектом преступления, то полные холопы не стали таковыми вплоть до отмены холопства в 1719 г. Однако женщины и крепостные всегда являлись объектом преступления, что говорит о том, что социальная дистанция между мужчиной и женщиной была не столь значительной, а между крепостным и полным холопом — весьма существенной.

Объектом преступления не мог быть человек, посягавший на собственные блага, если это не нарушало прав других лиц, за исключением самоубийц. До Петра I к лицам, покушавшимся на самоубийство, но не завершившим его, применялись лишь церковные наказания: если самоубийцы хоронились за пределами обычного кладбища и лишались церковного обряда погребения, то покушавшиеся на самоубийство временно отлучались от церкви. «Воинские артикулы» 1715 г. (арт. 164) умышленное самоубийство, совершенное человеком без признаков психической болезни, приравнивали к убийству и предписали совершать позорящий ритуал: палач должен был волочить тело самоубийцы по улицам или лагерю и закапывать в бесчестном месте. Покушение на самоубийство каралось как убийство — смертной казнью, а если человек совершал его от угрызений совести или в беспомощности, наказание смягчалось. Свод законов 1832 г. предусматривал за покушение на самоубийство каторжные работы, самоубийца лишался церковного погребения. Уложение о наказаниях 1845 г. смягчило наказание: за покушение полагалось только церковное покаяние, а самоубийца лишался церковного погребения, и его духовное завещание признавалось недействительным. В Уголовном уложении 1903 г. вопрос о самоубийстве вообще не рассматривался и потому становился делом семьи самоубийцы, хотя церковный взгляд на самоубийство не изменился. Как видим, отношение к самоубийцам со временем изменилось от фанатически нетерпимого к гуманному, в чем проявлялась общая гуманизация человеческих отношений в России.

С 1832 г. и вплоть до 1917 г. единственным объектом преступления стал закон: «Всякое нарушение закона, — гласила 1-я статья Уложения о наказаниях 1845 г., — через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных, есть преступление». И это являлось огромным достижением русского уголовного права, потому что с этого времени **все физические и юридические лица стали объектами преступления и только нарушение того, что запрещал или предписывал закон, стало считаться преступ-**

лением, а то, что не запрещалось или не предписывалось, преступлением не считалось. Последовательное проведение этого принципа в жизнь постепенно превращало Русское государство в правовое. Однако на этом пути стояло серьезное препятствие, заключавшееся в том, что закон защищал от посягательств не все личные и политические права человека, а только некоторые — те, которые верховная власть даровала населению и считала законными. **Попытки использовать права, не дозволенные законом, рассматривались как уголовные преступления и преследовались по закону.** Например, поддерживая провозглашенный еще в XVIII в. принцип свободы вероисповедания, Уложение о наказаниях 1845 г. разделило религиозные верования на четыре класса: православие, другие христианские религии, ереси и расколы, нехристианские религии. Переход из одной веры в другую запрещался, за исключением перехода в православие, и влек за собой различные меры наказания от ссылки в Сибирь до каторги на 12—15 лет. Письменная и устная пропаганда любой религии, кроме православной, преследовалась (ст. 190—191, 195—197, 206—208, 213—217). В Своде законов 1832 г. и еще более четко в Уложении о наказаниях 1845 г. были сформулированы составы государственных преступлений, номенклатура которых была очень широка. Уголовному преследованию подвергались любые действия (или бездействия), направленные против императора и государства и ставившие своей целью ниспровержение, подрыв или *мирное* изменение существовавшего политического строя. Закон преследовал не только реальные попытки изменить общественное устройство, но и письменную или устную пропаганду, тайные общества, распространение слухов, демонстрации и бунты, оскорбления и явное неуважение к государственным учреждениям и чиновникам при отправлении ими должности, любое неповиновение властям. В 1867 г. было запрещено создание обществ, имевших не только политический, но и нигилистический и атеистический характер.³¹ Хотя нигилизм или атеизм в пореформенную эпоху почти всегда ассоциировался с революционной активностью и с личностью, оппозиционно настроенной к существовавшему общественно-политическому строю, нельзя не признать, что **в преследовании законом отвлеченных идей и верований безусловно сказался уголовный и политический атавизм.**

До реформ 1860-х—начала 1870-х гг. по закону личные права и свободы не были всеобщими. Права на место жительства, профессию, получение образования, на социальные перемещения, на частную собственность, на защищенность жизни, имущества и чести судом, на неприкосновенность жилища, тайну переписки, свободу совести, на защиту от обвинений и освобождение от телесных наказаний, а также характер — индивидуальный или коллективный — ответственности зависели от сословной принадлежности. Всю совокупность личных прав по закону дворянство, духовенство и купечество приобрели в основном к концу XVIII в. (в 1832 г. все они на время лишились права на самовольное оставление отечества), мещанство — в 1860-е гг., а крестьянство — лишь в 1905—1906 гг. Следует отметить, что личные права даже после Великих реформ подвергались некоторым ограничениям. Например, персональная свобода человека не была безусловной — она ограничивалась возможностью негласного полицейского надзора или нарушением тайны переписки.³² Свобода вероисповедания не была в полном смысле свободой совести, так как закон установил только равенство вероисповеданий, или веротерпимость. Неравенство в личных правах более не зависело от вероисповедания, исключая евреев-раввинистов, но каждый человек по-прежнему должен был принадлежать к какому-либо вероисповеданию и не имел права изменять веру, исключая перехода в православие. От этих и других ограничений страдали в основном нелояльные к существовавшему режиму граждане, прежде всего из среды интеллигенции. Из политических свобод уголовное право защищало до некоторой степени только свободу

печати, право участвовать в выборах в органы местного самоуправления и суда, с 1864 г. — в земства и суд присяжных. Что же касается политических прав (свободы слова, печати, собраний, уличных шествий и митингов, демонстраций, права самоуправления и объединения в общественные организации и союзы, права иметь парламент, всеобщего равного избирательного права), то они были получены, точнее — завоеваны всеми сословиями одновременно в ходе революции 1905—1907 гг. Таким образом, **до 1905—1906 гг. население по закону вообще не имело политических прав.** Однако, провозгласив в Своде законов 1832 г., что единственным объектом преступления является закон, государство не лукавило, так как оно по закону лишило все сословия политических прав, а ряд сословий — личных прав. Вследствие этого формально объектом преступления являлся действительно только закон, защищавший права императора, государства и частных граждан. Поэтому **о российском государстве между 1830-ми гг. и 1906 г. можно говорить лишь как о правомерном, а с 1905—1906 гг. — как о правовом де-юре, но де-факто только приближавшемся к правовому.**

Состояние невменяемости. В современном уголовном праве наказанию подлежат только виновные посягательства на правопорядок. Лицо несет ответственность за преступления только тогда, когда у него присутствует сознание неправоты действия и когда оно обладает необходимыми признаками, чтобы нести ответственность за содеянное, как говорят юристы, лицо должно быть способным ко вменению. При отсутствии таких признаков лицо признается невменяемым и не несет уголовной ответственности за содеянное им преступление. В таких случаях возложению ответственности на правонарушителя препятствуют невменяемые состояния — детство, сумасшествие, болезнь, престарелость и другие, понимание которых со временем изменялось. Поскольку вменяемость есть признак, от которого зависит признание деяния уголовно наказуемым, интерпретация вменяемости составляет принципиальный вопрос уголовного права. Как решался этот вопрос в русском уголовном праве в исторической перспективе?

Начнем с возраста (табл. VIII.1).

Таблица VIII.1
Изменения возраста ответственности по русскому уголовному законодательству в конце XVII—начале XX в.

Ответственность	1669 г.	1742 г.	1765 г.	1845 г.	1864 г.	1903 г.
Возраст						
Безусловная невменяемость	7-	7-	10-	10-	10-	10-
Условная вменяемость	—	—	—	7—13	10—13	10—13
Смягченная вменяемость	ad hoc	7—16	10-16	14—20	14—16	14-20
Полная вменяемость	ad hoc	17	17	21	17	21

До XVIII в. в соответствии с церковным правом, которое в случаях, обходившихся законом, действовало наряду со светским правом,³³ уголовная ответственность, по крайней мере за тяжкие преступления, наступала с 7 лет и наказание назначалось в соответствии с принципом ad hoc — смотря по обстоятельствам. Дети старше 7 лет освобождались лишь от смертной казни, остальные наказания они несли наравне со взрослыми или в смягченном виде.³⁴ В 1742 г. закон впервые определил возраст наступления полной уголовной ответственности — 17 лет. Лица, совершившие преступление в возрасте до 17 лет, вместо ссылки, кнута или смертной казни, подвергались наказанию плетями и отсылке в монастырь на 15 лет для использования на тяжелых работах.³⁵ В 1765 г. закон повысил предел полной невменяемости до 10 лет, а в остальном только детализировал существовавшее законодательство. В 1833 г. в уголовное законодательство вводится понятие *условной*

вменяемости: при вынесении приговора лицам в возрасте от 10 до 17 лет суд должен был учитывать «степень разума» правонарушителя и в зависимости от этого назначать уменьшенное наказание или вовсе от него освобождать. В 1845 г. были установлены новые возрастные пределы уголовной ответственности: до 10 лет — безусловная невменяемость, 10—14 — условная вменяемость, с 14 лет — полная вменяемость. Однако закон предусматривал уменьшение наказания для лиц в возрасте от 14 до 21 года и установил одинаковую ответственность совершеннолетних и несовершеннолетних в случае, если последние совершали рецидив. Уголовное уложение 1903 г. повысило возраст полной вменяемости до 21 года, а интервал смягченной вменяемости до 14—21 года (табл. VIII.1).

Колебания законодателя относительно определения возрастных пределов для уголовной ответственности показывают влияние на закон религиозной и народной традиции, а также и науки. Согласно православному церковному закону, к покаянию и причастию допускались дети в возрасте старше 7 лет, что означало, что церковь считала семилетний возраст границей наступления ответственности человека за поступки. В народной среде до начала XX в., а до XVIII в. во всем населении, «младенчество», или детство, продолжалось до 7 лет. До этого возраста девочки и мальчики не различались по полу и назывались одинаково младенцами или детьми. С 7 лет дети различались по полу, по одежде, назывались различно — отроками и отроковицами и начинали помогать родителям по хозяйству.³⁶ Вероятно, по этой причине ребенок до 7 лет освобождался законом от всякой ответственности за преступления. Под влиянием европейских педагогических идей эпохи Просвещения и лично Екатерины II в 1765 г. возраст невменяемости был повышен до 10 лет. Но православная церковь, всегда твердо придерживавшаяся традиции, не изменила своего взгляда на возраст наступления моральной ответственности. После эмансипации 1861 г. под влиянием требований российских юристов возраст невменяемости был окончательно утвержден в 10 лет. Церковь же осталась при своем мнении и допускала к причастию с 7 лет.

Колебания законодателя относительно возраста наступления полной уголовной ответственности были также связаны с противоречиями между светскими и церковными законами. До 1774 г. церковный закон разрешал вступление в брак с 12 лет для женского и с 15 лет — для мужского пола, в 1774 г. для женского пола бракоспособный возраст был повышен до 13 лет. Бракоспособный возраст, как известно, всегда считается показателем зрелости. Естественно, что церковь считала возрастом полной дееспособности 12—15 лет.³⁷ Этого же взгляда придерживалось и население всех сословий по крайней мере до XIX в. Например, в 1721 г. Петр I публично объявил о совершеннолетию своей дочери Елизаветы, когда той исполнилось 12 лет, и произвел соответствующий обряд: ввел дочь в собрание приближенных лиц, «обрезал (ножницами. — *Б. М.*) помочи с лифа ее робы (платье простого покроя. — *Б. М.*), отдал их гувернантке и объявил принцессу совершеннолетнею».³⁸ Вследствие того что возраст полной уголовной ответственности не совпадал ни с возрастом совершеннолетия по церковному и обычному праву, ни с бракоспособным возрастом, в судебной практике нередко случались отступления от закона.³⁹ Это заставило светские власти в 1830 г. увеличить бракоспособный возраст до 16 лет для женщин и до 18 для мужчин и запретить священникам под страхом уголовного наказания венчать людей моложе установленного законом возраста. Церковь подчинилась, но своего закона формально не отменила, не изменилось и обычное право.⁴⁰

В течение длительного времени не было ясности и по вопросу о старческом возрасте, который давал право на смягчение наказания. Только в 1798 г. закон установил верхний возрастной предел в 70 лет, который смягчал наказание: лица от 70 лет и старше освобождались от телесного наказания и клеймения и подвергались только ссылке. Уголовное уложение

1903 г. сохранило льготы на смягчение наказания при достижении 70-летнего возраста.

Обратимся к вопросу о невменяемости на почве психического заболевания. В XII—XIII вв. закон признавал раздражение (говоря современным языком — состояние аффекта) и опьянение обстоятельствами, смягчающими наказание. В XV—XVII вв. церковное право, с которым считались светские власти, предусматривало освобождение от ответственности душевнобольных («бесных» и «блаженных»), которые даже в случаях совершения ими политических преступлений не несли наказания. При отсутствии родственников душевнобольные наряду с инвалидами, полностью потерявшими трудоспособность, передавались в монастыри. При Петре I по закону опьянение стало считаться обстоятельством, отягчающим вину, но служебная ревность, под влиянием которой, например, офицер при наказании подчиненного засекал его до смерти, была отнесена к аффекту и наказание могло смягчаться до простого штрафа. При Петре душевнобольные были освобождены от всякой ответственности за преступление. Но законодательство его ближайших преемников установило наказание душевнобольных за совершение особо опасных преступлений, правда, в смягченном виде. Екатерина II восстановила петровскую норму. С тех пор в уголовном праве окончательно утвердился принцип невменяемости душевнобольных.⁴¹

Невменяемые состояния, которые освобождали от уголовной ответственности, были достаточно четко определены в Своде законов 1832 г. и в Уложении о наказаниях 1845 г. Последнее признавало шесть невменяемых состояний: 1) безумие от рождения; 2) сумасшествие, приобретенное в течение жизни; 3) болезнь, доводящая до умоисступления и беспамятства; 4) одряхление; 5) лунатизм; 6) немогучота от рождения или с детского возраста. Первые три состояния соответствуют современному понятию психического заболевания; под одряхлением имелось в виду то, что в настоящее время называется старческим маразмом; лунатизму соответствует современное понятие сомнамбулизма.⁴² Одновременно с этим в практику вводилось психиатрическое медицинское освидетельствование по определенной процедуре. Экспертиза была большим шагом вперед, она заменила практиковавшиеся прежде опросы родственников и соседей, где проживал правонарушитель, и мнение, а точнее сказать, впечатление, которое складывалось у судей о правонарушителе. В Уголовном уложении 1903 г. в соответствии с научными представлениями того времени были установлены критерии невменяемости, а шесть невменяемых состояний были сведены к трем: 1) умственная неразвитость, 2) болезненное расстройство душевной деятельности и 3) бессознательные состояния, которые охватывали различные конкретные случаи невменяемости. В этом отношении Россия шла в ногу с Западом.⁴³ Кстати, отметим, что медицинская экспертиза для выяснения причины смерти в случае убийства была введена в практику еще «Воинскими артикулами» 1715 г. (арт. 4).⁴⁴

В 1782 г. вновь изменилось отношение закона к совершению преступления в состоянии опьянения. При умышленном совершении преступления опьянение не принималось в расчет, при неумышленном — смягчало вину. В Своде законов 1832 г. и в Уложении о наказаниях 1845 г. опьянение смягчало вину в том случае, если правонарушитель не довел себя до опьянения специально, чтобы освободиться от ответственности (ст. 112, 186, 188 и др.). Преступление, совершенное в состоянии опьянения, приравнивалось к неумышленному деянию. В Уголовном уложении 1903 г. состояние опьянения дифференцировалось на степени и лишь полное опьянение, приводившее человека в бессознательное состояние и полностью лишавшее его контроля за своим поведением, смягчало вину.⁴⁵

Номенклатура составов преступлений. Принципиальное значение в каждом уголовном законодательстве имеет число составов преступлений, опре-

деленных в законе. В XII—XIII вв. номенклатура преступлений была незначительной, закон не предусматривал государственные, религиозные и многие другие преступления.⁴⁶ Небольшая номенклатура преступлений, закрепленных в законе, свидетельствовала о том, что большинство уголовных деяний рассматривалось и решалось по обычному праву, минуя официальные суды. В XV—XVII вв. номенклатура преступлений значительно увеличивалась, и в Соборном уложении 1649 г. они были классифицированы в четыре группы: 1) против веры и церкви; 2) против государства и особы государя; 3) должностные и против порядка управления; 4) против прав и жизни частных лиц. При Петре I преступления против веры, впервые кратко упомянутые в Соборном уложении 1649 г., чрезвычайно расширились, а наказания за них отличались большой жестокостью, например, принятие нехристианской религии каралось сожжением, а другого христианского вероисповедания — вечным заключением в монастырь, переход в старообрядцы светских лиц — каторгою, а священников — смертной казнью. С особой тщательностью разработана номенклатура государственных преступлений, в число которых были включены оскорбление государя и осуждение его действий и намерений, должностные преступления, а также преступления против порядка управления, включавшие буйство, драки, игру в карты на деньги, азартные игры, произнесение бранных слов в публичном месте, роскошь в одежде и экипажах, пьянство и др. Тогда же впервые в закон были включены преступления против нравственности, включавшие гомосексуализм, скотоложство, самоубийства и дуэли — все они жестоко наказывались. Эта тенденция к росту числа составов преступлений сохранилась вплоть до 1860-х гг. и указывала на то, что закон стал весьма активно регулировать общественную жизнь. После эмансипации 1861 г. начался обратный процесс: многие составы преступлений стали отменяться, о чем свидетельствует уменьшение числа статей в кодексах — Уложение о наказаниях 1857 г. издания содержало 2304 статьи, 1866 г. издания — 1711 статей, в Уголовном уложении 1903 г. имелось всего 687 статей — в 3.4 раза меньше, чем в 1857 г. Уменьшение числа статей — важное указание на то, что **тотальное и мелочное регулирование общественной жизни с помощью закона постепенно заменялось более либеральным и принципиальным руководством.**

В пореформенное время изменилось соотношение составов преступлений, касавшихся государственно-общественных и частных интересов. В Уложении о наказаниях 1845 г.⁴⁷ составы конкретных преступлений были сгруппированы в 150 видов и им было посвящено 2035 статей, в том числе 32 статьи — преступлениям против веры, 19 статей — государственным преступлениям, 74 статьи — преступлениям против порядка управления, 175 статей — должностным преступлениям, 1415 статей — преступлениям, связанным с интересами казны и государства, и лишь 320 статей — преступлениям против жизни, здоровья, свободы, собственности, чести и семейных прав частных лиц. Таким образом, на долю статей, защищавших государственный и общественный порядок, приходилось 84.3% всех статей, а на долю статей, защищавших частных лиц, — 15.7%. Приоритет государственных и общественных интересов над частными налицо. Аналогичный анализ статей в Уголовном уложении 1903 г. дает иной результат: 25 статей относились к преступлениям против веры, 52 статьи — к государственным преступлениям и против порядка управления, 51 статья — к должностным преступлениям, 329 статей касались преступлений, так или иначе связанных с интересами казны и государства, и 201 статья относилась к преступлениям против жизни, здоровья, свободы, собственности, чести и семейных прав частных лиц. Всего интересы государственного и общественного порядка защищали 67.3% статей, а интересы частных лиц — 32.7%. По сравнению с Уложением о наказаниях 1845 г. доля статей, защищавших права частных лиц, возросла вдвое. Но Уголовное уложение 1903 г. не было полностью введено в жизнь

Рис. 1. Политические заключенные перед тюрьмой, в которой им придется провести несколько месяцев. С.-Петербург. 1906 г.

к 1917 г. С другой стороны, после 1905—1906 гг. оно, как и Свод законов, включило ряд статей, защищавших политические права граждан и отменявших старые законы. При всей ориентировочности приведенных данных они, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что, хотя защита государственных интересов еще доминировала в уголовном праве, на защиту частных интересов законодательство стало обращать больше внимания, чем прежде. Эта чрезвычайно знаменательная перемена говорит о росте значения личности в обществе и о том, что частные интересы со временем все чаще становились объектом покушения и нуждались в защите.

НАКАЗАНИЯ И ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА

Принципиальное значение в уголовном праве имеет вопрос о *наказании*. Уже в XI—XIII вв. существовал довольно широкий набор наказаний: денежный штраф, возмещение ущерба, лишение личных и имущественных прав («поток и разграбление»), изгнание, заключение в тюрьму, обращение в рабство, физические наказания. Смертная казнь применялась редко, допускались кровная месть и убийство вора на месте преступления, если он оказывал сопротивление при задержании. В случае невозможности применения мести обращались к денежному штрафу, в случае несостоятельности пре-

ступника — к уголовным наказаниям. Цель наказания состояла в мести, возмещении материального ущерба пострадавшему и в извлечении материальных выгод государством. В XV—XVII вв. среди разных видов наказаний перевес взяли телесные наказания и смертная казнь. Неисправимые преступники приговаривались к смерти, исправимые — к телесным наказаниям и заключались в тюрьму. За незначительные служебные преступления применялось отрешение от должности. К счастью, большая часть смертных приговоров не приводилась в исполнение в силу древнего обычая «печалования» — права православного духовенства ходатайствовать о помиловании. Освобожденный от смерти заключался пожизненно в монастырь. Наказания отчасти сохранили прежние функции, но главной их целью стало устрашение ради предотвращения преступлений, поэтому они приняли весьма жестокий характер.⁴⁸

Петровское законодательство еще более ужесточило наказания и на первое место поставило смертную казнь: в «Воинских артикулах» 1715 г. она предусматривалась в 200 случаях против 60 в Соборном уложении 1649 г., на втором месте стояли телесные наказания, набор которых увеличился. К старым наказаниям были добавлены каторжные работы и лишение прав; получили распространение децимации, когда наказывался каждый десятый, и наказания лиц, не причастных к преступлению, но находившихся в родственных отношениях с правонарушителем, чаще всего жен и детей. Наказания за имущественные преступления были поставлены в зависимость от величины ущерба: за малую кражу полагались различные наказания, а за крупную — смертная казнь. Цели наказаний оставались прежними — устрашение, возмездие, изоляция преступника и извлечение материальных выгод. Осужденные стали приговариваться к принудительному труду на заводах, фабриках, в рудниках, на строительных работах, в качестве гребцов на галерах в невиданных прежде размерах. Расчетливый император стремился извлечь максимальную пользу из заключенных. В истории русского права петровское царствование являло высшую ступень карательной строгости, которая, в отличие от предыдущей эпохи, направлялась часто не только против воров, поджигателей, разбойников и т. п., но и против мирных обывателей, твердо стоявших за право, но за такое право, как оно понималось раньше. Никогда после, вплоть до 1917 г., репрессивный аппарат государства не развивал такой активности против законопослушных граждан только за то, что вводимые социальные новации им в принципе не нравились. Вот пример, иллюстрирующий эту мысль. Чиновник (подьячий) Докукин вписал в текст присяги новому порядку престолонаследия, установленному Петром I в 1724 г., следующее: «За неповинное отлучение и изгнание со всероссийского престола цесаревича Алексея Петровича (сына Петра I, казненного им за несогласие с его политикой. — *Б. М.*) не кланюсь и не подписуюсь, хотя за то царский гнев на меня произлиется; по воле его (Господа моего Иисуса Христа) за истину Илларион Докукин страдать готов». Докукин действительно был колесован.⁴⁹

Вместе с тем необходимо заметить, что если бы наказания, назначаемые по закону, точно исполнялись, то к концу петровского царствования в России не осталось бы ни чиновников, ни мирных обывателей, потому что смертная казнь грозила за большинство преступлений. Как и в XVII в., угроза смерти чаще всего была мнимой угрозой, исполнение которой не предполагалось и самим законодателем в момент издания закона. Она сделалась одной из гиперболических формул, которые стали характерной чертой юридического языка того времени. Жаловавшиеся на побои обязательно писали, что их «били смертным боем до смерти многожды», просившие каких-либо налоговых льгот непременно указывали, что без их получения они все умрут с голоду, и т. п. Подобным образом и законодатель грозил всякому ослушнику смертной казнью, не предполагая, что эта угроза будет

исполнена. Всеобщая угроза смертной казнью отражала, с одной стороны, господство в петровское царствование неопределенной санкции, с другой — имела целью устрашить несогласных с проводимыми реформами.⁵⁰

Смягчение наказаний наступило при Елизавете Петровне, которая в день дворцового переворота дала обет, что в случае успеха отменит смертную казнь. И она сдержала свое слово. Переворот не сопровождался казнями, как это бывало прежде. Свергнутых правителей даже не пытали, а только отправили в ссылку. Несмотря на то что действовавшие до Елизаветы законы не отменялись, смертная казнь фактически не применялась: преступники приговаривались к смертной казни, а затем приходило помилование и казнь заменялась другим наказанием. В 1753—1754 гг. специальными указами натуральная смертная казнь была заменена политической казнью — лишением всех прав состояния, телесным наказанием и ссылкой на каторжные работы, что дало толчок развитию ссылки в Сибирь.

Политика смягчения наказаний продолжалась при Екатерине II, при которой смертная казнь применялась только к государственным преступникам. Во всех таких немногочисленных прецедентах, как например в случае с Е. Пугачевым, дела рассматривались в Верховном уголовном суде, особо учрежденном Высочайшими манифестами, и преступники приговаривались к смерти на основании Соборного уложения 1649 г. и «Воинских артикулов» 1715 г. Петра I. Однако других принципиальных изменений в системе наказаний во второй половине XVIII в. не последовало, а сохранение страшных телесных наказаний, иногда приводивших к засечению насмерть, делало и саму отмену смертной казни до некоторой степени фиктивной. Князь М. М. Щербатов, имея в виду эпоху Елизаветы и Екатерины II, говорил, что у нас отменен легкий вид смертной казни, состоящий в повешении или обезглавливании, а самый тяжкий — засечение — оставлен. Однако, несмотря на сохранение в законе прежних суровых наказаний, массовое запугивание населения прекратилось; многие деяния, считавшиеся прежде преступлениями против нравственности, религии, порядка управления или государства, стали рассматриваться просто как полицейские деликты, а некоторые (вроде ношения бороды или старорусской одежды) вообще не принимались во внимание; приговоры стали мягче, чем прежде, и более соответствовали тяжести вины. Все это происходило постепенно, благодаря в значительной мере либеральному настроению императрицы, четко выраженному в ее Наказе. Следуя за западными мыслителями того времени, Екатерина II отрицала взгляд на наказание как на возмездие и развивала мысль, что главная цель наказания состоит в ограждении людей от преступлений и в уменьшении их общественного вреда. Она рекомендовала, чтобы суд назначал наказание, соответствующее тяжести преступления, дифференцировал наказания в зависимости от степени участия в преступлении. Императрица провозгласила ответственность во всех случаях только за совершенное преступление, а не за намерение, за исключением устного и письменного слова, направленного против особы государя. Она полагала, что важными предпосылками совершения преступления являлись отсутствие просвещения и неблагоприятные общественные условия, что не только сам человек, но и общество ответственно за преступления. Поэтому наказания должны быть мягче и иметь исправительную цель. Со времени Екатерины II обнаружилась другая важная тенденция: наказания, направленные против жизни, здоровья и имущества правонарушителей, постепенно уступали место наказаниям, ограничивавшим свободу преступников, — тюремному заключению, ссылке и каторге. Новые тенденции получили свое дальнейшее развитие в XIX в.

При Екатерине II в 1775 г. в качестве общей нормы в уголовное законодательство вошло понятие *давности* как обстоятельство, освобождающее от наказания. До этого времени в законодательстве встречались лишь отрывочные и весьма неопределенные постановления о погашении давностью

некоторых немногих преступлений.⁵¹ По новому закону через 10 лет после совершения любого преступления, если оно не сделалось гласным, правонарушитель освобождался от ответственности. Иск об обиде словом погашался по прошествии года, а об обиде действием — через два года. Установленная в 1775 г. норма давности действовала для всех преступлений, но постепенно для некоторых преступлений стали делаться изъятия: в 1829 г. — для дезертирства, в 1842 г. — для отступления от православия. Уложение о наказаниях 1845 г. отменило давность для государственных преступлений и умышленного убийства отца и матери и ввело особую давность для каждого отдельного преступления. По Уголовному уложению 1903 г. (ст. 68) давность не применялась в двух случаях — при совершении преступлений, направленных против императора, и при переходе из православия в другую веру. Сроки давности находились в зависимости от преступления и колебались от 15 лет за преступления, караемые смертной казнью, до одного года — за проступки.⁵²

Особенность наказаний вплоть до Свода законов 1832 г. состояла в том, что они не образовывали системы. В Своде законов 1832 г. (ст. 16) была сделана первая попытка систематизации наказаний, которые были подразделены в зависимости от тяжести на 10 родов: 1) смертная казнь, 2) политическая казнь, 3) лишение прав состояния, 4) телесное наказание, 5) принудительные работы, 6) ссылка, 7) отдача в солдаты, 8) лишение свободы, или тюремное заключение, 9) денежные взыскания, 10) церковное наказание. В Уложении о наказаниях 1845 г. была создана *лестница наказаний*, включавшая 11 родов наказаний — 4 уголовных и 7 исправительных. В основе деления на уголовные и исправительные наказания лежала идея, что первые удаляют преступника из общества навсегда, а вторые — временно, на срок наказания, после отбытия которого осужденный возвращался в общество. Каждый род уголовного наказания предусматривал лишение всех прав состояния, т. е. полное поражение прав политических, гражданских, семейных и имущественных, лишение чина, чести, доброго имени, знаков отличия с отобранием всех грамот и аттестатов. Это дополнялось для первого рода наказания смертной казнью, для второго рода — ссылкой в каторжные работы на срок от 4 до 20 лет или бессрочно, для третьего и четвертого родов — соответственно ссылкой в Сибирь или на Кавказ. Лица непривлекенных сословий дополнительно публично наказывались плетью. Исправительные наказания включали: 1) для привилегированных сословий потерю всех особых прав и преимуществ (т. е. лишение чинов и знаков отличия, запрещение государственной службы вообще или на определенных должностях, отдачу имения под опеку и т. д.) и ссылку на жительство в Сибирь, а для лиц непривлекенных сословий наказание розгами и отдачу в исправительные арестантские роты (которые впоследствии стали называться исправительными отделениями или исправительным домом) с потерей всех особых прав и преимуществ; 2) для привилегированных сословий потерю всех особых прав и преимуществ и ссылку на жительство в отдаленные губернии, кроме сибирских, для непривлекенных сословий — заключение в рабочем доме с потерей всех особых прав и преимуществ; 3) для всех сословий заключение в крепости с лишением некоторых особых прав и преимуществ; 4) для всех сословий заключение в смиренном доме с лишением некоторых особых прав и преимуществ; 5) для привилегированных сословий ссылку, для остальных — заключение в тюрьму; 6) для всех сословий кратковременный арест; 7) для всех сословий выговор, замечания и внушения и денежные взыскания. Каждый отдельный род уголовного и исправительного наказаний делился на степени, которых в совокупности насчитывалось 38. Например, ссылка на каторжные работы подразделялась на 7 степеней по продолжительности срока и тяжести работы, ссылка в Сибирь — на 5 степеней в зависимости от места ссылки и ее

продолжительности; выговоры в присутствии суда делились на строгие, более строгие и строжайшие (Уложение о наказаниях 1845 г., гл. 2). Наказания зависели от сословия: дворяне, священники, купцы первой и второй гильдий были освобождены от телесного наказания, а заключение в тюрьме для них заменялось ссылкой.

По Своду законов 1832 г. смертная казнь могла назначаться за государственные, воинские и так называемые карантинные преступления (за мародерство и некоторые другие преступления во время эпидемии чумы, холеры и т. п.). По Уложению о наказаниях 1845 г. была отменена смертная казнь за воинские преступления. Но, с другой стороны, закон позволял передавать дела о некоторых из ряда вон выходящих преступлениях — жестокие убийства, поджоги, повлекшие огромные жертвы и ущерб, на рассмотрение военного суда, который, применяя законы военного времени, мог приговорить к смертной казни. Несмотря на это применение смертной казни по-прежнему носило ограниченный характер. В 1878 и 1879 гг., после покушений террористов на императора, и в особенности с 1881 г., когда после убийства Александра II террористами был принят закон о чрезвычайной и усиленной охране, передача тяжких уголовных дел на рассмотрение военных судов стала широко практиковаться до конца императорского режима.

В Уголовном уложении 1903 г. лестница наказаний была упрощена. Наказания делились на 8 видов: 1) смертная казнь; 2) каторга на срок от 4 лет до бессрочной; 3) ссылка на поселение без срока в предназначенные для этого местности, но ссылка в Сибирь и отдаленные губернии уже не предусматривалась; 4) заключение в исправительном доме; 5) заключение в крепости; 6) заключение в тюрьме; 7) кратковременный арест; 8) денежный штраф от 50 коп. до 100 р. Формально разделение на уголовные и исправительные наказания было ликвидировано, хотя признание к смертной казни, каторге и ссылке на поселение в Сибирь, а также к заключению в тюрьме или смирительном доме сопровождалось лишением прав состояния дворян, духовенства, купцов и почетных граждан, другими словами, наказание для привилегированных оказывалось более суровым, чем для непривилегированных сословий. Смертная казнь назначалась только за воинские и государственные преступления. С отменой телесных наказаний для всех сословий, кроме крестьян, в 1863 г. как вида наказания вообще, а в 1903 г. — и для крестьян и отбывающих наказание преступников из непривилегированных классов сословный характер наказуемости был устранен. Продолжительность заключения в целом была уменьшена: до 1903 г. срок каторги колебался от 4 до 20 лет, с 1903 г. стал ограничиваться, как правило, 4 годами; срок пребывания в исправительном доме до 1903 г. колебался от 1 до 10 лет, после 1903 г. — от полутора до 8 лет; срок тюремного заключения до 1903 г. колебался от 3 месяцев до 2 лет, после 1903 г. — от 2 недель до 2 лет. Но срок заключения в крепости, к которому приговаривались преимущественно политические преступники, был, напротив, увеличен: до 1903 г. он назначался от 6 недель до 6 лет, после 1903 г. — от 2 недель до 8 лет. Увеличился также срок кратковременного ареста за мелкие правонарушения: до 1903 г. он колебался от 1 дня до 3 месяцев, после — от 1 дня до 1 года. Многие виды наказаний были вообще отменены: ссылка на жительство (не на вечное поселение) в Сибирь и отдаленные губернии, отдача в рабочие и смирительные дома, которые были закрыты, выговоры и замечания, церковное покаяние, испрошение у обиженного прощения, полная конфискация имущества при политических преступлениях, политическая смерть, принудительная отдача в заработки за долги, отдача в солдаты.⁵⁵ Рассмотрим важнейшие наказания более подробно.

Смертная казнь, позорящие и телесные наказания

Рис. 2. Палач. О. Сахалин. 1910 г.

Смертная казнь существовала в двух видах — простая и квалифицированная. В XVII—первой половине XVIII в. практиковались сожжение за религиозные преступления, заливание горла расплавленным металлом за изготовление фальшивых денег, закапывание с руками по плечи в землю и оставление без пищи и воды до голодной смерти (так наказывались женщины за убийство мужей), четвертование путем последовательного расчленения тела, колесование (раздробление частей тела специальным колесом), посажение на кол и др. К началу XIX в. осталось два способа приведения смертного приговора в исполнение — отсечение головы и повешение, но на практике применялось только повешение. Приговор о смертной казни должен был утверждаться императором. До 1881 г. казнь производилась публично, а с того времени — в пределах тюремной ограды, но при ее совершении должны были присутствовать официальные лица, врач и не более 10 местных граждан по приглашению городского управления для свидетельства

совершения казни. Самое исполнение казни в России не имело того строгого и торжественного ритуала, который соблюдался в Западной Европе. Только в исключительных случаях казнь сопровождалась специальным обрядом и позорным шествием. Перед казнью к осужденному приглашалось духовное лицо его вероисповедания для приготовления его к исповеди и причастию или только к покаянию и молитве. Духовное лицо сопровождало осужденного на место казни и оставалось при нем до исполнения приговора. Как указывалось, с 1881 г. правительство передавало дела государственных преступников в военно-полевые суды, которые применяли законы военного времени и поэтому намного чаще приговаривали к смертной казни. По ориентировочным расчетам, за 1826—1905 гг. были приговорены к смертной казни 1397 человек, из них казнены 64%, за 1905—1913 гг. — соответственно приговорены 6871 человек и казнены 43.4%.⁵⁴

Позорящие наказания, получившие распространение при Петре I, делились на легкие и тяжелые. Первые предусматривали лишение чести и достоинства навсегда или на определенный срок, понижение в чине, публичное испрошение прощения, публичное получение пощечины, прибитие имени к виселице. Тяжелое позорящее наказание в разное время называлось по-разному: при Петре I — шельмованием (от слова «шельмовать», означавшего «позорить, бесчестить»), при его преемниках — *публичной казнью*, в XIX в. — *гражданской казнью*. Оно сопровождалось лишением всех гражданских прав, или прав состояния. Наказание имело узаконенный обряд: на

эшафоте устанавливалась виселица, к которой было прибито имя преступника, палач переламывал шпагу над его головой и объявлял его шельмой, впоследствии — политическим преступником. Лишение прав состояния с 1720-х гг. стало называться политической смертью. Ошельмованный предавался анафеме, отлучался от церкви и не подлежал защите правоохранительных органов, поэтому вплоть до 1753 г., когда натуральная казнь была заменена политической, человек, ограбивший или даже убивший ошельмованного, не подлежал наказанию. При Екатерине II этот вид наказания применялся преимущественно за преступления против нравственности, но впоследствии он применялся и к лицам, считавшимся по закону политическими преступниками, например к Н. Г. Чернышевскому в 1864 г.

Телесные наказания получили широкое распространение в московский период, и особенно в петровское царствование. В то время практиковались все известные виды телесных наказаний, причем публично: вырезание языка — за неуважительные слова в адрес государя и за непристойные слова в церкви, отсечение руки — за покушение на убийство господина, отсечение пальцев — за подлог и кражу, отсечение носа или ушей — за разбой, бунт и клятвопреступление. Для опознания преступников применялось клеймение, при Петре I для более опасных преступников — вырезание ноздрей, для менее опасных — клеймение буквой «в» (что означало вор, или преступник) в лоб. Кроме членовредительных наказаний существовали болезненные телесные наказания: за самые тяжкие преступления — кнутом, за менее важные — палками, плетями, шпицрутенами (главным образом для военных); для наказания несовершеннолетних или взрослых за маловажные проступки использовались розги. Число ударов назначалось до 500 и более, а иногда «без счета», т. е. фактически до смерти. До начала XVIII в. телесным наказаниям подвергались все группы населения, так как в них не видели позора, а только боль. В XVIII в. телесные наказания стали считаться наказанием, позорящим человека (например, солдат, наказанный телесно, не мог стать офицером), поэтому привилегированные сословия стали добиваться их отмены прежде всего для себя.

В 1785 г. от телесных наказаний были освобождены дворяне, именитые граждане, купцы первой и второй гильдий, в 1801 г. — священники, затем — лица других сословий при наличии образования. Однако к учащимся начальной и средней школ, среди которых преобладали представители привилегированных сословий, розги широко применялись вплоть до 1860-х гг. Одновременно происходило смягчение наказаний. В начале XIX в. вышел из употребления кнут (самое страшное орудие наказания: опытный палач мог тремя ударами кнута засечь человека насмерть), ограничивалось число ударов. Уложение о наказаниях 1845 г. установило высший предел наказания плетями и розгами в 100 ударов. Стали делаться изъятия для больных, старых, принимались меры предосторожности в отношении здоровья, например исполнение приговора не производилось при сильном морозе и ветре. С 1851 г. при наказании присутствовал врач.

В 1863 г. телесные наказания были в основном отменены. Женщины вообще освобождались от них, а для мужчин они сохранились в 5 специально оговоренных в законе случаях: 1) допускалось наказание крестьян по приговору волостных судов до 20 ударов розгами, что прежде считалось детским наказанием; однако существовали большие изъятия — освобождались лица с образовательным цензом в объеме среднего образования, лица, занимавшие общественные должности, служившие в армии (после введения всесословной воинской обязанности в 1874 г. около трети крестьян проходили службу в армии), страдавшие определенными болезнями и достигшие 60 лет, т. е. около 40% взрослого населения деревни; 2) разрешалось наказание арестантов розгами до 100 ударов за разные нарушения установленного порядка с санкции губернатора; 3) ссыльнокоаторжные и ссыльнопосе-

Рис. 3. Сахалинские каторжники, прикованные к тачкам. 1910 г.

ленцы за проступки могли наказываться розгами — соответственно до 100 и 30 ударов розгами; 4) плети (до 100 ударов) могли назначаться ссыльнокаторжным при совершении нового преступления; 5) допускалось наказание корабельных служащих хлыстом до 5 ударов и учеников ремесленников до 5—10 ударов розгами. Только в 1903 г. были отменены все виды телесных наказаний для ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев, в 1904 г. — для всех крестьян, солдат, матросов и других категорий населения.⁵⁵

Каторга и ссылка

В первой половине XVIII в. приговоренные к каторге размещались преимущественно в Европейской России и использовались на корабельных, портовых, рудниковых и заводских работах, за которые получали вознаграждение (обычно 10% от дохода от произведенной работы).

После отмены смертной казни Елизаветой в 1756—1757 гг. осужденные к каторге направлялись преимущественно в Сибирь, где использовались на работах в рудниках, в крепостях и на заводах. В 1834—1844 гг. ежегодно к каторге приговаривалось 1320 чел., в 1846—1860 гг. — 974 чел.⁵⁶

После эмансипации 1861 г. каторжная система расшаталась настолько, что наказание практически перестало временно существовать. Причина этого состояла в том, что карательная сторона наказания стояла на втором плане, а главное значение имело использование каторжных как дешевой рабочей силы. Каторжное хозяйство носило крепостнический отпечаток и нередко использовалось ради выгоды лиц, им заведовавших, хотя это запрещалось законом.⁵⁷ После Великих реформ подобное использование каторги в ведомственных, а тем более в личных интересах стало затруднительным, если вообще возможным из-за протестов общественности и либеральной прессы. Поэтому ведомства, прежде заинтересованные в рабочих руках каторжников, такие как Военное министерство, Министерство финансов и другие, нашли их применение невыгодным и перешли на вольнонаемный труд. На сибирскую каторгу с конца 1860-х гг. временно стали направляться преимущественно преступники лишь из Пермской, Оренбургской губерний и Сибири, а из других местностей — только те осужденные, за которыми следовали их семейства; прочие преступники, приговоренные к каторге, помещались в особые тюрьмы в Европейской России.⁵⁸ С целью найти применение труду каторжан правительство открыло в 1875 г. сахалинскую каторгу, куда осужденные отправлялись морем. С этого времени отправка каторжников в Сибирь возобновилась, и вследствие роста преступности их число стало расти (как в абсолютных цифрах, так и на 100 тыс. человек населения), достигнув в конце XIX в. около 2 тыс. человек в год.⁵⁹

Ссылка на поселение практиковалась уже в московский период. До 1750-х гг. приговоренные к ссылке отправлялись в отдаленные местности Европейской России, со второй половины XVIII в. — преимущественно в Сибирь, а в XIX в. — также и на Кавказ.⁶⁰ Ссылные имели ограничения в праве передвижения, выборе занятий и находились под надзором полиции. Их статус был законодательно оформлен Уставом о ссылных 1822 г. и Уложением о наказаниях 1845 г. Согласно ориентировочной оценке, за 1807—1898 гг. только в Сибирь было сослано 876.5 тыс. человек, в том числе на каторгу — около 118.5 тыс., в ссылку — в 6.4 раза больше, или 758 тыс. человек. В 1897 г. ссылных разных категорий, кроме отбывающих каторгу, проживало в Сибири 298.6 тыс., или 5.2% всего населения региона.⁶¹

Заключение в тюрьму и пенитенциарная система

Тюремное заключение как особая форма наказания начало практиковаться в России с XVI в., но до 1649 г. оно служило главным образом местом подследственного задержания. Применение телесных наказаний и смертной казни как главных видов наказания делало излишней заботу правительства о развитии пенитенциарной системы даже после того, как Соборное уложение 1649 г. стало использовать заключение в тюрьму как дополнительное наказание для 40 составов преступлений. Специальных помещений для тюрем не строилось, наказание отбывалось чаще всего в подвалах монастырей, государственных учреждений или в небольших отдельных зданиях. Мужчины, женщины и дети содержались вместе. До 1662 г. обязанность материально содержать арестантов падала на их родственников, хозяев или истцов. С 1662 г. государство стало отпускать на содержание арестантов милостыней, для чего их, обычно скованных по нескольку человек вместе, отпускали на день из мест заключения. Заключение могли работать, занимаясь на свой счет ремеслом внутри тюрьмы. При Петре I труд арестантов стал активно применяться для государственных нужд, но этого было недостаточно, чтобы занять всех полезной работой.

В 1760-е гг. Екатерина II сделала попытку устроить систему правильных тюрем с разделением их на разные виды для различных преступников. Кроме существовавших тюрем императрица в 1775 г. учредила смирительные дома, которые предназначались для лиц аморального поведения — непослушных детей, тунеядцев, провинившихся помещичьих крестьян, лиц, совершивших сексуальные преступления, а с 1781 г. возникли рабочие дома для лиц, совершивших преступления против собственности, где осужденные содержались вместе и обязательно работали. С 1785 г. государство стало систематически отпускать на содержание заключенных деньги из государственного бюджета.

Но учрежденные Екатериной II места лишения свободы плохо развивались и не получили правильной организации главным образом из-за недостатка финансов и отсутствия специального централизованного управления всеми существовавшими в империи тюремными заведениями.⁶² Заключение по-прежнему в большинстве мест заключения страдали от перенаселения камер, не разделялись по полу и возрасту, больные содержались вместе со здоровыми, голодали, жили подаем.⁶³ Медицинский персонал в тюрьмах отсутствовал, случались эпидемии, приводившие к громадному росту смертности. Лечение производилось за счет мало обеспеченного средствами Приказа общественного призрения, а также общин, к которым до ареста были приписаны заключенные, и благотворительности.⁶⁴ Престарелые и больные арестанты переводились в гражданские богадельни.⁶⁵ Установленные при Екатерине II нормы отпуска денег на содержание заключенных не

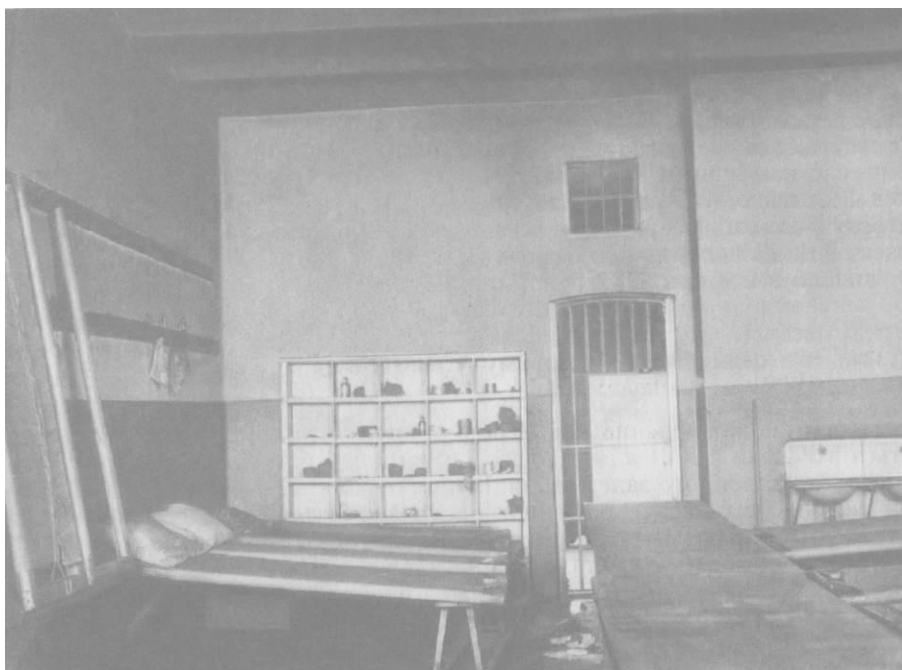

Рис. 4. Вид общей камеры в Шлиссельбургской крепости. 1917 г.

Рис. 5. Женщины-заключенные с детьми в Первой женской тюрьме «Арсенальная» Арсенальная ул., 9 (новая образцовая тюрьма, построенная в 1912 г.). С.-Петербург. 1912 г.

могли покрыть расходов вследствие инфляции. Четырех ассигнационных копеек в сутки, отпускаемых на продовольствие арестантов, не хватало. Администрация тюрем постоянно просила правительство увеличить ассигнования.⁶⁶ Но последнее не имело средств и рекомендовало обходиться имеющимися, привлекать арестантов к работе, искать благотворителей, обращать частные подаяния на улучшение тюремного быта, собирать деньги с общин, к которым арестанты принадлежали, с помещиков, чьи крепостные совершили преступление, с кредиторов, чьи должники находились в тюрьме.⁶⁷ Тюремной администрации удавалось на короткое время навести порядок в своих заведениях только во время посещения их высоким начальством, особенно императорами.⁶⁸

Когда Свод законов 1832 г. и Уложение о наказаниях 1845 г. главным видом наказания сделали лишение свободы, государство остро столкнулось с проблемой недостатка мест лишения свободы и стало энергично развивать пенитенциарную систему. Большинство видов наказания предусматривало заключение в арестантскую роту (отделение, или исправительный дом), рабочий дом, крепость, смиренный дом или тюрьму. Различные места заключения отличались строгостью режима, условиями содержания и контингентом заключенных. Например, в крепость заключались лица за такие деяния, которые не поражали чести и не предполагали бесчестных побуждений у осужденных. Они содержались, как правило, в одиночной камере и занимались работой по собственному желанию. Арестантские отделения были учреждены в 1827 г. в губернских городах с целью производства разных работ по благоустройству города. Они предназначались только для мужчин в рабочем возрасте — беглых и бродяг, осужденных к ссылке за маловажные преступления или к заключению в рабочих домах. Большинство осужденных содержались в тюрьмах. Многие заключенные работали до 11 часов в день летом и до 10 часов зимой, получая за работу определенное вознаграждение. Им разрешалось иметь собственный стол и добавочную пищу, но без излишеств. Содержание было общее.

Однако на практике задуманная Уложением о наказаниях 1845 г. система исправительных заведений давала сбои. Недоставало смиренных и рабочих домов, поэтому осужденные заключались главным образом в тюрьмы и арестантские отделения, но последних также было мало — предполагалось учредить их в каждом губернском городе, но фактически их было меньше, например, в 1889 г. всего 32, в 1903 г. — 33, или в 2,5 раза меньше, чем губернских городов. Ввиду этого по необходимости для лиц, не освобожденных от телесного наказания, заключение в рабочий или смиренный дом заменялось наказанием розгами от 40 до 100 ударов, а для лиц, освобожденных от телесных наказаний, — заключением в тюрьму. Из-за невозможности создать иерархическую пенитенциарную систему правительство пошло на ее упрощение: в 1880-е гг. были закрыты рабочие и смиренные дома и остались 3 вида мест заключения — крепость, исправительный дом и тюрьма. Для срочного ареста существовали специальные арестные дома с особыми отделениями для малолетних и лиц высших сословий, но последние чаще всего отбывали наказание на военных гауптвахтах или в зданиях того ведомства, где они состояли на службе.⁶⁹ Внутренний распорядок и условия содержания в разных заведениях со временем изменялись, но везде 4 дня общего заключения приравнивались к 3 дням одиночного заключения.

Как показало обследование тюрем, предпринятое коронной администрацией в 1860—1870-х гг., положение заключенных во второй трети XIX в. мало изменялось к лучшему по сравнению с его первой третью.⁷⁰ Это обстоятельство, а также постоянное увеличение числа тюрем и заключенных заставило правительство создать в 1879 г. Главное тюремное управление (до 1895 г. при Министерстве внутренних дел, после — при Министерстве юстиции), которое стало центральным органом управления всеми местами за-

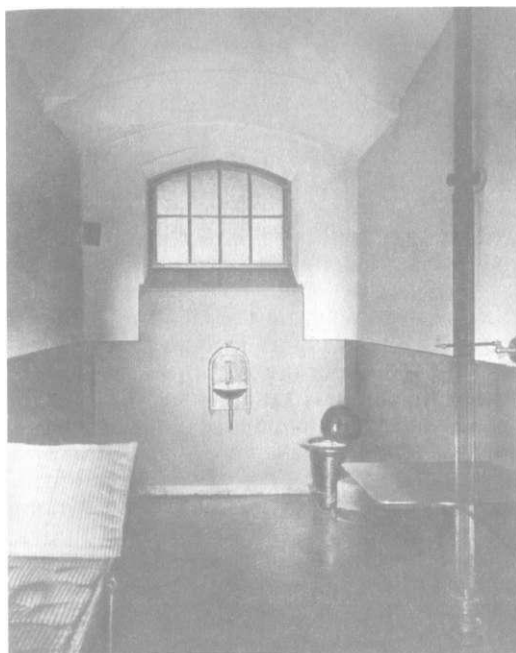

Рис. 6. Внутренний вид одиночной камеры в Доме предварительного заключения. Шпалерная, 25. С.-Петербург. 1914 г.

ключения империи. Новое управление приняло ряд мер по улучшению пенитенциарной системы, но их было недостаточно, чтобы серьезно изменить условия содержания заключенных и превратить места лишения свободы в исправительные учреждения. Главные причины неудачи — недостаток средств и быстрый рост числа заключенных вследствие роста преступности. В 1804 г. в России без Финляндии насчитывалось около 14 тыс. человек, заключенных в разного рода тюремных заведениях, к 1840 г. их число выросло до 17 тыс., к 1861 г. — до 31 тыс., к 1885 г. — до 95 тыс., к 1913 г. — до 169 тыс. человек. Кроме заключенных на срок через тюрьмы проходили ссыльные, в них содержались лица, находившиеся под следствием, семьи, добровольно следовавшие за осужденным, бродяги и другое «тюремное население», в 6—8 раз превосходящее число срочных заключенных. Так, в 1804 г. временное население тюремных заведений составило 72 тыс., в 1840

г. — 103 тыс., в 1861 г. — 217 тыс., в 1868 г. — 455 тыс., в 1885 г. — 703 тыс., в 1913 г. — 899 тыс. человек.⁷¹ Рост числа тюрем отставал от увеличения численности заключенных.

Правильная тюремная статистика в России началась с 1879 г., после учреждения Главного тюремного управления, которое печатало ежегодные отчеты с подробным описанием состояния тюрем и условий содержания в них заключенных. До судебной реформы 1864 г. специальных тюремных заведений было недостаточно, заключенных держали в общих или одиночных камерах при полиции или в небольших зданиях, не приспособленных специально для содержания преступников («тюремных замках»), и даже счет в тюремной статистике велся не на число тюрем, а на число камер и их вместимость.⁷² В 1879 г. в ведомстве Главного тюремного управления числилось 850 тюрем, в 1900 г. — 892, в 1913 г. — более 1000, число тюремных мест за 1879—1913 гг. увеличилось с 61.7 до 120 тыс., из которых одиночные составляли 7.2—7.5%. Несмотря на рост пенитенциарной системы, тюрьмы были переполнены: в 1863—1864 гг. фактическое наполнение тюрем превосходило лимитное в 1.12 раза, в 1890-е гг. — в 1.4 раза, а в 1908—1913 гг. — в 1.5 раза при низком уровне санитарии.⁷³ Не способствовала здоровью заключенных и праздность: в 1880-е гг. всего около 30%, а в 1900-е гг. до 58% от их общего числа были заняты на разных работах в среднем от 70 до 120 дней в году.⁷⁴

Однажды, просматривая отчет псковского губернатора за 1882 г., Александр III обратил внимание на высокую смертность заключенных в псковской каторжной тюрьме и потребовал объяснения. В объяснительной записке указывалось, что арестанты не работают, постоянно находятся в закрытых помещениях, мало бывают на свежем воздухе, что вызывает ки-

Рис. 7. Песенники Шлиссельбургской крепости. 1906 г.

шечные и легочные заболевания.⁷⁵ Праздность имела и другое отрицательное следствие — неработавшие лишались заработка, поскольку 31% чистого дохода шел лично арестантам за их работу, что позволяло работавшим лучше питаться. От дохода производились отчисления и в пользу тюрем, и если бы все трудоспособное население занималось производительным трудом, состояние мест заключения могло быть лучше. Тяжелые условия жизни в тюрьме служили причиной высокой смертности заключенных, которая намного превышала смертность свободного населения, и распространенности самоубийств. В 1880-е гг. смертность заключенных, более чем на 90% состоявших из мужчин, равнялась 40—42 на одну тысячу заключенных, в 1901—1906 гг. — 20 на тысячу, в то время как смертность взрослого населения в возрасте старше 20 лет в Европейской России равнялась соответственно 18 и 14 на тысячу.⁷⁶ В конце XIX—начале XX в. в тюрьмах происходило около 40—50 самоубийств на 100 тыс. заключенных, что почти в 20 раз превышало среднероссийский уровень.⁷⁷ С 1907 г. вплоть до 1913 г. ввиду огромного наплыва арестантов среди заключенных стали быстро расти как смертность, так и число самоубийств: в 1907—1912 гг. смертность повысилась до 38 на тысячу заключенных, в то время как в стране в целом смертность опустилась до 14 на тысячу населения. Однако уровень самоубийств увеличился как в тюрьмах — до 94 на 100 тыс. заключенных, так и в стране в целом, если судить по самоубийствам в городах.⁷⁸

Вместе с тем нельзя не отметить и некоторые улучшения в пенитенциарных заведениях, произошедшие за 1879—1913 гг. Питание, санитария и медицинское обслуживание постепенно и понемногу улучшались, в 1900-е гг. 67% тюрем имели собственные больницы, остальные пользовались больницами, предназначенными для свободного населения. Это способствовало снижению смертности с 40—42 на тысячу заключенных в 1881—1885 гг. до 18—19 на тысячу в 1901—1906 гг. Существенный прогресс был достигнут в отношении вовлечения заключенных в трудовую деятельность (доля рабо-

тавших заключенных за 1879—1913 гг. увеличилась вдвое), а также в их культурном обслуживании (в начале XX в. в 14% заведений существовали школы, в 39% — библиотеки, в 28% проводились чтения и собеседования).⁷⁹ С развитием железнодорожного и водного транспорта доставка арестантов к месту заключения стала производиться поездами и пароходами, благодаря чему ужасные тракты, по которым многие десятилетия заключенные отправлялись пешком в ссылку, в тюрьмы и на каторгу в Сибирь, переставали существовать. В тюрьмах общего содержания, на долю которых приходилось 94% всех пенитенциарных заведений, режим был не слишком суровым. Об этом говорит тот факт, что ежегодно от 1.5 до 2.5 тыс. заключенных совершали побеги и лишь около половины из них удавалось поймать.⁸⁰

Таким образом, карательная система в России также испытала важные изменения. Ее центральными моментами в Древней Руси были штрафы и возмещение убытков, денежные взыскания и месть, в московский период и в XVIII в. — смертная казнь и телесные наказания, в первой половине XIX в. — телесные наказания для непривилегированных классов и лишение свободы для привилегированных классов, с 1864 г. — лишение свободы. В пореформенное время в карательную систему проникли идеи перевоспитания и создания возможностей для возвращения человека к нормальной жизни после отбывания наказания. В 1909 г. возник институт уголовно- досрочного освобождения, а с 1910 г. время, проведенное арестованным в предварительном заключении, стало засчитываться в срок заключения. В 1913 г. осужденные получили право реабилитации. С конца XVIII в. и особенно с 1845 г. принципиальным моментом назначения наказания стало доказательство состава преступления, его тяжести и нахождение в лестнице наказаний соответствующей ему кары. Общая эволюция доминирующего типа наказания шла в направлении от безусловно-определенной к относительно-определенной, что считается юристами значительным прогрессом в уголовном праве, поскольку последний тип наказания оставляет за судьей право до некоторой степени варьировать меру наказания в зависимости от тяжести преступления. «Оценивая карательную систему известной эпохи и известного народа, — заметил известный юрист Н. С. Таганцев, — всегда нужно помнить, что разумным масштабом для этого должна быть ее жизнепригодность: всякая карательная система выработалась народной жизнью и предназначается для служения интересам этой жизни».⁸¹ На мой взгляд, **русская карательная система на каждом этапе своего развития отвечала целям охраны правопорядка, соответствовала правосознанию подавляющего большинства населения и в целом отвечала понятию целесообразности.**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Источники гражданского права. До 1832 г. в России не было специального кодекса гражданского права. Нормы, регулировавшие гражданско- правовые отношения, включались в общие кодексы права. До XV—XVI вв. не было четкого разделения уголовного и гражданского права. С середины XVII в. гражданско-правовые отношения выделились в особую сферу и регулировались специальными нормами, которые хотя и включались в общие кодексы права, но в качестве специальных разделов, как это было, например, в Соборном уложении 1649 г. Оставаясь действующим сводом гражданско-правовых норм до 1835 г., Соборное уложение в течение второй половины XVII—первой половины XVIII в. пополнялось новыми законами, одни из которых отменяли, развивали или дополняли прежние, другие были совершенно новыми, отражающими развитие общественных и экономических отношений. Свод законов 1832 г., также регулярно пополняясь новыми нормами, оставался главным источником гражданского права вплоть до

конца императорского режима. Особенно быстро он дополнялся после эмансипации: были изданы законы о фабричных рабочих в 1861, 1882, 1886 и 1897 гг., «Устав о промышленности заводской и фабричной», новый «Ремесленный устав», типовые «Торговый устав», «Биржевой устав», «Вексельный устав» и «Устав о торговой несостоятельности». В 1864 г. впервые издается процессуальный кодекс гражданского права.

Субъекты гражданского права. В XI—XIII вв. все субъекты являлись физическими лицами, так как понятия юридического лица закон еще не знал. В то время законодательство вообще не пользовалось абстрактными понятиями современного гражданского права, такими как «собственность», «владение», «распоряжение» и т. п., поскольку обычное право, служившее его источником, почти не знало абстрактных понятий; законодатель стремился предусмотреть все возможные жизненные ситуации.⁸² Полноправными субъектами гражданского, как и уголовного права были лица, обладавшие свободой воли, т. е. свободные граждане мужского пола, достигшие 15 лет. Женщины не были лишены вполне права вступать в гражданско-правовые сделки, но их права сравнительно с мужчинами были существенно ограничены. В XV—XVII вв. субъектами гражданско-правовых отношений кроме свободных частных лиц стали коллективные лица — государственные учреждения, общины, монастыри и др. В XVIII—первой половине XIX в. число юридических лиц еще более увеличилось — магистраты и ратуши, учебные заведения, больницы, богадельни, торгово-промышленные компании, типографии, дворянские общества, гильдии, цехи и т. п. При Петре I возрастной ценз для приобретения гражданской правоспособности был повышен до 20 лет (в 1832 г. до 21 года) и введены ограничения по состоянию душевного здоровья и нравственного статуса: из круга субъектов гражданского права исключались умалишенные, лица, находившиеся под опекой вследствие мотовства, а также лишённые быть субъектом права по суду. Вместо них договоры заключали их опекуны. Тогда же в законе стали формироваться понятия юридического лица и корпоративной собственности. По мере развития крепостнических отношений и сословного строя ограничивались в гражданской правоспособности непривилегированные сословия — крестьяне, мещане и другие, в особенности владельческие крестьяне.

После 1860-х гг. субъектами гражданского права стали все физические лица — все подданные империи — независимо от национальности, вероисповедания и сословия, но женщины были по-прежнему ограничены в правах. В законодательстве окончательно сформировалось понятие юридического лица: они подразделялись на публичные, частные, соединения лиц и учреждения. Правоспособность юридических лиц определялась согласно целям их деятельности Сенатом.⁸³ Четко определив характер юридических лиц и сняв ограничения на возникновение новых, закон способствовал их быстрому росту. Особенно быстро увеличивалось число юридических лиц за счет частных обществ, акционерных, биржевых, торговых и прочих компаний, а также музеев, больниц, библиотек и других организаций, что отражало рост частной и общественной инициативы и развитие рыночных отношений.

Обязательственное право - В XI—XIII вв. обязательства возникали из причинения вреда или из договоров. Договор имел сакральное значение, и потому его заключение сопровождалось ритуалом, произнесением определенных формул, присутствием свидетелей, подписанием и изъявлением удовлетворения (рукоприкладством) и т. д. Особенно это касалось договора купли-продажи или мены, так как, согласно воззрениям людей той эпохи, между человеком и вещью существовали отношения, разорвать которые можно было с помощью специального ритуала. Поэтому сами по себе договоры не решали окончательно юридическую судьбу вещи. Неисполнение договора давало потерпевшей стороне право обратиться должника в своего раба или холопа. Имущественные взыскания допускались для торговцев,

оказавшихся банкротами, — они получали отсрочку для погашения своих обязательств и только после ее истечения продавались в рабство. Закон знал такие договоры, как мена, заем, купля-продажа, залог, хранение, или поклада, личный наем, — все они, как правило, заключались устно (ибо всего около 1% населения в то время было грамотно) и вследствие этого всегда публично — на торговой площади в присутствии свидетелей. До середины XVI в. устное соглашение являлось основной формой заключения договоров. Письменных договоров было очень мало, и они касались приобретения земли. Допускалось судебное разбирательство по устным договорам. Договор займа денег или натуре предусматривал возвращение взятого в кредит с надбавкой, например, в случае денежного займа нормальный процент составлял 50% годовых. Но поскольку получение процентов ограничивалось двумя годами и выплата процентов освобождала от уплаты долга, закон в сущности санкционировал только беспроцентный заем денег. Договоров личного найма в буржуазном смысле не существовало, так как человек «нанимался» главным образом за невыполненное обязательство и поэтому превращался в зависимого человека до погашения обязательства.

В XV—XVII вв. институты гражданского права получили дальнейшее развитие. Обязательства возникали преимущественно из устных договоров, хотя сохранились и обязательства из причиненного вреда. Многие сделки, такие как личный наем, сдача вещей на хранение, подряд и другие, не признавались законом без договора, часто письменного. Пострадавшая сторона терпела убытки, если не могла доказать свою правоту в суде. Человек, поступавший в личный наем без оформления договора, через три месяца превращался в зависимого человека (кабального холопа) работодателя. Роль письменных договоров повысилась, а те, которые касались значительных материальных ценностей или большой суммы, подлежали обязательной нотариальной, или «крепостной», регистрации в государственных учреждениях. Заключение договоров утрачивало сакральный характер, но утрата сакрализованых черт соглашения компенсировалась появлением элементов формализма, что выражалось в отработанной формуле обязательства и в акте формального подтверждения договора представителями власти. Утверждение права владения требовало использования нескольких способов подтверждения, например, захват как первоначальный способ приобретения права владения должен был сопровождаться пожалованием захваченного. Важное изменение в обязательственном праве состояло в том, что *обязательство стало обеспечиваться не личностью должника, а его имуществом*. Несостоятельные должники раньше расплачивались своим имуществом, и только те, которые не имели поручителей или пропивали и растрачивали полученные займы деньги, отдавались кредитору, но не в холопство, как прежде, а в работу до оплаты долга. В случае смерти должника, в том числе и обязанного платить за оскорбление, или «бесчестье», долг переносился на его жену и детей или слуг. Как и в уголовном праве, действовало правило взаимной ответственности супругов и всех членов семьи, включая слуг, друг за друга. Неплатежеспособный помещик мог выставять вместо себя крепостного на позорное наказание, или «правеж», во время которого его ставили на торговой площади и били батогами до тех пор, пока должник не возвращал долга; долги помещика также могли взыскиваться с его крепостных. Закон понизил размеры выплаты за отданные в кредит деньги до 20% и не разрешал взимать проценты более 5 лет — после 5 лет долг считался выплаченным, таким образом, закон по-прежнему не допускал взимание процентов за заем денег. Купля-продажа недвижимости была ограничена рядом условий. Помещик мог отчуждать имение только с санкции государства. Наследники лица, продавшего родовую вотчину, в течение 40 лет имели право выкупить ее в «род».

Начиная с XVIII в. преобладающей формой договоров стала письменная, договоры составлялись официальными лицами и регистрировались в специальных учреждениях. По мере развития крепостнических отношений крестьяне, в особенности помещицы, ограничивались в своих договорных правах. Они могли заключать какие-либо договоры только с согласия своего владельца. Важное нововведение в обязательственном праве было сделано в 1754 г.: закон впервые разрешил взимать 6% в год с данных в заем денег, при этом выплата процентов не освобождала должника от возвращения долга; в 1786 г. плата за заем была понижена до 5%. С изданием в 1739 г. вексельного устава вошел в обращение вексель, и купцы получили право обязываться векселями. В царствование Петра I возникла новая форма договорных отношений — договор товарищества, который открывал возможности для создания акционерных торговых и промышленных компаний. С XVIII в. предметом договора могли быть любые действия лиц, не противоречащие закону. Но закон включал так много ограничений и исключал из круга субъектов права так много лиц, что провозглашение свободы заключения договоров носило в значительной степени декларативный характер.

Свод законов 1832 г. явился большим шагом вперед в деле разработки обязательственного права. Было определено, какие договоры могли заключаться устно, для каких требовалась только письменная форма. Закон требовал, чтобы всякий договор, правильно составленный, подлежал исполнению и предусматривал 4 способа обеспечения договоров — поручительство, неустойка, залог недвижимого имущества и заклад движимого имущества. Запрещалась мена недвижимого имущества, за некоторыми исключениями, но мена движимым имуществом не ограничивалась.

Получил юридическую силу договор так называемой запродажи (он практиковался еще в начале XVII в.), по которому одна сторона обязывалась продать к назначенному сроку недвижимое или движимое имущество по определенной цене. В случае невыполнения обязательства одной из сторон предусматривалась уплата неустойки. Этот вид договора широко использовался в торговле, особенно внешней: зарубежные купцы кредитовали таким способом русских купцов, поставлявших товары в порты.

Недвижимое имущество разрешалось сдавать внаем на срок, не превышающий 12 лет, и обязательно по письменному договору. За заем денег по-прежнему разрешалось брать не более 6% годовых. Закон предусматривал договор ссуды движимого имущества, но на безвозмездной основе, требовалось только, чтобы оно было возвращено в срок и в том же состоянии.

Договор личного найма получил в конце XVIII—первой трети XIX в. широкое распространение, но Свод законов 1832 г. мало что сделал для его совершенствования: государственным крестьянам запрещалось наниматься без паспортов, т. е. без согласия общины и разрешения администрации, так как община выдачу паспорта санкционировала, а администрация его выдавала. Владельческие крестьяне для заключения договора найма также должны были иметь паспорт и разрешение помещика. Замужние женщины и лица, не являвшиеся главой семьи, должны были, кроме всего прочего, иметь разрешение от своих мужей и глав семей. Срок договора ограничивался 5 годами.

В первой половине XIX в. возникли новые виды договоров — комиссии, страхования, издательский и другие, сложились авторское и промышленное право, т. е. права авторов на художественные, литературные и музыкальные произведения, на изобретения, модель, клеймо и название фирмы.

После эмансипации принцип буржуазного гражданского права еще глубже проник в русское законодательство. *Разрешилось заключать любой, не противоречивший законам договор, включать в него любые условия, не нарушающие общественный порядок.* В 1870 г. были приняты специальные поло-

жения об акционерных компаниях, о страховании, личном найме. Сохранились специфически русские виды договоров — запродажи (см. выше) и мировая сделка, когда стороны в мировом или волостном суде приходили к соглашению и прекращали тяжбу. Форма сделок в большинстве случаев была факультативной, но для некоторых важных сделок требовалась письменная форма, заверенная у нотариуса. Закон разрешал все виды договоров, известных рыночной экономике. Свобода заключать гражданские договоры привела к их бурному росту. В нотариальных конторах страны в 1884 г. было зарегистрировано 357 тыс. разного рода актов, сделок и т. п., а в 1913 г. — 1967 тыс., или в 5.5 раза больше, чем 29 лет до того.⁸⁵

Наследственное право.⁸⁶ В XI—XIII вв. право наследовать имели только сыновья, чтобы пресечь возможность ухода имущества из общины, так как дочери после замужества уходили в другую общину, а сыновья оставались в ней. Привилегией передавать собственность дочерям отчасти пользовалась элита общества — бояре и дружинники, которые выделились из общины и имели свою личную собственность. В XV—XVII вв. происходило постепенное расширение круга наследников и прав наследователя, что нашло выражение в более широком распространении наследования по завещанию. Завещание мог сделать любой член семьи. Индивидуализация воли завещателя требовала соблюдения письменного оформления завещания. По Соборному уложению 1649 г. завещатель имел право передать свое имущество по своему желанию, но в пределах, устанавливаемых законом. Например, нельзя было завещать землю церкви, а родовые и жалованные царем вотчины — людям, посторонним роду. При отсутствии завещания имущество делилось между наследниками по закону. Сыновья, которые жили на момент смерти отца в его доме, получали равные доли имущества, расплачиваясь по отцовским обязательствам из общего наследства. Наследственные права женщин были несколько расширены: при отсутствии сыновей и завещания наследство могло переходить к дочери или вдове, если последняя не имела средств к жизни. После ее смерти земля возвращалась в род мужа. Вдовы могли наследовать также купленные и выслуженные мужем вотчины. При наличии сыновей дочери не участвовали в наследовании, однако им выделялась определенная часть имущества «на прожиток» или в счет будущего приданого.

Попытка Петра I ввести для дворянства единонаследие не увенчалась успехом: принятый им в 1714 г. закон по настоянию дворян был отменен в 1731 г., через 6 лет после смерти императора, и правила наследования по закону, т. е. при отсутствии завещания, были изменены. Ближайшее право наследования принадлежало сыновьям, при их отсутствии — внукам, при отсутствии внуков — правнукам, при их отсутствии — дочерям и т. д. Ближайшие родственники совершенно устранили от наследования более дальних. Имущество умершего делилось поровну между его сыновьями; при отсутствии сыновей — между внуками, а при отсутствии внуков между дочерьми — также поровну. Дочери при живых братьях получали указанную долю имущества — четырнадцатую долю недвижимого и восьмую часть движимого; остальное имущество делилось поровну между сыновьями. Если нисходящие родственники отсутствовали, наследовали боковые родственники, а при их отсутствии — родители. Переживший супруг получал из недвижимого имущества седьмую часть, а из движимого — четырнадцатую. Усыновленные дети наследовали лишь купленное, а не родовое имущество усыновителя, незаконнорожденные дети вовсе исключались из участия в дележе наследства. Выморочное имущество поступало государству, дворянству, губернии, городу или сельскому обществу в зависимости от сословия умершего.

Эти правила вошли в Свод законов 1832 г., который еще более расширил свободу завещателя: завещать можно было что угодно и кому угодно, кроме майоратных и заповедных имений (те и другие учреждались именными императорскими указами в размерах от 25 до 100 тыс. десятин, или 27—

110 тыс. га). Признавались недействительными завещания, сделанные умышленными, монахами, самоубийцами, несовершеннолетними и лицами, по суду лишенными прав состояния. Не имели силы завещания в пользу евреев, поляков и иностранцев в тех губерниях, где они не имели права владеть недвижимостью. После эмансипации 1861 г. передача имущества по завещанию стала преобладать; при наследовании без завещания родители вообще исключались из числа наследников.

Вещное право.⁸⁷ Требования индивидуализации субъекта права, предъявляемые современным правом к любой гражданской сделке, не соблюдались до XVIII в.⁸⁸ так как частной собственности в полном смысле этого слова не существовало.⁸⁹ Закон и обычай не разделяли недвижимую и движимую собственность и не уделяли последней необходимого внимания. Торгово-ремесленное и крестьянское население входило в свои общины, и поэтому недвижимое имущество являлось объектом не частного, а коллективного владения, а движимое имущество было объектом семейной, а не индивидуальной собственности. Известная индивидуализация владения имуществом наблюдалась среди социальной элиты, но и в этом случае в XI—XIII вв. недвижимая собственность считалась объектом владения не индивида, а рода. В XV—первой половине XVIII в. право на недвижимую собственность находилось в зависимости от военной службы государству и существовало либо в форме вотчины (наследственное землевладение), либо в форме поместья (условного землевладения). Законными способами приобретения вещных прав признавались захват, или оккупация (так называемое захватное право никому не принадлежавшей вещи, включая землю), давность, находка, договор, пожалование и дарение. Движимое имущество приобрело черты частной собственности де-факто еще в допетровское время, а де-юре — в 1714 г., когда оно было юридически отделено от недвижимого. В свою очередь земельные владения разделялись на родовые, выслуженные (пожалованные) и купленные вотчины и поместья, а строения — на дворы и торговые помещения (лавки). Для разных видов недвижимой собственности был установлен особый режим распоряжения ими. В сельских общинах земля по-прежнему находилась в коллективном владении. В течение XVII в. в городах в сфере имущественных отношений боролись частновладельческая и общинная тенденции, к концу XVII в. победила первая: законодатель разрешил посадским людям распоряжаться своими постройками на общинной земле, в том числе продавать их лицу, не принадлежавшему к данной посадской общине, при условии, если переселенец соглашался платить налоги и нести все повинности, которые падали на его предшественника. Это расширило возможность для посадских переселяться, а для непосадских людей, наоборот, вселяться на территорию посадской общины. В начале XVIII в. права посадских распоряжаться своими постройками и землей, на которых они находились, были еще более расширены.⁹⁰ В конце XVII—первой половине XVIII в. закон четко установил, какие субъекты могли владеть теми или иными объектами собственности. Индивидуальными владельцами земли могли быть только представители служилого класса. Из их среды постепенно вытеснялись недворяне, так называемые служилые люди по прибору, которые по своим правам в сфере вещных прав и социальному статусу все более приближались к государственным крестьянам — они объединялись в общины и теряли право быть индивидуальным владельцем земли.

Еще более радикальный перелом в области вещного права произошел при Екатерине II. В 1762—1785 гг. поместья вместе с проживавшими в них крестьянами стали полной собственностью конкретного дворянина, а сервитуты, введенные Петром I, вроде права государства на распоряжение недрами, некоторого вида лесами и т. д., были отменены. Сокращение в 1737 г. срока родового выкупа с 40 до 3 лет и круга лиц, пользовавшихся этим

правом, означало победу индивидуальных начал над родовыми в сфере дворянской поземельной собственности, обеспечивало стабильность прав на приобретенное имущество и облегчало мобилизацию земли посредством купли-продажи. В первой трети XIX в. постепенно и другие сословия, кроме владельческих крестьян, получили право иметь землю в собственности. Земля стала частной собственностью, доступной всем сословиям, кроме владельческих крестьян. Но и недвижимое имущество торгово-промышленного назначения — фабрики, заводы, дома и торговые заведения в городах и т. п. — перестало быть монополией городского сословия. Утверждение права частной собственности на недвижимое имущество и особенно на землю, которая являлась в России главным видом недвижимой собственности, способствовало окончательному юридическому оформлению данного института в законодательстве, что и было сделано в Своде законов 1832 г. Собственность определялась как право «исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно» (т. 10, ч. 1, ст. 262). К законным способам приобретения права собственности добавилась давность: владение вещью, добросовестное или недобросовестное, в течение 10 лет превращало владельца в собственника.

В царствование Александра II свобода владения частной собственностью из привилегии сделалась общей правовой нормой для всего населения. В законе сохранились лишь те ограничения вещных прав лица, которые необходимы для свободы имущественных отношений других лиц, т. е. сервитуты, а в пользу государства удержано право экспроприации для государственных потребностей.⁹¹

Семейное право.⁹¹ Со времени крещения Руси среди социальных верхов и горожан получил признание церковный брак. Постепенно, к XVI—XVII вв., по мере христианизации широких слоев населения, он распространился среди крестьянства, что сопровождалось запрещением браков между христианами и нехристианами и между христианами разных конфессий.⁹³ По закону вступление в брак предшествовало обручению (сговор), у социальных верхов носившее форму письменного нотариального договора, у крестьян — устного соглашения. Неисполнение договора влекло судебную ответственность и уплату штрафа. Сторонами в договоре были родители или опекуны брачующихся, так как воля будущих супругов во внимание не принималась. Вступление в брак владельческих крестьян происходило с согласия их помещиков. Отпуская крепостную крестьянку замуж за крестьянина другого владельца, помещик получал выкуп (вывод). После договора обручения родители покупали разрешение на вступление в брак (венечную память) у епархиального архиерея. Священник выяснял, нет ли препятствий к браку, главными из которых были кровное или духовное родство (например, родственники крестного отца или крестной матери до четвертой степени включительно не могли вступать друг с другом в брак), наличие живого супруга и возраст. Факт предполагавшегося вступления в брак должен был трижды по праздничным дням оглашаться в церкви, после чего происходили венчание и свадьба со многими чертами языческого ритуала. Из изложенного ясно видно, что нормы семейного права смешивались с нормами обязательственного права, что *брак заключал в себе черты имущественной сделки*. Это было следствием того, что в то время семья рассматривалась не столько как эмоционально-нравственный союз любящих и уважающих друг друга индивидов, сколько как хозяйственный союз. Закон устанавливал в семье власть мужа и отца. Сословная принадлежность жены и детей устанавливалась по мужу и отцу. До XVIII в. самопродажа главы семьи в холопство влекла за собой и холопство жены и детей, родившихся после самопродажи. Муж имел право отдавать жену в заклад или внаем на срок до

5 лет, а детей отдавать в монастырь или продавать в холопство; в 1649 г. последнее право было заменено правом отдавать в услужение.

Несмотря на главенство мужчины в семье в имущественном отношении закон признавал равенство супругов, их взаимную ответственность по обязательствам. Все имущество семьи, включая приданое жены и имущество, принадлежавшее мужу до женитьбы, составляло общее семейное имущество, которым супруги распоряжались совместно и которое после их смерти наследовали их дети. Однако в случае бездетного брака, чтобы гарантировать сохранность приданого жены, муж вносил залог (вено), равный третьей части своего имущества. После смерти мужа вдова владела этим залогом до тех пор, пока родственники мужа не выплачивали ей стоимость ее приданого. В этом ярко проявлялись черты родовой солидарности, существовавшей наряду с семейной солидарностью, которая стала ослабевать со второй половины XVII в. вследствие усиления тенденции к индивидуализации имущественной ответственности отдельных членов семьи.⁹⁴

Основной причиной для прекращения брака являлась физическая смерть одного из супругов, для развода — прелюбодеяние. Лишение всех прав состояния по суду не прекращало брака, поскольку жена несла ответственность вместе с главой семейства, и наоборот. Однако длительное и безвестное отсутствие одного из супругов, неспособность к супружеской жизни, длительная и тяжелая болезнь и уход в монастырь могли служить основанием для развода.

Довольно важные изменения в сфере семейного права произошли в XVIII в., которые коснулись главным образом дворянства и отчасти городских верхов. В 1702 г. закон провозгласил при заключении брака приоритет акта венчания над актом обручения, или сговора, и отменил уплату неустойки в случае отказа одной из сторон вступить в брак. Это подчеркивало религиозное значение брака, а имущественный характер сделки, прежде бывший на первом месте, уходил в тень. Попытки восстановить санкции за отказ от обручения в 1744 г. закончились тем, что в 1775 г. закон вообще отменил обручение как обязательный элемент процедуры бракосочетания, превратив его в факультативный обрядово-этический ритуал. Не менее важным было то, что закон запретил родителям женить своих детей помимо их воли, вступать в брак умственно отсталым и душевно больным (1722), повысил брачный возраст для дворян (1714). Петр I стремился смягчить семейные нравы, обязав женщин участвовать в некоторых общественных увеселениях вместе с мужчинами.

В 1753 г. закон утвердил раздельность обязательственных прав супругов, отменил взаимную обязанность по долгам друг друга. По закону отец должен был содержать своих незаконнорожденных детей и их мать, но дети не участвовали в наследовании по закону, а только по завещанию. Вместе с тем такие принципы допетровского семейного права, как власть мужа над женой и родителей над детьми, сохранили свою силу. В течение второй половины XVIII в. закон обязал военнотружущих и чиновников спрашивать разрешение на брак у своих начальников, а с 1800 г. генералы и старшие офицеры должны были испрашивать высочайшее соизволение на брак. С 1802 г. родительская власть над детьми прекращалась в случае лишения родителей гражданской правоспособности по суду, поступления в монашество или отделения детей от родителей (последнее, как правило, совпадало со вступлением детей в брак или поступлением сына на службу).

Свод законов 1832 г. внес ряд изменений в семейное право. Брачный возраст был повышен до 16 лет для женщин и 18 лет для мужчин. В имущественном отношении закон давал женщине самостоятельность: имуществом, полученным в качестве приданого, путем дарения, купли и другим законным способом, она могла распоряжаться вполне и независимо от мужа. В остальном закон систематизировал прежние постановления. При заключении бра-

ка требовалось согласие родителей, опекунов или попечителей, для чиновников и военных — разрешение начальства, для владельческих крестьян — разрешение помещиков. Запрещались браки между христианами и нехристианами, но еще в 1721 г. были разрешены браки между христианами разных конфессий. Жена обязана была подчиняться мужу и жить вместе с ним; вместе с тем закон запретил наказывать жену, бить и увечить ее под страхом уголовного наказания. Основания для развода оставались прежние — прелюбодеяние, лишение одного из супругов гражданских прав, смерть или безвестное отсутствие супруга в течение 5 лет, вступление одного из супругов в монашество, неспособность одного из них к брачному сожителству, подтвержденное медицинской экспертизой. Для лютеран дополнительными основаниями развода были сумасшествие, заразная болезнь, развратная жизнь. У католиков брак считался принципиально нерасторжимым. У мужчин-магометан препятствий к разводу не существовало, развод же для женщины был невозможен.

После эмансипации 1861 г. закон не требовал согласия родителей на вступление в брак их детей, что юридически давало им большую свободу в выборе партнера. Расширились легальные возможности расторжения брака. Закон более четко проводил принцип раздельности имущества супругов, несколько увеличил самостоятельность женщин. Но жены без разрешения мужей не могли наниматься на работу, выдавать векселя и т. п. Как это ни парадоксально, в пореформенное время церковь усилила контроль за семейно-брачными отношениями. В силу этого изменения в семейно-брачных отношениях происходили в большей степени на практике.

Таким образом, гражданское право в своем развитии прошло длительную эволюцию. В ходе ее возросло число субъектов права, физические субъекты дополнились юридическими лицами, постепенно увеличились права частного лица во всех сферах гражданского права за счет сокращения прав рода, общины, корпорации, государства. **Договоры в конечном счете приобрели конкретный и индивидуальный характер, а число видов договоров возросло до предельно возможной величины.** Словом, с ростом имущественных прав полномочия отдельного лица в сфере гражданско-правовых сделок также увеличивались. Этот процесс не дошел до своего логического конца, поскольку женщины и несовершеннолетние до конца императорского режима были не только существенно ограничены в своих правах, но и не были в достаточной мере защищены законом от насилия со стороны мужчин.⁹⁵

СУДОУСТРОЙСТВО И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

В процессуальном праве различают три модели процесса: 1) обвинительный, или состязательный, 2) инквизиционный, или розыскной, и 3) смешанный. При обвинительном процессе все дела, включая уголовные, носят характер частного обвинения; уголовное или гражданское преследование возбуждается не органами государственной власти, а отдельными гражданами, собирающими и представляющими суду необходимые доказательства по делу; самый суд происходит в исключительно состязательном порядке: активны только обвинитель и обвиняемый, а роль суда сводится к оценке представленных обеими сторонами доказательств и вынесении на их основе решения; можно сказать, что это прежде всего процесс сторон. При инквизиционном процессе (от *inquisitio* — исследование) расследование преступления осуществляется самими судебными органами и по их собственной инициативе, даже без жалобы частного лица; судебный орган объединяет в своих руках функции суда, обвинения и защиты, что превращает судопроизводство в процесс без сторон, поскольку обвиняемому не противостоит особый обвинитель как сторона. При смешанном процессе на суде вновь

появляется обвиняемый как сторона, что гарантирует соблюдение прав личности. Однако в процессе активны не только стороны, но и суд, рассматривающий дело; отсюда и название процесса смешанным, т. е. сочетающим элементы состязательного и розыскного. Бремя доказательств лежит на обвинителе. Цель процесса — отыскание материальной истины, а не формальных доказательств, как это практикуется при розыском процессе.

Судебные власти и судопроизводство

XI—XVII вв.⁹⁶ В XI—XIII вв. судебная власть принадлежала частным лицам, общине и государственным органам. Судебная власть частных лиц проявлялась в праве господина судить своих рабов и зависимых от него людей. Община судила за преступления, совершенные ее членами на ее территории. Потребность решать споры между общинами мирными средствами, а не войной, вызвала необходимость государственных органов судебной власти, которую разделяли князь и вече. Княжеский суд осуществлялся лично князем или его советниками. Вече, или народное собрание, первоначально рассматривало всякие иски, но постепенно ограничилось делами об измене. Со временем наиболее серьезные преступления, такие как убийство и грабёж, стали прерогативой княжеского суда. Однако в княжеском суде самое активное участие принимали представители общины со стороны как истца, так и ответчика.

Судебный процесс был близок к *обвинительному процессу*. Во времена Киевской Руси обе стороны назывались «истцами», или «соперниками», что указывало на отсутствие процессуальных преимуществ для истца и ответчика, с некоторыми исключениями для исков уголовных. Понятия о государстве как истце в уголовных делах не существовало, не было различия между уголовным и гражданским, следственным и обвинительным процессами. Сторонами в суде выступали частные лица, семья, род и община. Личное присутствие на суде истца и ответчика было обязательным, но со временем стало допускаться присутствие представителя для стариков, больных, монахов и детей. Спорящие стороны договаривались о предмете спора, о судьбе и сроке явки на суд. Первоначально договор заключался между ними, минуя судебные власти, но в более позднее время он стал заключаться при участии самой судебной власти, к которой обращался истец за содействием. Но когда ответчику было выгодно уклониться от суда и договор между ним и истцом был невозможен, тогда истец с санкции власти должен был привести ответчика силой. Арест мог быть заменен поручительством, что свидетельствовало о том, что свобода человека ценилась высоко. Если преступник был неизвестен, пострадавший начинал его поиск. В случае кражи пострадавший на торговой площади публично объявлял о пропавшей вещи и ее приметах. Через три дня владелец пропавшей вещи обязан был объявить об этом и доказать, что он честным способом приобрел ее. Тот, кто не мог объяснить, как к нему попала вещь, признавался виновным, возмещал убытки и платил штраф. Всякий, у кого после трех дней обнаруживалась вещь, должен был ее вернуть и уплатить штраф. Розыск вора или убийцы мог производиться также по оставленным следам. Считалось, что там, где лежит украденная вещь или убитый человек, там находится и преступник. Если вещь или труп находились в каком-либо доме, то его хозяин признавался виновным, если на территории какого-нибудь села — то община должна была либо выдать виновника, либо отвести вину от себя, либо платить штраф. Если «след» преступника терялся, то поиск прекращался.

На суде спорящие стороны в качестве доказательств использовали очевидцев преступления (видоков) и людей, могущих подтвердить честное имя обвиняемого (послухов), — последние выступали от имени всей общины, ко-

торая принимала решение очистить ответчика от обвинения или дать о нем отрицательный отзыв на общем собрании. В случае если этого было недостаточно, то прибегали к *суду Божьему*, который имел несколько видов — присяга, или клятва перед Богом, жребий, ордалии (испытание железом, огнем или водой) и судебный поединок. Та сторона, которая побеждала на поединке, выдерживала испытание, приносила клятву или в чью пользу выпал жребий, признавалась выигравшей процесс. Какая сторона подвергалась испытаниям и каким именно, решал суд по обстоятельствам дела. Суд был устным, допускалось примирение сторон даже во время поединка.

В XV—XVII вв., как и прежде, судебная функция не была отделена от административной. Суд осуществляли все те лица и органы, которые располагали властью и осуществляли управление: великий князь (с середины XVI в. царь), Боярская дума, центральные органы власти (приказы), представители великого князя (царя) в провинции, которые в разное время назывались по-разному — наместниками, волостелями, воеводами. На местах вместе с представителями короны в суде участвовали представители служилых людей, городской или сельской общины. Однако некоторые приказы более или менее специализировались на выполнении судебных функций. Так, Разбойный приказ (он также назывался Сыскным приказом) разбирал дела об убийствах, разбоях и грабежах на территории всей страны, кроме Москвы, где судопроизводство по всем уголовным делам находилось в компетенции Земского приказа. Важнейшие политические преступления рассматривались в Тайном приказе. Гражданские дела между дворянами рассматривались в Судных приказах, число которых изменялось от пяти в конце XVI—начале XVII в. до одного в 1699 г. Гражданские дела, касавшиеся отношений между дворянами и их крепостными и холопами, — в Приказе холопьяго суда. С 1539 г. дела о разбоях, убийствах и грабежах стали передаваться на суд выборных общин (губных старост, или голов). Значение суда выборных начало падать с середины XVII в., и его официальная отмена в 1708 г. только законодательно оформила свершившийся факт — возвращение судебной власти к представителям короны — воеводам.

В течение всего московского периода существовал *вотчинный суд* в разных видах: *дворцовый* — для суда над дворцовыми крестьянами, *монастырский* — для суда над монастырскими крестьянами, *владельческий* — для суда над крестьянами частных вотчин. В отличие от предшествующего периода вотчинная юстиция осуществлялась по уполномочию короны. Кроме того, существовал церковный суд по делам веры и брачно-семейным отношениям для всего населения и духовный суд для духовенства. Однако во всех случаях дела о наиболее серьезных преступлениях были исключительной прерогативой короны либо губных старост, когда последние существовали. Различные суды, как и прежде, не разделялись по инстанциям. Подсудность была по месту жительства. Для разбора маловажных уголовных и гражданских дел существовали общинные суды в городе и деревне.

Важное новшество московского периода состояло в раздвоении единого прежде состязательного процесса для всех дел на два вида: гражданские споры, не основанные на документах, и уголовные дела, совершенные неизвестными лицами, разбирались по правилам старого состязательного судебного процесса, а для решения гражданских дел с привлечением документов, и уголовных дел, где имелись подозреваемый и улики, стал применяться розыскной процесс. Состязательный процесс велся в основном на старых основаниях, но и здесь произошли некоторые изменения: решение вопросов о предмете спора между истцом и ответчиком, судьбе и времени разбирательства становилось прерогативой суда; стороны могли не являться на суд лично, а действовать через своих представителей, имели право отводить, а не выбирать судей. В качестве новых видов доказательств большое значение

приобрели письменные документы и массовый опрос жителей округа, где проживали тяжущиеся, который назывался повальным обыском. Из Божьих судов сохранили значение только клятва, жребий и поединки (в них разрешалось выставить вместо себя наемного человека), но к началу XVII в. поединки сами собой исчезли из судебной практики. Устное делопроизводство заменилось письменным. В состязательном процессе дело начиналось с подачи истцом письменной жалобы. Неявка любой стороны в суд вызывала прекращение дела с невыгодными для неявившегося последствиями. Протокол заседания вели секретари (дьяки). Приговор суда выдавался обеим сторонам. Исполнение приговора осуществлялось судебными приставами. Проигравшая или виновная сторона часто наказывалась битьем прутьями («правежом»). Приговоры могли быть обжалованы.

В розыском процессе роль истца взяло на себя государство. Договорные отношения между сторонами о ведении дела не действовали. Поручительство не заменяло ареста. Доказательства изыскивали не тяжущиеся стороны, а сам суд; спор сторон превратился в допрос и очную ставку, мирное соглашение между ними стало невозможным: за попытку договориться с обвиняемым сам истец подвергался пытке. Устное судоговорение заменилось письменным делопроизводством, процесс стал тайным. Обнаружение поличного (украденной вещи или убитого человека) по-прежнему служило важным доказательством, но уже не имело прежнего безусловного значения. Собственное признание с конца XVI в. стало обязательным для вменения преступления, а пытка в самых разнообразных формах стала главным средством розыска и получения собственного признания. При противоречивых доказательствах и отсутствии собственного признания решающее значение имело общественное мнение по поводу совершения подозреваемым преступления, выявляемое в ходе массового опроса соседей.⁹⁷ При положительном отзыве обвиняемый освобождался от наказания и отдавался общине на поруки. При отрицательном отзыве смертная казнь заменялась пожизненным заключением в тюрьму. Приговоры приводились в исполнение государственными органами, вознаграждение потерпевшего заменилось наказанием виновного. Следует, однако, отметить, что **в России розыскной процесс в чистом виде не сформировался.**

XVIII—первая половина XIX в. При Петре I проводились противоречивые судебные реформы, хотя император руководствовался рациональными идеями. Он хотел, во-первых, отделить суд от администрации, создав специальные судебные органы нескольких уровней с правом апелляции на решения суда низшей инстанции в суд высшей инстанции; во-вторых, поставить судопроизводство в рамки писаного закона, уменьшить субъективность судебных решений; в-третьих, поставить работу судов под контроль прокуратуры; наконец, привлечь для исполнения судебных функций на местах провинциальное дворянство. Поскольку реформ в течение 25 лет было несколько и каждая следующая хотя бы отчасти отменяла предыдущую, рассмотрим, каков был их конечный результат.

Судебные учреждения разделялись на четыре инстанции. *Магистраты* и *ратуши* служили судами первой инстанции для посадских, а для всех остальных лиц, проживавших в негубернских городах и сельской местности, эту роль выполняли *нижние суды*. *Надворные суды* являлись первой судебной инстанцией для всех жителей губернских городов, кроме посадских людей, и второй судебной инстанцией — для всех остальных. Учрежденная *Юстиц-коллегия* заменила Разбойный приказ в качестве третьей судебной инстанции не только по уголовным, но и по гражданским делам. Сенат выполнял роль четвертой и высшей, не считая императора, судебной инстанции и рассматривал дела о преступлениях высших должностных лиц. Вместо Тайного приказа была создана *Тайная канцелярия розыскных дел*. Таким образом, кроме магистратов, все суды были всесловными. Они состояли из назначаемого

коронной судьи, который по совместительству мог исполнять какую-нибудь административную должность (например, президентом надворного суда был губернатор), и заседателей от дворянства; только магистраты избирались и состояли из посадских. В надворных и нижних судах больших городов решения принимались заседателями и судьей коллегиально, в нижних судах малых городов, которых было большинство, — судьей единолично. Однако, создавая специальные судебные органы, Петр I не изъял судебные функции у новых центральных учреждений — коллегий, заменивших приказы, и сохранил церковный и военный суды.

В 1727 г., всего через два года после смерти Петра I, последовала новая судебная реформа, по которой Сенат, Юстиц-коллегия и магистраты были сохранены, а надворные и нижние суды ликвидированы; вся судебная власть вновь перешла в руки коронной администрации — коллегий, губернаторов и воевод. Новая судебная система просуществовала до 1775 г. Причины неудачи петровской судебной реформы сводились к следующему. Во-первых, идея разделения властей не соответствовала русским традициям; во-вторых, специальный суд требовал большого числа подготовленных людей, которых было недостаточно, и огромных средств, которыми казна не располагала. В результате вместо порядка, который хотел утвердить император, в судебном ведомстве увеличился беспорядок.

Положение усугублялось непоследовательностью императора в отношении судопроизводства. Указом 1697 г. состязательный процесс был всюду заменен розыскным, что было подтверждено «Воинскими артикулами» 1715 г., которые дали подробное описание следственного процесса. Для ограничения субъективизма судей последние должны были руководствоваться концепцией формальных доказательств, согласно которой разные доказательства имели разную силу, выражавшуюся в баллах. Судьи должны были собрать все доказательства «за» и «против» и оценить их суммарную силу в баллах. Самым совершенным доказательством признавалось собственное признание, для получения которого обращались к пытке. Пытке предшествовал «допрос с пристрастием», т. е. с угрозами и побоями. Признание не освобождало от пытки, так как считалось, что пытка откроет новые факты и детали преступления. Кроме признания использовались свидетели и документы. Однако через 7 лет, в 1723 г., указом «О форме суда» розыскной процесс отменялся и заменялся состязательным, что ставило судей в затруднительное положение, так как «Воинские артикулы» сохраняли полную силу и стали применяться в гражданских судах. В 1725 г. Сенат разрешил противоречие следующим образом: розыскной процесс применялся к делам, связанным с богохульством, расколом, убийством, разбоем, грабежом, а также с «церковным мятежом» — восстанием против официальной православной церкви, и к воинским преступлениям; к остальным уголовным правонарушениям и к гражданским делам должен был применяться состязательный процесс. Рациональный император отменил остатки Божьих судов — поединки и жребий — и сохранил только клятву.

При ближайших преемниках Петра I процесс оставался на прежних основаниях. Судебные органы в городах пополнились в 1754 г. *словесными судами*, предназначенными для разбора незначительных гражданских дел между посадскими, и специальным судом Московского университета для его студентов и профессоров. Петр III ликвидировал Тайную канцелярию.

Важные и долгосрочные изменения в организации суда и судопроизводства произошли при Екатерине II, которая попыталась устранить недостатки, свойственные суду ее предшественников: неотделенность суда от администрации, множество инстанций, смешение гражданских и уголовных дел, запутанность делопроизводства. В 1775 г. в ходе реформы местных учреждений был преобразован и суд. Реформа создала на уездном и губернском уровнях сословные судебные органы для дворян (*уездный земский суд* и *верх-*

ний земский суд), для городского сословия (*городовой и губернский магистраты*) и для государственных крестьян (*нижняя и верхняя расправы*). Суды губернского уровня разделялись на суд по гражданским и уголовным делам, на уездном уровне специализация отсутствовала. Уездные и губернские суды находились в отношениях высшей и низшей инстанций, создавая возможность для апелляции. В каждой губернии были созданы также сословные суды — *палата уголовного суда* и *палата гражданского суда* как ревизионная и третья апелляционная инстанция. Функцию контроля над деятельностью судов осуществляли уездные и губернские прокуроры, а также губернаторы, которые формально должны были утверждать приговоры по важнейшим делам. Но если ежегодное количество только уголовных дел с начала XIX в. превышало 100 тыс., трудно предположить, что вмешательство губернатора в судебную сферу могло быть сколько-нибудь значительным. Для духовенства и военных сохранялись церковный и военный суды. Помещичьи крестьяне по маловажным гражданским и уголовным делам судились вотчинным судом, по важным — в уездном суде. В Петербурге и Москве были созданы надворные суды для разбора дел, касавшихся временных жителей столиц, находившихся там по различным делам. В палаты уголовного и гражданского суда судьи и советники назначались от короны; в сословные суды губернского уровня председатель назначался от короны, а заседатели — от соответствующего сословия; в сословные суды уездного уровня председатель и заседатели избирались от дворянства и городского сословия, а для государственных крестьян председатель назначался губернским правлением, а заседатели избирались крестьянами.

По инициативе Екатерины II был создан сословный *совестный суд* для разбора преступлений и проступков, совершенных малолетними, глухонемыми, «безумными», дел о колдовстве, об оскорблении родителей детьми, а также преступлений, совершенных в состоянии аффекта, случайно, неумышленно, по стечению обстоятельств. Председатель совестного суда назначался губернатором, а заседатели избирались различными сословиями, включая государственных крестьян, но суд над представителями отдельных сословий происходил по *сословным присутствиям*, т. е. дворяне судили дворян, купцы — купцов и т. д.

Закон определил не только состав, но и компетенцию каждого суда, порядок возбуждения дела, контроля за деятельностью суда, делопроизводства и подачи апелляции. Вначале апелляционный пересмотр дел разрешался по всем делам, но в 1784 г. он был ограничен гражданскими делами и теми приговорами по уголовным делам, которые не предусматривали смертной казни и лишения гражданских прав, — к последним наказаниям приговаривались не более 10% осужденных. Эти наиболее важные уголовные дела могли пересматриваться только по инициативе высшей судебной инстанции, в порядке ревизии. Все суды первого, уездного, уровня могли начинать значительное число уголовных дел не только по указанию высшей инстанции, но и по жалобам частных лиц, поэтому возможности апелляции были достаточно широки. Правда, они сдерживались большой пошлиной и штрафом за необоснованность жалобы.⁹⁸ Сенат являлся высшей апелляционной инстанцией по делам гражданским и уголовным, Синод — по делам церковным.

При Екатерине II произошли изменения и в судопроизводстве. В 1765 г. императрица предписала всюду применять состязательный процесс. Но на практике суды применяли также и розыскную форму в зависимости от дела, тем более что в розыском процессе сохранились элементы состязательного, а состязательный процесс включал элементы розыска. Указами 1763 и 1767 гг. было ограничено применение пытки, которая допускалась только в тех случаях, когда все другие средства установить истину были исчерпаны, причем только в провинциальных и губернских городах и при санкции гу-

бернатора. Сохранение пытки, хотя и в ограниченных размерах, свидетельствует о том, что розыскной процесс при Екатерине II не исчез. В 1782 г. в городах были устроены *управы благочиния* в качестве полицейских органов с обязанностью производства следствий по всем видам преступлений — так был сделан первый шаг по отделению следствия от суда и уменьшению роли судьи в процессе. Вотчинный суд остался на прежних основаниях.

Созданные Екатериной II судебная система и процесс просуществовали без радикальных перемен до судебной реформы 1864 г., хотя некоторые исследователи полагают, что в XIX в. розыскной процесс взял перевес над состязательным." Вряд ли с этим можно согласиться. **Со времени Екатерины II и вплоть до судебной реформы 1864 г. применялись три формы процесса:** 1) в случаях государственных и других тяжких преступлений — преимущественно розыскной процесс, 2) при рассмотрении маловажных уголовных дел и гражданских дел — преимущественно состязательный процесс и 3) в остальных случаях — смешанная форма процесса, совмещавшая элементы состязательного и розыскного процессов. Таким образом, большее число дел рассматривалось в соответствии с нормами состязательного или смешанного процесса. В судах первой и второй инстанций как по уголовным, так и по гражданским делам заседателями являлись представители сословий, что не позволяло судьям принимать единоличные решения, как обычно бывало при розыском процессе. По данным Министерства юстиции, в гражданских палатах в 1840—1850-е гг. «процесс по форме», т. е. розыскной процесс, применялся лишь при рассмотрении 1.2—1.4% всех дел, допускалось мировое соглашение между тяжущимися сторонами. Существовала довольно широкая возможность апелляции, что также несовместимо с розыскным процессом: например, в 1840—1850-е гг. апелляция по уголовным делам в судах первой инстанции охватывала примерно 30% случаев, по гражданским делам — 30—36% всех случаев. Львиная доля обвиняемых по уголовным делам во время следствия находилась на свободе — от 80% в 1830-е гг. до 90% в начале 1860-х гг.¹⁰⁰ С 1782 г. в городах произошло отделение следствия от суда, что лишило суд инквизиторского характера, когда судья был и следователем, и прокурором, и судьей. Все перечисленное несовместимо с духом розыскного процесса и свидетельствует о том, что принципы состязательного процесса не умирали, а, наоборот, развивались.

Преемники императрицы внесли некоторые изменения как в судебные органы, так и в процесс. При Павле I были ликвидированы суды второй инстанции — губернские магистраты, верхние земские суды и верхние расправы, которые дублировали деятельность палат уголовного и гражданского суда, а также нижние расправы и восстановлена Тайная канцелярия, вскоре после его смерти упраздненная.

При Александре I, в 1802 г., была окончательно отменена пытка, во все суды введены представители сословий, в новых университетах созданы автономные суды. Благодаря этому роль общества в осуществлении правосудия увеличилась. В 1809 г. были запрещены апелляции для лиц податных состояний; в 1823 г. апелляции были вновь разрешены для всех осужденных, но после прибытия к месту наказания. В 1802 г. было создано Министерство юстиции, которому вверялось управление всем судебным ведомством и прокуратурой, а для облегчения этой задачи министр юстиции исполнял также обязанности и генерал-прокурора, возглавлявшего надзор. Судебная система пополнилась *коммерческими судами*, учрежденными специально для разбирательства торговых споров как между купцами, так и между купцами и представителями других сословий. Первый коммерческий суд в 1808 г. появился в Одессе, в 1853 г. возник последний девятый суд в Тифлисе; к началу XX в. осталось всего 7 судов. В 1832 г. их деятельность была поставлена на твердые основания закона «Учреждением коммерческих судов и уставом их судопроизводства».¹⁰¹ Важные изменения в отношении суда над крестьянами

произошли при Николае I. Свод законов 1832 г. урегулировал порядок наказания крестьян разных категорий их владельцами — помещиками, казной и дворцовой администрацией. В 1839 г. для государственных крестьян были созданы специальные суды — *волостная и сельская расправы* (волость — более мелкая административная единица, чем уезд), состоявшие исключительно из выборных от крестьян. Закон четко определил компетенцию суда и смягчил наказания, которые он мог налагать на крестьян. В отношении помещичьих и дворцовых крестьян смягчение наказаний произошло по Уложению о наказаниях 1845 г.

В результате всех изменений судебная система к началу реформы 1864 г. имела следующий вид. Низшей инстанцией для государственных крестьян являлись волостные и сельские расправы. Эти суды разбирали мелкие иски и проступки крестьян. Они состояли из выборных старшины и двух заседателей. Волостная расправа решала дела по спорам до 15 р., сельская расправа — до 5 р. По проступкам расправы могли назначать штраф от 25 коп. до 1 р. Низшей инстанцией для помещичьих и удельных являлся вотчинный суд помещиков и администрация удельных крестьян, которая имела над ними права, равные правам помещика над своими крестьянами.¹⁰² Помещик и администрация имели право на следующие наказания в отношении крестьян: наказание розгами — до 40 ударов, палками — до 15 ударов, заключение в сельской тюрьме — на срок до 2 месяцев, в смиренном доме — на срок до 3 месяцев, отдача в арестантские роты — на срок до 6 месяцев, а также сдача в рекруты и удаление навсегда из имения с представлением изгоняемого преступника в распоряжение местной коронной администрации. Однако компетенция низшего судебного звена — общинного суда не была определена в законе, и он действовал по обычаю и старине.

Первой инстанцией для всех сословий, кроме городского (купечество категорически отказалось от подсудности ему), был уездный суд. Окончательно в нем решались все уголовные дела при осуждении обвиняемого на исправительное наказание, т. е. без потери всех гражданских прав, или прав состояния, а из гражданских дел — при величине иска до 30 р. Все остальные дела отправлялись на ревизию в следующую инстанцию. Уездный судья выбирался дворянами, заседатели — дворянами и крестьянами, кроме помещичьих. Но крестьянские заседатели присутствовали только при разборе дел, касавшихся крестьян.

Второй судебной инстанцией были палаты уголовного и гражданского суда, находившиеся в каждой губернии. Палата уголовного суда служила ревизионной инстанцией для дел, поступающих из всех судов первой инстанции, находившихся в данной губернии (на ревизию шло около 40% дел), и судом первой инстанции по делам о должностных преступлениях. Дела о представителях всех сословий, кроме дворянства, решались палатой окончательно, и только дела о дворянах передавались на ревизию в Сенат. Палата гражданского суда рассматривала в апелляционном и ревизионном порядке все гражданские дела. По искам до 600 р. ее решения были окончательными, по искам на большую сумму дела передавались на утверждение в Сенат. Как суду первой инстанции палате были подсудны дела по искам об имениях, находившихся в разных уездах данной губернии, по искам о городской коммунальной собственности и споры об авторском праве. Председатели судов в палаты уголовного и гражданского суда назначались от короны, заседатели — от дворян и городского сословия для разбора дел, касавшихся соответственно дворянства и городского сословия.

Высшей судебной инстанцией по уголовным и гражданским делам в империи был *Сенат*. Целых 10 из 11 его департаментов занимались судебными делами в порядке апелляции и кассации. В исключительной компетенции Сената, был суд над губернскими предводителями дворянства по должностным преступлениям. Департаменты Сената находились в Петербурге, Мос-

кве и Варшаве, к каждому было прикреплено несколько губерний. В департаментах окончательное решение по делу принималось в случае единогласия всех сенаторов. В противном случае дело переносилось на рассмотрение в общее собрание судебных департаментов, где для принятия решения требовалось квалифицированное большинство, решение затем утверждалось министром юстиции. При несогласии сенаторов или министра юстиции дело направлялось в Государственный совет. Сенаторы назначались императором из заслуженных сановников и имели чин не менее III класса (соответствовал военному чину генерал-лейтенанта), в состав Сената по должности входили все министры; генерал-губернаторы принимали участие в его заседаниях, когда рассматривались дела их губерний.

На практике суды разных инстанций применяли как состязательную, так и розыскную формы процесса в зависимости от дела. Но с отменой пытки в 1802 г. и телесных наказаний в 1863 г. розыскной процесс приблизился к состязательному процессу, тем более что в первом всегда присутствовали элементы второго.

1864—1913 гг. Судебная реформа 1864 г. коренным образом изменила и судоустройство, и судопроизводство. Документы судебной реформы включали 4 закона: о судоустройстве, о гражданском процессе, об уголовном процессе и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Судебная система была упрощена, стала всесословной, и, что очень важно, был введен суд присяжных, избираемых самим населением. Поскольку 90% населения страны составляли крестьяне, из них и формировался в основном состав присяжных. Вводились всего две судебные инстанции. Первой инстанцией стали *окружные суды* (обычно по одному на губернию). Решения с участием присяжных считались окончательными и могли быть обжалованы только в кассационном порядке. Суд присяжных разбирал преступления, которые влекли за собой лишение (полностью или частично) гражданских прав (прав состояния). При отсутствии присяжных решения могли обжаловаться в *судебную палату*, которая объединяла несколько окружных судов в один судебный округ. В качестве суда первой инстанции судебная палата разбирала дела о государственных и должностных преступлениях; эти дела рассматривались при участии сословных представителей: предводителей дворянства, городского головы губернского города и волостного старшины. Сенат являлся кассационной инстанцией, которая могла воззвать дело на новое рассмотрение только в случае нарушения правил судебной процедуры. Для разбора маловажных уголовных дел и мелких исков на сумму, не превышавшую 500 р., были созданы *мировые суды* с упрощенным судопроизводством. Мировые судьи избирались уездным земским собранием (в С.-Петербурге, Москве и Одессе — городскими думами) сроком на 3 года из числа цензовых граждан — земских и городских гласных. Их решения могли быть обжалованы в уездный съезд мировых судей. Был создан *институт адвокатуры*, адвокаты объединялись в корпорацию присяжных поверенных.¹⁰³ Судьи и следователи стали несменяемыми, и от всех них, кроме мировых судей, требовалось специальное юридическое образование. Суд окончательно отделился от администрации, следствие — от суда и полиции. Представителем правительственной власти в суде стала прокуратура, подчиненная министру юстиции и не пользовавшаяся правом несменяемости.

Процесс по всем делам стал состязательным, на место канцелярской тайны пришла гласность, заочный разбор дел был заменен публичным разбором с участием тяжущихся сторон и их адвокатов. Утверждался принцип осуществления правосудия только судом, отменялась система формальных доказательств, введенная еще Петром I, упразднялся институт оставления в подозрении, когда суд не принимал решения ни о виновности, ни о невиновности обвиняемого. Впервые в истории российского права был введен гражданский процессуальный кодекс, который вводил принцип *диспозитив-*

Рис. 8. Камера мирового судьи по делам о малолетних. Екатерингофский, 4. С.-Петербург. 1912 г.

ности, дававший спорящим сторонам возможность самим определять сроки, ход и другие моменты судебного разбирательства, как это было в древних русских судах. Роль прокурора в гражданском процессе свелась к минимуму. За все 50 лет существования новых судов не было отмечено ни одного прокурорского протеста в гражданских делах. Введение гражданского кодекса впервые отделило гражданское судопроизводство от уголовного, приспособив его к новой судебной системе. В результате реформы все подданные империи сравнялись перед лицом суда.

Новые судебные порядки вводились постепенно, и только к 1907 г. они пришли во все местности России.¹⁰⁴ Наряду с общими бессловными судами для крестьян были созданы *волостные суды*, которые разбирали маловажные уголовные и гражданские дела по обычному праву. Сохранились суды для военных и духовенства, но они были преобразованы по образцу общих гражданских судов.

Созданная система в основе своей просуществовала до конца императорского периода, хотя и подвергалась некоторым изменениям в сторону отхода от первоначальных принципов реформы. Все эти отклонения касались государственных преступлений, были вызваны возникновением и ростом революционного движения, к участникам которого новые суды относились весьма снисходительно. В течение 1871—1881 гг. следствие по государственным преступлениям перешло от судебных следователей к жандармам, все виды государственных преступлений, а также многие из преступлений, направленных против порядка управления, были изъяты из компетенции суда присяжных и рассматривались специальными судами — в *Особом присутствии Правительствующего Сената* с словными представителями или *Верховным уголовным судом*. С 1879 г. наиболее опасные для государства преступления передавались военным судам, которые судили по законам военного времени и чаще всего выносили смертные приговоры. В 1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» дало

правительству право объявлять местности на положении усиленной или чрезвычайной охраны, что ставило суды этих местностей в зависимость от администрации. Этим правом правительство пользовалось сравнительно редко, исключая период революции 1905—1907 г. Следует отметить также, что все изъятия из судебных уставов 1864 г. принимались правительством после очередного акта террора со стороны революционеров. Однако происходили изменения и в либеральном направлении. В 1886 г. были расширены права присяжных в процессе — они получили право ставить вопросы свидетелям и подсудимому. С 1899 г. в судебных палатах было введено обязательное назначение адвоката. В 1913 г. суд получил право реабилитации, т. е. погашения судимости по истечении определенного времени после совершения преступления.

В 1889 г. подвергся реформе мировой суд. В большинстве местностей судьи стали назначаться администрацией из профессиональных юристов. В деревне рядом с волостным судом появился назначаемый правительством чиновник из местных дворян (*земский начальник*) с правами судьи и ревизора волостных судов; он имел власть назначать штрафы до 6 р. и подвергать крестьян аресту до 3 дней без права обжалования. В городах рядом с мировым судьей появился назначаемый от короны *городской судья*. Закон 1912 г., принятый Государственной думой, восстановил выборный мировой суд и учредил в качестве апелляционной инстанции для волостных судов *верхний сельский суд*, председателем которого становился мировой судья, а заседателями — председатели волостных судов.

Об объективности и суровости судебных приговоров

В российской и зарубежной литературе утвердилось мнение о несостоятельности всей судебной системы России до реформы 1864 г., о том, что в судах царили несправедливость и коррупция. «Дореформенные суды наши, — писал, например, известный дореволюционный правовед Н. В. Давыдов, — создавшиеся на основе сословности, канцелярской тайны, строжайшего формализма, большого количества инстанций и ревизионного восхождения дел по этим инстанциям, представляли из себя учреждения действительно ужасные, внушавшие презрение и в то же время и страх правому и неправому. Подкупность и взяточничество судебных органов были общеизвестны. Судейской самостоятельности не существовало, и суды трепетали и низкопоклонствовали перед знатными и власть имущими. В судах заседали, кроме назначаемых правительством судебных чиновников, представители сословий, но и они не вносили в темное царство суда светлого луча правосудия».¹⁰⁵ В подтверждение приводятся мнения современников, факты взяточничества, волокиты, несправедливых решений. Но, когда читаешь все эти обличения, возникает вопрос: как при коррумпированном и абсолютно несостоятельном суде вообще могло существовать общество и государство в течение нескольких столетий? Ведь филиппики в адрес суда при Николае I в еще большей степени должны быть отнесены к судам XVI, XVII, XVIII и первой четверти XIX в., поскольку, как мы видели, уголовное право, судебная система и процесс со временем постепенно совершенствовались. Если бы эти негативные мнения соответствовали действительности, то преступность должна была бы всегда находиться на высоком уровне, со временем увеличиваться и в царствование Николая I люди должны были бы бояться выходить из своих жилищ, ездить на ярмарки и т. д. и т. п. В конце концов социальную и экономическую жизнь ожидал полный паралич. Между тем императоры без охраны совершали прогулки по столице, в стране проходила нормальная жизнь и всеобщего страха быть ограбленным или убитым при выходе на улицу вечером в дореформенное время заметно не было. Как мож-

Рис. 9. А. Ф. Кошко, начальник московской сысской полиции. Москва. 1910 г.

но все это совместить? Чтобы ответить на этот вопрос, используем известные критерии оценки работы правоохранительной системы в целом, каковыми обычно считаются уровень и изменение преступности, процент раскрываемости преступлений, количество жалоб и протестов, поданных в вышестоящие инстанции на судебные приговоры низших инстанций, и принятые по ним решения. Поскольку судебная система, возникшая в России по судебным уставам 1864 г., считается лучшей из всех тех, которые существовали прежде, то все эти показатели сравним для периода до и после реформы 1864 г.

Раскрываемость преступлений. Как это ни парадоксально, но преступность в России, насколько можно судить по имеющимся данным, в дореформенное время находилась на низком сравнительно с западноевропейскими странами уровне и имела тенденцию к снижению. Наоборот, после судебной реформы преступность почти непрерывно росла и к 1913 г. превысила уровень 1850-х гг. в 3 раза (подробнее об этом далее).

В качестве первого показателя раскрываемости преступлений примем соотношение числа осужденных и обвиняемых, исходя из посылки, что обвиняемые были в массе своей потенциальными правонарушителями, а осуж-

денные — теми правонарушителями, чья вина была доказана, и, следовательно, преступление было раскрыто. В 1803—1808 гг. на 100 обвиняемых приходилось 44 осужденных, в 1860-е гг. — 40, в 1900-е гг. — 60 осужденных. Отсюда можно предположить, что до судебной реформы доля раскрытых преступлений была невысокой и имела тенденцию уменьшаться, а после нее — увеличиваться.

Другим показателем раскрываемости преступлений может служить число уголовных дел, которые прекращались из-за недостатка улик, бегства преступника и других подобных причин и не доходили до суда, исходя из предпосылки, что возникшее дело в массе являлось зафиксированным преступлением, а прекращенное дело — нераскрытым преступлением. Соответствующими данными мы располагаем только для пореформенного периода: в 1870-е гг. прекращалось 60%, в 1880-е гг. — 49, в 1890-е гг. — 57, в 1911—1913 г. — 51% всех открытых дел. Эти данные также свидетельствуют, что раскрываемость преступлений после судебной реформы 1864 г. имела тенденцию увеличиваться. Таким образом, следствие после судебной реформы работало эффективнее. Но следствие стало работать и намного быстрее. В 1840—1850-е гг. расследование одного дела продолжалось в среднем 9—11 месяцев, при этом 72% следствий заканчивалось в течение года, 26% — в течение 1—4 лет, а 2% следствий продолжалось более 4 лет. В конце XIX—начале XX в. расследование одного дела начиналось в среднем через 3 недели после совершения преступления и заканчивалось через 7—8 недель, всего 4% следствий продолжалось более 6 месяцев.¹⁰⁶

Коррупция. Справедливы ли нарекания на всеобщую коррумпированность судей в дореформенное время?¹⁰⁷ То, что существовали достаточно многочисленные случаи взяточничества, вероятно, справедливо. Но была ли коррупция настолько распространена, что разрушала правосудие, что богатые и знатные люди могли не бояться суда и наказания? На мой взгляд, ответить на этот вопрос хотя бы отчасти помогают данные о том, кто был оправдан судом, помилован императором или освобожден от наказания, а также данные о тяжести наказаний, назначенных представителям разных сословий (табл. VIII.2).

Таблица VIII.2
Распределение подсудимых по сословиям и видам приговоров в 1861—1864 гг. (в %)

Сословные группы	Оправдан- ные и осво- божденные от суда	Оставлен- ные в по- дозрении	Направлен- ные в адми- нистратив- ные органы	Всего осво- бождено	Пригово- ренные каторге ссылке	Пригово- ренные и исправ- ительным на- казаниям	Всего осужде- но
Дворянство	45.7	11.7	22.7	80.1	4.4	15.7	20.1
Духовенство	44.8	11.9	26.7	83.4	3.9	13.2	17.1
Почетные граждане	48.1	12.5	18.5	79.1	3.0	18.1	21.1
Купечество	45.6	11.8	24.9	82.3	1.1	16.6	17.7
Мещанство	43.4	17.1	20.3	80.8	1.4	17.8	19.2
Крестьяне казенные	36.2	15.1	21.8	73.1	1.2	25.8	27.0
Крестьяне помещичьи	36.1	18.4	20.5	75.0	2.0	23.1	25.1
Отставные солдаты	32.7	14.8	26.8	74.3	2.0	23.8	25.8
Иностранцы	43.9	16.0	27.0	86.9	1.6	11.6	13.2
Скрывшие свое имя	13.9	3.7	22.9	40.5	29.6	30.0	59.6
Ссылнокаторжные	25.7	14.5	31.9	72.1	16.7	11.3	28.0
Итого	37.6	15.9	21.6	75.1	1.9	23.0	24.9

Источник: Отчет министра юстиции за [1861—1864] год. СПб., 1863—1866.

Как видно из приведенных данных, среди оправданных и помилованных на первом месте находились почетные граждане, в значительной мере со-

стоявшие из профессиональной интеллигенции и богатого купечества, за ними шли дворяне, купцы, духовные лица, мещане и инородцы. Доля оправданных и помилованных среди этих социальных групп находилась в интервале от 43.4 до 48.1%, к дворянству и купечеству суд и император были одинаково милостивы. С большим отрывом от них следовали крестьяне и отставные солдаты; два последних места занимали ссыльнокаторжные и скрывшие свое имя и происхождение. Нахождение купечества и дворянства в привилегированной группе можно объяснить наличием денег для взятки, хотя большая часть дворян была бедной. Но чем объяснить нахождение в этой группе интеллигентов, бедного духовенства, мещанства и особенно инородцев, как назывались представители малых народов?!

За недостаточностью улик часть подсудимых освобождалась от наказания, но оставалась на подозрении или отправлялась для принятия мер в административные органы и свои общины, что могло служить удобной лазейкой для коррумпированного судьи помочь взяткодателю. На подозрении оставались в большей степени представители беднейших сословий — крестьяне, мещане и инородцы, в меньшей степени — представители богатых и привилегированных сословий, которые могли дать взятку, — дворяне, купцы, духовенство и почетные граждане. Среди лиц, отправленных для разбирательства в административные органы и свои общины, на первом месте находились ссыльнокаторжные, инородцы и духовенство, что легко объяснимо необходимостью усилить надзор за бывшими заключенными.

Самые тяжелые уголовные наказания, включая каторгу, естественно, были назначены рецидивистам и скрывшим свое имя. Но любопытно, что вслед за ними шли дворяне, духовные лица и почетные граждане, а на последнем месте находились купцы, инородцы и казенные крестьяне. Более легкие исправительные наказания в большей степени получали скрывшие свое имя, крестьяне и солдаты и в меньшей степени — привилегированные сословия. Как видим, картина получается очень пестрой и не дает оснований для определенных выводов о том, что богатые или привилегированные классы имели преимущества в получении льгот и легких наказаний.

Сконцентрируем анализируемые данные до двух показателей — процента осужденных и процента освобожденных от наказания (два последних столбца табл. VIII.2). Среди 11 социальных групп менее всего подвергались наказанию и чаще всего от них освобождались инородцы, за ними с отрывом в 3.9 пункта шло духовенство, затем купечество, мещанство, почетные граждане и дворянство. Крестьянство и отставные солдаты менее других освобождались и более других наказывались. Вновь не видим, чтобы самые богатые и знатные имели особые привилегии.

Вероятно, судьба обвиняемого зависела в большей степени не от социального положения, а от образования, которое позволяло дать толковые, вразумительные и в свою пользу показания — ведь в уголовных процессах до судебной реформы 1864 г. все объяснения должны были быть письменными. Здесь преимущество имели почетные граждане, духовенство и дворянство — в большинстве образованные люди. Купечество в основном было элементарно грамотно, но оно имело возможность нанять специалиста, который мог составить нужную бумагу. В худшем положении находились мещане, крестьяне и инородцы, уровень грамотности которых был невысок: в 1857 г. грамотных среди мещан было около 30%, среди крестьян — 12, среди инородцев — менее 10%. Другим важным фактором, влиявшим на наказания различных социальных групп, являлась номенклатура преступлений, характерная для каждой группы. Привилегированные лица совершали относительно больше тяжких с точки зрения закона того времени преступлений, а непривилегированные люди — больше мелких преступлений. Соответственно первые наказывались более сурово, чем вторые, — серьезное свидетельство в пользу того, что наказание назначалось адекватно преступлению.

После введения новых судебных учреждений жалобы на коррупцию судей прекратились, но со временем все более раздавалось протестов общественности против вмешательства администрации в действия суда, точнее, против изъятия дел о государственных преступлениях из ведения общих судов. Эти нарекания совершенно справедливы. Однако на долю государственных преступлений в 1907—1913 гг. (только за эти годы имеются соответствующие данные) приходилось менее 0.1% всех преступлений (2392 из 2496 тыс.), большинство из них разбиралось в общих судах, а когда обвиняемые представляли перед судом присяжных, то администрация была бессильна повлиять на решение суда.

Волокита. В конце XIX—начале XX в. на решение одного серьезного уголовного дела с того момента, когда оно попадало в руки следователя, и до приговора уходило в среднем 7—8 месяцев, а на решение мелкого уголовного дела всего 2.1 месяца, в том числе два из трех дел решались в течение месяца.¹⁰⁸ До реформы каждая из трех судебных инстанций решала большинство дел в течение года. Если дело окончательно решалось в суде первой инстанции, требовалось времени до 1 года, во второй инстанции — до 2 лет, в третьей — до 3 лет. В 1830-е гг. на решение дела, которое от первой инстанции доходило до третьей, уходило в среднем около 2 лет (ни раньше, ни позже подобных расчетов не делалось).¹⁰⁹ Некоторое количество дел оставалось нерешенным отчасти потому, что судьи не успевали их рассмотреть, но главным образом по той причине, что для решения дела нужны были дополнительные сведения, из-за этого начиналась переписка, которая при больших расстояниях, неразвитом транспорте и плохих дорогах длилась порой 20 лет и больше.¹¹⁰

Имеющиеся за 1834—1864 гг. данные (табл. VIII.3) показывают, что доля нерешенных дел во всех судах, за исключением гражданских палат, со временем возрастала.

Таблица VIII.3

Нерешенные дела в различных судебных инстанциях России в 1834—1864 гг. (в %)

Судебные органы	1833— 1840 гг.	1841— 1850 гг.	1851— 1860 гг.	1861—1864 гг.
Нерешенные дела				
Все судебные места	13.6	17.0	26.3	30.8
Сенат	20.6	13.3	20.1	23.9
уголовные дела	1.9	0.4	3.4	6.5
гражданские дела	25.3	27.4	28.6	29.8
Уголовные палаты	10.1	10.4	15.8	17.9
Гражданские палаты	32.1	26.1	25.4	24.6
Суды 1-й инстанции	—	6.7	28.5	36.1
уголовные дела	—	8.3	22.0	25.6
гражданские дела	—	5.8	32.0	51.3

Источники: Отчет министра юстиции за [1834—1864] год. СПб., 1835—1866.

В результате этого во всех судах к 1864 г. накопилось 167 тыс. нерешенных дел, а средняя продолжительность нахождения дела в архиве нерешенных дел составляла около 4 лет, в том числе в судах третьей инстанции — 4.5 года, первой и второй инстанций — до 3.5 года. Уголовные дела, как правило, решались в 1.5 раза быстрее, чем гражданские: средняя скорость прохождения уголовных дел в 1830—1850-е гг. составляла 1.5 года, гражданских дел примерно 2—2.5 года. Однако если в 1830-е гг. в завалы нерешенных дел попадало лишь 9% дел, то в конце 1850-х гг. — 22%, соответственно

вероятность для дела попасть в завал возросла в 2.5 раза, а продолжительность его нахождения там увеличилась на несколько лет.¹¹¹ Вот, например, «возрастной» срез 167 тыс. нерешенных дел, накопившихся к 1863 г. во всех судебных инстанциях, при среднем «возрасте» дела в 2.2 года (табл. VIII.4).

Таблица VIII.4

«Возрастная» структура 167 тыс. нерешенных дел во всех судебных инстанциях России к 1863 г.

Возраст дел, лет	% дел	Возраст дел, лет	% дел	Возраст дел, лет	% дел
Старше 15	1.0	5	4.1	2	12.9
10—15	2.3	4	5.2	1	23.0
5—9	9.9	3	8.3	Менее 1	33.3

Источник: Отчет министра юстиции за 1863 год. С. 190—191.

Накопление нерешенных дел создавало в целом правильное ощущение у современников, что суд стал работать медленнее. В чем причины этого? С конца 1850-х гг. Министерство юстиции стало ежегодно требовать от судебных мест сведения о том, «за какими лицами и местами исполнение решений останавливается?». Обобщение этих ответов за 1861—1864 гг. дает следующие результаты.¹¹² Самым уязвимым звеном в системе правоохранительных органов была полиция, т. е. задержание преступников и следствие, — там застревало 56% всех дел. Один из современников, долго работавший в Сенате, указывал, что полиция была главным двигателем процесса, а суд только проверял ее действия.¹¹³ Неудивительно, что именно в полиции задерживалось до двух третей всех судебных дел.¹¹⁴ О плохой работе следствия говорит тот факт, что многие подозреваемые подолгу — от года до 5 лет — находились под следствием в заключении. Ревизии полицейских учреждений, проводимые Министерством внутренних дел, постоянно находили состояние полиции неудовлетворительным. Типичные недостатки состояли в низкой эффективности и оперативности следствия, что обуславливалось недостатком персонала (на уезд с населением нередко свыше 100 тыс. человек полагалось всего 5—6 штатных чиновников) и его перегруженностью административно-хозяйственными,¹¹⁵ а также и судебными делами: до введения в жизнь новых судебных уставов полиции приходилось осуществлять в больших масштабах судебную функцию по мелким уголовным и гражданским делам, так как по закону так называемые бесспорные дела, которые не требовали дополнительного расследования, должны были решаться полицией.¹¹⁶ В 1865 г. Министерство юстиции провело специальное исследование в 32 губерниях, которое обнаружило, что уездная и городская полиция в 1863—1864 гг. решила гражданских исков и тяжб в 2.6 раза больше, чем суды первой и второй инстанций вместе взятые, и разрешила десятки тысяч уголовных дел — 39% от того числа дел, которые проходили через суды.¹¹⁷

Вторым по важности узким местом являлись суды первой инстанции, где застревало 26% всех дел. Это было следствием инстанционного судопроизводства: через суды первой инстанции проходило около 94% всех уголовных и гражданских дел. Суды их рассматривали, фильтровали и затем по 55% (из 94%) дел принимали окончательное решение, а 39% дел отправляли в суды второй инстанции на ревизию. Суды первой инстанции являлись ключевым органом в судебной системе. Но именно они были укомплектованы наименее квалифицированными и плохо оплачиваемыми специалистами, и само их число было недостаточно. Между тем Министерство юстиции и губернская администрация больше заботились о судах второй инстанции, которые находились в губернских городах, и считали их ключевой судебной

инстанцией. Судебная реформа 1864 г. упразднила инстанционный порядок судопроизводства, что явилось важным фактором ускорения решения дел.

Важно отметить, что у губернаторов в дореформенное время задерживалось всего 0.4% всех нерешенных дел, хотя по закону они должны были ежегодно утверждать от 40 тыс. до 60 тыс. приговоров судов. Это говорит о том, что губернаторы мало контролировали работу судебной системы, что совершенно естественно, ибо в разное время их было всего 50—70 человек. Если бы они серьезно контролировали суды, то именно губернаторы должны были стать самым уязвимым звеном судебной системы. Сравнительно мало влияли на работу суда и прочие учреждения: в них задерживалось около 18% всех дел. Это бросает тень сомнения на точку зрения, ставшую общим местом в литературе, что дореформенная администрация постоянно вмешивалась в работу судов.¹¹⁸

Министерство юстиции хорошо сознавало медленность судопроизводства, так как и оно, и Сенат в обилии получали жалобы на волокиту: в 7% всех жалоб, направляемых в Сенат, просители сетовали именно на медленность решения судебных дел. Министерство юстиции придумывало всякие меры для ускорения процесса судопроизводства, но все они сводились к усилению контроля за скоростью делопроизводства и за количеством нерешенных дел. Но это мало помогало, потому что *дело было не в людях, а в самой судебной системе, построенной на инстанционном и сословном принципах, постоянном контроле высших судебных инстанций над низшими, который не был поверхностным*, как контроль губернаторов. Это хорошо видно на следующем примере. Николай I, который был суров к нерадивым чиновникам, сам сталкивался с волокитой. Дела, которые по его личной инициативе вносились в Общее собрание департаментов Сената — в высший суд дореформенной России — и не ждали своей очереди подобно другим, отнюдь не все решались в течение года. В 1830-е гг. император ежегодно вносил 172 дела, и только 61% из них решался в год внесения в Сенат, в 1840-е гг. — 151 дело, в год внесения решалось 70% дел. Как видим, даже императору удавалось лишь немного ускорить прохождение дел, да и то в Сенате. Его приказ, отданный в 1828 г. Министерству юстиции, чтобы дела подозреваемых разрешались в течение года, никогда не мог быть исполнен.¹¹⁹

Жалобы, апелляции и отмененные приговоры судов. Попытаемся оценить справедливость судебных приговоров, основываясь на трех показателях — на числе кассационных жалоб, поданных на нарушения процессуального закона, на числе апелляций на неправильное постановление суда (для краткости апелляция и кассационные жалобы будут называться одним словом «протесты») и на числе отклоненных протестов (табл. VIII.5).

Данные табл. VIII.5 рисуют парадоксальную картину. До судебной реформы число апелляций на приговоры было невелико, причем намного меньше, чем позволял закон. На долю опротестованных приговоров приходилось всего 2.1—7.0% всех судебных приговоров по уголовным делам и 10.6—15.9% всех приговоров по гражданским делам. К 1880-м гг. доля апелляций на приговоры всех видов судов по уголовным делам повысилась в 4—6 раз, а по гражданским делам составляла всего 19%, если судить по мировому суду, так как по окружным судам и судебным палатам такие данные отсутствуют. С 1880-х гг. до 1899—1903 гг. (за последующие годы подобные данные отсутствуют) доля апелляций по уголовным делам немного снизилась, но не стала ниже, чем в дореформенное время. Поскольку апелляции показывают отношение населения к судебным приговорам, то из приведенных данных напрашивается вывод, что *до реформы население было более удовлетворено приговорами судов как по уголовным, так и по гражданским делам, чем после реформы*. Что же касается судьбы протестов, то и до, и после судебной реформы суды высшей инстанции крайне редко отменяли

приговоры судов низшей инстанции. Это свидетельствует о том, что приговоры, как правило, соответствовали закону.

Таблица VIII.5

Число поданных жалоб и апелляций (протестов) на приговоры судов и доля полностью удовлетворенных протестов в 1835—1903 гг.

Суды первой инстанции до судебной реформы	1835—1840 гг.	1842—1848 гг.	1861—1864 гг.
Рассмотрено уголовных дел, тыс.	160.1	137.9	171.1
Число дел с правом апелляции, тыс.	48.1	41.5	51.0
Подано апелляций, тыс.	1.0	1.1	1.4
Рассмотрено гражданских дел, тыс.	378.0	120.8	72.3
Число дел с правом апелляции, тыс.	91.1	30.1	17.9
Подано апелляций, тыс.	5.9	4.8	5.4
Удовлетворено апелляций судами 2-й инстанции, % к числу дел с правом апелляции ¹	6.5	16.1	30.2
Отменено приговоров судов 1-й инстанции в порядке ревизии судами 2-й инстанции, %			21.8
Суды второй инстанции до судебной реформы	1835—1840 гг.	1842—1848 гг.	1861—1864 гг.
Рассмотрено уголовных дел, тыс.	42.8	47.3	55.9
Подано апелляций, тыс.	3.0	1.6	2.2
Удовлетворено апелляций Сенатом, %	—	28.6	23.2
Рассмотрено гражданских дел, тыс.	23.0	52.9	80.5
Подано апелляций, тыс.	2.8	5.6	2.1
Удовлетворено апелляций Сенатом, %*	21.4	24.7	21.4
Мировые суды после судебной реформы	1881—1885 гг.	1893—1897 гг.	1899—1903 гг.
Принято приговоров по уголовным делам с правом апелляции, тыс.	1035	—	—
Подано апелляций в разные инстанции, тыс.	158	5.8	6.6
Принято приговоров по гражданским делам с правом апелляции, тыс.	727		
Подано апелляций в разные инстанции, тыс.	138	4.7	5.6
Удовлетворено апелляций по уголовным и гражданским делам, %	24.3	36.7	31.4
Окружные суды и судебные палаты после судебной реформы, уголовные дела	1881—1885 гг.	1893—1897 гг.	1899—1903 гг.
Принято приговоров окружными судами и судебными палатами, тыс.	29.8	33.0	54.5
Подано протестов на приговоры окружных судов в судебные палаты, %	—	16.3	33.9
Удовлетворено протестов, %	—	14.6	1.7
Подано протестов на приговоры судебных палат в Сенат, %	—	12.8	11.5
Удовлетворено протестов Сенатом, %	—	10.2	6.7
Подано протестов на приговоры окружных судов и судебных палат в Сенат, тыс.	2.3	1.9	2.1
Удовлетворено протестов Сенатом, %	10.5	8.8	6.9

¹ Удовлетворено полностью.

Источники: Отчет министра юстиции за [1834—1864] год; Сборник статистических сведений по Министерству юстиции за [1884, 1912—1913] год. СПб., 1887, 1915—1916. Вып. 1, 29, 30; Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в [1881—1913] году. СПб., 1885—1916.

Возможно предположить, что одна из причин роста протестов на решения судов после 1864 г. состояла в том, что после реформы в числе подсудимых общих судов, руководствовавшихся законом, а не обычаем, увеличился процент крестьян (в 1874 г. на их долю приходилось 62%, а в 1913 г. — 80%), которые не знали законодательства и в деревне привыкли к суду по обычному праву. Народное правовое сознание, по-видимому, входило в противоречие с законом, что и порождало неудовлетворение приговорами и способствовало росту числа протестов.

Несоответствие правового сознания народа и законодательства проявлялось и в том, что суды присяжных, где большинство мест принадлежало крестьянам, выносили более мягкие приговоры, чем коронные суды без присяжных. Например, в 1873—1883 гг. суды присяжных оправдали 38%, а коронные суды — 23%, к 1883 г. доля оправданных судом присяжных поднялась до самой высокой отметки 43%. В этом смысле очень показательным делом В. Засулич, совершившей в 1878 г. покушение на убийство петербургского градоначальника генерала Ф. Ф. Трепова. Ее дело разбиралось петербургским окружным судом, и она была оправдана. Речь адвоката П. А. Александрова была построена на двух идеях. Первая состояла в том, что судить Засулич по уголовному закону, который она безусловно нарушила, нельзя, ее можно судить только по высшему нравственному закону. «Если закон, — говорил адвокат, — не может предусмотреть все нравственные, индивидуальные различия преступника, то является на помощь общая, присущая человеку нравственная справедливость, которая должна подсказать, что применимо к одному и что было бы высшею несправедливостью в применении к другому». Вторая идея состояла в том, что «физиономия государственных преступлений весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести».¹²⁰ Адвокат и, судя по приговору, присяжные придерживались принципа *ad hoc* (смотря по обстоятельствам) и подменили юридическую норму нравственной, что являлось типичным для обычного права и свидетельствовало о недостаточно развитом правовом сознании общества.¹²¹

Понимая, что правовое сознание большинства присяжных, отражавшее правосознание крестьянства, не вполне соответствовало закону, правительство в 1884 г. утвердило новые правила для составления списков присяжных с целью увеличить долю образованных и цензовых граждан из некрестьян, которые в большей мере понимали необходимость следовать закону при вынесении приговора, а не эмоциям и нравственным соображениям.¹²² В результате число оправданных присяжными сразу уменьшилось с 43% в 1883 г. до 36% в 1887—1891 гг. Однако и эта мера не могла полностью устранить влияние народного правосознания на судебные приговоры. Об этом свидетельствует тот факт, что суды без присяжных, руководствовавшиеся преимущественно законом, выносили более строгие приговоры, чем суды с присяжными: в 1883 г. они оправдали 25% подсудимых, в 1894—1897 гг. — 30 %. Интересно отметить, что доля оправданных судами присяжных на Западе была намного ниже, чем в России, — от 15 до 25%. Приведенные данные свидетельствуют о чрезвычайно важном факте: **правовое сознание русского общества, взятое в целом, не вполне соответствовало действовавшему в России законодательству и носило следы обычного права**, что, вероятно, и служило источником роста числа протестов на решения судов после 1864 г. Имелись и другие факторы роста числа апелляций: раскрепощение и повышение общего культурного и образовательного уровня населения, появление института адвокатуры, утрата прежнего страха перед судом и администрацией. Но они, как мне кажется, имели меньшее значение.

Итак, дореформенное следствие действовало неэффективно, суд работал медленно, но, если судить по небольшому числу протестов, достаточно справедливо. В пореформенное время следствие действовало эффективнее, суд работал быстро, преимущественно по закону и практически без коррупции, но решения судов вызывали больше протестов со стороны населения. Сказанное дает основание для заключения о том, что **пореформенный суд существенно превосходил дореформенный в скорости решения дел, но не в справедливости приговоров.** Весьма тщательная проверка состояния всех судебных учреждений в 36 губерниях, проведенная в 1847 г., показала, что по общему правилу уголовное и гражданское *судопроизводство происходило в соответствии с законом*, хотя имелось множество частных недостатков, в особенности в судах первой инстанции.¹²³ Коррупционированность суда до судебной реформы существовала, но, по-видимому, она сильно преувеличена в историографии, которая некритически пошла за беллетристикой и журналистикой 1850—1860-х гг., осуждавшими дореформенный суд с благородной целью утвердить в России более совершенный и справедливый суд. Дореформенная коррупция, как представляется, имела главной целью ускорить рассмотрение дела, а не избежать наказания или смягчить его.

Каким же образом достигалось правосудие в дореформенное время? Заинтересованность властей и общества в объективности суда, опора на судебные прецеденты, сословность судов, обеспечивавшая судебный поединок между равными, и благодаря этому сравнительно редкое противостояние богатых и бедных, знатных и простолюдинов — вот те факторы, которые, на мой взгляд, обеспечивали достаточно высокую справедливость суда. Коронная администрация иногда оказывала влияние на суд. Например, по словам сенатора И. В. Лопухина, высшая и губернская администрация оказывала влияние на дела правосудия прямо и косвенно. Сенаторы и судьи знали склонности императора или министра юстиции и старались им следовать. Так возникла «мода на строгость» при Павле I и «мода на мягкость» при Александре I. О том же свидетельствовал М. А. Дмитриев, служивший судьей и в Сенате в царствование Николая I. С. Ю. Витте в своих мемуарах, сравнивая старый и новый суды, уверенно утверждает, что дореформенный суд зависел от администрации: «Раз дело было передано в старый суд, то мы отлично знали, что старый суд решит дело так, как ему прикажут сверху».¹²⁴ Значит ли это, что «наверху» хотели, чтобы преступники гуляли на свободе, чтобы приговоры были несправедливы, чтобы люди не верили в суд, а значит, и в коронные учреждения? Ни один критик дореформенного суда не ответит на этот вопрос утвердительно. Коронная администрация высокого уровня действительно иногда вмешивалась в судебный процесс, когда дело имело хоть какой-то политический оттенок. И тогда трудно было ожидать от суда справедливости. Но всем, кто знает предмет, известно, что когда в судебном приговоре по любому гражданскому или уголовному делу близко, кровно заинтересованы большие деньги, большая политика и по-настоящему влиятельные люди, тогда надежды на справедливость всегда призрачны не только в России, но и в любой другой стране, как при суде присяжных, так и без него. Когда же такой интерес отсутствует, когда в суде сталкиваются равные по силе стороны — что в России до 1864 г. происходило, вероятно, в 99% случаев, — справедливость имеет значительный шанс для своего торжества.

М. А. Дмитриев (1796—1866), поэт и крупный чиновник, человек безупречной честности и репутации, противник всякого деспотизма, насилия и цензуры, знавший суд не понаслышке, а изнутри, на основе большого личного опыта (2 года, 1826—1828, он был судьей московского надворного суда — суда первой инстанции, 5 лет, 1828—1833, — советником московской уголовной палаты — суда второй инстанции, 14 лет, 1833—1847, — обер-прокурором Сената), хорошо понимавший и описавший в своих воспоми-

нениях все недостатки и пороки дореформенного следствия, полиции и суда, делает следующее заключение о российской правоохранительной системе второй четверти XIX в.: «Везде законы основаны на доверенности к совести народа и совести судей. У нас — на недоверчивости и к нравственности, и к совести, как к народной, так и судейской. Оттого и правда, и совесть окованы формами, поставлены в станок, чтобы машинально выдвигать правосудие. *Наше уголовное правосудие есть машина, очень хорошая, но машина* (курсив мой. — Б. М.)». Второй вывод состоит в том, что вся правоохранительная система дореформенной России находилась в полном соответствии с юридическими представлениями общества и народа: «Наше прежнее законодательство хотя не отличалось нынешнею гуманностью, хорошо знало русского человека». Те особенности системы, которые следующими поколениями считались недостатками, современникам импонировали либо рассматривались ими как совершенно необходимые в конкретных обстоятельствах дореформенной жизни для отправления правосудия. Субъективность судей, по мнению Дмитриева, помогала правосудию: «Самая недостаточность в подробностях применения была в прежних законах в пользу, а не во вред правосудия. <...> Чем более простора для судейского мнения, тем больше порука за верность мнения, а однообразие в этом случае есть только наружная правильность». Пристрастные допросы обеспечивали требуемое признание и раскрытие преступления: «Сколько ни было издано законов против пыток, они существуют! С одной стороны, таковы следователи, что не умеют без них обходиться, с другой — таков и русский простолудин, что нейдет ни на убеждение, ни на совесть, а понимает и уважает только силу! — Битье по зубам, сечение, содержание в угарной комнате, кормление одними солеными сельдями, без утоления жажды — это было дело обыкновенное! — Без этого у нас не обходится ни одно полицейское следствие; без этого не делается никакого открытия по уголовному следствию». Жесткие телесные наказания казались многим, в том числе подвергавшимся наказанию, необходимыми и нестрашными. «Долговременное содержание под стражею во время справок по всем концам России мало тревожат русского человека. Кормят хорошо, работы нет, а это два главные условия его блаженства». Словом, *«старые законы наши, если разбирать их рационально, представляют всегда достаточную причину их учреждения* (курсив мой. — Б. М.)».¹²⁵

Наконец, нельзя забывать, что абсолютная справедливость — это идеал, к которому все стремятся, но который никогда и ни при какой судебной системе не достигается, потому что самое принципиальное следование закону также не обеспечивает абсолютной справедливости приговора. Если в России большим местом суда всегда было отклонение от закона при решении дел, то в западноевропейских и североамериканских странах, наоборот, слабое место суда — ригористское следование закону. Например, по законам США улика, добытая при обыске или задержании, не санкционированными прокурором, отводится, и на этом основании разоблачаемый данной уликой преступник, будь он даже убийца или грабитель, освобождается от судебного преследования. Суд присяжных тоже не всегда принимает справедливое решение. Его существенный недостаток состоит в том, что во многих случаях талантливый и, естественно, дорогой адвокат, умеющий убеждать и внушать, выигрывает дело, и вместе с ним побеждает богатый преступник. Это дает в демократическом обществе преимущество в суде богатому перед бедным человеком. Другое слабое место суда присяжных в том, что огромное влияние на решение присяжных оказывают общественное мнение и пресса. Обычное право с его судьями, которые выносили решения в зависимости от человека и обстоятельств, несмотря на недостатки, более соответствовало условиям деревенской жизни, когда все знали друг друга, где формальные доказательства во многих случаях были не понятны для малограмотных или вовсе неграмотных

крестьян, а современное следствие невозможно. Словом, в свое время и в своем месте может быть целесообразным суд присяжных или суд стариков, нормы официального, более разработанного, усовершенствованного права или обычного права.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО

До Великих реформ гражданские дела и значительная часть уголовных дел в деревне рассматривались на основе обычного права; оно применялось также в городе при лакунах в законодательстве. Но и после эмансипации обычное право регулировало большой круг общественных отношений. Оно использовалось всеми судами в торговых делах при лакунах в законе; в делах о наследовании, опеке и попечительстве у крестьян; по всем спорам среди крестьян, разрешавшимся волостными судами по гражданским делам, а до 1889 г. и по уголовным делам также; при рассмотрении всех гражданских дел у мирового судьи или земского начальника (в 1889—1912 гг.) при лакунах в законе. До 1887 г. мировой судья имел право решать по совести дела на всякую сумму по просьбе обеих сторон. Что представляло собой обычное право и чем оно отличалось от закона?

Обычное уголовное право

С древнейших времен и до 1917 г. представители всех классов населения, совершившие тяжкое уголовное преступление, судились в одном суде и по единому закону. Что касается мелких уголовных и гражданских дел в деревне, то они были прерогативой сельских судов, разбиравших их по обычному праву. До конца XVII в. закон и обычное право различались не слишком существенно. Однако начиная с XVIII в., когда Россия во всех отношениях стала испытывать сильное влияние Запада, закон начал все более расходиться с обычным правом: город превратился в зону действия закона, деревня — обычая. Внутридеревенские отношения регулировались почти исключительно обычным правом и только отношения крестьян с другими сословиями — официальным правом. В результате этого после эмансипации 1861 г., когда русские этнографы и юристы серьезно занялись изучением крестьянского быта, они обнаружили, что народная юстиция, существенно расходящаяся с законом, решала 80% всех дел у 80% всего населения империи.¹²⁶

Понятие преступления. В последней трети XIX—начале XX в. основные понятия в уголовном обычном праве трактовались, как в законах XV—XVII вв., а в некоторых случаях и XI—XIII вв. В обычном праве преступление понималось как грех (в религиозном смысле), нарушение правды и законов совести и ассоциировалось с несчастьем. М. А. Дмитриев отмечал: «Народ понимает очень хорошо преступление против лица, например убийство, воровство; но преступление против государства, против казны он ставит решительно ни во что: идеи государства он не понимает, а казну он почитает неистощимой. То есть он понимает преступление только тогда, когда оно грех». Все известные пословицы середины XIX в. отзывались о законе негативно, что отражало *не негативное отношение к праву вообще, а народное правосознание*, согласно которому — *правда, отраженная в обычае, справедливее закона*. «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили», — говорила одна пословица. В 1880-е гг. А. Н. Энгельгардт указывал: «Мужик не знает „законов“; он уважает какой-то Божий закон. Например, если вы, поймав мужика с возом украденного сена, отберете сено и наколотите ему шею, — не воруй, — то он ничего; если кулак, скупающий пеньку, найдет в связке подмоченную горсть и тут же вздует мужика, — не

обманывай, — ничего: это все будет по-божески. А вот тот закон, что за (украденный) воз сена на три с половиной месяца в тюрьму, — это не по-божески, то паны написали мужику на подпор (в помощь — иронически. — *Б. М.*)».¹²⁷ Сословный волостной суд, утвержденный в 1861 г., отражая подобное правосознание, должен был «судить по совести», что подтверждалось «Временными правилами о волостном суде» 1889 г. (ст. 25).

В народном правосознании преступник рассматривался по общему правилу как несчастный человек, наказанный Богом за свои прежние грехи, может быть, совершенные в детстве, и сам акт преступления считался уже началом кары и несчастья, обрушившегося на человека. Но если преступление — несчастье, то и преступник — несчастный человек, заслуживающий сочувствия. Не было еще изжито в обычном праве и понимание преступления как личной обиды, как нанесение бесчестья, откуда вытекало убеждение, что судить за проступки против личности и имущества следует самому потерпевшему, и только за преступления, направленные против общественного порядка, судить и наказывать должен суд. Как пережиток далекого прошлого у некоторых крестьян из глубинки бытовало мнение, что обида могла быть нанесена не только человеку, но и принадлежавшему ему животному, другими словами, объектом преступления могло быть и животное. Корреспондент Бюро В. Н. Тенишева сообщил случай, когда один крестьянин отрезал у коровы полхвоста за потраву, хозяин коровы обратился в мировой суд с жалобой, чтобы наказать крестьянина «за бесчестье телушки».¹²⁸ С пониманием преступления как личной обиды связано и то, что обычай допускал мировые сделки (за водку, деньги и др.) при мошенничестве, кражах, нанесении побоев, оскорблениях и т. д. Сельские суды нередко присуждали виновного в уголовном преступлении к возмещению ущерба в двойном или большем размере, но с освобождением его от уголовного наказания.¹²⁹

Своеобразное понимание преступления приводило к тому, что крестьяне смешивали уголовные преступления и гражданские деликты, как это было еще в Московской Руси. Кража, драка, словесное оскорбление, непослушание сына отцу, прелюбодеяние, обман, мошенничество, аморальный поступок, невозвращение долга, нечестная сделка и даже нетактичное поведение — все было проступком, грехом и заслуживало одинакового наказания. Например, девушке нравилась два парня, она с обоими встречалась и обоим обещала выйти замуж. Когда они узнали об этом, между ними возникли напряженные отношения. И тогда на крестьянском сходе решили высесть девушку, что и было сделано.¹³⁰ «Вообще в народном суде по уголовным делам заметно, что народ им придает, как и древние наши законы, вид гражданских».¹³¹ Таким образом, крестьяне после эмансипации понимали преступление, во-первых, не как нарушение юридической нормы, а как нарушение моральной нормы, во-вторых, как личную обиду, в-третьих, как несчастье и наказание. **Этот взгляд на преступление, изжитый в законе еще в начале XVIII в., в обычном праве сохранился в XX в.**¹³² Важно также отметить, что обычное право смотрело на преступление прежде всего, если не исключительно, с объективной стороны, т. е. с точки зрения ущерба, которое оно нанесло, не вникая в побуждения и мотивы правонарушителя. Вследствие этого обычное право не признавало никаких особых обстоятельств, смягчающих вину, кроме опьянения до потери сознания и притеснений со стороны старших членов семьи, и само понятие невменяемости в нем отсутствовало.¹³³

Отличное от закона понимание преступления в обычном праве приводило к тому, что *закон и обычай различались по номенклатуре преступлений*. Во многих случаях преступление по закону и обычаю совпадали, но часто грех не признавался законом за преступление, а преступление по закону не считалось крестьянами грехом и, следовательно, преступлением. Например, собирание милостыни, несоблюдение правил строительного устава, оскорбле-

ние чести сельской полиции, появление пьяным в публичном месте, нарушение тишины и порядка в суде, покушения на государственную собственность вроде порубки казенного леса, кровосмесительство (если супруги не находятся в прямых отношениях родства) и т. д. не считались крестьянами грехом и, следовательно, преступлением, хотя они знали, что закон придерживается другого мнения. С другой стороны, не все греховные и, следовательно, преступные, по мнению крестьян, деяния признавались законом как преступления, например работа в праздники, отказ от подачи милостыни, неучастие в общественной помощи (помочи), нарушение поста. По обычному праву такие деяния, как пьянство, мотовство, расстраивающее хозяйство, нарушение условий договора, в частности сельскохозяйственного найма, карались наравне с кражей, в то время как, согласно общему законодательству, эти деяния влекли только гражданскую ответственность.

Весьма снисходительным было отношение обычного права к такому важному и весьма распространенному преступлению в крестьянском быту, как кража. Во многих местах мелкое воровство, в особенности леса или плодов с полей, не считалось преступлением. Уличенный похититель должен был возместить ущерб. Уголовного наказания не было. Продукты земли, воды и леса, к которым не был приложен труд человека, крестьянин вообще считал принадлежавшими Богу и, значит, всем. Поэтому лесные порубки, похищение лесных и полевых плодов, сена, фруктов в небольшом количестве, только для себя, не считались преступлением.¹³⁴ По подсчету Лесного департамента Министерства государственных имуществ только в казенных лесах за 1894—1900 гг. было похищено леса на 1848 тыс. р., что лишь в ничтожной степени отражало общий ущерб от покушений крестьян на чужую собственность.¹³⁵ В конце XIX в. девушками и парнями еще практиковалось ритуальное воровство ради получения средств на оплату расходов на посиделки.¹³⁶ Будучи снисходительными к мелкому, а иногда и крупному воровству второстепенных с точки зрения крестьян предметов, они были суровы с ворами, похищавшими вещи, без которых хозяйство существовать не могло, — лошадь, орудия обработки почвы и т. п.

В начале XX в. обычное право и крестьяне относились к воровству так же, как относился к этому преступлению закон несколькими столетиями раньше. В XI—XIII вв. ловкое и умелое воровство было делом доблести и за него не наказывали.¹³⁷ Уличенный вор не нес уголовного наказания, а лишь платил потерпевшему материальное вознаграждение. В XV—XVII вв. за кражу полагалось уголовное наказание. Однако для мелкого воровства было сделано изъятие: похищение мелких предметов для личного потребления (в садах, огородах) вовсе не считалось воровством и даже грабеж таких вещей наказывался весьма снисходительно (Соборное уложение 1649 г., гл. 10, ст. 221—222). Суровое петровское законодательство снисходительно наказывало или вовсе освобождало от наказания за кражу еды, напитков или чего-либо другого небольшой ценности, совершенную из крайней нужды («Воинские артикулы» 1715 г., толкование к арт. 195).¹³⁸ При Петре I существовало также право рубки леса для личных нужд. Закономерно поэтому, что «Временные правила о волостном суде» 1889 г., обобщавшие нормы обычного права, предусматривали легкое наказание за мелкую кражу арестом на срок от 7 до 30 дней, в то время как закон — «Устав о наказаниях уголовных» 1885 г. — тюремное заключение на срок от 3 месяцев и выше.

Наказание¹³⁹ понималось как возмездие или даже как месть за преступление. Хотя кровной мести не существовало, но «отплатить» за проступок старались все, и в особенности молодежь. Высшим возмездием считалось привлечение обидчика к суду. Наказанный проступок быстро забывался, безнаказанный помнили долго и старались за него отомстить.¹⁴⁰ При определении вида наказания господствовал субъективизм — наказания назначались «по человеку», «по обстоятельствам» и т. д., в результате люди за одно

и то же преступление получали разное наказание, и вообще *наблюдалась слабая связь между наказанием и тяжестью правонарушения*. При совершении коллективного преступления все наказывались одинаково.¹⁴¹ В некоторых местностях сохранился и такой архаический обычай, как ответственность целой общины за совершенное на ее территории преступление, если преступник не был найден, или за укрывательство преступника. Последнее случалось довольно часто, так как крестьяне боялись выдавать преступника из-за страха мести с его стороны.¹⁴² Господство принципа *ad hoc* (смотря по обстоятельствам) и игнорирование ролевого участия в коллективном преступлении являлись естественным следствием того, что в общине невозможно было механическое, безразличное применение тех или иных юридических норм, ибо отношения между ее членами были тесно переплетены и эмоционально окрашены. Самым разумным в этих условиях было применять решения «глядя по человеку», «по здравому смыслу» и по другим подобным критериям.

Волостные суды в качестве наказания применяли арест до 30 дней, денежное взыскание до 30 р., выговор, а также наказание розгами до 20 ударов. Телесное наказание у крестьян применялось еще 41 год после того, как оно было отменено законом в 1863 г. для других сословий.¹⁴³ Оно применялось даже к тем, кто совершал проступки, не признаваемые законом преступлением, например к «блудникам и развратникам».¹⁴⁴ Кроме применения традиционных розог оригинальное наказание за клевету состояло в том, что суды предоставляли обиженному право бить обидчика по щекам в присутствии публики.

Крестьянин по обычному праву после уголовного наказания не подвергался никаким санкциям и ограничениям в правах. Если же крестьянина судил коронный суд и закон накладывал на преступника ограничения в правах после отбытия наказания, эти ограничения в общине не действовали, хотя к таким лицам в деревне относились с насмешкой и они имели прозвища, соответствующие наказанию. Бывших в тюрьме называли «тюремными», наказанных телесно — «сеченными», оштрафованных — «штрафованными».¹⁴⁵

А. Ефименко и К. Качоровский четко сформулировали различие при назначении наказания по обычному праву и закону. По закону — каждый должен получить то, что ему следует строго по закону, по обычаю — «чтобы никому не было обидно». В законе все держится на логике, в обычном праве — на чувстве, в законе все объективно и формально, в обычном праве — субъективно и индивидуально.¹⁴⁶

В экстраординарных ситуациях обычное право допускало самосуд, вплоть до убийства на месте преступления. Например, убивались поджигатели и конокрады, а иногда воры, застигнутые на месте преступления, — тоже пережиток древнерусского права.¹⁴⁷ Крестьяне часто проявляли склонность к самосуду и предпочитали его официальному суду, так как не были уверены, что преступник получит должное возмездие. Хотя самосуд широко бытовал в деревне, современники отмечали, что в ряде местностей самосуды с конца XIX в. отмирали.¹⁴⁸

Обычное гражданское право

Обычное право в деревне в решающей степени обеспечивало общинный правопорядок, который ограничивал вещные и личные права крестьян — сделки с землей, передачу наследства, заключение договоров, передвижение, выход из общины и мн. др. Крестьяне в большинстве случаев не могли выступать в качестве субъекта гражданского права, так как не могли действовать индивидуально, а лишь с разрешения семьи и общины. После эманси-

пации правительство даже сузило сферу индивидуальных прав. В 1886 г. закон существенно ограничил раздел хозяйств — он мог производиться с согласия большинства общины. В 1893 г. крестьянам было запрещено продавать свои наделные земли без согласия общины, и даже в подворных общинах продажа была крайне затруднена из-за невозможности для крестьян представить формальные доказательства владения, требуемые для заключения сделки. В 1880—1890-е гг. переделы были поставлены под контроль коронной администрации и могли происходить с промежутками не менее чем в 12 лет. Продажа наделной земли была ограничена — для этого требовалось разрешение администрации, а при сделке свыше 500 р. — Министерства внутренних дел. В пределах общины земля могла переходить только от одного члена общины к другому и лишь при согласии схода, даже в залог запрещалось ее передавать частным лицам, за исключением Крестьянского поземельного банка. В 1895 г. Сенат признал даже усадебную оседлость не личной, а мирской собственностью.¹⁴⁹ Во всех перечисленных случаях *правительство искусственно поддерживало нормы обычного права*, ввиду чего крестьяне, тесно соприкасавшиеся в области имущественных отношений с общим правопорядком, например в городе, тяготились этими ограничениями, и волостные суды в некоторых случаях принимали решения в соответствии с законом, а не с обычным правом, но решения эти постоянно отменялись коронными учреждениями по крестьянским делам как не соответствующие обычному праву.¹⁵⁰

Вещное право.¹⁵¹ В сфере вещного права обычное право имело существенные особенности, которые помогают многое понять в социальном или политическом поведении крестьянина. Обычное право содержало две нормы, находившиеся в противоречии с официальным гражданским правом, которые имели особенно большое значение: *принцип трудового права*, согласно которому человек может владеть только тем, во что он или его предки вложили труд, и смешение понятий «собственность», «владение» и «пользование».¹⁵² Хотя крестьянство в массе различало «мое» и «чужое», в особенности применительно к движимому имуществу, но не проводило четкой грани между собственностью и владением в особенности в отношении земли и другого недвижимого имущества. «Моим» крестьянин считал тот участок общинной земли, которым временно владел в данный момент, и усадебную землю, которая находилась в постоянном его пользовании.¹⁵³ *Эти особенности обычного вещного права позволяют объяснить претензии крестьян на помещичьи земли после эмансипации*: постоянное участие крестьян в обработке помещичьих земель, пользование ими в форме аренды или другими способами, наличие сервитутов, различные виды права пользоваться помещичьими угодьями поддерживали в них убеждение, что существовавший правопорядок являлся переходным к тому времени, когда вся помещичья земля перейдет в их владение, поскольку она освоена их предками, а помещики незаконно присвоили результаты их труда. Подобное отношение к помещичьей земле порождало частые земельные захваты, затрудняло формирование представления о неприкосновенности любой собственности.¹⁵⁴ В пореформенное время, несмотря на развитие понятия собственности, указанные особенности вещного обычного права не были до конца изжиты, поскольку они порождались не столько юридической неразвитостью крестьянства, сколько существованием передельной общины, круговой поруки и другими ограничениями их имущественных прав.

Обязательственное право.¹⁵⁵ Обычное право знало многие договоры, которые были известны и закону, но в силу стесненности гражданской дееспособности и слабой потребности в обороте материальных ценностей договоры в деревне были распространены намного меньше, чем в городе, а само обязательственное право крестьян содержало много архаичных черт. Все договоры между крестьянами, как правило, заключались устно и только с не-

крестьянами — письменно. Заключение сделок в крестьянской среде обычно сопровождалось особым ритуалом. Например, раздел имущества начинался с разрезания пополам карава, что символизировало разрыв отношений между делящимися. Ритуал сопровождал сделки купли-продажи, так как, согласно воззрениям крестьян, между человеком и вещью существовали особые отношения, разорвать которые можно было с помощью специального ритуала. По закону признаком состоявшейся сделки считался тот момент, когда контрагенты договорились относительно продаваемого имущества и цены. У крестьян контрагенты брались за руки, которые разнимал посторонний человек. За рукобительем следовала молитва в церкви или перед иконами в доме. После этого покупатель давал задаток, а продавец ставил выпивку. Но и после этого покупатель мог отказаться от сделки, если вещь еще находилась в доме продавца, правда, в этом случае он терял право на задаток. Проданное животное должно было быть лично доставлено продавцом к дому покупателя, а акт передачи сопровождаться ритуалом. Обычное право запрещало продажу имущества, являвшегося основанием для обеспечения платежеспособности хозяйства, например дома, без согласия схода. Волостной суд мог расторгнуть договор купли-продажи, если продавец при заключении его не был в состоянии серьезно обсудить последствия сделки, например был пьян или легкомыслен.¹⁵⁶

Договор займа денег или предметов, как правило, совершался устно и без свидетелей. И здесь дело состояло не в особом доверии крестьян к друг другу, а в страхе, что присутствие постороннего человека или письменная форма сделки могут повредить ее участникам. Это было похоже на то, как крестьянка до последней минуты скрывала свою беременность и рожала самостоятельно, в лучшем случае в присутствии старухи-повитухи, из-за страха так называемого сглаза, т. е. нанесения вреда новорожденному дурным, недоброжелательным глазом. Как правило, договор займа не предусматривал возвращения взятого в кредит с надбавкой, хотя в некоторых случаях надбавка или процент с денег брались. Существенно другое — надбавка на натуру, например за заем зерна, или процент с денег рассматривались не как процент с авансированного капитала, а как оплата услуги. Поэтому оплата за услугу могла быть высокой. Но крестьяне считали, как это было в X—XVII вв., что если выплаченные деньги составляли взятую сумму, то долг выплачен.

При найме рабочего, согласно обычному праву, хозяин должен был обращаться с работниками человеколюбиво, не изнурять их работой, не придираться, не оскорблять и не наказывать их. В противном случае рабочий имел право расторгнуть договор, не возвращая даже полученных в задаток денег. С другой стороны, рабочий не имел права пьянствовать, лениться, грубить хозяину, без его разрешения отлучаться с работы под страхом уголовной ответственности — ареста, денежного штрафа или телесного наказания розгами.¹⁵⁷ Как видим, в отношениях рабочего и хозяина также сохранились следы патриархальности.

Наследственное право.¹⁵⁸ Правила наследования у крестьян по обычному праву тоже имели особенности. Во-первых, крестьяне почти не пользовались завещанием, что свидетельствовало не только о неграмотности, бедности, но и о скованности воли крестьян общественными и нравственными нормами. Наследство составляли постройки, движимое имущество и купленная земля, и все это могло переходить только членам семьи; надельная земля в принципе передавалась только членам данной общины, обычно она оставалась в семье, если дети не делились. Обычное наследственное право учитывало не только кровнородственные отношения, но и трудовой вклад, который внес каждый член семьи мужского пола в создание семейного имущества. В силу этого, в отличие от закона, имущество крестьянского двора могли наследовать не только кровные родственники, но все члены

семьи-хозяйства, которыми считались все те, кто работал в хозяйстве и создавал его имущество, — усыновленные, приемыши и незаконнорожденные. Дочери допускались к наследованию в равной степени с сыновьями, если выходили замуж за «приймака», т. е. если жених входил в семью невесты.¹⁵⁹ При жизни дворохозяина раздел хозяйства разрешался общиной, если домохозяин не был в состоянии руководить хозяйством, пьянствовал, проматывал имущество.

В течение пореформенного времени наследственные права женщин возрастали, но разные местности эти изменения затронули в различной степени. В ряде губерний кроме приданого и лично ею заработанного имущества (например, ткачеством и т. п.), признававшегося ее собственностью, женщина-вдова при наличии малолетних детей имела право на владение всем имуществом, которое оставалось после смерти главы дома до повзрелости детей, а при их отсутствии — и на наследование всего или части имущества помимо боковых родственников. Но и при наличии взрослых детей вдова от наследства полностью не устранялась — ей выделялась определенная часть наследства, обычно седьмая. Молодые незамужние дочери по общему правилу получали часть наследства по усмотрению братьев, жили с ними до замужества и получали от них приданое; старые девы за большой трудовой вклад получали от братьев небольшой дом и пропитание. Относительно участия в наследовании незамужних дочерей существовали большие региональные различия — от получения «малой части из милости» до равной доли наследства с братьями — свидетельство того, что данный институт претерпевал изменения. При отсутствии у умершего сыновей его имущество обыкновенно переходило к незамужним дочерям, включая даже надельную землю, если женщины могли справляться с хозяйством и уплачивать налоги; в некоторых местностях имущество делилось между вдовой и дочерьми в определенной пропорции. После смерти матери незамужние дочери участвовали в наследовании ее имущества, но степень этого участия сильно изменялась от местности к местности. Замужние женщины не участвовали в наследстве умерших отца и матери. Обычное право в отличие от закона не устраняло вовсе восходящих родственников от наследства — имущество замужней дочери наследовалось либо ее матерью, либо отцом.¹⁶⁰

Семейное право.¹⁶¹ Существенные особенности крестьянской семьи состояли в том, что это был прежде всего союз хозяйственный, нередко объединявший в своем составе несколько малых семей и лиц, не связанных кровным родством, которые в среде других сословий проживали обычно отдельными семьями. Все члены такой семьи вели общее хозяйство под руководством ее главы. Из этого вытекали многие особенности семейного обычного права: слабое развитие индивидуальной собственности членов семьи, невозможность для них заключать сделки помимо главы семьи, принадлежавшее последнему право распоряжаться имуществом семьи, хотя оно формально считалось общей семейной собственностью. Слабая роль капитала в хозяйстве обуславливала важное значение личного труда членов семьи, от которого зависела их доля в наследстве или в имуществе при разделе семьи.

У крестьян и в начале XX в. сохранились те виды родства, которые у других сословий выходили из употребления. Кроме кровного родства признавалось свойство (связи, возникавшие посредством брака) и духовное родство (основано на восприятии при крещении и называлось кумовством). Известно было крестьянам усыновление. От древних времен сохранился у них такой вид родства, как братание («побратимство», «крестованье»), возникавший посредством особого обряда — обмена нательными крестами, почему они и назывались «крестовыми братьями» или «крестовыми сестрами».

Заключение брака среди крестьян, как до XVIII в., проходило в три стадии — брачное соглашение, венчание и свадьба. Соглашение заключалось,

как правило, родителями брачующихся устно и предусматривало время бракосочетания, условия о расходах по свадьбе, о подарках, вознаграждении родителей невесты за лишение их рабочей силы («кладке»), о приданом, а также о неустойке, залоге или задатке на случай, если какая-нибудь сторона откажется от брака. Приданое давали не только родители, но и те родственники невесты (дядя, двоюродные братья, свекры и т. д.), которые когда-то воспользовались имуществом ее родителей. В том, что родственники участвовали в приданом, а приданое в случае скорой смерти жены возвращалось ее родителям, наглядно проявлялась родовая солидарность, едва сохранившаяся у других сословий. Приданое состояло из одежды, украшений, денег, скота и другого движимого имущества. Неустойка включала все расходы, понесенные пострадавшей стороной на подготовку к свадьбе, и плату за бесчестье.¹⁶² Соглашение сопровождалось символическими действиями, какие обычно совершались при заключении сделки, — рукобיתье, молитва и угощение водкой. Решающая роль в брачных делах принадлежала родителям, но с волей детей стали считаться больше, чем прежде. Брак у крестьян сравнительно с другими сословиями к началу XX в. в наименьшей степени утратил черты имущественной сделки.

Права супругов по обычному праву в принципе были такими же, как и у других сословий, — признавалось главенство мужа, обязанность жены и детей его слушаться и т. д. Однако в пореформенное время мужья за битье жен, в случае если жена обращалась в волостной суд, присуждались к аресту, штрафу или наказанию розгами. Но и жены за непослушание — самовольные отлучки, адюльтер и т. д. — приговаривались к тем же наказаниям. Что же касается детей, то обычное право утверждало родительскую власть во всей ее традиционной силе. Например, самовольный отход холостого сына на заработки приводил к лишению его права на долю семейного имущества.¹⁶³ Но в пореформенное время было признано право неотделившихся детей на свое личное имущество, доставшееся им по наследству, путем личного заработка помимо хозяйства и другими путями.¹⁶⁴

Суд и процесс

Кроме учрежденного правительством в 1861 г. волостного суда в общине продолжали неофициально действовать традиционные суды — суд старосты вместе со стариками, суд старосты с выборными, суд соседей или всей общины, точнее схода; в некоторых местностях в селении избирались специальные судьи («судцы»). Все эти суды разбирали мелкие гражданские и уголовные дела по нормам обычного права.¹⁶⁵ Нередко крестьяне предпочитали суд соседей как более быстрый и справедливый; суд общины, по их мнению, часто бывал пристрастным, находясь под влиянием «горланов и мироедов», а в волостном суде наблюдались затягивание дела и подкуп. К следствиям, производимым чиновниками, крестьяне относились со страхом и часто старались скрыть преступление. Поэтому в суды более высоких инстанций они обращались в случае «больших краж и несносных обид».¹⁶⁶ В 1889 г. волостные суды внутренних губерний России были преобразованы, судьи в качестве инструкции получили «Временные правила» и были поставлены под контроль земского начальника, назначаемого коронной администрацией из местного дворянства. «Временные правила» требовали соблюдения обычного права в гражданских делах, но в делах уголовных суды должны были руководствоваться только общими уголовными законами в пределах их компетентности. Вследствие этого область уголовного обычного права была существенно сужена — оно действовало среди инородцев.¹⁶⁷ Однако правовая обособленность крестьян в значительной степени сохранилась, потому что, во-первых, важнейшей сферой волостного суда было не уголовное, а граждан-

данское право, во-вторых, суды были преобразованы не во всех губерниях, в-третьих, перейти сразу с обычая на закон было непросто ни для судов, ни для крестьян, тем более что в законе часто невозможно было найти подходящую статью и приходилось обращаться к обычному праву.¹⁶⁸ Существует мнение, что волостные суды с конца XIX в. стали менее популярны у крестьян, и они обращались в них только по необходимости.¹⁶⁹ Такая тенденция действительно наблюдалась, но не следует ее преувеличивать.¹⁷⁰ Мировой суд не мог заменить волостной суд, потому что закон разрешал крестьянам обращаться в него только по гражданским делам при согласии обеих спорящих сторон, а по уголовным делам — при совершении правонарушения вне пределов волости.

Процесс, как и много веков тому назад, был состязательным, но без адвокатов: крестьяне должны были присутствовать лично, в случае болезни их заменяли доверенные родственники. Однако еще в 1860-е гг. зафиксировано применение пытки на Урале и в Сибири как для мужчин, так и для женщин.¹⁷¹ Не исключено, что пытка применялась и в других местах в более позднее время, но сведения об этом скрывались. При краже пострадавший заявлял о ней всему селению, и все дома обыскивались в присутствии сельских властей и свидетелей (закон отменил этот способ поиска доказательств). При обнаружении украденного допускалось, что меру наказания определял и приводил в исполнение своими руками пострадавший. Выдача головой — это еще более древний пережиток XI—XIII вв., запрещенный законом в XV—XVI вв. Но по общему правилу дело ограничивалось телесным наказанием. В некоторых местах вора вместе с украденной вещью водили по улице при стечении народа, но этот обычай выходил из употребления.¹⁷² Среди судебных доказательств самым важным считалось собственное признание обвиняемого, как в XVI—первой половине XVIII в., большое значение придавалось «поличному», при расследовании призывались очевидцы и свидетели, устраивались очные ставки, собирались улики. Во время следствия в затруднительных случаях обращались к сверхъестественным силам, к колдунам и ворожеям.¹⁷³ При поиске виновного в убийстве применялось «испытание трупом и кровью», основанное на представлении, что при прощании убийцы с убитым из трупа потечет кровь.¹⁷⁴ При поиске вора повсеместно применялись три средства. Первое состояло в том, что в церкви зажигалась свеча («забидящая свеча»); крестьяне полагали, что вор сразу начнет чахнуть и в конце концов сам принесет или подкинёт украденную вещь. Вторым средством считалось отслужить в церкви молебен святому Иоанну Воину. В крайнем случае крестьяне обращались к нечистой силе через колдуна.¹⁷⁵ Доказательства добывались ворожбой и гаданием. При решении некоторых спорных вопросов, особенно при разделах, применялся жребий или признавалась вина обеих сторон по формуле «грех пополам». В качестве доказательств и улик для истцов и ответчиков выступали присяга, божба, целование иконы, пожелание себе всяческих несчастий. Перед принесением присяги крестьяне ходили в баню, если накануне ночью делили брачное ложе с женой. Но часто очищение баней заменяли тем, что обливались холодной водой или мочили водою голову и грудь.¹⁷⁶ Разбор таких уголовных дел, как кража, драка, оскорбления и т. п., а также небольших гражданских дел в неофициальных сельских судах чаще всего заканчивался примирением сторон. Обиженный получал компенсацию, а наказание заменялось угощением водкою за счет виновного.¹⁷⁷

Хотя крестьяне были убеждены, что преступник или его родственники всегда будут наказаны Богом, тем не менее для наказания найденного преступника они применяли разные магические приемы. Чтобы привести преступника к раскаянию или отомстить, в одних местностях оставленный им на земле «горячий след» сжигали, полагая, что вора начнет корчить и он сам возвратит украденное. В других местах «горячий след» развеивали по

ветру на четыре стороны, считая, что этот след вора найдет и приведет к пострадавшему. В третьих — приглашали знахаря, который произносил заговоры и совершал магические действия. Вообще крестьяне верили в способность колдунов найти украденное, но обращались к ним редко из-за страха перед Богом.¹⁷⁸

Разнообразные клятвы, суд соседей, использование магических приемов и т. п. — все это являлось пережитками древнего уголовного права. Но вместе с тем нельзя не отметить, что в крестьянском судопроизводстве также наблюдался некоторый прогресс. До эмансипации крестьяне не умели применять косвенные доказательства, в 1870—1880-е гг. они их стали использовать, хотя приоритет оставался за прямыми доказательствами — наличие одних косвенных улик считалось недостаточным для обвинения. Жребий, так же как и божба, к началу XX в. мало-помалу исчезали, молодежь к божбе вовсе не обращалась. Достаточно широко вошли в практику письменные доказательства. Вышла из употребления пытка. Все большее число крестьян отдавало предпочтение волостному суду перед деревенским и коронному суду перед волостным.¹⁷⁹

Обособленность крестьян от общего правопорядка

Чем была вызвана обособленность крестьян от общего правопорядка? Понятие общей, абстрактной, формально выраженной правовой нормы в обычном праве было развито весьма слабо: такое понятие противоречило чувству конкретного, характерному для неграмотных и малограмотных людей. Каждый случай имел свое обоснование и специфику, и невозможно было заранее подобрать к нему готовое решение. Поэтому абстрактные, оторванные от конкретных условий правила и принципы в обычном праве не применялись. «Крестьянство обладает наименьшей возможностью и способностью усвоения касающихся его законоположений, поэтому оно очень плохо представляет свои права и обязанности по закону, — констатировал цивилист Н. Дружинин. — В правовом отношении крестьянин испытывал значительные трудности, так как собственно крестьянский суд действовал на основе обычая, а всесословный суд — на основании закона и по другой процедуре, нежели крестьянский суд».¹⁸⁰ Поэтому, когда официальное право с конца XVII в. стало развиваться по пути формализации, казуистики, подведения частных случаев под общие формулы, когда сам язык права становился абстрактным и переполненным иностранными терминами, когда русское право начало развиваться в тесной связи с западным, обычное право крестьянства стало все более замыкаться в себе и плохо ассимилировало изменения, происходившие в законе.

Расхождению закона и обычая особенно способствовали три обстоятельства. Во-первых, развитие с начала XVIII в. сословного суда вообще и в особенности для представителей городского сословия, которые до той поры вместе с крестьянством подчинялись одному закону и были подведомственны одному суду. Развитие суда по сословному принципу происходило в соответствии с правосознанием самого населения, включая и крестьянство, которое признавало справедливым, чтобы равные судили равных.

Во-вторых, проникновению в деревню новых идей, в том числе юридических, мешали низкий уровень грамотности и языческие верования, которые, по мнению этнографов пореформенного времени, существенно тормозили трансформацию юридических обычаев крестьянства.¹⁸¹ Суеверия и предрассудки формировали мотивы и составы таких преступлений, которые в пореформенное время являлись анахронизмом. До 1870-х гг. в некоторых местностях, например в Минской губернии, случались человеческие жертвоприношения во время эпидемии холеры; повсеместно избивались колду-

ны, несмотря на то что крестьяне их боялись, иногда для того, чтобы взять от колдуна кровь и с помощью ее избавиться от его влияния; практиковалось разрывание могил для получения талисманов из вещей или внутренних органов покойников, с помощью которых пытались спасти посевы от засухи, а человека — от влияния нечистой силы; больные венерическими болезнями насильовали невинных девушек, чтобы избавиться от болезни, а больные лихорадкой с той же целью занимались скотоложством; крестьяне совершали кражи в убеждении, что украденная вещь принесет в их дом счастье, или приносили ложные клятвы по совету знахаря и из-за суеверного взгляда на присягу, и т. д.¹⁸²

В-третьих, коронная администрация была заинтересована в правовой обособленности крестьянства от остальных сословий, надеясь таким образом предохранить крестьян от влияния города и сохранить общественный порядок в деревне с помощью институтов обычного права, таких как передельная община, круговая порука и т. д. После эмансипации 1861 г. правительство с теми же целями проводило прежнюю политику правовой обособленности крестьянства, не сознавая всей глубины опасности, к которой такое обособление в конце концов приведет.¹⁸³ Вот характерный пример. В 1889 г., во время преобразования волостного суда, правительство намеренно оставило его в великорусских, украинских и белорусских губерниях как исключительно крестьянский суд и лишь в Прибалтийских губерниях он был введен в общую систему судостроительства и права тем самым там была ликвидирована всякая обособленность крестьянского суда.¹⁸⁴

Только в начале XX в. опасность была осознана, и тогда было решено очистить обычное право и действующее законодательство от наиболее устаревших юридических норм, превратить крестьян в реальных субъектов гражданского права, освободив их от опеки общины и завершив формирование в деревне истинного понятия частной собственности. В ходе реформы, начавшейся в 1906 г. и продолжавшейся до 1917 г., крестьяне получили право, не спрашивая согласия общины и главы семьи, поступать на службу, на работу или учиться за пределами общины. Отменялся порядок исключения крестьян из сельского общества при поступлении их на гражданскую службу, при получении ордена или ученой степени, при окончании курса учебного заведения или переходе в другое сословие. Закон дал крестьянам право вступать в другие сельские общества и приобретать там землю, не выходя из прежней общины. С 1906 г. выход из общины стал для всех свободным, при этом за выделяющимся домохозяином оставались все те участки общинной земли, которыми он владел со времени последнего передела, и сохранялось право пользоваться общинными угодьями. Община в месячный срок должна была удовлетворить заявление о выходе из общины и выделить участок земли, в противном случае это осуществлял земский начальник. Выбор местожительства стал личным делом каждого крестьянина. Отменялись подушная подать, круговая порука, принудительное привлечение к общественным работам, принудительное направление недоимщиков на заработки. Крестьяне, не владевшие недвижимостью, получили право обвязываться векселями. Отменялся запрет на сдачу в залог частным лицам и частным обществам надельной земли, правда, залог разрешался только под ссуды Крестьянского поземельного банка. Переход целых обществ к отрубному владению, когда каждый крестьянин получал участок земли в одном месте, стал возможен по решению двух третей сельского схода при общинном владении и простого большинства при подворном владении. Власть земских начальников была существенно ограничена: они могли действовать только в рамках закона, а крестьяне не были обязаны подчиняться их решениям. Семейные разделы стали делом каждого хозяйства. Расширились избирательные права крестьян по выборам в местные органы самоуправления, а с появлением Государственной думы они получили право посылать туда своих депутатов.

Судебная

подведомственность крестьян волостному суду ограничивалась — крестьяне по своему усмотрению могли обращаться в мировой или другие суды. Таким образом, **закон дал крестьянам полные и равные с другими сословиями права**, сделал их полноправными субъектами гражданско-правовых отношений. Но в течение 1906—1915 гг. предоставленными правами воспользовалась только третья часть крестьянства. Это говорит о том, что приоритет обычного права над законом и приверженность к нему крестьян были серьезно подорваны, однако не настолько, чтобы правовая обособленность крестьянства была устранена. Обычное право имело сильные корни в деревне вплоть до 1917 г.

Таким образом, обычное право крестьян в течение XVIII—первой половины XIX в. хотя и испытывало влияние закона,¹⁸⁵ тем не менее во многом сохранило верность тому уголовному и гражданскому праву, которое господствовало в России до XVIII в.¹⁸⁶ В силу этого оно может служить важным источником для понимания права XII—XVII вв.¹⁸⁷ Взятое в целом обычное право было не конгломератом разнородных элементов, а своеобразной *системой* права. Трудно согласиться с мнением энергичных противников общины и обычного права начала XX в., которые утверждали, что крестьянство после эмансипации жило в условиях полного отсутствия права, что обычное право — это вовсе не право, а власть писарей и старшин, которые за ведро водки могли принять на суде любое решение в пользу того, кто поставил водку.¹⁸⁸ Отвечая на эти обвинения, один из лучших знатоков обычного права С. В. Пахман справедливо заметил: «Нельзя себе представить такого общественного быта, которому бы была чужда какая-либо определенная система юридических воззрений или правил. Недоверие и пренебрежение им могут быть оправданы только тем обстоятельством, что сведения наши по этому предмету до последнего времени были весьма скудны».¹⁸⁹ Нормальная жизнь без правовых норм вообще невозможна, невозможна она была бы и в русской деревне, если бы крестьяне не следовали вековым юридическим нормам обычного права. Стоит подчеркнуть, что по крайней мере в области гражданского права крестьянские нормы были санкционированы законом и имели полную юридическую силу, были именно обычным **правом**, а не просто обычаем и традицией.¹⁹⁰

При анализе обычного права **крестьянская жизнь выглядит несколько архаичнее, чем это было на самом деле**. Причина этого заключалась в том, что обычное право не было записано, его носителями были живые люди — старики. Но даже в 1917 г. старики — люди в возрасте 60—70 лет и старше — родились в 1847—1857 гг., при крепостном режиме, и, естественно, были привержены тем нормам обычного права, которые тогда господствовали. Но жизнь шла вперед, обгоняя нормы обычного права, поэтому реальность подверглась большому изменению, чем это может показаться из анализа этих норм. **Закон постепенно проникал в крестьянскую среду**. Автор бестселлера о крестьянской жизни 1880-х гг. Н. М. Астырев, 3 года проработавший волостным писарем, чутко отметил: «Волостной суд представляется мне в образе человека, сидящего на двух стульях, которые постоянно раздвигаются под ним в разные стороны. Эти стулья — закон и обычай».¹⁹¹

ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ В XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Уровень преступности является важнейшим показателем состояния общества. В стабильном, традиционном обществе, в котором население привязано к месту жительства и своим общинам, мало развита городская жизнь, существует строгий социальный контроль, социальная структура иерархизирована, вертикальная социальная мобильность низка, общинные связи сильно развиты и общественные цели преобладают над личными, обычно

наблюдается низкая преступность. Наоборот, для индустриальных и урбанизированных обществ, в которых население социально и географически подвижно, доминируют общественные связи, сильно развит индивидуализм, личный успех является важнейшим в системе ценностей, население располагает большой свободой и инициативой, характерна более значительная преступность. Но особенно высокого уровня преступность достигает в обществах, испытывающих серьезные изменения в культурных, социальных и политических ориентациях, в которых трансформируется господствовавшая прежде система ценностей, где значительное число людей является маргиналами. В свете этого представляет большой научный интерес оценка уровня преступности и ее динамики в России за XVIII—начало XX в., тем более что данные о преступности могут служить проверкой ряда выводов, сделанных в других главах книги. Цель данного параграфа и состоит в том, чтобы дать общую картину изменения преступности за XIX—начало XX в. под углом зрения тех проблем, которые затронуты в других главах книги.¹⁹² Мы не располагаем массовыми данными о преступности в XVIII в. Но можно надеяться, что сведения первой половины XIX в. дают до некоторой степени представление и о ее уровне в XVIII в.

Источники данных о преступности и методика их обработки

Данные о преступности в масштабе всей России стали собираться с 1803 г., после образования Министерства юстиции в 1802 г. Поступавшие из губерний сведения систематизировались в министерстве и прилагались к ежегодному «всеподданнейшему отчету министра юстиции». В 1834—1868 гг. отчеты министра юстиции публиковались вместе с криминальной статистикой. За 1803—1833 и 1869—1870 гг. отчеты хранятся в Российском государственном историческом архиве, но за 1809—1824 гг. они не содержат данных о преступности (возможно, в 1809—1818 гг. эти сведения вообще не обобщались в министерстве). По завершении судебной реформы 1864 г. данные о преступности ежегодно публиковались с 1872 по 1913 г. отдельно от отчета министра в «Сводах статистических сведений по делам уголовным», а за 1884—1913 гг. — также и в ежегоднике «Сборник статистических сведений Министерства юстиции».

Таким образом, для криминологических исследований России в XIX—начале XX в. существует серьезная источниковая база, но реализовать ее потенциально нелегко. Архивные источники до сих пор не разрабатывались, а из опубликованных данных за разные годы весьма трудно составить единую картину динамики преступности по нескольким причинам. Во-первых, в течение 1803—1913 гг. форма учета и представления данных в отчетах, сводах и сборниках неоднократно изменялась. Во-вторых, в 1860-е гг., 1889 г. и 1912 г. система судебных учреждений преобразовывалась, что отражалось как в учете, так и в отчетности о преступности. В-третьих, данные за разные годы охватывали различную территорию страны. Именно поэтому к настоящему моменту историки располагают данными об изменении преступности за отдельные и сравнительно небольшие отрезки времени, самый длинный из которых включает 20 лет, 1874—1893 гг.

Однако, несмотря на сложности, получить общую картину динамики преступности с 1803 по 1913 г., т. е. построить единый индекс преступности, мне представляется принципиально возможным при одном условии — если не предъявлять к этому индексу непомерных требований, а рассматривать его как ориентир в динамике и уровне преступности. Такое заключение покоится на двух основаниях. Для всего изучаемого периода, и определенно для 1845—1903 гг. существовал уголовный кодекс, который не претерпел существенных изменений с точки зрения понимания преступления и номенкла-

туры преступлений. Новый Уголовный кодекс был подготовлен лишь в 1903 г. и начал по частям вводиться в практику с 1904 г., но к 1917 г. так и не был полностью введен в действие. Второе принципиальное основание состоит в том, что, хотя судебная система, судопроизводство и процессуальное право были существенно преобразованы по судебной реформе 1864 г., официальная криминальная статистика учитывала только те уголовные дела, которые рассматривались общими судами, а этот круг дел не изменился после 1864 г., и однозначно использовала такие важные для криминальной статистики понятия, как «следствие», «уголовное дело», «подсудимый» и «осужденный». До 1864 г. криминальная статистика принимала в расчет уголовные дела, рассмотренные 1) в судебных местах первой, уездной инстанции — надворных судах в столицах, уездных судах, магистратах и ратушах, окружных и городских судах в пограничных и сибирских губерниях, 2) в судах второй, губернской инстанции — уголовных палатах, губернских судах Сибири, совестных судах, а также в третьей, высшей инстанции — Сенате (уголовными департаментами и общими собраниями Сената). После 1864 г. учитывались дела, рассмотренные окружными судами, судебными палатами, мировыми судами и заменившими их в 1889 г. судебно-административными установлениями.

В литературе очень часто смешиваются понятия «преступление», «следствие» и «уголовное дело», что ведет к недоразумениям. Чтобы избежать этого, вслед за нашими источниками будем придерживаться следующего толкования ключевых понятий криминальной статистики. *Преступление* — это деяние, направленное против существующей в данный момент правовой нормы и вызывающее определенные репрессивные последствия. Во все времена далеко не все преступные деяния становились известными правоохранительным органам. Преступление, зафиксированное правоохранительными органами, называлось в российской уголовной статистике *следствием*. В современном языке этим словом называется также расследование обстоятельств, связанных с преступлением. Число следствий, или расследований, лишь примерно соответствовало числу преступлений, зафиксированных правоохранительными органами, и лишь приблизительно отражало уровень преступности. Это объясняется тем, что, с одной стороны, некоторое число деяний, зафиксированных первоначально как преступные, после проведения розыска или по решению суда квалифицировались как не заключающие в себе состава преступления. С другой стороны, не все преступления, особенно мелкие, становились известными правоохранительным органам. Значение второго фактора, занижающего уровень преступности, всегда и везде было более существенным, вследствие чего полицейская статистика преступности преуменьшала ее уровень, но степень занижения не поддается точной оценке. *Уголовное дело* — это преступление, ставшее предметом судебного разбирательства. Разумеется, и здесь следует принимать во внимание, что суд мог не согласиться с обвинением и не найти состава преступления, однако доля таких дел была более или менее постоянна, благодаря чему число уголовных дел отражало, хотя также приблизительно, число преступлений, доведенных до судебного разбирательства. Поскольку общее число совершенных преступлений никогда точно не известно, то уровень преступности — это, скорее, теоретическое понятие. То, что русская уголовная статистика называла следствием, в сущности являлось практическим понятием преступления. Итак, в дальнейшем *преступлением* будет называться известное правоохранительным органам правонарушение, *уголовным делом* — дело, рассмотренное в суде, *подсудимым* — лицо, подозреваемое в совершении преступления, а *осужденным* — лицо, признанное судом виновным.

Отчеты за 1803—1808 гг. содержали данные об общем числе уголовных дел, рассмотренных всеми судами империи, подведомственными Министерству юстиции, а также о числе подсудимых и осужденных. В 1825—1870 гг.

Рис. 10. В. Г. Филиппов, начальник С.-Петербургской сыскной полиции. С.-Петербург. 1913 г.

отчеты содержали те же самые сведения, но порознь для судов первой, второй и третьей (Сенат) инстанций. До судебной реформы 1864 г. все уголовные дела, за исключением тех, которые касались лиц, находившихся на государственной или общественной службе, по общему правилу первоначально рассматривались в судах первой инстанции, но окончательно там решались лишь маловажные дела. По тяжким преступлениям суды первой инстанции выносили предварительные приговоры, или мнения, и направляли их в суды второй инстанции на утверждение, или ревизию. Всего, по моим расчетам, на ревизию переходило около 40% всех дел, рассмотренных в судах первой инстанции, на апелляцию — до 1%. Непосредственно в суды второй инстанции поступало всего от 2 до 10%, в среднем около 6% всех рассмотренных в них дел. Незначительное число дел поступало на апелляцию или на ревизию в Сенат. Все суды посылали ежегодные отчеты в Министерство юстиции, где поступившие сведения систематизировались по различным признакам: по судебным инстанциям, по видам преступлений, по губерниям и т. д. — и в обработанном виде включались в ежегодный Отчет министра юстиции. Отчет заключал в себе также и общие сведения о числе уголовных дел, подсудимых и осужденных судами первой, второй и третьей инстанций. Именно эти данные из опубликованных отчетов и использовались исследователями для оценки криминологической ситуации в стране. Однако они существенно завышали уровень зафиксированной преступности: при подведении общих итогов в Министерстве юстиции механически складывали данные о числе дел, подсудимых и осужденных по первой и второй инстанциям, вследствие чего около 40% дел учитывались в министерских

итогах дважды. Только устранение дублирования позволяет получить более или менее точные цифры о преступности за 1803—1808 и 1825—1870 гг. Исключить двойной счет возможно, потому что в министерских отчетах за 1825—1870 гг. по каждой судебной инстанции дела, рассмотренные в порядке ревизии, апелляции и самостоятельно, разделялись. Естественно, что после устранения двойного счета итоговые показатели преступности должны уменьшиться сравнительно с министерским отчетом примерно на 40%. Скорректированные данные более точно отражают уровень и динамику преступности, в особенности средние за 5—10 лет.

Криминальная статистика 1872—1913 гг. дополнительно содержала данные о преступлениях, зафиксированных следователями, т. е. о числе следствий, а сведения о преступниках (возраст, слововная принадлежность, образование и т. п.) были более полными. Главная новизна этой формы отчетности состояла в том, что следователи, через руки которых проходили все зафиксированные преступления, обязаны были до производства предварительного следствия посылать непосредственно в Министерство юстиции отдельную карточку о возникшем деле, независимо от того, задержан или не задержан преступник.¹⁹³ В результате этого в России с 1872 г. возник учет преступности, известной следствию и полиции. За более раннее время подобные данные отсутствуют. Ввиду этого для 1803—1870 гг. встал вопрос об их реконструкции. За 5 первых лет существования новой уголовной статистики, 1872—1876 гг., около 40% от общего числа следствий, или зафиксированных преступлений, разбирались в суде,¹⁹⁴ что примерно соответствовало проценту раскрываемости преступлений, разумеется, примерно, поскольку некоторое, небольшое, число следствий закрывалось из-за отсутствия состава преступления или недостатка информации о преступниках. Известно, что раскрываемость преступлений существенно улучшается только при важных технических нововведениях, доступных следственным органам, или при значительном увеличении численности стражей порядка. Ни того, ни другого в течение 1803—1870 гг. в России не произошло. Поэтому, на мой взгляд, возможно распространить соотношение между количеством учтенных и раскрытых преступлений в 1872—1876 гг. на более раннее время для реконструкции числа зафиксированных преступлений, или следствий, за 1803—1870 гг. Данные о количестве уголовных дел, подсудимых и осужденных за 1803—1870 гг. в подобной реконструкции не нуждаются, так как являются сопоставимыми с более поздними данными.

Еще одна трудность при получении общей картины преступности состоит в изменении территории, а значит, и населения, охваченного криминальным учетом. Для получения сопоставимых данных число преступлений, уголовных дел, подсудимых и осужденных за каждый год необходимо, как говорят статистики, взвесить на численности населения, охваченного в этот год криминальным учетом, о чем в источниках почти всегда имеются указания. Как считается в криминальной статистике, число преступлений на 100 тыс. человек населения служит наиболее точной мерой уровня преступности. Следует иметь в виду, что в 1803—1870 гг. криминальный учет охватывал Россию без Польши и Финляндии, в 1872—1883 гг. — около 75% населения Европейской России, затем учет постепенно распространялся на остальную территорию, и к 1907 г. в Министерство юстиции стали поступать данные со всей империи, исключая Финляндию. В разных регионах уровень преступности несколько отличался, но 75%-ная выборка давала достаточно репрезентативные сведения для всей России без Финляндии.

Необходимо отметить, что ни до, ни после судебной реформы 1864 г. Министерство юстиции не контролировало деятельность местных сельских судов и полицейских чиновников как в городе, так и в деревне и не учитывало мелкие уголовные дела (мелкие кражи, пьянство, легкие побои и др.), рассмотренные ими. В 1841 г. в государственной деревне, в 1864 г. повсе-

местно сельские суды были преобразованы в волостные суды. К компетенцию сельских судов, как уже указывалось, относились мелкие уголовные проступки крестьян, проживавших в деревне, по нормам обычного права.¹⁹⁵ До отмены крепостного права деятельность сельских судов помещичьих крестьян была подведомственна помещикам, государственных крестьян — Департаменту государственных имуществ (с 1837 г. — Министерству государственных имуществ), удельных крестьян — Удельному ведомству, а после 1864 г. все сельские суды контролировались Министерством внутренних дел. Сельские суды рассматривали большее число дел, чем общие суды. Например, в 1844 г. через сельские суды государственных крестьян прошло 53.1 тыс. дел, из которых только 558, или 1%, были переданы в общие суды. Всего же в общих судах было рассмотрено около 22 тыс. уголовных дел государственных крестьян, привлечено к суду 32.8 тыс. человек, т. е. в 2.4 раза меньше, чем в сельских судах.¹⁹⁶ Аналогичная картина наблюдалась в пореформенное время. В 1905 г. через волостные суды по 43 губерниям России прошло 1121 тыс. уголовных дел, а через все общие суды — 1220 тыс. дел. Учитывая, что в 43 губерниях проживало около 65% всего населения, общие суды рассмотрели примерно в 1.4 раза меньше дел, чем местные сельские суды.¹⁹⁷ Что же касается мелких правонарушений, относящихся к компетенции полиции, то сведения о них пока вовсе не разработаны. Таким образом, если принять во внимание не учитываемые Министерством юстиции мелкие правонарушения, решения по которым принимались сельскими судами или городской и сельской полицией, то *общее число зарегистрированных преступлений следует, по-видимому, по меньшей мере увеличить в 3—4 раза.*

Учет преступлений, подсудимых и осужденных в масштабе огромной страны был делом чрезвычайной сложности, требовал большого аппарата сотрудников высокой квалификации, которых всегда не хватало. Вследствие этого трудно надеяться, что российская криминальная статистика давала совершенно точные данные. Вместе с тем вряд ли можно согласиться и с теми, кто считает, что «юридические цифры, взятые в массе, скорее должны считаться мерилем полицейской деятельности, чем морального состояния населения».¹⁹⁸ Криминальная статистика отражала как деятельность правоохранительных органов, так и моральное состояние общества. Наименее точными были данные о количестве преступлений, большего доверия заслуживают данные о подсудимых и наибольшей достоверностью отличаются данные об осужденных как до, так и после 1872 г.¹⁹⁹ Знакомство с делопроизводством и работа с самими материалами криминальной статистики показывают, что они собирались и обрабатывались достаточно тщательно. Устранение двойного счета правонарушений могло повлиять на уровень, но не на динамику преступности; реконструкция числа следствий для 1803—1870 гг. затронула лишь один показатель преступности из четырех и, следовательно, не могла оказать существенного влияния на общие статистические итоги криминальной статистики. Все сказанное дает основание для вывода о том, что, принимая во внимание трудность и несовершенство учета, а также использование методов реконструкции пропущенных в источниках сведений, приводимые ниже *статистические данные о преступности следует рассматривать как ориентировочные, лишь более или менее правильно отражающие основные тенденции в развитии криминального поведения* в России за 1803—1913 гг. Что же касается уровня зафиксированной преступности, то официальная статистика Министерства юстиции достаточно правильно отражала движение крупной преступности и занижала уровень мелкой преступности примерно в 3—4 раза, главным образом за счет недоучета правонарушений крестьян, проживавших в деревне.

Динамика и структура преступности

Различные показатели преступности находились в тесной связи (табл. VIII.6); об этом говорит и высокий коэффициент корреляции между числом зарегистрированных преступлений, уголовных дел, подсудимых и осужденных, равный 0.9.²⁰⁰ Абсолютное число зафиксированных преступлений с 1803—1808 гг. по 1911—1913 гг. возросло почти в 12 раз, но с учетом роста населения — в 2.9 раза. В течение изучаемого времени уровень преступности изменялся: до отмены крепостного права он имел тенденцию к снижению, а после эмансипации — к повышению. Индекс преступности в 1851—1860 гг. составлял 95% от уровня начала XIX в., а в 1911—1913 гг. — 305% от уровня 1851—1860 гг. В пореформенный период преступность непрерывно возрастала, с одной остановкой в 1890-х гг. Но ни до, ни после эмансипации преступность не изменялась линейно. Она возрастала в либеральное царствование Александра I, уменьшалась при консервативном правлении Николая I, затем вновь, весьма значительно — в 2.7 раза, возросла в реформаторскую эпоху Александра II, затем уменьшилась при консервативном царствовании Александра III и вновь выросла на 55% при противоречивом и неустойчивом правительственном курсе Николая II. Минимальный уровень зарегистрированной преступности в России наблюдался в конце царствования Николая I, когда он был на 13% ниже, чем в начале XIX в., а максимальный ее уровень — накануне Первой мировой войны — в 1913 г. Во время войны, в 1914—1916 гг., преступность в целом по стране снизилась по сравнению с 1911—1913 гг. примерно на 28—29%, но с 1916 г. вновь обнаружилась тенденция к ее повышению.²⁰¹

Таким образом, *динамика преступности имела явно циклический характер*. Как явствуют различные показатели преступности, чем жестче был император, чем консервативнее царствование, чем тверже проводилась внутренняя политика, тем ниже была преступность, и наоборот, чем мягче был император и либеральнее правительственный курс, тем преступность была выше. Что лежит в основе зависимости преступности от курса внутренней политики? Консервативная политика, как правило, сопровождалась не только усилением репрессий против нарушителей закона, но и повышением контроля за поведением подданных со стороны государства и корпораций (сельской общины, мещанского и купеческого обществ, цеха и т. п.), в состав которых входил человек, что оставляло меньше места для бесконтрольных и безнаказанных проступков и вследствие этого сдерживало проявления всех видов отклоняющегося поведения, в том числе и криминального. Напротив, ослабление контроля и соответственно увеличение вероятности остаться безнаказанным при совершении правонарушения провоцировали сдерживаемые импульсы к нарушению законного, т. е. общепринятого и традиционного, общественного порядка. Поскольку либеральные и консервативные правительственные курсы, как правило, чередовались, то это, вероятно, и порождало цикличность в динамике преступности, которую мы наблюдали в течение всего XIX в., вплоть до царствования Александра III. Николай II нарушил логику чередования либеральных и консервативных царствований. При нем и нарушилась цикличность колебаний преступности. Очевидно, противоречивая, неустойчивая политика, как это было в 1895—1917 гг., поощряла рост преступности. Не менее существенно, что правительственный курс Николая II отмечен провалами и поражениями, которые подрывали веру в легитимность существующей власти, расшатывали общественный порядок, что всегда ведет к росту криминального поведения.

Число уголовных дел, рассмотренных в судах, за 1861—1913 гг. в абсолютных цифрах возросло в 8 раз, а на 100 тыс. населения — в 3.3 раза, в то время как число зарегистрированных преступлений в существенно меньшей степени — соответственно в 4.8 и 2 раза. Это свидетельствует о том, что *доля рас-*

Таблица VIII.6

Динамика преступности в России в 1803—1913 гг.

Показатели	1803—	1825—	1831—	1841—	1851—	1861—	1883—	1899—	1901—	1911—
	1808 гг.	1830 гг.	1840 гг.	1850 гг.	1860 гг.	1870 гг.	1889 гг.	1900 гг.	1910 гг.	1913 гг.
Преступления, тыс.	243	326	315	321	320	599	824	1477	1891	2888
Уголовные дела, тыс.	97	130	126	128	128	239	—	—	1243	1911
Подсудимые, тыс.	132	173	172	193	221	334	560	1701	1939	2894
Осужденные, тыс.	71	111	97	73	76	102	397	863	985	1484
Население, млн	41	50	53	57	62	69	59	121	142	168
Преступления на 100 тыс. населения	593	652	594	563	516	868	1397	1221	1332	1719
Уголовные дела на 100 тыс. населения	237	260	238	225	206	346	—	—	875	1137
Подсудимые на 100 тыс. населения	322	346	325	339	356	484	949	1406	1365	1723
Осужденные на 100 тыс. населения	173	222	183	128	123	148	673	713	694	883
Индекс роста преступлений*	100	110	100	95	95	146	236	206	225	290
Индекс роста уголовных дел*	100	110	100	95	87	146	—	—	369	479
Индекс роста подсудимых*	100	107	101	105	111	150	295	437	424	535
Индекс роста осужденных*	100	128	106	74	71	86	389	412	401	510

* На 100 тыс. населения, 1803—1808 гг. = 100.

Источники: РГИА, ф. 1370 (Комитет для освидетельствования министерских отчетов), оп. 1, д. 7 (Восподнейший отчет министра юстиции за 1803 г., далее — Отчет), л. 26—27, таблицы; ф. 1341 (Первый департамент Сената), оп. 9, д. 826 (Отчет за 1804 г.), л. 45—47; ф. 1162 (Государственная канцелярия), оп. 9, д. 34 (Отчет за 1805 г., таблицы), л. 11, 76; д. 36 (Отчет за 1807 г.), л. 73—75; л. 37, д. 75—77; ф. 1409 (Собственная его величества канцелярия), оп. 2, д. 4599 (Отчет за 1825 г.); ф. 1263 (Комитет министров), оп. 1, д. 498 (Отчет за 1826 г.), л. 325—329; д. 500, 548 (Отчет за 1827 г.); д. 596-6 (Отчет за 1828 г.), л. 433—439; д. 643 (Отчет за 1829 г.); д. 690 (Отчет за 1830 г.); д. 694, 771 (Отчет за 1831 г.); д. 774 (Отчет за 1832 г.); ф. 1405 (Министерство юстиции), оп. 521, д. 1, 2 (Отчет за 1833 г.); Отчет Министерства юстиции за [1834—1857] год. СПб., 1847—1858; Сборник статистических сведений Министерств юстиции за [1884—1913] год. СПб., 1887—1916. Вып. 1—30; Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в [1873—1913] году. СПб., 1876—1916; *Новиковский В. А.* Опыт подведения итогов уголовной статистики с 1861 по 1871 г. СПб., 1891. С. 1—63; *Тарновский Е. Н.* Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874—1894). СПб., 1899.

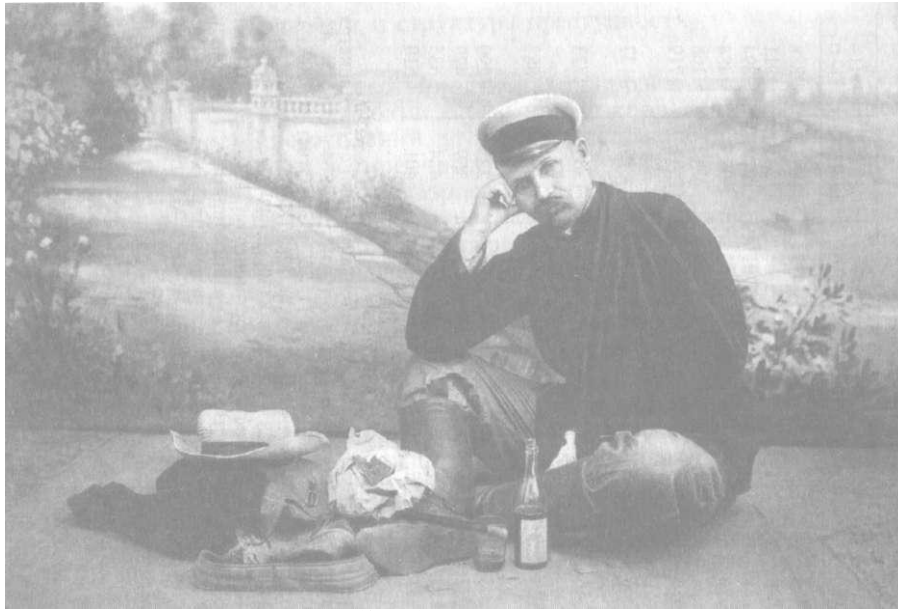

Рис. 11. Чиновник особых поручений (филер) Московского охранного отделения, посылаемый на задание (на воровские торжества). Москва. 1903 г.

крытых преступлений повысилась с 40% ($239:599 \times 100 \approx 40$) в 1860-е гг. до 66% ($1908:2888 \times 100 \approx 66$) в 1913 г. Увеличению раскрываемости преступлений в пореформенный период, по-видимому, способствовали применение дактилоскопии, фотографии, появление современных средств информации, рост профессионализма детективов и усовершенствование системы сыска.

Число подсудимых в абсолютных и относительных цифрах до конца XIX в. по отдельным царствованиям и в целом изменялось синхронно с числом уголовных дел. Но с начала XX в. число подсудимых стало увеличиваться быстрее, чем число уголовных дел, в результате чего к 1911—1913 гг. сравнительно с 1803—1808 гг. индекс подсудимых составил 535, а индекс уголовных дел — 479. Причина в том, что в начале XX в. становилось больше преступных с точки зрения действовавшего закона деяний, в которые вовлекалось значительное число лиц, таких как запрещаемые до 1905 г. антиправительственные манифестации, забастовки, а также религиозные преступления. Занимая в общей криминальной статистике относительно скромное место сравнительно с другими преступлениями, но будучи массовыми, они и обусловили увеличение числа подсудимых. Это говорит о том, **что политизация общественной жизни при отсутствии или ущемлении гражданских прав служила важнейшим фактором возрастания случаев массового противоправного поведения.** В целом для пореформенного периода характерно уменьшение доли коллективных преступлений с 49% в 1874 г. до 36% в 1913 г., что, возможно, свидетельствует о развитии индивидуализма среди профессиональных преступников, которые долгое время строили свои отношения на общинных основаниях не только в тюрьме, но и на воле.²⁰²

Число осужденных изменялось также в основном параллельно с другими показателями преступности. Минимальный уровень количества осужденных на 100 тыс. населения наблюдался в 1840—начале 1850-х гг., а максимальный — в 1911—1913 гг. Отметим, что число осужденных было постоянно

меньше числа преступлений и подсудимых. Это указывает на то, что процент оправданных имел тенденцию увеличиваться. Если после судебной реформы 1864 г. большой процент оправданных можно объяснить либеральными настроениями, господствовавшими в обществе и соответственно в суде присяжных, то как объяснить еще более низкий процент осужденных и, значит, более высокий процент оправданных до эмансипации? В 1803—1860 гг. было оправдано до 52% подсудимых. Два фактора помогают объяснить этот феномен. Во-первых, полиция до 1860-х гг. имела склонность и широкие права арестовывать мало-мальски подозрительных в совершении преступления лиц, действуя по принципу — лучше задержать невиновного, чем упустить виновного. Правило освобождения задержанного через короткое время, если ему не предъявлялось обвинения, не действовало. Отсюда число преступлений было неадекватно числу задержанных, а значит, и подсудимых. Во-вторых, институт профессиональных следователей возник в России только в 1860 г. и достиг заметного прогресса в последней трети XIX—начале XX в., что сказывалось на раскрываемости преступлений, на возможности собрать достаточно улик, чтобы доказать виновность подозреваемого. Вместе с тем низкий процент осужденных доказывает, что судьи стремились объективно подходить к делу: при отсутствии достаточного количества улик они оправдывали подозреваемого. Это говорит о том, что **закон и правосудие**, хотя и не в таком цивилизованном виде, как на Западе, **не были пустым звуком ни в дореформенной, ни в пореформенной России.**

Наши представления о преступности в России значительно расширяются при раздельном анализе данных о крупной и мелкой преступности (табл. VIII.7—VIII.8). По закону вынесение окончательного приговора по мелким уголовным делам в дореформенный период входило в компетенцию судов первой инстанции, а в пореформенный период — мировых судов (в 1864—1889 гг.) и равных им судов (в 1889—1912 гг.); вынесение окончательных приговоров по крупным уголовным делам являлось в дореформенный период прерогативой судов второй инстанции, а в пореформенный период — окружных судов и уголовных палат. В соответствии с тем, в каком суде принималось окончательное решение по правонарушениям, и произведена их классификация на крупные и мелкие. Принятый критерий не позволяет провести классификацию преступлений абсолютно точно. Существовали некоторые изъятия и отклонения от правила, например, до 1864 г. все уголовные дела, которые касались лиц, находившихся на государственной или общественной службе, начинались сразу в судах второй инстанции. После 1864 г. некоторые мелкие уголовные дела рассматривались в окружном суде без присяжных заседателей или уголовном суде без сословных заседателей. Несмотря на приблизительность разделения всех уголовных дел на крупные и мелкие по указанному критерию, оно все же помогает углубить наше понимание динамики преступности. В криминальной статистике принято считать, что данные о тяжких преступлениях точнее отражают общую динамику преступности, чем данные о мелких преступлениях, по трем причинам. Во-первых, номенклатура крупных преступлений изменяется значительно медленнее во времени сравнительно с номенклатурой мелких преступлений. Во-вторых, тяжкие преступления практически всегда противоречили общественному правосознанию и вызывали репрессивную общественную реакцию во всех слоях общества, в то время как мелкие правонарушения в определенной социальной среде могли не рассматриваться как преступления, что находилось в противоречии с законом, но в полном согласии с обычаями. Например, в крестьянской и мещанской среде такие деяния, как мелкие кражи, оскорбления, побои и другие, согласно обычному праву, долгое время не считались преступлениями, не сопровождалась иском в суд и потому не привлекали внимания правоохранительных органов. В-третьих, со временем к преступным деяниям уголовный кодекс стал относить действия, кото-

рые прежде таковыми не считались, например нарушение рабочего законодательства, санитарных законов, пьянство, хулиганство. Изменение в соответствии с законом номенклатуры преступлений, а также развитие общественного правосознания, которое все большее число деяний, прежде не считавшихся преступными, начинает относить к числу преступных и заслуживающих репрессии, приводят к росту главным образом мелкой преступности. В результате данные о крупной преступности показывают динамику преступности по традиционной номенклатуре преступлений, а данные о мелкой преступности — динамику преступности по всей номенклатуре преступлений, традиционных, и «новых», которые стали считаться законом, обычным правом и общественным правовым сознанием преступлениями.

Как показывают данные табл. VIII.6—VIII.8, крупная и мелкая преступность изменялись в целом параллельно друг с другом и достаточно согласованно с общим уровнем преступности. Минимальный уровень обоих видов преступности наблюдался в середине XIX в., максимальный — в 1913 г. Доля раскрытия мелких правонарушений была выше, чем крупных, по крайней мере в конце XIX—начале XX в. — 75% против 51% в 1911—1913 гг. Однако все показатели мелкой преступности росли в 1803—1860 гг. медленнее, а 1861—1913 гг. существенно быстрее, чем показатели крупной преступности, в результате чего в 1911—1913 гг. индекс мелких преступлений составил 297, крупных — 278, или в 1.07 раза выше, индекс уголовных дел — соответственно 553 и 341, или в 1.62 раза выше, индекс подсудимых — 645 и 273, или в 2.36 раза выше, индекс осужденных — 589 и 258, или в 2.28 раза выше. Следовательно, в дореформенный период репрессия (не регистрация!) против мелких правонарушителей росла медленнее, чем репрессия против крупных преступников, а в пореформенный период — быстрее. К 1913 г. вероятность привлечения к суду за мелкое правонарушение в 2.36 раза превосходила вероятность привлечения к суду за крупное преступление (не вероятность регистрации правонарушения, а именно вероятность привлечения к суду). Кроме того, после эмансипации ощутимо возросла вероятность привлечения к судебной ответственности за мелкое правонарушение: в 1850-е гг. только 74% ($55:74 \times 100=74$) мелких правонарушителей получали приговор, в то время как в 1911—1913 гг. — 95% ($258:273 \times 100=95$), и вероятность предстать перед судом в начале XX в. возросла в 1.27 раза [$(74:81):(645:553)=1.27$]. Приведенные данные позволяют сделать два важных вывода. *Рост преступности в пореформенной России произошел главным образом (примерно на 93%) за счет традиционных видов правонарушений* и лишь на 7% — за счет деяний, которые закон или граждане стали считать преступными после эмансипации, поскольку различие в росте крупной и мелкой преступности составило всего 7% ($297:278 \times 100=107$) для всего изучаемого времени. Таким образом, увеличение всех показателей преступности, зафиксированной Министерством юстиции в пореформенной России, не было результатом улучшения регистрации мелких правонарушений, **а отразило действительный рост криминального поведения.** Второй вывод состоит в том, что правовое сознание рядовых граждан после реформ 1860-х гг. претерпело более важные метаморфозы, чем уголовный кодекс, поскольку репрессия за мелкие и отчасти «новые» преступления обгоняла рост их числа, а репрессия за крупные традиционные преступления отставала от роста их числа.

Такой рисуется динамика преступности в России за XIX—начало XX в., если допустить, что данные о преступности за 1803—1913 гг., несмотря на судебную реформу 1864 г., можно объединять в один динамический ряд. Если же полагать, что судебная реформа 1864 г. разделила дореформенную и пореформенную эпохи на два несопоставимых с точки зрения уголовного права процесса и учета преступности периоды и что данные о преступности за 1803—1913 гг. следует разделить на два динамических ряда — 1803—1860 гг. и 1865—1913 гг., то все равно сделанные наблюдения не теряют силы, а лишь корректируются. Годы изменения тенденции в динамике преступности и коле-

Таблица VIII.7

Динамика крупной преступности в России в 1803—1913 гг.

Показатели	1803—	1825—	1831—	1841—	1851—	1861—	1872—	1881—	1891—	1901—	1911—
	1808 гт.	1830 гт.	1840 гт.	1850 гт.	1860 гт.	1870 гт.	1880 гт.	1890 гт.	1900 гт.	1910 гт.	1913 гт.
Преступлений, тыс.	85	113	110	120	128	188	147	148	268	577	968
Уголовных дел, тыс.	34	45	44	48	51	75	71	75	115	254	476
Подсудимых, тыс.	39	102	101	106	116	102	79	96	134	226	435
Осужденных, тыс.	17	55	48	35	31	41	41	67	94	135	178
Население, млн	41	50	53	57	62	69	52	59	94	142	168
Преступлений на 100 тыс. населения	207	226	208	211	206	272	283	251	285	406	576
Уголовных дел на 100 тыс. населения	83	90	83	84	82	109	137	127	122	179	283
Подсудимых на 100 тыс. населения	95	204	191	186	187	148	152	163	143	159	259
Осужденных на 100 тыс. населения	41	110	91	61	50	59	79	114	100	95	106
Индекс роста преступлений*	100	109	101	102	100	131	137	121	138	196	278
Индекс роста уголовных дел*	100	108	100	101	99	131	165	153	147	216	341
Индекс роста подсудимых*	100	215	201	196	197	156	160	172	151	167	273
Индекс роста осужденных*	100	268	222	149	122	144	193	278	244	232	258

* На 100 тыс. населения, 1803—1808 гг. = 100. Источники указаны в примечании к табл. VIII.6.

Таблица VIII.8

Динамика мелкой преступности в России в 1803—1913 гг.

Показатели	1803—	1825—	1831—	1841—	1851—	1861—	1883—	1899—	1901—	1911—
	1808 гт.	1830 гт.	1840 гт.	1850 гт.	1860 гт.	1870 гт.	1889 гт.	1900 гт.	1910 гт.	1913 гт.
Преступлений, тыс.	158	213	205	200	193	411	676	1242	1314	1920
Уголовных дел, тыс.	63	85	82	80	77	164	-	-	989	1435
Подсудимых, тыс.	93	71	71	87	105	232	464	1619	1713	2459
Осужденных, тыс.	54	56	49	38	45	61	330	807	850	1306
Население, млн	41	50	53	57	62	69	59	94	142	168
Преступлений на 100 тыс. населения	385	426	387	351	311	596	1146	1321	925	1143
Уголовных дел на 100 тыс. населения	154	170	155	140	124	238	-	-	696	854
Подсудимых на 100 тыс. населения	227	142	134	153	169	336	786	1722	1206	1464
Осужденных на 100 тыс. населения	132	112	92	67	73	88	559	859	599	777
Индекс роста преступлений*	100	111	101	91	81	155	298	343	240	297
Индекс роста уголовных дел*	100	110	101	91	81	155	-	-	452	555
Индекс роста подсудимых*	100	63	59	67	74	148	346	759	531	645
Индекс роста осужденных*	100	85	70	51	55	67	423	651	454	589

бания уровня преступности по десятилетиям и царствованиям, исключая царствование Александра II, остаются теми же, корректируется лишь общее изменение преступности в пореформенное время и соответственно за 111 лет в целом. Рассмотрим это на примере анализа числа следствий, или зарегистрированных преступлений (табл. VIII.6). С 1803—1808 гг. по 1851—1860 гг. число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек населения уменьшилось в 1.05 раза, а с 1861—1870 гг. по 1911—1913 гг. увеличилось в 1.98 раза, следовательно, за все изучаемое время уровень зарегистрированной преступности увеличился примерно в 1.89 раза.²⁰³ Рассматривая 1803—1913 гг. как единый динамический ряд, мы констатировали, что число зарегистрированных преступлений за 111 лет возросло в 2.9 раза. Разница объясняется тем, что при втором подходе рост преступности в 1860-е гг. относится на счет судебной реформы, а не изменений в характере самой преступности. Но такое предположение некорректно, по крайней мере в отношении крупной преступности, поскольку судебная реформа могла повлиять на уровень мелкой, а не тяжкой преступности. Число же крупных преступлений на 100 тыс. человек населения за 1803—1913 гг. увеличилось в 2.8 раза, что ближе к результатам анализа в соответствии с первым, а не вторым подходом. Объединяя результаты обоих подходов, можно сказать, что рост числа зарегистрированных преступлений за 111 лет находился в интервале от 1.9 до 2.9 раза, или преступность возросла примерно в 2—3 раза. По аналогии, за 1803—1913 гг. число уголовных дел на 100 тыс. населения увеличилось 2.2—3.8 раза, число подсудимых на 100 тыс. населения — в 3—4.4 раза, число осужденных на 100 тыс. населения — в 4.2—5.1 раза. В целом уровень преступности за 111 лет увеличился в 3—4 раза.

Таблица VIII.9
Число наиболее важных зафиксированных полицией преступлений в 1846—1913 гг.
(в среднем в год, тыс.)

Вид преступлений	1846— 1857 гг.*	1874— 1883 гг.**	1884— 1893 гг.**	1899— 1905 гг.**	1906—1908 гг.**	1909— 1913 гг.**
Против общественного и государственного порядка	75.6	13.2	16.6	23.3	56.2	55.4
религиозные	6.8	1.0	1.6	1.4	1.5	5.2
государственные	0.01			2.0	2.9	2.3
служебные	7.4	2.0	4.0	6.2	9.2	14.1
против порядка управления	14.4	3.3	3.8	9.9	13.1	22.1
против государственной собственности и прочие	47.0	6.9	7.2	3.8	29.5	11.7
Против личности	10.5	22.4	32.3	153.8	134.3	149.2
убийства	4.2	3.8	5.2	19.8	35.0	32.6
сексуальные преступления	0.6	1.8	3.1	9.7	10.8	14.4
телесные повреждения	1.7	7.5	12.9	68.2	50.0	44.9
прочие	4.0	9.3	11.1	56.1	38.5	57.3
Против собственности частных лиц	23.5	57.5	40.8	136.0	208.7	245.5
грабеж, разбой	1.6	12.3	14.1	44.8	84.4	73.1
кража	18.6	41.9	23.1	82.4	112.4	151.2
мошенничество и др.	3.3	3.3	3.6	8.8	11.9	21.2
Итого против частных лиц	34.0	79.9	73.1	289.8	343.0	394.7
Всего	109.6	93.1	89.7	313.1	399.2	450.1

* Подсудимых в палатах уголовного суда и совестном суде. ** В окружных судах и судебных палатах.
Источники: Кроме указанных в примечании к табл. VIII.6 см.: РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 502; *Гернет* М. Н. Моральная статистика. М., 1922. С. 90—97; *Тарновский Е. Н.* 1) Движение преступности в Европейской России за 1874—1894 гг. // Журнал МЮ. 1899. № 3. С. 115—124; 2) Движение преступности в Российской империи за 1899—1908 гг. // Там же. 1909. № 9. С. 52—

99; Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М., 1922. Т. 36, ч. 5. Стб. 629—642.

Большой ценностью являются данные о структуре преступности, которые позволяют получить представление об объекте противоправных деяний и косвенно — об их целях (табл. VIII.9). Самое важное изменение в структуре преступности состояло в том, что до эмансипации преобладающее число преступлений (69%) было направлено против государственной собственности, против законов, ограничивающих личную инициативу, вследствие чего они носили как бы антигосударственный характер и официально назывались преступлениями против порядка управления. За редчайшими исключениями, правонарушители не имели в виду свержение существовавшего государственного строя и изменение общественного порядка; по-видимому, они просто тяготились многочисленными ограничениями частной инициативы. Сразу после отмены крепостного права доля такого рода преступлений резко упала и в 1874—1883 гг. составила всего 14% всех преступлений, в 1909—1913 г. — 12%.

Среди «антигосударственных» и «антиобщественных» преступлений преобладали покушения на государственную собственность, главным образом леса, служебные преступления и нарушения многочисленных уставов. На долю преступлений, направленных против частных лиц, приходился до эмансипации всего 31% всех преступлений, а после — от 81 до 92%. Особенно быстро росло число преступлений против собственности частных лиц: в 1909—1913 гг. на их долю приходилось 55% всех преступлений. Таким образом, **после реформ 1860-х гг. объект преступлений изменился — место общественного и государственного порядка заняли частные лица, прежде всего их собственность.** Это свидетельствует о том, что центр интересов сотен тысяч правонарушителей и, вероятно, всего населения в целом переместился с государства на личность и ее собственность.

Данные о структуре наказаний за 1834—1913 гг. дают представление об изменении тяжести судебных приговоров (табл. VIII. 10): доля уголовных наказаний в 1834—1860 гг. уменьшилась на 1%, а доля исправительных наказаний увеличилась на 1%. Более существенные изменения произошли в структуре исправительных наказаний: доля более суровых наказаний (до тюремного наказания включительно) уменьшилась на 5%, а доля мягких наказаний (арест и др.) возросла на 6%. В 1860—1883-х гг. происходил обратный процесс: доля уголовных наказаний возросла на 4.7%, а доля исправительных наказаний на столько же уменьшилась. В структуре исправительных наказаний также произошли изменения в пользу более суровых наказаний: их доля повысилась на 17.7%, в то время как доля мягких наказаний уменьшилась на 22.4%. Поскольку это важное изменение в структуре наказаний началось до судебной реформы, можно предположить, что сама по себе реформа не была причиной этих перемен, а только их ускорила. В следующее двадцатилетие, 1884—1904 гг., вновь наблюдалось смягчение репрессии: доля уголовных наказаний уменьшилась на 6.3%, а доля исправительных наказаний на столько же увеличилась. В структуре исправительных наказаний также произошли изменения в пользу более мягких приговоров. Во время революции 1905—1907 гг. суровость приговоров несколько возросла, после революции эта тенденция продолжалась: доля уголовных наказаний поднялась к 1908—1913 гг. на 2.2%, а доля исправительных наказаний на столько же уменьшилась без существенных изменений в их структуре. Таким образом, применение самых тяжелых наказаний, каторги и ссылки, в целом за весь изучаемый период мало изменилось и в 1908—1913 гг. находилось на уровне 1830—1850-х гг. Рост доли лиц, приговоренных к каторге после 1904 г., находился в связи с отменой ссылки в Сибирь. В то же время применение менее суровых, но достаточно тяжелых наказаний, например длительного лишения свободы, имело тенденцию к росту: в 1834—1860 гг. на

Рис. 12. Медицинская экспертиза: вскрытие тела Г. А. Гапона, повешенного эсерами в Озерках. 1906 г.

их долю приходилось около 45%, а в 1908—1913 гг. — 61% всех наказаний, доля же самых мягких наказаний уменьшилась с 47 до 31%.

Таблица VIII.10

Структура наказаний в России в 1834—1913 гг. (в %)*								
Вид наказания	1834— 1845 гг.	1846— 1860 гг.	1861— 1867 гг.	1874— 1883 гг.	1884— 1894 гг.	1898— 1904 гг.	1905— 1907 гг.	1908— 1913 гг.
повешенные	9.0	8.0	9.3	12.7	10.2	6.4	6.6	8.6
смертная казнь	3.6	3.0	3.4	5.0	4.6	4.5	6.2	8.0
лишения свободы	5.4	5.0	5.9	7.7	5.6	1.9	0.4	0.6
исправительные	91.0	92.0	90.7	87.3	89.8	93.6	93.4	91.3
тюремного заключения включительно	47.0	42.0	68.5	59.7	49.8	61.4	62.1	59.4
и др. наказания	44.0	50.0	22.2	27.6	40.0	32.2	31.3	31.9
Итого	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

* За 1834—1867 гг. по приговорам уголовных палат и совестных судов, в остальные годы — по приговорам окружных судов и судебных палат. Источники указаны в примечании к табл. VIII.6.

Еще более наглядное представление о тяжести судебных приговоров в начале XX в. можно получить по данным табл. VIII.11, где указаны конкретные наказания, к которым были присуждены 363 тыс. осужденных в окружных судах и судебных палатах в 1910—1913 гг.

Факторы преступности

Индексы зарегистрированной преступности за 1803—1860 гг. позволяют заключить, что в первые 30 лет XIX в. преступность увеличивалась, особенно существенно возрос индекс осужденных — на 28%, а в следующем тридцатилетии преступность понизилась, вследствие чего к концу 1850-х гг. три индекса преступности упали ниже уровня 1803—1808 гг. на 5—29% и лишь индекс подсудимых оставался на 11% выше начального уровня. Мне представляется, что рост преступности в царствование Александра I может быть связан, во-первых, с многочисленными и кровопролитными войнами, которые велись Россией, в том числе и на ее территории, и которые имели следствием ослабление государственного и общественного порядка, разорение больших территорий, вооружение населения, повышение налогов и снижение жизненного уровня. Второй фактор роста преступности, возможно, состоял в том, что при Александре I происходили важные реформы государственного управления (введение министерств, переход от коллегиальной к бюрократической системе управления, изменение функций Сената, учреждение Государственного совета и др.), которые, как всякие реформы, приводили к временному расстройству управления, к дисфункциям в государственной машине, ослаблявшим ее силу и эффективность.

Таблица VIII.11

Наказания, наложенные окружными судами и судебными палатами в 1910—1913 гг.

Виды наказания	%
Уголовные с лишением всех прав	8.4
Ссылка на каторжные работы без срока	0.1
« на срок более 10 лет	1.3
« на 8—10 лет	1.1
« на 6—7 лет	1.2
« на срок до 6 лет	4.3
« на поселение	0.4
Исправительные с лишением прав	37.3
Заключение в исправительном доме от 6 месяцев до 6 лет	0.04
« в арестантском отделении на 2.5 года и более	14.2
« на срок до 2.5 лет	16.0
« в тюрьму на 1 год и более	3.4
« на срок до 1 года	3.7
« в крепость на срок до 6 месяцев	0.01
Исправительные без лишения прав	54.3
Заклучение в тюрьму на 1 год и более	6.7
« на срок до года	19.5
« в крепость до года	1.3
Арест	15.5
Денежное взыскание, выговор, замечание	8.1
Меры, принятые в отношении лиц до 17 лет	2.1
Временные заводские работы	0.2
Исключение из службы и другие наказания	0.9

Источники: Свод сведений по делам уголовным, произведенным в [1910—1913] году.

Снижение преступности при Николае I, по-видимому, объясняется прежде всего ростом законности, порядка и дисциплины в государственном управлении, в полиции и суде. Для всего царствования характерна интенсивная законотворческая деятельность императора и его правительства, направленная на то, чтобы поставить самодержавную власть, бюрократию и

жизнь всего общества в рамки закона. Именно при Николае I, после 133 лет безуспешных попыток, в 1830—1832 гг. был создан долгожданный кодекс законов, имевший целью *поставить все государственное управление на твердое правовое основание*.

Совпадение значительного роста преступности с реформами 1860-х гг. предполагает существование связи между ними. Эта зависимость имела иногда неожиданные проявления. Так, получение населением гражданских прав, утверждение идей законности и уважения к личности, с одной стороны, и облегчение возможности получения судебной защиты благодаря повсеместно учрежденным мировым судам, с другой — способствовали росту преступности. В мировые суды, введенные в практику в 1866 г. для рассмотрения мелких уголовных исков, стали обращаться простые люди с такими обидами, на которые прежде и не помышляли жаловаться в суд, причем не столько из-за трудности найти там защиту или из-за страха перед официальным судом, сколько потому, что часто не считали правонарушениями такие деяния, как несправедливые наказания работодателем, мелкие обиды, оскорбления, побои. С учреждением доступного, дешевого, быстрого на решение мирового суда все, кто прежде чувствовали себя бесправными и молча сносили обиду и угнетение, пошли туда искать защиты, утверждать свое достоинство и право на уважение: жены жаловались на жестокое обращение мужей, просили развода или выдачу вида на жительство отдельно от мужей, рабочие выносили в суд трудовые споры, жаловались на несправедливое отношение к ним предпринимателей и требовали их наказания и т. д.²⁰⁴ В мировых судах по всей стране в 1884—1888 гг. рассматривалось 1036 тыс. дел в год, в 1909—1913 гг. — 1567 тыс., что составляло около 57% всех уголовных дел и около 90% всех мелких уголовных дел.²⁰⁵ Как это ни парадоксально, пробуждение чувства личности и стремление отстаивать свое достоинство явились факторами роста числа мелкой преступности.

Можно предположить, что рост преступности среди молодежи и женщин также находился, хотя бы отчасти, в связи с их борьбой за свое достоинство, с их стремлением освободиться от контроля глав семей и мужчин. С 1834 по 1913 г. доля несовершеннолетних среди правонарушителей возросла с 7 до 21%, женщин — с 11 до 15%. Если принять во внимание, что в населении доля несовершеннолетних до 21 года составляла около 30%, а женщин — 51%, преступность среди молодежи была ниже, чем среди взрослых, а среди женщин — ниже, чем среди мужчин и среди молодежи. Молодежь чаще, чем женщины, отклонялась от общепринятых норм и активнее освобождалась от контроля старших, чем женщины от контроля мужчин.

Второй фактор роста преступности в пореформенный период состоял в том, что в результате Великих реформ произошло освобождение огромного количества людей от крепостничества и ослабление государственного и корпоративного контроля над отдельным человеком. Реформы открывали широкий простор частной инициативе и предприимчивости, расширяли рамки дозволенного и способствовали развитию отклоняющегося поведения, в том числе в его криминальной форме. Старания двух последних императоров усилить государственный и корпоративный контроль за людьми имели лишь частичный и временный успех в царствование Александра III, так как социальные и политические изменения, введенные Александром II, оказались необратимыми: народ, почувствовавший вкус свободы, не желал возвращаться в прошлое, и усилия вернуть его к старым порядкам без материальной компенсации вызвали протест и новую волну сопротивления, что являлось противозаконным и вело к росту преступности.

Третьим и, возможно, решающим фактором роста преступности в последней трети XIX—начале XX в. являлось разрушение крестьянской общины и городских корпораций (мещанских и купеческих обществ, ремесленных цехов), что вело к распаду общинных связей не только в деревне, но и

в городе и к ослаблению общественного контроля за поведением человека. В пользу этого предположения говорят данные о превосходстве городской преступности над сельской, столичной над городской, а также более высокий уровень преступности среди лиц наемного труда сравнительно с крестьянами-общинниками. На долю Петербурга и Москвы в 1874 г. приходилось 6.2% всех осужденных, а проживало там 1.6% всего населения Европейской России, на долю прочих городов — 24.7% осужденных и 8.4% населения, на долю деревни — 65.4% осужденных и около 90% населения (о месте совершения 3.8% преступлений нет сведений). Следовательно, криминогенность столиц (отношение доли зафиксированных там преступлений к доле проживающего там населения) составляла 3.9, прочих городов — 2.9, деревни — 0.7. К 1913 г. криминогенность Петербурга и Москвы под влиянием усиления полицейских мер значительно уменьшилась (2.5), прочих городов изменилась незначительно (2.7), а криминогенность деревни осталась на прежнем уровне (0.7), следовательно, уступала городской в 3.6—3.9 раза.

Реформы 1860-х гг. привели к изменению ценностных ориентаций и стандартов поведения у значительной части населения, а конфликт разных систем ценностей способствует росту отклоняющегося поведения и преступности. Пониманию причин роста преступности помогают данные о занятиях и профессиях правонарушителей. В 1897 г. с точки зрения криминогенности представителей различных профессий (отношение доли лиц данной профессии в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении) на первом месте были рабочие (11.2), на втором — лица свободных профессий и чиновники (2.3), на третьем — торговцы (1.9), на четвертом — предприниматели и ремесленники (0.9), на пятом — крестьяне-землепашцы (0.6).²⁰⁶ На долю 3.2 млн рабочих приходилось около 30% всех осужденных. *Рабочие*, подавляющее число которых по сословной принадлежности являлись крестьянами, *были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-хлебопашцы, жившие в общине*. Освобожденные от контроля общины, не привыкшие к самоконтролю, молодые люди легко давали волю агрессии, своим отрицательным эмоциям. Высокая преступность рабочих, вероятно, объяснялась также их маргинальным статусом: оторвавшись от привычных условий и принятых стандартов поведения в деревне, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, из чего проистекали антиобщественный характер их поведения и негативные психические состояния.

То, что лица свободных профессий, торговцы и предприниматели превосходили по криминогенности крестьян, как мне кажется, свидетельствует о том, что *бедность сама по себе не оказывала решающего влияния на рост преступности после эмансипации*. В этом отношении весьма красноречивы также данные о преступности по сословиям. С точки зрения криминогенности сословий (отношение доли представителей данного сословия в общем числе осужденных к доле лиц данного сословия в населении) в 1858—1897 гг. первое место принадлежало купцам (2.0), второе — мещанам и ремесленникам (1.7), третье — дворянам и чиновникам (1.5), четвертое — крестьянам (0.9), пятое — духовенству (0.3—0.4).²⁰⁷ И здесь беднее в последней трети XIX в. крестьянство уступало по криминогенности всем сословиям, кроме духовенства. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов бедность в качестве криминогенного фактора. Например, было замечено, что во время и сразу после неурожаев существенно увеличивалось число преступлений против собственности.²⁰⁸ Но бедность, будучи постоянно действующим фактором криминогенности, не может объяснить тенденции в изменении преступности. В первой половине XIX в. было достаточно бедных и много богатых, а уровень преступности снижался. После эмансипации влияние материального фактора на преступность увеличилось, вероятно, в другом смысле. *Не бедность, а стремление разбогатеть любыми способами, не исключая и криминальных, часто служило мотивом преступления*. Повышение роли богатства

Рис. 13. Тело убитого Г. Е. Распутина. 1916 г.

в системе ценностей, возможность через богатство сразу и радикально изменить свою жизнь к лучшему вводили многих людей среднего достатка в искушение. Начальник петербургской сысской полиции в 1866—1889 гг. И. Д. Путилин заметил: «Сколько по тюрьмам и острогам сидит людей, сделавшихся преступниками *случайно*, и сколько ходит на свободе с гордо поднятой головой „честных“ людей, честных только потому, что им не представился ни разу случай искушения! Из ста этих честных поставьте в возможность взять взятку, ограбить кассу, совершить растрату, и — ручаюсь — 98 из них постараются не упустить этой возможности. Скажу более, многие из 100 не воздержатся при благоприятных условиях даже... от убийства».²⁰⁹

В дореформенной России уровень преступности был низким сравнительно с другими европейскими странами и мало изменялся по отдельным десятилетиям. Низшей точки зарегистрированная преступность достигла в 1850-е гг., высшей — в 1825—1830 гг. — соответственно 562 и 650 преступлений на 100 тыс. населения, что было примерно в 4 раза ниже, чем во Франции, в 7.6 раз ниже, чем в Англии.²¹⁰ После проведения в 1860-е гг. демократических преобразований в обществе преступность стала расти и в 1911—1913 гг. примерно в 3.4 раза превысила уровень 1850-х гг. под влиянием причин, уже обсуждавшихся: 1) пробуждения чувства личности; 2) учреждения доступного, дешевого, быстрого на решение мирового суда; 3) раскрепощения человека и создания возможностей для социальной мобильности, для проявления инициативы и предприимчивости; распада общинных связей; 4) изменения ценностных ориентаций и стандартов поведения.

В конце XIX—начале XX в. уровни преступности в России и западноевропейских странах, где мелкая преступность росла медленнее, а тяжкая даже уменьшалась, выровнялись: в 1900—1913 гг. по уровню преступности Россия уступала Англии примерно в 1.2 раза, Франции — в 1.9, Германии — в 2.4 раза.²¹¹ Замедление темпов роста преступности в западноевропейских странах на рубеже XIX—XX вв. после ее скачка в начале индустриальной эпохи указывает на то, что увеличение преступности носит временный характер и по мере ослабления социальной напряженности, утверждения во всех слоях

общества единых стандартов поведения и принципиально общей системы ценностей может быть остановлено.

ИТОГИ: ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

В период империи все отрасли официального права в России развивались параллельно в направлении установления господства закона, отделения судебной власти от административной, признания за каждым человеком, независимо от пола, возраста и социального положения, равного права на судебную защиту. Понятия уголовного права постоянно совершенствовались, все глубже постигая и учитывая природу человека. Развитие гражданского права увеличивало полномочия отдельного лица в сфере гражданско-правовых сделок до предельно возможной степени. Совершенствовался процесс. На смену обвинительной модели пришла розыскная, а она в свою очередь была заменена смешанным процессом. *Розыскной процесс при всех его недостатках был шагом вперед по сравнению с обвинительным процессом:* именно он позволил вывести тяжкие уголовные преступления из сферы обычного права, подчинить их закону и изменить представление о преступлении как о частном деле в представление об антиобщественном деянии; *огосударствление суда унифицировало правовые представления и сам суд на всей территории страны и способствовало централизации государства.* Шаг за шагом изменения в праве приводили к росту гражданских прав населения. Свобода, однако, открывала двери не только самостоятельности и инициативе в рамках закона, но и отклоняющемуся от правовых норм поведению; и чем больше было свободы и чем быстрее увеличивались права человека, тем больше появлялось людей, нарушающих общественные нормы. Личная свобода, полученная в результате Великих реформ, дорого обошлась обществу — она привела почти к четырехкратному росту преступности. В крепостническую эпоху строгий контроль общины за поведением своих членов, их солидарность, соседский, дружеский характер их отношений, низкая мобильность населения, с одной стороны, сдерживали людей с криминальными наклонностями, а с другой стороны, мешали преступникам скрыться от правосудия, народного или официального. После эмансипации общинные отношения медленно разрушались, и это не могло не привести к росту криминального поведения. Этот вывод вполне согласуется с мнением социологов, что наиболее важными криминогенными факторами всегда являются деформация системы ценностей, общественных отношений, социальных и юридических норм и дисфункция социальных институтов.²¹² **Идержки перехода к гражданской, а с 1906 г. и к политической свободе были велики, но они, как показывает опыт всех стран, были неизбежны.**

Закон и обычное право защищали людей от преступников и поддерживали общественный порядок. Судейский субъективизм в официальных судах находился более или менее в рамках закона как до эмансипации, так и после. Приговоры, как правило, соответствовали закону на протяжении всего изучаемого периода, что дает основание для заключения, что суд был достаточно справедлив. Правда, до эмансипации официальный суд ввиду наличия трех инстанций работал очень медленно, что вынуждало заинтересованных лиц давать взятки, чтобы ускорить продвижение дел. Неофициальный сельский суд работал быстро, и его приговоры соответствовали обычному праву.

До конца XVII в. все социальные группы русского общества жили в одном правовом пространстве. Но начиная с XVIII в. по мере развития нового законодательства город и деревня в правовом отношении стали расходиться и постепенно возник так называемый **юридический плюрализм: в пределах одного государства стали одновременно действовать две системы права** —

обычное и официальное, каждая из которых представляла собой достаточно своеобразный комплекс норм и институтов. Своей критической отметки различие между ними достигло к концу XIX в. Осознав в начале XX в. опасность крестьянской правовой обособленности, правительство решило ее ликвидировать и восстановить единое правовое пространство. Но времени оказалось слишком мало, и императорский режим рухнул в том числе и потому, что ему не удалось включить крестьян в общий правопорядок государства. Требования помещичьей земли, недостаток патриотизма, слабое осознание общенациональных интересов и многое другое — все это было порождено в немалой степени правовой обособленностью крестьянства. Так, уже в революцию 1905—1907 гг. частично сбылось предсказание С. Ю. Витте, высказанное им в 1903 г.: «Россия составляет в одном отношении исключение из всех стран мира — народ систематически воспитывался в отсутствии понятия о собственности и законности. <...> Для меня представляет огромный вопросительный знак: что может представлять собой империя со 100-миллионным крестьянским населением, в среде которого не воспитано ни понятие о праве земельной собственности, ни понятие о твердости права вообще? Какие исторические события явятся результатом этого? Затрудняюсь сейчас сказать, но чувю, что последствия будут очень серьезные».²¹³ 1917 год и последовавшие за ним события подтвердили пророчество Витте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По истории русского права имеется огромная литература. Наиболее полные и объективные общие курсы написаны до 1917 г., среди них лучшие, по моему мнению: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев; СПб., 1900; *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода империи: (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. Из современных стоит отметить два серийных издания: Развитие русского права. М., 1986, 1992, 1994; *Чистяков О. И.* (ред.). Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. М., 1984—1994. Аналитический обзор литературы по истории права см.: *Леонтович Ф. И.* История русского права. Вып. 1. Литература истории русского права. Варшава, 1902; *Емельянова И. А.* Историко-правовая наука России XIX в.: Методологические и историографические очерки. Казань, 1988. Ч. 1, 2.

² *Давид Р.* Основные правовые системы современности: (Сравнительное право). М., 1967; *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М., 1972. С. 93—94; *Тарановский Ф. В.* Энциклопедия права. Берлин, 1923. С. 360—394.

³ *Исаев И. А.* История государства и права России. М., 1994. С. 222. Уложение 1649 г. было первым печатным памятником русского права. До тех пор формой оповещения населения о новых законах являлось оглашение наиболее важных из них биричами на торговых площадях и в храмах. «Присутствующие при этом люди не имели возможности ни вникнуть в суть дела, ни сохранить объявленного указа в памяти. Таким образом, единственными законоведами и безапелляционными истолкователями законов были приказные дьяки, которые широко использовали свои знания в корыстных целях». (*Новомбергский Н. Я.* К вопросу о внешней

истории Соборного уложения 1649 г. // *ИЗ.* 1947. Т. 21. С. 44—45).

⁴ *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 287—288.

⁵ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 299.

⁶ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1987. Вып. 12. С. 49; М., 1995. Вып. 20. С. 61.

⁷ Там же. М., 1981. Вып. 8. С. 249.

⁸ *Богдановский А. М.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. 91—132; *Чебышев-Дмитриев А. П.* О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. С. 239—242.

⁹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 5. Указ от 24 декабря 1714 г.; *Скрипчев Е. А.* (ред.). Развитие русского права второй половины XVII—XVIII вв. М., 1992. С. 45—46.

¹⁰ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции: Часть общая. М., 1994. Т. 1. С. 33.

¹¹ *Липинский Г.* К истории уголовного права XVIII в. // *Журнал гражданского и уголовного права.* 1885. Кн. 10. С. 10.

¹² *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Т. 1. С. 33.

¹³ *Нерсесянц В. С.* (ред.). Развитие русского права в XV—первой половине XVII в. М., 1986. С. 165.

- ¹⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 117.
- ¹⁵ Маньков А. Г. (ред.). Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 20—21, 145—155.
- ¹⁶ Маньков А. Г. (ред.). Российское законодательство X—XX веков. Т. 4: Артикул воинский 1715 г. М., 1986. С. 331, 350—352, 363; Плакат о сборе подушном 1724 г. С. 208.
- ¹⁷ Воскресенский Н. А. (ред.). Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1: Генеральный регламент или Устав, по которому государственные коллегии поступить имеют, 1720 г. С. 513; ПСЗ-I. Указ от 27 апреля 1722 г. о должности генерал-прокурора (Т. 6).
- ¹⁸ Веретенников В. И. Тайная канцелярия петровского времени. Харьков, 1910; Семевский М. И. Слово и дело! 1700—1725: Тайная канцелярия при Петре Великом. СПб., 1884; Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912.
- ¹⁹ Указом 1762 г. от доносчика требовались доказательства, а при их отсутствии он подвергался аресту на два дня, оставаясь без пищи и питья; если после этого он продолжал настаивать на доносе, то его показания принимались во внимание: ПСЗ-I. Указ от 21 февраля 1762 г. (Т. 15).
- ²⁰ Чистяков О. И. (ред.). Российское законодательство X—XX веков. Т. 6: Общее учреждение министерств. § 279 и 376. С. 122.
- ²¹ Там же. С. 266, 282, 286—287, 297—298, 309.
- ²² Там же. Т. 9. С. 317—319.
- ²³ Маньков А. Г. (ред.). Соборное Уложение... С. 118—119.
- ²⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. С. 79.
- ²⁵ Там же. С. 143.
- ²⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 329—330.
- ²⁷ Аничков Е. В. Язычество в Древней Руси. СПб., 1914. С. 3; Власов В. Г. Христианизация русских крестьян // СЭ. 1988. № 3. С. 3—15.
- ²⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 320, 325—326; Латкин В. Н. Учебник истории русского права... С. 491.
- ²⁹ Янин В. Л. (ред.). Российское законодательство X—XX веков. Т. 1: Русская правда пространной редакции. М., 1984. Ст. 1, 2 40, 65, 89.
- ³⁰ Маньков А. Г. Уложение 1649 г.: Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 199.
- ³¹ ПСЗ-II. Т. 42. № 44402.
- ³² Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира Царской России: Воспоминания бывшего начальника Московской сысковой полиции и заведующего всем уголовным розыском империи. М., 1992. Т. 1. С. 151, 171; Т. 2. С. 37.
- ³³ Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 1902. С. 275—282.
- ³⁴ Нерсесянц В. С. (ред.). Развитие русского права... С. 158.
- ³⁵ ПСЗ-I. Т. 11. № 8601.
- ³⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 332; Словарь русского языка XI—XVIII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 183—185.
- ³⁷ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. С. 90.
- ³⁸ Басевич Г. Ф. Записки // Рус. архив. 1865. Т. 3. Стб. 569.
- ³⁹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. С. 90.
- ⁴⁰ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1879. Т. 2. С. 369.
- ⁴¹ Скрипилев Е. А. (ред.). Развитие русского права второй половины XVII—XVIII вв. С. 160—161.
- ⁴² Снежневский А. В. (ред.). Справочник невропатолога и психиатра. М., 1968. С. 427.
- ⁴³ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. С. 146—148.
- ⁴⁴ Маньков А. Г. (ред.). Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. С. 355.
- ⁴⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. С. 170—172.
- ⁴⁶ Янин В. Л. (ред.). Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. С. 64—73.
- ⁴⁷ «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.» состояло из Общей части, включавшей 189 статей, где давались понятия о преступлении, проступках, вине, наказаниях и других общих вопросах, и Особенной части, включавшей 2035 статей, где рассматривались отдельные составы преступлений по 150 направлениям: Чистяков О. И. (ред.). Российское законодательство X—XX веков. Т. 6. С. 160—408.
- ⁴⁸ О наказаниях до XVIII в. см.: Rogov В. А. Уголовные наказания и репрессии в России середины XV—середины XVII вв. М., 1992; Денп Ф. Ф. О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича: Историко-юридическое рассуждение. СПб., 1849; Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887.
- ⁴⁹ Филиппов А. Н. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой: Историко-юридическое исследование. М., 1891. С. 8.
- ⁵⁰ Там же. С. 277, 287.
- ⁵¹ На этом основании некоторые исследователи признавали существование понятия давности в древнерусском праве: Яневич-Яневский К. Об уголовной давности // Юридические записки, изд. П. Г. Редкиным. М., 1862. Т. 5. С. 1—128.
- ⁵² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 2. С. 339—358.
- ⁵³ Уложение о наказаниях 1845 г. Гл. 2. Ст. 18—61; Уложение 1903 г. Гл. 1. Ст. 15—38. По истории уголовного права имеется обширная литература, кроме уже указанной см.: Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. СПб., 1815; Есинов В. В. Очерк

- русского уголовного права. Часть общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. М., 1904; *Линовский В. А.* Исследование начал уголовного права, изложенные в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847; *Лохвицкий А. В.* Курс русского уголовного права. СПб., 1871; *Ошерович Б. С.* Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли: Вторая половина XVIII—первая четверть XIX в. М., 1946; *Сергеевский Н. Д.* Русское уголовное право: Часть общая. Пг., 1915; *Солодкин И. И.* Очерки по истории уголовного права: Первая четверть XIX в. Л., 1961.
- ⁵⁴ *Анфимов А. М., Корелин А. П.* (ред.). Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 400. О смертной казни см.: *Викторский С. И.* История смертной казни в России и современное ее состояние. М., 1912; *Гернет М. Н.* Смертная казнь. М., 1913; *Кистяковский А. Ф.* Исследование о смертной казни. СПб., 1896; *Сергеевский Н. Д.* Смертная казнь в России в XVII и первой половине XVIII века // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 9. С. 1—56.
- ⁵⁵ О телесных наказаниях см.: *Гольденберг И.* Реформа телесных наказаний. СПб., 1913; *Евреинов Н. Н.* История телесных наказаний в России. СПб., 1913. Т. 1; *Жбанков Д. Н.* Телесные наказания в России в настоящее время. М., 1899; *Ступин М.* История телесных наказаний в России от Судебников до настоящего времени. Владикавказ, 1887; *Тимофеев А. Г.* История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904.
- ⁵⁶ Отчет министра юстиции за [1834—1860] год. СПб., 1835—1861.
- ⁵⁷ РГИА, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 1, д. 223, л. 224—227.
- ⁵⁸ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Т. 2. С. 112—113.
- ⁵⁹ Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в [1896—1900] году. СПб., 1900—1903 (далее — Свод сведений по делам уголовным).
- ⁶⁰ *Горюшкин Л. М.* (ред.). 1) Ссылка и каторга в Сибири: XVIII—начало XX в. Новосибирск, 1975; 2) Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири: XVIII—начало XX в. Новосибирск, 1978; *Марголис А. Д.* Тюрма и ссылка в императорской России: Исследования и архивные находки. М., 1995; *Подосенов О. П.* Каторга и ссылка в России в XVI—первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.
- ⁶¹ *Саломон А. П.* (ред.). Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения (Для Комиссии о мероприятиях по отмене ссылки). СПб., 1900. Приложение 1—3. См. также: *Марголис А. Д.* Тюрма и ссылка в императорской России. С. 29—44.
- ⁶² РГИА, ф. 1329 (Именные указы и высочайшие повеления Сенату), оп. 4, д. 115, л. 1—35; Отчет Общества попечительного о тюрьмах за [1819—1867] год. СПб. 1821—1869.
- ⁶³ Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, д. 642, л. 252—257 (1780-е гг.); РГИА, ф. 1286 (Департамент полиции исполнительный Министерства внутренних дел), оп. 2, д. 314 (1818—1826 гг.); оп. 5, д. 507, л. 1—158 (1834—1838 гг.); ф. 1405 (Министерство юстиции), оп. 26 д. 336, л. 1—6 (1828 г.).
- ⁶⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 4 (1826—1834 гг.), д. 272, л. 1—226.
- ⁶⁵ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 260, л. 524—533.
- ⁶⁶ РГИА, ф. 1400 (Документы уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции), оп. 1 (1757—1836 гг.), д. 171; ф. 1341 (Первый департамент Сената), оп. 11 (1810 г.), д. 1164, л. 1—61; ф. 1286, оп. 2 (1815 г.), д. 180, л. 1—26; оп. 2 (1817 г.), д. 247, л. 51; оп. 2 (1820 г.), д. 37, л. 1—126; оп. 3 (1822 г.), д. 13, л. 1—86; оп. 4 (1829 г.), д. 664, л. 1—169; ф. 1287 (Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел), оп. 12 (1822 г.), д. 42, л. 1—9; ф. 1285 (Департамент государственного хозяйства Министерства внутренних дел), оп. 8 (1827 г.), д. 2808.
- ⁶⁷ РГИА, ф. 1286, оп. 2 (1820 г.), д. 143, л. 1—11; ф. 1263, оп. 1 (1822 г.), д. 291.
- ⁶⁸ РГИА, ф. 1286, оп. 2 (1817—1820 гг.), д. 277, л. 1—48.
- ⁶⁹ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Т. 2. С. 99—274.
- ⁷⁰ РГИА, ф. 1286, оп. 26 (1865—1866 гг.), д. 217, л. 1—82; оп. 29 (1868—1869 гг.), д. 637, л. 1—90; оп. 33 (1872—1873 гг.), д. 383—393; оп. 36 (1875 г.), д. 387, 433, 436, 518, 524, 552, 568, 586, 587.
- ⁷¹ РГИА, ф. 1405, оп. 26 (1828 г.), д. 336, л. 4—9, 47—64; Архив РГО, разр. 108, оп. 1, д. 22, л. 1—12; Отчет министра юстиции за [1804, 1840, 1861] год. СПб., 1805, 1841, 1862; Отчет по Главному тюремному управлению за [1879, 1885, 1900, 1913] год. СПб., 1881, 1887, 1902, 1915.
- ⁷² *Юферов В. Н.* Материалы для тюремной статистики России. СПб., 1873. С. 4—5 (Зап. РГО по отдельности статистики. Т. 3).
- ⁷³ За 1863—1864 г. подсчитано по: Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 года (по 32 губерниям). СПб., 1866. Т. 1, 2, 3; Отчет по Главному тюремному управлению за [1890—1915] год. СПб., 1892—1916.
- ⁷⁴ Очерк развития арестантского труда в русских тюрьмах: 1858—1888 гг. СПб., 1890; *Гогель С. К.* Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах. СПб., 1897; Отчет по Главному тюремному управлению за 1903 год. С. 112—123.
- ⁷⁵ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 4330 (1883 г.), л. 161—165.
- ⁷⁶ *Новосельский С. А.* Обзор важнейших данных по демографии и санитарной статистике России. СПб., 1916. С. 53.
- ⁷⁷ Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 год. Ч. 2. С. 30.
- ⁷⁸ Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за [1903—1913] год. СПб., 1905—1915.

⁷⁹ Обзор деятельности Главного тюремного управления 1879—1889. СПб., 1890; *Лучинский Н. Ф.* Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования: (1879—1914). СПб., 1914; Отчет по Главному тюремному управлению за 1903 год. С. 142.

⁸⁰ Кроме литературы, указанной в тексте, использовались также: *Бобынин П. П.* Записка о настоящем положении тюремной части в империи. Б. м., 1870; *Гайдук С. Л.* Тюремная политика и тюремное законодательство в пореформенной России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; *Галкин-Враской М. Н.* Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868; *Кеннан Дж.* Тюрьмы в России: Очерки. СПб., 1906; Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России: (Издано Министерством внутренних дел по сведениям, доставленным от начальников губерний). СПб., 1865; *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка: История законодательства, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения тюрьмы до наших дней: 1560—1880 гг. СПб., 1880; *Познышев С. В.* Очерки тюремного управления. М., 1913; Сведения о деятельности Главного тюремного управления за первый год, с 16 июня 1880 г. по 16 июня 1881 г. СПб., 1881; *Фойницкий И. Я.* Учение о наказаниях в связи с тюремным управлением. СПб., 1889. См. также библиографии: *Лучинский Н. Ф.* (ред.). Систематический алфавитный указатель неофициального отдела журнала «Тюремный вестник» за 15 лет: (1893—1907). СПб., 1908; *Борисов А. В.* Карательные органы дореволюционной России (полицейская и пенитенциарная системы): Библиографический указатель. М., 1978.

⁸¹ *Тазанцев Н. С.* Русское уголовное право. Т. 2. С. 79.

⁸² *Исаев И. А.* История государства и права России. С. 16—17.

⁸³ *Анненков К. Н.* Система русского гражданского права: В 6 т. Т. 1: Введение и общая часть. СПб., 1894; *Герваген Л. Л.* Развитие учения о юридическом лице. СПб., 1888. С. 88—91; Гражданское уложение. Кн. 1: Положения общие. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Вторая редакция. СПб., 1905. С. 3—6.

⁸⁴ *Анненков К. Н.* Система русского гражданского права. Т. 3: Права обязательственные. СПб., 1898; *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. СПб., 1896.

⁸⁵ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1886 г. СПб., 1887. Вып. 2. С. 106—107; То же за 1913 г. СПб., 1916. Вып. 30. С. 391—393.

⁸⁶ *Анненков К. Н.* Система русского гражданского права. Т. 6: Права наследственные. СПб., 1902; *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные; *Руднев Л. И.* О духовных завещаниях по русскому гражданскому

праву в историческом развитии. Киев, 1894; *Цитович П. П.* Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870.

⁸⁷ *Анненков К. Н.* Система русского гражданского права. Т. 2: Права вещные. СПб., 1895; *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Ч. 1: Вотчинные права; *Энгельман И. Е.* О приобретении права собственности на землю по русскому праву. СПб., 1859.

⁸⁸ По мнению некоторых исследователей, до середины XIII в. на Руси права собственности были наиболее полны и не подвергались ограничениям со стороны государства, как это было в московский период. Это мнение убедительно опровергнуто: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 517—530.

⁸⁹ *Нерсесянц В. С.* (ред.). Развитие русского права... С. 130.

⁹⁰ *Загоскин Н. П.* О праве владения дворами в Московском государстве: Историко-юридический очерк. Казань, 1877. С. 1—42.

⁹¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 602—606.

⁹² *Григорьевский С.* Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводах и судопроизводстве по делам брачным. СПб., 1910; *Дубакин Д. Н.* Влияние христианства на семейный быт русского общества в период времени появления «Домостроя». СПб., 1880; *Анненков К. Н.* Система русского гражданского права. Т. 5: Права семейные и опека. СПб., 1905; *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные.

⁹³ *Власов В. Г.* Христианизация русских крестьян. С. 3—15.

⁹⁴ *Нерсесянц В. С.* (ред.). Развитие русского права. С. 152—153.

⁹⁵ Кроме литературы, указанной в тексте, использовались: *Вербловский Г. Л.* Вопросы русского гражданского права и процесса. М., 1896; *Кранихфельд А.* Начертание российского гражданского права в историческом его развитии. СПб., 1843; *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. СПб., 1915; *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1912; *Энгельман И. Е.* О давности по русскому гражданскому праву: Историко-догматическое исследование. СПб., 1901. Дополнительную литературу см.: *Поворинский А. Ф.* 1) Систематический указатель русской литературы по гражданскому праву. СПб., 1904; 2) Систематический указатель русской литературы по гражданскому праву: Дополнение. СПб., 1904.

⁹⁶ **О судоустройстве** см.: *Блинов И. А.* Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: Историко-юридический очерк. Пг., 1914; *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1905; *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в Древней Руси: Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869; *Ефремова Н. Н.* Судоустройство России в XVIII—пер-

вой половине XIX в.: Историко-правовое исследование. М., 1993; *Кавелин К. Д.* Основные начала русского судоустройства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях. М., 1844; *Коротких М. Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России: Сущность и социально-правовой аспект формирования. Воронеж, 1994; *Победоносцев К. П.* Материалы для истории приказного судоустройства в России. М., 1890; *Трощина К.* История судебных учреждений в России. СПб., 1851; *Kucherov S.* Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. Westward, CO: Greenwood Press, 1974; *LeDonne J. P.* 1) Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism 1762—1796. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. P. 145—202; 2) Absolutism and Ruling Class: The Formation of Russian Political Order, 1700—1825. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 181—238. **О процессе** см.: *Бариев С.* О преимуществах следственного процесса перед обвинительным // Юридические записки, изд. П. Г. Редкиным. М., 1842. Т. 2. С. 120—148; *Жижиленко А.* Общий очерк движения уголовно-процессуального законодательства после 1864 г. // *Давыдов Н. В., Полянский Н. Н.* (ред.). Судебная реформа 1864—1914 : В 2 т. М., 1915. Т. 2. С. 41—69; *Ланге Н.* Древнерусское уголовное судопроизводство: (XV, XVI и половины XVII в.). СПб., 1884; *Малченко В. С.* Общий очерк движения гражданско-процессуального законодательства после 1864 года // *Давыдов Н. В., Полянский Н. Н.* (ред.). Судебная реформа 1864—1914. Т. 2. С. 70—80; *Михайловский И. В.* Основные принципы организации уголовного дела: Уголовно-политическое исследование. Томск, 1905; *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса: Судоустройство — судопроизводство. СПб., 1913; *Чебышев-Дмитриев А.* Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб., 1875; *Энгельман И. Е.* Учебник русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1904.

⁹⁷ *В. П.* Повальный обыск и очная ставка // ОЗ. 1860. Т. 129, № 4. С. 427—444.

⁹⁸ *Линовский В. А.* Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 217—234, 235—238.

⁹⁹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 666—667.

¹⁰⁰ См., например: Отчет министра юстиции за 1843 год. С. X; То же за 1844 год. С. XIII; То же за 1847 год. С. 174—175; То же за 1848 год. С. 136—137; и др.

¹⁰¹ *Денн Ф. Ф.* О торговых судах // Журнал гражданского и торгового права. 1872. № 1. С. 1—75; № 6. С. 457—513.

¹⁰² История уделов за столетие их существования: 1797—1897. СПб., 1901. Т. 2. С. 440, 450.

¹⁰³ *Гессен И. В., Гернет М. Н.* История адвокатуры: 1864—20/XI—1914. М., 1914, 1916. Т. 1—3.

¹⁰⁴ Трудности, с которыми столкнулось правительство при проведении судебной ре-

формы 1864 г. вследствие ее несоответствия традиционалистским структурам и правовой поливариантности многонационального государства, обстоятельно исследованы в кн.: *Baberowski J.* Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich. 1864—1914. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1996. Однако, на мой взгляд, автор преувеличивает трудности и недооценивает позитивные результаты реформы.

¹⁰⁵ *Давыдов Н. В.* Судебная реформа 1866 года // *Каллаш В. В.* (ред.). Три века: Россия от смуты до нашего времени: В 6 т. М., 1995. Т. 6. С. 174. См. также: *Биншток В. Л.* Исторические очерки правосудия в России // *Биншток В. Л.* Из недавнего прошлого. СПб., 1896; *Бочкарев В.* Дореформенный суд // *Давыдов Н. В., Полянский Н. Н.* (ред.). Судебная реформа 1864—1914. М., 1915. Т. 1. С. 205—241; *Скрипильев Е. А.* (ред.). Развитие русского права второй половины XVII—XVIII вв. С. 245—260; *Сыромятников Б. Н.* Очерк истории суда в древней и новой России // *Давыдов Н. В., Полянский Н. Н.* (ред.). Судебная реформа 1864—1914. М., 1915. Т. 1. С. 16—180.

¹⁰⁶ Отчет министра юстиции за [1843—1848, 1861—1864] год; Свод сведений по делам уголовным в 1897 г. С. 2, 5.

¹⁰⁷ *Анциферов К.* Взятничество в истории русского законодательства (до периода сводов) // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Февраль. С. 1—54; *Танков А. К.* истории взяточничества // ИВ. 1888. Т. 34. С. 240—245.

¹⁰⁸ *Тарновский Е. Н.* Движение преступности в Европейской России за 1874—1894 гг. // Журнал МЮ. 1899. № 3. С. 120; Свод сведений по делам уголовным в 1903 г. С. 15, 20.

¹⁰⁹ Отчет министра юстиции за 1839 год. С. IX; То же за 1840 год. С. VIII.

¹¹⁰ То же за 1839 год.

¹¹¹ Подсчитано мною по данным: Отчет министра юстиции за [1834—1864] год.

¹¹² То же за [1861—1864] год.

¹¹³ *Колмаков Н. М.* Старый суд: Очерки и воспоминания // Рус. старина. 1886. № 12. С. 527.

¹¹⁴ *Андрианов С. А.* (ред.). Министерство внутренних дел: Исторический очерк (1802—1902). СПб., 1902. С. 270. О работе дореволюционной полиции см. также: *Анучин Е. Н.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. и до последнего времени. СПб., 1872; *Борисов А. В. и др.* Полиция и милиция России: Страницы истории. М., 1995. С. 3—44; *Скрипильев Е. А.* (ред.). Развитие русского права в первой половине XIX в. М., 1994. С. 253—259.

¹¹⁵ Данные о неудовлетворительном состоянии полиции накануне введения судебных уставов см.: Материалы, собранные для Ко-

миссии о преобразовании губернских и уездных учреждений: Отдел полицейский. Ч. 3. Отд. 2: Отзывы губернаторов и членов полиции о способах и средствах исполнения полицией различных обязанностей, возложенных на нее законом. СПб., 1876; Отд. 3: Свод отзывов о неудобствах ныне существующих низших исполнительных органов полиции. СПб., 1876.

¹¹⁶ *Энгельман И. Е.* Учебник русского гражданского судопроизводства. С. 17.

¹¹⁷ Подсчитано по: Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 года: (по 32 губерниям). СПб., 1866. Т. 1—3.

¹¹⁸ *Готье Ю.* Отделение судебной власти от административной // *Давыдов Н. В., Полянский Н. Н.* Судебная реформа. 1864—1914. Т. 1. С. 181—204; *Довнар-Запольский М. В.* Администрация и суд при Николае I // Изв. Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. 1925. Т. 2—3. С. 1—67. М. А. Дмитриев в своих воспоминаниях приводит интересный случай. Когда московский генерал-губернатор Д. В. Голицын захотел по гуманным соображениям контролировать работу Уголовной палаты, потребовалось учреждение специального губернского уголовного комитета, состоявшего из 5 человек, для надзора за рассмотрением уголовных дел, который доводил свое мнение до Голицына: *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 230—231.

¹¹⁹ РГИА, ф. 1409 (Первое отделение Собственной его имп. величества канцелярии), 1828 г., д. 5274, л. 1—69. Бесплезность вмешательства Николая I в дела Сената подтверждает *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 303—304. По свидетельству мемуариста, только слух о честности судьи при Николае I способствовал его карьере: Там же. С. 260.

¹²⁰ *Выдря М. М.* (ред.). Судебные речи известных русских юристов. М., 1958. С. 31.

¹²¹ *Карнович Е. П.* Слабое распространение юридических знаний в нашем обществе // Карнович Е. П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб., 1873. С. 1—17. См. также: *Тарновский Е. Н.* Оправдательные приговоры в России // ЮВ. 1891. № 3. С. 425—441; № 4. С. 604—620.

¹²² Обсуждение вопроса об участии общественного элемента в отправлении правосудия: (Высочайше учрежденная Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части). СПб., 1897. С. 18; Свод сведений по делам уголовным в 1897 г. С. 11.

¹²³ Обзор состояния судебных мест по 36 губерниям, в коих произведены были ревизии. Б. м., б. г.; см. также: Сведения о положении судебного ведомства в губерниях Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской и Калужской. СПб., 1863. Ч. 1, 2 (Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 30).

¹²⁴ [*Лопухин И. В.*]. Записки сенатора И. В. Лопухина. М., 1990. С. 91; *Дмитриев М. А.* Главы

из воспоминаний моей жизни. С. 230—231, 303—304; *Bumte С. Ю.* Воспоминания. Таллин; М., 1994. Т. 1. С. 109.

¹²⁵ *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 288—303. Находили положительные моменты в работе дореформенных судов и другие современники. Например, юрист и крупный концессионер, «русский Монте Кристо», П. Г. Дервиз (1826—1881) полагал, что старый суд был «по средствам нашему народу и нашей государственной казне» и имел преимущества перед пореформенным: «Местный суд организовывался теми самыми сословиями, которым служить был должен, и достоинство его было обеспечено общественным надзором и общественным влиянием. <...> Суд работал под надзором прокурора и под ревизию Сената, которые «в предшествующем реформе десятилетия были вполне удовлетворительны, если же нехороши были судьи, то виновато было не правительство, а те сословия, которые судей выбирали» (*Дервиз П. Г.* Одна из предсмертных записок // Рус. старина. 1885. № 6. С. 595—596). Не было недостатка и в критике (*Колмаков Н. М.* Старый суд. С. 513—544), которая, на мой взгляд, часто носила голословный характер («говорили», «слышал», «ходил слух» и т. п.), без имен, без фактов, которые можно проверить.

¹²⁶ *Дружинин Н. П.* Юридическое положение крестьян. СПб., 1897; *Л.* Что считает правом наш народ // Рус. богатство. 1884. № 8. С. 260—272; *Леонтьев А. А.* Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1914. С. 55, 303—364; *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 1. С. VII—XVII; *Pumtux A. A.* (сост.). Крестьянский правопорядок (Особое совещание. Свод трудов). СПб., 1904. С. 17—128; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907. С. 4; *Czap P.* Peasant-Class Court and Peasant Customary Justice in Russia, 1861—1912 // Journal of Social History. 1967. Vol. 1, No. 1. P. 149—178; *Frank St. P.* Popular Justice, Community, and Culture among the Russian Peasantry: 1870—1900 // Russian Review. 1987. Vol. 46, No. 3. P. 239—265; *Lewin M.* Customary Law and Russian Rural Society in the Post-Reform Era // The Russian Review. 1985. Vol. 44, No. 1. P. 1—19.

¹²⁷ *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 302; *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 245—246; *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем, 1872—1887. М., 1937. С. 56.

¹²⁸ *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. С. 11.

¹²⁹ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 1. С. 402—407.

¹³⁰ *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884. С. 173—182.

¹³¹ *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. М., 1869. Кн. 1. С. 277—281.

¹³² Архив РГЭМ, ф. 7 (В. Н. Тенишев), оп. 2 д. 275, л. 9—16; *Златовратский Н. Н.* Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1913. Т. 2. С. 27—28; *Максимов С. В.* Сибирь и каторга: В 3 ч. СПб., 1900. Ч. 1. С. 228—229; *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев... Кн. 1. С. 220—221; *Соловьев Е. Т.* Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья // Зап. РГО по отд-нию этнографии. 1900. Т. 18. С. 275—300; *Тенишев В. В.* Общие начала уголовного права в понимании русского крестьянина // Журнал МЮ. 1909. № 7. Сентябрь. С. 119—158; *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 56—57; *Чарушин А. А.* Взгляд народа на преступление // Изв. Архангельского об-ва изучения Русского Севера. 1912. № 7. С. 316—321.

¹³³ *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 59.

¹³⁴ Архив РГО, разр. 19 (Курская губерния), д. 12, л. 4 (1848 г.); *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев... Кн. 1. С. 222, 227; *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. Ч. 1. С. 229; *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 59; *Флексор Д. С.* (сост.). Охрана сельскохозяйственной собственности (Особое совещание. Свод трудов). СПб., 1904. С. 18.

¹³⁵ *Флексор Д. С.* (сост.). Охрана сельскохозяйственной собственности. С. 122; *Бутовский А. Н.* О лесопорубках // Журнал МЮ. 1900. № 7. С. 82—110. Помещикам приходилось вести постоянную, но чаще всего малорезультативную войну с крестьянами: *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 32.

¹³⁶ *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. Л., 1988. С. 239.

¹³⁷ *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI—XII вв. М.; Л., 1966. С. 20; *Юдин Ю. И.* Из истории русской бытовой сказки // *Горелов А. А.* (ред.). Русский фольклор. Л., 1975. Т. 15. С. 88—89.

¹³⁸ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 297, 342, 355.

¹³⁹ *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. С. 185—192.

¹⁴⁰ Архив РГЭМ, ф. 7, оп. 2, д. 275, л. 10; оп. 1, д. 243, л. 10; *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 58.

¹⁴¹ *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 60.

¹⁴² *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. С. 107—113.

¹⁴³ *Кандинский В.* О наказаниях по решениям волостных судов Московской губернии // *Харузин Н.* (ред.). Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 34—59.

¹⁴⁴ Архив РГО, ф. 16 (Киевская губерния), д. 29, л. 1—44.

¹⁴⁵ *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев... Кн. 1. С. 238; *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 62.

¹⁴⁶ *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. С. 173—175; *Качоровский К. Р.* Народное право. М., 1906. С. 101—102; См. также: *Frierson C.* Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // *Slavic Review*. 1987. Vol. 46, No. 1. P. 55—69.

¹⁴⁷ Архив РГЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 150, л. 1; д. 242, л. 5; д. 243, л. 24; д. 515, л. 1—11; оп. 2, д. 685, л. 1—2; *Громыко М. М.* Территориальная крестьянская община Сибири // *Горюшкин Л. М.* (ред.). Крестьянская община Сибири XVII—начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 89—91; *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 101; *Соловьев Е. Т.* Самосуд у крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии // Зап. РГО по отд-нию этнографии. 1878. Т. 8. С. 15—16; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. С. 33—53; *Успенский Г. И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 4. С. 146—152; *Frank St. P.* «Simple Folk, Savage Customs?». Youth, Sociability, and the Dynamics of Culture in Rural Russia // *Journal of Social History*. 1992. Vol. 25, No. 4. P. 711—736; *Worobec Ch. D.* Horse Thieves and Peasant Justice in Post-Emancipation Imperial Russia // *Ibid*. 1987. Vol. 21, No. 1. P. 281—293.

¹⁴⁸ *Богаевский П. М.* Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // *Харузин Н.* (ред.). Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 29.

¹⁴⁹ *Никольский А. П.* Земля, община и труд: Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. СПб., 1902. С. 22—23, 41—43, 53—62, 69—85.

¹⁵⁰ *Риттих А. А.* (сост.). Крестьянский правопорядок. С. 11—12; *Зырянов П. Н.* Обычное право в пореформенной общине // *Колесников П. А.* (ред.). Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. С. 91—101.

¹⁵¹ *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. С. 183—380; *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 1. С. 1—52; *Соловьев Е. Т.* Гражданское право: Очерки народного юридического быта. Казань, 1888. Вып. 1. С. 113—166; 1893. Вып. 2. С. 1—57.

¹⁵² *Ефименко А. Я.* Трудовое начало в народном обычном праве // Слово. 1878. № 1. С. 146—173; *Качоровский К. Р.* Народное право. С. 134—162.

¹⁵³ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 1. С. 5.

- ¹⁵⁴ *Шидловский С. И.* (сост.). Земельные захваты и межевое дело (Особое совещание. Свод трудов). СПб., 1904. С. 7.
- ¹⁵⁵ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 1. С. 53—447; *Соловьев Е. Т.* Гражданское право. Вып. 2. С. 58—110.
- ¹⁵⁶ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 1. С. 119—124.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 190, 196—197.
- ¹⁵⁸ *Барыков Ф. Л.* О порядке наследования и разделов у государственных крестьян по сведениям, собранным Министерством государственных имуществ // Журнал МГИ. 1862. Ч. 81. С. 232—259, 353—376, 456—469 (в статье обобщается обследование, проведенное в 44 губерниях в 1848—1849 гг.); *Мухин В.* Обычный порядок наследования крестьян. СПб., 1888. С. 111—301; *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 2. С. 209—344; *Соловьев Е. Т.* Гражданское право. Вып. 1. С. 51—112.
- ¹⁵⁹ *Исаев И. А.* История государства и права России. С. 216—217, 245—247.
- ¹⁶⁰ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 2. С. 209—290.
- ¹⁶¹ *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. С. 1—172; *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 2. С. 1—209; *Оршанский И. Г.* Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879; *Соловьев Е. Т.* Гражданское право. Вып. 1. С. 5—50.
- ¹⁶² *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 2. С. 49—84.
- ¹⁶³ Архив РГО, разр. 14 (Казанская губерния), д. 73, л. 1—21.
- ¹⁶⁴ По обычному праву крестьян имеется большая литература. Кроме указанной в тексте использовались: *Бржеский Н. К.* Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902; *Никонов С. П.* Крестьянский правопорядок и его желательное будущее. Харьков, 1906; *Матвеев П. А.* (ред.). Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т. 1 (Зап. РГО по отд-нию этнографии. Т. 8); *Пахман С. В.* (ред.). Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т. 2 (Зап. РГО по отд-нию этнографии. Т. 8); Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Т. 6: Народные юридические обычаи. СПб., 1872. Дополнительную литературу можно найти в: *Якушкин Е. И.* Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1875—1909. Вып. 1—4; *Тихонов В. П.* Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда, Вятской губернии // Труды Этнографического отдела Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1891. Т. 69, вып. 2. С. 1—140; *Александров В. А.* Обычное право в России в отечественной науке XIX—начала XX в. // ВИ. 1981. № 11. с. 41—55; *Липец Р. С.* Изучение обычного права в конце XIX—начале XX в. // Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая. 1968. Т. 94. С. 79—98.
- ¹⁶⁵ Труды Комиссии по преобразованию волостных судов: (Словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий). СПб., 1873—1874. Т. 1—6; *Племянников В. П.* Указатель решениям волостных судов, помещенным в «Трудах Комиссии по преобразованию волостных судов». М., 1891; *Зарудный М. И.* Законы и жизнь: Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874; *Вормс А., Паренадо А.* Крестьянский суд и судебно-административные учреждения // *Давыдов Н. В., Полянский Н. Н.* (ред.). Судебная реформа 1864—1914. М., 1915. Т. 2. С. 81—174; *Леонтьев А. А.* Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895; *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 1. С. 380—389; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. С. 70—184.
- ¹⁶⁶ А. 3. О домашнем суде между государственными крестьянами // Журнал МГИ. 1864. № 3. С. 301—310; *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев... Кн. 1. С. 231; *Калачов Н. В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // *Безобразов В. П.* (ред.). Сборник государственных знаний. СПб., 1880. Вып. 8. С. 1—22.
- ¹⁶⁷ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Т. 1. С. 68—69; *Дружинин Н. П.* Юридическое положение крестьян. С. 298—370.
- ¹⁶⁸ Архив РГМЭ, ф. 7, оп. 2, д. 275, л. 63.
- ¹⁶⁹ *Риттих А. А.* (сост.). Крестьянский правопорядок. С. 119—128.
- ¹⁷⁰ Архив РГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 85, л. 1.
- ¹⁷¹ *Успенский Т.* Очерк Юго-Западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. 1859. Кн. 1. С. 39—40; *Громыко М. М.* Территориальная крестьянская община Сибири. С. 83—91.
- ¹⁷² *Громыко М. М.* Территориальная крестьянская община Сибири. С. 88—89.
- ¹⁷³ *Папте А.* О доказательствах в волостном суде // *Харузин Н.* (ред.). Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 50—62; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. С. 114—166.
- ¹⁷⁴ Архив РГО, ф. 14, д. 27.
- ¹⁷⁵ *Астров П. И.* Об участии сверхъестественной силы в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии // *Харузин Н.* (ред.). Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 130—149; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. С. 152—153.
- ¹⁷⁶ *Левенстим А. А.* Присяга на суде по народным воззрениям // Вестник права. 1901. Июнь. С. 1—26; *Лохвицкий А. В.* Суд Божий по русскому праву // ОЗ. 1857. Кн. 6. Отд. 1. С. 509—520; *Макаров М. Н.* Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские // Труды Об-ва истории и древностей российских. 1828.

Ч. 4, кн. 1; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. С. 139—145.

¹⁷⁷ *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев... Кн. 1. С. 231—238; *Громыко М. М.* Территориальная крестьянская община Сибири. С. 89; *Миненко Н. А.* Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян Западной Сибири XVIII—первой половины XIX в. // СЭ. 1980. № 5. С. 21—33; *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 1. С. 408—440.

¹⁷⁸ Архив РГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 243, л. 42; *Левенстим А. А.* Суеверие и уголовное право. СПб., 1897. С. 151—176; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. С. 152—159.

¹⁷⁹ *Астров П. И.* Об участии сверхъестественной силы в народном судопроизводстве... С. 132—133; *Матвеев П. А.* Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Зап. РГО по отд-нию этнографии. 1878. Т. 8. С. 11—46; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. С. 114—120; *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 62.

¹⁸⁰ *Дружинин Н. П.* Юридическое положение крестьян. С. 371—385.

¹⁸¹ *Якушкин Е. И.* Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // ЭО. 1891. Кн. 9, № 2. С. 1—19.

¹⁸² *Леонтьев А. А.* Законодательство о крестьянах после реформы // *Дживелегов А. К. и др.* (ред.). Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 6. С. 158—199.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ *Дружинин Н. П.* Юридическое положение крестьян. С. 298—370.

¹⁸⁵ *Камкин А. В.* 1) Правосознание государственных крестьян второй половины XVIII века: (На материалах Европейского Севера) // ИСССР. 1987. № 2. С. 163—173; 2) Воздействие крестьянства на законодательное оформление уравнильно-передельной общины в конце XVIII века // *Ковальченко И. Д.* (ред.). XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР: Социально-политическое развитие деревни. Уфа, 1984. С. 432—438; *Пушкаренко А. А.* Правосознание российского крестьянства позднефеодальной эпохи // Там же. С. 418—423; *Раскин Д. И.* Особенности соотношения формально-правового и реального статуса крестьянства России в XVIII в. // Там же. С. 423—432; *Колесников П. А.* Воздействие народных масс на государственное законодательство в России XVII—XVIII вв. // *Колесников Я. А.* (ред.). Проблемы истории крестьянства Европейской России: (до 1917 г.). Пермь, 1982. С. 158—174.

¹⁸⁶ *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев... Кн. 1. С. 239—277, 281—282; *Муллов П. А.* Несколько слов о материалах для объяснения народного юридического быта // Зап. РГО по отд-нию этнографии. 1867. Т. 1. С. 615—636; *Пахман С. В.* О судебных доказательствах по древнему русскому

праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851. С. 209—212; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 76—97; *Снегирев И. М.* Обзорение юридического быта в продолжении древнего и среднего периодов русской народной жизни // Юридические записки, изд. П. Г. Редкиным. М., 1842. Т. 2. С. 294—300.

¹⁸⁷ *Филиппов А. И.* Народное обычное право как исторический материал // Рус. мысль. 1886. № 9. С. 56—71.

¹⁸⁸ *Риттих А. А.* (сост.). Крестьянский правопорядок. С. 17—24.

¹⁸⁹ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Т. 1. С. IX.

¹⁹⁰ *Калачов Н. В.* О волостных и сельских судах... С. 128—148; *Зарудный М. И.* Законы и жизнь. С. 3—50; *Тур К. И.* Голос жизни о крестьянском неустройстве: (По поводу работы учрежденной при Министерстве внутренних дел Комиссии по пересмотру крестьянского законодательства). СПб., 1898. С. 9—18.

¹⁹¹ *Астырев Н. М.* В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896. С. 215.

¹⁹² В последней трети XIX в. и до 1920-х гг. российская преступность довольно активно изучалась отечественными учеными. См. краткие историографические обзоры: *Гернет М. Н.* Моральная статистика: (Уголовная статистика и статистика преступлений). М., 1922. С. 31—38; *Криминология*. М., 1968. С. 71—80; *Остроумов С. С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960, 1980. Некоторый прогресс в 1970—1990-е гг. был сделан в американской историографии. Подготовлено 4 диссертации и ряд статей: *Adams B. F.* Criminology, Penology and Prison Administration in Russia: 1863—1917. Ph. D. diss., University of Maryland, 1981; *Sutton R. S.* Crime and Social Change in Russia after the Great Reforms: Laws, Courts, and Criminals, 1874—1894. Ph.D. diss. Indiana University, 1984; *Frank St.* Cultural Conflict and Criminality in Rural Russia: 1861—1900. Ph. D. diss., Brown University, 1987; *Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900—1914. Ph. D. diss., Stanford University, 1991 (опубликована: *Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg: 1900—1914. Stanford: Stanford University Press, 1993); *Frank St.* Narratives within Numbers: Women, Crime and Judicial Statistics in Imperial Russia, 1834—1913 // *The Russian Review*. 1996. Vol. 55. October. P. 541—566; *Neuberger J.* Stories on the Street: Hooliganism and the St. Petersburg Popular Press // *Slavic Review*. 1989. Vol. 48, No. 1. P. 177—195; *Shelley L.* Female Criminality in the 1920s: A Consequence of Inadvertent and Deliberate Change // *Russian History*. 1982. Vol. 2, No. 2—3. P. 265—284; *Weissman N. B.* Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1900—1914 // *Slavic Review*. 1978.

Vol. 37. P. 228—242; *Adams B. F. Criminology in Russia // Wiczynski J. L. (ed.). The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 1988. Vol. 47. P. 231—235.* Более активно и результативно в последние 30 лет изучалась история преступности в западноевропейских странах. Представление о работе, проделанной зарубежными исследователями, дает недавняя книга по историографии преступности в 11 странах: *Emsley C., Knapp L. (eds.). Crime History and History of Crime: Studies in the Historiography of Crime and Criminal Justice in Modern History. Westport, CT; London: Greenwood Press, 1996.*

¹⁹³ Свод сведений по делам уголовным в 1872 г. С. 1—5.

¹⁹⁴ Свод сведений по делам уголовным в 1872 г. Ч. 1. Табл. 1; То же в 1873 г. С. 4—5; То же в 1874 г. С. 12—16; То же в 1875 г. С. 16—21; То же в 1876 г. С. 18—22; То же в 1877 г. С. 18—23.

¹⁹⁵ *Тетрлюмов И.* Мировой суд и крестьянское обычное право // *Земство* (газета). 1882. № 26.

¹⁹⁶ А. З. О домашнем суде между государственными крестьянами. С. 301; *Вильсон И.* Уголовная статистика государственных крестьян по данным за десятилетие 1847—1856. СПб., 1871. Ведомость 1. (Материалы для статистики России, собираемые по ведомству государственных имуществ. Вып. 6).

¹⁹⁷ *Тарновский Е. Н.* Движение преступности в Российской империи за 1899—1908 гг. // *Журнал МЮ.* 1909. № 9. С. 52—99.

¹⁹⁸ *Захаревич Ф.* Опыт юридической статистики Новороссийского края // *Журнал МВД.* 1853. Ч. 41. С. 258.

¹⁹⁹ *Вильсон И.* Уголовная статистика государственных крестьян... С. 1—4; *Чупров А. И.* Некоторые данные по нравственной статистике России // *ЮВ.* 1884. № 8. С. 631—641; Судебная статистика России // *Рус. вестник.* 1860. Т. 29. С. 301—320; *Филиппов М.* О судебной статистике в России // *Рус. слово.* 1864. Июль. С. 133—162.

²⁰⁰ Подробнее о коэффициенте корреляции см. в т. 1 наст. изд., в главе III «Демографические процессы и проблемы», примеч. 49.

²⁰¹ *Тарновский Е. Н.* Война и движение преступности в 1911—1916 гг. // Сб. статей по пролетарской революции и праву. Пг., 1918. № 1—4. С. 100—122.

²⁰² Свод сведений по делам уголовным в 1874 г. С. 123; То же в 1895 г. Введение. С. 33; То же в 1913 г. Введение. С. 19; *Ядринцев Н. М.* Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 146—188.

²⁰³ По аналогии число уголовных дел на 100 тыс. населения за 1803—1860 гг. уменьшилось в 1.15 раза, за 1861—1913 гг. увеличилось в 2.15 раза, а за 1803—1913 гг. — в 1.87 раза; число подсудимых на 100 тыс. населения за 1803—1861 гг. увеличилось в 1.11 раза, за 1861—1913 гг. — в 2.68 раза, а за 1803—1913 гг. — в 2.97 раза; число осужденных на 100 тыс. населения за 1803—1861 гг. уменьшилось в 1.41 раза, за 1861—1913 гг. увеличилось в 5.97 раза, а за 1803—1913 гг. — в 4.23 раза.

²⁰⁴ О мировых судах существует большая литература, укажем на важнейшие труды: *Выборный мировой суд* : Сб. статей и материалов. СПб., 1898; Двадцатипятилетие московских столичных судебно-мировых учреждений 1866—1891 : Обзор деятельности, ведомость движения уголовных дел, личный состав. М., 1891; *Джанишев Гр.* Эпоха Великих реформ. М., 1900. С. 428—449; *Красовский М. В.* О недостатках нынешнего устройства мировых судебных установлений // *Журнал гражданского и уголовного права.* 1885. № 4. С. 39—64; № 5. С. 65—84; *Лихачев В. И.* К тридцатилетию мировых судебных установлений 1866—1896 гг. // *Журнал МЮ.* 1895. № 11. С. 1—32; № 12. С. 1—54; Нос А. Е. Мировой суд в Москве: Очерк разбирательства у мировых судей. М., 1869. Кн. 1, 2; *Обнинский П. Н.* 1) Мировой институт // *ЮВ.* 1888. № 3. С. 400—415; № 5. С. 106—112; 2) Мировые судьи и их преемники // Сб. правоведения и общественных знаний: Труды юридического об-ва, состоящего при московском ун-те. 1895. Т. 5. С. 27—68; *Полянский Н. Н.* Мировой суд // *Давыдов Н. В., Полянский Н. Н.* (ред.). Судебная реформа. 1864—1914. М., 1915. Т. 2. С. 172—291; С.-Петербургские столичные мировые установления и Арестный дом в 1889 году: Отчеты. СПб., 1890; С.-Петербургские столичные мировые учреждения 20 ноября 1864 г.: Справочный сборник. СПб., 1885; *Тихонов Е. И.* Волостной суд и мировой судья в крестьянских селениях. Ковно, 1873.

²⁰⁵ Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Дополнение к вып. 1—4. Обзор деятельности судебно-мировых установлений за 1884—1888 гг. СПб., 1887—1891; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за [1909—1913] год. СПб., 1912—1916.

²⁰⁶ Подсчитано по данным: Свод сведений по делам уголовным в [1874, 1897, 1913] году; Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 1, 2; Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. СПб., 1906. Т. 1. С. VII. См. также: *Заменсоф М. Ф.* Город и деревня в преступности // Труды слушателей юридического семинария Московского городского народного ун-та им. А. Л. Шанявского. М., 1913. С. 253—308; *Траинин А.* Преступность города и деревни в России // *Рус. мысль.* 1909. № 7. С. 1—27. См. указания современников о низком уровне преступности и преобладании мелких правонарушений среди крестьян-земледельцев: Архив РГО, разр. 2 (Астраханская губерния), д. 61, л. 4—5; *Морачевич И.* Село Кобылья Волынской губернии // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1853. Вып. 1. С. 309; *Преображенский А.* Волость Покрово-Сицкая Ярославской губернии // Там же. С. 103; *Скалдин А. Д.* В захолустье и в сто-

лице. СПб., 1870. С. 301; *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта Череповецкого уезда. СПб., 1880. С. 170.

²⁰⁷ Подсчитано по данным, указанным выше, в сносках 205, 206, а также: Отчет министра юстиции за 1858 год; *Бушен А.* (ред.). Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 276—291.

²⁰⁸ *Тарновский Е. Н.* Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступности против собственности в России // Журнал МЮ. 1898. № 8. С. 72—106; *Гернет М. Н.* Моральная статистика. С. 209—220.

²⁰⁹ Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И. Д. Путилиным. М., 1990. С. 184—185.

²¹⁰ *Гернет М. Н.* Моральная статистика. С. 50—97; О преступности в Англии и во Франции // БдЧ. 1854. № 10. С. 43—54; Энциклопедический словарь Русского библиографического ин-та Гранат. М., 1933. Т. 33. Стб. 375—378; *Emsley C.* Crime and Society in England : 1750—1900. London; New York: Longman, 1987. Chapter 2; *Zehr H.* The Modernization and Crime in Germany and France, 1830—1913 // Journal of Social History. 1975. Vol. 8, No. 4. P. 117—141.

²¹¹ Источники указаны в примеч. 210.

²¹² *Кудрявцев В. Н.* Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984. С. 153—186.

²¹³ Цит. по газете: Русь. 1905. № 191.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Тезис о неправомерном характере русской государственности стал общим местом не только в советской, но и в западной историографии.¹ Уже много лет живет крылатая фраза: «В России правят не законы, а люди». Этот тезис возник в русской либеральной дореволюционной историографии и имел сугубо политическое назначение — он был направлен против самодержавия и ставил идеалом для России западные демократии. Свою политическую функцию тезис о надзаконности российского государственного строя выполнил, однако истина, как это часто бывает, когда политика вмешивается в науку, пострадала: был создан очередной миф, получивший широкое распространение как в массовом сознании, так и в специальной литературе. Задача настоящей и следующей глав состоит в том, чтобы проверить состоятельность данного тезиса. Для этого будет проанализирована роль коронной администрации, закона и общественных институтов в государственном управлении и намечены основные этапы в развитии русской государственности.²

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ

Дать определение «государства», «общества» и других аналогичных понятий очень сложно, так как то, что исследователи называют государством или обществом, можно рассматривать со многих точек зрения — политической, экономической, юридической, культурной и т. п. Вот почему в соответствующих рубриках «Международной энциклопедии социальных наук» нет общих определений этих понятий.³ По причине затруднительности общего определения и наличия множественности частных определений подойдем к интерпретации понятий прагматически. В соответствии с поставленной в главе задачей понятие *государственность* будем использовать в смысле государственный строй, политическая организация общества, понятие *государство* — как система органов и учреждений, образующих в совокупности механизм государственного управления, через который реализуется публичная, или государственная, власть. *Государственную власть* будем рассматривать в качестве объекта пользования и распоряжения, а тех частных или юридических лиц, которые участвуют во власти, т. е. принимают решения или влияют на принятие решений, — в качестве *субъектов государственного управления*.⁴ Подчеркнем, что здесь речь идет не о всех тех, кто пользуется властью, ибо в государственном обществе властью всегда пользуются все, хотя бы как истцы, получающие в суде исполнительный лист, или как лица, которых защищает полиция, а лишь о тех, кто властвует, управляет, принимает решения. Теоретически субъектами государственного управления могут быть все граждане, но практически такая возможность не реализуется даже в по-настоящему демократическом государстве. Роль раз-

личных субъектов государственного управления будет определяться законом, обычаем и традицией, а также и реальным соотношением сил между самими субъектами.

Те социальные группы населения, а иногда и отдельные личности, а также те общественные и сословные организации и институты, которые оказывали влияние на официальную власть, с мнением которых она считалась и учитывала при проведении политики, будем называть *общественностью*. Регулярная армия и бюрократия, с которыми верховная власть также считалась, не входили в ее состав по определению, поскольку они являлись частью государственной машины, хотя они могли и часто выражали общественное мнение. Вместе с общественностью армия и бюрократия составляли *организованное, или сознательное, общество*. Понятие *образованное общество* будет использоваться для обозначения той части общества — писателей, журналистов, людей интеллигентного труда, общественных деятелей, «читающей публики», которая интересовалась общественной жизнью, имела свое мнение и тем или иным способом его выражала. Хотя нередко случалось, что образованные и либерально мыслящие чиновники охотно принимались образованным обществом в свою среду, государственная служба до некоторой степени проводила границу между обществом и государством, особенно до середины XIX в. *Интеллигенцией* будет называться та часть образованного общества, которая находилась в той или иной степени в оппозиции к режиму. *Общество* будет означать все население, принадлежащее к данному государству, а *народ* — непривилегированные разряды населения — крестьян, мещан, ремесленников, рабочих. В социологии и политологии под *гражданским обществом* имеется в виду общество, основанное на политических свободах и праве, с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, независимое от государства, но взаимодействующее с ним. Среди многих атрибутов гражданского общества важнейшими считаются три: 1) плюрализм — сосуществование различных идеологий, многочисленных и разнообразных общественных организаций, выражающих различные групповые интересы; 2) консенсус базовых ценностей между идеологиями и организациями, несмотря на конкуренцию и конфликт интересов; 3) наличие механизма для мирного разрешения социальных конфликтов, обеспечивающего передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам и контроль за их исполнением, благодаря чему всякого рода общественные противоречия, так же как и конфликты между обществом и государством, разрешаются не силовым путем, а через обсуждение. В гражданском обществе между обществом и государством существуют партнерские отношения. Когда гражданское общество в основных чертах сформировано, ни личность, ни общество не противостоят государству, так как государство является частью общества и находится под его контролем. Когда же гражданское общество зарождается и формируется, то общество в лице его наиболее образованной и социально развитой части находится в оппозиции к государству, предлагает реформы и толкает его к ним. Гражданское общество является общественным идеалом. Но идеал, как всякий идеал, никогда не может быть достигнут. К нему, в сущности, стремятся все народы и государства, но его никогда не достигают, а лишь в большей или меньшей степени к нему приближаются. Применительно к России *под элементами гражданского общества* будем иметь в виду те социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, которые образовывали обособленную, самостоятельную идейно-общественную силу, в той или иной степени оппозиционную официальной власти, но в то же время легитимную, т. е. признаваемую государством и всем обществом, и которые оказывали влияние на официальную власть разными способами, но главным образом посредством общественного мнения.⁵ Под *общественным мнением* будем иметь в виду отношение общества к актуальным проблемам жизни своего народа и государства. Понятие *обще-*

Рис. 14. Прохождение гвардии церемониальным маршем перед Николаем II. Царское Село. 1900-е гг.

ственное мнение возникло в Англии в конце XVII в., в XVIII в. оно стало общепринятым в странах Запада.⁶ В России общественное мнение зародилось в образованных, дворянских и разночинских, кругах при Екатерине II, в последней трети XVIII в.,⁷ хотя сам термин «общественное мнение» начал употребляться позже, например в донесениях тайной полиции — в 1830—1840-х гг.,⁸ в прессе — в 1850-е гг.⁹

Термин *монархия* будет использоваться для определения специфической формы государства, в котором государь в любой форме участвует в государственном управлении, термин *самодержавие* — как синоним государства, в котором вся полнота законодательной и исполнительной власти принадлежит государю.

Термины *бюрократия* и *чиновничество* будут означать совокупность лиц, занятых в сфере гражданского государственного управления, имевших определенный пост, ранг и получавших за свою работу жалованье. Чиновник — это представитель правительственной власти.¹⁰ По данному определению, в состав бюрократии включаются гражданские классные, или табельные, чиновники, а также канцелярские служители, или нетабельные чиновники, но не все лица, находившиеся на гражданской государственной службе, а только те из них, которые были заняты в коронном, или государственном, управлении.¹¹ Слово «чиновник» для определения лица, находящегося на гражданской государственной службе, в русском языке вошло в употребление в начале XIX в. В древнерусском языке оно означало сановника, правителя, в XVIII в. — «человека честию какою, чином, достоинством почтенного». Человек, занятый в управлении в XVII—начале XVIII в., назывался «служилый человек» или «приказной человек», в XVIII в. — чиновный человек. Слово «чиновник» имеет корень — «чин», означавший дело и порядок. Поэтому буквальный смысл слова — деятель, упорядчик, или блюститель порядка. В XIX в. важные в гражданской иерархии лица назывались сановниками, остальные — чиновниками.¹²

В политологии различают интегральную и интеркурсивную власть. При осуществлении интегральной власти принятие решений и инициатива к действию централизованы и монополизированы только одним субъектом управления, а при осуществлении интеркурсивной власти существует разделение либо власти на законодательную, исполнительную и судебную, либо сфер влияния между субъектами управления, либо то и другое. Считается, что интеркурсивная власть действует там, где власти одного субъекта противостоит власть другого субъекта, где существуют процедуры переговоров между субъектами и совместное принятие решений. Однако интегральная власть органов государственного управления может ограничиваться не только представительными учреждениями, но и другими способами: а) законами, издаваемыми государем, но обязательными для всех — для подданных, государственных учреждений и самого государя; б) обычаем и традицией, т. е. неписаным законом; в) конкуренцией за власть между различными органами власти вследствие того, что несколько независимых органов власти осуществляют одну и ту же функцию либо разные, но взаимозависимые функции, либо один орган осуществляет различные функции различным порядком; г) периодической проверкой действий субъектов управления; д) периодической перепроверкой их властвующего статуса или их перемещением и заменой; е) установлением пределов сфер, которые могут контролировать субъекты управления, и круга вопросов, которые они могут решать внутри каждой из сфер; ж) петициями и жалобами, которые могут принимать форму доноса. Если перечисленные способы являются не просто выхлопными клапанами для выражения недовольства действиями субъектов управления, а применяются реально, то возникают независимые источники власти, которые практически противостоят власти органов государственного управления, вследствие чего абсолютного различия между интегральной и интеркурсивной властью не существует.¹³

При анализе истории русской государственности будем исходить из двух аксиом политологии. Во-первых, в государстве действительной властью является то лицо или учреждение, кого или которое народ в массе своей или хотя бы наиболее социально значимая его часть считают представителем и носителем государственной власти. Во-вторых, любое государство, если оно существует в течение достаточно длительного времени, осуществляет *легитимную власть* в том смысле, что народ, подданные признают за государством право господствовать и управлять, а за собой обязанность повиноваться, так как считают, что власть осуществляет морально обоснованное, необходимое, законное и лучшее или наиболее адекватное из возможных господство и управление. Можно навязать власть силой, но легитимность власти не может быть навязана — она возникает из политических представлений, нравов, традиций, общего духа данного общества. Это не означает, что существующая власть всегда принимается осознанно и единодушно. Легитимность власти может оспариваться. Однако в конечном счете, если носители власти не могут добиться своей легитимизации, оправдать морально и идеологически свое существование перед обществом, они терпят фиаско.¹⁴ Важно различать, что оспаривает общество — легитимность конкретной личности, учреждения, института или легитимность политической системы. Например, значительная часть русского народа оспаривала легитимность Петра I как царя на том основании, что он был подменен в колыбели, Екатерины II как императрицы на том основании, что она незаконно устранила с престола Петра III, но не оспаривала легитимности монархии и ее богоустановленности.

В России, как и в других европейских государствах, на всех этапах ее развития осуществлялось легитимное господство. Гражданская война начала XVII в., раскол церкви и народа после церковных реформ патриарха Никона в 1650-х гг., бунт С. Разина в 1670—1671 гг. после полного закрепощения

сословий в 1649 г., бунт Е. Пугачева в 1773—1775 гг. после усиления крепостничества в 1740—1760-е гг., революции в 1905—1907 гг. и феврале 1917 г. (не говоря уже о многочисленных бунтах местного масштаба) ясно указывают на то, что народ молчал лишь тогда, когда был удовлетворен, разумеется, более или менее, существующей властью и признавал ее легитимность. Верхние страты общества также поднимали голос, когда они были недовольны верховной властью. Например, в XVIII в., когда дворянство было недовольно правящим государем или когда выступало несколько претендентов на престол после смерти государя, оно устраивало дворцовые перевороты, чтобы возвести на престол именно того, кого желало (более подробно об этом см. в главе X «Общество, государство, общественное мнение: становление гражданского общества»).

Легитимное господство может по-разному обосновываться, или легализовываться и санкционироваться. Легитимная власть может опираться: 1) на веру в священность, неизменность издревле существующих порядков и в богоустановленность власти; в этом случае осуществляется *традиционное господство*, которое имеет две формы, различающиеся механизмом осуществления власти и способом формирования аппарата управления: в первом случае власть реализуется непосредственно слугами властителя, в том числе его рабами или крепостными, находящимися от него в полной личной зависимости, т. е. посредством чисто патриархальной системы управления; во втором случае — через структуры или через институты с представителями населения или посредством сословной структуры управления (чаще всего первая форма традиционного господства существует в бессословном, а вторая — в сословном обществе); для любой формы традиционного господства характерно отсутствие формального права в организации управления и требования действовать «незвизрая на лица»; 2) на харизму правителя, т. е., с одной стороны, на веру народа в его мудрость, святость, героизм, гениальность, с другой — на личную приверженность ему в силу веры в его исключительные качества, и тогда осуществляется *харизматическое господство* пророков, проповедников и политических вождей; 3) на формально-правовое основание, или на законодательство, и тогда осуществляется *легальное господство* государства; 4) на ту или иную комбинацию перечисленных оснований, и тогда реализуется *смешанное господство*. Возможен и пятый вариант, когда власть опирается исключительно на военную силу, террор и страх. В государствах с легитимным политическим режимом это иногда случается в силу чрезвычайных обстоятельств, например для подавления противозаконных мятежей, пресечения паники, во время стихийных бедствий и т. п. Такое господство, как правило, не является легитимным и поэтому не бывает продолжительным. «На штыки можно опираться, — справедливо сказал О. Бисмарк, — но на них нельзя сидеть». Но если народ считает военно-террористическое господство законным, тогда и проводящий его режим следует признать легитимным. Например, нацистский режим в Германии, который в значительной мере, хотя, вероятно, не в решающей степени, опирался на силовые методы, но поддерживался большинством населения и поэтому с точки зрения немецкого народа считался законным. Выяснение оснований легитимности государственного строя в их историческом развитии представляет исключительный интерес, поскольку от этого в существенной мере зависит тип государственности.¹⁵

Легальное господство предполагает существование *правового* государства, «в котором для проявления власти установлены правовые формы и правовые пределы».¹⁶ В правовом государстве 1) правотворчество осуществляется только или, во всяком случае, преимущественно через закон, который сосредоточивается в руках государственной власти, 2) устанавливается верховенство закона над остальными формами положительного права — над религиозным правом, юридическим обычаем, договором, 3) закон является

нормой организации и функционирования власти на всех уровнях. Однако может быть два типа правового государства. При первом типе управление совершается строго по закону, но силами бюрократии, а личные и политические права населения сильно урезаются. Хотя при таком политическом устройстве (если, разумеется, законы соблюдаются) действия государственных органов находятся в рамках закона, оно обеспечивает не реализацию личных и политических прав, а лишь известную защиту личных и общественных интересов, а в некоторых случаях, можно сказать, обеспечивает лишь ограниченное законом бесправие, или подзаконное бесправие. «Несомненно, что государственная власть в эпоху монархического абсолютизма служила общему благу, интересам подвластного общества, и даже признавала такого рода служение своей обязанностью, но обязанностью религиозной или нравственной, которою носители верховной власти почитали себя связанными перед Богом или перед своей совестью. Юридической обязанности по отношению к подвластным, которой соответствовали бы субъективные права последних, носители власти не признавали».¹⁷ При втором типе правового государства управление осуществляется по закону, но при активном участии граждан, которые имеют субъективные публичные права, или политические права, т. е. право на участие во власти, право на свободу от власти и право на содействие власти. Первый тип правового государства назовем *правомерным* (этот термин использовался историками права в XIX—начале XX в.),¹⁸ второй — *правовым* государством. И тот и другой тип допускает государство монархическое, аристократическое и демократическое. Исторически правомерное государство перерастает в правовое. Всякое ограничение в правах, даже подзаконное, — существенная помеха к упрочению и развитию государственного порядка, ибо при отсутствии или ограничении прав люди, естественно, начинают со временем нарушать законы, ограничивающие их права. В силу этого действительное осуществление законности с необходимостью приводит к признанию сначала личных прав (права на личную свободу, частную собственность, на исповедание любой религии, на выбор места жительства, на передвижения и социальные перемещения, на профессию, предпринимательскую деятельность, образование, судебную защиту жизни, чести и имущества, на петиции), а затем и политических прав (свободы слова, печати, собраний, демонстраций, права избирать и быть избранным в представительные органы власти и занимать любые должности в администрации). Если личные права лишь защищают человека от произвола и насилия со стороны коронной администрации и других лиц, то политические права создают юридическую основу и реальные возможности для участия человека в государственном управлении и для влияния на государственную политику. Отсюда следует, что, для того чтобы государство могло считаться действительно правовым, недостаточно наличия законов, которые четко определяют права управляющих, недостаточно, чтобы государственные учреждения работали абсолютно рационально, т. е. на основании закона, инструкции, невзирая на лица и не страшась ответственности за правильные действия; необходимо, чтобы люди имели равные личные и политические права и могли их реализовать в законной форме через народное представительство и местное самоуправление, т. е. реально участвовали во власти. Таким образом, «в развитии правового государства можно различать две стадии, из которых первая характеризуется установлением законности правления, вторая же сверх законности правления еще и признанием субъективных публичных прав подданных, становящихся в силу этого гражданами».¹⁹

При оценке типа государственности принципиальное значение имеют следующие критерии: каковы были основания легитимности власти, что думали люди о характере и источниках власти, кто были субъектами государственного управления, каковы были условия преемственности власти и роль

Рис. 15. Манифестация на Дворцовой площади перед Зимним дворцом по случаю объявления войны Германии (манифестанты слушают манифест о вступлении России в войну). С.-Петербург. 1914 г.

закона в управлении. Начнем анализ с XVII в., чтобы можно было ясно представлять, что завещало Московское царство Российской империи и от какого наследства она отказалась.

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ XVII в.

Основания легитимности власти и политические представления

Со времени возникновения в Русском государстве при Иване Грозном в 1547 г. института царства и до начала XVIII в. в основе официальной концепции власти лежали четыре идеи: 1) богоустановленность власти, 2) отцовский, или патерналистский, характер власти, 3) царь — непосредственный наместник Бога на Земле (в отличие от западноевропейских королей, которые считались лишь Божьими помазанниками) и 4) православное царство — гармоничный мир (так как основано в отличие от других государств на истинной вере, правде и справедливости), управляемый Богом и царем. Русское царство считалось «Новым Израилем», а русский народ — новым богоизбранным народом по аналогии с библейским Израилем и древнееврейским народом. Итогом русской истории должно стать введение царем своего народа в Царство Божие.²⁰ Легитимность всякой власти обосновывалась божественным происхождением царской власти от отцовской власти. Первым образцом власти на Земле считался отец как глава семейства. По мере умножения семейств возникли племена, по мере умножения племен — государства, которые со временем стали слишком велики для отеческого управления. Тогда Бог дал первоначальной отцовской власти облик царя, наделив его высшей и самодержавной силой. Легитимность царской власти в Русском государстве обосновывалась родством Рюриковичей с императорами древнего Рима и Византии (считалось, что Рюриковичи вели свое происхождение от Пруса — брата римского императора Августа и были в родстве с византийским императором Константином) и тем, что права Рюриковичей на власть были санкционированы византийскими императорами и восточной православной церковью (считалось, что император Константин передал своему внуку, киевскому князю XI в. Владимиру Мономаху, царский венец, так называемую шапку Мономаха, и прочие царские регалии, а греческий митрополит Неофит венчал его на царство). Именно два последних обоснования приводились иностранными дипломатам в качестве доказательств прав русских государей на царский титул.

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. монархия из наследственной *фактически* превратилась в избирательную и в такой форме существовала до XVIII в. Все 7 царей либо избирались, либо утверждались на престоле земскими соборами, включая самого Петра I, избранного на царство 27 апреля 1682 г. Избрание каждый раз санкционировалось «утвердительною грамотою», т. е. актом избрания, за подписью избирателей, что считалось необходимым условием легитимности нового царя.²¹ Обязанность населения повиноваться новому государю подтверждалась присягой, или крестным целованием, которую приносили все мужчины независимо от социального положения. Именем Божьим боярство и служилые люди клялись нести службу, бояре — также не отъезжать в другие государства, а посадские и крестьяне — выполнять гражданские обязанности. *Легитимность нового царя в XVII в. по-прежнему обуславливалась его кровным родством с умершим и сакральным ритуалом коронования — «венчанием на царство», освящаемым православной церковью и участием народа в коронационных торжествах.* Коронование называлось «священным» и считалось народом таковым, так как сопровождалось особым таинством — миропомазанием. Согласно православному учению, во время миропомазания царь получал от Бога силу и

мудрость для осуществления власти в государстве и церкви, хотя и не посвящался при этом в духовную иерархию и не принимал на себя власти священнодействия и учительства, как это было в случае с византийскими императорами, хотя начиная с венчания Федора Алексеевича в 1676 г. он причащался по священническому чину и тем самым признавался равным человеку, имеющему священство. Обряд коронации имел магический и религиозный характер. После церемонии материя, покрывавшая помост, на котором происходило венчание, разрывалась на куски и дарилась присутствовавшим. А царь после обряда должен был 8 дней не умываться и не менять платья.²² Подобно тому как брак без венчания в церкви не имел законной силы, так и «брак» царя с царством не имел силы без обряда венчания на царство. Обряд соединял государя с народом в священный нерасторжимый союз, возлагавший обязанности на обе стороны, а не только на народ. Государь брал обязательство защищать православную веру и подданных от внешних врагов, править «по правде и справедливости», по-христиански, т. е. в соответствии с христианской моралью, а народ обязывался повиноваться. Во время венчания 1 сентября 1598 г. Борис Годунов всенародно заявил: «Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека! — и, тряся ворот рубашки своей, продолжал: — И эту последнюю рубашку разделю со всеми». Присяга и участие народа в коронации считались необходимыми, но они рассматривались не как акт делегирования народом власти царю, а как готовность повиноваться и как народное одобрение нового монарха.²³ Легитимность власти давала государю известную свободу рук или свободу воли. Но это не считалось опасным, поскольку власть государя была легитимна и все, что он делал, диктовалось Богом и шло на пользу народу.

Политические представления людей XVII в., принадлежавших к разным социальным слоям, имели принципиальное сходство, с той лишь разницей, что у книжников и элиты они были сформулированы в литературной форме, а у «простецов» существовали как парадигмы сознания, как автоматизмы мысли и поведения. Политический менталитет сформировался под влиянием официальной идеологии. Его ядро составляли три идеи: а) законность и священность издревле существующих порядков и властей вследствие своей древности и божественного происхождения; б) всеобщая обязанность служить государю; в) воля государя есть воля Божия. В «Домострое» в качестве главной нормы поведения была установлена взятая из Послания апостола Павла к римлянам евангельская формула: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13: 1—2).²⁴ Понятие светской государевой службы происходило от духовной, церковной службы, от служения Богу. Суть идеи государевой службы состояла в следующем. «Земной царь», поставленный на царство «царем небесным», призван исполнять его волю. В силу этого «царь небесный» принимает участие в управлении страной через посредство «царя земного», состоящего на «Божьей службе». Значит, «дело Божие» и «государево дело» находятся в самой тесной связи: народ служит царю как Божьему слуге и посредством государевой службы служит Богу. Отсюда вытекала и обязанность царских слуг и вообще всех подданных «промышлять делом Божиим и царским», служить «государеву делу». Получалось, что светская служба должна быть всеобщей, включая и царя, и по сути своей иметь религиозный характер, следовательно, вела к спасению. Отрекаясь от своей воли в пользу монарха, народ тем самым предавался во власть воли высшей, божественной. Но и сам царь отрекался от своей личной воли и осуществлял служение как послушание. *Власть государя рассматривалась как обязанность, возлагаемая Богом, от которой он не может уклониться.* Кроме того, государь свои отношения с подданными строил «по-отечески»:

наказывал согрешивших, поощрял верных и прилежных, прислушивался к мудрым советникам. Отсюда проистекало общее наименование подданных — «сирота», т. е. беспомощный, бесприютный, одинокий, бедняк, а находившихся на службе — «холоп», т. е. слуга, покорный, безответный.²⁵ Вследствие этого власть государя носила не только божественный, но и патерналистский характер. Специфика власти государя бросалась в глаза иностранцам, жившим в России. С. Герберштейн — посол императора Священной Римской империи Максимилиана в Московском государстве — писал в 1549 г., что советники царя «открыто заявляют, что воля государя есть воля Божия и что ни сделает государь, он делает по воле Божьей. Поэтому они также именуют его ключником и постельничим Божиим; наконец, веруют, что он — свершитель Божественной воли».²⁶ Лишь 8 (18) июля 1680 г. последовал указ, предписавший в челобитных вместо «чтобы он Великий Государь пожаловал, умилился, как Бог» писать «для прилучившагося котораго наставшего праздника и для Его Государского многолетнего здравия». Необходимо отметить, что, признавая богоустановленность царской власти, люди усматривали изволение Божье также и в избрании царя на Земском соборе, и в государственном строительстве, осуществляемом посредством земских соборов. Так понимали светскую службу, обязанности монарха, характер государственного управления царь Алексей Михайлович (1629—1676) — отец Петра I,²⁷ учитель его детей Симеон Полоцкий (1629—1680),²⁸ другие русские «книжники» и народ.²⁹

В массовом сознании древность обычаев и государственных институтов рассматривалась как признак их законности, правильности, совершенства, так же как древность рода человека — как основание его достоинства и чести. Например, Г. Котошихин писал в середине XVII в.: «А на западе много есть иных государств, которые старше и честнее Московского государства», — имея в виду, что более древние государства — Франция, Англия, Австрия и некоторые другие занимали в иерархии государств более высокое и почетное место, чем Россия.³⁰ Поэтому русские цари вели свое происхождение от римского императора Августа, а происхождение Русского государства — от Рима (Москва — Третий Рим).

Роль Боярской думы, Земского собора и Освященного собора

В XVII в. в государственном управлении вместе с государем соучаствовали Боярская дума, Земский собор, Освященный собор во главе с патриархом и народ. Какую роль выполнял каждый из субъектов управления? В Судебнике 1550 г. статья 98 закрепила порядок принятия законов и государственных решений, который включал инициативу царя, коллективное решение бояр и последующее утверждение царя.³¹ В XVII в. круг субъектов законодательства расширился и стал включать служилых людей, купечество и другие разряды населения, или «чины», которые подавали на имя государя коллективные ходатайства, или челобитные, а также земские соборы. Это видно из формуляра царских указов XVII в., который содержал сакраментальное указание на то, что данный указ является ответом на челобитье народа или является результатом совещания царя с Боярской думой, Освященным собором или принят Земским собором.³² Что же представляли собой Боярская дума, Земский собор и Освященный собор?

Ни Уложение 1649 г., ни другие законодательные акты не определили формально законом права думы, как, впрочем, и права государя, но о них можно судить по ее деятельности, которая нашла отражение на страницах Уложения и других источников. Боярская дума наряду с царем и под его эгидой являлась прежде всего законодательным органом. В Уложении есть указания на то, что источником многих, причем наиболее важных, законов

являлись приговоры царя вместе с Боярской думой. Анализ законодательных актов, последовавших после 1649 г., показал, что по всем важным вопросам также имеются приговоры думы, в то время как по менее важным вопросам издавались указы царя без приговоров думы. Дума была высшей после царя судебной и апелляционной инстанцией, ряд судебных дел находился в полной ее компетенции.³³ В этих своих функциях *Боярская дума выступала как небюрократический орган, ограничивавший власть царя.*

Численность думы на протяжении XVII в. постепенно росла. В 1613 г. она включала 29 человек, в 1675 г. — 66, в 1682 г. — 131 человека. Среди членов думы были бояре (соответственно 19, 23 и 66 человек), думные дворяне и думные дьяки. Главная роль принадлежала боярам, многие из которых являлись потомками бывших удельных князей, чьи земли были присоединены к Московскому княжеству. По мнению В. О. Ключевского, боярство смотрело на себя как на владетелей Русской земли. Только предки их правили Русской землей по частям и в одиночку, а теперь потомки их, собравшись в Москве в Боярской думе, стали править всем государством и все вместе.³⁴ В руках бояр находилось центральное и местное управление, самая титулованная часть боярства составляла Боярскую думу. Все существенные дела в XVII в. решались «по боярскому приговору и указу государя», т. е. царь приказывал рассмотреть или решить тот или иной вопрос, а бояре вырабатывали и принимали конкретное решение. При решениях думы требовалось единогласие.

Отношения царя и думы в принципе определялись обычаем и традицией, но важное значение имели и другие привходящие факторы: фактическое соотношение сил между царем и думой, состояние страны, личность государя. Поскольку значение этих факторов изменялось не только от царствования к царствованию, но и из года в год, то и значение Боярской думы то поднималось, то уменьшалось. Это и дало некоторым исследователям основание отводить ей лишь совещательную роль. Однако дума фактически ограничивала власть царя даже тогда, когда она опускалась до выполнения чисто совещательной роли. А при благоприятных для боярства обстоятельствах она приобретала и четко сформулированные политические права.³⁵ Например, первый из династии Романовых Михаил Федорович дал боярам подписку («запись») в том, что дума будет соучаствовать в управлении государством, и свое обещание выполнил. Дума ограничивала власть государя в течение всего XVII в. По словам В. О. Ключевского, «она была учреждением, которое создавало московский государственный и общественный порядок и им руководило».³⁶ Именно этим объясняется тот факт, что Петр I, стремившийся стать абсолютным государем, тяготился властью Боярской думы и при первой возможности ее распустил.³⁷

В XVI—XVII вв. государь без думы и дума без государя с точки зрения людей того времени были одинаково ненормальными явлениями. Уложение 1649 г. законодательными источниками признает боярские приговоры наравне с государевыми указами. Нераздельность царя и думы отразилась и в общей законодательной формуле «царь указал и бояре приговорили».³⁸ Дума и государь настолько срослись друг с другом, что бояре делили с царем не только все государственные заботы, но и участвовали во всех обыденных актах его жизни — ходили вместе с ним в церковь, обедали и т. д.

Власть государя ограничивалась и другим институтом — местничеством. Этот институт гарантировал боярам, а также в значительной мере двум другим «чинам» — служилым людям по отечеству (дворянам) и гостям (богатым купцам) — право занимать место в гражданской или военной иерархии соответственно их происхождению, благородству, знатности и чину их предков, что вместе входило в понятие «честь». Занять место в служебной иерархии, ниже «чести», считалось величайшим оскорблением. До отмены местничества в 1682 г. институт ограничивал государя в служебных назна-

чениях и защищал бояр, дворян и гостей от его произвола.³⁹ Правда, пережитки местничества давали о себе знать еще в XIX в. В 1809 г. в знак протеста против производства Барклая де Толли в генералы от инфантерии группа военачальников, которые превышали его чинами, должностями и наградами и у которых Барклай в прежних кампаниях был в подчинении, подала в отставку. Государственный секретарь Е. А. Перетц зафиксировал в своем дневнике следующий эпизод. На обеде у принцессы Ольденбургской, состоявшемся 27 декабря 1880 г., московский генерал-губернатор полный генерал князь В. А. Долгоруков выразил неудовольствие по поводу того, что был посажен по левую, а не по правую руку от хозяйки, т. е. на менее почетной стороне стола. В свое оправдание принцессе пришлось дать точную справку о времени производства Долгорукова в чин, сказав при этом Е. А. Перетцу: «Вы считаете это пустяками, а между тем оно не так. Немногие, как Долгоруков, прямо заявляют о своем старшинстве. Но если они не следуют его примеру, то это вовсе не доказывает, что они о старшинстве своем не думали».⁴⁰

В наиболее важные моменты жизни государства деятельность Боярской думы дополнялась земскими соборами, имевшими столь же важное значение, как и дума, только временно, на момент их работы. Земский собор не противостоял ни царю, ни Боярской думе, ни Освященному собору, он включал в себя все эти субъекты государственного управления и дополнялся «выборными». Термин *выборные* означал не только избранных населением, но также «лучших людей», назначаемых воеводами.⁴¹ На соборе выборные представляли служебные разряды населения и местности. Присутствие государственных крестьян зафиксировано только на двух из 57 земских соборов. Но относительно представительства крестьян необходимо принять во внимание два обстоятельства: а) город в административном смысле в XVI—XVII вв. еще не отделился от деревни, б) посадские — городское налогоплательщее население — по своим занятиям мало отличались от крестьян (у тех и других земледелие являлось главным источником средств существования), а по своим личным правам — от государственных крестьян. Поэтому выборные от посадских могли представлять и интересы крестьян, но лишь отчасти, так как кроме общих у них были и различные интересы. На соборах редко были представлены все разряды населения и все местности. Но, согласно представлениям людей того времени, *собор был законным тогда, когда в достаточной мере представлял мысль и волю земли*. «Выборные» либо избирались самим населением, либо, когда население проявляло равнодушие и абсентеизм, назначались воеводами из числа наиболее состоятельной и влиятельной части населения.⁴² В первом случае составлялись письменный акт избрания и инструкция — «наказ» избирателей.

Права земских соборов определялись обычаем и традицией, как и права царя и Боярской думы. Соборы созывались по инициативе царя или самими «чинами» в междоцарствие. Регулярности в созыве земских соборов не было, всего за вторую половину XVI—XVII в. Л. В. Черепнин зафиксировал 57 соборов, в том числе 46 соборов — в XVII в. Компетенция соборов была очень широка: они избирали или утверждали государей на царство, санкционировали проведение крупных судебных, административных, финансовых и военных реформ, рассматривали вопросы внешней политики и налогов. Земский собор 1598 г. избрал на престол Бориса Годунова. Соборное определение в законодательной форме закрепило власть за новой династией и обосновало выбор божественным промыслом, желанием Ивана Грозного и Федора Ивановича передать престол Борису, личными качествами последнего, практикой других государств, где на престол избирались лица, не принадлежавшие к царскому роду, а также тем, что Борис избрал правомочный орган в ответ на всенародное волеизъявление: «по челобитью бояр, всяких служилых людей, и гостей, и торговых людей, и черных людей, и всего

многобесчисленного народного христианства, от конец до конец всех государств Российского царства». Царь Михаил Федорович несколько раз обращался к собору с просьбою «дать денег» и затем собирал их в количестве, определенном собором, ссылаясь на его приговор, что, по мысли В. И. Сергеевича, «выходит за пределы простого совещания». О том же говорят, по его мнению, и другие факты: «Алексей Михайлович важнейший законодательный акт своего царствования облекает в форму соборного уложения. <...> Чины собора 1648 г. подписали уложение. Но что значит подписать что-либо, или, как тогда говорили, приложить свою руку? Приложить руку к делу значит принять участие в его совершении, в данном же случае — согласиться. Так именно понимали значение подписи люди Московского государства. <...> Отмена местничества совершилась также при участии выборных „общим советом всех“. <...> Значение московских соборов не исчерпывается понятием совещательного учреждения: оно идет далее, хотя никакой указ формально и не признавал за ними того положения, которым в действительности они пользовались. Понятие абсолютной власти, во всей своей теоретической ясности и последовательности, окончательно сложилось у нас только в царствование Петра I». Петиции земских соборов имели для государя значение непререкаемого голоса народа и непременно вели к изданию соответствующих узаконений. «Земские соборы представляются несомненно полезными, как средство непосредственного общения государя с землей: из челобитных выборных людей государи прямо знакомились с потребностями страны, недостатками управления и злоупотреблениями органов администрации».⁴³

Выборные играли роль информаторов, консультантов, советников государя, выражали общественное мнение населения и, кроме этого, исполняли наблюдательно-контрольную функцию. По мнению русских людей того времени, для того чтобы решение верховной власти было законным и имело силу для всей страны, оно должно было быть публичным. Присутствие народа служило гарантом того, что все — избрание на престол, коронация, составление судебника, объявление войны и т. д. — делалось в соответствии с традицией, с соблюдением положенного ритуала, который легализовал данный акт, событие или решение.

Для XVII в. и более раннего времени было вообще характерно активное участие народа в жизни государева двора. Крестины детей, свадьба, избрание на царство, коронация, именины, похороны проходили в окружении народа, все тех же Освященного собора, Боярской думы, выборных от всех чинов из каждого города, а также и «черни», которая на соборах не присутствовала. Эти события сопровождалась пирами и взаимными подарками, а также молебствиями, хождением царя и царицы по монастырям, церквям, богадельням, тюрьмам, прощением преступников и раздачей милостыни, денег, подарков, на которые уходили огромные средства из государевой казны. На коронации и свадьбе присутствовали те же люди, те же выборные и в том же числе, что и на Земском соборе, только в качестве гостей.⁴⁴ Их присутствие являлось требованием ритуала, рассматривалось в качестве необходимого условия законности и действительности происшедшего события. Народ в церемониях, на современный взгляд, играл декоративную роль. Возможно, так и бывало в спокойные времена, когда народу было безразлично, кто займет престол, на ком женится царь, кто станет приближенным к нему. Однако, когда народ имел претензии к властям, не симпатизировал претендентам и фаворитам, получить одобрение народа возможно было только при уступках и удовлетворении его требований. Если среди влиятельных лиц в окружении царя существовали серьезные противоречия, то соперничающие партии стремились заручиться поддержкой простого люда столицы и использовали ее в качестве весомого аргумента в политической борьбе.

Как видно из вышеизложенного, несмотря на существенные отличия Земского собора от сословно-представительных учреждений западноевропейских стран, он являлся представительным органом, ограничивавшим власть государя.⁴⁵ Земские соборы не были непосредственными преемниками древнего веча, однако они вели свое начало примерно с той поры, когда вече прекратило свое существование. Имеются сведения о вечевых собраниях в Москве в 1547 г., во Пскове — в 1534 г. и в начале XVII в. Вечевые традиции давали о себе знать в Москве и Новгороде во время городских движений середины XVII в.⁴⁶ Без натяжки можно сказать, что народное представительство имело на Руси многовековую историю. Важная роль земских соборов и выборных в государственном управлении позволяет считать, что по крайней мере служилые люди и городское население являлись субъектами государственного управления в XVI—XVII вв. Сам факт, что **народное одобрение являлось обязательным условием легитимности важнейших государственных событий**, показывает, что народ считался субъектом государственного управления. Об этом же говорит и принесение присяги на верность новому царю каждым мужчиной государства.

Субъектами государственного управления являлись также московский патриарх и Освященный собор (собрание высших церковных иерархов). Поскольку вся жизнь русских людей XVII в., не исключая и царского дворца, была сильно ритуализирована, Освященный собор являлся неперменным участником всех важных событий в жизни царской семьи, государева двора и страны. Духовенство окружало царя ежедневно и ежечасно, без участия духовенства, отнюдь не формального, царь не начинал ни одного предприятия, не совершал ни одного действия, ни одного важного поступка. Что касается патриарха, то он выполнял исключительно важную роль. О большом значении патриарха свидетельствует сама официальная форма обращения царя к нему — царь называл патриарха отцом, что, по понятиям того времени, означало высший авторитет и признание известной зависимости и подчиненности. Патриаршество как институт представляло большую силу: оно опиралось на моральный авторитет христианства, стояло во главе могущественной организации — Русской православной церкви, управляло белым духовенством и монастырями, игравшими в социальной и экономической жизни страны большую роль, имело значительные материальные ресурсы (огромный земельный фонд и 12,5% крестьян),⁴⁷ свой двор и служилых людей. Патриарх не являлся слугой или подданным царя, судить его могли только другие патриархи. Словом, патриаршество было государством в государстве. Это придавало патриарху как главе церкви громадный общественный и государственный вес.⁴⁸ Если патриархом оказывалась крупная личность, он приобретал значение и вес в государстве, почти не уступающие значению и весу царя, как это случилось с патриархами Филаретом в 1619—1658 гг. и Никоном в 1651—1658 гг. Оба этих патриарха даже именовались *Великими государями*, т. е. имели тот же титул, что и сам царь. Хотя царь участвовал в выборе патриарха, решающее слово оставалось за церковными иерархами: царь назначал несколько кандидатов, имена которых записывались на бумаге, запечатывались в воск и пересылались церковному собору, который и производил избрание. Царь Алексей Михайлович признавал, что ему одному, без церковного собора, нельзя переменить патриарха, хотя бы тот и держался еретичества.⁴⁹

Итак, если царям казалось необходимым регулярно созывать земские соборы и приглашать на них народ для совета и принятия важных государственных решений, значит, в том была настоятельная общественная потребность. Если цари в своих указах ссылались на участие в принятии решения Боярской думы или Освященного собора, а при проведении внутренней и внешней политики — на постановления земских соборов, значит, вся полнота власти государю не принадлежала, иначе ссылки были бы излишни. Не

случайно, что в русской письменности с самого ее возникновения и до конца XVII в. «не было ни одной теории, которая устанавливала бы полную неограниченность царской власти. <...> Понятие неограниченности неизвестно русской литературе».⁵⁰ Хотя некоторые цари, как, например, Иван Грозный, претендовали на неограниченную власть.

Значение обычая, традиции и закона в государственном управлении

В жизни русского общества XVI—XVII вв. обычное право и писаное право играли большую роль. Но значение обычая было больше, чем закона. Идея правотворчества еще не признавалась, нерушимость старины была общим лозунгом всех субъектов управления и народа. Воля государей, какой бы обширной и сильной она ни была, находилась под контролем обычая. *Сами государи свой авторитет ставили ниже старины и признавали, что по своему усмотрению они не могут творить право.* При последовательном проведении господствовавшей в XVI—XVII вв. точки зрения, что обычай, старина, традиция не могут быть никем отменены, не могло бы возникнуть само Московское государство, не произошло бы никаких социальных изменений. Из этих противоречий выходили следующим образом. Государи не издавали никаких общих уставов для определения государственного быта на новых началах, а переделывали старый быт постепенно, мало-помалу, длинным путем отдельных мер, правительственной практикой. На почве этой практики складывались новые обычаи, которые с течением времени могли быть закреплены в законодательстве. При этом новые явления жизни подводились под старые формулы, а в оправдание нововведений в государственном быту ссылались не на действительную, а на вымышленную, фиктивную старину. Например, под фикцией старины в середине XVI в. утвердился особый тип монархии, возникли земские соборы, к середине XVII в. законодательская деятельность государей, Боярской думы и земских соборов потеснила обычай и заняла заметное место в государственном строительстве. Ввиду очень медленного и со ссылками на старину изменения законодательства, обычаев и традиций людям казалось, что ничего не меняется. Между тем жизнь и регулировавшее ее право, хотя и постепенно, изменялись.

Итогом законодательства XVI—первой половины XVII в. явилось новое Уложение, принятое в 1649 г. на Земском соборе, — первый универсальный свод законов России, который заключал в себе законодательство, относящееся ко всем отраслям права того времени. Уложение было доступно населению и известно ему. За вторую половину XVII в. оно было дважды напечатано весьма значительным для своего времени тиражом в 2400 экземпляров, разослано во все государственные учреждения и стало твердым юридическим основанием для государственного управления. В Уложении был провозглашен принцип всеобщего и равного подчинения суду и закону. Введение единого для всей страны и напечатанного кодекса законов сделало возможным унификацию и упорядочение правовых норм, а также судоустройства и судопроизводства на территории всего государства. И, как показали исследования историков, все сферы жизни русского общества развивались во второй половине XVII в. в полном соответствии с правовыми нормами Уложения.⁵¹

О большом значении обычая в жизни общества свидетельствует следующий маленький, но весьма показательный факт. Царевны в XVII в. не выходили замуж за русских людей, даже за князей и бояр, потому что это уронило бы их честь. Цари же часто женились на женщинах незнатного происхождения. В чем причина? Дело в том, что статус женщины определялся по мужу, а не наоборот. Поэтому сразу после свадьбы царя родственники новой царицы царским указом получали новый чин, поместья и вот-

чины, а также новые высокие должности и попадали в высшую элиту.⁵² Казалось бы, легко было царю ради счастья дочери сделать исключение из правила и разрешить ей выйти замуж за русского человека, но исключения не делалось — традиция и обычай были сильнее желания. И царевны всю жизнь оставались незамужними, лишались нормальных человеческих радостей материнства и замужества, томились в теремах или постригались в монастырь.

Благодаря тому что обычай и традиция имели большее значение, чем воля московских государей, последним не удалось осуществить идеал неограниченной самодержавной власти, хотя их реальная власть казалась иностранным наблюдателям выше власти всех монархов Европы. Как справедливо заметил В. О. Ключевский, могущество этой власти сказывалось в отношении к лицам, а не к существующему порядку. Порядок, учреждения стояли под защитой старины, старых обычаев и считались неприкосновенными ни для чьей воли. Местничество, например, во многих отношениях было вредно для интересов государственной службы и ставило пределы власти государей даже и над отдаленными людьми. Тем не менее московские государи в течение двух веков подчинялись правилам местнических счетов вплоть до официальной отмены Земским собором института местничества в 1682 г.⁵³ Государь, например, не мог даровать титул князя, «потому что не обычай тому есть и не повелось».⁵⁴

Как видим, в России XVII в. существовала специфическая форма государственности. Субъектами государственного управления выступали государь, Боярская дума, патриарх с Освященным собором и Земский собор. Народ принимал участие в государственном управлении через земские соборы, петиции и массовые движения, а также через присутствие на важнейших государственных мероприятиях и выражение одобрения важнейших государственных решений. Публичность, коллективность всех важных решений и событий в жизни государства являлись необходимым атрибутом их законности и правильности. Народ не был оторван от государственного управления, с ним считались государь и правительство. Правда, народ представляли духовенство, служилые люди и посадские, а провинцию — Москва.⁵⁵ Все это дает основание для вывода о том, что **народ тоже являлся субъектом государственного управления, хотя и младшим.** Как правильно констатировал польский шляхтич из свиты Марины Мнишек, проведенный в России 1606—1609 гг., «всегда там больше мир (народ. — *Б. М.*) может, нежели сенат (Боярская дума. — *Б. М.*), а особенно когда случаются избрание царя или бунты».⁵⁶

В России второй половины XVI—XVII в., в отличие от современных ей западноевропейских сословно-представительных монархий,⁵⁷ сословия по причине их отсутствия в это время в «дележе» власти не участвовали, а отношения между субъектами власти не имели договорной юридической основы, а строились на обычае, традиции, в зависимости от обстоятельств и носили «исключительно фактический характер, вытекающий из реального соотношения общественных сил».⁵⁸ Хотя неизвестны случаи, чтобы Боярская дума или Земский собор вступали в спор или конфликт с царем, тем не менее они ограничивали его самодержавие, царь нуждался в их совете и одобрении как в текущем управлении, так и при принятии важных государственных решений. Очевидно, что дума и Земский собор олицетворяли и защищали традицию и благодаря этому ставили государя в рамки обычая. И царь, даже такой, как Иван Грозный, не мог вырваться из цепких рук традиции. Для легитимности важнейших государственных решений требовалось их одобрение Боярской думой, Освященным собором, земскими соборами, народом, хотя и не всегда всех вместе. В силу этого русская монархия этого времени была ограничена традицией, обычаем, законом и институтами. В то же время она имела теократический характер,⁵⁹ потому что, во-первых,

государь считался представителем Бога и его власть проистекала из воли Божьей и имела божественный характер, во-вторых, церковь как институт была одним из субъектов публичной власти, в-третьих, русское государство считало своей важнейшей задачей содействовать церкви в руководстве подданных к вечному спасению. Предшественник Петра I, его старший брат царь Федор Алексеевич в 1682 г. в грамоте об устройстве в Заиконоспасском монастыре Элдино-греческой академии (впоследствии Славяно-греко-латинской академии) заявил, что «его первая и величайшая должность — охранение восточных православных веры, и тоя о расширении промышленности». ⁶⁰ «Московская Русь, — отметил крупнейший знаток истории русской церкви П. В. Верховской, — сознательно ставила своему государству помимо текущих задач внутренней и внешней политики еще и взятые цели спасения души, а на своих государей смотрела как на заместителей Бога на земле, облеченных полнотой власти для достижения этих целей». ⁶¹ Тип русской государственности, существовавший в XVI—XVII вв., можно назвать *народной монархией* или *патриархальной монархией*, ⁶² внешне ограниченной аристократией, представительным учреждением и церковью как институтом, а внутренне — обычаями, традицией, законом, православной догматикой. **Государь осуществлял традиционное господство**, так как оно основывалось на вере в законность и священность издревле заведенных порядков. ⁶³ Черты и пережитки архаичной народной демократии явно видны в русском государстве и обществе того времени. Известный русский историк середины XIX в. В. Н. Лешков несколько наивно, но образно так описал характер такой государственности: «Мы должны вообразить себе древнюю Русь равниною, как в физическом, так и в духовном отношении. Не было у нее ни лиц, ни сословий, которые бы резко выделялись из массы. Но эта равнина была подвижна, жива, растуша. <...> Общественность и всенародность, общественное мнение и всенародный суд были явлением необходимым и неизбежным». ⁶⁴

В отечественной и зарубежной литературе со времен Монтескье (1748) и до начала 1980-х гг. использовались такие термины, как *восточный деспотизм*, *восточное или азиатское общество*, *деспотическая монархия* для обозначения политической системы, в которой: 1) государь является единственным или по крайней мере верховным собственником земли, обладает верховной законодательной, исполнительной, судебной и военной властью, не ограниченной законами, учреждениями и институтами, обожествляется при жизни и после смерти; 2) управление всей страной, включая экономику, осуществляется с помощью сложного бюрократического аппарата, опирается на военную силу, принуждение и террор; 3) личные свободы, включая и право собственности и хозяйственной свободы, отсутствуют, публично-правовые функции государства преобладают над частными правами подданных, социальный статус является производным от власти, а богатство аккумулируется путем апроприации (взятки, хищения и т. п.); 4) теократическое и идеологизированное государство доминирует над обществом и личностью; гражданское общество отсутствует; 5) рабство широко распространено, и весь народ является сервильным, не способным дать отпор деспоту и его бюрократии. ⁶⁵ Самое полное сравнительно-историческое исследование данного вида государственности выполнено К. А. Уиттфогелем в книге «Восточный деспотизм: Сравнительное исследование тотальной власти». ⁶⁶ На Западе с 1970-х гг., в особенности после выхода в 1978 г. книги профессора колумбийского университета Е. Саида, палестинского араба по происхождению, «Ориентализм», ставшей научным бестселлером, в которой он подверг критике господствующие в западной науке и литературе представления о восточных цивилизациях и культуре за идеологичность, антинаучность, европоцентризм, необъективность, предвзятость и другие подобные черты, ⁶⁷ применение термина *восточный деспотизм* и ему подобных с при-

лагательным «восточный» стало как бы некорректным, а для обозначения политической системы, которая по старому определению ему до некоторой степени соответствовала, стали употреблять другие, например *деспотическая монархия*. В отечественной историографии до самого последнего времени термин *восточный деспотизм* был идеологически, политически и эмоционально окрашен еще более интенсивно, чем на Западе, так как нередко применялся для негативной идентификации российской государственности. До 1917 г., как и в западноевропейских странах в XVIII в., данное понятие активно использовалось для критики самовластного и своекорыстного монархического режима, ассоциировалось с полным произволом власти, бесправием населения, насилием, беззаконием. В советское время после объявления в 1930—1950-е гг. концепции «азиатского способа производства» несостоятельной, термин стал применяться только для обозначения политического строя государств, существовавших в древнем мире,⁶⁸ и еще в большей степени утратил необходимую для научного понятия идеологическую и политическую нейтральность. Вероятно, ни один человек, применяющий термин *восточный деспотизм*, не допускает даже мысли, что соответствующий государственный режим может быть легитимным — одобряется и принимается по крайней мере большинством населения данной страны.

Была ли российская монархия до 1917 г. на какой-либо стадии своего развития деспотической? По мнению историка-компаративиста К. А. Уиттфогеля, в России в период Ивана Грозного под влиянием татаро-монголов сложилась политическая система «периферийного восточного деспотизма», которая просуществовала в основных чертах до середины XIX в., а затем под влиянием Великих реформ трансформировалась в структуру, похожую на западноевропейскую структуру с рынком, частной собственностью, свободным предпринимательством, общественным мнением и самоуправлением.⁶⁹ Среди западных русистов данная точка зрения не получила признания. Лишь отчасти ее поддержал Р. Пайпс, полагая, что в течение всего московского и петербургского периодов до Великих реформ русское государство являлось патримониальным (что не равнозначно деспотическому).⁷⁰ Среди отечественных историков М. П. Павлова-Сильванская высказала мнение, что в России «неограниченная монархия складывается в виде деспотии»; В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганов государственность Московской Руси имплицитно и времени Ивана Грозного эксплицитно идентифицировали как патримониальную под названием «деспотическое самодержавие»; их поддержал В. М. Панеях.⁷¹

Приведенные данные показывают, что Московское царство в некоторых аспектах напоминало деспотическую монархию, но отличалось от нее прежде всего: а) наличием учреждений и институтов, ограничивающих власть государя; б) важной ролью светских законов в управлении и суде; в) тем, что источником права являлась не только воля государя, но также уставы и указы Боярской думы, приказов, коллективные прошения различных «чинов», церковные законы;⁷² г) слабым развитием регулярной армии и бюрократии; д) отсутствием государственного регулирования экономики, существованием церковной и вотчинной собственности и относительно слабым развитием рабства (общее число холопов всех видов, по самым пессимистическим подсчетам, не превышало 10% населения⁷³); е) тем, что общество не поглощалось государством, а в разных формах участвовало в государственном управлении; что действия и решения верховной власти, чтобы быть законными, требовали той или иной формы легализации и санкционирования со стороны общества; ж) права человека защищались законом, обычаем, традицией, различными гарантиями и сдержками. В. И. Сергеевич справедливо заметил, что Иван Грозный сознавал, что у него нет самодержавных прав, поэтому для учреждения опричнины ему «нужно было что-то вроде согласия народа и предварительное одобрение народом последовавших за-

тем казней и убийств. Царь получил это одобрение. <...> Если бы царь Иван Васильевич думал, что в мнении народа для него нет ничего нравственно обязательного, он не обратился бы к нему с торжественным разъяснением причин неурядиц, которыми отличалось правление государства в его малолетство. <...> Воззрение на власть государя, как на власть самодержавную, еще не сложилось окончательно в Московском государстве». ⁷⁴ Следует добавить, что христианский менталитет в принципе отрицал рабство и насилие, поэтому по мере более глубокой христианизации населения происходило изживание татаро-монгольского наследия, черты патримониальной монархии смягчались и сглаживались, и Грозные Иваны в России больше не появлялись. При оценке политического строя необходимо принимать во внимание и отношение к нему населения. **Московский режим был народным и легитимным, народ отождествлял себя с царем, что чрезвычайно усиливало власть последнего.** Закономерно, что Иван Грозный вошел в народную память как народный царь. ⁷⁵

ДВОРЯНСКАЯ ПАТЕРНАЛИСТСКАЯ МОНАРХИЯ XVIII в.

Новое обоснование легитимности власти и изменения в политическом сознании

Обоснование легитимности власти государя и, следовательно, государственной власти, которая персонифицировалась в царе, в XVIII в. существенно изменилось. Новый официальный взгляд на легитимность власти был ясно выражен в комментарии к «Уставу о престолонаследии» под заглавием «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» в соответствии с теорией договорного происхождения власти, господствовавшей в то время в Западной Европе: власть возникла по договору и для пользы подданных, народ передал власть в руки монарха навсегда и безусловно. Это рациональное основание власти было непонятно народным массам и, очевидно, предназначалось для социальных верхов. Вторым основанием признавалось церковное учение о богоустановленности власти, но в соответствии с духом времени известные слова из Библии получают современную интерпретацию: «*Всякий государь, наследием или избранием скипетр получивший, от Бога оный приемлет* (курсив мой. — *Б. М.*)». Чтобы примирить договорную теорию и учение о богоустановленности власти, провозглашается принцип: «Глас народа — глас Божий». Всякая власть от Бога, потому что народная воля управляется Божьей волей. Третье основание власти состояло в том, что она имеет целью общее благо всех подданных — их телесное и духовное благосостояние, лучшее земное устройство и общий мир. Эта цель, однако, может быть достигнута в том случае, если государство распоряжается и телом, и душой подданных, устанавливает для них различие добра и зла, употребляет и направляет силы и способности каждого к цели, намеченной властью. В целом новое обоснование власти стало в основном рациональным, в то время как в XVII в. оно было по преимуществу религиозным. *Это имело принципиальное значение для новой государственности — снимало с государя ограничение традицией и обычаем.* Традиция переставала быть священной, а древность государственных институтов — критерием их совершенства, что позволило верховной власти на законном основании вносить в государственный строй и общественный быт большие изменения, руководствуясь вполне рациональным соображением — стремлением к общему благу. Изменение характера русской государствен-

ности при Петре I отразилось в самом названии России: Святая Русь стала называться Российской империей — священное государство стало светским.⁷⁶ Из обоснования легитимности выводились три правила поведения для подданных: 1) выполнять все повеления власти без ропота и сопротивления; 2) никогда не судить своего государя; 3) не указывать монарху, что делать. Легко видеть, насколько эти правила были неприменимы для политического поведения подданных в XVII в., когда подданные выбирали государя и давали ему советы и указания. Но изменились также прежние традиционные и религиозные цели власти и правила поведения государя. Ему вменялось в обязанность заботиться о всенародной пользе и благе Отечества, понимаемыми теперь не в религиозном смысле, как было прежде, — как забота о спасении душ своих подданных, а в светском аспекте — как забота о материальном благополучии подданных и экономическом и политическом процветании государства.⁷⁷ В XVII в. этот взгляд имел единичных приверженцев, например в лице Юрия Крижанича. В начале XVIII в. сам Петр I претворял его в жизнь. Царь лично проходил государственную службу в соответствии с введенным им самим новым порядком — начиная с низших чинов наравне со своими подданными. В 1711 г. Петр ввел новую форму присяги на имя не только государя, как было прежде, но и государства.⁷⁸ В том же году, участвуя в прутской военной кампании, он отдал Сенату распоряжение, что если он попадет в плен, то не исполнять его приказаний, а если погибнет, то выбрать между собою достойнейшего в наследники.

При Петре I власть монарха приобрела *самодержавный характер* де-факто и формально-юридически. Законодательное определение самодержавия дано в ряде указов, и в частности в 1716 г. в Воинском уставе: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах отчет дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благomyслию управлять».⁷⁹ В Регламенте Духовной коллегии в 1721 г. власть монарха прямо названа «самодержавною».⁸⁰ Как видим, Петр I, отказавшись от одной половины старой формулы легитимности власти, накладывавшей на государя обязанность ограничивать свою власть моралью, религией и традицией, в полной мере воспользовался второй половиной формулы, дававшей легитимному государю полную свободу рук и воли. В манифесте Анны Иоанновны о вступлении на престол в 1730 г. подтверждается «самодержавство» императорской власти.⁸¹ Екатерина II, следуя духу просвещенного абсолютизма, в своем Наказе рационально обосновывала необходимость самодержавия для России двумя обстоятельствами: огромным пространством российского государства, чтобы быстрота решений монарха могла компенсировать дальность расстояний (аргумент Монтескье), и выгодой для подданных повиноваться одному господину, а не многим (намекая на аристократический и демократический образ правления). Императрица в духе века Просвещения подновила и обоснование легитимности самодержавной власти. Просвещенный самодержавный монарх может и должен соединить знания и власть, насаждать всей полнотой своей власти естественное право и рациональные истины, недоступные темным массам, направить действия людей «к получению самого большого для них добра», не отнимая при этом их «естественной свободы». Екатерина II более настойчиво и последовательно, чем Петр I, стремилась к утверждению в России «законной монархии», способной реализовать общественные потребности в благополучии каждого подданного.⁸² В царствование Павла I в 1797 г. самодержавная власть государя еще раз получила законодательную формулировку.⁸³

В титуле государя произошли перемены. С 1721 г. царь принял титул императора. Смысл императорского титула состоял в том, что он указывал на стремление России следовать западноевропейским традициям, в то время как царский титул говорил о преемственности русских государей с визан-

тийскими. По мере расширения государства постепенно изменялась территориальная часть титула, а в предикате государя появились определения, которые подчеркивали новый статус государя: «Августейший», «Всепросветлейший», «Державнейший». Изменилось обращение народа к государю. Петр I в 1701 г. приказал просителям писаться полными, а не уничижительными именами (не Ивашка, а Иван, не Дашка, а Дарья и т. д.), как было принято до этого, и вместо «холопа» подписываться «рабом», замененным при Екатерине II «подданным». Смысл этих изменений состоял в том, что полное имя, согласно русскому речевому этикету, сообщало человеку больше достоинства. Слова «раб» и «холоп» имели одинаковое значение — «безусловно преданный слуга, покорнейший слуга», но в 1701 г. слово «холоп» использовалось для обозначения реально существующей социальной группы лично зависимых людей с самым низким социальным статусом, а слово «раб» имело только общее значение лично зависимого человека. Одновременно Петр I запретил становиться на колени и снимать шляпу перед дворцом, сохранив этот ритуал для церквей, дав рациональное обоснование своему запрету: дворец — не церковь. К прежним государственным регалиям (шапка Мономаха, скипетр, держава и царская цепь) добавились корона (1724), порфира, подбитая горностаем, государственный меч и государственное знамя из желтого атласа с государственным гербом посередине и гербами областей по бокам (1742). С 1724 г. короновался не только государь, но и государыня, а обряд коронации, начиная с Екатерины I, стал происходить по европейскому образцу. Как показал Р. Уортман, в течение XVIII—первой половины XIX в. сложная система придворных ритуалов, церемоний, празднеств, приемов и символов утверждала образ монарха как героя, просвещенного лидера, одобренного Богом и обществом. Все эти новые моменты служили двоякой цели: поставить российских императоров вровень с западноевропейскими и максимально высоко над подданными, как бы компенсируя частичную утрату властью божественного характера. Секуляризация власти требовала иных символов для ее утверждения.⁸⁴

После утверждения самодержавного характера власти государь для получения прав на престол более не нуждался в чьем-либо одобрении. Основанием законности передачи престола в XVIII в. стала воля прежнего монарха, выраженная в завещании, ритуал коронации, который сильно секуляризировался, и присяга подданных. В 1797 г. Павел I изменил закон о престолонаследии Петра I от 1722 г. По новому закону вместо произвольного назначения царствующим лицом наследника престол переходил по праву первородства по мужской линии царствующего дома. Этот закон с небольшими дополнениями действовал до конца империи. Участие народа в коронационных торжествах было ограниченным и потеряло прежнее значение: оно перестало служить средством придания церемонии легитимности с помощью публичности, способом получения народного одобрения нового монарха. Вступление на престол сопровождалось изданием манифеста к народу и одинаковой для всех присягой подданных. Однако в 1741 г. Елизаветой Петровной было запрещено приводить к присяге помещичьих крестьян (48% всего населения страны),⁸⁵ как объяснялось в указе, ввиду принесения за них присяги со стороны помещиков.

В XVIII в. изменился также формуляр царских указов. Старинная формула «государь указал и бояре приговорили» исчезает с начала XVIII в. Вместо ссылок на ходатайства подданных, совещания с Боярской думой и решения земских соборов мы встречаем только указание на монаршую волю, подкрепляемое ссылкой на государственный интерес. «Мы, Петр первый, Царь и самодержец всероссийский, и проч., и проч., и проч., объявляем сей указ всем подданным нашего государства». «Мы, Петр III, по данной нам от Всевышнего власти, из высочайшей нашей императорской милости <...> жалуем всему российскому благородному дворянству вольность и свободу».

Петр I — первый царь, нарушивший традицию оправдывать свои действия ссылками на старину и открыто действовавший в соответствии с рациональными соображениями, при первой возможности навсегда избавился от патриарха, Боярской думы, Освященного собора и перестал созывать земские соборы. Последний Земский собор был созван в 1683 г., Боярская дума прекратила свое существование в 1700 г., Освященный собор был заменен Синодом в 1721 г., но фактически прекратил свое существование в 1700 г. со смертью последнего патриарха. Тот факт, что самодержавный государь с огромной силой воли и энергией не хотел иметь рядом с собой эти учреждения, свидетельствует в пользу того, что они действительно ограничивали царя. Через 5 лет после смерти Петра I, в 1730 г., при избрании на престол Анны Иоанновны, аристократия сделала последнюю реальную попытку восстановить свое прежнее значение и ограничить самодержавие. Авантюра провалилась, так как среди дворянства взяли верх сторонники самодержавия.⁸⁶

Церковь была взята под контроль государства.⁸⁷ В административном отношении она стала управляться Синодом, хотя и состоявшим из церковных иерархов, но под общим руководством светского обер-прокурора, назначаемого императором. Синод являлся высшим законосовещательным (с правом законодательной инициативы), административным и судебным правительственным учреждением по делам Русской православной церкви, обладавшим значительной автономией. В экономическом отношении церковь была ослаблена: в 1701 г. был учрежден Монастырский приказ — государственный орган, взявший на себя все административно-финансовые и судебные вопросы управления церковными землями и крестьянами. Весьма показательны две детали, в которых отразились и изменение положения церкви, и светский характер императорской власти. В 1730 г. Анна Иоанновна во время коронации в соборе вошла в алтарь, что в православии делать женщинам воспрещается, и причастилась по священническому чину (с 1676 г. так причащались государи мужского пола). С 1742 г., начиная с Елизаветы Петровны, возложение на себя короны и порфиры стало производиться не высшим церковным иерархом, как прежде, а самим государем.⁸⁸

Несмотря на ослабление роли духовенства в государственном управлении, оно по-прежнему выполняло свои идеологические функции в обществе. Феофан Прокопович — главный идеолог Петра I и Анны Иоанновны, давший новое обоснование легитимности власти, был новгородским архиепископом. Прокопович пытался совместить научное и религиозное обоснования легитимности самодержавия, что в принципе не свойственно православию. Дело в том, что он обучался в иезуитской коллегии в Риме, был несколько лет католиком, а по своим убеждениям был близок к протестантским богословам. Однако в своем большинстве православное духовенство чуждалось плодов католического просвещения и поддерживало традиционную концепцию власти, обосновывая прежде всего патерналистскую точку зрения на самодержавие. Представление об этом дают образцовые проповеди, составленные в Синоде и епархиальных управлениях для приходских священников, а также и официальный взгляд православной церкви, отчетливо выраженный в учении одного из главных теоретиков православия московского митрополита Филарета (1783—1867). Царская власть сравнивается Филаретом с властью отцовской. «Как власть отца не сотворена самим отцом и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека, то открывается, что глубочайший источник и высочайшее начало власти только в Боге». От него же идет и власть царская. «Бог по образу Своего небесного единоначалия устроил на земле царя, по образу Своего вседержительства — царя самодержавного, по образу Своего непреходящего царствования — царя наследственного». Священное венчание на царство сообщает царской власти святость, а союзу между царем и

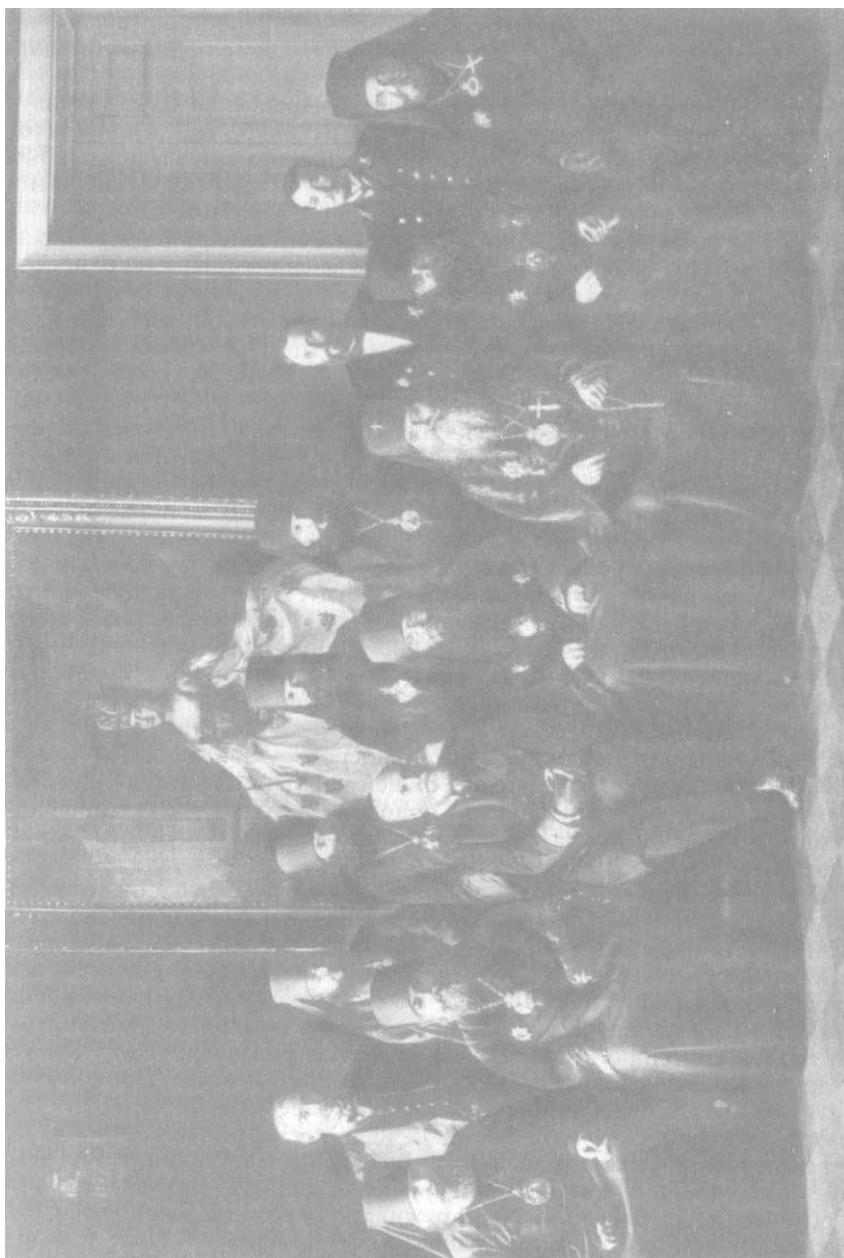

Рис. 16. Группа членов Синода — участников чрезвычайного собрания 26 июня 1911 г. (3-й слева сидит обер-прокурор В. К. Саблер). С.-Петербург

народом — любовь. «Самодержавием Россия стоит твердо. Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства. Закон, мертвый в книгах, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель и возбудитель и одушевител подчиненных деятелей есть царь». Деятельность царя неразрывно связана с осуществлением воли Божьей. «Благо народу и государству, в котором всеобщим светлым средоточием стоит царь, свободно ограничивающий свое самодержавие волей Отца небесного». Такое подчинение царской власти Богу создает союз церкви и государства, которые дружно и в одинаковом направлении ведут народ ко благу. «Православная Церковь и государство в России состоят в единении и согласии».⁸⁹ Как видим, этот взгляд на самодержавие мало изменился по сравнению с XVII в., он был понятен и близок народному воззрению на государя как на сакрального монарха.⁹⁰

Верховная власть в течение всего императорского периода поддерживала патерналистскую точку зрения на государя. В ряде своих писем, т. е. неофициально и, следовательно, по убеждению, и в указах, т. е. вполне официально, Петр I откровенно высказывал свое отношение к подданным, как к детям: «Наш народ яко дети».⁹¹ Поэтому титул «Отца Отечества», который Петр I принял в 1721 г., адекватно отражал взгляды государя, его окружения и подданных на характер его власти. Титулом «Матери Отечества» наградила Екатерину II в 1767 г. Комиссия для составления Нового уложения. В ряде правительственных указов XVIII—XIX вв. имеются ссылки на патерналистский характер императорской власти. Официальный историограф в царствование Александра I Н. М. Карамзин полагал: «В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит без протокола — так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести». Все императоры вплоть до Николая II включительно воспитывались в духе патерналистской идеологии; им с детства внушалось, что «русские цари, как защитники и носители национального духа страны, должны являться для народа последним оплотом *отеческой* доброты и бесконечной справедливости».⁹² Патерналистские идеи господствовали в русской армии до 1860-х гг. Офицеры смотрели на солдат, как на детей, а солдаты на офицеров — как на отцов-командиров.⁹³ В XVIII в. патернализм являлся общей парадигмой для социальных отношений в целом обществе, в первой половине XIX в. — для отношений между низшими и высшими классами, а во второй половине XIX в. — лишь для отношений между царем и народом.

В XVIII в. сравнительно с XVII в. у всех слоев русского общества изменились политические воззрения, но у высших классов больше и резче, чем у низших.⁹⁴ В начале XVIII в. идея всеобщей службы государю ради достижения Божественной благодати и спасения сменяется идеей всеобщей службы государству ради общего блага. Именно гражданская служба царя и подданных ради «общей народной пользы», «общего блага» есть основной путь к спасению.⁹⁵ Эту идею полностью разделяли Петр I и его «ученая дружина» — интеллектуалы того времени Феофан Прокопович, В. Н. Татищев, А. Д. Кантемир и просветители середины XVIII в.⁹⁶ Таким образом, в первой четверти XVIII в. идея государства из преимущественно религиозной превратилась в идею преимущественно светскую.⁹⁷ Сравнение обоснований самодержавия, выставленных интеллектуалами Ивана Грозного и Петра I, ясно обнаруживает огромной важности сдвиг если не в массовом политическом сознании, то по крайней мере в сознании элиты. Как уже указывалось, самодержавие Ивана Грозного обосновывалось фантастическими легендами о его происхождении от брата римского императора Августа и передаче византийским императором Константином царских регалий его предку, Владимиру Мономаху. Обоснования имели явно магический характер — использовался прием имита-

тивной магии, которая исходит из того, что подобное производит подобное или следствие похоже на причину. Обоснование Петра I — теория договора — имело рациональный характер.

Новым моментом в народном политическом сознании XVIII в. стало отделение государя от государства в смысле административного аппарата, понимание их как двух разных субъектов. Примерно до конца XVII в. в массовом народном сознании эти понятия не разделялись. В XVIII в. по мере развития государственного аппарата и отделения государя от народа, по мере усиления крепостного права и выделения дворянства в привилегированное сословие в народном сознании государь мало-помалу стал отделяться от государства как аппарата принуждения, как совокупности чиновников, стоящих между народом и государем. Понятие «государство» как нечто отличное от понятия «государь» в официальном сознании и официальных документах появилось в конце XVI в., о чем свидетельствует отделение государственного управления от дворцового управления и государственного бюджета от бюджета государя.⁹⁸

Еще один новый момент в политическом сознании состоял в том, что **народ из субъекта был разжалован в объект управления. В XVI—XVII вв.** фактически и согласно официальной доктрине подданные и государь, общество и государство не противопоставлялись. Хотя и считалось, что государь — ведущий, а народ — ведомый, тем не менее государь без усилий со стороны самих подданных не мог обеспечить им вечного спасения — наиболее высоко ценимого пункта в системе ценностей людей того времени. Народ был также субъектом, хотя и менее важным, чем царь. Среди различных обязанностей царя, например в «Чине венчания на царство» 1547 г., акцент делался на защите подданных от опасности: «...соблюдати стадо его (Христа. — Б. М.) от волков нерушимо». Причем эта роль предопределялась заранее, на ней лежала печать рока, богоданной судьбы. Со времени Петра I, когда в системе ценностей земные блага — благополучие и слава — заняли выдающееся место, акценты в обязанностях царя и подданных изменились. Теперь главной обязанностью царя стало руководить всей жизнью подданных ради их же блага, а главной обязанностью подданных — безропотно подчиняться ради их пользы тоже. Ибо один царь, даже против желания народа, может обеспечить общее благо. Другими словами, царь остался субъектом, но народ превратился в объект руководства и управления. Изменения во взглядах на государя, государство и общество, произошедшие в массовом сознании в первой четверти XVIII в., ясно отразились в обращении Сената и Синода к Петру I с просьбой о принятии императорского титула в 1722 г.: «По совету в Сенате обще с духовным Синодом намерение воспринято, его величество, в показание своего должного благодарения, за высокую его милость и отеческое попечение и старание, которое он о благополучии государства во все время своего славнейшего государствования и особливо прошедшие шведские войны явить изволил, и *всероссийское государство в такое сильное и доброе состояние, и народ свой подданный в такую славу у всего света через единое токмо свое руководство привел*, именем всего народа российского просит, дабы изволил принять от них титул: Отца Отечества, императора всероссийского, Петра Великого».⁹⁹ Итак, царь превратился из Божьего слуги в вождя своего народа, который руководит им не ради душевного спасения, а ради благополучия государства и его славы.

Почти одновременно с легальным утверждением самодержавного характера верховной власти в дворянском обществе возникла и постепенно усваивалась идея о необходимости формального ограничения самодержавия фундаментальными, основными законами, обязательными не только для подданных, но и для монарха. В 1730 г. члены высшего правительственного учреждения — Верховного тайного совета — попытались обусловить вступление на престол

новой русской императрицы Анны Иоанновны принятием «кондиций», ограничивающих власть монарха. В 1754 г. фаворит Елизаветы Петровны И. И. Шувалов разработал проект введения «фундаментальных и непрременных законов». ¹⁰⁰ В следующее царствование с подобными проектами выступили воспитатель цесаревича Павла Н. И. Панин, А. А. Безбородко, А. Р. Воронцов, ¹⁰¹ а сама императрица публично выдвинула идею о том, что законы, установленные монархом, должны составлять фундамент общественной жизни, в своем Наказе, данном Комиссии для сочинения нового Уложения. ¹⁰² В 1780-е гг. Екатерина II перешла от слов и рекомендаций к делу, разработав проект Свода государственных установлений, которые, по ее мысли, должны были лечь в основание «законной монархии» России. ¹⁰³ Императрица не окончила свой проект и не опубликовала завершённые части (вероятно, по династическим соображениям), но все свое царствование пыталась реализовать идеи, в нем заложенные. ¹⁰⁴

Политические представления, которые развивали такие старые идеи, как патернализм верховной власти, народность, демократизм, могущество и священность монарха, тождественность интересов царя и народа, в течение XVIII—первой половины XIX в. под влиянием официальной и церковной пропаганды глубоко проникли в народную, прежде всего крестьянскую, политическую культуру и приняли форму так называемого наивного монархизма, которому одному вручена власть надо всем и которому все безусловно повинуются за свои интересы. Народным идеалом политического устройства в XVIII—первой половине XIX в. являлась самодержавная монархия, в силу этого существовавший государственный строй признавался легитимным. Западноевропейцам это особенно бросалось в глаза: «По традиционному народному воззрению, — писал А. Гакстгаузен, — Россия представляет одну большую семью, с царем во главе, которому одному вручена власть надо всем и которому все безусловно повинуются. Ограничение царской власти совершенно немислимо для русского народа. „Чем может быть ограничен отец, кроме божеских законов?“ — говорит еще до сих пор простой народ, так же как говорил при избрании первых Романовых 230 лет тому назад. Все тогдашние и позднейшие попытки ограничить царскую власть были безуспешны, потому что не согласовывались с политической верой народа. Поэтому в отношении к простому народу русский царь занимает такое положение, какого не занимает ни один другой монарх, но положение его как императора русского государства ничем не разнится от положения других государей». ¹⁰⁵ Таким образом, народная политическая культура в течение длительного времени сохраняла преемственность.

Роль дворянства в государственном управлении

В течение сравнительно короткого времени Петр I устранил из государственного управления Боярскую думу, Освященный собор с патриархом и Земский собор. Этому способствовало несколько факторов. После принятия Уложения в 1649 г., в течение второй половины XVII в., крепостное право получило столь интенсивное развитие, что все социальные группы населения оказались закрепощенными. В обществе не существовало истинных сословий и сословных организаций. Наиболее влиятельное дворянство, добившись удовлетворения своих экономических интересов (получив в собственность поместья и крепостных), потеряло интерес к земским соборам как общенациональному представительному собранию, а к Боярской Думе и Освященному собору оно никогда не питало симпатий и давно мечтало о захвате церковных земель и крестьян. Свои социальные и политические интересы дворянство стремилось удовлетворить самостоятельно, через получение сословных привилегий.

Права Боярской думы, Освященного собора, Земского собора и царя поддерживались обычаем и традицией, но не были закреплены в законе, который в петровское царствование стал единственным источником права. Их роль в государственном управлении зависела от соотношения сил между ними. В конкретных условиях конца XVII—начала XVIII в. царь, умело играя на противоречиях бывших субъектов государственного управления, оказался сильнее.¹⁰⁶ Упразднив Боярскую думу как учреждение в 1700 г., Петр I до некоторой степени нашел применение боярам сначала в Ближней канцелярии его царского величества, а с 1711 г. — в Сенате, который не имел прежнего значения Боярской думы, и в других новых учреждениях. Таким образом, царь не уничтожил старую аристократию как таковую, а превратил боярство в новую элиту, которая продолжала доминировать в высшем эшелоне власти, но на новых условиях, продиктованных Петром: обязательность государственной службы — военной или гражданской; независимо от происхождения службу надо было начинать с низших чинов; при продвижении по службе наряду с происхождением стали учитываться компетенция, образование и служебная годность; аристократия лишилась своей организации в форме Боярской думы и стала всецело подчиняться монарху; хотя аристократия как социальная группа сохранила свою замкнутость, в нее все-таки по воле императора стали понемногу проникать представители из других социальных групп. Не желая расстаться с преимуществами, которые давала государственная служба, аристократия приняла эти условия и благодаря этому сохранила свои позиции правящей группы в высшем управлении в течение XVIII и первой половины XIX в., хотя и не имела политического значения боярства XVII в., которое управляло государством вместе с государем.¹⁰⁷ О постепенной трансформации старой элиты в новую свидетельствует сохранение до середины XVIII в. старых московских бюрократических чинов, которые присоединялись к новым, вследствие чего получались, например, такие чины — боярин, действительный тайный советник или окольный, статский советник.¹⁰⁸ Аналогичным образом Петр поступил и с иерархиями православной церкви. Освященный собор был преобразован в Правительствующий Синод, который обладал всеми видами высшей власти в церковном управлении и правом на законодательную инициативу в церковных делах. Синод был признан патриархами восточных православных церквей в качестве высшего соборного правительства русской церкви, равнозначного патриархам. Кроме того, церковная реформа способствовала упорядочению запущенных церковных дел, а догматическое и нравственное учение церкви было приспособлено к светским потребностям государства. Все это ослабило сопротивление иерархов и всего духовенства.¹⁰⁹

Петр I и его преемники нашли прочную социальную опору в дворянстве, прежде всего среди потомственного дворянства, которое было преобразовано в служебное сословие на тех же принципах, что и аристократия, и заняло господствующее положение во втором эшелоне власти.¹¹⁰ При Петре I были созданы предпосылки для превращения народной монархии в дворянскую монархию. После его смерти эта возможность стала реальностью. Укажем на некоторые наиболее важные обстоятельства, которые этому способствовали.

В первой половине XVIII в. при поддержке верховной власти дворянство консолидировалось в сословие, в 1762 г. освободилось от обязательной службы, в 1775—1785 гг. получило законную возможность иметь сословную организацию на губернском уровне и активно участвовать в управлении страной. И дворянство в полной мере воспользовалось этим правом. Вплоть до отмены крепостного права дворянство, обладая монополией на занятие командных должностей в гражданском и военном управлении, держало в своих руках все отрасли центрального управления, суд (кроме низшей ин-

станции), местное коронное управление и полицию, поскольку из дворянства формировался костяк администрации и офицерства. Только муниципальное городское и низшее сельское самоуправление было лишено дворянского элемента. Дворянство образовывало мощные узлы патронажных отношений, которые объединяли столичное дворянство с провинциальным в своеобразные лоббистские группы, связанные взаимными интересами. С наиболее сильными из этих групп императоры вынуждены были считаться.¹¹¹ Сформировавшись в привилегированное сословие с развитым сословным самосознанием, дворянство до середины XIX в. оставалось реальным и значимым субъектом общественного мнения, так как имело формальное право и реальную возможность выражать свои взгляды и влиять на принятие самодержавием решений через дворянские собрания и посредством участия в управлении государством в качестве чиновников. И в том и другом случае речь идет о дворянской элите, обладавшей богатством и именем.

После Петра I на престоле нередко оказывались либо слабые люди, либо лица, не имевшие законных прав на престол, захватившие его путем дворцового переворота. Из восьми императоров XVIII—начала XIX в. четыре — Екатерина I, Елизавета Петровна, Екатерина II, Александр I — вступили на престол в результате дворцового переворота, организованного дворянской гвардией. Анна Иоанновна была избрана дворянством. Зависимость от дворянства (из чувства самосохранения или благодарности) вынуждала самодержцев, особенно сразу после дворцового переворота, удовлетворять дворянские требования, идти на всякие уступки и даже прямо угождать. Например, Екатерина II из подготовленного ею к опубликованию Наказа депутатам Комиссии по составлению нового Уложения, по рекомендации своих советников, исключила все вольнолюбивые фрагменты, в частности те, в которых осуждалось крепостное право. В глазах государей дворянство являлось не только надежной опорой самодержавия, но и представителем всего населения перед верховной властью, поскольку именно дворянство всегда оставалось землевладельческим сословием, тесно связанным с остальными группами населения, особенно с крестьянством, с жизнью провинции, с местным и общественным управлением. Соответственно мнение общества было подменено мнением дворянства.¹¹² Поэтому решение императоров сделать ставку на дворянство являлось прагматическим и рациональным, особенно для тех из них, которые не имели законных прав на российский трон.

Однако императоры ни в XVIII в., ни в XIX в. не стали простым рупором дворянских интересов. Самодержавие проявляло достаточную самостоятельность в своей политике, которая чаще всего определялась задачами самой политики и государственными интересами. Конечно, дворянские интересы всегда приходилось принимать во внимание — забывавших об этом ждала расплата. Петр III, потерявший осторожность и переставший считаться с дворянской элитой, был немедленно свергнут с престола, несмотря даже на то, что принял два очень понравившихся дворянству закона — об освобождении от обязательной службы и о секуляризации церковных имений.¹¹³ То же самое случилось с Павлом I, который покусился на дворянские привилегии.¹¹⁴ Таким образом, со смертью Петра I дворянство превратилось в де-факто правящее сословие в том смысле, что решало вопрос о престолонаследии, оказывало сильное и нередко доминирующее влияние на внутреннюю и внешнюю политику, сделавшись единственным соучастником государственного управления и одновременно тем приводным ремнем, который связывал верховную власть с обществом. После того как Екатерина II укрепила свое положение, она попыталась очень дипломатично ослабить свою зависимость от дворянства с помощью реформ управления и сословной реформы. Реформа управления 1775—1785 гг. была компромиссом между самодержавием и дворянством: дворянство приобрело значительную власть в местном коронном управлении благодаря праву из-

бирать около половины уездных и до трети губернских должностных лиц,¹¹⁵ а императрица укрепила свою личную власть в центре вследствие ослабления роли коллегий в государственном управлении.¹¹⁶ Эта реформа также позволила верховной власти отчасти решить большой вопрос с недостатком чиновников, из-за которого самодержавие не имело сил эффективно управлять провинцией: слабость администрации на местах была компенсирована привлечением дворянства к местному управлению. Сословная реформа 1775—1785 гг. увеличила привилегии дворянства и превратила его в самое привилегированное сословие, за что оно платило лояльностью и преданностью Екатерине. С другой стороны, было форсировано формирование городского сословия, которое до некоторой степени могло служить противовесом дворянству.¹¹⁷ Несмотря на исключительные привилегии, полученные дворянством, вряд ли можно согласиться с широко распространенным мнением, что конечной целью императрицы являлось укрепление господства дворянства.¹¹⁸ **Самодержавие осталось самостоятельной политической силой и в полной мере сохраняло статус лидера общества**, так как имело широкую социальную базу, которая включала не только дворянство, но также крестьянство, городское сословие и духовенство.

Роль закона в государственном управлении

Единственным источником права начиная с Петра I и до 1917 г. признавался *закон*. Обычай, который играл выдающуюся роль в Московской Руси, оставил область государственного управления и в значительной мере сферу общественных отношений в границах города, хотя сохранил свою силу среди крестьянства в сельской общине. Вследствие этого характер и цель законодательства Российской империи существенно изменились. В Московском царстве законодательство основывалось главным образом на обычном праве и отличалось в силу этого преимущественно *традиционным, охранительным характером* в том смысле, что стремилось в основном кодифицировать существующие законы или обычаи, защитить уже существующее положение вещей, а не проложить дорогу новому в общественных отношениях. В императорский период законодательство порвало связь с обычаем и имело преимущественно *реформаторский характер*, основываясь либо на иностранном законодательстве (например, при Петре I или Александре II), или на теоретических рациональных соображениях (например, при Екатерине II или Александре I). Вследствие этого законодательство XVIII в., да и последующего времени в значительной степени по своему содержанию находилось в противоречии с прежним правом. Самодержавие стремилось установить в народе новые правовые понятия с помощью новых законов, полагая, что закон является выражением не обычаев народа, а только воли законодателя. Таким образом, **главная цель права принципиально изменилась: в московский период цель состояла в том, чтобы сохранить, а в петербургский период — чтобы усовершенствовать общественные отношения**, хотя, разумеется, и в том и другом случае законодательство имело и общую цель — поддержать общественный порядок.

Существует традиция как в русской дореволюционной, так и в современной литературе называть русское государство XVIII в. *полицейским* на том основании, что оно приняло на себя заботы о многих, если не обо всех, даже маловажных, потребностях жизни подданных, особенно в сфере экономической и бытовой, и пыталось регламентировать и исправлять их с помощью закона.¹¹⁹ Термин происходит от слова «полиция» (police, Polizei), что означало государственное устройство. Действительно, начиная с Петра I правительство предписывало подданным: из чего строить дома и печи, из какого дерева готовить гробы для покойников, какими орудиями возделывать

землю, из каких материалов изготавливать обувь, какого покроя должно быть платье, на скольких лошадях ездить какому чину, по какой модели строить корабли и т. д. Подобная политика была общей для ряда европейских государств XVIII в., так же как и монархический патернализм.¹²⁰ Отличительные черты русской государственности этого периода состояли в том, что *патернализм был не рудиментарным явлением, как на Западе, а вполне жизнеспособным* и что стремление все регламентировать в России имело специфическую мотивацию — заботу о народе, который в силу культурной отсталости и приверженности предрассудкам нуждается в отеческом попечении мудрых и просвещенных начальников. Кроме того, такая политика вмешательства в частную жизнь подданных в России имела прочную традицию в XVI—XVII вв. и являлась чем-то новым не по существу, а только по форме и масштабам, так как и до XVIII в. государь в России совмещал в себе высший духовный и светский авторитет, поэтому должен был заботиться и о душевном спасении, и о хлебе насущном для своих подданных.¹²¹ Другое дело на Западе. Только в XVI—XVII вв. многие западноевропейские государства освободились от опеки римского папы и Священной Римской империи, и только после этого они могли и стали претендовать на всестороннюю государственную опеку своих подданных. При Петре I впервые появляются специальные полицейские органы (прежде полицейские функции исполнялись общими органами центрального и местного управления), правда, только в Петербурге и Москве. При Екатерине II в 1775 г. (Учреждением о губерниях) и в 1782 г. (Уставом благочиния) было дано прочное устройство полиции во всем государстве в смысле учреждения, которое опекает население во имя его же блага. В столицах учреждены обер-полицмейстеры, в городах — городничие и при них управы благочиния, в уездах — капитан-исправник и нижние земские суды, избираемые дворянством. Что же касается масштабов, то нужно принять во внимание, что стремление регламентировать частную жизнь всегда оставалось в значительной мере декларацией (в России в существенно большей степени, чем на Западе) и никогда не могло быть реализовано, во-первых, из-за явного и скрытого саботажа населением правительственных указов и, во-вторых, из-за слабости государственного аппарата.¹²² Полицейское государство было моделью русской государственности для Петра I; при Екатерине II попытки регулировать частную жизнь стали постепенно ослабевать,¹²³ но они усилились в конце ее царствования, при Павле I и Николае I, в чем легко убедиться, читая сборник постановлений правительства «Права и обязанности градской и земской полиций», многократно изданный во второй четверти XIX в.

Термин «полицейское государство», уместный для XVIII в., в настоящее время непригоден для идентификации российской государственности XVIII в. в силу того, что приобрел характер политического ярлыка и подразумевает угнетение личности и общества, насилие, принуждение, репрессии со стороны государства, а не попечительство о всем и вся, не усовершенствование администрации, общественных отношений, каким было его значение в XVIII в., близкое к доктрине просвещенного абсолютизма.¹²⁴ «Народу, как больному ребенку, должно указать, что ему следует есть и пить», — говорил Фридрих II — типичный последователь полицеизма и один из просвещенных монархов Европы XVIII в. Поскольку в новейшей исторической литературе термин используется в осуждающем смысле,¹²⁵ он несет большую отрицательную эмоциональную нагрузку, что лишает его научной беспристрастности, необходимой для научного термина. Ввиду этого термин *регулярное государство* лучше удовлетворяет потребности научного анализа при обозначении политической системы, называемой в свое время полицейским государством.¹²⁶

Второе существенное изменение, которое принес XVIII в. в область законодательства, состояло в том, что самодержавный государь стал единст-

венным субъектом законодательной власти вплоть до образования Государственной думы в 1906 г. Лишь при Петре I, во время его отсутствия в столице, и при Елизавете Петровне (из-за ее нелюбви заниматься государственными делами) законодательная власть сосредоточивалась в руках Сената. Но такие периоды были исключением.¹²⁷ Установилось понятие о законе как о воле государя, правильно объявленной. Инициатива закона могла исходить от государя, центральных учреждений (Сената, Синода, коллегий, министерств и т. п.), от местных губернских учреждений (с 1775 г.), от дворянских губернских собраний (с 1785 г.) и от различных разрядов населения в порядке частной инициативы (например, указы депутатам в Комиссию по составлению нового Уложения в 1767 г.). Следует сказать, что *общественная инициатива в законотворчестве в императорский период до Великих реформ имела несравненно меньшее значение, чем в XVI—XVII вв.*, когда множество принципиальных законов было принято по ходатайствам различных разрядов населения. Падение общественной инициативы наступило при Петре I и продолжалось до середины XIX в. Показателем этого может служить неудача нескольких попыток правительства в первой половине XVIII в. собрать в столицу депутатов от населения для составления нового Уложения из-за упорного нежелания общественности принять участие в законодательной работе. Например, в 1728 г. местное начальство было вынуждено прибегать к репрессивным мерам (арест жен депутатов, конфискация их имущества), чтобы заставить депутатов ехать в столицу.¹²⁸

Наконец, третье существенное изменение касалось применения законов. Законы не имели обратной силы, распространялись на всех лиц, должны были исполняться всеми точно и буквально; подчиненный не должен был выполнять под страхом наказания противозаконные предписания начальника, а обязан был доносить о них в вышестоящие инстанции. Последнее правило имело большое значение для развития русского общества по пути правомерной монархии, так как оно создавало правовую основу для чиновника действовать строго по закону, невзирая на лица.

Однако, установив закон в качестве единственного источника права, самодержавие вводит в действие новый после 1649 г. свод законов только в 1835 г., после многих неудачных попыток в 1700, 1714, 1720, 1726, 1728, 1730, 1754, 1761, 1767, 1796, 1809 гг. В течение почти двух столетий каждый новый самодержец безуспешно пытался составить новый кодекс. В результате законодательство в течение XVIII—первой половины XIX в. приобрело такие черты, как неустойчивость, противоречивость, смешение весьма незначительных распоряжений с законами.¹²⁹ То, что законодательство не было приведено в систему, при невысоком морально-правовом уровне администрации и самого общества, тормозило движение в сторону правового государства. Однако потребность в своде законов в некоторой степени удовлетворялась благодаря тому, что с конца XVIII в. по частной инициативе составлялись и издавались юридические справочники и сборники текущего и прошлого законодательства М. Чулковым, Ф. Правиковым, Л. Максимовичем, С. Хапылевым и др.¹³⁰

В чем причины неудачи с составлением нового кодекса? Можно указать несколько причин: живучесть и жизнеспособность обычного права, по которому жило крестьянство, составлявшее более 90% всего населения; необычайная трудность согласования писаного и обычного права, нового и старого законодательства (ввиду их слабой совместимости); изменчивость, неустойчивость русской жизни ввиду довольно быстрой и противоречивой модернизации, что очень скоро превратило бы новый свод законов в устаревший кодекс. Важная причина заключалась в том, что законодатели XVIII—первой трети XIX в., работая над сводом законов, постоянно колебались между двумя целями — составить сводное Уложение или новое Уложение, не имевшее источников в действующем праве. Последняя по счету,

но не по значению причина сводилась к тому, что законодатели екатерининского царствования во главе с самой Екатериной II имели наивное, в духе французской философии того времени, представление, что, руководствуясь исключительно здравым смыслом и любовью к отечеству, легко можно подготовить новый свод законов и с его помощью изменить в самое короткое время общественный и государственный строй России.

Существенные перемены произошли и в отношении законодательного определения прав и обязанностей отдельных разрядов населения. В течение XVIII в. в России сформировались настоящие сословия, чьи права и обязанности были четко определены законом. В наибольшей степени это коснулось дворянства, духовенства и городского сословия. Манифест о вольности дворянства 1762 г., Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. поставили права дворян и горожан на прочный юридический базис, защищали их от произвола коронной администрации. Города и дворянство получили также по закону права самоуправления. Признание хотя бы за тремя сословиями личных прав служило важным фактором эволюции самодержавия в направлении правомерного государства.

В XVIII в. закон постоянно стал определять работу самого механизма государственного управления. В 1718—1720 гг. взамен Приказа — центрального учреждения, действовавшего на основе личных поручений государя, возник правильный тип государственного учреждения — Коллегия как постоянный орган, функционирующий на твердых юридических основаниях и под контролем прокуратуры. Прокуратура была учреждена в 1711 г. (первоначально чиновники с функцией прокурора назывались фискалами) специально для контроля за работой коронных учреждений. В 1722 г. был введен прокурорский надзор над центральными коронными учреждениями — Сенатом и коллегиями и лишь частично — над губернским аппаратом, контроль за которыми осуществляли ревизоры и специальные следственные комиссии, учреждаемые в ответ на доносы и жалобы населения.¹³¹ В 1775—1785 гг. в ходе реформы местного управления в соответствии с «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» суд отделился от администрации и полиции и стал теоретически полностью, а практически более или менее от них независимым; утвердился инстанционный порядок для решения судебных дел с завершением его в Сенате; дворянство, городские состояния и крестьянство получили свои суды низшей инстанции. Тогда же деятельность прокуратуры распространилась на местное коронное управление. В ее задачи входили надзор за законностью действий учреждений уездного и губернского уровней, разъяснение чиновникам новых законов. Финансовое управление отделилось от общей администрации и стало подчиняться особым учреждениям как на местах, так и в центре. В результате этого произошло частичное отделение друг от друга разных ветвей власти.¹³²

Резюмируя наши наблюдения о роли права в государственном управлении, можно констатировать, что в течение XVIII в. были заложены «начала законности в русском государственном порядке»,¹³³ самодержавие все в большей степени соединялось с законностью,¹³⁴ и **весь государственный строй эволюционировал в сторону правомерной монархии, а власть из традиционной превращалась в легальную.** Это проявлялось в трех отношениях: а) в повышении значения закона в жизни русского общества; б) в том, что повседневная работа по управлению страной осуществлялась силами профессиональных чиновников, которые под влиянием четких инструкций и контроля обнаружили тенденцию управлять, невзирая на лица и следуя законам; в) в формировании сословного строя, в результате чего различные группы населения приобрели черты настоящих сословий (одни в большей степени — дворянство, духовенство, другие в меньшей степени — мещанство, купечество), чьи личные права стали защищаться законом.¹³⁵

Подведем итог сказанному о российской государственности XVIII в. Самодержавие в смысле неограниченной монархии, соединяющей в своих руках всю полноту власти, сложилось только в первой четверти XVIII в., после того когда Петр I упразднил патриаршество и Боярскую думу в 1700 г. и перестал созывать земские соборы. В это царствование самодержавие не только становится фактом политической жизни, но и получает юридическую формулировку в законе. Государственная деятельность Петра для судьбы русской государственности имела противоречивые последствия. С одной стороны, своим определением монархической власти, своим попираемением всех традиций и обычаев, изменением основания легитимности власти, подрывом традиционной нравственно-религиозной основы монархизма он способствовал секуляризации верховной власти и превращению ее из народной монархии в абсолютизм. С другой стороны, утверждая в России сословия, правомерный порядок в управлении, ставя деятельность коронных учреждений в рамки закона и инструкции, выдвигая на первый план идею служения отечеству, а не царю, Петр способствовал развитию просвещенной правомерной монархии и утверждению на российских просторах легального господства. Наконец, Петр I сохранил преемственность с XVII в. в том, что поддерживал патерналистский взгляд на верховную власть. Заложенные им основы новой государственности продолжали развиваться в течение всего столетия. В результате к концу XVIII в. на смену народной монархии XVII в., основанной на религиозной вере и традиции, пришла политическая система, при которой не ограниченная юридически верховная власть осуществляла свое господство, во-первых, признавая закон единственным источником права, во-вторых, через организованные законом и действующие на основе закона учреждения, в-третьих, даруя и де-юре признавая, что подданные обладают защищенными законом сословными правами, в-четвертых, привлекая дворянство к управлению. Фактически закон, закономерная бюрократия, сословные права и дворянство являлись сдержками, препятствовавшими отклонениям верховной власти в сторону деспотизма. Все эти изменения превратили российскую государственность к концу XVIII в. в **сословную патерналистскую монархию, государственные учреждения которой были ограничены административным правом и сословными правами подданных**, и создали предпосылки для дальнейшей ее эволюции в направлении правомерной монархии.

РАЗВИТИЕ ПРАВОМЕРНОЙ МОНАРХИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в

В царствование Александра I некоторая часть образованного общества и сам император попали под влияние либеральной доктрины государственного управления, которая в XVIII в. начала свое победное шествие по Европе, а в Англии стала фактом внутренней политики. Новая доктрина требовала индивидуальной свободы, ослабления государственной опеки и невмешательства в экономическую и духовную жизнь подданных, ее лозунгом стало — предоставить дело его собственному течению (*laissez faire laissez passer*), роль государства должна ограничиваться обеспечением личной свободы и безопасности подданных. Либеральная доктрина поставила на место регулярного, или полицейского, государства правовое государство, которое обеспечивает свободу и индивидуальные права своих подданных. Согласно Ж.-Ж. Руссо, которого почитал учитель Александра I, Ф. С. Лагарп, общество и государство обязаны признать за всяким человеком свободу личности, без которой человек не является подлинным человеком. Такое государство является правовым по цели, но не по формам и приемам деятельности, так как здесь нет речи об установлении для проявления государственной

власти правовых форм и правовых пределов.¹³⁶ Очевидно, что если целью государства является обеспечение свободы личности (безразлично, подразумевала свобода гражданские права или нет), то деятельность государственных учреждений следует ввести в правовые рамки, ибо естественные индивидуальные права человека нарушаются не только людьми, но и учреждениями. Однако до середины XIX в. правовое государство подразумевало обеспечение индивидуальных прав, свободы человека от угнетения его со стороны других людей (например, освобождение от рабства или крепостничества), а не защиту его от угнетения со стороны государства путем дарования народу гражданских прав и привлечения к участию во власти. Государство, наоборот, рассматривалось в качестве субъекта, способного освободить человека и гарантировать его личную свободу. Александр I, разделявший либеральные взгляды и сочувствовавший идее об отмене крепостного права, хотел сделать государственное управление закономерным (а в начале своего царствования даже учредить законосовещательную Государственную думу с подотчетным ей правительством) не ради того, чтобы поставить под контроль общества монарха и государственную власть, а чтобы обеспечить контроль за государственными учреждениями со стороны верховной власти и общества. Попытки же ограничить верховную власть императора им пресекались. Здесь внук твердо и последовательно придерживался точки зрения своей бабки Екатерины II: просвещенный и не ограниченный в своих правах государь мог сделать для блага государства больше, чем государь, ограниченный в своих правах.¹³⁷ С такими ограничениями либеральная доктрина власти разделялась кроме Александра I также и Николаем I, и другими императорами.

Иначе была воспринята либеральная доктрина той частью образованного общества, которая начиная с последней трети XVIII в. критиковала некоторые аспекты существовавшего в России политического строя как справа, так и слева. Консерваторы заложили основы консервативно-национального направления в общественной мысли, либералы — либерального-конституционного, радикалы — революционного направления. Но эти ревизионистские воззрения не имели многочисленных сторонников. Широкие слои населения не понимали и не принимали этих взглядов, по крайней мере до первой российской революции.¹³⁸ В массовом сознании монархическая парадигма была очень сильна. Известный историк и писатель А. де Кюстин, совершивший путешествие по России в 1839 г., был потрясен тем, что «для русских монарх — это Бог». Сравнивая наблюдения свои и С. Герберштейна, он заключает: «Это письмо Герберштейна, написанное более трех столетий назад, рисует тогдашних русских такими же, какими я увидел их теперь».¹³⁹ Иностраный наблюдатель сильно заблуждался, полагая, что политический менталитет русских за три века не изменился. Но он был прав в том, что для большинства русских монарх все еще оставался сакральной фигурой. «В общественном быту здешних крестьян, — свидетельствовал один из корреспондентов Географического общества почти одновременно с Кюстином в 1847 г., — свято сохраняется порядок старинный, христианский. Всякая власть уважается, как данная от Бога».¹⁴⁰ Монархической парадигмы преобладающая часть русского общества придерживались до конца XIX в., а крестьянство — до 1917 г.¹⁴¹

В государственном строительстве первой половины XIX в. набирали силу тенденции в развитии русской государственности, наметившиеся в XVIII в. С образованием при Александре I, в 1810г., Государственного совета в качестве законосовещательного учреждения превращение России в правомерную монархию пошло быстрыми темпами. Как сказано было в манифесте, возвестившем об учреждении Государственного совета, он создавался для удовлетворения осознанной потребности «учреждать постепенно

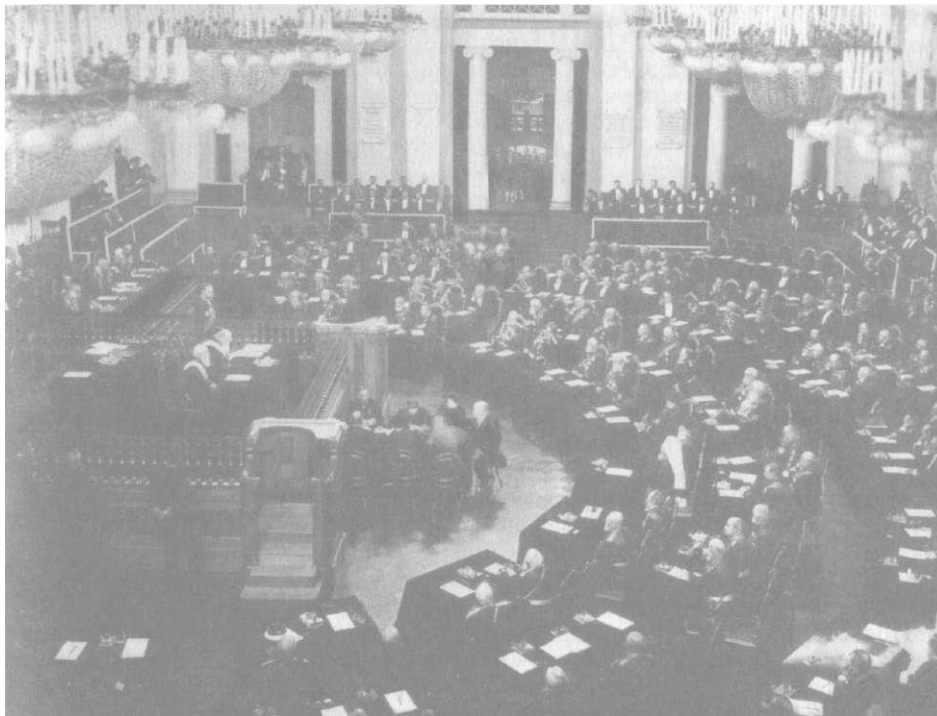

Рис. 17. Заседание Государственного совета в зале дворянского собрания. С.-Петербург. 1906 г.

образ правления на твердых и непремяемых основаниях закона». Совет был не представительным, а бюрократическим учреждением: его члены, число которых с 1810 по 1890 г. увеличилось с 35 до 60 человек, назначались императором из влиятельных чиновников, нередко вышедших в отставку, а министры входили в его состав по должности. В силу этого он не мог формально ограничивать самодержавие. Однако с момента образования Государственного совета все законы должны были предварительно обсуждаться в нем, прежде чем поступить на утверждение императора, что служило критерием для проведения различия между законом и постановлениями верховной власти в порядке текущего управления: то, что прошло через Государственный совет, становилось законом, то, что не прошло через него, имело юридический статус постановления. Кроме того, всякий закон должен был утверждаться государем и опубликовываться Сенатом. Это имело принципиальное значение: теперь *воля императора могла быть реализована при одном важном условии — если воля превратилась в писанный закон, который предварительно обсужден в Государственном совете и публиковался Сенатом* (в XVIII в. было достаточно, если воля императора была правильно объявлена). Ставился заслон дурной воле, пользуясь словами Екатерины II, «неотесанных тиранов» и «капризных деспотов», потому что хотя император не был ограничен мнением большинства и мог согласиться с мнением меньшинства, тем не менее в 64 из 100 случаев утверждалось мнение большинства.¹⁴² Да и меньшинство должно было обосновать свое решение. Благодаря образованию Государственного совета механизм утверждения законов постепенно превратился в четкую и обязательную процедуру, которая предусматривала этап предварительного обсуждения проекта закона не только в

министерствах, но также в специальных комитетах, куда приглашались эксперты от общества (так был выработан проект отмены крепостного права в 1860 г.), либо в сословных организациях дворянства или купечества (так, например, было с проектом введения нового Городового положения в Петербурге в 1846 г.); практиковался также сбор мнений от частных лиц и сословных организаций по готовящейся реформе (так проводилась реформа казенных крестьян в 1837—1841 гг.). Таким образом, весь процесс составления закона от его инициативы до опубликования подчинялся строгой процедуре.

В Государственном совете законопроекты обсуждались всесторонне и серьезно; часто случалось, что проекты, представленные министерствами, радикально видоизменялись. Члены Совета, порой представлявшие конкурирующие между собой ведомства и группы интересов, не были едины в своих взглядах и поэтому предлагали различные подходы и решения стоявших в его повестке проблем, что давало основание правой прессе усматривать в Совете своеобразный парламент и подвергать его нападкам. «Правильно ли желать, — писал в передовой статье газеты «Московские ведомости» от 6 мая 1886 г. ее редактор М. Н. Катков, — чтобы в наш Государственный совет проникла игра в парламент, в большинство и меньшинство? Чтобы члены Государственного совета, призванные доверием монарха служить ему советом, променивали это высокое назначение на роль членов „партий“, „групп“ и „коалиций“, подчиняющихся не разуму своему, а команде вожаков?».

После образования Государственного совета государь санкционировал новый закон по новой формуле: «Вняв мнению Государственного совета, постановляем или утверждаем», которая применялась непродолжительное время, в 1810—1812 гг., но формально была отменена Николаем I лишь в 1842 г. Одни историки права (А. Д. Градовский, В. И. Сергеевич, А. В. Романович-Славатинский, И. Е. Энгельман, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. Г. Щеглов) видели в этой формуле ограничение законодательной власти государя, другие (Н. М. Коркунов, В. Н. Латкин) полагали, что она имеет смысл: «выслушав мнение».¹⁴³ По-видимому, первое мнение ближе к истине, потому что формула была изобретена М. М. Сперанским в 1810 г. В это время Александр I имел намерение установить в России истинное, т. е. ограниченное законом, самодержавие, и учреждение Государственного совета было первой реформой на этом пути. Но самый важный аргумент в пользу такого толкования состоит в том, что современники понимали эту формулу как ограничительную. Например, Н. М. Карамзин в 1811 г. язвительно писал: «Поздравляю изобретателя сей новой формы или предисловия законов: „вняв мнению Совета“; но *в самодержавии не надобно никакого одобрения для законов*, кроме подписи государя; он имеет всю власть (курсив мой. — Б. М.)».¹⁴⁴ Не случайно Николай I нашел необходимым формально отменить эту формулу, которая фактически давно не действовала.

Важное нововведение в государственном управлении при Александре I состояло в том, что в 1801—1803 гг. Сенат получил статус института административной юстиции, прокуратуры и суда со следующими функциями: административно-судебные дела; надзор за правительственным аппаратом через губернских и уездных прокуроров, самостоятельно — с помощью самих сенаторов и посредством жалоб; высшая инстанция суда; охрана и удостоверение особенных прав разных классов. Постепенно высший суд и надзор за деятельностью коронных учреждений стали главными функциями Сената. В течение XIX—начала XX в. Сенат принимал жалобы на все коронные учреждения, кроме Министерства иностранных дел, Военного и Морского министерств, Министерства императорского двора, Комитета министров, Совета министров, Государственного совета, Синода, Ведомства учреждений

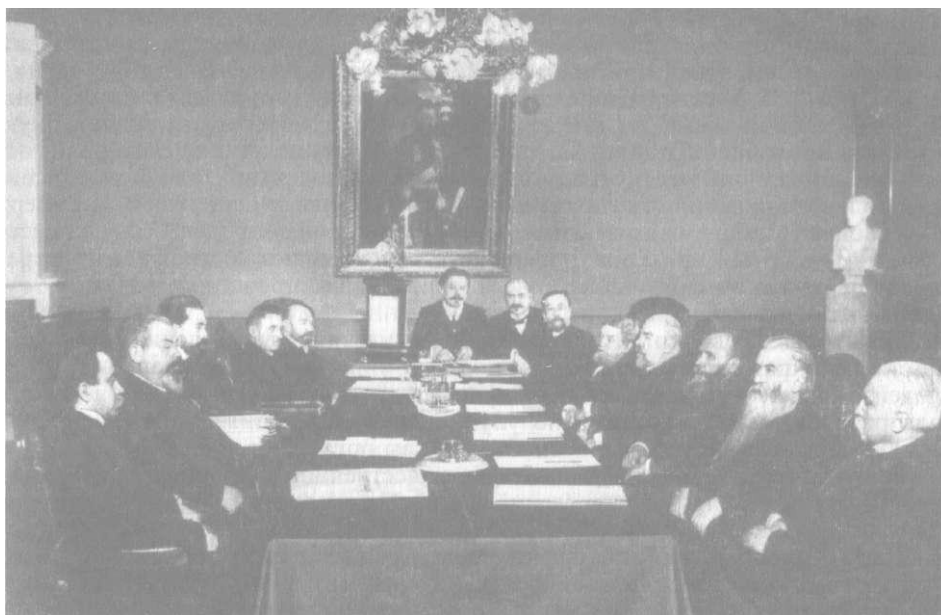

Рис. 18. Заседание Сената. С.-Петербург. 1908 г.

императрицы Марии, Собственной его величества канцелярии.¹⁴⁵ С целью контроля за деятельностью органов коронного управления Сенат: 1) поддерживал постоянную связь с местными учреждениями, информировал их о результатах проверки управления в империи (как бы напоминая о том, что судный час наступает для всех), требовал неукоснительно следовать законам и инструкциям; 2) рассматривал отчеты о деятельности учреждений и персональные отчеты губернаторов об их работе; 3) заслушивал губернаторов в Сенате во время их пребывания в Петербурге; 4) рассматривал жалобы; 5) проводил ревизии учреждений.¹⁴⁶ Осуществляемый Сенатом прокурорский надзор существенно сдерживал безнаказанное злоупотребление властью со стороны коронной администрации и защищал интересы населения и казны. Ни одно постановление губернских присутственных мест не могло вступить в законную силу без утверждения прокурора, подчиненного Министерству юстиции и Сенату. Прокурор, не утвердив и опротестовав постановления администрации или судебные решения, принятые под давлением губернатора, мог и в действительности ставил предел самоуправству местной коронной администрации.

Особенно эффективной была деятельность сенаторов в качестве ревизоров местного коронного управления, которых нередко лично направлял император в ту или иную губернию по полученному сигналу. К прибывшему на место ревизору с жалобами на любого чиновника могли обращаться все местные жители. Н. В. Гоголь в «Ревизоре» точно описывает ужас местной администрации перед ревизором. Сенаторские ревизии серьезно сдерживали произвол местной администрации. За первую половину XIX в. сенаторы провели свыше 80 ревизий, за вторую половину XIX—начало XX в. — более 45 ревизий, обследовав все губернии России, 30 из них по два и более раз.¹⁴⁷ Ревизии способствовали улучшению работы государственного аппарата в двух отношениях. Во -первых, ревизоры, обладавшие с 1819г. властью принимать самостоятельные решения (в том числе и отрешать от должности) прямо на местах, боролись

с конкретными недостатками управления и реагировали как представители центральной администрации на жалобы населения в отношении действий местной администрации. Например, в 1800 г. после ревизии Вятской губернии сенатором С. И. Мавриным 186 чиновников были уволены со службы и отданы под суд.¹⁴⁸ В 1843—1846 гг. сенатор И. Н. Толстой провел крупномасштабную ревизию Восточной Сибири. По ее завершении он представил Николаю I отчет, изобличающий местную администрацию в бездействии, злоупотреблениях и полной запущенности управления краем. Генерал-губернатор В. Я. Руперт был уволен Николаем с должности, а многие чиновники преданы суду на месте самим сенатором.¹⁴⁹ В целях проверки, насколько точно местная администрация исправляла обнаруженные недостатки, ревизии проводились в тех же губерниях по несколько раз.

Во-вторых, ревизии готовили реформы местного управления, в особенности на окраинах страны. Например, упоминавшийся сенатор Толстой в ходе ревизии собрал обширную информацию, необходимую ряду ведомств для разработки мероприятий по улучшению управления и освоения этого богатейшего края. Деятельность Сената как органа административной юстиции и прокуратуры имела особенно существенное значение для введения деятельности коронных учреждений на местах в рамки закона.¹⁵⁰ На основе донесений сенаторов-ревизоров в 1825—1855 гг. Комитет министров наложил на губернаторов 189 взысканий за упущения по службе,¹⁵¹ в среднем по три на каждую губернию. С 1870-х гг. материалы ревизий печатались и могли использоваться оппозицией для борьбы с самодержавием.¹⁵² Ревизорская деятельность сенаторов поощрялась и направлялась императорами, но не находила сочувствия в министерствах, которые видели в сенаторах соперников в борьбе за власть и страшились обнаружения сенаторами недостатков в подчиненных им учреждениях.

Сенаторские ревизии считались наиболее действенным, прямым и оперативным способом связи между центральными и местными коронными учреждениями и контроля первых за деятельностью вторых, а также каналом связи между органами государственного управления и населением. В ходе ревизий всесторонне проверялось: 1) административное управление губернией; 2) деятельность судебных учреждений; 3) экономическое, культурное, религиозное положение населения; 4) финансовое состояние губернии (дела о недоимках, обеспечение народного продовольствия и т. п.). Например, во время ревизии Оренбургского генерал-губернаторства в 1880 г. сенатор М. Е. Ковалевский вскрыл массу недостатков в работе коронных учреждений: медлительность, нарушения должного порядка, многочисленные злоупотребления, особенно полиции, недостаток контроля центра за деятельностью губернаторов и губернаторов за чиновниками, случаи коррупции и самоуправства, формализм, невнимание к бумагам и лицам, отсутствие доверия и сочувствия к администрации со стороны местного населения. Сенатор отметил, что, в отличие от коронных учреждений, земские и судебные учреждения хорошо справлялись со своими обязанностями. В качестве причин плохого состояния административного управления в крае Ковалевский отметил: 1) неопределенность компетенции чиновников и как следствие этого их стремление избежать ответственности и нечеткость указаний высших инстанций низшим; 2) слабость контроля со стороны губернского управления за подотчетными учреждениями и лицами; 3) стремление чиновников угодить начальству, а не точно выполнять законы и инструкции.¹⁵³

После ревизий принимались строгие меры против нарушителей закона и порядка, а также меры по совершенствованию управления, благодаря чему наступало улучшение в деятельности учреждений обревизованной губернии. Правда, как отмечает И. А. Блинов, через некоторое время наблюдалось возвращение к старому порядку.¹⁵⁴ Даже если это было так, несомненно, что ревизии по крайней мере сдерживали падение уровня управления.

В 1810 г. при Государственном совете была учреждена особая Комиссия прошений для приема приносимых на высочайшее имя проектов и жалоб на высшие правительственные учреждения, не подчиненные Сенату в порядке надзора, и Сенат. В 1835 г. Комиссия была поставлена в непосредственное ведение императора, в 1884 г. преобразована в Канцелярию прошений. Благодаря этому все коронные учреждения попадали под надзор либо Сената, либо Комиссии прошений.

В 1802—1811 гг. в центральном управлении вводятся министерства вместо коллегий. Их деятельность регулировалась «Общим учреждением министерств» от 1810 г., в котором определялись степень и пределы власти министров, их отношение к высшим законодательным, административным и судебным органам, к подчиненным учреждениям, фиксировались обязанности чиновников, устанавливалось единообразие в делопроизводстве, проверке исполнения и отчетности. Сравнение «Общего учреждения министерств» с «Генеральным регламентом коллегий» 1720 г. обнаруживает, что рамки деятельности министерств были установлены точнее и определеннее, что вся их работа была продумана более тщательно.¹⁵⁵ Ежегодные отчеты министров с 1830-х гг. публиковались в журналах и отдельно и поступали в крупные библиотеки, например в Публичную и Библиотеку Академии наук в Петербурге. С 1862 г. стала обнародоваться и роспись государственных расходов и доходов.¹⁵⁶ Центральный аппарат каждого министерства вместе с его местными учреждениями составлял отдельное ведомство со своим корпусом чиновников, бюджетом, административным порядком. В результате этого, несмотря на образование в 1802 г. Комитета министров, призванного координировать деятельность отдельных министерств, в государственном управлении усилилась *ведомственность*. В этом заключался недостаток для управления — его разобщенность, но благодаря ей — власть бюрократии сдерживалась соперничеством за влияние на государя. Хорошо известна постоянная борьба за влияние между министерствами внутренних дел и финансов, между Министерством народного просвещения и Синодом и т. д.¹⁵⁷ Министерская реформа явилась еще одним шагом в сторону правомерного управления — такого порядка вещей, при котором всякое действие коронного учреждения имело бы основание в законе или инструкции.

Важный новый момент в политической жизни России первой половины XIX в. состоял в *ослаблении зависимости государя от дворянства*. Александр I в первые годы своего царствования еще находился в зависимости от дворянства и не решался нарушать его привилегии, потому что занял престол в результате поддержанного им дворцового переворота, участники которого убили его отца. Об этом свидетельствует следующий факт. Вскоре после восшествия на престол Александр I хотел провести социальные и политические реформы. По его поручению и в соответствии с его рекомендациями М. М. Сперанским был составлен проект таких реформ. Но дворянство в массе своей им не симпатизировало, и император отказался от своих планов, а М. М. Сперанского отправил в ссылку.¹⁵⁸ Во второй половине царствования, после победы России над Наполеоном, Александр I обрел самостоятельность, но все же не воспользовался ею для возобновления реформ в России, а ограничился Польшей и Финляндией. Его преемник Николай I стал еще более независим от дворянства. Этому способствовало выступление декабристов в 1825 г., которые попытались произвести государственный переворот: ввести конституцию и парламент, даровать политические права узкому кругу граждан, соответствовавших высоким избирательным цензам, что привело бы к превращению дворянства в правящий класс де-юре. Эта попытка провалилась, но глубоко уязвила императора и способствовала, в числе других факторов, тому, что он утратил к дворянству доверие и в своей политике старался опираться преимущественно на бюрократию. Понижение политического статуса дворянства проявилось в частности в том, что при

Николае I были приняты меры по ограничению власти помещиков над крепостными, государство стало вмешиваться в отношения между ними в невиданном прежде масштабе. Вследствие освобождения императора от дворянской опеки и зависимости *дворянство перестало быть правящим сословием, хотя осталось привилегированным сословием*: сословные дворянские интересы были приоритетны для верховной власти, но не сравнительно с государственными интересами, а сравнительно с интересами других сословий; с мнением дворянства самодержавие считалось, но государственное управление находилось в руках бюрократии, зависимой от верховной власти, а не от дворянства. Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в «Обзоре общественного мнения» за 1827 г. относительно чиновничества представил императору следующее заключение: «К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но в сущности все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы».¹⁵⁹ Ослаблению роли дворянства в управлении способствовало также изменение системы комплектования бюрократии. Со времени отмены обязательной службы дворян в 1762 г. преимущественно сословная система пополнения кадров сменилась преимущественно приказной, или чиновной, системой, в результате в 1755 г. среди чиновников выходцы из дворян составляли около 50%, а в 1840—1855 гг. — 44%.¹⁶⁰ Хотя сословный принцип пополнения бюрократии не был отменен, государственная служба проходила главным образом на основе выслуги, образования и профессионализма, вследствие чего дворянин на службе был сначала чиновником, а потом дворянином.¹⁶¹ Уменьшение роли сословного элемента и повышение значения бюрократического элемента в государственном управлении дает основание для заключения о том, что **сословная монархия трансформировалась в бюрократическую монархию**.

В 1832 г. при составлении Свода законов было впервые дано полное юридическое определение государственного устройства Российской империи в двух статьях Основных законов. 1-я статья определяет характер власти императора как «верховой, самодержавной и неограниченной».¹⁶² Отсюда следовало, что в руках императора сосредоточивалась высшая, без ответственности перед кем бы то ни было и неограниченная власть в государстве. 47-я статья указывает, что осуществление самодержавной власти императора подчиняется принципу законности: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих». Таким образом, *закон провозглашал правомерный характер русской государственности* в отличие от форм деспотических, где вместо закона действует ничем не сдерживаемый личный произвол правителя. Так интерпретировали статью русские юристы, так понимало ее образованное общество.¹⁶³ В это же время (1831) к числу российских орденов был причислен польский орден Белого Орла, который имел девиз «За веру, царя и закон».¹⁶⁴ 1-я и 47-я статьи без изменений входили в последующие издания Основных законов вплоть до начала XX в.

При Николае I после 133 лет безуспешных попыток, в 1830—1832 гг., были подготовлены 45-томное Полное собрание законов Российской империи и 15-томный систематический Свод законов Российской империи, включавший действующее законодательство. Так был создан долгожданный кодекс законов, который поставил все государственное управление на твердое правовое основание. С этого времени вплоть до 1917 г. Полное собрание законов регулярно пополнялось новыми законами, а Свод законов обновлялся. Николай I был фанатичным блюстителем закона, о чем, конечно, была осведомлена бюрократия. Иллюстрацией этому может служить запрещение входить к нему с просьбами об изъятии из законов, последовавшее в 1832 г., сразу по окончании работы над составлением Свода законов. Николай усмотрел в этом опасность того, что «закон и правило сами обратить-

ся могут в изъятие». ¹⁶⁵ Весьма показательны отношения Александра I и Николая I к Польше и Финляндии, которые имели конституции и парламент (Польша до 1831 г.). Оба императора в качестве конституционных монархов Царства Польского и Великого княжества Финляндского вели себя в полном соответствии с конституцией, даже Николай I при всех своих самодержавных устремлениях. Он утвердил оправдательный приговор, вынесенный польским Верховным судом в отношении членов польских тайных обществ, связанных с декабристами. При коронации польской короной в 1829 г. он произнес следующую клятву: «Обещаю и клянусь перед Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения Конституционной хартии всею моею властью». Николай I с негодованием отнесся к нарушению конституции французским королем Карлом X. ¹⁶⁶ У известного историка А. А. Корнилова были основания для заключения, что «правительственная система Николая I была одной из самых последовательных попыток осуществления идей просвещенного абсолютизма». ¹⁶⁷

Таким образом, в первой половине XIX в. государственный строй продолжал эволюционировать в сторону правомерной монархии благодаря тому, что самодержавие самоограничивалось законом, который оно само творило, и делало все возможное для развития правомерного бюрократического управления, действующего на основании закона, в соответствии с административным правом и под контролем административной юстиции и прокуратуры. Хотя русский чиновник не вполне соответствовал идеальному типу чиновника, который подчиняется только законам и действует, невзирая на лица, русская бюрократия в течение XVIII—первой половины XIX в. развивалась именно как правомерная, так как верховная власть отлично понимала необходимость ограничить чиновников жесткими рамками закона. ¹⁶⁸ В самом начале царствования III Отделение рекомендовало Николаю I ввести перемены «как в системе, так и людях», опираясь на правосудие. ¹⁶⁹ Император неуклонно следовал этой рекомендации, и в его царствование сдвиги в этом направлении были особенно чувствительными. Вероятно, не будет преувеличением прийти к заключению, что при Николае I сложилась **правомерная бюрократическая монархия**.

В XVIII в. провозглашение официальной доктрины власти опережало государственную практику и служило ей руководством. В первой половине XIX в., наоборот, доктрина обобщила практику эволюции российского государства в сторону правовой монархии и учла произошедшие изменения в государственности. Такая доктрина была сформулирована министром народного просвещения С. С. Уваровым в 1832—1834 гг. и получила название *теории официальной народности*. Суть доктрины сводилась к триединой формуле «самодержавие—православие—народность»: самодержавие как высшая форма государственной власти, православие как единственно истинная вера, народность как «неприкосновенное святилище наших народных понятий». ¹⁷⁰ Царь осуществляет свою власть в интересах народа и согласно нравственным и юридическим законам. «Россия крепка единодушием беспримерным. Здесь царь любит отечество в лице народа и правит им, как отец, *руководствуясь законами*, а народ не умеет отделять отечество от царя и видит в нем свое счастье, силу и славу (курсив мой. — Б. М.)». ¹⁷¹ Правомерный характер монархии — вот тот новый элемент, отличавший новую доктрину от прежней, сформулированной Ф. Прокоповичем в начале XVIII в., в которой не закон, а воля монарха стояла на первом месте. В остальном обоснование легитимности самодержавия оставалось прежним. В 1840—1850-х гг. идеология законного самодержавия была более тщательно разработана в трудах славянофилов, а во второй половине XIX—начале XX в. — в работах русских консерваторов Л. А. Тихомирова, К. Н. Леонтьева, И. А. Ильина и др. Ее разделяли все императоры, включая Николая II. ¹⁷²

ВСЕСОСЛОВНАЯ ПРАВОМЕРНАЯ МОНАРХИЯ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

При Александре II и при его активном участии в 1860—1870-е гг. в политическом строе появились новые элементы правового государства.¹⁷³ Были созданы сословные органы местного самоуправления, обладавшие публичной властью, — земства (1864) и городские думы (1870), которым государство передало значительную часть своих полномочий. Подобно тому как почти 100 лет назад Екатерина II делегировала часть власти провинциальному дворянству, чтобы отвлечь его от дворцовых переворотов и претензий на участие в высшем управлении, так и Александр II тем же маневром стремился отвлечь общественность от большой политики. Оба случая иллюстрируют общую закономерность: в минуту слабости верховная власть делала заметные уступки в пользу общества, а когда приходила в силу, пыталась эти уступки минимизировать.¹⁷⁴ Вследствие отмены крепостного права и дворянских привилегий все население приобрело основные личные (не политические) права. Новый цензурный устав (1865) позволял обществу через прессу и гласность осуществлять контроль за администрацией. Университеты получили академическую автономию (1863). В 1860-е гг. была проведена реформа бюджета, казасского дела и финансового контроля, что позволило осуществлять надлежащий контроль за государственными финансами со стороны как правительства, так и общественности, поскольку бюджет, отчет по его исполнению и отчет государственного контролера ежегодно публиковались в прессе.¹⁷⁵

Благодаря введению новых судебных уставов в 1864 г. усилилась роль закона в управлении, произошло окончательное отделение суда от администрации. До реформы судебные дела нередко поступали на рассмотрение Государственного совета, решались императором и получали форму и авторитет закона, не будучи законами. Судебная реформа установила новое обеспечение законности в российском государственном строе тем, что гораздо четче, чем прежде, провела различие между законом и высочайшим повелением в порядке управления.¹⁷⁶

В дополнение к Сенату как высшему органу административной юстиции были созданы в губерниях и уездах органы местной административной юстиции. Местное по земским и городским делам присутствие являлось среди органов местной административной юстиции важнейшим, остальные специализировались на отдельных отраслях управления, например присутствие по воинским делам, податные, фабричные и т. п.¹⁷⁷

Социальная политика в пореформенное время, направленная на уничтожение сословных привилегий и уравнение всего населения в личных правах, в принципе способствовала трансформации общества из сословного в классовое. Следствием этого было дальнейшее понижение значения дворянского статуса и роли дворянства в государственном управлении: по мере превращения привилегий в юридические фикции **дворянство потеряло роль доминирующего сословия.**¹⁷⁸ Утрачивали привилегии и другие группы населения — духовенство, купечество. Получение цензовыми гражданами, которые в большинстве своем принадлежали к образованному обществу, а многие из них были дворянами, права участвовать во власти могло стать известной компенсацией за утрату сословных привилегий. Таким образом, социальные последствия Великих реформ поставили вопрос о привлечении к государственному управлению цензовых граждан, иными словами, дарование им политических прав.

Взятые в совокупности новые законы, институты и учреждения способствовали формированию **сословной правоммерной монархии**, в которой законодательная власть государя ограничивалась объективным правом — законом, а исполнительная власть государя и центральных коронных

учреждений — административным правом, административной юстицией и общественным мнением, местных коронных учреждений — административным правом, административной юстицией, органами общественного самоуправления и общественным мнением. В России все более утверждалась **легальная форма власти**.

Этим изменениям в государственном строе отчасти предшествовали, отчасти сопутствовали изменения в политических представлениях образованного общества. Уже в конце XVIII в. у отдельных представителей общественности возникает неудовлетворение, с одной стороны, своей ролью слуги, с другой — деятельностью государства. Эти настроения в первой половине XIX в. крепнут и распространяются, в результате чего в 1840—1860-е гг. значительная часть образованного общества приняла либеральную доктрину, сложившуюся в это время на Западе. Согласно ей, общество имеет право и должно участвовать в управлении государством, так как государь и его правительство не справляются и в принципе не могут с ним справиться без помощи общества, а также потому что общество таким способом может защитить себя от злоупотреблений власти. Общественность все настойчивее начинает высказывать пожелание участвовать в государственном управлении, что и послужило одним из факторов проведения земской и городской реформ. Дальнейших политических уступок со стороны верховной власти нужно было добиваться. Однако диалог проходил медленно и болезненно в значительной мере потому, что русское общество было крайне фрагментарным как в социальном, так и в культурном отношении. Свыше 95% населения — крестьянство, мещанство, рабочие, которые не являлись цензовыми гражданами, были абсолютно равнодушны к политическим проблемам. И даже те немногие граждане (5—6%), которые получили избирательные права по городской и земской реформам, проявляли абсентеизм. Например, в 1870—1880-е гг. в выборах в городские думы принимали участие 12—14% от числа горожан, получивших избирательные права,¹⁷⁹ в выборах в земства участвовали от землевладельцев 19%, от горожан — 21, от крестьян — 48% от общего числа лиц данного сословия, получивших избирательные права.¹⁸⁰ Сравнительно высокая активность крестьянства объясняется лояльностью крестьян к верховной власти, а также тем, что выборы от крестьянской курии были многоступенчатыми, и на последнем этапе коронная администрация приняла меры, чтобы обеспечить явку выборщиков на голосование. Русская буржуазия вплоть до первой российской революции проявляла исключительную лояльность по отношению к верховной власти, поскольку она выросла при поддержке государства.¹⁸¹ А мизерная по численности либеральная общественность разделялась на десятки политических групп, которые боролись не только с самодержавием, но и друг с другом. При политическом безмолвствовании монархического по убеждениям народа верховная власть, естественно, очень медленно уступала требованиям оппозиционного меньшинства.

Деятельность земств и городских дум способствовала дальнейшему распространению и развитию либеральных взглядов и настроений среди общественности, значительная часть которой хотела конституции и парламента, чтобы завершить строительство нового государственного здания, начатое реформами 1860-х гг. Дворянские собрания и земства несколько раз обращались к императору в 1860-е гг. с соответствующими петициями, но не нашли у него поддержки. Александр II, чтобы пресечь конституционные требования общественности, издает в 1867 г. закон «О порядке производства дел в сословных и общественных собраниях», который, по образному выражению министра внутренних дел П. А. Валуева, явился «задвигкой для конституционных заявлений».¹⁸² Несмотря на это, в правительственной среде были подготовлены и представлены Александру II и Александру III проекты введения законосовещательного представительного учреждения, принадле-

жавшие П. А. Валуеву (1863), великому князю Константину Николаевичу (1866), шефу Третьего отделения П. А. Шувалову (1874), министру внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову (1881). Первые два проекта были отвергнуты императором и правительственным большинством, а третий проект Александр II одобрил и назначил окончательно его рассмотреть в Совете министров 4 марта 1881 г. Но 1 марта император был убит. Единственным результатом правительственного конституционализма явился закон 1874 г. о привлечении к обсуждению некоторых законопроектов представителей дворянства и учреждений общественного самоуправления по решению императора. Закон не был опубликован, но дважды применялся — в 1875 и 1881 гг. В 1882 г. новый министр внутренних дел Н. П. Игнатьев предпринял последнюю конституционную попытку, но его проект ожидала судьба первых двух.¹⁸³

Убийство императора оказалось фатальным для судьбы представительного учреждения, главным образом потому, что революционный терроризм был воспринят новым императором и консервативными правительственными кругами как следствие Великих реформ и как указание на то, что либеральные общественные круги с их требованиями конституции и парламента намерены лишить императора всей полноты власти. До тех пор пока речь шла о частичных уступках: о привлечении общественности к делам управления на местном уровне, об утверждении верховенства закона, об усилении надзора за администрацией со стороны органов административной юстиции и общественного мнения и некоторых других, — верховная власть шла на них, потому что сама была заинтересована в утверждении правомерного характера государственности. Но как только либеральная общественность стала требовать парламента и конституции, т. е. изменения государственного строя России, отношение к ней принципиально изменилось, так как парламент и конституция, по мнению трех последних императоров, неминуемо привели бы к распаду империи, которую прочнее всего скрепляло именно самодержавие. Александр II неоднократно указывал, что «если дать России конституцию — она (Россия. — Б. М.) развалится, поэтому я не даю, а не потому, что мне жалко поступиться своими правами».¹⁸⁴ И тем не менее он решился в конце концов ввести представительное учреждение. Став императором, Александр III, задолго до убийства своего отца прислушивавшийся к сторонникам самобытного развития России, всерьез задумался над тем, как остановить трансформацию самодержавия в конституционную монархию. Через два года после вступления на престол он полностью отказался от мысли учредить законосовещательный Земский собор. *На смену теории официальной народности пришла близкая ей по духу теория «народного самодержавия», которая считала самой подходящей формой государственности для России допетровскую монархию. «Народное самодержавие», по мнению наиболее последовательных его сторонников, в число которых входили Александр III и Николай II, способно было обеспечить единение царя с народом без посредства представительного учреждения, бюрократии и интеллигенции.*¹⁸⁵ Александр III неоднократно заявлял: «Я царь крестьян. <...> Обязан доставлять средства к жизни низшим классам. <...> Я нахожу, что это лучший способ двигать жизненную машину».¹⁸⁶ По-видимому, это были не пустые слова — они отражали внутреннее убеждение императора. По словам С. Ю. Витте, «Александр III относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства в частности и русских слабых людей вообще. Это был тип действительно самодержавного русского царя; понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе-печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей право-

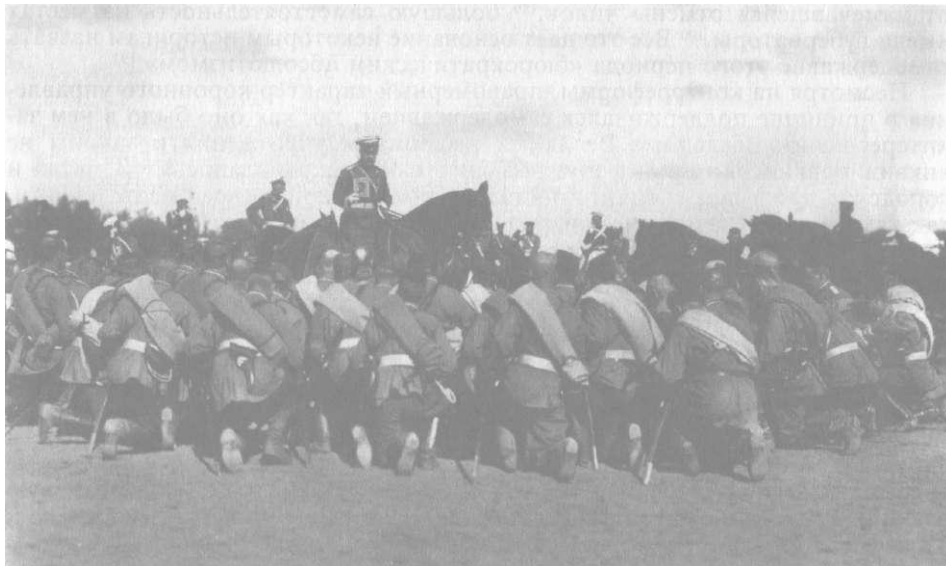

Рис. 19. Николай II с иконой в руках напутствует 148-й пехотный Каспийский полк перед отправлением в Маньчжурию. 1904 г.

славия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих».¹⁸⁷

В августе 1881 г. было принято «Положение об усиленной и чрезвычайной охране», которое правительство при необходимости могло вводить в действие. В этом случае управление какой-либо местности попадало в полную зависимость от коронной администрации и военных властей. Вслед за этим были проведены так называемые контрреформы, которые хотя и не упразднили учреждений, созданных Великими реформами, но вследствие изменения избирательных цензов в земствах (в 1890 г.) и городских думах (в 1892 г.) был ослаблен демократический элемент и усилено представительство дворянства. Новый цензурный устав (1882) усилил цензуру и, следовательно, уменьшил гласность и возможности для общественности высказывать открыто в печати свое мнение, контролировать действия администрации. Новый университетский устав (1884) урезал автономию университетов. Крестьянство было ограничено в личных правах и поставлено в сильную зависимость от земского участкового начальника, назначаемого губернатором из потомственных дворян и совмещавшего административные, полицейские и судебные функции (1889). В результате контрреформы внесли в государственный строй такие поправки, которые усиливали в управлении обществом роль коронной администрации за счет ослабления роли общественного самоуправления. В деятельности высших государственных учреждений также обнаружился отход от сложившегося порядка. В царствование Александра III обсуждение законов стало происходить в Совете министров, чтобы миновать Государственный совет, где имелось много либеральных чиновников, введенных при Александре II, а Комитет министров стал выступать в роли высшей судебной инстанции, чтобы умалить роль Сената, где также сконцентрировалось много либеральных чиновников.¹⁸⁸ И все же Государственный совет, как, впрочем, и вся бюрократия, в значительной мере ограничивал императора: оппозиция в правительственных кругах заставляла императора отказываться от ряда своих намерений, например

от намечавшейся отмены чинов;¹⁸⁹ большую самостоятельность на местах имели губернаторы.¹⁹⁰ Все это дает основание некоторым историкам назвать самодержавие этого периода «бюрократическим абсолютизмом».¹⁹¹

Несмотря на контрреформы, правомерный характер коронного управления в принципе поддерживался самодержавием, так как оно было в нем заинтересовано. Введенные Великими реформами учреждения и законы не ликвидировались, а трансформировались и корректировались.¹⁹² Земства и городские думы пользовались достаточной свободой в своей деятельности, так как административный контроль не имел ожидаемого эффекта, а взаимное недоверие органов самоуправления и коронной администрации постоянно сменялось сотрудничеством.¹⁹³ Лично Александр III весьма строго относился к нарушениям установленного законом порядка управления, к чиновникам, нарушавшим правила государственной службы. В 1893 г. директор Департамента полиции П. Н. Дурново был уволен императором за то, что произвел у бразильского посланника обыск с целью похитить письма своей любовницы. Дурново жаловался: «Удивительная страна! Девять лет я заведовал тайной полицией, поручались мне государственные тайны, и вдруг какой-то бразильский секретаришка жалуется на меня, и у меня не требуют объяснения и увольняют... в 24 часа».¹⁹⁴ Несмотря на политическую реакцию, либеральная пресса и либеральное общественное мнение продолжали существовать и действовать. Ф. М. Достоевский говорил А. С. Суворину, что он не донес бы о готовящемся покушении на царя, если бы случайно узнал об этом, несмотря на то что считал покушение ужасным преступлением. По какой причине? «Боязнь прослыть доносчиком. Напечатают: Достоевский указал на преступников. Мне бы либералы не простили. Они бы измучили бы меня, довели бы до отчаяния».¹⁹⁵

Таким образом, при Александре III было сделана попытка затормозить развитие государственности в сторону правового государства с конституцией и парламентом. Однако консервативный политический курс не изменил ни характера русской государственности, ни главной тенденции ее развития — государство продолжало эволюционировать, хотя и медленнее, чем в предшествующее царствование, в сторону конституционной монархии, а общество — в сторону гражданского общества.¹⁹⁶

ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАВОВАЯ МОНАРХИЯ 1906—1917 гг.

Порядки, введенные в ходе контрреформ, пережили Александра III и без изменений просуществовали до 1905 г., когда Николай II под давлением революции и поражения в войне с Японией был вынужден согласиться на установление в России конституционной монархии. Сначала царский Манифест от 6 августа 1905 г. объявил о создании в России законосовещательной Думы, а затем Манифест от 17 октября 1905 г. возвестил введение конституционного строя. 23 апреля 1906 г. были изданы Основные законы, а через 4 дня собрались первая Государственная дума и обновленный Государственный совет, половина членов которого стала выборной, а половина назначалась царем. Так народ России получил конституцию, политические свободы и парламент.

Большинство дореволюционных русских историков права и современных западных русистов считают Основные законы, изданные Николаем II 23 апреля 1906 г., конституцией, а Государственную думу с обновленным Государственным советом — двухпалатным парламентом. Советские историки вслед за В. И. Лениным иронически называли Основные законы «монархической конституцией», Государственную думу — псевдопарламентом, соответственно новый государственный строй — «абсолютизм, прикрытым лжеконституционными формами».¹⁹⁷ За этим, по-видимому, скрывалось

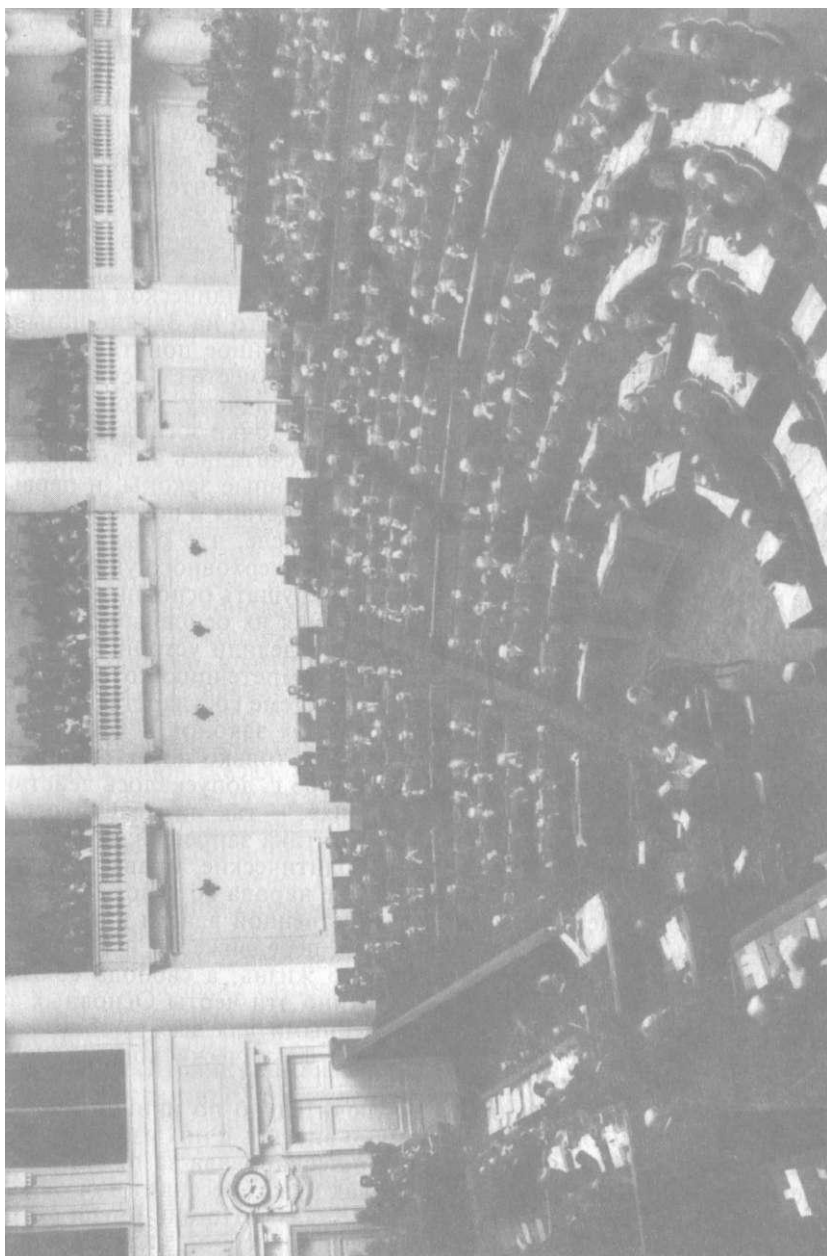

Рис. 20. Заседание Государственной думы 4-го созыва в Таврическом дворце. С.-Петербург. 1913 г.

стремление принизить успехи русской государственности, достигнутые к 1917 г., оправдать ее разрушение после октября 1917 г. Идея о лжеконституции, как ни парадоксально, была приемлема и для большинства тогдашних политиков. На ее основании правые утверждали, что Основные законы не ограничивали власть императора; кадеты стремились превратить парламентское большинство, т. е. свою партию, в главного субъекта государственной власти; радикалы доказывали необходимость революции. Выдающийся ученый М. Вебер, по-видимому, под влиянием своих друзей кадетов, разделял их мнение о том, что Основные законы были якобы псевдоконституцией. В последнее время оценка Основных законов 1906 г. как настоящей конституции, а законодательных учреждений как настоящего парламента получает распространение и в отечественной литературе.¹⁹⁸ Возможно, нечеткость используемых в литературе понятий также способствует неадекватной оценке статуса Государственной думы и Государственного совета. Поэтому стоит на этом специально остановиться.

Новые Основные законы Российской империи по юридической силе и по содержанию своему были вполне аналогичны тому, что на Западе называется конституцией, так как они 1) дали конституционное понятие закона: текст закона устанавливался Государственной думой вместе с Государственным советом и утверждался императором, благодаря чему закон и акт в порядке верховного управления стали различаться с точки зрения их формы и юридической силы; акты верховного управления считались актами подзаконными; 2) четко разделили основные и обыкновенные законы, и первые были наделены наибольшей силой обязательного действия и поставлены выше всех остальных, или обыкновенных, в том смысле, что обыкновенные законы (так же как и чрезвычайные указы в порядке верховного управления, наделенные временной силой законов) не могли нарушать основных законов и были действительны при условии непротиворечия их основным законам; 3) установили пределы власти императора; 4) определили устройство Государственной думы и Государственного совета, в компетенцию которых входила законодательная деятельность, их место в системе государственных учреждений; 5) назначили порядок издания основных законов и установили правило, согласно которому законы входят в силу только после обнародования; этот момент имел большое значение: до 1906 г. допускалось действие необнародованных законов, «тайне подлежащих», — так называемого *секретного законодательства*, теперь подобная практика запрещалась,¹⁹⁹ 6) гарантировали субъективные публичные, или политические, права граждан, которые, с одной стороны, обеспечивали участие народа во власти, и с другой — ставили пределы вмешательству государственной власти в личную и общественную жизнь (например, свобода слова, передвижения и т. п. ограничивала вмешательство государства в личную жизнь, а свобода союзов, печати и т. п. — в общественную жизнь). Именно эти черты Основных законов 1906 г., являясь типичными и существенными для всех вообще конституций, делали российские Основные законы фактически конституцией, хотя они так не назывались.²⁰⁰

Основные законы могли изменяться исключительно по инициативе императора, однако он не имел права единолично вносить в них изменения без парламента. Статья 87 Основных законов зарезервировала за правительством и императором право издавать в перерывах между сессиями Государственной думы при необходимости чрезвычайные указы. Но они имели статус временного закона. Чтобы стать постоянно действующим законом, такие указы должны были утверждаться обеими палатами парламента — думой и Государственным советом. Акт, не внесенный на обсуждение на ближайшую думскую сессию, терял свою силу. Император и правительство пользовались этой статьей. Между 27 апреля 1906 и 3 июня 1907 г. было издано 60 чрезвычайных постановлений. Столкнувшись с трудностями последующего их

утверждения, что роняло престиж верховной власти, император и правительство стали пользоваться статьей осмотрительно (за 1907—1914 гг. было издано всего 26 актов) и лишь во время войны, действительно по необходимости, стали обращаться к 87-й статье часто: между 1914 г. и 8 февраля 1917 г. издано 654 акта. Большинство чрезвычайных постановлений так и осталось формально временными.²⁰¹

Как известно, Основные законы действовали в России с 1 января 1835 г. Однако они не имели перечисленных атрибутов истинных основных законов, не были защищены народным представительством от нарушения со стороны государственной власти и потому не могли называться конституцией, соответственно существовавший с 1 января 1835 г. по 23 апреля 1906 г. политический строй не являлся конституционным. Таковым может называться только образ правления, основанный на участии народа во власти, который установился после созыва Государственной думы в 1906 г.

С точки зрения отношений, устанавливаемых между правительством и парламентом, европейские монархии начала XX в. делились на два основных типа (допускающих несколько переходных ступеней): монархии конституционные, или дуалистические, и монархии парламентарные. В дуалистической системе исполнительная власть сохранялась за монархом и назначаемым им правительством, которое могло оставаться у власти, не пользуясь поддержкой большинства парламента, а законодательная власть принадлежала монарху и избираемому народом парламента. Примером подобного государственного устройства являлась Пруссия. В парламентарных монархиях состав правительства зависел от доверия, оказываемого ему народным представительством. Эта форма государственности получила названия парламентаризма и существовала как в монархиях, так и в республиках. Ввиду этого *термин «парламент» имел два значения: 1) представительное учреждение с законодательной функцией, избираемое народом и выражающее его волю; в монархиях оно ограничивало власть монарха; 2) форма государственности, в которой правительство назначается парламентом и подотчетно ему.* В начале XX в. в России парламент существовал только в первом смысле этого термина, а в Англии, Франции, Италии и других государствах — в обоих смыслах.²⁰² Когда в 1908 г. в думе министр финансов В. Н. Коковцов сказал, что «у нас, слава Богу, нет еще парламента», то он как раз имел в виду отсутствие в стране парламента во втором значении термина, а не отсутствие представительного учреждения с законодательной функцией.²⁰³ Российский парламент хотя и не участвовал в образовании правительства, тем не менее контролировал его работу путем запросов, когда не менее 30 членов парламента обращались к министру с вопросами по поводу незаконных действий его министерства. Конечно, парламентарная форма правления более демократична, чем дуалистическая. Однако почти во всех европейских странах сначала возникала дуалистическая монархия, которая постепенно, по мере того как народное представительство набирало силу благодаря поддержке общества, превращалась в парламентарную монархию или республику. Таким образом, ту форму государства, которая возникла в России в 1906 г., следует назвать **дуалистической правовой монархией**, так как законодательная власть принадлежала парламента и государю, а исполнительная власть в центре — императору и бюрократии, на местах — бюрократии и органам общественного самоуправления.

Днем перехода России от самодержавного строя к конституционному можно считать 27 апреля 1906 г., когда собралась первая Государственная дума на базе новых Основных законов. В этот день Россия сделала решающий шаг в сторону правового государства, осуществляющего преимущественно легальное господство. Какие основания имеются для такого заключения? До 1906 г. русское законодательство признавало только личные права как сословные права подданных,²⁰⁴ которые были дарованы верховной влас-

тью не все сразу и не всем разрядам населения одновременно, а постепенно, шаг за шагом в течение XVIII—начала XX в.: дворянство, духовенство и верхний слой купечества приобрели основные личные права в последней трети XVIII в., основная масса городского населения и крестьянство — в 1860-е гг. Эти права даже в начале XX в. подвергались некоторым ограничениям. Например, личная свобода человека не была безусловной — она ограничивалась возможностью негласного полицейского надзора и нарушением тайны переписки, зависела от вероисповедания (так, евреи ограничивались в правах передвижения). Свобода вероисповедания не являлась свободой совести, так как законодательство устанавливало не свободу веры, а только равенство вероисповеданий, или веротерпимость: каждый человек обязан был принадлежать к какому-либо вероисповеданию и не имел права переходить из одной веры в другую, кроме как из других вероисповеданий в православие. От ограничений страдали в основном нелояльные к существовавшему режиму лица, прежде всего из среды либеральной интеллигенции.²⁰⁵ Что касается политических прав, то до 1906 г. в старых Основных законах о них вообще ничего не говорилось. В ходе Великих реформ самодержавие признало за всеми право участвовать в выборах в органы местного самоуправления и суда. Свобода печати ограничивалась разрешительным порядком открытия органов печати, цензурой — общей, придворной (для печатной информации, относящейся к императору и императорской фамилии) и духовной (для религиозной литературы), административной репрессией. Для участия в выборах в местное самоуправление и для того чтобы быть присяжным заседателем, необходимо было отвечать требованиям имущественного, образовательного и некоторых других цензов. В условиях России, особенно до 1906 г., поступление на государственную службу обуславливало доступ к государственному управлению и являлось до некоторой степени формой участия в политической жизни страны. Поэтому право поступления на государственную службу, хотя и с натяжкой, можно рассматривать как политическое право в том смысле, что оно обеспечивало участие в государственном управлении. Оно находилось в зависимости от социального происхождения, образования, а также пола, возраста (с 16 лет) и гражданской чести (заключение в тюрьме и другие высшие наказания лишали этого права).

Итак, **в 1906 г. Россия де-юре превратилась в конституционную монархию**, а ее население получило основные политические права, благодаря чему россияне из подданных императора превратились в граждан страны. Один из лидеров кадетов В. А. Маклаков постфактум, уже в эмиграции, высоко оценил это событие как эпохальное: «Была объявлена *настоящая конституция*, и власть Самодержца сделалась *ограниченной по закону*. Люди, которых воспитывали в убеждении, что Россия от неограниченного самодержавия неотделима, *дожили* до того, что слово „Самодержец“ стало историческим титулом, а термин „неограниченный“ был вычеркнут, как не отвечающий существу нашего строя. С этих пор Россия стала конституционной страной; представительство сделалось неотъемлемым фактором государственной жизни. Россия могла развиваться только по линии соглашения между исторической властью и обществом. Без их согласия ничего изменить было нельзя. А настойчивость общества, поддержка представительства широким общественным мнением, давала ему и *юридический* перевес над исторической властью. Такова мысль Основных законов 1906 г. В этих законах были неудачные частности, которые легко было исправить. Но верна была основная идея, на которой была построена конституция. Она настолько соответствовала задаче момента, что если бы ее с этой целью придумала бюрократия, это был бы редкий памятник ее политической мудрости. Конституция образовалась на равнодействующей двух противоположных тенденций, явилась результатом уступки старых традиций запросам обществен-

Рис. 21. Избирательный участок по выборам выборщиков в 1-ю Государственную думу в Народном доме Нобеля. С.-Петербург. 1906 г.

ности. *Объективная необходимость* указала линию, где должно было быть примирение (курсив мой. — Б. М.)».²⁰⁶

Разумеется, нельзя закрывать глаза на существенные особенности нового политического строя. Закон установил систему непрямых и невсеобщих выборов и ограничил избирательные права большим для России имущественным цензом: в 1906 г. один выборщик приходился на 2000 землевладельцев, на 7000 городского населения, на 30 000 крестьян и на 90 000 рабочих; электорат, если иметь в виду число выборщиков, которые непосредственно выбирали депутатов в думу, составлял по 51 губернии Европейской России в 1907—1910 гг. 3.3% всего населения, или 16% мужчин в возрасте 25 лет и старше; большая часть взрослого мужского населения имела право избирать в несколько приемов выборщиков в думу, правительство не назначалось парламентом, император обладал еще огромной властью,²⁰⁷ реализация политических прав встречала значительные трудности. Российская государственность отличалась от идеального типа правового государства в значительно большей степени, чем, скажем, в США, Англии, Франции или даже Пруссии. Но **после 1906 г. Россия вошла в круг правовых государств: конституция и парламент, разделение властей и независимый суд стали неотъемлемыми институтами русской политической жизни, а правомерность управления — характерным качеством исполнительной власти.** Как это ни парадоксально, с установлением конституционной монархии борьба общества с верховной властью не только не закончилась, а обострилась: Николай II мечтал о превращении парламента в законосовещательный орган, а общественность — об ослаблении роли монарха в управлении. Вопреки желанию императора законодательный парламент уверенно вживался в общую структуру русской государственности. В общество все глубже проникали идеи парламентаризма. К началу Первой мировой войны парламент стал неотъемлемой и позитивной частью государственной жизни, при этом в чисто организационном отношении, по мнению современников, Государствен-

ный совет работал намного эффективнее думы. Несмотря на существенные недостатки в деятельности российского парламента, даже скептики признавали, что под его влиянием была достигнута большая гласность в деятельности правительства, с его помощью осуществлялся общественный контроль за работой ведомств и все финансовое хозяйство страны приведено в ясность, «вся администрация подтянулась», как выразился один из лидеров Совета съездов представителей промышленности и торговли В. В. Жуковский.²⁰⁸ «Конституция стала воспитывать и власть и самое общество, — свидетельствовал В. А. Маклаков. — Можно только дивиться успеху, если вспомнить, что конституция просуществовала нормально всего восемь лет (войну нельзя относить к нормальному времени). <...> Совместное участие власти и общества в управлении государством оказалось для тех и других незаменимою школою, а для России началом ее возрождения».²⁰⁹ Министры правительства также стали принимать думу как необходимый и полезный элемент политической жизни. Вот признание министра финансов, а затем премьера В. Н. Коковцова: «20 ноября 1907 года открылась Государственная дума третьего созыва. <...> С этого дня в течение длинных шести лет вся моя работа по должности министра финансов, а потом, с сентября 1911 года, и в должности председателя Совета министров протекала неразрывно в связи с Государственной думой, <...> и можно сказать, что мой 14-часовой труд в сутки столько же протекал на трибуне Думы, сколько и в кабинете министра финансов на Мойке. Много труда и нервного напряжения отдал я за это время, немало тяжелых минут привелось мне пережить, но немало также и нравственного удовлетворения получил я от моей работы в Думе и всегда поминаю доброй памятью эту пору моей жизни и моего ответственного труда».²¹⁰

Подчеркнем, что плодотворная деятельность парламента началась после изменения избирательного закона, получившего в историографии название третьеиюньского переворота. Новый избирательный закон 3 июня 1907 г. обобщал опыт выборов в две Государственные думы, в земства и городские думы и ставил целью создать такое представительство, которое бы могло эффективно работать в рамках действующих законов. Закон никого не лишал избирательных прав, а лишь изменил представительство от отдельных групп населения: доля голосов, или выборщиков, от крестьянства была уменьшена с 42 до 22.5%, от землевладельцев увеличена с 31 до 50.5%, а от горожан и рабочих осталась прежней — соответственно 24 и 3%, но горожане были разбиты на основании уровня доходов на две курии, и первая курия более состоятельных граждан имела 14.5% голосов, а вторая — 9.5%. В результате изменения избирательного закона цензовые граждане, которые имели опыт участия в земских и городских выборах, получили 65% голосов, что и обеспечило стабильность думы. Наличие в составе депутатов первой и второй думы около 44% полуграмотных крестьян, не способных к законодательной работе, служило важным фактором ее роспуска.

Успехи реформаторской деятельности в России сами члены парламента стали справедливо приписывать себе, и все, включая самого императора, признавали, что думская деятельность стала, говоря словами П. Н. Милюкова, «неотъемлемой чертой русской действительности».²¹¹ Изменения государственного строя стали действительно необратимыми. Сам император даже в мечтах не мыслил государство без Государственной думы вообще, только, по его мнению, она должна была быть совещательной. Николай II дважды — в октябре 1913 г. и июне 1914 г. — пытался превратить Государственную думу и Государственный совет в законосовещательные палаты. Однако оба раза его инициатива не находила поддержки не где-нибудь, а в назначаемом им самим и ему подотчетном Совете министров, и он вынужден был от нее отказаться. Проект П. А. Столыпина о ликвидации Государственной думы и замене ее несколькими областными земскими собраниями

с полузаконодательными функциями для разрешения местных дел, составленный на случай кризиса власти, никогда не был реализован из-за его авантюристичности. На предложение Л. Тихомирова, сделанное в мае 1911 г., пересмотреть Основные законы с целью превратить думу в совещательную ассамблею, Столыпин ответил: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции».²¹² При благоприятном стечении обстоятельств реальны были изменения Основных законов и превращение дуалистической монархии в парламентскую.

После Великих реформ в стране успешно развивалось общественное самоуправление, его роль в государственном управлении непрерывно возрастала при одновременном падении роли коронной администрации. В мирное время это происходило постепенно и неприметно. Но во время войны ситуация изменилась. Война существенно увеличила нагрузку на государственный аппарат, потребовала огромного напряжения сил, но государственная машина была к этому не готова. Тайное стало явным — война обнаружила неспособность коронной администрации вполне самостоятельно руководить страной. Императору следовало бы обратиться за помощью к обществу, а обществу пойти навстречу императору. Вместо этого до последнего момента Николай II и бюрократия пытались по возможности обойтись без помощи уже существующих общественных организаций, а оппозиция — при всяком удобном случае унизить коронную администрацию и верховную власть. В стране наступил кризис. Народу надоела война и ее лишения, он по призыву и под руководством оппозиции в феврале 1917 г. совершил революцию.

После Февральской революции развитие государственности протекало противоречиво вследствие продолжающейся войны, экономического кризиса в стране и так называемого двоевластия: с одной стороны, Временное правительство, санкционированное Временным думским комитетом (частью членов Государственной думы) и поддержанное руководством Петроградского Совета, избранного рабочими и солдатами Петроградского гарнизона, с другой — советы, образованные по всей стране народными массами, которые мало сочувствовали идее истинного парламентаризма. Временное правительство присвоило себе до созыва Учредительного собрания на основаниях всеобщего избирательного права всю полноту законодательной и исполнительной власти. Оно провозгласило Россию республикой,²¹³ объявило полную политическую амнистию, демократические свободы, заменило полицию народной милицией, демократизировало местное управление, установило равноправие солдат и офицеров. Решение же принципиальных вопросов — государственное устройство, аграрный вопрос, заключение мира — было отложено до созыва Учредительного собрания. Но широкие народные массы немедленно хотели мира, конфискации помещичьих земель, установления 8-часового рабочего дня и введения рабочего контроля на производстве. Вследствие невыполнения Временным правительством этих требований оно теряло опору среди крестьян, рабочих и солдат. Баланс власти склонялся в пользу советов, в которых крайне левые партии — большевики и эсеры — пользовались наибольшей поддержкой народных масс. В конце концов Временное правительство 25 октября 1917 г. было свергнуто²¹⁴ и в стране установилась так называемая пролетарская диктатура, а если быть более точным — диктатура партии большевиков.²¹⁵

Таким образом, с марта 1917 г. по октябрь 1917 г. в стране существовал государственный строй, который трудно подвести под существующие в науке дефиниции. Россия была демократической республикой, но фактически без парламента, в которой старый государственный порядок был разрушен, а новый установлен не был, в результате чего уровень законности в управлении страной сравнительно с дореволюционным временем постепенно по-

нижался, пока не дошел до критической точки, сделав возможным свержение правительства. Лишь в перспективе, после созыва Учредительного собрания, если судить по избранным в него членам от различных политических партий, среди которых большевиков насчитывалось лишь около 25%, *Россия имела бы реальные шансы превратиться в правовую парламентскую республику.* Можно предположить, что если бы Временное правительство согласилось, не дожидаясь Учредительного собрания, на аграрную и некоторые другие социально-экономические реформы, оно не пало бы через 8 месяцев после своего образования, а благополучно довело бы страну до момента открытия Учредительного собрания.

ОТЛИЧИЕ РОССИЙСКОГО ЧИНОВНИКА ОТ ИДЕАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА

Становление просвещенной бюрократии является необходимым условием для утверждения легального господства в обществе и для превращения государства в правовое независимо от того, является ли оно монархическим, аристократическим или республиканским. «Бюрократическое управление означает господство посредством знания, — считал М. Вебер, — и в этом состоит его специфически рациональный характер».²¹⁶ В этой связи представляет большой интерес выяснить, насколько русские чиновники приблизились к тому идеальному типу чиновника, который, согласно М. Веберу, отвечал следующим требованиям: 1) он лично свободен и подчиняется только служебному долгу; 2) входит необходимым звеном в единую и устойчивую служебную иерархию; 3) имеет определенную служебную компетенцию; 4) работает по контракту, на основе свободного выбора; 5) работает в соответствии со специальной квалификацией; 6) вознаграждается постоянным денежным окладом; 7) рассматривает свою службу как единственную профессию; 8) продвигается по службе согласно твердым критериям, в том числе соответственно способностям и независимо от мнения начальника; 9) не смотрит на служебное место как на принадлежащее ему, как на свою собственность; 10) подлежит строгой единой служебной дисциплине; 11) осуществляет свои функции по строго определенным процедурам; 12) поддерживает «безличностный», или формально-рациональный, характер межличностных отношений во всем, что касается службы.²¹⁷

Чиновник, или приказной, XVII в. во многом отличался от веберовского идеала: 1) он был подневольным, привязанным к месту службы человеком, обязанным служить под страхом наказания, ибо служба была обязательной; 2) не входил в единую служебную иерархию, т. е. в иерархию людей, находившихся на государственной службе, или служилых людей; чиновник являлся частью частной, особой иерархии приказных людей; 3) должен был исполнять поочередно массу самых разнообразных обязанностей — военных, дворцовых, посольских, надзор за строительством крепостей, кораблей, сыск беглых, описание и межевание земель и т. д., обслуживая все стороны государственного управления; 4) работал по обязанности или по прямому принуждению; 5) не имел специальной квалификации, действовал в соответствии с потребностями управления и приказами начальства; 6) получал натурально-денежное жалованье, часть его дохода имела источником незаконные поборы с истцов и просителей и не была фиксирована инструкцией; 7) не рассматривал свою гражданскую службу как единственную профессию; 8) продвигался по службе в соответствии с тремя критериями — стажем, происхождением и по усмотрению начальства; 9) склонен был смотреть на свое служебное место как на своего рода бенефиций, т. е. пожалованную должность для извлечения дохода; 10) не подлежал единой дисциплине, так как ее требования варьировали в зависимости от статуса и должности чи-

новника; 11) осуществлял некоторые функции по определенной процедуре, которая, однако, была простым обобщением бюрократической практики, не закреплялась законодательными нормами, действовала как обычай, а не закон; 12) поддерживал глубоко личный характер служебных отношений с коллегами, просителями, истцами, с управляемым населением. Приказной занимал в общей иерархии людей, находившихся на государственной службе, более низкое сравнительно с другими категориями положение и в своей карьере никогда не мог достичь высоких, а тем более высших чинов в государстве. В понимании людей XVII в. приказные не обладали «родовитостью»; считалось, что участие в приказной службе наносило ущерб («поруху») «дворянской чести», так как дворяне, поступавшие в приказные, нередко теряли дворянство. В конце XVII в. приказные представляли собой замкнутую социальную группу, которая сама себя воспроизводила, социализировала и обучала и имела большой вес в государстве.²¹⁸

В течение XVIII в. условия службы и сама бюрократия заметно изменились, что выразилось в следующем.

1. При Петре I в текст присяги чиновников был внесен пункт, обязывающий их действовать только в соответствии с инструкциями, регламентами и указами.²¹⁹ Это требование из благого пожелания постепенно становилось профессиональной нормой деятельности бюрократа.

2. После введения Табели о рангах в 1722 г. существовала единая устойчивая служебная иерархия для всех лиц, находившихся на государственной службе. Табель о рангах, по наблюдениям А. Н. Медушевского, способствовала важным позитивным изменениям в составе чиновников, совершенствованию порядка управления и служила предпосылкой для формирования эффективной бюрократии и рациональной организации власти, необходимой для проведения модернизации общества сверху.²²⁰

3. Генеральный регламент 1720 г. и регламенты отдельных коллегий установили четкое разделение дел и бюрократическую соподчиненность между чиновниками, а также единообразие организационного устройства и порядок деятельности коронных учреждений, что наделило каждую должность определенной служебной компетенцией. Например, Регламент Адмиралтейской коллегии 1722 г., который использовался в работе всех коллегий, устанавливал полномочия 56 должностей. С 1722 г. гражданская служба выделилась в самостоятельный вид службы. Однако до 1760-х гг. чиновники использовались на разных работах и лишь к концу XVIII в. получили твердые служебные обязанности.

4. После Манифеста о даровании вольности российскому дворянству от 1762 г. чиновники-дворяне, т. е. все классные чиновники — как минимум 30% всех чиновников в 1762 г. и около 50% на рубеже XVIII—XIX вв., имевшие по чину дворянство, а также и канцеляристы из дворян стали лично свободными и могли работать на основе свободного выбора. Сама государственная служба из обязанности сделалась привилегией. Однако служба канцеляристов-недворян (а среди них попадались и дворяне) — до 70% всех чиновников в 1762 г. и около 50% на рубеже XVIII—XIX вв. — до начала XIX в. по-прежнему носила черты крепостной зависимости; они в сущности были привилегированными крепостными государственных учреждений. Подобно крепостным, они были привязаны к месту службы и не могли по своему желанию перейти в другое состояние, на работу в другое учреждение. Их привилегия состояла в том, что они были освобождены от налогов и повинностей. В 1790 г. началось постепенное раскрепощение канцеляристов: они получили право переходить на военную службу, а в 1808 г. записываться в купечество, мещанство, цехи или казенные крестьяне. Естественно, что лично несвободные канцеляристы не могли подчиняться только служебному долгу. Однако и классные чиновники в XVIII в. не могли еще вполне действовать, невзирая на лица.

5. В XVIII в. немногие чиновники получали специальное образование в учебных заведениях. В преобладающем числе случаев практический служебный опыт был главным и почти единственным источником их компетентности, большинство чиновников приходило на гражданскую службу после военной.

6. С 1764 г. все чиновники стали получать денежное жалованье, которое для многих было главным или единственным источником дохода. Однако в течение всего XVIII в. сохранилась раздача чиновникам населенных государственных земель и удерживалась многовековая традиция брать за услуги с просителей дополнительную плату, так называемые взятки. Это слово, по мнению некоторых исследователей, происходит от того, что пчела собирает и уносит на ножках и что называлось тем же словом «взятка».²²¹ В XVII—XIX вв. это слово имело более широкое значение, чем в настоящее время. В XVII—XVIII вв. оно означало прежде всего то, что должно быть взято, законную плату с просителя и во вторую очередь — незаконный сбор, ибо вплоть до 1763 г., пока не было повсеместно введено жалованье, закон официально давал право чиновникам брать взятки, и народ рассматривал их как нормальную плату за услуги. Таким образом, в XVII—первой половине XVIII в. подношения чиновникам являлись составной частью их содержания. Закон преследовал только те подношения, которые провоцировали чиновника на нарушение закона. Такие незаконные подношения назывались «посулами», в то время как законные, способствующие быстрому и благожелательному рассмотрению дела в соответствии с законом и обычаем — «почестями». «Почесть» символизировала уважение и желание просителя попасть под покровительство чиновника, «посул» — предложение нарушить закон. С современной точки зрения грань между «почестью», или подарком, и «посулом» является зыбкой, однако население и чиновники ее сознавали, поэтому и «посул» во много раз превосходил «почесть». Чиновника, принявшего незаконное решение, всегда подстерегала опасность — жалоба пострадавшей стороны и наказание. Между тем принятие подарка ничем не угрожало. По-видимому, львиная часть подношений имела целью ускорить решение дела по возможности в благоприятном смысле, и сравнительно редко подарки приводили к нарушению закона. В течение XVIII в. смысловые различия между разного рода подношениями по закону стерлись — все стало незаконными, но в массовом сознании, в особенности крестьянства, — сохранились. Поэтому подношения остались распространённым явлением, но это свидетельствовало не столько о частоте нарушения закона, сколько о волоките, которая действительно являлась большим недостатком коронного управления и суда.²²² Трудно сказать, насколько тяжелой для населения являлась обязанность давать коронной администрации взятки. Возможно, что обременительность их в литературе преувеличена. Когда в 1699 г. правительство предложило посадским людям освобождение от власти воевод при условии уплаты прямых налогов в двойном размере, они отказались. Означает ли это, что поборы были неразрительными или что посадские испугались двойных налогов и сохранения поборов?! Вопрос ждет объективного изучения.

Для высших должностных лиц на местах — воевод вплоть до 1760-х гг. повсеместно практиковался и хорошо сохранился обычай древнего кормления, который осуществлялся следующим образом. От трех до четырех раз в год (Рождество, Пасха, Петров день и масленица) крестьянские общины, проживавшие на подвластной воеводе территории, по очереди приносили корм, или взятки, которые определялись традицией. Например, одноразовый праздничный корм воеводы Царевококшайского уезда Позднеева в 1762 г. включал 1 гуся, 3 «части» говядины, полоть свинины, 6 бараньих туш и 3 их «части», 275 яиц и 80 коп. денег. Для того чтобы следить за регулярностью и правильностью поступления корма, воевода вел приходно-

расходные книгу — факт сам по себе примечательный, говорящий о законности взяток.²²³ В силу традиции и недостаточности жалования у большинства чиновников вплоть до начала XX в. отказ чиновника от взяток-подарков казался народу странным и подозрительным. По свидетельству крестьянина Н. М. Чукмалдина, служившего писарем в волостном правлении в Тобольской губернии в 1880-е гг., крестьяне с помощью взятки «покупали благополучное решение»: всем значимым для них чиновникам они платили годовые оклады (общую сумму оклада они раскладывали на сходе по душам), что избавляло их от многих хлопот и неприятностей, которые они имели бы в случае карантина, нахождения на территории общины мертвого тела, лесных порубок и т. п. Делали крестьяне это с чистой совестью, так как искренне считали, как в XVII в., что всех чиновников надо кормить.²²⁴ Поэтому в XIX—начале XX в. в живом народном языке взятка по-прежнему означала поборы, приношения, дары, гостинцы, магарыч, плату или подарок должностному лицу во избежание стеснений, для ускорения дела, как бы дополнительную плату за скорость делопроизводства, а также подкуп на незаконное дело.²²⁵ Взятка отражала традиционный, патриархальный характер государственной власти, пережитки которого в народной среде сохранялись до начала XX в. Работавший чиновником в 1850—1862 гг. В. В. Берви (Н. Флеровский) утверждал, что правительство намеренно смотрело на взятки сквозь пальцы, чтобы иметь в руках жесткую и своеобразную систему контроля за работой бюрократического аппарата: давая чиновникам содержание, недостаточное для существования, оно вынуждало к взяточничеству, что делало их заложниками в руках начальства, которое могло в любой момент почти любого из них привлечь к уголовной ответственности. По его словам, чиновники имели общую кассу, куда складывались все взятки, а потом делились между всеми согласно чину и должности. На существование своеобразной круговой поруки между чиновниками-взяточниками указывает и М. А. Дмитриев: «Мало-помалу усовершенствовались взятки в царствование Николая Павловича. Жандармы хватились за ум и рассудили, что, чем губить людей (чиновников, бравших взятки. — *Б. М.*), не лучше ли с ними делиться. Судьи и прочие, иже во власти суть, сделались откровеннее и уделяли некоторый барыш тем, которые были приставлены следить за ними; те посылали дань выше, и таким образом все обходилось благополучно». Подтверждая широкое распространение взяточничества при Николае I, Дмитриев вместе с тем отмечает, что известные слова императора («Я думаю, во всей России только я один не беру взятку») — это «гипербола, но ее можно перевести так: только тот не берет взятку, кому они не нужны!». Однако сама обыденность взятки превращала ее из средства нарушить закон в средство дать ход законному делу, а дача взятки служила некоторой гарантией, чтобы дело не затерялось — не более того. Дмитриев рассказывает, что один советник суда «брал по равной сумме у обоих соперников, и обе в запечатанных пакетах, и говорил каждому, разумеется особо и наедине, что в случае неудачи он пакет возвратит в целости. При слушании дела он сидел сложа руки. Дело на какую-нибудь сторону наконец решалось. Проигравший процесс приходил к нему с упреками; а он уверял, что хлопотал за него, да сила не взяла, и, как честный человек, возвращает его пакет с деньгами». Очевидно также, что взятка делала чиновника заложником обывателя, давшего взятку. М. М. Сперанский на основе своего губернаторского опыта утверждал: «Предводитель дворянства ничего не может значить, если губернатор не берет взятку и немного разумеет дело», т. е. если губернатор честный профессионал, то бороться с ним невозможно.²²⁶ Напрашивается парадоксальный вывод: взятка выполняла полезную социальную функцию — помогала чиновникам, которые в массе были небогатыми людьми, справиться с материальными трудностями и за-

ставляла их хорошо работать, чтобы угодить начальству и обществу?! Как видим, проблема взяток не такая простая, как кажется на первый взгляд.

И все же положение со взятками решительно изменилось в пореформенное время с приходом гласности и утверждением закономерного управления. Причем вероятность подкупа падала в геометрической прогрессии к росту положения чиновника на иерархической лестнице. «Министр финансов у нас в России обставлен так, — свидетельствовал С. Ю. Витте, — что делать злоупотребления он не может. Всякий министр финансов находится как бы под стеклянным колпаком, вследствие чего все его сотрудники видят каждый его шаг, каждое его действие. Делать какие-нибудь злоупотребления в том смысле, чтобы брать какие-нибудь деньги с кого бы то ни было под каким бы то ни было видом, министр финансов не может, ибо не может взять деньги так, чтобы некоторые — несколько других человек — этого не знали, а достаточно, чтобы об этом знало несколько человек, чтобы это сию же минуту сделалось общеизвестным. Поэтому я считаю, что вообще делать какие-либо злоупотребления министр финансов не может». Это заключение Витте может быть распространено на всех крупных чиновников, поскольку все они, подобно министру финансов, находились под стеклянным колпаком.²²⁷ Но чем ниже был статус чиновника, чем в меньшей степени он находился под служебным и общественным контролем, чем ближе он находился к народу, тем больше было шансов, что ему будут давать, а он будет брать взятки, которые в среде крестьянства и в начале XX в. означали в первую очередь приношения, дары, гостинцы, плату или подарок должностному лицу. Именно из того, что обыденное сознание не считало взятку преступлением, более того, в некоторых случаях рассматривало ее в качестве полезного средства достижения целей, проистекали и ее распространенность, и малоуспешность борьбы с нею.

7. Чиновники рассматривали свою службу как единственную профессию, и условия службы этому способствовали. В 1739 г. был установлен рабочий день: ежедневно, кроме субботы, воскресенья и праздничных дней, они были обязаны находиться в присутствии от 7 утра до 14 пополудни, а в необходимых случаях — дополнительно от 4 до 7 часов вечера; срочная работа выполнялась по ночам в присутственном месте или дома. Прокуроры или секретари вели учет посещаемости, а также опозданий.²²⁸ В Петербурге императоры, например Павел I или Николай I, любили приходить в присутствия к началу рабочего дня.²²⁹

8. Табель о рангах отменила наследственную передачу служебных мест, узаконила замещение должностей по личным заслугам, способностям и опыту; обязала всех, не исключая выходцев из знатных родов, начинать службу с нижних чинов. Фактически продвижение по служебной лестнице зависело не только от образования, стажа работы, заслуг и способностей, но также от социального происхождения, усмотрения начальства, и от связей — от силы того патронажного клана, в который входил чиновник.²³⁰

9. В 1708 г. был уничтожен старый принцип назначения на должность как «государево пожалование», что превратило всех должностных лиц местного коронного управления в чиновников, которые стали назначаться на должности без всякого челобитья и находились на них бессрочно. Это привело в конце концов к тому, что чиновники оторвались от своих служебных мест в том смысле, что не рассматривали их ни как свою собственность, ни как бенефиций, пожалованный им ради извлечения доходов.²³¹ Взгляд на служебное место как на свою собственность и соответствующая ему практика сохранялись до 1860-х гг. лишь в среде белого духовенства, которое наследовало и завещало церковные кафедры.

10. Генеральный регламент 1720 г. установил единые нормы служебного поведения для всех коронных чиновников, которые отныне подлежали строгой и единой служебной дисциплине. В 1765 г. был издан указ «О существ-

венных обязанностях чиновников» — что-то вроде правил поведения в присутственных местах.

11. Указанные выше нормативные акты установили определенные процедуры, в соответствии с которыми чиновники должны были осуществлять свои служебные обязанности.

12. Чиновники переходили от личностного к формально-рациональному характеру межличностных отношений с коллегами, просителями и истцами.

Таким образом, от идеального типа чиновника типичный русский классный чиновник-дворянин конца XVIII в. отличался по пяти пунктам: а) он не имел специального образования; б) был специалистом широкого профиля; в) не перешел полностью к формальному характеру служебных отношений, патронажные связи в течение всего XVIII в. играли большую роль и тормозили развитие между ними сугубо официальных отношений;²³² г) не мог всегда действовать, невзирая на лица; д) брал подношения и подарки от просителей и истцов за свои услуги. В течение XIX в. российские чиновники, включая канцелярских служителей, постепенно избавились от первых двух недостатков и стали образованными профессионалами и узкими специалистами. Личностный характер отношений был также в основном изжит, исключая отношения в низшем и высшем эшелонах власти.²³³ Известный в пореформенный период общественный деятель консервативного направления и знавший чиновников не понаслышке, К. Ф. Головин, весьма скептически относившийся к бюрократии в принципе из-за ее, по его мнению, оторванности от жизни, признавал, что российская бюрократия начала 1860-х гг. состояла «из самых добросовестных, самых просвещенных и нелицеприятных людей».²³⁴

Несомненно также, что повышение профессионализма чиновников происходило непрерывно и неуклонно не только в центре, но и на местах. Важную роль в этом играл тщательный подбор кандидатов на руководящие посты. Например, по наблюдениям М. М. Шумилова, при отборе лиц на губернаторские посты деловые качества, образование, опыт, знание жизни и людей играли более существенную роль при назначении, чем знатность, протекция и другие соображения, не относившиеся прямо к служебной пригодности кандидата. О повышении уровня профессиональной подготовки прямо свидетельствуют произошедшие в течение XIX—начала XX в. изменения основных характеристик высшей бюрократии (министров, товарищей министров, директоров департаментов, сенаторов, губернаторов, вице-губернаторов, послов и посланников), число которых к 1853 г. достигло 372, а накануне Февральской революции 1917 г. — 761. С 1853 по 1917 г. доля военных среди них снизилась более чем в 2 раза — с 35.5 до 16.4%, доля лиц с высшим образованием повысилась с 1825 по 1917 г. с 4 до 83% — в 20 раз. Характерно, что доля лиц с недвижимым имуществом за 1853—1917 гг. упала более чем в 2 раза — с 80.9 до 38.4% (в 1825 г. доля лиц, владевших крепостными, достигала 71.8%). Это означало, что к 1917 г. служба, по крайней мере для 61.6% высших бюрократов, стала главным источником доходов, что являлось хорошим стимулом для повышения профессионального уровня.²³⁵

По-видимому, российские чиновники не смогли вполне овладеть искусством действовать, невзирая на лица. Возможно, помехой этому служила опасность быть уволенным по так называемому *третьему пункту*. Дело в том, что на основании статьи 838, пункта 3 Устава о службе гражданской (введена в 1850 г.) чиновник, который, по убеждению начальства, не справлялся с обязанностями, не являлся благонадежным или совершил такой проступок, который был известен начальству, но который нельзя доказать фактами, мог быть уволен без объяснения причин. Эта практика могла, наверное, вынуждать чиновников действовать, «взирая на лица», так как увольнение по третьему пункту было равносильно выдаче «волчьего паспор-

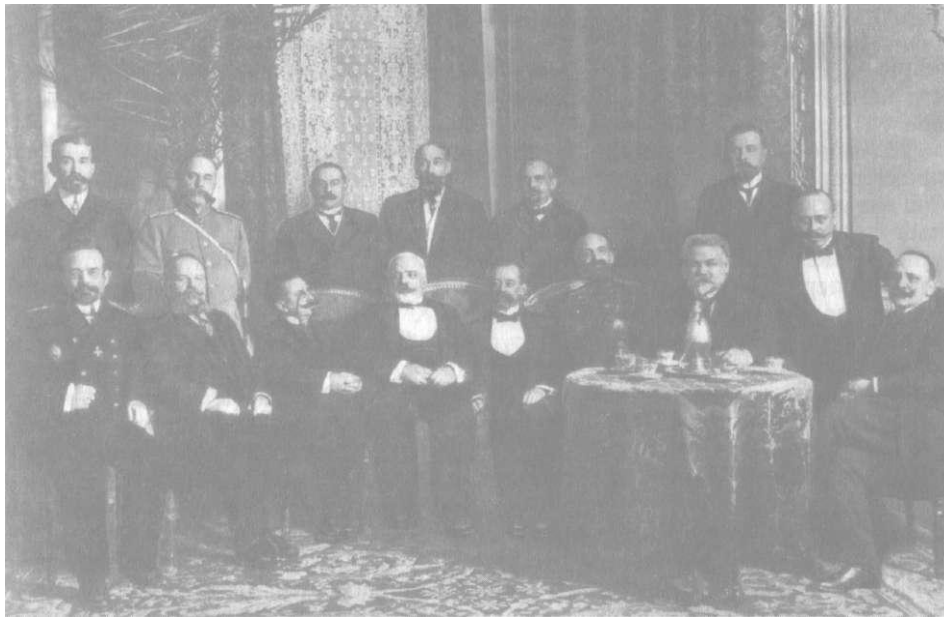

Рис. 22. Участники совещания губернаторов в С.-Петербурге. 1913 г.

та», закрывая навсегда возможность возвращения на государственную службу. Впрочем, третий пункт применялся не слишком часто и главным образом в отношении лиц, уличенных в злоупотреблениях служебным положением.²³⁶ Например, с 1 ноября 1894 г. по 1 июля 1895 г., т. е. за 8 месяцев, по всем ведомствам империи были уволены по третьему пункту 56 человек — 0.04% от общего числа чиновников.²³⁷ Несмотря на существование третьего пункта, начальники, как это ни кажется парадоксальным, были озабочены тем, как уволить элементарно недобросовестных чиновников. Юристы конца XIX в. часто указывали на «беспомощность» начальства в отношении недисциплинированных чиновников и считали актуальной задачей административной юстиции «надлежащую организацию дисциплинарной ответственности» по образцу германского законодательства.²³⁸ Эта ситуация напоминает советские времена, когда уволить плохого работника представляло почти невыполнимую задачу для администрации, а уволить политически нелояльного хорошего работника не составляло никакой трудности. В первой половине XIX в. патронажные связи между чиновниками сильно ослабли сравнительно с XVIII в., однако не были полностью изжиты и также препятствовали торжеству принципа — действовать, невзирая на лица. И все же и здесь успехи были значительными. Е. М. Феоктистов, начальник Главного управления по делам печати, свидетельствует в своих воспоминаниях о том, что крупные государственные чиновники в царствование Александра II не уступали давлению даже родственников кн. Юрьевской, фаворитки императора, стремившихся получить выгодные концессии на строительство железных дорог.²³⁹ Что касается взяток в смысле незаконных поборов или подкупа должностного лица, то этот недостаток бюрократии не исчез, хотя его распространенность со временем, вероятно, уменьшалась, особенно во второй половине XIX в., когда общественность и пресса начали контролировать действия коронной администрации.

Отметим еще три обстоятельства, благоприятствовавшие совершенствованию российской бюрократии. Во-первых, до реформ 1860-х гг. государственная служба была в России если не единственным, то главным поприщем, где способные и образованные люди могли не только найти применение своим силам, сделать карьеру, служить общественным интересам, но и заработать себе на жизнь. Даже в 1897 г., когда значительная часть образованных людей находила работу в негосударственных структурах, 51% мужчин с высшим образованием (от общего числа мужчин с высшим образованием) служили чиновниками.²⁴⁰ Поэтому в бюрократии до середины XIX в. сосредоточивались лучшие, по тогдашним понятиям, силы, можно сказать, цвет российского общества, так как «помимо государственной службы не было для интеллигентного человека никакого пути, чтобы жить своим трудом».²⁴¹ В оппозиционной деятельности, в журналистике и литературе находила свое призвание другая часть лучших представителей общества, но несомненно меньшая по численности и главным образом в пореформенное время.

Во-вторых, среди российского чиновничества было много представителей других европейских наций, преимущественно немцев, которые отличались высоким уровнем образования, профессионализмом, большим прилежанием и приверженностью к законному порядку. В XVIII—первой половине XIX в. в верхнем слое бюрократии насчитывалось более 37% чиновников нероссийского происхождения, в том числе около 30% немцев.²⁴²

В-третьих, положительное влияние на бюрократию оказывало развитие административной юстиции. До судебной реформы 1864 г. на неправомерные действия коронной администрации можно было жаловаться в более высокие административные инстанции или прокурору. Жалобы были достаточно эффективными. Но, разумеется, иск, поданный в независимый административный суд, всегда намного результативнее. Хотя новые судебные уставы не создали настоящего административного суда, а лишь его прообраз или, по выражению юристов того времени, его «зародыш», это было большим шагом вперед. Устав гражданского судопроизводства поставил казну в одинаковое положение с частными лицами при защите своих прав. Споры, связанные с собственностью, финансами, договорами, отныне разбирались в общих судах на основе состязательного процесса. Иски о вознаграждении за убытки, причиненные действиями должностных лиц, рассматривались в специальных присутствиях судов, состоявших из представителей казенных учреждений, губернского правления и начальника ответчика. На действие чиновника, нанесшее урон частному лицу и составляющее преступление, пострадавший мог обратиться с иском в прокуратуру. Под надзором прокурора иск поступал в вышестоящую над ответчиком инстанцию, которая производила следствие, принимала меры и обязана была известить о них истца. Жалобы на любые незаконные, по мнению частного лица, действия чиновников подавались в специально для этого учрежденные уездные и губернские присутствия, включавшие представителей коронной администрации, дворянского общества, прокуратуры и общественности. Например, губернское присутствие состояло из вице-губернатора, губернского предводителя дворянства, прокурора окружного суда, представителя земств и городских дум под председательством губернатора. Пресса и общественность следили за ходом спора. Подобных губернских присутствий насчитывалось в разное время от 10 до 15 в каждой губернии. Высшей инстанцией для рассмотрения судебно-административных споров являлся Сенат, куда поступали жалобы на постановления губернских и центральных властей, вплоть до министра. В 1860—1880-е гг. Сенат настолько активно боролся со служебными нарушениями, что его деятельность заслужила в правой прессе название «антиправительственной». В 1889—1892 гг. компетенция Сената как органа административной юстиции была несколько сужена. Несмотря на это,

Сенат, как свидетельствует анализ законодательства и судебных прецедентов, проведенный П. Лиссемом, оставался на высоте поставленной перед ним задачи борьбы за законность в коронном управлении. Частные лица, общественные организации, земства и городские думы весьма активно использовали полученные права. Завершение процесса создания административной юстиции в России приходилось на декабрь 1916—май 1917 г., когда в России был введен порядок, предоставивший физическим лицам право отстаивать свои интересы перед коронной администрацией в публичных судебных институтах, совершенно независимых от действующей исполнительной власти. Благодаря этому возможности судебного преследования бюрократии стали в принципе такими же, как и в западноевропейских странах того времени, где настоящая административная юстиция утвердилась несколько раньше — в 1870—1880-е гг.²⁴³ Октябрьская революция помешала новому, вполне современному порядку утвердиться на практике. Таким образом, мы можем констатировать **устойчивую преэминентность в развитии начал законности в управлении благодаря развитию административной юстиции на всем протяжении периода империи.** Гарантия прав частного лица и общества перед лицом власти постепенно возрастала.

Принципиальные изменения в характере государственного управления ясно проявлялись во взаимоотношениях государя с сановниками. Фаворитизм XVIII в. как система в XIX в. уступил место формальным, официальным отношениям. Петр I мог лично побить своего фаворита Меншикова и в то же время простить ему государственные преступления — казнокрадство или взятки. Николай I должен был тайно помогать семьям декабристов, чтобы не дискредитировать верховную власть. Александр III не хотел наказывать своего любимого министра (не фаворита!) С. Ю. Витте за нарушение служебной дисциплины, но не мог не сделать этого и выбрал самую мягкую форму наказания — посадил его на месяц на гауптвахту, куда Витте отправлялся каждый день по окончании службы.²⁴⁴ Николай II вообще в близкие отношения с сановниками не вступал, но со всеми был формально любезен и вежлив.

Показателем качества работы бюрократического аппарата может служить число случаев нарушения закона и инструкций со стороны чиновников. Естественно, истинное число должностных нарушений не может быть известно, но представление об этом дают данные о числе чиновников, а также лиц, находившихся на общественной службе по выборам и имевших статус государственных служащих, которые привлекались к уголовной ответственности за должностные преступления разными судебными учреждениями. Такие данные имеются за 1834—1859 гг. по всей стране в ежегодных отчетах Министерства юстиции, за 1874—1894 гг. по 33 губерниям и за 1899—1913 гг. по России, где были введены новые судебные учреждения по судебным уставам 1864 г., в ежегодниках «Свод статистических сведений по делам уголовным». Дореформенные и послереформенные данные несопоставимы, поскольку они охватывают разную территорию, но все-таки они позволяют получить представление о масштабе и динамике служебных преступлений (как на коронной, так и на общественной службе) и борьбе с ними. В 1834—1840 гг. к уголовной ответственности в среднем в год привлекалось по всей России более 6 тыс. лиц, находившихся на государственной и общественной службе, или около 4% от их общего числа, в 1840-е гг. — 4.8 тыс., или 3.4%, в 1850-е гг. — около 5 тыс., или 2.2% (принимая число чиновников, находившихся на общественной службе, равным числу коронных чиновников). Всего за 1841—1859 гг. к ответственности за должностные преступления было привлечено 78 496 чиновников.²⁴⁵ Как видим, число лиц, привлекаемых к ответственности за должностные преступления, было достаточно велико, но относительно числа лиц, находившихся на государственной и общественной службе, оно постепенно снижалось. Это дает основание полагать, что во второй трети XIX в. бюрократия все больше подчинялась закону. В 1846—1857 гг. должностные преступления составляли око-

ло 4,5% в общем числе преступлений по стране (табл. VIII.6 и VIII.9 в главе VIII «Право и суд, преступления и наказания: к главенству закона»). Динамика служебных преступлений за 1874—1913 гг. отражена в табл. IX.1.

Таблица IX.1

Среднегодовое число лиц, привлеченных к ответственности за должностные преступления в России в 1874—1913 гг.*

	1874—1883 гг.	1884—1893 гг.	1899—1903 гг.	1904—1913 гг.
Привлечено к ответственности за должностные преступления	3576	4027	6093	11 122
Должностные преступления в общем числе преступлений, %	3,8	4,5	2,1	2,7

* В 1874—1894 гг. по 33 губерниям, в 1899—1913 гг. по всей России без Финляндии. Источник: Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в [1874—1913] году СПб., 1876—1916.

В последней трети XIX в. число служебных преступлений в абсолютном значении медленно увеличивалось, но относительно общего числа лиц, находившихся на государственной и общественной службе, уменьшалось, а относительно общего числа преступлений не имело определенной тенденции. В начале XX в. число служебных преступлений как в абсолютном значении, так и относительно числа лиц, находившихся на государственной и общественной службе, возросло, но относительно общего числа преступлений сравнительно с последней третью XIX в. снизилось. Таким образом, вступление России в начале XX в. в полосу смутного времени привело к резкому возрастанию всех преступлений, но доля должностных преступлений оставалась низкой и не имела тенденции к росту.

Надзор за чиновниками был неформальным и, как показывает номенклатура служебных преступлений, всесторонним (табл. IX.2). К ответственности чиновники привлекались по высочайшему повелению (1—2% случаев), Сенатом (8—9%), министрами и главноуправляющими (5—6%), более всего губернским начальством (83—86%). Правосудие настигало чиновников во всех губерниях, включая самые отдаленные. Кадеты В. А. Маклаков и В. М. Гессен, хотя и были юристами, заблуждались или лукавили, когда писали: «Пусть поступок предусмотрен законом и считается должностным преступлением, пусть есть и следственная часть, и прокурорский надзор, которым преступление официально известно, они бессильны, раз преступление — дело должностного лица» (Маклаков, 1909). «Самодержавная бюрократия — самая эгоистичная и своекорыстная, самая невежественная и тупая из всех бюрократий мира — такова та государственная власть, которая призвана ныне к осуществлению великой политической и социальной реформы, долженствующей пересоздать Россию» (Гессен, 1906).²⁴⁶

Кроме того, мы должны принять во внимание, что не существует таких государств, где бы бюрократия не нарушала законов. В России закон нарушался главным образом в отношении нелояльных к власти лиц, но в отношении простых «обывателей», составлявших около 99% всего населения, как правило, соблюдался. Естественно возникает вопрос: почему же существовала непримиримая, революционная оппозиция монархии и ее администрации? Все дело в том, что либералы и революционеры сначала боролись за личные и политические права, затем против их ограничений, т. е. за *другие законы вопреки существовавшим законам*. Когда интеллигенция боролась за правовое государство, то она имела в виду завоевание прежде всего политических прав, отождествляя государство *бесправия с правомерным* государством, основанным на «плохих» законах, что не одно и то же. Это смещение терминов вошло в язык и даже в специальную юридическую литературу,²⁴⁷

что послужило фактором отрицания правомерного характера русской государственности.

Таблица IX.2

Число чиновников, судимых в палатах Уголовного суда по преступлениям против должности			
Состав преступлений и проступков	1847 г.	1883 г.	1913 г.
1. Неисполнение служебных требований	126/208*	350	807
2. Превышение власти и противозаконное бездействие	556/867	—	—
3. Противозаконное хранение и управление имуществом и денежными суммами	846/924	897	2401
4. Подлоги по службе	239/338	316	1304
5. Неправосудие	35/22	3	—
6. Мздоимство и лихоимство	220/983	303	1071
7. Нарушение правил при вступлении и оставлении должности	16/17	8	19
8. Нарушение правил при отношении между начальниками и подчиненными	40/71	43	184
9. Медленность, нерадение и несоблюдение порядка в от- правлении должности	857/1031	966	144
10. Преступления и проступки при следствии и суде	192/65	50	—
11. Преступления и проступки по межевым делам	11/2	—	88
12. Преступления и проступки чиновников полиции	203/55	—	—
13. Преступления и проступки чиновников крепостных дел и нотариусов	61/29	4	—
14. Нарушение правил при заключении подрядов, поставке, приеме и продаже казенных вещей, по питейному сбору и акцизу	132/103	73	1302
15. Нарушение рекрутского, таможенного, лесного и строи- тельного уставов	24/58	—	3272
16. Причинение истязаний, побоев, нанесение обид и про- тивозаконное лишение свободы при отправлении должности	—	660	2821
17. Прочие	—	—	710
Итого	3558/4773	3673	14 12

* Первая цифра — преступления по службе государственной, вторая — по службе общественной (по выборам).

Источники: Отчет министра юстиции за 1847 год. СПб., 1849. С. 84; Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в [1883, 1913] году. СПб., 1887, 1916.

Вторым показателем качества работы бюрократии могут служить жалобы на чиновников. Здесь на первый взгляд наблюдалось парадоксальное явление: число жалоб после Великих реформ увеличилось. Однако это служило указанием не роста бюрократического произвола, а того, что общество стало решительнее, чем прежде, давать отпор притязаниям чиновников, отстаивать обретенные личные права.²⁴⁸ Интересен состав жалоб. На первом месте находились жалобы на неуместное вмешательство чиновников в предметы, не входящие в их компетенцию. Причем жаловались не только обыватели, но и сами чиновники на своих коллег из других ведомств или даже своего ведомства, когда сановники пытались распространить свою власть на предмет, выходящий из законного круга их деятельности. Согласно новым «Судебным уставам», подобные действия подводились под понятие «превышение власти». Второе место занимали жалобы на формализм и волокиту, третье — на грубое обращение и нечестные поборы. Когда одни чиновники жаловались на других, то чаще всего фигурировали протекция и

использование служебного положения. Жалобы на нарушение законов или обход закона встречались крайне редко.²⁴⁹

Сделанные выводы вступают в противоречие с распространенным в исторической литературе мнением о врожденной некомпетентности, коррумпированности русской бюрократии, ее злоупотреблениях и несоблюдении законности, хотя до сих пор нет серьезных исследований данной проблемы, и одним из важных, если не главным источником подобного мнения до сих пор является художественная литература и публицистика. Н. В. Гоголь, П. И. Мельников-Печерский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Герцен, А. В. Сухово-Кобылин и другие классики создали впечатляющий отрицательный образ российского чиновника. Мне кажется, что писатели и современники *намеренно преувеличивали недостатки русской бюрократии*, чтобы опорочить ее и косвенно дискредитировать верховную власть. Это был способ борьбы образованного общества с самодержавием, которая активно началась при Николае I. Историки, по-видимому, пошли на поводу у писателей, поскольку и они, как правило, преследовали ту же политическую цель: любыми средствами дискредитировать самодержавие.

Когда спокойно читаешь обличительную литературу, то карикатурность действующих лиц из среды чиновников и преувеличения их злоупотреблений становятся очевидными. Мельников-Печерский в 1857 г., в годы гласности, создал яркий образ полицейского-прохвоста, служившего становым приставом в николаевское царствование в чине титулярного советника, соответствовавшем VIII классу. Раскаявшийся под конец жизни отставной пристав утверждал, что за все его злоупотребления властью и «каторги ему мало, под кнутом бы умереть следовало». Герой повествовал о проделках, в которые могут поверить только те, кто глубоко убежден, что всякий чиновник — отпетый негодяй. Например, он рассказал о следующем случае. Получив печатный циркуляр министерства, по-видимому, государственных имуществ, «Об отдаче крестьянских мальчиков в Горьгорескую школу Могилевской губернии», он представил его всем богатым крестьянам своего стана как указ отдать 12-летних крестьянских мальчиков в школу, находившуюся в Могилевской губернии: «Такая губерния есть, за Сибирью, на самом краю света. И вся-то она состоит в могилах. А на могилах-то этакая гора есть, и на этой горе школу завели, где ребятишек всякому горю учат, от того и прозывается она: „На горе горецкая школа“». Испуганные крестьяне откупились от полицейского за 5 золотых, т. е. 50 р. золотом, за каждого мальчика. «Всем был праздник, — говорит бывший полицейский, — а мне вдвое: у жены салоп с собольим воротником и шляпка с белым пером, точь-в-точь как у вице-губернаторши; у двух любовниц, что в стану держал: у одной платье шелковое, у другой телогрейка золотая; шампанского вдоволь, хоть на целый месяц приезжай губернские чиновники. А главное, в губернском правлении остались довольны: значит, становой крепок на месте».²⁵⁰ Итак, богатые и грамотные крестьяне — полные идиоты, администрация государственной деревни позволяет их грабить (упуская, кстати, собственную выгоду), губернская администрация смотрит на вопиющие злоупотребления сквозь пальцы, чиновник VIII класса содержит двух любовниц, а жену одевает, как вице-губернаторшу. Между тем известно, что богатые и грамотные крестьяне не являлись профанами в законодательстве и инструкциях и умело использовали их в нужных случаях,²⁵¹ что чиновники в массе были бедными людьми²⁵² (а поголовное, в крупных размерах, взяточничество и бедность чиновников — две вещи несовместные), что казенная администрация, как и вотчинная, не допускала грабежа своих крестьян, хотя бы потому, что ей нечего было бы самой с них взыскивать, что губернское правление не потерпело бы такого положения, чтобы мелкий полицейский пьянствовал, играл в карты по-крупному и наживал тысячи рублей на взятках, наконец, чтобы титулярная советница одевалась, как статская со-

ветница. Однако подобные рассказы принимались (и до сих пор принимаются) на веру и создали тот фон, сквозь призму которого историки долгое время смотрели на российскую бюрократию. Между тем имеются и другие, правда, сравнительно немногочисленные, образцы художественной прозы, в которых чиновники предстают порядочными и честными людьми: действительный статский советник А. А. Каренин в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого (прототипом высокообразованного, культурного, честнейшего Каренина послужил сенатор, член Государственного совета и обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев), «неберущий квартальный» А. Рыжов в «Однодуме» Н. С. Лескова (списанный им с натуры). Кстати, Салтыков-Щедрин, Герцен, Лесков сами служили и были порядочными чиновниками.

Обращает на себя внимание и тот факт, что верховная власть и официозная литература часто клеймили бюрократию за многовластие, самоуправство, коррупцию, бессовестность и безнравственность, за нарушение законов и высочайшей воли и прочие грехи.²⁵³ Это древний и удобный способ переложения ответственности и вины с хозяина на слуг, который обычно с энтузиазмом встречается народом, так как дает выход недовольству и надежду на скорое улучшение жизни.

В последнее время среди историков наметилась тенденция отрешиться от старых стереотипов и посмотреть непредубежденным взглядом на российскую бюрократию. Они обнаружили, что среди губернаторов, прокуроров и других высших и средних чиновников было немало честных и компетентных людей, что в первой половине XIX в. зародилось новое поколение просвещенных русских чиновников, которые смогли провести Великие реформы 1860—1870-х гг., и что эти бюрократы не вымерли в царствование Александра II, а сменялись новыми поколениями вплоть до 1917 г. Конечно, далеко не все русские чиновники отличались просвещенностью и государственным умом, но такие чиновники всегда были и часто занимали высшие посты в государственном аппарате.²⁵⁴ Коллективный портрет правящей российской элиты — 215 членов Государственного совета в 1894—1914 гг., нарисованный Д. Ливеном, показал, что это были хорошо образованные люди, преимущественно юристы, с широким кругозором, придерживавшиеся в основном умеренных, а отнюдь не реакционных взглядов, понимавшие необходимость реформ. Если мы примем во внимание, что большинство из них пришло в Государственный совет после многолетней службы в министерствах юстиции, внутренних дел и финансов, то придется заключить, что ведущие министерства не были заполнены тупыми и необразованными реакционерами.²⁵⁵ Коллективный портрет губернаторов конца империи, написанный Р. Роббинсом, также разрушает ставший привычным образ невежественного, коррумпированного царского сатрапа, готового на любое преступление по царскому приказу (хотя встречались и такие), и свидетельствует о большом прогрессе сравнительно с дореформенным временем.²⁵⁶ Таким образом, в настоящее время существуют две точки зрения на развитие русской бюрократии в XVIII—XIX вв. Одни считают, что численность чиновников увеличивалась, но внутренне, по своему этосу, бюрократия оставалась прежней. Другие полагают, что в течение первой половины XIX в., особенно во второй его четверти, значительная часть бюрократии изменила свой менталитет. В результате в XIX—начале XX в. в среде российской бюрократии сосуществовали две тенденции — реформаторская и консервативная, которые с переменным успехом боролись за то, чтобы определять государственную политику.²⁵⁷

Итак, благодаря совершенствованию системы государственных учреждений, улучшениям в организации их работы, повышению требований к служебной годности чиновников возрастала эффективность государственного управления, и российские чиновники постепенно приближались, хотя, как в любой другой стране, не приблизились, к идеальному типу чиновника, ко-

торый существовал только как идеал, ибо требования слишком высоки. Эволюция, хотя и незавершившаяся, русской бюрократии от малограмотной, крепостной, некомпетентной, предназначенной только для выполнения приказаний начальства, к бюрократии профессиональной, образованной, вольнонаемной, действующей в пределах полномочий, определенных законом и ведомственными инструкциями, ради государственных интересов, имела огромное значение для развития русской государственности. Если судить по эволюции российской бюрократии, движение общества к правовому государству представляется несомненным. Это движение было настолько успешным, насколько русский чиновник приближался к идеальному типу чиновника, а русское управление — к идеальному типу формально-рационального управления. Однако, подводя конкретный случай под идеальный тип, следует иметь в виду, что действительность всегда отличается от идеалов. Тем не менее в начале XX в. С. Ю. Витте, которому никак нельзя отказать в знании русского чиновника, считал, что российская бюрократия в силу просвещенности и аристократизма может с пользой служить обществу и лучше управлять страной, чем органы общественного самоуправления.²⁵⁸ Отсюда проистекала, по мнению В. И. Гурко, его склонность к политике просвещенной правомерной монархии.²⁵⁹

ИТОГИ: ОТ НАРОДНОЙ МОНАРХИИ К ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ

В XVII—начале XX в. русская государственность находилась в состоянии непрерывного развития. В XVII в. в России существовала **народная, или патриархальная, монархия**, в первой четверти XVIII в. — **абсолютизм**; во второй половине XVIII в. сложилась **сословная патерналистская монархия**, которая во второй четверти XIX в. переросла в **бюрократическую правомерную монархию**, а в 1906—феврале 1917 г. — в **дуалистическую правовую монархию**; в марте 1917 г. образовалась **демократическая республика**. К началу Великих реформ 1860-х гг. русская государственность стала де-юре **правомерной**, так как, во-первых, Основные законы 1832 г. (ст. 47) официально провозгласили, что «империя управляется на твердых основаниях законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих», во-вторых, государственные учреждения в целом функционировали в рамках закона. В течение последнего десятилетия существования империи государственность являлась *де-юре правовой*, поскольку официально произошел переход к конституционному понятию закона, население получило конституцию, парламент и гражданские права. Таким образом, за 200 с небольшим лет Россия прошла путь от народной монархии, которая осуществляла *традиционное господство*, до демократической республики, которая осуществляла *легальное господство*. В России в главных чертах сформировалось правовое государство с его атрибутами — верховенством закона, административной юстицией и разделением властей — и инструментальной основой в виде бюрократии, действующей по законам административного права, согласно формальным и рациональным правилам, что в политической социологии считается признаком легального господства.²⁶⁰ Как видим, Россия, используя западный опыт, прошла путь от народной до конституционной монархии за сравнительно короткий срок. В споре о роли преемственности и изменений в истории российской государственности, по моему мнению, правы оказываются те, кто считает *прогрессивное изменение доминирующей чертой политической истории России*.²⁶¹

Следует подчеркнуть, что **каждая стадия в развитии российской государственности была необходима и полезна для общества в свое время и соответствовала политическим представлениям своей эпохи**. Однако любой го-

Рис. 23. Патриотическая студенческая манифестация по случаю призыва студентов в армию. Петроград. 1914 г. (Студенты несут портрет Николая II)

сударственный режим обычно действует по инерции и при поддержке заинтересованных в нем общественных сил дольше, чем этого требует целесообразность, и с течением времени становится вредным для общественного развития и тягостным для народа. Начинается критика и борьба за новую государственность, в пылу которой забываются те благодеяния, которые некогда принесла устаревшая форма государственности. Так было с народной монархией, которая осуждалась в начале XVIII в., так было с регулярным государством, которое критикуется до сих пор, так было с правомерной монархией, которая либерально мыслящей интеллигенции в пореформенное время казалась издевательством над людьми, так случилось с конституционной монархией, которая была разрушена революцией 1917 г. Но историки должны хранить спокойствие духа и трезвость мысли и не забывать о ценности и целесообразности каждой формы государственности, которую пережила Россия.

Определение русского государства от середины XIX в. до начала XX в. юридически *правомерным*, а после введения конституции — *правовым* может показаться натянутым и неадекватным для тех, кто подходит к русскому государству того времени с мерками современного правового государства и забывает о том, что идеальный тип всегда в большей или меньшей степени далек от реальности и что *переход от правомерного или правого государства де-юре к правомерному или правовому государству де-факто требует длительного времени* и совершается в две стадии — на первой официально провозглашается и в Основных законах утверждается правомерный или правовой характер государственности и лишь на второй стадии, в ходе длительного переходного периода складывается правомерная или правовая государственность. «Проникновение начала правомерности в область управления, сравнительно с водворением того же начала в отправление суда, представляет собою явление гораздо более позднее и несравненно более сложное, —

справедливо указывал крупный правовед Ф. В. Тарановский. — Нужны века правовой культуры для того, чтобы активная деятельность государственных органов в области управления подверглась дисциплинировке и превратилась в строго подзаконную. <...> Требуется долгое развитие общественного самосознания для того, чтобы государством была признана абсолютность и ценность личности в сфере ее индивидуального и общественного самоопределения. Только с признанием субъективных публичных прав граждан возникают конкретные правовые пределы для деятельности органов государственного управления. Но и тогда, когда принцип законности и правомерности управления провозглашен официально, проведение его в жизнь оказывается весьма сложным. Дело в том, что управление по существу движется началом целесообразности. Совмещение начала целесообразности с началом правомерности представляет собой задачу трудную, которая требует разносторонне обдуманного и искусного решения».²⁶²

Законы, по которым жило русское общество в XIX в., отдавали слишком много власти государству, не удовлетворяли некоторых российских граждан, в частности либеральную российскую интеллигенцию, не обеспечивали жизни, соответствующей западноевропейским стандартам того времени. Также очевидно, что коррупция существовала,²⁶³ нарушения правомерного порядка управления, несоблюдение или изъятия из закона случались и при Николае I,²⁶⁴ и при Александре III, и при Николае II, и даже при Александре II.²⁶⁵ Но это никак не может опровергнуть тот факт, что русское общество жило по законам и монарх со своим правительством в основном им подчинялся. Необходимо подчеркнуть, что начиная со второй трети XIX в. (за более раннее время мы не имеем соответствующих данных) и до 1913 г. в России вообще совершалось преступлений на 100 тыс. человек населения примерно в 1.5—2.5 раза меньше, чем в развитых государствах Запада.²⁶⁶ Это свидетельствует о том, во-первых, что российские граждане были не менее законопослушными, чем граждане других европейских стран, во-вторых, указывает на легитимность существовавшей в России государственной власти, ибо в противном случае уровень преступности в России был бы выше, чем в правовых западноевропейских странах с легитимными политическими системами.

Интересно отметить, что изменения русской государственности в течение XVII — начала XX в. четко отразились в русском языке. Термин «государь» в XVI—XVII в. означал: а) владельца, собственника кого-либо или чего-либо, хозяина, землевладельца; б) верховного владетеля. Термин «государство» означал: а) правление, царствование; б) власть государя. В XIX в. термин «государь» стал означать монарха, короля и т. д., «государство» — страну, население которой состоит под одним правлением. Научное значение понятия «государство» в XVIII в. — «общество, основанное на признании единого для всех закона и верховной власти», в конце XIX в.: «общественный союз свободных людей, с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства».²⁶⁷ Таким образом, сама история дефиниции свидетельствует, во-первых, о происхождении государства в современном смысле этого термина из вотчины, а государственной власти — из вотчинной власти, во-вторых, о прогрессивном развитии российской государственности.

Развитие правового государства в России происходило несколькими путями: 1) путем подчинения верховной власти праву, закону в силу самоограничения, при сохранении всей полноты власти в руках монарха; 2) путем ограничения власти коронных учреждений и чиновников взаимной конкуренцией за влияние, административным правом, административной юстицией, прокуратурой и органами местного и сословного самоуправления; 3) путем разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную между разными субъектами; 4) путем предоставления верховной

властью различным разрядам сначала сословных прав, сословным учреждениям — прав сословного и общественного самоуправления, а затем всему населению — политических прав. По первому, второму и третьему путям монархия двигалась главным образом в силу своих внутренних потребностей, так как общественность преимущественно преследовала цель участвовать в управлении, а не подчинять верховную власть и ее аппарат законам, которые верховная власть сама творила. Здесь успехи были постоянными и значительными даже до 1905 г. По четвертому пути монархия двигалась под давлением общественности, и успехи здесь были особенно заметными после 1905—1906 гг.

В XVII в. власть государя ограничивалась Земским собором, Боярской думой, патриархом с Освященным собором, а также обычаями, традицией и законом. Когда в начале XVIII в. Петр I умалил роль городских и сельских общин, традиции и обычаи, он остро почувствовал, что во избежание хаоса в государственном управлении необходимо поставить и себя, и деятельность всех учреждений в рамки закона, точнее — административного права, с одной стороны, и развивать сословное самоуправление, с другой. Отсюда его лихорадочная законодательская деятельность, направленная на то, чтобы дать всем коронным учреждениям инструкцию, руководство, регламент и поставить их под контроль созданного им в 1722 г. института прокуратуры, и попытки дать сословное самоуправление посадским и дворянству.²⁶⁸ То же самое мы наблюдали в деятельности его преемников. Одни из них, как Екатерина II, делали упор на развитие сословного самоуправления, другие, как Александр I и Николай I, — на повышение законности в коронном управлении. Николай I явно подражал Петру I. Усиливая свою личную власть, он параллельно с этим усиливал контроль над коронными учреждениями посредством подчинения их деятельности административному праву. Но в отличие от Петра I он стремился поставить и жизнь всего общества в рамки закона. Именно при Николае I были подготовлены Полное собрание законов, Свод действующих законов, а принцип подчинения самодержавия закону не просто декларировался, как это было при Екатерине II или Александре I, а был введен в действующее законодательство. При Николае I произведен впечатляющий опыт поставить жизнь казенного крестьянства (39.7% всего населения страны и 47.5% всего крестьянства в 1850 г.) в твердые рамки закона, для чего было создано Министерство государственных имуществ, которое подготовило законодательство для казенной деревни и десятки инструкций на все случаи жизни. Это был не разгул бюрократии, это была попытка бороться с недостатками с помощью инструкции-закона, это было проявление наивной, может быть, веры в творческую силу писаного закона.

Таким образом, можно предположить, что **главным фактором эволюции российской государственности в XVII—XIX вв. были объективные требования жизни.** Начала законности постепенно проникали в государственное управление, будучи совершенно необходимыми для правильного функционирования государственного аппарата: с расширением задач государственного управления личный контроль за ним со стороны государя становился невозможным. Государственная власть могла окрепнуть и утвердиться только при условии ее подчинения началам права: только в этом случае в гражданах могло развиться чувство законности (если власть соблюдает закон, то же самое делают граждане, и наоборот).²⁶⁹ Это прекрасно сознавали прежде всего сами монархи. «Закон должен быть для всех единственен, — считал Александр I и другие императоры также. — Коль скоро я себе позволю нарушать законы, кто тогда почтет за обязанность наблюдать их? Быть выше их, если бы я мог, но, конечно бы, не захотел, ибо я не признаю на земле справедливости, которая бы не от закона истекала бы; напротив, я чувствую

Рис. 24. Крестный ход, организованный Союзом русского народа на Невском проспекте. С.-Петербург. 1907 г.

себя обязанным पहले всех наблюдать за исполнением его, и даже в тех случаях, где другие могут быть снисходительны, а я могу быть только правосудным».²⁷⁰ Николай I вполне разделял эту точку зрения, так же как и все последующие императоры, включая Николая II.

Важная роль в эволюции русской государственности принадлежала изменению политического менталитета общества. В соответствии с политическими воззрениями русских людей XVII в. общество не противопоставляло себя государству, не стремилось подчинить его себе, свой гражданский и религиозный долг видело в службе государю, рассматривая ее как форму служения Богу. В соответствии с политическим менталитетом XVIII—первой половины XIX в. обществу отводилась по преимуществу роль *активного объекта* управления, а государству — роль *единственного субъекта*, который мудрыми решениями ведет общество, однако — и это очень важно — при его активном участии, к благоденствию. Во второй половине XIX в. складывается **новый политический менталитет**, согласно которому **общество имеет право и должно участвовать в государственном управлении наравне с коронной администрацией**. В соответствии с этим общественность перестает удовлетворяться правами на сословное самоуправление и начинает все настойчивее высказывать пожелание участвовать в государственном управлении. Верховная власть постепенно уступает требованиям общественности и делегирует ей часть своей власти. Однако делает это неохотно, и надо сказать, что она имела на это моральное и политическое право. Кого представляли радикалы и либералы? До начала XX в. большей частью самих себя, т. е. горстку людей, а не народ. И лишь тогда, когда общественность увлекла за собой крестьянство и рабочих, тогда верховная власть пошла на серьезные уступки и в России появились конституция и парламент.

Следовательно, в то время как русская государственность развивалась в сторону правового государства, русское общество из объекта государственного управления постепенно превращалось в субъект управления, а россияне — из подданных в граждан. Этому процессу весьма благоприятствовало то обстоятельство, что на протяжении XVII—начала XX в. государство всегда было вынуждено делиться властью с обществом, допускать существование достаточно сильного муниципального самоуправления, потому что никогда не имело аппарата, который мог бы справиться с управлением в одиночку. Расщепление, или разделение, властных и управленческих функций между верховной властью и ее администрацией, с одной стороны, и городскими и сельскими общинами, городскими и дворянскими корпорациями, с другой — характерная черта периода империи, и в этом отношении наблюдалась полная преемственность между киевским, московским и императорским периодами российской истории.

Длинная и трудная дорога к правовому государству была остановлена в октябре 1917 г. Народ свергнул либеральную демократию, разрушил основы правового государства, позволил большевикам, захватившим власть, расправиться со своими политическими противниками и установить диктатуру. Чем это можно объяснить? Тем, что *идеи либеральной демократии и правового государства стали парадигмами образованного общества, но не успели глубоко проникнуть в народ.* Отношение низших классов к Учредительному собранию в конце 1917—начале 1918 г. это хорошо иллюстрирует. Крестьяне и рабочие, которые во все времена большей частью стояли в стороне от государственной и политической деятельности, моделировали будущее Учредительное собрание по образцу сельского волостного схода. Они полагали, что, раз собравшись, Учредительное собрание сможет мирно, ко всеобщему удовлетворению и надолго, если не навсегда, решить все насущные проблемы и сразу после этого начнется новая счастливая жизнь. Реальная работа парламента с борьбой разных интересов, необходимостью компромиссов между партиями была непонятна и чужда народу. Учредительное собрание казалось ему простым, но эффективным средством выхода из существующего кризиса. Этот взгляд на Учредительное собрание напоминает то, как народ XVI—XVII вв. смотрел на земские соборы в моменты безвластия, смуты, социальных конфликтов. Но в XX в. это было наивным парламентаризмом и свидетельствовало о том, что, хотя Россия XX в. во многих отношениях ушла далеко вперед от России XVII в., менталитет крестьянства и в значительной мере рабочих сохранил архаические черты. Наивный парламентаризм широких народных масс превращал Учредительное собрание в их представлениях и надеждах в абсолютную власть наподобие самодержавия: идея Учредительного собрания вытеснила идею самодержавия, но сохранила все характеристики самодержавия — универсальность, всеобъемлемость, абсолютность, всесильность. Недаром популярным названием Учредительного собрания стало «Хозяин Всея Земли», что весьма близко к «Самодержец Всея Руси». Как совсем недавно народ верил, что монарх в одночасье может осчастливить всех своих подданных, так теперь он эту веру перенес на Учредительное собрание. И это надо считать естественным результатом сохранения традиционного политического менталитета.

Раз Учредительное собрание в головах народа заняло место самодержавной верховной власти, куда прежде он обращался с прошениями и жалобами, естественно было ожидать, что народ не упустит случая обратиться к новой верховной власти с многочисленными ходатайствами. И действительно, поток прошений не заставил себя долго ждать. В октябре—декабре 1917 г. на имя Учредительного собрания поступили тысячи ходатайств с просьбами разрешить местные проблемы — запретить самогонварение, исправить ошибку в начислении пенсии, организовать борьбу со спекуляцией, переделить или прирезать землю и т. д.²⁷¹ Эти прошения сильно отличаются

от 242 крестьянских наказов, поступивших на имя Учредительного собрания, которые стали у историков главным источником для суждений о требованиях крестьян и их политических представлениях. Чем можно объяснить эти отличия? В наказах выражено не то, как крестьяне понимали проблемы политики, а то, как понимали их партии, которым крестьяне симпатизировали: наказания носят четкий партийный отпечаток, в то время как не искушенные в политической борьбе крестьяне такой четкости не имели и не могли иметь; они написаны в выражениях, не свойственных ни крестьянской стилистике, ни уровню их образования и культурного развития. Крестьяне поддерживали основные требования левых социалистических партий, поэтому они и принимали наказания и резолюции, написанные грамотными агитаторами, не вникая глубоко в суть партийных программ.

Образованное общество являло собой иную картину. Оно отлично понимало, что Учредительное собрание должно работать как парламент с учредительными функциями, что после принятия новой конституции и решения вопроса о форме нового государственного строя ему предстоит долгая и кропотливая работа над многочисленными вопросами устройства политического быта страны, находящейся в состоянии всесторонней и глубокой смуты. Политические партии России были к этому готовы, и, если бы не диктатура большевиков, все эти вопросы они в состоянии были бы решить.

Но едва ли правильно усматривать главную причину катастрофы русского парламентаризма в диктатуре большевиков. Ведь после разгона Учредительного собрания народ в массе безмолвствовал. Достаточно сказать, что противникам большевизма, собравшим 75% голосов при выборах в Учредительное собрание, не удалось организовать сколько-нибудь массового протеста против его разгона ни в Петрограде, ни в других городах, ни в провинции.²⁷² Почему? Маловероятно, что из-за страха, ибо к 5 января 1918 г. большого страха перед новой властью, по всей видимости, еще не было, по крайней мере в провинции: новый режим существовал всего около двух месяцев и имел твердую поддержку лишь в столицах и крупных городах. Главные причины — в равнодушии народа к судьбе русского парламента, в непонимании им необходимости существования парламента как гаранта против возвращения старого режима в новой форме, в полной беззаботности относительно правильного политического устройства России, в слабости демократических традиций западного типа и неразвитости институтов гражданского общества. Декреты о мире, земле, рабочем контроле удовлетворили основные требования солдат, крестьян и рабочих.²⁷³ Поэтому с точки зрения масс 2-й съезд Советов, принявший эти декреты, выполнил функцию Учредительного собрания и сделал его ненужным. Не имея ни малейшего представления о конституционных и институциональных гарантиях необратимости политического процесса, народ занялся устройством своего быта, т. е. экспроприацией частных земель, фабрик, заводов, поместий и дворцов. Крестьяне проявляли интерес лишь к своим местным властям, с которыми они непосредственно соприкасались. Что же касается властей, начиная с уездного уровня, то ими они не интересовались, полагая, что эти высшие власти имеют свое, независимое от них, самостоятельное происхождение. «Демократические права и конституционные гарантии в общегосударственном масштабе для крестьянина — звук пустой. Пусть власть организуется кем угодно и как угодно, лишь бы она не слишком больно задевала материальные интересы крестьян. Принимать же организованное участие в самом строительстве власти — к этому рядовые крестьяне не имеют никакой склонности. Если у них и есть в этой области принципы, то как раз такие, которые поощряют их политическую пассивность».²⁷⁴ Таковы были политические взгляды крестьянства даже в начале 1920-х гг., когда они, казалось бы, должны были извлечь какие-то уроки и из революции, и из военного

коммунизма. Что касается рабочих, то они были малочисленны и в массе своей в конце 1917—начале 1918 г. шли за большевиками, верили, что Советы — высшая форма демократии, а Учредительное собрание — пережиток старого помещичье-буржуазного политического строя. Образованная часть русского общества, преданная идеям западного либерализма, пыталась протестовать, но ее голос был слишком слаб, чтобы что-нибудь изменить.²⁷⁵

Таким образом, **российская государственность во времена империи, несмотря на зигзаги и периоды стагнации, неуклонно развивалась в направлении правового государства, тем самым способствуя формированию гражданского общества.** Роль права в регулировании социальных отношений систематически повышалась, напротив, роль насилия — снижалась. Октябрьская революция изменила направление политического развития страны, но, как показал ход событий, на короткое в исторических масштабах время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По мнению одних, русское государство много веков сохраняло черты восточного деспотизма: *Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power.* New Haven; London: Yale University Press, 1964. P. 173—182, 201—203, 369—412, 427—440. По мнению других, русское государство на протяжении нескольких столетий, вплоть до 1881 г., являлось патримониальным: *Paine P.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 35—41; *Pipes R.* Russia under the Old Regime. New York: Scribner, 1974. P. 20—24, 64—66, 112. По мнению третьих, с допетровских времен до конца советского режима русская государственность носила олигархический характер: *Keenan E. L.* Muscovite Political Folkway // *Russian Review.* 1986. Vol. 45, No. 2. P. 115—182. Четвертые полагают, что, хотя государственность России изменялась, традиция доминировала и страна никогда не стала ни правомерным, ни правовым государством: *Raeff M.* Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder et al.: Westview Press, 1994. P. 114; *Szamuely T.* The Russian Tradition. New York: McGraw-Hill, 1975. P. 3—142. Моя точка зрения на развитие русской государственности была высказана в докладе на ученом совете СПб. ФИРИ РАН в мае 1994 г. и в докладе на конференции «Актуальные проблемы российского конституционализма», проведенной Центром исследований восточноевропейского конституционализма Российского научного фонда в марте 1995 г. в С.-Петербурге.

² Обзор литературы по вопросу развития русской государственности см.: *Siny R. G.* Rehabilitating Tsarism: The Imperial Russian State and its Historians. A Review Article // *Comparative Studies in Society and History. An International Quarterly.* 1989. Vol. 31, No. 1. January. P. 168—179. Интересную дискуссию, в которой приняли участие Е. Keenan, R. O. Crummy, R. Hellie, R. V. Daniels, R. Wortman, по тому же вопросу см.: *The Russian Review.* 1986. Vol. 45, No. 2. April. P. 115—208; 1987. Vol. 46, No. 2. April. P. 157—210.

³ *Sills D. L.* (ed.). *International Encyclopedia of the Social Sciences.* 16 vols. London: The Macmillan Company and Free Press, 1964. Vol. 15. P. 145.

⁴ Подобного взгляда на государство придерживалось так называемое реалистическое направление в государствоведении, к числу сторонников которого принадлежали и некоторые русские правоведы конца XIX—начала XX в.: *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 38—51; *Лазаревский Н. И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905. С. 234, 289—293. В современной политологии подобного взгляда придерживаются сторонники наиболее популярной в западной политологии реляционистской концепции власти: *Мивениерадзе В. В.* (ред.). *Власть: Очерки современной политической философии Запада.* М., 1989. С. 65—80.

⁵ *Аверьянов Ю. И.* (ред.). *Политология: Энциклопедический словарь.* М., 1993. С. 75—78; *Витюк В. В.* Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995; *Гольцендорф Ф.* Роль общественного мнения в государственной жизни. СПб., 1881; *Градовский А. Д.* О свободе русской печати. СПб., 1905; *Романенко Л. М.* Гражданское общество: (Социологический словарь-справочник). М., 1995; *Согрин В. В.* Идеология в американской истории от отцов-основателей до конца XX века. М., 1995. С. 236; *Balzer H. D.* (ed.). *Russia's Missing Middle Class: The Profession in Russian History.* Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1996. P. 9, 29, 302—303.

⁶ *Стучка П.* (ред.). *Энциклопедия государства и права.* В 3 т. М., 1925—1927. Т. 2. Стб. 77—81.

⁷ *Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 3: Национализм и ев-

- ропеизм. М., 1995. С. 337; *Лихачев Д. С., Макогоненко Г. П.* (ред.). История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 572, 574.
- ⁸ *Андреева Т. В.* Русское общество и 14 декабря 1825 г. // ОИ. 1993. № 2.
- Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати 60—70-х гг. XIX в. Л., 1989. С. 6.
- ¹⁰ Этой точки зрения придерживается ряд исследователей, см.: *Дубенцов Б. Б.* Самодержавие и чиновничество в 1881—1904 гг.: (Политика царского правительства в области организации государственной службы): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. С. 53; *Карпович Е. П.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 4.
- ¹¹ Д. Ледонн к русской бюрократии XVIII в. относит только чиновников средних и высших рангов, которые имеют статус потомственного дворянина: *LeDonne J. P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700—1825. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. P. IX—X. Х. Роггер считает чиновниками только классовых чиновников: *Rogger H.* Russia in the Age of Modernization and Revolution: 1881—1917. London; New York: Longman, 1983. P. 49.
- ¹² *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 3, ч. 2. Стб. 1519; Словарь Академии российской: В 6 ч. СПб., 1794. Ч. 6. Стб. 755—756; *Карпович Е. П.* Русские чиновники в былое и настоящее время. С. 4—5.
- ¹³ *Мивениерадзе В. В.* (ред.). Власть... С. 77; *Марченко М. Н.* Современные интерпретации теории разделения властей на Западе // Вестник МУ. 1994. Сер. 11. Право. № 4. С. 14—25.
- ¹⁴ *Мивениерадзе В. В.* (ред.). Власть... С. 49—51; *Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 147—156.
- ¹⁵ *Вебер М.* 1) Типы господства // *Зомбарт В.* Социология. Л., 1926; 2) Избр. произведения. М., 1990. С. 636—643; *Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. С. 80—87; *Ожиганов Э. Н.* Политическая теория М. Вебера: Критический анализ. Рига, 1986; *Панарин А. С.* Политология. М., 1998. 181—183; *Weber M.* 1) The Theory of Social and Economic Organization. London, 1947. P. 318; 2) Staatssoziologie. Berlin, 1964. S. 99—105.
- ¹⁶ *Тарановский Ф. В.* Энциклопедия права. Берлин, 1923. С. 396; *Котляревский С. А.* Власть и право: Проблема правового государства. СПб., 1915. С. 46—119.
- ¹⁷ *Тарановский Ф. В.* Энциклопедия права. С. 398.
- ¹⁸ Для обозначения правомерной монархии использовались и другие термины — «истинное самодержавие» или «законная монархия»: *Романович-Славянский А.* Пособие для изучения русского государственного права по методу историко-догматическому. Киев; СПб., 1872. Вып. 1. С. 32; *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.
- ¹⁹ *Тарановский Ф. В.* Энциклопедия права С. 397.
- ²⁰ *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог: Семиотические аспекты // *Успенский Б. А.* (ред.). Языки культуры и проблемы перевода-мости. М., 1994. С. 47—71; *Филошкин А. И.* Термины «царь» и «царство» на Руси // ВИ. 1997. № 8. С. 144—148.
- ²¹ *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 60—61.
- ²² *Барсов Е. В.* Древнерусские памятники, посвященные венчанию царей на царство, в связи с греческими их оригиналами, и с историческим очерком чинов царского венчания, в связи с развитием идеи царя на Руси // ЧОИДР. 1883. Кн. 1. Отд. 1. С. I—XXXV; *Белозерская Н. А.* Царское венчание в России: Исторический очерк. СПб., 1891. С. 34, 48; *Богданов А. П.* Чины венчания российских царей // *Рыбаков Б. А.* (ред.). Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 211—224.
- ²³ *Барсов Е. В.* Древнерусские памятники, посвященные венчанию царей на царство... С. I—XXXV; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1960. Кн. 4. С. 356; *Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven, 1961. P. 1—100.
- ²⁴ Домострой. М., 1990. С. 33.
- ²⁵ *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог. С. 47—153; *Черная Л. А.* От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII—начала XVIII в. // *Андреев А. Л., Де лакаргов К. Х.* (ред.). Общественная мысль: Исследования и публикации. М., 1989. Вып. 1. С. 28—42.
- ²⁶ *Лимонов Ю. А.* (ред.). Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 53.
- ²⁷ *Longworth Ph. Alexis: Tsar of All the Russians.* New York, 1984; Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. С. 173, 180, 185, 230, 232.
- ²⁸ *Еремин И. П.* Симеон Полоцкий — поэт и драматург // *Симеон Полоцкий.* Избр. соч. М.; Л., 1953. С. 245—246.
- ²⁹ *Гадло А. В.* Бытовой уклад жизни первых Романовых и русская народная культура // *Фроянов И. Я.* (ред.). Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 109—123; *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990. С. 26—42; *Леонтьев А. К.* Государственный строй // *Арциховский А. В.* (ред.). Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 297—322.
- ³⁰ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 30.
- ³¹ *Мюллер Р. Б., Черепнин Л. В.* Судебники XV—XVI вв. М., 1951. С. 176.

- ³² Маньков А. Г. (ред.). Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 17; см. также с. 69, 90.
- ³³ Маньков А. Г. Уложение 1649 года: Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 163—165.
- ³⁴ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пб., 1919. С. 239.
- ³⁵ По мнению Эдварда Кинена, Боярская дума играла настолько существенную роль в управлении, что русскую государственность московского периода можно назвать олигархической. Она покоилась на четырех принципах: традиционность и неформальность; ограничение власти монарха олигархами; родственно-клановая основа правящих структур; негласность управления. Традиционная русская государственность в основе своей сохранилась до 1917 г., лишь родственно-клановый принцип формирования правящей элиты был заменен бюрократическим. См.: *Keenan E. L. Muscovite Political Folkway*. P. 115—181.
- ³⁶ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. С. 520.
- ³⁷ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 2. С. 79—82.
- ³⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 179—181.
- ³⁹ Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве XV—XVI вв. Одесса, 1888; Павлов-Сильванский Н. Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С. 72—92, 145—165; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. Явление, похожее на местничество, встречалось и в западноевропейских странах: Савин А. Местничество при дворе Людовика XIV // Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 277—290.
- ⁴⁰ Перетц Е. А. Дневник государственного секретаря. М.; Л., 1927. С. 17.
- ⁴¹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976. Т. 3. С. 181.
- ⁴² Шмелев Г. Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII веке // Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 492—502.
- ⁴³ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 699, 702, 733—734, 749. С Сергеевичем солидарен Латкин: Латкин В. Н. Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями: Историко-юридическое исследование. СПб., 1885. С. 282—286. В советской историографии земские соборы рассматривались как сословно-представительные учреждения: СИЭ. М., 1964. Т. 5. С. 674; Маньков А. Г. (ред.). Российское законодательство X—XX веков. Т. 3: Акты земских соборов. М., 1985. С. 36—43; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства... С. 397—401. В историографии существуют разные точки зрения:
- Авалиани С. Л.* Земские соборы: Литературная история земских соборов. Одесса, 1916; Черепнин Л. В. Земские соборы... С. 554.
- ⁴⁴ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 1—17.
- ⁴⁵ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. М.; Пг., 1923. С. 164—175.
- ⁴⁶ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства... С. 60—62.
- ⁴⁷ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971. С. 64—65.
- ⁴⁸ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. С. 78—79.
- ⁴⁹ Маркевич Н. История Малороссии: В 5 т. М., 1842. Т. 4. № 39. С. 175.
- ⁵⁰ Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916. С. 438.
- ⁵¹ Маньков А. Г. (ред.). Соборное уложение 1649 года; Маньков А. Г. Уложение 1649 года.
- ⁵² Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 12, 21.
- ⁵³ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 7—15, 196—200, 399—400.
- ⁵⁴ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 22.
- ⁵⁵ Raeff M. Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime. New York: Columbia University Press, 1984. P. 14.
- ⁵⁶ Дневник Марины Мнишек / Пер. В. Н. Козлова. СПб., 1995. С. 61—62.
- ⁵⁷ Торке Х.-Й. Так называемые земские соборы в России // ВИ. 1991. № 11.
- ⁵⁸ Тарановский Ф. В. 1) Энциклопедия права. С. 357—358; 2) Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии // Журнал МЮ. 1913. Май. С. 1—34.
- ⁵⁹ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя... С. 392.
- ⁶⁰ Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении церкви и государства в России: Исследование в области истории русского церковного права. Ростов н/Д., 1916. Т. 1. С. 29.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Н. П. Павлов-Сильванский пользовался термином «патриархальное самодержавие»: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. С. 180.
- ⁶³ Там же. С. 155—184; Szeftel M. Russian Institutions and Culture up to Peter the Great. London: Variorum Reprints, 1975.
- ⁶⁴ Лешков В. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 446—447.
- ⁶⁵ Иванов Н. А., Васильев Л. С. Введение // Иванов Н. А. (ред.). Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993. С. 9—18; Wittfogel K. A. Oriental Despotism. P. 49, 101—102, 107, 137, 423.
- ⁶⁶ Wittfogel K. A. Oriental Despotism. P. 556.

⁶⁷ Said E. W. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1978. По мнению политологов, даже в зрелом восточном обществе концепция «восточного деспотизма» наталкивается на серьезные возражения: *Ерасов Б. С.* Социальная культурология. М., 1996. С. 350—351. В последние годы в американской историографии входит в моду называть Россию XVI—XVII вв. «военно-фискальным государством» (the fiscal-military state): *Dunning Ch.* Does Jack Goldstones' Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? // *Comparative Studies in Society and History*. 1997. Vol. 39, No. 3. July. P. 572—592; *Kivelson V. A.* Autocracy in Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996; *Stivens C. B.* Soldiers and the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1995.

⁶⁸ СИЭ. М., 1964. Т. 5. Стб. 131—132.

⁶⁹ *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism. P. 214—225, 427—429. Автор считает, что в советское время система во многом реставрирована, и называет ее «индустриальным обществом государственного рабства» (P. 438—441).

⁷⁰ *Pipes R.* Russia under the Old Regime. P. 19—24.

⁷¹ *Павлова-Сильванская М. П.* К вопросу об особенностях абсолютизма в России // ИСССР. 1968. № 4. С. 81; *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // ИСССР. 1991. № 4. С. 55—62; *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 83—91.

⁷² *Маньков А. Г.* (ред.). Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 3: Акты земских соборов. М., 1985. С. 77—78.

⁷³ *Hellie R.* Slavery in Russia: 1450—1725. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1982.

⁷⁴ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. С. 699, 702. См. также: *Шахматов М. В.* 1) Компетенция исполнительной власти в Московской Руси. Вып. 3: Охрана личности. Прага, 1937. С. 90; 2) Исполнительная власть в Московской Руси. Вып. 1: Виды органов исполнительной власти и их социально-политическая история; Вып. 2: Охрана и обеспечение прав государства. Прага, 1935, 1937.

⁷⁵ *Раскин Д. И.* Некоторые черты психологии народных масс России XVIII в. // *Карнеев Э. П.* (ред.). Наука и культура России XVIII века. Л., 1984. С. 234.

⁷⁶ *Буранок О. М.* Петр и Феофан Прокопович: Диалог двух культур // *Кучеренко Г. С.* (ред.). Монархия и народовластие в культуре просвещения. М., 1995. С. 17—23; *Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven: Yale University Press, 1961. *Raeff M.* Understanding Imperial Russia. P. 47—50.

⁷⁷ ПСЗ-И. Т. 6. № 3718. С. 314—346. Регламент или устав духовной коллегии; Т. 7. № 4870. С. 602—643. Правда воли монаршей; *Феофан Прокопович.* Слово о власти и чести

царской // Соч. М., 1961. С. 76—93; *Whittaker C. H.* The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia // *Slavic Review*. 1992. Vol. 51, No. 1. Spring. P. 77—98.

⁷⁸ ПСЗ-И. Т. 4. № 2329.

⁷⁹ ПСЗ-И. Т. 5. № 3006.

⁸⁰ ПСЗ-И. Т. 6. № 3718. Ч. 1. Пункт 2.

⁸¹ ПСЗ-И. Т. 8. № 5509.

⁸² *Омельченко О. А.* «Законная монархия»... С. 70.

⁸³ ПСЗ-И. Т. 24. № 17906. § 71.

⁸⁴ *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода империи: (XVIII и XIX столетия). СПб., 1909. С. 270—278; *Wortman R. S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.

⁸⁵ *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России... С. 81.

⁸⁶ *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1982. P. 131—160. О попытках ограничения самодержавия до 1861 г. см.: *Глинский Б. Б.* Борьба за конституцию. 1612—1861 гг.: Исторические очерки. СПб., 1908.

⁸⁷ *Верховской П. В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Т. 1. С. 684—686.

⁸⁸ *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 278.

⁸⁹ *Филарет [Дроздов В. М.]*. 1) Государственное учение Филарета, митрополита Московского. 1-е изд. М., 1883; 3-е изд. 1888; 2) Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных. М., 1891; 3) Монархическое учение Филарета, митрополита Московского. М., 1907; 4) Пространный христианский катехизис православной католической церкви, рассмотренный и одобренный Святейшим Правительствующим Синодом и изданный для преподавания в училищах и для употребления всех православных христиан. 1-е изд. М., 1829; 72-е изд. СПб., 1903; последнее издание вышло в 1916 г. См. также: *Назаревский В. В.* Государственное учение Филарета, митрополита Московского. М., 1888.

⁹⁰ *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог. С. 142.

⁹¹ ПСЗ-И. Т. 7. № 4345; Т. 6. № 3781. В одном из писем Д. М. Голицыну он заметил: «Сами знаете, хотя что добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не делают».

⁹² *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 102; *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 69; *Wortman R.* Images of Rule and Problems of Gender in the Uprising of Paul I and Alexander I // *Mendelsohn E.*,

- Shatz M. S.* (eds.). *Imperial Russia, 1700—1917: State, Society, Opposition*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1988. P. 58—75; *Verner A. M.* *The Crisis of Russian Autocracy. Nicholas II and the 1905 Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. P. 7—44.
- ⁹³ *Wirtschaftler E. K.* The Ideal of Paternalism in the Pre-reform Army // *Mendelsohn E., Shatz M. S.* (eds.). *Imperial Russia, 1700—1917: State, Society, Opposition*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1988. P. 95—114.
- ⁹⁴ *Чечулин Н.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 1889. С. 105—110.
- ⁹⁵ *Черная Л. А.* От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству»... С. 28—42.
- ⁹⁶ *Павленко Н. И.* Петр I. М., 1975. С. 264; *Курмачева М. Д.* Русские просветители середины XVIII в. об обществе и государстве // *Данилова Л. В.* (ред.). Система государственного феодализма. М., 1993. С. 229—253.
- ⁹⁷ *Павлов-Сильванский А. С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // *Голос минувшего*. 1914. № 12. С. 5, 38.
- ⁹⁸ *Милоков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 25.
- ⁹⁹ ПСЗ-I. Т. 6. С. 444.
- ¹⁰⁰ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 158—159.
- ¹⁰¹ *Вдовина Л. Н.* Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // *Кучеренко Г. С.* (ред.). Монархия и народовластие в культуре просвещения. М., 1995. С. 36—48; *Грацианский П. С.* Политическая и правовая мысль России во второй половине XVIII века. М., 1984. С. 70—86; *Сафонов М. М.* Конституционный проект Н. И. Панина—Д. И. Фонвизина // *Валк С. Н.* (ред.). ВИД. Л., 1974. Т. 6. С. 261—280.
- ¹⁰² *Тарановский Ф. Б.* Политическая доктрина в Наказе имп. Екатерины II // Сб. статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимировскому-Буданову. Киев, 1904. С. 44—86.
- ¹⁰³ *Омельченко О. А.* 1) Конституция «просвещенного абсолютизма» в России: (Неизвестные законодательные проекты Екатерины II) // *Советское государство и право*. 1989. № 8. С. 136—142; 2) «Законная монархия»... С. 337—360.
- ¹⁰⁴ *Омельченко О. А.* «Законная монархия»... С. 70—75.
- ¹⁰⁵ *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. XIX. См. также: *Генкин Л. Б.* Общественно-политическая программа русской буржуазии в период революционной ситуации 1859—1861 гг. (по материалам журнала «Вестник промышленности») // *Иванов Л. М.* (ред.). Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 91—117; *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог. С. 47—153; *Павленко Н. И.* Идея абсолютизма в законодательстве XVIII в. // *Дружинин Н. М.* (ред.). Абсолютизм в России: (XVI—XVIII вв.). М., 1964; *Иванов П. В.* Социально-политические настроения и представления государственных крестьян и рабочих людей в России 40—60-х гг. XVIII в.: (Из истории идеологии трудовых слоев населения) // *Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та*. 1970. Т. 78. С. 125—213; *Козлова Н. В.* 1) К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. // *Вестник МУ*. 1987. Сер. 8: История. № 6. С. 47—55; 2) Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. // Там же. 1989. № 4. С. 32—46; *Куйбышева К. С.* Крупная московская буржуазия в период революционной ситуации, в 1859—1861 гг. // *Нечкина М. В.* (ред.). Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965. С. 259—283; *Побережников И. В.* 1) Дела об «оскорблении императорской чести»: (К вопросу о народной политической культуре урало-сибирского региона России первой половины XIX в.) // *Андреева Т. А.* (ред.). Социально-политические институты провинциальной России: (XVI—начала XX века). Челябинск, 1993. С. 132—142; 2) Народная монархическая концепция на Урале: (XVIII—первая половина XIX в.) // *Уральский исторический вестник*. 1994. № 1. С. 21—42; 3) Материалы по истории народной политической культуры (XVIII в.) // Там же. С. 132—146; *Покровский Н. Н.* 1) Правовое регулирование крестьянского общественного сознания русским абсолютистским государством XVIII в. // *Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии: Тезисы докладов и сообщений XVIII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории*. М., 1980. Вып. 2. С. 196—198; 2) Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII—середины XIX в. // *Покровский Н. Н.* (ред.). Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982; *Раскин Д. И.* 1) Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII века: Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства // *ИСССР*. 1979. № 4. С. 180—187; 2) Некоторые черты психологии народных масс России XVIII в. С. 225—247; *Сивков К. В.* Общественная мысль и общественные движения в России в конце XVIII в. // *ВИ*. 1946. № 56. С. 92—93.
- ¹⁰⁶ *Хлебников Н. О* влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869. С. 355—356.
- ¹⁰⁷ *Айранетян И. Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 21; *Ключевский В. О.* Боярская дума. С. 520—526; *Meehan-Waters B.* *Autocracy and Aristocracy*. P. 161—167.

- ¹⁰⁸ Карнович Е. П. Русские чиновники в былое и настоящее время. С. 36—37.
- ¹⁰⁹ Васильев А. В. О преобразовании высшего церковного управления Петром I. СПб., 1904; Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. С. 684—686.
- ¹¹⁰ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 27; Ледонн Дж. П. Правящий класс России: Характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 175—194; Dukes P. 1) Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767. New York: Cambridge University Press, 1967. P. 144, 155—156, 165; 2) The Making of Russian Absolutism 1613—1801. London; New York: Longman, 1990. P. 201—220; LeDonne J. P. 1) Absolutism and Ruling Class. P. VIII—IX, 308—309; 2) Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. P. 343—344.
- ¹¹¹ Ransel D. L. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Maczak A. (ed.). Klientensystem im Europa der Frühen Neuzeit. München: R. Oldenbourg Verlag, 1988. P. 211—231; LeDonne J. P. Absolutism and Ruling Class. P. 19—21, 65, 75, 87, 94.
- ¹¹² Маркевич А. И. История местничества... С. 572.
- ¹¹³ Мильников А. С. Легенда о русском принце. Л., 1987. С. 110—122; Leonard C. S. Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1994.
- ¹¹⁴ Ransel D. L. Bureaucracy and Patronage: Eighteenth-Century Russian Letter-Writer // Jaher F. (ed.). The Rich, the Well-Born, and the Powerful: Studies of Elites and Upper-Classes in History. Urbana et al.: University of Illinois Press, 1973. P. 164.
- ¹¹⁵ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. С. 21—28.
- ¹¹⁶ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...». СПб., 1992. С. 296—309; LeDonne J. P. Absolutism and Ruling Class. P. 3—9, 297—309.
- ¹¹⁷ Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven; London: Yale University Press, 1981. P. 277—307, 584—586.
- ¹¹⁸ Рыбаков Б. А. (ред.). История СССР. Первая серия: С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. М., 1963. Т. 3. С. 428. Критику этого мнения см.: Jones R. E. The Emancipation of the Russian Nobility: 1762—1785. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1973. P. 180—187, 196—209, 293—299.
- ¹¹⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 279; LeDonne J. P. Ruling Russia. P. 279; Ананьич Б. В. (ред.). Власть и реформы. С. 146; Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia 1600—1800. London; New Haven: Yale University Press, 1983.
- ¹²⁰ Heater D. B. Order and Rebellion: A History of Europe in the Eighteenth Century. London et al.: George G. Harrap and Co. Ltd., 1964. P. 226.
- ¹²¹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. С. 57—59.
- ¹²² Raeff M. Seventeenth-Century Europe in Eighteenth-Century Russia? // Slavic Review. 1982. Vol. 41, No. 4. Winter. P. 226.
- ¹²³ Madariaga I. 1) Russia in the Age of Catherine the Great. P. 582—584; 2) Sisters under the Skin // Slavic Review. 1982. Vol. 41, No. 4. Winter. P. 624—628; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 279.
- ¹²⁴ Омельченко О. А. «Законная монархия»... С. 101.
- ¹²⁵ Ананьич Б. В. (ред.). Власть и реформы. С. 146—148; Pipes R. Russia under the Old Regime. P. XXI.
- ¹²⁶ Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Великого и его идеология. М., 1943.
- ¹²⁷ Латкин В. Н. Учебник истории русского права... С. 4.
- ¹²⁸ Там же. С. 49, 58.
- ¹²⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 281—288.
- ¹³⁰ Чулков М. Д. Словарь юридический, или Свод российских узаконений, временных учреждений суда и расправы: В 5 т. М., 1792—1796; Правиков Ф. Памятник из законов, руководствующего к познанию приказного обряда, собранного по азбучному порядку. Владимир, 1798—1827; Максимович Л. Указатель Российских законов, временных учреждений, суда и расправы. М., 1803—1812; Ханылев С. Систематическое собрание российских законов с присовокуплением правил и примеров из лучших законоучителей: В 6 ч. СПб., 1817—1819. Судьи наиболее часто применяемые законы «знали наизусть и приводили в подкрепление резолюций, не справляясь с книгами законов»: Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 288.
- ¹³¹ Готье Ю. В. 1) Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке // Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 103—152; 2) Из истории областного управления в XVIII в. // Сб. статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 194—201; Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб., 1993. С. 12—54; Лешков В. Черты управления в России по указам XVIII века. 1725—1762 // Рус. вестник. 1863. Т. 46. С. 168—190.
- ¹³² Лютти А. Русский абсолютизм XVIII века // Лютти А., Зоммер В., Липовский А. (ред.). Итоги XVIII века в России: Введение в русскую историю XIX века. М., 1910. С. 250—254.
- ¹³³ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 62.

- ¹³⁴ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. С. 161—171; Макаров А. Н. Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой трети XIX в. // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 370—381; Нольде Б. Э. Законы основные в русском праве // Труды Юридического об-ва при С.-Петербургском ун-те. 1913. Т. 7. С. 4—15.
- ¹³⁵ Подробнее об этом см. в главе II «Социальная структура и социальная мобильность» в т. 1 наст. изд.
- ¹³⁶ Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. С. 313—316.
- ¹³⁷ Ананьич Б. В. (ред.). Власть и реформы. С. 201—255.
- ¹³⁸ Подробнее об этом см. в главе X «Общество, государство, общественное мнение...».
- ¹³⁹ Кюстин А. Николаевская Россия. Россия в 1839 г. М., 1990. С. 72.
- ¹⁴⁰ Бабарькин В. Сельцо Васильевское, Нижегородской губернии Нижегородского уезда // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1853. Вып. 1. С. 20; Вып. 2. С. 94—96, 107—109 и др.
- ¹⁴¹ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. С. 142; Лобачева Г. В. Прошения «на высочайшее имя приносимые» как источник для изучения монархических настроений россиян // Фроянов И. Я. (ред.). Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 245—251. На мой взгляд, совершенно прав был А. Я. Аврех, полагавший, что по крайней мере до 1905 г. крестьянство было социальной опорой самодержавия: Аврех А. Я. О природе российского самодержавия // Данилова (ред.). Система государственного феодализма. М., 1993. С. 291. См. также: Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: Новые материалы, методы, результаты. М., 1996.
- ¹⁴² До 1816 г. мнение меньшинства даже не фиксировалось в протоколе заседания, а с 1827 г. действовала особая процедура на случай утверждения императором мнения меньшинства: Даневский П. Н. История образования Государственного совета в России. СПб., 1859. С. 82; Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. С. 12—20.
- ¹⁴³ См. дискуссию: Латкин В. Н. Учебник истории русского права... С. 10—12.
- ¹⁴⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России... С. 60.
- ¹⁴⁵ Лазаревский Н. И. 1) Лекции по русскому государственному праву. С. 449—457, 471; 2) Правительственный Сенат как орган надзора // Право. 1901. № 15. С. 765—776.
- ¹⁴⁶ Блинов И. А. Отношение Сената к местным учреждениям в XIX в. СПб., 1911. С. 176, 182, 189—190.
- ¹⁴⁷ Список губерний и городов, в которые посылались ревизирующие сенаторы // История Правительствующего Сената за двести лет, 1711—1911: В 5 т. СПб., 1912. Т. 4. С. 513—516.
- ¹⁴⁸ История Правительствующего Сената... Т. 2. С. 596—600.
- ¹⁴⁹ Паина Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы // Фирсов И. Н. (ред.). Не-
которые вопросы изучения исторических документов XIX—начала XX в. Л., 1967. С. 162—164.
- ¹⁵⁰ Корф С. А. Административная юстиция в России. СПб., 1910. Т. 1; Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. С. 378—388; Паина Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы. С. 147—175.
- ¹⁵¹ Блинов И. А. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 242—247; 2) Исторические материалы, извлеченные из Сенатского архива: Сенаторские ревизии // Журнал МЮ. 1913. № 4.
- ¹⁵² Подробнее о сенаторских ревизиях см.: Блинов И. А. Исторические материалы, извлеченные из Сенатского архива: Сенаторские ревизии // Журнал МЮ. 1913. № 2, 4, 6, 7, 10; Бочкарев В. Н. 1) Первая сенаторская ревизия в России: Историческая справка к 200-летию учреждения в России института сенаторских ревизий 4 апр. 1722 г. // Сб. Ярославского гос. ун-та. 1923. Вып. 2. С. 40—56; 2) Сенаторские ревизии в России при Павле I // Изв. Тверского пед. ин-та. 1926. Вып. 1. С. 64—81; Вып. 2. С. 31—49; Всеподданнейший отчет о произведенной в 1905 г. по высочайшему повелению сенатором А. М. Кузьминским ревизии г. Баку и Бакинской губернии. Б. м, б. г.; Всеподданнейший отчет члена Государственного совета сенатора Манухина по исполнению высочайше возложенного на него 27 апреля 1912 г. расследования о забастовке на Ленских приисках. СПб., 1912; История Правительствующего Сената... Т. 2—4; Дружинин Н. М. Сенаторские ревизии 1860—1870-х годов: (К вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Изв. 1966. Т. 79. С. 139—176; Полтевтов М. А. Ревизия Закавказского края сенаторами Кутайсовым и Мечниковым [1829 г.] и фонд дел этой ревизии в историческом архиве в Ленинграде // Труды Тбилисского ун-та. 1940. Т. 15. С. 81—102.
- ¹⁵³ Блинов И. А. Отношение Сената к местным учреждениям в XIX в. С. 254—256.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ ПСЗ-I. Т. 6. № 3534. С. 141—160; Т. 31. № 24307. С. 687—711.
- ¹⁵⁶ Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 2. С. 78.
- ¹⁵⁷ Латкин В. Н. Учебник истории русского права... С. 356—366; Покровский С. П. Министерская власть в России. Ярославль, 1906. С. 329—332.
- ¹⁵⁸ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 238—239.
- ¹⁵⁹ Цит. по: Троицкий И. III-е Отделение при Николае I. Л., 1990. С. 29.
- ¹⁶⁰ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 213—215; Pintner W. M. The Evolution of Civil Officialdom. 1755—1855 // Pintner W. M., Rowney D. K. (eds.) Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth

- Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. P. 197—200.
- ¹⁶¹ *Hamburg G. M.* Politics of the Russian Nobility, 1881—1905. New Brunswick: Rutgers University Press, 1984. P. 13—15, 67—68.
- ¹⁶² СЗРИ 1832 г.: В 15 т. Т. 1, ч. 1: Основные законы и учреждения государственные. СПб., 1832. Ст. 1, 47.
- ¹⁶³ *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. 1. С. 3; *Казанский П. Е.* Власть всероссийского императора: Очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. 645—658; *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 2. С. 158.
- ¹⁶⁴ *Шенелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 204.
- ¹⁶⁵ Опись дел Архива Государственного совета. Т. 16: Дела Государственного совета и государственной канцелярии. СПб., 1912. С. 77—78.
- ¹⁶⁶ *Кизеветтер А. А.* Император Николай I как конституционный монарх // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 402—418.
- ¹⁶⁷ *Корнилов А. А.* История России XIX века. М., 1912. Ч. 2. С. 112—113.
- ¹⁶⁸ Подробнее об этом см. в главе X «Общество, государство, общественное мнение...».
- ¹⁶⁹ «Вся Россия ждет с нетерпением перемен как в системе, так и в людях. Требуется вновь завести машину. Ключами для этого являются: правосудие и промышленность»: Граф А. А. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг.: (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т. 37. С. 153.
- ¹⁷⁰ *Зорин А. Л.* Идеология самодержавия, православия и народности и ее немецкие источники // *Рудницкая Е. Л.* (ред.). В раздумьях о России (XIX в.). М., 1996. С. 105—128; *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia: 1825—1855. Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press, 1959. P. 32.
- ¹⁷¹ [*Уваров С. С.*]. Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833—1843. СПб., 1864. С. 3—4. Подробнее о теории официальной народности см.: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие в осаде: Внесловная универсальная идеология как ответ на вызов эпохи (1825—1855 гг.) // Словесия и государственная власть в России: XV—середина XIX в.: Чтения памяти Л. В. Черепнина. М., 1994. Ч. 2. С. 113—126.
- ¹⁷² *Казанский П. Е.* Власть всероссийского императора. С. 684—826; *Уортман Р.* Николай II и образ самодержавия // ИСССР. 1991. № 2. С. 119—128; *Wortman R. S.* Scenarios of Power...
- ¹⁷³ *Захарова Л. Г.* О личном факторе в истории: Роль Александра II в проведении Великих реформ 60-х—70-х годов XIX века в России // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 53—63.
- ¹⁷⁴ *Starr S. F.* Decentralization and Self-Government in Russia: 1830—1870. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1972. P. 352—354.
- ¹⁷⁵ *Коняев А. И.* Финансовый контроль в дореволюционной России. М., 1959. С. 78.
- ¹⁷⁶ *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 1. С. 169—171; *Тарановский Т.* Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // *Захарова Л. Г., Эклоф Б., Бушнелл Дж.* (ред.). Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. С. 301—317.
- ¹⁷⁷ *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 2. С. 388—393.
- ¹⁷⁸ *Becker S.* Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1985. P. 171—178.
- ¹⁷⁹ Подсчитано мною по: *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 61—63, 80—81.
- ¹⁸⁰ Сборник сведений по России 1890 года. СПб., 1890. С. 48—51.
- ¹⁸¹ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 559—563; *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960; *Дякин В. С.* 1) Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978; 2) Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988; *Лавергичев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России: 1861—1900. М., 1974; *Шенелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблема торгово-промышленной политики. Л., 1981; *Owen Th. C.* Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855—1905. New York; Cambridge, England: Cambridge University Press, 1981; *Rieber A. J.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1982; *Ruckman J. A.* The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840—1905. De Kalb, IL: Northern Illinois University Press, 1984.
- ¹⁸² [*Валуев П. А.*]. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2. С. 139.
- ¹⁸³ *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 15—135; *Литвак Б. Г.* Реформы и революции в России // ИСССР. 1991. № 2. С. 85—95.
- ¹⁸⁴ *Барриве Л.* Общественное движение в царствование Александра II. М., 1911. С. 24.
- ¹⁸⁵ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 372, 380—382, 396—397; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш., Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте* и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг. // *Носов Н. Е.* (ред.). Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 300—301; *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.

- ¹⁸⁶ Рудкевич Н. Г. Великий царь- миротворец Александр III. СПб., 1900. С. 9—14.
- ¹⁸⁷ Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. Таллин, 1994. Т. 1. С. 405.
- ¹⁸⁸ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х—начала 90-х годов). М., 1970. С. 98—99.
- ¹⁸⁹ Дубенцов Б. Б. Вопрос об отмене гражданских чинов в правительственной политике 80-х гг. XIX вв. // Маньков А. Г. (ред.). Социально-политическая история СССР. М., 1974. С. 104—131.
- ¹⁹⁰ Robbins R. G., Jr. The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. P. 248—251.
- ¹⁹¹ Whelan H. W. Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1982. P. 198.
- ¹⁹² Ананыч Б. В. (ред.). Власть и реформы. С. 391—393.
- ¹⁹³ Корнева Н. М. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства: (1861—1905 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 14—15; Нардова В. А. Городское самоуправление в России... С. 244—248; Ярцев А. А. Земство Северо-Западных губерний России (1864—1904): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 19—20.
- ¹⁹⁴ Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 22, 26—27.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 16.
- ¹⁹⁶ Кулешов С. В. (ред.). Наше Отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Т. 1; Токарев А. И. Изменения политической системы российского общества: 1861—1925 гг. М., 1993; Emmons T., Vucinich W. S. (eds.). The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1982. P. 1—4; Allen S. E., Jr. The Zemstvo as a Force for Social and Civic Regeneration in Russia: A Study of Selected Aspects, 1864—1905. Ph. D. diss. Clark University, 1969. P. 259—266; Porter Th. E. The Development of Political Pluralism in Late Imperial Russia: Local Self-Government and Movement for National Zemstvo Union, 1864—1917. Ph. D. University of Washington, 1990. P. 368—379; Szeftel M. The Form of Government of the Russian Empire prior to Constitutional Reforms of 1905—1906 // Curtiss J. Sh. (ed.). Essays in Russian and Soviet History: In Honor of Gerold Tanquary Robinson. Leiden: E. J. Brill, 1965. P. 105—119.
- ¹⁹⁷ Васильева Н. И., Гальперин Г. П., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие. Л., 1975. С. 86; Дякин В. С. (ред.). Кризис самодержавия в России: 1895—1917. Л., 1984. С. 298; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 264; Калинин Г. С., Гончаров А. Ф. (ред.). История государства и права в СССР. М., 1972. Ч. 1. С. 574—581; Королев А. И. Государственная власть и рабочий класс СССР. Л., 1980. С. 29; Мироненко К. Н. Манифест 17 октября 1905 г. // Учен. зап. ЛГУ. 1958. № 255. С. 255; Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной Думы. М., 1962. С. 43; Черменский Е. Д. История СССР: Период империализма. М., 1974. С. 178. Некоторые исследователи полагают, что в России установился особый тип государственности: Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975. С. 291 (конституционное самодержавие); Медушевский А. Н. 1) Конституционная монархия в России // ВИ. 1994. № 8. С. 30—46; 2) Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 198—201, 455—468 (мнимый конституционализм).
- ¹⁹⁸ Вебер М. Исторический очерк освободительного движения в России. Киев, 1906; Демин В. А. Государственная Дума России (1906—1917): Механизм функционирования. М., 1996. С. 83—85, 161—162. См. также: Butler W. E. Civil Rights in Russia: Legal Standards in Gestation // Crisp O., Edmondson L. (eds.). Civil Rights in Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 1—12; Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institution of the Duma Monarchy. (Studies Presented to the International Commission for the History of Representative and Parliamentary Institutions, no. 61). Brussels, 1976. Дискуссия о природе русской государственности после 1906 г. началась сразу после начала работы думы и продолжается до сих пор: Казанский П. Е. Власть всероссийского императора... С. 879—912.
- ¹⁹⁹ Кочаков Б. М. Русский законодательный документ XIX—XX веков // ВИД. М.; Л., 1937. С. 319—372; Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. С. 413—415; Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. С. 369.
- ²⁰⁰ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. С. 110—113; Роговин Л. Конституция Российской империи: Сб. законов, относящихся к обновленному строю и к личным и общественным правам граждан. СПб., 1913; Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. С. 401—403.
- ²⁰¹ Дякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России: (1906—1914) // Валк С. Н. (ред.). ВИД. Л., 1975. Т. 7. С. 240—271; Daly J. W. On the Significance of Emergency Legislation in Late Imperial Russia // Slavic Review. 1995. Vol. 54, No. 4. Fall. P. 602—629.
- ²⁰² Гессен В. М. Теория правового государства // Долгорукий П. Д., Петрункевич И. И. (ред.). Политический строй современных государств. СПб., 1905. Т. 1. С. 117—186; Лазаревский Я. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. С. 474—479.
- ²⁰³ Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903—1919 гг. М., 1992. Ч. 1. С. 140, 269—274.

- ²⁰⁴ Гуляев П. (сост.). Права и обязанности градской и земской полиции и вообще всех жителей Российского государства в отношении к полиции. Ч. 2: О правах и обязанностях жителей. М., 1827. С. 1—51.
- ²⁰⁵ Рогов В. А. История государства и права России IX—начала XX в. М., 1995. С. 102—112; *Butler W. E. Civil Rights in Russia...* P. 1—12; *Crisp O., Edmondson L. (eds.). Civil Rights in Imperial Russia.* Oxford: Clarendon Press, 1989.
- ²⁰⁶ Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания). Приложение к «Иллюстрированной России». Париж, 1936. С. 599—600.
- ²⁰⁷ Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную Думу третьего созыва: Статистический отчет особого делопроизводства. СПб., 1911. С. VII—X; *Казанский П. Е.* Власть всероссийского императора... С. 22—39, 258—261. Выборщики от крестьян избирались в четыре приема: 1) от каждых 10 дворов на волостной сход, 2) от волостного схода на уездный съезд, 3) от уездных съездов на губернский съезд, 4) общий губернский съезд избирал депутатов в Думу; от рабочих — в три приема: 1) от каждого промышленного предприятия, имеющего 50 и более рабочих, на губернский съезд уполномоченных от рабочих, 2) от съездов рабочих на съезд губернских выборщиков, 3) общий губернский съезд избирал депутатов в Думу.
- ²⁰⁸ Промышленность и торговля в Законодательных учреждениях 1907—1912 гг. СПб., 1912. С. IX—X.
- ²⁰⁹ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума. Париж, 1942. С. 28.
- ²¹⁰ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Ч. 1. С. 254.
- ²¹¹ Миллюков П. Н. Воспоминания: 1859—1917. М., 1990. Т. 2. С. 11; *Гурко В. И.* Воспоминания. Париж. С. 511; *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881—1914. Prague: Orbis, 1929. С. 466.
- ²¹² Виттенберг Б. Политический опыт российского парламентаризма (1906—1917): Исторический очерк // *Новый журнал.* 1996. № 1. С. 166—192. См. также: *Аврех А. Я.* О природе российского самодержавия С. 254—331; *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990. С. 239; 210. *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 536—546, 615—642; *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. С. 3; Советские и американские историки о политическом кризисе самодержавия // *ИСССР.* 1991. № 2. С. 85—128; *Черменский Е. Д.* (ред.). Первая российская революция 1905—1907 гг.: Обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991. С. 152—153; *Черняев В. Ю.* (ред.). Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994; *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907—1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 243—246; *Levin A.* The Second Duma: A Study of the Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment. Hamden, Connecticut: Archon Books, 1966. P. 350—359.
- ²¹³ *Ганелин Р. Ш.* Вокруг провозглашения России республикой (март—сентябрь 1917 г.) // *Носов Н. Е.* (ред.). Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России: Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 343—364; *Старцев В. И.* Внутренняя политика временного правительства. Л., 1980. С. 230—237.
- ²¹⁴ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 643—677; *Уайлдман А. К.* Армия и вопрос о законности власти в России // *ОИ.* 1994. № 2. С. 19—30; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1979. С. 325—335.
- ²¹⁵ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 681—707.
- ²¹⁶ *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Köln; Berlin, 1964. Bd 2. S. 165.
- ²¹⁷ *Ibid.* S. 162—163. Современные исследователи наделяют идеального чиновника теми же чертами: *Heady F.* Public Administration: A Comparative Perspective. New York; Basel, 1983. P. 60—66.
- ²¹⁸ *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 80—89, 147—189; *Ключевский В. О.* Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 6. С. 232—238; *Brown P. B.* Muscovite Government Bureaus // *Russian History.* 1983. Vol. 42, No. 3. P. 272; *Weickhardt G. G.* Bureaucrats and Boiars in the Muscovite Tsardom // *Ibid.* P. 331—334; *Rowland D.* Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540-s—1660-s)? // *Ibid.* 1990. Vol. 49, No. 2. 1990. April. P. 139; *Torke H.-J.* 1) Crime and Punishment in the Pre-Petrine Civil Service: The Problem of Control // *Mendelsohn E., Shatz M. S.* (eds.). Imperial Russia 1700—1917. P. 5—21; 2) Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613—1689. Leiden; Berlin, 1974.
- ²¹⁹ *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1990. С. 435.
- ²²⁰ *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России: Сравнительно-историческое исследование. М., 1994. 48—54, 78—85, С. 245—290; *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 434—474; *Hassel J.* Implementation of the Russian Table of Ranks during the 18th Century // *Slavic Review.* 1970. Vol. 29, No. 3. P. 283—295.
- ²²¹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 311.
- ²²² *Анциферов К.* Взятничество в истории русского законодательства // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Февраль. С. 1—54; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. С. 141—146; *Седов П. В.* Подношения в Московских приказах XVII века // *ОИ.* 1996. № 1. С. 139—149.
- ²²³ *Енин Г. П.* Воеводское праздничное кормление в начале 60-х годов XVIII в. // *Шишкин В. А.* (ред.). ВИД. СПб., 1994. Т. 25. С. 103—116.

- ²²⁴ *Чужалдин Н. П.* Мои воспоминания. СПб., 1899. С. 48—53, 55. См. также: *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 217—219. «Почести» и «приношения» местным чиновникам на регулярной основе платили крестьяне и помещики, по крайней мере крупные, в Пермской губернии в первой половине XIX в.: *Писарькова Л. Ф.* К истории взяток в России: (По материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // ОИ. 2002. № 5. С. 33—48.
- ²²⁵ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1975. Вып. 2. С. 170; *Словарь русского языка XVIII века.* Л., 1987. Вып. 3. С. 144; *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 197.
- ²²⁶ *Флеровский Н.* Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания. Berlin, 1897. С. 23—24; *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 261, 324; Письма М. М. Сперанского к А. А. Столыпину // Рус. архив. 1871. Т. 12. С. 446 (письмо из Пензы 1818 г.). Дмитриев также пишет о безуспешности борьбы со взяточниками, проводившейся по инициативе Николая I, но в то же время свидетельствует о том, что взятки не подрывали законного порядка управления.
- ²²⁷ *Vittne С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 274. Случаи взяточничества среди правительственных верхов были «редчайшими сенсационными исключениями»: *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. М., 1991. С. 13.
- ²²⁸ См., например: ЦГА ВМФ, ф. 212 (Адмиралтейств-коллегия), оп. 5, д. 376. «Ведомость о явке на службу в указанные часы начальствующих лиц Липских заводов, Казанской губ. за 1740—1741 гг.»; *Карнович Е. П.* Русские чиновники в былое и настоящее время. С. 65.
- ²²⁹ *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. СПб., 1903. Т. 2. С. 36.
- ²³⁰ *Ransel D. L.* Bureaucracy and Patronage. P. 166—167.
- ²³¹ *Троцкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 140—154, 223—294; *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 508—510.
- ²³² *Ransel D. L.* Bureaucracy and Patronage. P. 154—178.
- ²³³ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; *Раскин Д. И.* Специализация высшей российской бюрократии XIX—начала XX в.: Образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // *Островский А. В.* (ред.). Из глубины времен. 1994. № 3. С. 29—41; *Pintner W. M., Rowney D. K.* (eds.). Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980; *Verner A. M.* The Crisis of Russian Autocracy. P. 45—69.
- ²³⁴ *Головин К. Ф.* Мои воспоминания. СПб., 1908. Т. 1. С. 157.
- ²³⁵ *Шумилов М. М.* Губернаторские назначения в России 60—70-х годов XIX века // *Фурсенко А. А.* (ред.). Россия в XIX—XX вв. СПб., 1998. С. 204—209; Изменение основных характеристик высшей бюрократии подсчитано по: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 106—178; *Куликов С. В.* Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // *Островский А. В.* (ред.). Из глубины времен. 1995. № 5. С. 346; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 37—59. Дополнительную информацию о бюрократии см. в наст. томе в гл. X.
- ²³⁶ *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. С. 80; *Петухов Г. Е.* Административная юстиция в царской России // *Правоведение.* 1974. № 5. С. 73.
- ²³⁷ *Дубенцов Б. Б.* Самодержавие и чиновничество в 1881—1904 гг. С. 49.
- ²³⁸ *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 2. С. 402—403.
- ²³⁹ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1846—1896. М., 1991. С. 291—294.
- ²⁴⁰ По переписи 1897 г. в России без Польши и Финляндии насчитывалось около 112 тыс. мужчин с высшим образованием, а среди чиновников таковых было 57 тыс. Подсчитано по: *Общий свод данных переписи 1897 г.* СПб., 1905. Т. 2. С. 188—189, 198—199.
- ²⁴¹ *Флеровский Н.* Три политические системы. С. 21. См. также: *Карнович Е. П.* Русские чиновники в былое и настоящее время. С. 112—113.
- ²⁴² *Amburger E.* Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden: Brill, 1966. S. 514—519.
- ²⁴³ *Гаген В. А.* Административная юстиция. Ростов н/Д., 1916; *Гогель С. К.* Губернские присутствия смешанного состава как органы административной юстиции на местах // *Вестник права.* 1906. № 4. С. 393—466; *Грибовский В. М.* Высший суд и надзор в России в первую половину царствования имп. Екатерины II. СПб., 1901; *Дурденевский В. Н.* Русская литература по административной юстиции // *Елистратов А. И.* (ред.). Вопросы административного права. М., 1916. Кн. 1. С. 130—143 (библиография, с. 138—143); *Корф С. А.* Административная юстиция в России. Т. 1, 2; *Лозина-Лозинский М. А.* Административная юстиция и преобразование Правительствующего Сената // *Журнал МЮ.* 1907. № 1. С. 148; № 2. С. 122—169; *Правилова Е. А.* Административная юстиция в пореформенной России // *Шенелев Л. Е.* (ред.). Ежегодник С.-Петербургского научного об-ва историков и архивистов. СПб., 1997. С. 177—194; *Lissem P.* Verwaltungsgerichtsbarkeit im späten Zarenreich: Der Dirigierende Senat und seine Entscheidungen zur russischen Selbstverwaltung

- (1864—1917). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1996.
- ²⁴⁴ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 109.
- ²⁴⁵ Подсчитано по данным: Отчет министра юстиции за [1834—1860] год. СПб., 1835—1862; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 26.
- ²⁴⁶ *Маклаков В. А.* Законность в русской жизни // ВЕ. 1909. № 5. С. 277; *Гессен В. М.* На рубеже. СПб., 1906. С. 255.
- ²⁴⁷ *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. Ч. 3. Политика. М., 1898. С. 405—406.
- ²⁴⁸ *Блинов И. С.* Отношение Сената к местным учреждениям в XIX в. С. 177, 186.
- ²⁴⁹ РГИА, ф. 1375 (Ревизия сенаторов Д. П. Трощинского и П. П. Щербатова Московской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Калужской и Тульской губерний), оп. 1, д. 1—64, 1799—1800 гг.; *Дружинин Н. М.* Сенаторские ревизии 1860—1870-х годов... С. 139—176; *Нольде А. Э.* Правительствующий Сенат в царствование Павла I. Ревизия 1799 г. // История Правительствующего Сената за двести лет, 1711—1911: В 5 т. СПб., 1911. Т. 2. С. 754—779; *Блинов И. А.* 1) Отношение Сената к местным учреждениям до реформ 60-х гг. Сенаторские ревизии // Там же. Т. 3. С. 616—657; 2) Отношение Сената к местным учреждениям после реформ 60-х гг. // Там же. Т. 4. С. 180—214; 3) Исторические материалы, извлеченные из Сенатского архива. Сенаторские ревизии. Ревизия сенатором Бегичевым Орловской губернии // Журнал МЮ. 1913. № 4. С. 242—268; 4) Отношение Сената к местным учреждениям в XIX в. Сделанные наблюдения носят предварительный характер, так как систематическая обработка материалов сенаторских ревизий, где сосредоточены тысячи жалоб, требует больших усилий не одного человека.
- ²⁵⁰ *Мельников-Печерский П. И.* Поярок // Русские повести XIX века: 60-х годов. М., 1956. Т. 1. С. 4, 7, 11—13.
- ²⁵¹ *Раскин Д. И.* Использование законодательных актов в крестьянских челобитных... С. 180—187.
- ²⁵² *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России. С. 71—90.
- ²⁵³ *Барриве Л.* Общественное движение в царствование Александра II. М. 1911. С. 11—14, 74; *Корольков К.* Личность императора Александра III и воссоздание им церковной школы. Киев, 1909. С. 6—8; *Рудкевич Н. Г.* Великий царь-мироворец Александр III. СПб., 1900. С. 59.
- ²⁵⁴ *Градовский Г. К.* Столичная бюрократия в 70-х годах: (Из воспоминаний литератора) // Вестник знания. 1909. № 3. С. 328—335; № 6. С. 751—757; *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* 1) Око государево: Российские прокуроры. XVIII век. М., 1994; 2) Тайные советники империи: Российские прокуроры. XIX век. М., 1995; *Куликов С. В.* Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // *Островский А. В.* (ред.). Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 346; *Матханова Н. П.* Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков // *Островский А. В.* (ред.). Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 8. С. 72—78; *Раскин Д. И.* 1) Специализация высшей российской бюрократии. С. 29—41; 2) Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества // Из истории русской культуры. Т. 5. XIX век. М., 1996. С. 743—794; *Тарановский Т.* Судебная реформа. С. 301—317; *Том Ю. В.* Сергей Степанович Ланской: Вехи биографии // *Островский А. В.* (ред.). Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 122—132; *Шепелев Л. Е.* 1) Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. С. 44—52, 71—82; 2) Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. Л., 1987. С. 35—50; 3) Министр путей сообщения князь М. И. Хилков // *Островский А. В.* (ред.). Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 132—138; *Lincoln W. B.* 1) Nicolai Miliutin: An Enlightened Bureaucrat of the 19th Century. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1977; 2) In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825—1861. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1982.
- ²⁵⁵ *Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven: Yale University Press, 1989. Интересно отметить, что наблюдения отечественных и зарубежных исследователей последнего десятилетия во многом совпадают: *Куликов С. В.* Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции. С. 346; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. С. 37—59.
- ²⁵⁶ *Robbins R. G., Jr.* 1) The Tsar's Viceroys; 2) His Excellency the Governor: The Style of Russian Provincial Governance at the Beginning of the Twentieth Century // *Mendelsohn E., Shatz M. S.* (eds.). Imperial Russia, 1700—1917. State, Society, Opposition. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1988. P. 76—92; *Мер-злякова Л. В.* Чиновничество в Вятской губернии первой половины XIX века: (Опыт социально-политической характеристики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С. 3—27. Н. М. Карамзин считал в начале XIX в., что Россия не нуждается ни в конституции, ни в отмене крепостного права; ей нужно 50 (по числу губерний в начале XIX в.) хороших губернаторов: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России... С. 72, 73, 99.
- ²⁵⁷ Среди сторонников первой точки зрения: *Armstrong J. A.* 1) Old-Regime Administrative Elites: Prelude to Modernization in France, Prussia, and Russia // International Review of Administrative Sciences. 1972. Vol. 38, No. 1. P. 21—40; 2) Tsarist and Soviet Elite Administrators // Slavic Review. 1972. Vol. 31, No. 1. P. 1—28; *Raeff M.* 1) The Russian Autocracy and its Officials // *McLean H. et al.* (eds.). Russian Thought and Politics. Harvard Slavic Studies. Vol. 4. P. 77—90; 2) The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia: 1700—1905 // American Historical Review. 1979.

- Vol. 89, No. 2. P. 399—411; *Rogger H.* Russia in the Age of Modernization and Revolution... p. 44—70; *Torke H.-J.* Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte der 19. Jahrhundert (Forschung zur osteuropäischen Geschichte. Bd 13). Berlin, 1967. S. 158—159. Сторонники второй точки зрения: *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства: (1861—1892). М., 1960; *Шенелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. С. 71—82, 135—157, 193—204; *Starr S. F.* Decentralization and Self-Government in Russia... P. 128—138; *Pintner W. M., Rowney D. K.* (eds.). Russian Officialdom. P. 369—380; *Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago; London: Chicago University Press, 1976. P. 197—235 (наблюдения Вортмана касаются чиновников Министерства юстиции); *Field D.* The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1976. P. 51—101; *Lincoln W. B.* 1) In the Vanguard of Reform...; 2) Nikolai Miliutin...; 3) The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1990; *Monas S.* Bureaucracy in Russia under Nicholas I // *Cherniavsky M.* (ed.). The Structure of Russian History. New York: Random House, 1970. P. 269—281; *Pearson Th. S.* Russian Officialdom in Crisis: Autocracy and Local Self-Government, 1861—1900. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1989. P. 120; *Wcislo F. W.* Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855—1914. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. XIII—XVI. См. обзор американской литературы 1980-х гг. о русской бюрократии: *Ананьич Б. В.* Кризис власти и реформы в России на рубеже XIX—XX веков в исследованиях американских историков // ОИ. 1992. № 2. С. 208—211; *Orlovsky D.* Recent Studies on the Russian Bureaucracy // *Russian Review*. 1976. Vol. 35, No. 4. P. 448—467; *Suny R. G.* Rehabilitating Tsarism... P. 168—189.
- ²⁵⁸ *Vinogradoff P.* Self-Government in Russia. London: Constable, 1915. P. 57—70.
- ²⁵⁹ *Gurko V. I.* Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. New York: Russell and Russell, 1939. P. 52—68.
- ²⁶⁰ *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Bd 2. S. 165.
- ²⁶¹ *Кулеиов В. С.* (ред.). Наше отечество: Опыт политической истории. Т. 1. С. 161—162, 257—258; *Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. С. 592—603; *Рогов В. А.* История государства и права России. С. 102—112; *Токарев А. И.* Изменение политической системы российского общества: 1861—1925 гг. М., 1993. С. 115—116; *Black C. E.* The Nature of Imperial Russian Society // *Slavic Review*. 1961. Vol. 20, No. 4. P. 565—582; *Hahn J. W.* Continuity and Change in Russian Political Culture // *Fleron F. J., Jr., Hoffmann E. P.* (eds.). Post-Communist Studies and Political Science Boulder et al.: Westview Press, 1993. P. 299—330; *Dallin A.* The Uses and Abuses of Russian History // *Ibid.* P. 131—145; *Walkin J.* The Rise of Democracy in Pre-Revolutionary Russia: Political and Social Institutions under the Last Three Czars. New York: Praeger, 1962.
- ²⁶² *Тарановский Ф. В.* Энциклопедия права. С. 415.
- ²⁶³ *Анциферов К.* Взятничество в истории русского законодательства. С. 154.
- ²⁶⁴ *Pipes R.* Russia under the Old Regime. P. 290.
- ²⁶⁵ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 293; *Джанишев Г. А.* Эпоха великих реформ. М., 1900. С. 354—362.
- ²⁶⁶ Подсчитано по: Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат: В 58 т. 7-е изд. М., 1922. Т. 36, ч. 5. С. 628—659; *Гернет М. Н.* 1) Моральная статистика: (Уголовная статистика и статистика самоубийств). М., 1922. С. 50—97; 2) Преступность за границей и в СССР. М., 1931. С. 7—85; *Тарновский Е. Н.* 1) Итоги русской уголовной статистики за 20 лет: (1874—1894 гг.) (Приложение к Журналу МЮ. 1899. № 7). СПб., 1899; 2) Движение преступности в Российской империи за 1899—1908 гг. // Журнал МЮ. 1909. № 9. С. 52—99; Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. Вып. 6. Уголовная статистика государственных крестьян по данным за десятилетие 1847—1856. СПб., 1871. Статистические ведомости. № 1. Более подробно см. в главе VIII «Право и суд, преступления и наказания...».
- ²⁶⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 108—109; Словарь русского языка XVIII в. Л., 1989. Вып. 5. С. 199; *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 187; *Коржунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 1. С. 27.
- ²⁶⁸ *Павленко Н. И.* Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // *Дружинин Н. М.* (ред.). Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). С. 398—403.
- ²⁶⁹ *Тарановский Ф. В.* Энциклопедия права. С. 421; *Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 8—50; *Yaney G. L.* The Systematization of Russian Government: Social Evolution in Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905. Urbana: University of Illinois Press, 1973.
- ²⁷⁰ Это мотивировка отказа императора в прощении остановить взыскание долгов с мужа просительницы А. Н. Голицына: Письмо Александра I к княгине М. Г. Голицыной от 7 августа 1801 г. // РС. 1870. Т. 1. С. 447.
- ²⁷¹ Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Вып. 2. С. 176—199. Прощения хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 1781, оп. 1, д. 20, 42).
- ²⁷² *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932. С. 75—90; *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное

собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 205—262, 320—326, 364—366; *Шавело Н. А.* Октябрьская революция и Учредительное собрание. М., 1928. С. 172—178; *Radkey O.* The Election to the All-Russian Constituent Assembly of 1917. Ithaca, London: Cornell University Press, 1954. P. 51—60.

²⁷³ *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 222.

²⁷⁴ *Феноменов М. Я.* Современная деревня. М., 1925. Ч. 2. С. 93—94; *Figes O.* Peasant Russia, Civil War : The Volga Countryside in Revolution, 1917—1921. Oxford: Oxford University Press, 1989; *Файджес О.* Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917—1918 гг. // *Черняев В. Ю.* (ред.). Анатомия революции. СПб., 1994. С. 230—237.

²⁷⁵ *Соколов Б. Ф.* Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции: В 22 т. Берлин, 1924. Т. 13. С. 31—63.

**ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА****РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ****Органы государственного управления**

Рассмотрим сначала, как развивался собственно государственный аппарат, чтобы оценить, когда и насколько он совершенствовался, усиливался или, наоборот, слабел.

Центральной и главной фигурой государственного управления являлся государь. Его права и прерогативы были чрезвычайно обширны. С начала XVIII в. и до 1906 г. император являлся единственным субъектом **законодательной** власти. Ему принадлежали также **высшая исполнительная, судебная** власть и **право помилования**. Он пользовался известной **религиозной** властью, которую осуществлял через Синод, считался верховным покровителем и блюстителем православия (в 1797 г. в указе о престолонаследии царь назван даже «главою церкви»). После введения конституции и парламента в 1906 г. прерогативы императора в законодательной сфере уменьшились. Император окончательно утверждал новые законы, одобренные в двух палатах парламента — Государственной думе и Государственном совете. Царь имел право во время прекращения или перерыва в деятельности парламента выступать с законодательной инициативой. Предложенный им закон после обсуждения и одобрения в Совете министров немедленно вступал в силу в форме «высочайшего указа», хотя и подлежал в дальнейшем утверждению парламентом. Наконец, царь назначал половину членов Государственного совета, в том числе его председателя и вице-председателя.¹

Внутреннюю и внешнюю политику страны государь определял вместе с высшими государственными политическими учреждениями, названия которых в XVIII—начале XIX в. изменялись почти с каждым новым императором: Боярская дума до начала XVIII в., Сенат с 1711 г. при Петре I (1682—1725, здесь и далее в скобках указано время царствования), Верховный тайный совет при Екатерине I (1725—1727) и Петре II (1727—1730), Кабинет министров при Анне Иоанновне (1730—1741), Конференция при высочайшем дворе при Елизавете Петровне (1741—1761), Совет при высочайшем дворе при Петре III (1761—1762), Императорский совет при Екатерине II (1768—1796), Государственный, или так называемый Непременный совет, Комитет министров с 1802 г. при Александре I (1801—1825). Николай I (1825—1855) принятие политических решений переносит в свою канцелярию, Александр II (1855—1881) — в Совет министров, Александр III (1881—1894) — в Комитет министров, Николай II (1894—1917) до 1906 г. — в Комитет министров, с 1906 г. — в Совет министров. Комитет министров, основанный в 1802 г., просуществовал до 1906 г., Совет министров, фактически учрежденный в 1857 г., а юридически в 1861 г., действовал до октября 1917 г. Оба учреждения в 1861—1906 гг. работали параллельно. Если в XVIII в. состав высших политических учреждений и их деятельность целиком определялись во-

лей, а иногда, можно сказать, прихотью государя, то работа Комитета министров и Совета министров была поставлена на твердую юридическую основу.²

К числу важнейших учреждений императорского периода относился Правительствующий Сенат (1711—1917), роль которого со временем изменялась. Апогей прав и значения Сената приходится на 1711—1725 и 1742—1761 гг.: в эти годы он являлся законосовещательным, иногда законодательным, высшим исполнительным и судебным органом России. С 1711 и до 1917 г. Сенат являлся высшей судебной инстанцией и исполнял функции прокуратуры. В Своде законов он определялся как учреждение, которому в порядке управления, исполнения и суда подчиняются все государственные учреждения империи, за исключением десяти, которые специальными законами были изъяты из числа подведомственных ему.³

Высшим органом государственного управления духовными делами был Синод (1721—1917).

В 1810 г. из назначаемых императором сановников создается бюрократический законосовещательный орган — Государственный совет, через который проходило обсуждение всех законов, прежде чем они поступали на утверждение императору. Поскольку государственное управление со времени Петра I строилось на основании законов, инструкций и уставов, то с 1810 г. именно Государственный совет стал определять конструкцию органов государственного управления и общественного самоуправления, их структуру, штаты, финансы, функции, организацию и юридическую базу их деятельности. Однако определять лишь в том смысле, что по почину государя Совет рассматривал какую-либо проблему и готовил два возможных ее решения, поддерживаемых большинством и меньшинством Совета, а император был волен утвердить любое из них. В силу этого в Своде законов Государственный совет определялся как высшее законосовещательное и контролирующее учреждение по вопросам государственного управления. После введения в 1906 г. конституции Государственный совет на новых основаниях был преобразован во вторую палату парламента, сохранив прежнее название.⁴ Инкорпорация в парламент ясно указывает, что по своему значению Государственный совет до 1906 г. был предшественником парламента или, другими словами, **парламент стал преемником Государственного совета.**

В 1906 г. в России возникает парламент с законодательной функцией, состоящий из двух палат — Государственной думы и Государственного совета. Его депутаты избирались по трем куриям — землевладельческой, городской и крестьянской. Рабочие были представлены в городской курии. Парламенту принадлежала законодательная власть (вместе с императором), право обсуждения бюджета, верховный надзор за государственным контролем. Однако правительство назначалось императором и было ответственно перед ним.

В истории центрального коронного управления можно выделить три периода.

1. Конец XVII в.—1721 г. — приказной период, когда управление осуществлялось посредством приказов — учреждений, в ведении которых находились либо отдельные отрасли управления, либо регионы. Название учреждений — «приказы» точно передает стиль и характер управления того времени. Название произошло от слова «приказ», что означало особое поручение. Приказы и возникали из личного поручения государя. Приказная система не имела ни внутреннего единства, ни четкого разграничения функций, ни твердой юридической базы своей деятельности. Решения в приказах принимались коллегиально и единогласно. В конце XVII в. насчитывалось 44 приказа. Идея разделения властей была чужда приказной системе, поэтому в приказах совмещались законодательные, исполнительные и судебные

функции. Кроме государственных существовали дворцовые и патриаршие приказы, входившие соответственно в систему дворцового или патриаршего управления и подчинявшиеся в первом случае царю, во втором — патриарху.⁵ Государственные приказы непосредственно подчинялись царю и Боярской думе и управлялись ими же назначенными чиновниками (боярами, окольными, думными дворянами и дьяками) за поместное, натуральное и денежное жалованье.

2. 1721—1802 гг. — коллежский период, когда управление осуществлялось посредством коллегий, специализировавшихся на отдельных отраслях управления. Первоначально было учреждено 12 коллегий, но их число с течением времени изменялось. Коллегии имели единую организацию, твердый штат чиновников, и их деятельность определялась законом — Генеральным регламентом и регламентами отдельных коллегий. Решения в коллегиях принимались коллегиально и большинством голосов. Надзор за их деятельностью осуществляли Сенат и прокуратура. С 1715 г., исключая 1726—1763 гг., главной формой жалованья чиновников была денежная. С 1764 г. во всех коронных учреждениях была восстановлена денежная оплата.

3. 1802—1917 гг. — министерский период, когда управление совершалось посредством министерств. Первоначально было учреждено 8 министерств, к 1861 г. их стало 9, к 1917 г. — 12. Их отличие от коллегий состояло в единоначалии, в большей оперативной власти, в наличии местных учреждений, в большей регламентации и формализации всей их деятельности, которая находилась в рамках закона — «Общего учреждения министерств». Министры назначались императором и подчинялись ему.

Центральные учреждения осуществляли оперативное управление страной и всегда имели три недостатка. Первый — отсутствие должной координации в работе отраслевых центральных учреждений, несмотря на то что всегда существовали институты, призванные выполнять эту работу. Причина состояла в том, что императоры постоянно стремились сохранить все нити управления в своих руках.⁶ Второй недостаток — смешение различных ветвей власти в одном учреждении. Суд отделился от администрации и полиции только в 1775 г., а исполнительная власть от законодательной власти — в 1906 г., с образованием Государственной думы, и то не вполне, так как император не утратил полностью законодательной функции. Третий недостаток — слабость контроля за деятельностью коронных учреждений, несмотря на введение с 1711 г. института прокуратуры (первоначально чиновники с функциями прокурора назывались фискалами) специально для надзора за работой учреждений.

В истории местного коронного управления с точки зрения привлечения к делам коронного управления представителей общества можно выделить пять периодов.

1. 1700—1708 гг. — местное управление осуществляли коронные органы и учреждения местного самоуправления без точного определения взаимных отношений между ними; в городе и уезде действовали единые учреждения, которые выполняли административные, полицейские и судебные функции.

2. 1708—1722 гг. — в помощь главному коронному администратору в губерниях, провинциях и городах от дворянства и горожан выбирались представители, которые вместе образовывали коллегиальные местные коронные учреждения, ведавшие делами в городе и деревне; вследствие этого коронные и выборные деятели управления должны были работать совместно в одних и тех же органах.

3. 1722—1775 гг. — действовала полностью бюрократическая форма управления без всякого участия представителей от местного населения; в 1721 г. произошло отделение городского управления от уездного.

4. 1775—1860-е гг. — на губернском уровне, а также в городах действовала преимущественно коронная администрация через органы губернского правления во главе с губернатором. Лишь для управления делами социального призрения и народного образования был создан Приказ общественного призрения, состоявший из выборных от дворянства, городских состояний и крестьянства. На уездном уровне существовали коронные учреждения, составленные из выборных только от дворянства. Суд отделился от администрации и полиции и на первой инстанции стал сословным.

5. 1860-е—1917 г. — в системе местных коронных учреждений произошли небольшие изменения. Приказы общественного призрения упраздняются в 1860—1870-е гг. и их функции переходят к вновь созданным органам общественного самоуправления — городским думам. Городская и сельская полиция объединяются в единое Уездное полицейское управление, его возглавляет исправник из местного дворянства, которого назначает губернатор. Суд становится всесословным, за исключением низшей инстанции в волости, где действует крестьянский волостной суд на основе обычного права.

В течение всего императорского периода в системе местного управления действовали самостоятельно, под внешним и формальным контролем местной администрации, органы самоуправления дворянства, городских состояний и крестьянства. В их ведении находились хозяйственные, финансовые, административные функции.

Система государственных учреждений в течение XVIII—начала XX в. постоянно совершенствовалась. Важнейшие реформы были проведены при Петре I, Екатерине II, Александре I, Александре II и Николае II. Ход этих реформ обстоятельно изучен, и нет нужды на этом подробно останавливаться.⁷ Принципиальные усовершенствования были сделаны в начале XVIII, XIX и XX вв. При Петре I деятельность учреждений была поставлена в рамки закона, а сами учреждения были специализированы по функциям. При Александре I с созданием Государственного совета — государственного органа, который специально занимался вопросами государственного права, в России был реализован принцип разделения властей, так как с этого времени в стране действовала достаточно стройная система государственных учреждений, обособленных по функциям: Государственному совету принадлежала законодательная, точнее — законосовещательная, власть, министерствам — исполнительная, Сенату — контролирующая, судам — судебная; верховная власть объединяла и координировала все ветви власти. Наконец, благодаря судебной реформе 1864 г. и учреждению парламента в 1906 г. законодательная, исполнительная и судебная власти были окончательно разделены, а деятельность государственных учреждений ставилась в рамки законов, творимых представительным учреждением.

Изменение численности чиновников

Параллельно реорганизации государственного аппарата происходило изменение численности и качественного состава чиновничества, в нем занятого: образования, квалификации, социального происхождения, имущественного положения. Имеющиеся в литературе данные о численности чиновников отличаются друг от друга главным образом потому, что авторы придерживаются различных взглядов на то, кого считать чиновниками. В табл. X.1 представлены данные, более или менее соответствующие определению чиновничества как совокупности профессионалов, находившихся на государственной службе и занятых непосредственно государственным управлением. Говорю — более или менее, потому что для XIX—начала XX в. данные частично включают не только тех, кто непосредственно был занят в

управлении на штатных должностях, но и другие категории лиц, которые хотя и назывались чиновниками, но в действительности в управлении заняты не были, например врачи, ветеринары, служащие благотворительных учреждений и т. д. Если из общего числа государственных служащих выделить ту их часть, которая занималась собственно управлением и соответствовала принятому нами понятию чиновника, то для 1880—1903 гг., число «истинных» чиновников было примерно в 1.6 раза меньше сравнительно с общим числом государственных служащих.⁸ Однако, поскольку изменения в численности чиновников и государственных служащих примерно совпадали, данные табл. X.1 для XIX—начала XX в., можно надеяться, более или менее правильно отражают динамику, но завышают число чиновников.

Таблица X.1

Численность и социальный состав чиновничества России без Польши и Финляндии в XVII—начале XX в.

	1690-е гг.	1755 г.	1796 г.	1857 г.	1880 г.	1897 г.	1913 г.
Всего чиновников, тыс.	4.66	12.0	21.3	119.3	129.0	144.5	252.9
Из них:							
канцеляристы, %		62	26	26		30	
классные чиновники, %		38	74	74		70	
В том числе							
из дворян, %	14	22	33	34		26	
из помещиков, %	8	36					
из чиновников, %	49						
из духовенства, %	30	5					
из купцов, %	7	1					
Население, млн	12.0	21.1	37.4	59.3	92.1	116.2	155.4
Число чиновников на 1000 человек населения	0.39	0.57	0.57	2.01	1.40	1.24	1.63
Число классных чиновников, тыс.		4.56	15.5	87.2		100.7	
В том числе							
из дворян, %		50	45	46		31	
из помещиков, %		34		32		16	
из чиновников, %		13					
из духовенства, %		2					
из купцов, %		1					

Источники: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. ... С. 37, 61, 77, 102—112; Дубенцов Б. Б. Численность российского чиновничества в конце XIX—начале XX в. // Старцев В. И., Фруменкова Т. Г. (ред.). Россия в девятнадцатом веке: Политика, экономика, культура. СПб., 1994. С. 78; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России... С. 65—71; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861—1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 91, 94; Анфимов А. М., Корелин А. П. (ред.). Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 265; Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 256—259; Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 173, 176—177, 214—215, 300—301; Pintner W. M., Rowney D. K. (eds.). Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. P. 210, 237, 241.

Общая численность чиновников с конца XVII в. и до середины XIX в., т. е. до отмены крепостного права, увеличивалась: за 1690—1755 гг. — в 2.6 раза, за 1755—1796 гг. — в 1.8 раза, за 1796—1857 гг. — еще в 5.6 раза. Особенно быстро бюрократия росла в царствование Петра I, Александра I и Николая I. При Павле I, единственный раз за весь императорский период, произошло сокращение бюрократического аппарата. После отмены крепостного права число чиновников продолжало увеличиваться,

но более медленными темпами: к 1880 г. их было около 129 тыс., к 1897 г. — 145 тыс.⁹ С начала XX в. темпы роста бюрократии вновь увеличились, и к 1913 г. ее численность достигла 253 тыс.

Более наглядную картину дает сопоставление изменения численности чиновников с ростом населения страны. В первой половине XVIII в. бюрократия росла быстрее, чем население, в 1.5 раза, в первой половине XIX в. — в 3.5 раза, и только в царствование Екатерины II число чиновников увеличилось пропорционально росту населения. Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права, население в 1.1—1.4 раза увеличивалось быстрее, чем бюрократия. В начале XX в. число чиновников снова росло в 1.3 раза быстрее, чем население.

Таким образом, *относительная* численность служащих государственного аппарата увеличивалась в первой половине XVIII в., в первой половине XIX в. и в начале XX в., была стабильна во второй половине XVIII в. и уменьшалась во второй половине XIX в. Между тем в исторической литературе распространено мнение, согласно которому в пореформенное время темпы роста бюрократии непрерывно возрастали, вследствие чего в начале XX в. число чиновников достигло 435—500 тыс. человек.¹⁰ Однако кроме собственно бюрократии эти данные включают жандармов, полицейских, преподавателей школ и университетов, кондукторов, кассиров и других служащих министерств — всех, кто находился на государственной службе, а не только тех, кто занимался непосредственно управлением.

Как можно интерпретировать данные табл. X.1? Общий рост числа чиновников в течение императорского периода обуславливался правительственным курсом на европеизацию, взятым Петром I и продолженным его преемниками, что предполагало перманентное реформирование всех сфер общественной жизни и потому требовало повышения роли государства и соответственного роста числа занятых в аппарате управления. Но в отдельные царствования действовали и специфические факторы. При Петре, идеалом которого являлось регулярное государство, были приняты важные меры по рационализации и совершенствованию бюрократической машины и превращению чиновничества в важную и влиятельную социальную группу. В частности, большое значение имела Табель о рангах 1722 г. Она ввела единую систему чинов в военном, гражданском и дворцовом управлении, основанную на принципе личной выслуги, что укрепляло независимость царя от аристократии, создавало твердую социальную опору самодержавия в бюрократии, а также в среднем и мелком дворянстве, из которого преимущественно рекрутировались чиновники. Рост государственного аппарата при Александре I был связан с министерской реформой, а при Николае I, которому регулярное государство было также симпатично, — со стремлением императора усилить контроль над обществом, полагаясь преимущественно на бюрократию.

Данные об изменении относительной численности бюрократии, мне кажется, логично интерпретировать следующим образом: при прочих равных условиях, увеличение числа чиновников *относительно населения* служило признаком усиления государственного аппарата и его роли в управлении, наоборот, относительное сокращение бюрократии — признаком ослабления ее участия в управлении страной. Можно предположить, что в XVIII—первой половине XIX в. вследствие общей бюрократизации управления, усиления крепостного режима и роста напряженности в отношениях между помещиками и крестьянами верховная власть нуждалась в сильном аппарате принуждения и контроля, что помимо европеизации служило дополнительным стимулом к усилению государственного аппарата. В результате отмены крепостного права и развития системы самоуправления как в городе, так и в деревне потребность государства в контроле над гражданским населением ослабла. Путем введения земств и нового городского самоуправления вер-

ховная власть хотела сократить функции местной коронной администрации и освободить центральные правительственные учреждения от массы дел, не имеющих общегосударственного значения. И эта цель в значительной мере удалась: относительная численность чиновников, т. е. число чиновников на 1000 человек общего населения, между 1857 и 1897 гг. сократилась. Соответственно сфера сугубо бюрократических методов управления в губерниях и уездах сузилась, а сфера общественного самоуправления увеличилась.

Последнее предположение подтверждается тем, что параллельно снижению относительной численности коронной бюрократии увеличивалась численность выборной администрации в органах общественного самоуправления. До городской реформы в 1870 г. в сфере городского самоуправления большинство людей работало без оплаты и точное количество их неизвестно. Несомненно одно, что их было меньше, чем после введения в 1870 г. нового Городового положения. Земская реформа 1864 г. ввела совершенно новый орган общественного самоуправления, не имевший аналогов в дореформенное время. В 1880 г. на земской службе в 34 губерниях было занято около 52 тыс. человек.¹¹ Если учесть служащих городских дум, которых было, судя по расходам на жалованье, примерно на 30% больше, чем собственно земских служащих,¹² то окажется, что уже к 1880 г. в земствах 34 губерний и городских думах 50 губерний Европейской России было занято около 140 тыс. человек, т. е. больше, чем в коронной администрации всей империи без Польши и Финляндии. При этом, как показали сенаторские ревизии 1880—1881 гг., земские, судебные и в меньшей степени городские думы выполняли свои функции лучше, чем коронные учреждения.¹³ Эти данные дают основание для предположения: общественное самоуправление к началу 1880-х гг. серьезно потеснило коронное управление и вышло на первое место по крайней мере в 34 земских губерниях, что вызывало недовольство в правительственных кругах.¹⁴

Однако необходимо принять во внимание так называемое мирское самоуправление, т. е. самоуправление крестьян на волостном и общинном уровнях. Там могло быть занято, если судить по расходам на жалованье служащим, по крайней мере в 3.5 раза больше людей, чем в земском самоуправлении, следовательно, около 180 тыс. в 1880 г. С учетом этих данных вряд ли мы ошибемся, предположив, что **в начале 1880-х гг. управление повседневной жизнью как в городе, так и в деревне являлось в большей степени прерогативой самого общества, чем государства.** По моему мнению, так было и до Великих реформ.¹⁵

Более заметное увеличение численности чиновников в 1880—1913 гг. сравнительно с 1857—1880 гг., по-видимому, находилось в связи с попытками Александра III и Николая II укрепить роль государства в управлении. Контрреформы, борьба с общественностью и революционным движением, расширение казенного хозяйства требовали усиления бюрократического аппарата и особенно полиции, численность которой обгоняла даже численность чиновников. Однако эти попытки были тщетны, потому что в эти же годы увеличилось число земств, а численность служащих во всех органах общественного управления возрастала быстрее, чем численность бюрократии. Земских губерний в 1912 г. стало 40, в 1913 г. — 43, на общественной земской службе находилось в 1912 г. около 85 тыс., а на городской — 110 тыс. человек.¹⁶ В мирском самоуправлении крестьян было занято до 300 тыс. человек в 1912 г.¹⁷

Политика расширения казенного хозяйства, которая в литературе получила название «государственного капитализма», в начале XX в. тоже не принесла ощутимого успеха, так как частный капитал, включая отечественный и иностранный, развивался значительно быстрее, чем казенный капитал.¹⁸

Некоторые современники заметили процесс вытеснения бюрократического управления общественным, наступивший вслед за Великими реформами,¹⁹ что

подтверждает приведенные выше статистические данные о динамике числа чиновников. «Все последние реформы, — писал в 1880-е гг. крупный чиновник, директор тюремного комитета, ставший известным журналистом и историком Е. П. Карнович, имея в виду реформы 1860—1870-х гг., — в значительной мере уменьшили власть и влияние чиновничества на общественные интересы. <...> Положено начало размежевания прав и интересов администрации с правами и интересами населения, и такое размежевание провело уже довольно заметные грани между деятельностью чиновничества и общества».²⁰ Известный публицист Р. А. Фадеев и министр императорского двора И. И. Воронцов-Дашков считали в начале 1880-х гг., что численность бюрократии чрезмерно велика — «гораздо больше, чем нужно для службы», она мало загружена работой и представляет собой «почти праздную массу».²¹ Об избыточном числе чиновников в центральных коронных учреждениях писал в 1884 г. государственный секретарь А. А. Половцов.²² По-видимому, чиновники местного коронного управления еще менее были обременены работой. Например, чиновник особых поручений Подольского управления государственных имуществ, имея в виду конец XIX—начало XX в., писал в своих воспоминаниях: «У чиновников недостаточно работы, они убивают время всевозможными способами».²³ По мнению биографа Александра III В. В. Назаревского, император полагал, что Великие реформы, развивавшие самоуправление, умаляли значение коронной бюрократии, нарушали единство государственного механизма, так как общественные органы стремились избегать контроля со стороны коронных чиновников.²⁴ С. Ю. Витте в 1898—1899 гг. подготовил две записки, в которых констатировал рост значения самоуправления за счет коронного управления и доказывал, что дальнейшее развитие самоуправления приведет к установлению конституционного строя и падению самодержавия в России, как это уже случилось на Западе.²⁵

Таким образом, есть основания полагать: только до 1860-х гг. сфера деятельности бюрократии возрастала и соответственно роль государства в управлении обществом систематически увеличивалась (это, однако, не означает, что до Великих реформ относительное значение коронного аппарата имело в повседневном управлении страной большее значение, чем органов сословного самоуправления). После завершения реформ, наоборот, сфера деятельности общественности и ее роль в управлении обществом стала непрерывно расти. Отсюда напрашивается вывод, что традиционное **представление о всевластии российской бюрократии и вообще о сверхуправлении страной не соответствует реальности.** Сравнение данных о численности чиновников в России и западноевропейских странах это подтверждает. На тысячу человек населения в середине XIX в. в России приходилось 2 чиновника, в Британии — 4.1, во Франции — 4.8,²⁶ в 1910 г. на тысячу человек населения на государственной и общественной службе было занято чиновников: в России — 6.2, в Англии — 7.3, во Франции — 17.6, в Германии — 12.6, в США — 11.3.²⁷ Россия уступала западноевропейским странам по относительному числу как чиновников, так и общественных служащих и, можно сказать, «недоуправлялась», как выразился Д. И. Менделеев.²⁸ Возможно, преувеличение силы государственного аппарата является результатом перенесения представлений об СССР на дореволюционную Россию. Действительно, СССР по относительному числу чиновников превосходил дореволюционную Россию в 5—10 раз (табл. X.2).

Изменения в составе и организации бюрократии

В течение императорского периода происходили важные изменения в составе, образовании, квалификации и других характеристиках чиновников, что постепенно трансформировало физиономию русской бюрократии. Ха-

рактёрные черты русского чиновничества и те перемены, которые оно претерпело за XVIII—начало XX в., можно суммировать следующим образом.²⁹ Чиновничество было всегда ориентировано прежде всего на интересы государства, разумеется, как оно их понимало, и корпоративные интересы бюрократии. Каждый чиновник был ответствен главным образом перед другим вышестоящим чиновником, подчинялся ему и в своей службе руководствовался преимущественно бюрократическими правилами. Иерархическая организация чиновничества, строгая регламентация и полная зависимость от государства превратили бюрократию в могущественное и в то же время послушное орудие верховной власти, предназначенное для достижения ее целей. Однако нельзя не видеть и других тенденций. Во-первых, в течение XVIII—начала XX в. коронное управление все более ставилось в рамки закона и четкой инструкции, подчинялось бюрократической дисциплине: формальности — плохи ли, хороши ли они — ограничивали произвол чиновников. Компетенция, или специализация, государственного учреждения, конкуренция различных ведомств за влияние ставили пределы могуществу отдельных ведомств. Во-вторых, в царствование Екатерины II, в последней трети XVIII в., бюрократия попала под воздействие общественного мнения, которое выражалось различными способами, в том числе и через прессу.³⁰ Со второй половины 1850-х гг. и в особенности после введения земств и городских дум, можно говорить о том, что деятельность и центральной, и местной коронной администрации находилась под наблюдением со стороны общества и органов общественного самоуправления.³¹ С 1906 г. коронная бюрократия попала под контроль Государственной думы.

Таблица X.2

Численность людей, занятых в аппарате органов государственного и хозяйственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций в СССР

Показатели	1922 г.	1928 г.	1940 г.	1950 г.	1985 г.
Занято в государственном секторе народного хозяйства, млн*	6.2	11.4	33.6	40.4	117.8
Занято в управлении, тыс.	700	1010	1837	1831	2389
Отношение занятых в управлении к общей численности занятых в гос-секторе, %	11.3	8.9	5.5	4.5	2.0
Население СССР, млн	133.5**	147***	194	179	276
Занятых в управлении на 1000 человек населения	5.2	6.9	9.5	10.2	8.7

* Без колхозников. ** 1923 г. *** 1926 г.

Источники: Труд в СССР: Статистический сборник. М., 1988. С. 26, 30—31; Народное хозяйство СССР: Статистический справочник 1932 г. М.; Л., 1932. С. 401, 410; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 5.

В течение XVIII—XIX вв. произошли радикальные перемены во внутренней организации работы государственных учреждений. Коллегии, образованные в 1721 г., и другие органы государственного управления XVIII в., например губернские правления, введенные в 1775 г., приближались к коллегиальным учреждениям, поскольку по закону власть, им предоставленная, осуществлялась совместно несколькими лицами, составлявшими присутствие. Каждый член коллегии имел определенную долю власти, его мнение учитывалось при принятии решения, которое утверждалось большинством голосов. Министерства, образованные в 1802—1811 гг., и другие государственные учреждения в XIX в. являлись бюрократическими учреждениями. В них право окончательного решения принадлежало одному лицу — министру, директору департамента и т. п., но решение этого лица по требованию

закона было основано на подготовленном в аппарате этого учреждения докладе, в котором содержались проект решения и вся необходимая информация для принятия правильного и законного решения — все нужные справки, ссылки на законы и т. д. Решение принималось единолично, но не по произвольному усмотрению начальника, а на основе существующих законов, документов и рациональных соображений. Изменение внутренней организации центральных коронных учреждений после образования министерств оказало влияние на работу местных учреждений. Так, в течение первой половины XIX в. постепенно возрастала власть губернатора и падала самостоятельная роль губернских правлений, которые мало-помалу превращались в исполнительные канцелярии при губернаторах. Эти процессы были юридически закреплены в «Наказе губернаторам» 1837 г., в котором губернатор провозглашался «хозяином губернии». Во второй половине XIX в. губернское правление окончательно превратилось в исполнительный орган губернатора и вместе со всеми другими местными коронными учреждениями перешло к бюрократическому способу ведения дел. В замене коллективности единоначалием проявлялось стремление уменьшить произвол и субъективность в коронном управлении, поставить его на твердое юридическое основание, увеличить персональную ответственность за законность принятого решения. Недаром инициатива введения бюрократического порядка принадлежала М. М. Сперанскому.

На протяжении XVIII—начала XX в. высшая чиновная бюрократия в Петербурге и верхи администрации в провинции на 85—100% состояли из представителей потомственного дворянства. Поместное дворянство в чисто количественном отношении преобладало только среди высших чиновников, но среди всей бюрократии имело ограниченное представительство, которое до середины XIX в. повышалось, а после эмансипации стало уменьшаться. Но и в лучшие для помещиков времена их доля среди чиновников не превышала 34%. Весьма существенно также отметить, что в XVIII—начале XX в. наблюдалось так называемое обуржуазивание части бюрократии, особенно ее верхушки, что нашло свое проявление в предпринимательской деятельности чиновников. До отмены крепостного права оно не принимало широких масштабов в значительной степени потому, что сдерживалось дворянскими обычаями и честью. После эмансипации процесс вовлечения бюрократии в предпринимательство усилился. Уже в 1860-е гг. значительная часть чиновников участвовала в учредительстве акционерных компаний и банков, возглавляя их по совместительству с государственной службой в качестве директоров, членов советов и правлений. Ввиду того что подобная деятельность приняла широкие масштабы и ознаменовалась рядом грандиозных афер, в 1868 г. верховная власть попыталась ее ограничить, а в 1884 г. специальным законом запретила чиновникам высших пяти классов совместительство государственной службы с участием в учреждении и управлении делами акционерных компаний. Однако связь бюрократии с частными компаниями не прекратилась, а приняла другие формы. На административные должности в компании приглашались либо лица, находившиеся в близких отношениях с влиятельными чиновниками, либо отставные чиновники, сохранившие свои связи с аппаратом государственных учреждений. Нередки стали случаи, когда чиновники в генеральских чинах переходили с государственной на частную службу. До запретительного закона 1884 г. 225 высокопоставленных чиновников Министерства финансов занимали 251 должность в частных компаниях; из 1006 инженеров, находившихся на государственной службе по ведомству Департамента железнодорожных дел, 370 служили по совместительству в частных железнодорожных компаниях.³² В начале XX в. 115 чиновников четырех высших классов владели промышленными предприятиями и еще 160 занимали свыше 240 мест в руководящих органах частных компаний. По свидетельству С. Ю. Витте, акции Курско-

Киевской железной дороги получили известность как акции Государственного совета и Сената — так много было среди акционеров членов этих учреждений. У ряда крупных сановников доходы от ценных бумаг составляли важную часть их личного бюджета.³³ В правлениях и советах банков и акционерных обществ чиновники занимали сотни мест. В правлении каждого из существовавших в России 1788 крупных акционерных предприятий в 1901—1902 гг. мы встречаем хотя бы одного чиновника, находившегося на действительной службе или в отставке; это положение не изменилось до 1917 г.³⁴ Дворянский статус средней и высшей бюрократии заставлял ее довольно чутко реагировать на мнение преимущественно дворянской по составу общественности, а ее вовлеченность в предпринимательство приводила к тому, что она знала о чаяниях новой буржуазной элиты. Словом, *как до, так и после эмансипации бюрократия была осведомлена о потребностях русской общественности и ее желании изменений в экономическом и государственном строе страны.*³⁵

Со времени Петра I, который впервые в России открыл специальные подьяческие училища для подготовки чиновников-профессионалов, началось непрерывное повышение их образовательного уровня. Однако долгое время для поступления и продвижения по службе не требовалось никакого образовательного ценза — достаточно было быть грамотным. Закон от 24 января 1803 г. установил определенные требования к уровню образования чиновников, а указ от 6 августа 1809 г. установил образовательный ценз для чиновников, желавших успешно продвигаться по служебной лестнице: для получения чина VIII класса требовалось иметь среднее образование либо сдать экзамены по специальной программе. В 1834 г. ценз был отменен, но первый чин при поступлении на службу, а также скорость продвижения по службе все равно оставались в прямой зависимости от образования. В 1857 г. последние преимущества по образованию при продвижении по службе были отменены, но при поступлении на службу сохранились: первый чин давался в зависимости от уровня образования; кроме того, поступление на службу обуславливалось образовательным цензом в объеме уездного училища, дававшего неполное среднее образование. Результаты принятых мер постепенно сказались. Если в 1755 г. доля чиновников с высшим образованием составляла всего 1.1%, со средним образованием — 19.3%, с начальным и домашним образованием — 80.6%, то в середине XIX в.: с высшим — 29.4%, со средним — 36.9% и с начальным — 33.7%, в 1897 г. — соответственно 39.5, 22.8, 37.7%.³⁶

В течение 1700—1917 гг. происходила неуклонная *профессионализация чиновничества*, благодаря возникновению специальных учебных заведений и постепенному отделению гражданской службы от военной. В XVII в. чиновники, работавшие в приказах, приобретали профессиональные навыки от родителей и через ученичество. Лишь при Петре I возникли первые училища, дававшие специальное образование. Вторая переломная точка на этом пути приходилась на конец XVIII—начало XIX в., что было связано со следующими обстоятельствами: а) в 1809 г. был введен образовательный ценз для гражданских чиновников; б) роль семейных связей при поступлении на гражданскую службу и продвижении по служебной лестнице существенно уменьшилась; в) произошло обособление гражданских чиновников от офицеров; переходы с военной службы на гражданскую, столь частые в XVIII в., стали случаться в XIX в. реже. Если в XVIII в. типичный чиновник был офицером, то в XIX—начале XX в. — чиновником-юристом.

Рост профессионального, образовательного и материального уровня чиновников способствовал постепенной консолидации их в привилегированную социальную группу со строго иерархизированной структурой. Согласно Табели о рангах 1722 г., бюрократия разделялась на четыре группы: 1) чиновники низших рангов (канцелярские служители, или канцеляристы), не

имевшие и не могущие иметь классного чина и дворянского статуса по чину; 2) чиновники IX—XIV классов — до 1845 г. личные дворяне по чину; 3) чиновники VI—VIII классов — до 1845 г. потомственные дворяне по чину; 4) чиновники I—V классов — высшее чиновничество или генералитет. Эти группы находились в соотношении 70:20:8:2 в середине XVIII в. и 26:61:11:2 — в середине и конце XIX в. Как видим, среди чиновников доля канцеляристов уменьшилась с 70 до 26%, а доля классных чиновников соответственно увеличилась с 30 до 74%. Это свидетельствует о том, что в XVIII—первой половине XIX в. произошло принципиально важное явление — социальный статус всего корпуса *чиновников* существенно повысился: чиновники в массе своей *стали принадлежать к привилегированному благородному сословию*, так как любой классный чин до 1845 г. давал личное дворянство, а начиная с VIII класса — потомственное дворянство. Однако структура собственно классных чиновников изменилась в меньшей степени, поскольку на протяжении всего изучаемого времени подавляющее их большинство находилось в низших рангах: средний «класс», или средний чин, всех классных чиновников равнялся в 1755 г. — 9.6 класса, в 1796 г. — 10.1, в 1857 г. — 10.5, в 1897 г. — 9.6 класса. Другими словами, в XVIII—первой половине XIX в. средняя «классность» чиновников понизилась на 0.9 пункта (так как важность чина росла от XIV к I классу), а после отмены крепостного права повысилась на 0.9 пункта, т. е. вернулась к исходному рубежу 1755 г. Существенное уменьшение доли канцеляристов и сохранение средней классности чиновников говорит о том, что за время существования Табели о рангах возможности сделать карьеру на гражданской службе становились более благоприятными.³⁷

Форма и величина жалованья всегда имеет важное значение для социального статуса человека. По величине содержания, включавшего для классных чиновников средних и высших рангов жалованье (около 38% всего содержания), столовые (около 37%) и квартирные деньги (25%), чиновники разных рангов примерно соотносились как 100 (канцеляристы) — 300 (IX—XIV классы) — 700 (V—VIII классы) — 4300 (III—IV классы). Содержание чиновников I—II классов назначалось по высочайшему повелению. Содержание канцеляристов примерно равнялось или было несколько ниже заработка квалифицированного городского рабочего, содержание классных чиновников низших рангов в 2—3 раза его превышало, у чиновников средних рангов обеспечивало уровень жизни «благородного человека» из образованного общества, а доход чиновников высших рангов по русским стандартам делал человека богатым. Например, в крепостное время он равнялся доходу среднего или богатого помещика, имевшего несколько сот крепостных душ.³⁸ До 1763 г. форма жалованья не была стабильной. В начале XVIII в. жалованье было сложным по составу: оно включало деньги, землю, продукты, а также «почести», т. е. подношения (взятки) от истцов. В 1714 г. земельное жалованье было всюду отменено и заменено денежным и хлебным; установлены единые годовые оклады для всех должностных лиц. Жалованье столичных чиновников составляло половину оклада армейских офицеров соответствующих рангов, а провинциальных чиновников — четвертую часть. Однако в 1726—1727 гг. в связи с дефицитом государственного бюджета численность чиновников, получавших жалованье, была сокращена, само жалованье уменьшено, а канцеляристы вообще перестали его получать и, как в XVII в., стали кормиться платой или подношениями от истцов. В 1763 г. Екатерина II окончательно восстановила денежное жалованье всем чиновникам и увеличила его вдвое.³⁹ В последующие годы жалованье номинально, в ассигнациях, увеличивалось, но во второй половине XVIII—начале XIX в. его реальное значение понижалось вследствие падения курса бумажных денег и роста цен, а затем стало повышаться, однако и к середине XIX в. не достигло уровня, на котором оно находилось в екатерининское царствова-

ние. В 1804 г. средняя денежная часть жалования столичных чиновников равнялась 311 р. серебром, в 1810 г. — 119 р., в 1825 г. — 234 р., в 1832 г. — 279 р. серебром в год. Число чиновников в Петербурге за это время увеличилось с 5011 до 13 019.⁴⁰ В пореформенное время номинальный и реальный уровень содержания чиновников продолжал увеличиваться.

Бюрократия как профессия до 1917 г. была открыта на входе и выходе, но имела ядро из потомственных чиновников, на долю которых в середине XVIII в. приходилось около 49% всех классов чиновников, а в середине XIX в. — 40%. Чиновник служил для того, чтобы заработать на жизнь, повысить свой социальный статус, приобрести власть и влияние, которые зависели от его должности, а не от происхождения или богатства. Если армия, в особенности до эмансипации крестьянства, привлекала в свои ряды цвет дворянской молодежи, то бюрократия — наиболее способную и честолюбивую молодежь недворянского происхождения: в середине XVIII в. 50% классов чиновников не принадлежали по происхождению к дворянству, в конце XIX в. эта цифра выросла до 69%. Чиновники происходили из всех слоев населения — из крестьян, церковников, солдат, купцов, мещан, разночинцев. К 1816 г. среди всего дворянства России около 44% получили дворянское звание за службу. Только за 9 лет, с 1836 по 1844 г., 4685 чиновников получили потомственное дворянство по достижении соответствующего чина. Чиновники из разночинцев отличались от чиновников из дворянства большей компетентностью и лояльностью к верховной власти, они составляли самую верноподданную часть бюрократии. Ценз для получения потомственного дворянства постепенно возрастал. С 1845 г. чины X—XIV классов стали давать только личное почетное гражданство, чины VI—IX классов — личное дворянство, чины I—V классов — потомственное дворянство. С 1856 г. потомственное дворянство давали чины I—IV классов. Одворянивание чиновников не препятствовало профессионализации бюрократии, в то же время сохраняло ее как привилегированную социальную группу со своей специфической субкультурой, противодействовало превращению чиновников в касту, повышало ее жизнеспособность. Министр просвещения граф С. С. Уваров в 1846 г. в записке, направленной против намерения отменить чины, которая повлияла на Николая I, указывал: «Россия любит в Табели о рангах торжественное выражение начал славянским народам драгоценного равенства перед законом, дорожит знамением мысли, что каждый в свою очередь может проложить себе путь к высшим достоинствам службы. Сын знатного вельможи или богатейшего откупщика, вступая на поприще государственной службы, не имеет в законах оной никакого другого преимущества, кроме преимущества настоящего усердия, и оно может быть у него благородно оспариваемо сыном бедного и неизвестного заслугами отца».⁴¹

Изменение численности армии

Теперь несколько слов о втором важнейшем государственном институте — армии, в течение долгого времени служившей реальной опорой верховной власти. До XVIII в. армия частично состояла из полурегулярных частей, но главная ее сила заключалась в дворянском ополчении. Петр I отказался от ополчения и создал **регулярную, замкнутую, профессиональную армию**. Солдатская служба до 1793 г. была бессрочной, в 1793 г. сокращена до 25 лет, в 1834 г. — до 20, в 1855 г. — до 12, в 1872 г. — до 7, в 1874 г. — до 6, в 1876 г. — до 5, в 1905 г. — до 3 лет (во флоте в 1874—1914 гг. действительная служба обычно продолжалась на год дольше); офицерская служба до 1736 г. была бессрочной, в 1736—1762 гг. — 25 лет, с 1762 г. по закону стала добровольной и офицер в любое время мог выйти в отставку, исключая тех, которые закончили офицерские училища за казенный счет. Солда-

тами в армии были крестьяне и мещане, офицерами — дворяне. Старое дворянское ополчение ставило царя и его правительство в довольно тесную зависимость не только от дворянства, но и от многочисленных служилых чинов и даже крестьянства, так как дворяне являлись на службу со своими крестьянами. Регулярная, профессиональная армия делала государство более самостоятельным и независимым от всех социальных групп населения, поскольку армия, оторванная от общества, всегда является более послушным орудием в руках верховной власти. В 1874 г. рекрутская повинность податных состояний была заменена всеобщей воинской повинностью, а служба стала краткосрочной, офицерство пополнилось разночинцами, что имело далеко идущие последствия: *армия намного теснее, чем прежде, стала связана с обществом и меньше с императором и вследствие этого вышла из его безусловной власти* и могла успешно выполнять только такие задачи, которые были понятны офицерам и солдатам и не вызвали возражений с их стороны.⁴² Известный боевой русский генерал и военный теоретик Н. А. Епанчин, командовавший корпусом в Первую мировую войну, высказал на этот счет интересные соображения: «После заключения мира с Японией в 1905 г. и к концу Мировой войны часть русской армии, и к сожалению значительная, забыла долг службы, дисциплину, утратила порядок и боеспособность. По этому поводу я хочу высказать мое мнение принципиального характера. Когда правительства перешли к всеобщей повинности с короткими сроками службы, то надо было усвоить убеждение, что при новых условиях, когда войны вела не одна армия, а весь народ, так называемый вооруженный народ, уже нельзя было вести такие войны, цели которых были непонятны народу, а потому и не встречали сочувствия народной массы. И прежде этого не следовало упускать из виду, но тогда армии были кастовые, они не сливались так тесно с народом, как стало это впоследствии. Настроение воина кастовой армии не подвергалось такому воздействию всего народа, всего тыла, как теперь. Надо еще иметь в виду, что в те времена, когда было крепостное право, солдаты видели в своих начальниках как бы своих господ, которым они привыкли повиноваться. Все эти условия изменились, и при новой обстановке безусловно было необходимо, чтобы цель войны была понятна, ясна офицерам и солдатам, потому что только тогда они охотно и с воодушевлением идут в бой. И действительно, как можно предполагать, что человек охотно пойдет на увечье, на смерть и большей частью оставит свою семью на произвол судьбы, не всегда милостивой, если он не понимает необходимости таких жертв. <...> Цель Японской войны была совершенно непонятна не только толще народа, не только солдатам, не только офицерам, но и всем действительно образованным русским людям. Разумеется, при таких условиях нельзя было ожидать дружной работы, а в конце неудачной войны явилось общее разочарование, и левые употребили все усилия, чтобы внести смуту в армию и, в известной степени, в народ. В Мировой войне было другое явление: в начале цель войны была понятна. <...> Но война затянулась, требовала необыкновенных жертв, и настроение народа мало-помалу изменилось; этим воспользовалась пропаганда, и началось разложение армии. <...> Итак, при армиях современного вида нельзя вести войн авантюристических, династических и вообще таких, цель и значение которых или непонятны народу, или не вызывают его сочувствия». Соображения генерала Епанчина подтверждаются наблюдениями историков, которые обнаружили в пореформенное время усиление связи армии с обществом и ослабление ее связи с государством. Например, интенсивность солдатского и крестьянского движения в 1905—1906 гг. изменялась синхронно: то и другое усиливалось и слабело в соответствии с представлениями крестьян и солдат о силе самодержавной власти.⁴³

В течение XVIII—начала XX в. абсолютная численность регулярной армии росла, но относительно населения до 1760-х гг. снижалась, затем до

середины XIX в. имела тенденцию к росту, а затем вновь к снижению (табл. X.3).

Таблица X.3

Численность регулярной армии в 1680—1913 гг.

	1680 г.	1725 г.	1764 г.	1801 г.	1850 г.	1897 г.	1913 г.
Численность армии, тыс.	164	210	226	379	1118	1133	1320
Численность населения, млн	10.2	16.0	23.7	38.8	57.1	125.7	159.0
Число военных, %	1.6	1.3	0.95	0.98	1.96	0.89	0.83

Источники: *Обручев Н. Н.* (ред.). Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871. Отд. 2. С. 40—46; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 2. С. 256; *Ефремов В. П.* (ред.). Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 97; *Рыбаков Б. А.* (ред.). История СССР. М., 1967. Первая серия. Т. 3. С. 116, 244.

Таким образом, как с точки зрения комплектования вооруженных сил, так и с точки зрения их численности из приведенных данных можно заключить, что **значение армии как силы, поддерживавшей верховную власть, в XVIII—первой половине XIX в. повышалось, а в пореформенное время снижалось.**

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

С какими группами населения, кроме бюрократии и армии, верховная власть считалась и мнение которых принимала во внимание при проведении политики в XVII—начале XX в., другими словами, кто входил в состав общественности? В Московской Руси — те, кто имел право участвовать в земских соборах: боярство, духовенство, дворянство, посадские люди; в 1678 г. их насчитывалось 770 тыс. при населении в 9.3 млн человек,⁴⁴ на их долю приходилось около 8% всего населения. В XVIII—первой половине XIX в. организованное общество включало дворян, интеллигенцию, верхний слой городского сословия — гильдейское купечество и духовенство. К этим группам бюрократия обращалась за советами и помощью, их представители были неперенными участниками официальных приемов, устраиваемых властями по случаю государственных и церковных праздников. По мнению III отделения, «средний класс: помещики, живущие в столицах и других городах, неслужащие дворяне, купцы первых гильдий, образованные люди и литераторы, разнообразные элементы коего спаяны в одно целое, составляет, так сказать, душу империи».⁴⁵ Тайная полиция не включала духовенство в «средний класс» потому, возможно, что оно не оказывало существенного влияния на общественное мнение дворянства и в основной своей массе проживало в деревне, а не в городах. В 1719 г. численность «среднего класса», включая духовенство, достигала примерно 630 тыс. при населении в 15.6 млн,⁴⁶ в 1858 г. — 1480 тыс. человек при населении в 59.3 млн,⁴⁷ что составляло во всем населении страны соответственно около 4.0 и 2.5%. Даже если для XVIII—первой половины XIX в. учесть армию и бюрократию, с которыми верховная власть также серьезно считалась и которых вместе с общественностью мы условно назвали организованным, или сознательным, обществом, то его величина достигала 5.0—3.5% всего населения. В 1870—1913 гг. к общественности можно отнести цензовых граждан, т. е. представителей всех сословий, получивших право участвовать в выборах земств и городских дум, а с 1906 г. — в выборах Государственной думы. Право избирать в городские думы в 1870 г. получило 5.6% всего городского населения,⁴⁸ в уездные и губернские земства в 1864 г. — около 1% населения России,⁴⁹ отсюда доля цензовых граждан во всем населении страны составляла

около 2%. Новые избирательные законы по выборам в земства (1890) и городские думы (1892) уменьшили общую численность избирателей до 1—2% главным образом за счет населения, занятого в торговле и промышленности.⁵⁰ В 1907—1910 гг. электорат, т. е. число выборщиков, которые непосредственно избирали депутатов в Государственную думу, составлял по 51 губернии Европейской России 3.3% всего населения.⁵¹ Поскольку избирательные права получили только мужчины в возрасте 25 лет и старше, то, учитывая численность мужского населения старше 25 лет, предполагаем, что доля общественности во всем населении страны в 1870—1892 гг. составляла около 10%, в 1893—1905 гг. — 7 и в 1906—1913 гг. — 16%. Нельзя не признать, что сделанные расчеты весьма ориентировочны, да и идентификация социальных групп населения, образовывавших общественность, или организованное общество, требует более обстоятельной разработки.

Таким образом, по отношению ко всему населению численность общественности достигала в XVII в. около 8%, в XVIII—первой половине XIX в. — примерно 4—2.5, в 1870—1892 гг. — 10, в 1893—1905 гг. — 7 и в 1906—1917 гг. — до 16%. Относительная численность общественности с наступлением императорского периода уменьшилась сравнительно с московским периодом почти в 2 раза и затем вплоть до Великих реформ продолжала снижаться, достигнув минимального уровня в 2.5% в канун эмансипации. В результате реформ 1860-х гг. относительная численность общественности увеличилась до 10%, превысив уровень XVII в. на 2%, и впоследствии, за исключением короткого периода 1892—1905 гг., продолжала увеличиваться, достигнув своего максимума в 16% после учреждения Государственной думы. В то же время социальный состав общественности был достаточно стабилен — дворянство, духовенство и верхи торгово-промышленного населения. Общественность всегда была малочисленной, так как львиная доля населения страны состояла из крестьян, которые входили в нее в ограниченном числе.

Государство и образованное общество

Каждая крупная социальная группа имела собственное мнение о важнейших событиях в государстве, об актуальных проблемах действительности, и это мнение оказывало влияние на государственную политику, что помогало верховной власти находить *modus vivendi*. Представление об отрыве политики верховной власти от интересов общества и общества от политики на протяжении всего императорского периода⁵² нуждается в корректировке, хотя оно широко распространено в исторической литературе и разделялось многими авторитетными историками.⁵³ Например, В. О. Ключевский полагая, что «русские цари — не механики при машине, а огородные чучела для хищных птиц», снисходительно золотил пилюлю: они «были полезны как грозные боги, бесполезны и как огородные чучела».⁵⁴ В действительности на протяжении XVIII—начала XX в. верховная власть в целом проводила компромиссную в интересах всех сословий политику во внутренних и международных делах и выступала лидером общества и проводником модернизации. Вспомним известные факты, чтобы проиллюстрировать мысль, что реально проводимая политика имела в целом позитивные результаты и что ее можно рассматривать как результат диалога с общественностью, как равнодействующую интересов государства и общества.

Петр I (1682—1725 — здесь и далее указываются годы царствования) — один из самых радикальных преобразователей в истории России провел реформы, имевшие целью создать регулярную армию и флот, процветающие торговлю и промышленность, дать новое направление развитию национальной культуры и образования, создать новую административную систему и

Рис. 25. Победоносцев и общественное мнение. Карикатура из журнала «Паяцы». 1905 г.

сильное государство, способное вести активную внешнюю политику, сломать стену, стоявшую между Россией и Западом. Реформы были *стратегически* правильными и свервременными. При жизни Петра они нередко встречали в обществе сильную оппозицию, и император под ее влиянием вносил поправки в ход преобразований.⁵⁵ Созданная Петром социально- политическая система доказала свою жизнеспособность, и в конце концов его реформы получили общественное одобрение даже со стороны народа. Вскоре после смерти Петра началась его идеализация, и при Елизавете в народном сознании его образ трансформировался в грозного, но справедливого царя, проявлявшего заботу о благе России и простом люде; распространились легенды о наказании Петром I обидчиков народа.⁵⁶

Ближайшие преемники Петра, не отличавшиеся его способностями, в общем более или менее следовали петровскому курсу: вернуться к допетровским порядкам тем, кто лелеял такую надежду, оказалось невозможно. И общество их терпело. Но как только после смерти Анны Иоанновны (1730—1740) власть захватил ее фаворит, курляндский герцог Э. И. Бирон (в качестве регента при несовершеннолетнем императоре Иване VI), олицетворявший в глазах русского общества засилье иностранцев в управлении государством и отказ от национального курса во внутренней и внешней политике, он был немедленно, через три недели после прихода к власти, сверг-

нут гвардейцами, фактически дворянством при одобрении всего народа. Патриотический подъем русского общества привел к власти дочь Петра I Елизавету (1741—1761) под лозунгом восстановления петровского наследия в управлении государством.

Можно сказать, что Елизавета выполнила свои обязательства: она систематически покровительствовала всему национальному, отодвинула иностранцев в тень от власти, во всем старалась следовать заветам своего отца. Ее царствование отмечено успехами во внешней политике (победы в Семилетней войне), военном деле (переворужение армии), экономике (быстрое развитие внешней торговли и промышленности вследствие отмены внутренних таможен и протекционистского тарифа), в области культуры и образования (открытие Московского университета, ряда других учебных заведений, Академии художеств). Ее правительство осуществило ряд других полезных и одобренных обществом мер, таких как созыв в 1750-х гг. Комиссии об Уложении — прообраза Екатерининской комиссии 1767 г., проведение генерального межевания земель, открытие первых в России банков и др. Елизавета благополучно царствовала почти 20 лет и почила, оплакиваемая народом. Соблюдение высших государственных интересов обеспечило ей популярность в обществе.

Преемник Елизаветы Петр III (1761—1762) на седьмом месяце царствования был свергнут с престола за неуважительное, с точки зрения современников, отношение к православию, русским традициям и изменению внешней политики (он прекратил боевые действия против Пруссии в Семилетней войне 1756—1763 гг. и заключил мир с Фридрихом II, выгодный Пруссии, принеся в жертву российские интересы). И это несмотря на то, что именно он, а не Екатерина II, первым издал манифест, освободивший дворян от обязательной службы, отменил ненавистную всем Тайную канцелярию, объявил о секуляризации церковных имений, чего долго добивалось дворянство.

Внутренняя и внешняя политика Екатерины II (1762—1796) отвечала принципиальным потребностям русского общества (лишь интересы помещичьих крестьян не принимались во внимание) и потому получала одобрение большинства населения, в особенности со стороны дворянства и городских состояний. Идя навстречу их пожеланиям, а в ряде случаев их опережая, она даровала жалованные грамоты дворянству и городам, расширила для горожан и фактически создала для дворян сословное самоуправление, учредила сословные суды, коронное местное управление поставила под контроль дворянских обществ, провела административную реформу, способствовавшую укреплению законности в управлении, поощряла развитие промышленности, науки, литературы, образования, журналистики, книгопечатания, театра и искусства, открыла внешние рынки для российского сельского хозяйства, расширила контакты с западноевропейскими странами во всех сферах жизни, создала систему общественного призрения (богадельни, сиротские приюты, воспитательные дома для подкидышей, работные и смирительные дома, дома для сумасшедших, оспопрививальные дома), которой руководили приказы общественного призрения. Значительных успехов добилось народное образование: благодаря реформе образования (при ней в лице Комиссии об учреждении училищ был создан прообраз Министерства народного просвещения) к концу XVIII в. в стране насчитывалось 549 различных учебных заведений с контингентом учащихся в 62 тыс. Благодаря этому ни одна социальная группа не противопоставляла себя верховной власти, за исключением помещичьих крестьян и старообрядцев (причем в последнем случае действовал скорее религиозный, чем социальный фактор), да и они в принципе не выступали против самодержавия. Об этом можно судить по работе Комиссии для составления нового Уложения 1767—1768 гг. и по наказам ее Депутатам. И депутаты, и избиратели смотрели на общество как на социум, основанный на наследственном разделении прав, обязанностей и обществен-

ных функций, в котором царствуют гармония и стабильность. Их идеалом являлось сословное общество во главе с монархом, который советуется со своими подданными по важным вопросам общественной жизни, как это было в московский период. Сравнительно с XVII в. общественный идеал к 1760-м гг. изменился: отдельные разряды населения хотели стать сословиями с твердыми, зафиксированными в законе правами, которые тогда назывались привилегиями. Императрица отказалась от реализации своих радикальных, опережающих время проектов (в частности, от намерения уничтожить крепостное право, даровать свою жалованную грамоту государственным крестьянам) после консультаций с доверенными лицами, знакомства с наказами, поданными в Комиссию для составления нового Уложения, а также под влиянием своего личного опыта управления. Она следовала пожеланиям, высказанным в наказах, — создать сословное общество и рекомендациям просвещенных людей Европы — поставить управление на твердое основание законов. Создание сословного правомерного, или закономерного, государства являлось курсом русского самодержавия начиная с Петра I.⁵⁷ Как было показано в главе II «Социальная структура и социальная мобильность», в большей степени дворянство и в меньшей степени духовенство и торгово-промышленное население городов смогли к концу XVIII в. осуществить свою мечту стать сословием; крестьянство приобрело лишь некоторые черты настоящего сословия. Во внешней политике императрица также сумела понять и завершить то, к чему несколько столетий стремились русские государи и русское общество: Россия укрепилась на берегах Черного моря, ослабила своего соперника Турцию и присоединила Крымское ханство, которое травмировало русских своими военными набегами. Несомненны экономические успехи страны в ее царствование.⁵⁸

Сын Екатерины Павел I (1796—1801) поплатился жизнью за попытку делать то, что ему, императору, казалось правильным, не считаясь с общественным мнением, выразителем которого в то время было дворянство, несмотря на то что в его внутренней политике было немало рационального. Павел отказался от продолжения политики Екатерины II по созданию гражданского общества через развитие сословного самоуправления, отдав предпочтение политике усиления законности в коронном управлении через его бюрократизацию и ограничение привилегий дворянства и городского сословия. Он нарушил принципиальные пункты жалованных грамот дворянству и городам, что означало отход от сословной политики Екатерины II, приемлемой для большей части населения того времени, а его военная и административная реформы, преследовавшие цель навести порядок во внутреннем управлении в интересах большинства и поставить управление под контроль закона, на деле обернулись усилением личной власти императора, тотальной опекой и вмешательством во все мелочи общественной жизни. Здесь уместно сравнить Павла с Петром I. Последний также был суровым, жестким, временами деспотичным императором, к тому же он возложил на общество огромную ношу реформ. Но современники, хотя и роптали, несли бремя европеизации и прощали его жесткость. Петр I умер своей смертью, в своей постели, окруженный соратниками, потому что установленный им абсолютистский режим служил по большому счету интересам общества и России. За деспотизмом же Павла, как казалось современникам, очень часто стояли его оскорбленное самолюбие, обида на дворянство за поддержку Екатерины и непомерное тщеславие, а не истинная забота о благе людей и страны. И дворянская общественность этого не вынесла. По наблюдению М. В. Ключкова — одного из немногих историков, положительно оценивавшего царствование Павла, именно разрыв между верховной властью и дворянским обществом привел к гибели императора. Но ограничения крепостного права Павел начал своевременно (я имею в виду указ о трехдневной барщине,

облегчение рекрутства и других повинностей, мероприятия по введению законности в управление дворцовыми и казенными крестьянами), и эта политика была унаследована его преемниками, осторожно проводилась в течение всей первой половины XIX в. и подспудно готовила отмену крепостного права.⁵⁹

Александр I (1801—1825) сразу по восшествии на престол удовлетворяет требования общественного мнения и отменяет стеснительные ограничения своего отца на ввоз из-за границы книг, на экспорт, поездки за границу, подтверждает жалованные грамоты, упраздняет Тайную экспедицию (политическую полицию), активизировавшуюся при Павле, проводит амнистию, восстанавливает отношения с Англией. Император хотел бы продолжить свою либеральную политику, но был вынужден в 1811 г. отказаться под давлением дворянства от своих планов радикальных реформ, составленных по его указанию М. М. Сперанским (отмена или по крайней мере существенное ограничение крепостного права, введение в действие фундаментальных законов и новой системы государственных учреждений, обеспечивавших эволюцию самодержавия в сторону конституционной монархии, предоставление гражданских свобод и др.), и перейти к стратегии постепенных реформ, учитывавших подготовленность к ним общества.⁶⁰ И следует хорошенько все взвесить, прежде чем утверждать, что это не соответствовало интересам общества в целом. Дело в том, что реализация либеральной политической программы с большой вероятностью могла привести к установлению конституционной монархии, но ограниченной дворянством, что могло бы создать для России того времени большие проблемы. В самом деле, по плану государственных преобразований Сперанского, политические права, т. е. право участвовать в представительных органах и государственном управлении, принадлежали только владельцам недвижимой собственности.⁶¹ Следовательно, крестьянство — около 92% всего населения России — лишалось политических прав, так как помещицы крестьяне по закону не имели никакой недвижимой собственности (то, чем они владели, принадлежало помещикам), а казенные крестьяне не были собственниками земли — она принадлежала казне. Из среды городских состояний лишались политических прав все работавшие по найму и имевшие собственность ниже установленного ценза (Сперанский не конкретизировал величину ценза). Из-за бедности населения любой имущественный ценз лишал политических прав, как показали выборы в городские думы в 1870 г., когда был введен минимальный имущественный ценз, около 85% городского населения, т. е. практически всех мещан, городских крестьян и рабочих. Кто же оставался? Дворянство, купечество и, возможно, какое-то число старшин от казенных селений (проект предусматривал участие в волостных думах старшин от казенных селений, из которых некоторые теоретически могли быть выбраны в окружные, затем в губернские думы и, наконец, в Государственную думу). Поскольку среди потенциальных выборщиков депутатов в Государственную думу потомственное дворянство в 1,35 раза по численности превосходило купечество (235 тыс. против 174 тыс. в 1811 г.),⁶² то даже в случае пропорционального распределения голосов верховная власть перешла бы в руки дворянства, которое и стало бы «законодательным сословием». Сам Сперанский впоследствии осознал опасность своего проекта. Он писал в 1819 г.: «Возможность законодательного сословия, сильного и просвещенного, весьма мало представляет вероятности. Посему одно из двух: или сословие сие будет простое политическое зрелище, или, по недостатку сведений, примет оно ложное направление».⁶³ Не дворянская ли анархия XVII—XVIII вв., приведшая Польшу к гибели, мерещилась Сперанскому? Во всяком случае такой сценарий исключать было нельзя — декабристски мыслящих дворян даже в 1825 г. насчитывалось несколько сотен, а собакевичей, коробочек, ноздревых, маниловых и им подобных — многие тысячи.

Под давлением дворянства и объективных обстоятельств в 1811 г. Александр I совершил крутой поворот также и во внешней политике. Он перешел от непопулярной в то время в России и особенно среди дворянства профранцузской ориентации к антифранцузской. В 1811 г. от имени консервативной дворянской оппозиции, отражавшей интересы большинства тогдашней общественности, Н. М. Карамзин представил императору «Записку о древней и новой России», в которой подверг острой критике весь правительственный курс и предрек кризис государства, если государь не одумается и не вернется на традиционную дорогу его державных предков: «Самодержавие основало и воскресило Россию, с переменной государственного устава ее она гибла и должна погибнуть. <...> Всякая новость в государственном порядке есть зло, к которому надо прибегать только в необходимости». Государственная мудрость должна быть более «хранительной, нежели творческой». Истинное самодержавие, считал Карамзин, ограничено только христианской верой и совестью, но не законом.⁶⁴ Идеи «Записки» были приняты во внимание императором как во внутренней, так и во внешней политике. На примере Александра I можно видеть, что если политика верховной власти принимает антинациональный, по мнению общественности, характер, то она вынуждает верховную власть отказаться от такой политики. Из замышлявшихся преобразований Александр I реализовал только то, что соответствовало требованиям русской жизни и большей части общественности: либеральную реформу образования и цензуры, создание Государственного совета — бюрократического законосовещательного органа, министерскую реформу. Особенно успешной была реформа образования, которая впервые создала правильно организованную систему высшего, среднего и начального образования в России.⁶⁵

Следует заметить, что идеи Карамзина были впоследствии развиты славянофилами и консерваторами второй половины XIX в. и также оказывали влияние на внутреннюю политику верховной власти и формулирование ее идеологии. В своих построениях идеальной русской государственности, которая должна быть только «истинной монархией», одни делали упор на православие, другие — на самодержавие, третьи — на народность. Но при всех оттенках их объединяла одна общая мысль: монарх — Божий слуга, он выражает народную православную веру, дух, идеал и подчиняется им, народ отказывается от власти в пользу Бога, а Бог делегирует верховную власть монарху, в силу чего произвол верховной власти в «истинной монархии» принципиально невозможен.⁶⁶ Уместно заметить, что русская консервативная мысль от Н. М. Карамзина до Л. А. Тихомирова вовсе не была оторвана от русской жизни, она отражала воззрения народа на власть, архетипы русского сознания, а также и трудности европеизации России.⁶⁷ Консервативный национализм развился из попыток русской консервативной интеллигенции создать национальные идеалы, которые сплотили бы государство, образованную элиту и народ в единое целое и воспрепятствовали бы распространению радикализма, нигилизма и социализма.⁶⁸

Вскоре после выступления консерваторов на общественной сцене появились радикалы и тоже оказали влияние на политику верховной власти. Движение декабристов было направлено против общих основ существовавшего правопорядка, построенного на крепостничестве и самодержавии, а некоторые авторы (например, А. И. Герцен, В. И. Семевский) усматривали в радикальном крыле декабристов предтечу русских социалистов.⁶⁹ В декабре 1825 г. тайные общества, состоявшие главным образом из гвардейских офицеров, подняли мятеж, но потерпели поражение. Николай I приказал составить свод мнений декабристов в отношении внутреннего состояния государства, из которого, по его словам, «черпал много дельного».⁷⁰ Может быть, благодаря этому в его царствование были достигнуты значительные успехи в области государственного строительства, культуры и экономики. Верхов-

ная власть провела ряд крупных полезных и давно ожидаемых обществом мер. После 133 лет безуспешных попыток в 1830—1832 гг. были подготовлены Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи, включавшие действующее законодательство, что поставило государственное управление на твердое основание закона. В 1839—1843 гг. была проведена также давно ожидаемая обществом денежная реформа, стабилизировавшая государственные финансы. Как пробный шаг на пути отмены крепостного права в 1837—1841 гг. была проведена реформа казенной деревни, существенно улучшившая положение казенных крестьян — около 40% всего населения страны. Реформа рассматривалась как прообраз будущей реформы помещичьей деревни; в отношении же помещичьих крестьян были предприняты некоторые частные улучшения. За 1826—1855 гг. было принято 30 007 законодательных актов о всех категориях крестьян, в том числе 367 о помещичьих крестьянах — это почти в 3 раза больше, чем в предшествующее царствование.⁷¹ Прообразом городской реформы 1870 г. послужила реформа городского управления С.-Петербурга в 1846 г. Много было сделано со стороны правительства для экономического прогресса страны (поощрялись промышленность, деятельность сельскохозяйственных и промышленных обществ, организовывались всероссийские выставки для пропаганды передовых технологий, учреждались банки и биржи, строились железные дороги, открывались технические учебные заведения и т. д.) и для развития высшего и среднего образования и народного просвещения (было открыто много учебных заведений, до 1848 г. действовал довольно либеральный университетский устав и т. п.). В целом вторая четверть XIX в. — время расцвета литературы, науки, искусства, образования, время становления профессиональной интеллигенции.⁷² По словам известного писателя П. Д. Боборыкина, чье формирование как либеральной личности и писателя происходило в 1840—1850-е гг., николаевское царствование не было столь консервативным и репрессивным, как принято думать начиная с 1860-х гг.; подавления личности и индивидуальной свободы не чувствовалось, по крайней мере он, его знакомые и друзья этого не ощущали. Свободы было в действительности больше, чем кажется; и возможностями, которые имелись для развития науки и литературы, образованное общество воспользовалось далеко не в полной мере. Стать либерально мыслящим человеком было можно, для этого требовались только личные усилия и интеллектуальный труд.⁷³ Последний вывод Боборыкина подтверждает крупный общественный деятель и историк Б. Н. Чичерин, который в своих воспоминаниях ярко показывает, как учеба в Московском университете в трудные для свободной общественной мысли 1845—1849 гг. сделала его либералом.⁷⁴

Как видим, при Николае I получило дальнейшее развитие многое из того, что начинало осуществляться при Екатерине II и Александре I в сфере прав сословий, укрепления законности в управлении, распространения образования, ограничения крепостничества — все это готовило почву для следующего либерального царствования. Николай I следовал разумной, по крайней мере для второй четверти XIX в., максиме: изменять в государственном строе лишь то, что необходимо. И что же в результате? Полное собрание законов и Свод законов, первые железные дороги, пароходы и телеграф, начало трудового законодательства, стабилизация финансов, начало аграрной реформы, значительные достижения в образовании и культуре. Следует согласиться с теми исследователями, по мнению которых, прагматичный и консервативный Николай I сделал в конечном счете для общества больше, чем его брат — возвышенный, либеральный и мистически настроенный Александр I.⁷⁵

Позитивные результаты николаевского царствования свидетельствуют о том, что «скорбный труд» декабристов не пропал. А если бы их замысел

удался? Не привело бы введение конституции в такой стране, как Россия, к власти олигархию, за которой последовала бы анархия, не стала ли бы Россия европейской резервацией дворянских вольностей, как полагал просвещенный человек своего времени граф Н. С. Мордвинов, которого декабристы прочили в министры своего временного революционного правительства?⁷⁶ Такой вариант, например, просматривается в случае реализации наиболее популярного в среде декабристов проекта Н. М. Муравьева, составленного в 1825 г. Согласно его «Конституции», гражданином с избирательным правом мог стать мужчина, владевший недвижимой собственностью на 500 р. или движимой собственностью на 1000 р. серебром. Для тех же, кто мог быть избранным в законодательные, судебные или исполнительные учреждения, имущественный ценз увеличивался от 4 до 60 раз и составлял огромную по тем временам сумму.⁷⁷ Кроме того, через 20 лет после введения конституции все лица, пользующиеся правами граждан, должны быть грамотными. В 1825 г. на 35 млн населения Европейской России имущественному цензу на право избирать в законодательное собрание отвечали не более 313 тыс. лиц мужского пола — 260 тыс. дворян и 53 тыс. купцов, а имущественному цензу на право быть избранным в органы управления и суда — максимум 80 тыс. лиц мужского пола — 75 тыс. дворян и 5 тыс. купцов первой и второй гильдий.⁷⁸ При существовавшем в России распределении собственности и образования власть, естественно, перешла бы в руки дворянской аристократии, а если бы сословия были отменены — в руки бывшей аристократии, поскольку полные избирательные права получило бы менее 0.5% населения. Второй ценз — грамотность — лишил избирательных прав 83—85% населения, так как даже через поколение, в 1857 г. в России было около 15—17% грамотных, в том числе среди дворян около 75%, среди городских состояний — 20%, а среди крестьянства — 8%.⁷⁹ Таким образом, хотя декабристы в своем большинстве не преследовали личных или сословных целей, а желали только добра России и поступали из лучших и высших соображений, возможные политические последствия реализации их программы не выглядят однозначно позитивными. Между тем реформаторские проекты целесообразно ценить за то, как и с какими издержками эти проекты предлагают достичь всеобщего благоденствия.⁸⁰ Однако, вероятно, ценя проекты государственных преобразований декабристов, Николай I, достаточно сурово наказавший их как император, как человек проявил милосердие. Строго секретно он оказал реальную помощь двум десяткам семей декабристов — денежными пособиями и устройством их детей в престижные учебные заведения на казенный счет.⁸¹

Под влиянием выступления декабристов император разочаровался в дворянстве как надежной опоре верховной власти и в течение своего царствования действовал по возможности независимо от дворянской общественности, опираясь главным образом на бюрократию. Недоверие к дворянству подогревалось III Отделением. Например, в обзоре за 1827 г. шеф жандармов указывает императору: «Молодежь, т. е. дворянчики от 17 до 25 лет, составляют в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающиеся в разные формы и чаще всего прикрывающиеся маской русского патриотизма <...> Все это несчастье происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов и о свободе. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева, и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ».⁸²

Из-за недоверия к дворянству правительство, как никогда прежде, вмешивалось в отношения между помещиками и крестьянами, пытаясь поставить их в рамки закона.⁸³ Однако утверждение в обществе и в общественной мысли после поражения декабристов либерально-просветительской концеп-

ции эволюции страны, которая фактически отвергла радикализм, включая радикализм декабристов, как средство решения общественных проблем, способствовало смягчению отношений между дворянством и верховной властью. Дело в том, что либеральные дворянские круги, наиболее близкие к тайным обществам 1820-х гг., не поддержали декабристов ни в момент восстания, ни после. Они считали восстание политически несостоятельной и легкомысленной авантюрой, а декабристов — политическими дилетантами. «Что это за заговор, — писал в своих воспоминаниях М. А. Дмитриев, — в котором не было двух человек, между собою согласных, не было определенной цели, не было единодушия в средствах, и вышли бунтовщики на площадь, сами не зная зачем и что делать. Это была ребячья вспышка людей взрослых, дерзкая шалость людей умных, но незрелых!».⁸⁴ Декабристам сочувствовали как личностям, но им не симпатизировали как политикам. Общество и самодержавие осознавали необходимость реформ, но считали, что Россия к ним еще не готова. Например, современник николаевского царствования Б. Н. Чичерин был убежден в неготовности российского общества к конституционному режиму даже в начале 1860-х гг. По его мнению, Россия нуждалась в сильной государственной власти, способной проводить либеральные реформы. В силу этого он отстаивал концепцию консервативного либерализма.⁸⁵ Ради благоденствия страны общественность была согласна сотрудничать с императором, которого многие, включая А. С. Пушкина, считали «единственным европейцем в России».⁸⁶ Следует заметить, что если либеральная общественность до 1848 г. не испытывала преследований со стороны правительства, то радикальные представители общественной мысли — А. И. Герцен, Н. П. Огарев, П. Я. Чаадаев, А. И. Полежаев, братья В. И. и М. И. Критские, М. В. Буташевич-Петрашевский и его последователи, Т. Г. Шевченко и другие — подвергались гонениям постоянно, так как правительство подозрительно относилось к радикалам и ко всякого рода тайным обществам.

Хрупкий консенсус между верховной властью и либеральной общественностью, которая составляла большинство образованного общества, был нарушен в 1848 г., когда Николай I, испугавшись европейских революций, перешел к охранительному курсу. Многие представители тогдашней интеллектуальной элиты — братья И. В. и П. В. Киреевские и братья К. С. и И. С. Аксаковы, А. С. Хомяков, В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев — попали под подозрение и были ограничены в своей творческой деятельности и личной жизни. А именно эти люди направляли умственное движение той эпохи. В ответ на враждебность и подозрительность императора общественность платила ему той же монетой и весьма в этом преуспела. Она внушила обществу представление о Николае I как о примитивном солдафоне, а о его царствовании, несмотря на значительные достижения, сделанные в его время, — как о периоде застоя и реакции. Причем внушила настолько глубоко, что это мнение до настоящего времени господствует в историографии и разделяется читающей публикой. Попытки некоторых современников, например П. Д. Боборыкина, скорректировать подобное однобокое представление не увенчались успехом.⁸⁷ Представители трех направлений в русской общественной мысли, известные как «западники», «славянофилы» и «революционные демократы», оказались в оппозиции к правительству. С этого времени и до конца царствования Николая II наступило взаимное отчуждение верховной власти и образованного общества.

Как бы то ни было, но царствование Николая I явилось инкубационным периодом для реформ: в это время были подготовлены их проекты или по крайней мере их основные идеи, а также и люди, которые смогли их реализовать. И чем дольше откладывалось осуществление реформ, тем быстрее они были реализованы при благоприятной возможности, которую создали

в России поражение в Крымской войне и волна общественного подъема во второй половине 1850-х гг. Реформы, проведенные Александром II (1855—1881), отвечали требованиям именно либеральной общественности, так как консерваторы считали их слишком большой уступкой, а радикалы — недостаточной.⁸⁸ Реформированию подверглись все сферы жизни: было отменено крепостное право, введен бессловесный суд, рекрутская повинность заменена всеобщей воинской повинностью, созданы органы всесословного местного самоуправления в городе и уезде, вошли в действие либеральные цензурные правила, проведена школьная реформа. Пожалуй, единственное, чего не сделал император, так это не создал общероссийского представительного органа. Правда, к 1881 г. Александр II осознал необходимость введения законосовещательного учреждения, но не успел осуществить это.⁸⁹ С седьмой попытки революционным террористам удалось его убить. В экономической сфере верховная власть также действовала дальновидно. Курс на индустриализацию, взятый правительством в 1870-е гг., был стратегически правильным и проводился оптимальным для России способом. Выкупные платежи, сохранение общины и ограничение свободы передвижения представляли препятствия для индустриализации. Но отмена платежей привела бы государство к финансовому краху; сохранение общины отвечало желаниям самого крестьянства и обеспечивало более плавный переход от традиционного к индустриальному обществу. Крестьянство по своему менталитету, по своему экономическому положению еще не было готово для ведения индивидуального хозяйства. В целом царствование Александра II отмечено сотрудничеством верховной власти с общественностью разных направлений, несмотря на то что последние годы его царствования «представляли собой не что иное, как беспощадную травлю царя и его близких террористами», отчасти поддерживаемую левым крылом общественности.⁹⁰ В этой связи показательно, что за 1865—1884 гг. земства возбуждали перед правительством 2623 ходатайства, из которых 48% были удовлетворены.⁹¹

Александр III (1881—1894) считал, что революционный террор был порожден социальными и политическими реформами его отца, политические взгляды которого не разделял.⁹² Новый император не доверял также прозападной либеральной части общественности, которая сочувствовала революционерам. Вследствие этого он сделал ставку на самобытность, традиционализм, национализм, на патриархальное крестьянство, поместное дворянство, на национальную буржуазию и на силу самого государства.⁹³ Александр III, а вслед за ним Николай II в стремлении повысить общественное доверие к верховной власти пытались опереться на ритуалы и символы допетровской Руси, реанимировать политическую идеологию XVII в.,⁹⁴ повысить легитимность самодержавия в глазах народа, опираясь на его религиозность. Это не имело успеха, отчасти из-за плохого исполнения задуманного плана.⁹⁵ Однако видный либерал Е. Н. Трубецкой признавал реальность таких политических расчетов, когда писал в 1912 г.: «Нас губит слабое, зачаточное пока развитие тех средних слоев общества, которые бы могли послужить проводниками правовых идей в жизнь. <...> В других странах наиболее утопическими справедливо признаются наиболее крайние проекты преобразований общественных и политических. У нас наоборот: чем проект умереннее, тем он утопичнее, неосуществимее. При данных исторических условиях, например, у нас легче, возможно осуществить „неограниченное народное самодержавие“, чем Манифест 17 октября (курсив мой. — Б. М.). Уродливый по существу проект „передачи всей земли народу“ безо всякого вознаграждения землевладельцев менее утопичен, т. е. легче осуществим, нежели умеренно-либеральный проект „принудительного отчуждения за справедливое вознаграждение“. Ибо первый имеет за себя реальную политическую силу крестьянских масс, тогда как второй представ-

ляет собой беспочвенную мечту отдельных интеллигентских групп, людей свободных профессий да тонкого слоя городской буржуазии».⁹⁶

Поместное дворянство в 1880-е гг. с точки зрения экономической и социальной представляло собой еще довольно внушительную силу. Даже к началу XX в., когда значение дворянства существенно понизилось, его доля среди имущих верхов (с годовым доходом более 10—20 тыс. р. в 1905 г.) составляла, по разным оценкам, от 15 до 33%. Оно было сильно также своими сословными организациями, своими политическими позициями на местах — в земстве, в уездном управлении, представляло собой самый сплоченный, образованный и наиболее привыкший к политической власти класс.⁹⁷ Но сила эта год от года слабела, значение дворянства падало вместе с потерей земли (за 1862—1904 гг. в Европейской России площадь дворянских земель уменьшилась на 41%, а за 1905—1914 гг. — еще на 20%),⁹⁸ ростом задолженности и самоизоляцией, которая в начале XX в. приняла вызывающе антибуржуазный характер.⁹⁹

Добиться поддержки крестьянством консервативного политического курса было возможно, но только в том случае, если бы верховная власть решилась принести ему в жертву помещичьи земли, а значит, и помещное дворянство, что было для нее неприемлемо. Таким образом, два потенциальных союзника — помещное дворянство и крестьянство — находились в состоянии непримиримых противоречий, что исключало получение поддержки от обоих одновременно, а также возможность подменить политическое реформирование самодержавия социально-экономическими реформами.

Более перспективной была ставка на государство и национальную буржуазию. Хотя после 1861 г. государство экономически и организационно слабело, оно все еще представляло огромную силу. Его материальной базой являлся большой фонд государственных земель и государственно-капиталистическое хозяйство,¹⁰⁰ инструментальной базой — бюрократия, юридической базой — основные государственные законы, отдававшие центральную власть в руки самодержавия, социальной базой — монархически настроенная часть общества — это значит большинство населения. Политика поощрения национальной промышленности содействовала индустриализации: благодаря ей в 1880—1890-е гг. наблюдались наиболее быстрые, невиданные прежде темпы промышленного роста. От насаждения отдельных отраслей промышленности правительство перешло к поощрению комплексного индустриального развития страны с учетом экономического, социального и политического значения промышленности, благодаря чему страна вступила в период промышленного переворота. Исследователи полагают, что рывок в развитии экономики, обеспечивший впоследствии систематический экономический рост, был сделан именно в 1880—1890-е гг., причем не за счет снижения жизненного уровня населения.¹⁰¹ Кроме поощрения индустриализации эффективная экономическая политика, включавшая таможенный протекционизм, усовершенствование налоговой системы (отмена подушной подати и замена прямых налогов косвенными), введение рабочего законодательства, интенсивное железнодорожное строительство (постройка Среднеазиатской и Закаспийской железных дорог, начало постройки Сибирской магистрали), учреждение Крестьянского банка, сбалансирование бюджета, привела к ликвидации бюджетного дефицита, стабилизации курса национальной валюты и подготовила проведение денежной реформы в 1897 г., которая создала твердый, конвертируемый золотой рубль.¹⁰²

Однако индустриализация способствовала росту численности и богатства буржуазии¹⁰³ и численности рабочих, тем самым она подняла значение новых классов и поставила верховную власть перед необходимостью учитывать социальные потребности рабочих и политические стремления буржуазии. Таким образом, жизнь все равно ставила проблему перед царизмом —

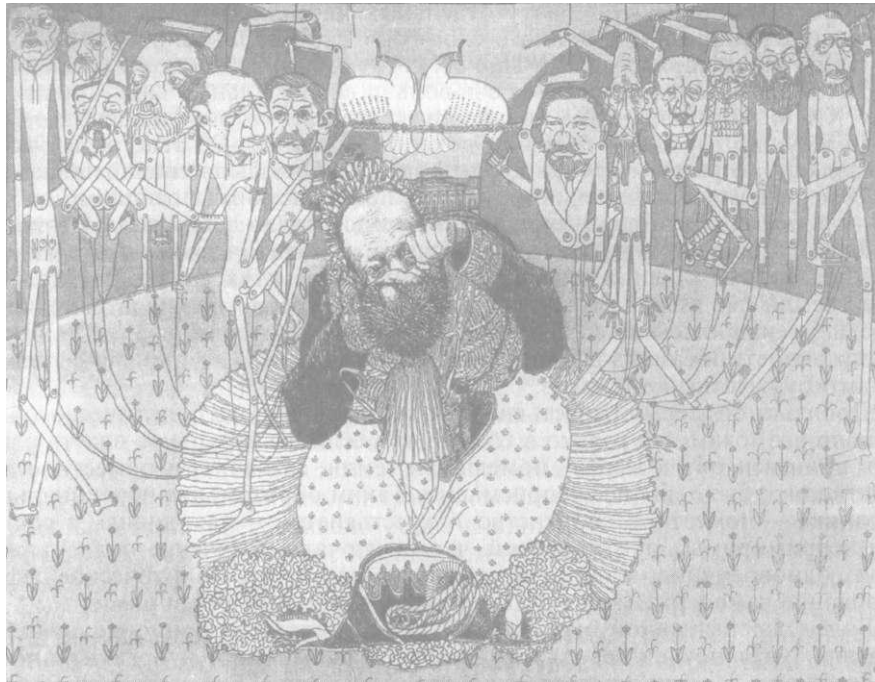

Рис. 26. Николай II и Кабинет министров. Карикатура из журнала «Зритель». 1905 г.

Рис. 27. Партия политических заключенных с цветами в сопровождении родственников, друзей и конвойной команды проходит по Константиновской ул. С.-Петербург. 1906 г.

найти разумный компромисс между национализмом и западничеством, сочетать опору на подлинно русские принципы с западными либеральными идеями,¹⁰⁴ другими словами, возобновить диалог с либеральной общественностью. Тем более что из-за сопротивления общественности правительство не могло реализовать свой консервативный политический курс в полной мере. Не удалось заставить замолчать не только общественность, но и Государственный совет, который проваливал правительственные законопроекты. В результате земской и городской контрреформ в органах общественного самоуправления вопреки намерениям верховной власти усилились либеральные и оппозиционные элементы; стремление передать местное управление в руки помещиков, как это было до Великих реформ, осуществить не удалось.¹⁰⁵ Не удалась попытка превратить начальную школу из светской в духовную, а провести судебную контрреформу верховная власть так и не решилась. Царствование Александра III напоминало царствование Николая I в том смысле, что являлось тоже своего рода инкубационным периодом, который готовил бурные перемены следующего царствования.

Николай II меньше всего хотел и меньше всего был готов проводить политические реформы. Он был убежденным сторонником самодержавия, статус ограниченного в правах государя не соответствовал его характеру, воспитанию и мировоззрению. Император и его жена воспринимали Россию «как родовую вотчину», «личную собственность рода Романовых».¹⁰⁶ «Видя в себе прежде всего помазанника Божьего, он почитал всякое свое решение законным и по существу правильным, — заметил крупный чиновник Министерства внутренних дел В. И. Гурко. — Воля монарха есть высший закон — вот та формула, которой он был проникнут насквозь. Это было не убеждение, эта была религия».¹⁰⁷ Вследствие этого после 1905 г. Николай II болезненно переживал факт выдвижения на первый план премьер-министра, а иногда неделикатное поведение таких крупных личностей, как С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, усугубляло дело. По свидетельству С. И. Шидловского, назначая В. Н. Коковцова на пост премьера, Николай II заметил ему: «У меня к Вам еще одна просьба; пожалуйста, не следуйте примеру Петра Аркадьевича (Столыпина. — *Б. М.*), который как-то старался все меня заслонять, все он и он, а меня из-за него не видно было».¹⁰⁸

Умеренные и дальновидные монархисты, группировавшиеся вокруг газеты «Новое время», выступили в 1900—1901 гг. с предложением серьезных реформ, которые включали разрешение свободного выхода из общины, распространение на крестьян общегосударственного гражданского права, реформу местной власти и самоуправления, увеличение компетенции земства, упразднение сословного строя и некоторые другие, при сохранении института самодержавия. Этот разумный пакет реформ не был принят верховной властью к исполнению. В 1904 г. был отвергнут пункт о введении представительного учреждения из весьма умеренного славянофильского по характеру пакета реформ, предложенный П. Д. Святополком-Мирским.¹⁰⁹ «Я никогда, ни в коем случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа и поэтому пункт этот вычеркну», — заявил Николай II.¹¹⁰ Упустив шанс вновь взять инициативу реформ в свои руки, верховная власть подтолкнула общество на революционный способ разрешения накопившихся проблем. Ибо, как говорил О. Бисмарк, «силу революционных движений составляют не крайние идеи их вожаков, а небольшая доля умеренных и законных требований, не осуществленных в свое время».¹¹¹ Под давлением обстоятельств, прежде всего поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг. и революции, под натиском общественности, к которой присоединились крестьянство и рабочие, император скрепя сердце был вынужден в 1905 г. согласиться на конституцию и парламент. «Однако было бы опасным упрощением, — справедливо полагает Р. Ш. Ганелин, — видеть во влиянии текущих политических собы-

тий единственный и исключительный побудительный мотив действий сановников, придерживавшихся реформаторских убеждений». Как «в предыдущие десятилетия», так «и в годы первой российской революции общая реформаторская программа существовала, разрабатывалась, дополнялась и воплощалась в действительность отнюдь не только под влиянием текущих политических событий».¹¹² Улица выводила из тени во власть либеральное крыло чиновников и вводила в тень консервативное, но оба крыла всегда сосуществовали в недрах бюрократии.

С самого учреждения думы Николай II стремился ограничить ее компетенцию, превратить в законосовещательный орган, сохранить в неприкосновенности как систему и методы управления в центре и на местах, так и юридическое основание власти бюрократии — Положение об усиленной охране 1881 г. Борьбу думы с правительством в 1906—1917 гг. можно рассматривать как борьбу общества с прочными еще пережитками абсолютистского режима, хотя на поверхности это выглядело как борьба законодательной и исполнительной властей в условиях, когда исполнительная власть формально не зависела от воли народа и парламента. Подобная политика монарха усиливала не только либеральную и радикальную, но также и правую, консервативную оппозицию. Из среды поместного дворянства — традиционной опоры царизма — выделилась большая группа, которая хотела дальнейшего развития страны по пути парламентаризма. Наиболее влиятельная монархическая организация «Совет объединенного дворянства», куда входила основная часть поместного дворянства 34 губерний, в августе 1915 г. раскололась, а в 1916 г., требуя министерства ответственного перед думой, встала в мягкую оппозицию к императору. В оппозиции к династии оказалась даже значительная часть великосветского общества. По свидетельству генерала Данилова, близкого к Николаю II человека, «государь теперь никому не верит. После смерти вел. кн. Владимира Александровича Романова (1909 г. — Б. М.) считает, что возле него остались одни революционеры, даже вел. кн. Константина Константиновича и даже принца П. А. Ольденбургского называет революционерами».¹¹³

Противопоставив себя либеральной части русского общества, оказавшись от нее в изоляции, верховная власть попыталась опереться на крайних монархистов из дворянства, а также на городское мещанство и крестьянство, полагая, что именно черносотенные организации выражали мнение народа и вели его за собой. Вследствие этого черносотенцы и их пресса щедро субсидировались правительством под личным контролем Николая II. Императорская чета всегда верила в народную поддержку. «Если бы интеллигенты знали, с каким энтузиазмом меня принимает народ, они так бы и присели», — хвастал, например, Николай II П. А. Столыпину.¹¹⁴ Эту веру он сохранял до дня отречения и даже после этого полагал, что солдаты вот-вот восстанут и восстановят его на престоле. В чем источники этой веры? По-видимому, все-таки не столько в интеллектуальной ограниченности, на чем настаивают некоторые исследователи,¹¹⁵ сколько в уверенности в своеобразии русской культуры и исторического пути развития России, в глубокой вере в монархизм крестьянства, подкрепляемой письмами и телеграммами от крайних монархистов, кампаниями верноподданнических выступлений черносотенных групп, впечатлениями от встреч с солдатами на военных парадах и с народом во время поездок по стране.¹¹⁶ Николай II имел основания разделять славянофильские представления о преданности народа государю на уровне религиозного чувства, о полном равнодушии масс к либерально-буржуазным нововведениям и о разъединяющей верховную власть и народ бюрократии. Естественно, что «государь не мог себе представить, чтобы несколько сот фрондирующих людей (членов Государственной думы. — Б. М.) отражали в действительности голос народа, до сих пор восторженно его встречавшего», — свидетельствовал начальник канцелярии Министерства

императорского двора генерал-лейтенант А. А. Мосолов.¹¹⁷ Он хотел восстановить то, что казалось ему справедливым, и верил, по словам В. Н. Коковцова, бывшего министром финансов и председателем Совета министров, в свою миссию: «Переживания революционной поры 1905—1906 гг. сменились наступившим за семь лет внутренним спокойствием и дали место идее величия личности государя и вере в безграничную преданность ему, как помазаннику Божию, всего народа, слепую веру в него народных масс, рядом с верой в Бога. В ближайшее окружение государя все более внедрялось сознание, что государь может сделать все один, потому что народ с ним».¹¹⁸ Император, по-видимому, искренне верил также и в то, что «при малой культурности народа, наших окраинах, еврейском вопросе и т. д. одно самодержавие может спасти Россию».¹¹⁹ Следует подчеркнуть, что мнение о народности самодержавия имело многочисленных сторонников. Оно, в частности, варьировалось на разные лады лидерами черносотенных организаций. Например, Н. Н. Тиханович-Савицкий в набросках программы («Основных положений») в мае 1916 г. писал: «Народу нужен царь, богачам нужны конституция и парламент. <...> Когда государь будет ограничен и министры будут в зависимости от думы, то банки, капиталисты и т. п. при помощи поставленных из своих людей или подкупленных членов Государственной думы и Государственного совета начнут проводить нужные им законы, поддерживающие их интересы и взгляды, совершенно противоположные интересам и взглядам средних и низших классов трудящегося населения, которое попадет в полную зависимость от богатых. <...> Чтобы оградить свои интересы, трудящиеся классы должны всеми силами поддерживать полноту власти государя. <...> Государство Российское есть достояние народа русского». Известный черносотенец, член думы М. В. Митроцкий в записке, составленной в середине января 1917 г. для Николая II, «категорически утверждал» от имени «православных русских кругов Киева», что «подавляющее большинство трудового населения <...> несмотря на усиленную пропаганду революционных идей левой печатью, по-прежнему остается глубоко консервативным» и верным самодержавию. Николай наложил на записке резолюцию: «Записка, достойная внимания».¹²⁰

Но монархисты также раскололись по сословному и культурному признакам и по причине расхождения их социальных интересов. Для получения поддержки со стороны крестьянства необходимо было предложить ему удовлетворительную аграрную программу, на что верховная власть оказалась неспособной. Крестьяне желали конфискации помещичьей земли, а Николай II не мог этого сделать, поскольку боялся потерять поддержку поместного дворянства. В результате, по выражению одного из лидеров черносотенцев, «предводители оказались без войска, а войско без предводителей»: император оказался в полной изоляции от общества, от думы, даже от бюрократии. Общество и армия отказали ему в поддержке. В этой ситуации инициативу перехватили социалисты, которые, опираясь на солдат, крестьян и рабочих, смогли свергнуть монархию. В марте 1917 г. император отрекся от престола.¹²¹ Таким образом, отказ императора от конструктивного диалога с общественностью привел к революции, а его — к потере престола.

Тем не менее в социальной и экономической сфере Николай II и его правительство имели достижения. Индустриализация продолжалась. С 1907 г. началось — по инициативе верховной власти и вопреки желанию большей части общественности — осуществление самой радикальной после отмены крепостного права в 1861 г. столыпинской аграрной реформы, которую без преувеличения можно назвать вторым раскрепощением. Проведение реформы, которая способствовала естественному процессу распада сельской общины, развитию хуторского и отрубного хозяйств, утверждению в деревне частной собственности на землю, переселению крестьянства из Европейской России в Сибирь, являлось, на мой взгляд, стратегически пра-

вильным решением. Реформу поддержали около 30% крестьян, и этого было достаточно для начала переустройства деревни в соответствии с принципами фермерской рыночной экономики. В случае удачного исхода столыпинской реформы появлялись реальные шансы на возникновение в деревне среднего класса в лице экономически независимого крестьянина-собственника, что укрепило бы социальную базу русского либерализма. В 1911—1913 гг. в 9 новых губерниях были введены земства, с января 1914 г. в 10 губерниях началась судебная реформа, имевшая целью восстановить институт выборных мировых судей, лишить земских начальников судебных функций и вывести конфликты хуторян с общинниками из компетенции волостных судов. В 1908 г. Государственная дума приняла закон о постепенном, в течение 10 лет, введении всеобщего обязательного начального образования, и с этой целью кредиты на народное образование ежегодно увеличивались на 20 млн р. Коронная администрация поддержала почин думы, полностью отрешившись от опасений политического характера, которые у нее существовали, так как школы и университеты, да и все вообще институты, активно использовались интеллигенцией для политической пропаганды. Хотелось бы заметить, что распространенное в литературе мнение о том, что царизм тормозил развитие просвещения, не соответствует действительности. Начиная с Петра I верховная власть делала все возможное для просвещения всех слоев населения, от дворянства до крестьянства, принимая иногда драконовские меры (вроде запрещения неграмотным дворянам жениться при Петре или принудительного отлучения крестьянских детей от родителей для обучения в школах при Николае I), чтобы приохотить людей к плодам просвещения. В пореформенное время начался сравнительно быстрый рост числа народных школ, однако ввиду еще недостаточной потребности в грамотности было немало крестьян, которые освоили грамоту в школе, но с возрастом постепенно утрачивали ее за ненадобностью — явление, получившее название рецидива безграмотности. Это свидетельствует о том, что не развитие народного образования отставало от потребностей народа, а, наоборот, потребности народа в образовании отставали от возможностей, которые создавала существовавшая система народного просвещения.¹²²

Нельзя не отметить, что к 1914 г., за 20 лет николаевского царствования, страна достигла значительных успехов: национальный доход на душу населения возрос в 1.5 раза, по объему промышленного производства Россия вышла на пятое место в мире, по темпам экономического развития — на первое, урожайность зерновых увеличилась на 33% (с 1891—1895 гг. по 1910—1914 гг., в том числе на крестьянских землях на 34%), количество товаров, потребляемых на душу населения, удвоилось, грамотность населения в возрасте старше 9 лет поднялась с 28 до 38% (в том числе крестьянства — с 24 до 34%), средняя продолжительность жизни увеличилась на 2 года (с 30.4 до 32.4), число учащихся общеобразовательных школ на 1000 человек населения возросло более чем в 2 раза, а студентов — в 7 раз, число библиотек увеличилось почти в 5 раз, выпуск книг и разовый тираж газет — в 3 раза, благосостояние крестьянства повысилось, заработная плата рабочих увеличилась, а продолжительность рабочего дня уменьшилась, улучшилось питание всех классов, вклады в сберегательные кассы на душу населения возросли в 4.5 раза (см. Статистическое приложение). По оценкам иностранных экспертов, российская экономика имела отличные перспективы. Не забудем, что в стране в конечном счете установился конституционный строй и население получило политические права. Если последнее достижение можно целиком поставить в заслугу общественности, то экономические и культурные успехи были достигнуты не вопреки верховной власти, а благодаря совместным усилиям общественности и коронной администрации. Между тем, по утверждению В. И. Ленина (март 1913 г.): «В России положение *аб-*

солютно невыносимо именно потому, что вместо широкого, свободного, быстрого развития капитализма мы видим застой и гниение».¹²³

Анализ взаимоотношений между обществом и государством, если отвлечься от придворной суеты и интриг, второстепенных дел и назначений и принимать во внимание принципиальные политические решения, позволяет сделать несколько предварительных выводов. На протяжении императорского периода **верховная власть сравнительно редко отклонялась от того, чего желало большинство из числа дворянства, верхов буржуазии и образованных слоев, которые в ее глазах олицетворяли общество и общественное мнение.** Тактические ошибки были нередки, но если верховная власть отклонялась от желания большинства и это не оказывалось в конечном итоге благом для общества (как было в случае с Петром I), то она отказывалась от своих планов и в конце концов шла на уступки (Екатерина II, Александр I, Александр II, Николай II). Если же она этого не делала, то государи или фактические правители теряли власть, престол и часто жизнь (Э. И. Бирон, А. Д. Меншиков, Петр III, Павел I). Нельзя отрицать, что верховная власть, как правило, была настолько благоразумной, что, осознав неизбежность уступок общественности, делала их. Нашла она в 1917 г. силы и отречься от власти вообще, хотя и после отчаянных попыток ее сохранить.

В течение XVIII—начала XX в. **российское самодержавие являлось лидером модернизации**, проводником экономического, культурного и социального прогресса в стране. Существенные, может быть, наибольшие успехи за всю историю России были достигнуты в два последних царствования, при активном участии верховной власти и ее правительства. Патернализм верховной власти оставался востребованным со стороны народа в течение всего императорского периода. Слова Петра I из указа от 5 ноября 1723 г. звучат актуально и сейчас: «Наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел; не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел; и в мануфактурных делах не предложением одним делать, но и принуждать и помогать наставлением, машинами и всякими способами, и яко добрым экономам быть».¹²⁴

Мы должны признать также, что и в политической сфере верховная власть и ее администрация сделали немало позитивного, если примем во внимание, что политические требования общественности бесспорно обгоняли готовность народа к парламентской демократии, что даже Великие реформы, за исключением аграрной и военной, и столыпинская реформа в полной мере оказались невостребованными народом, в особенности крестьянством. В связи с последним обстоятельством можно допустить, что торможение реформаторского процесса в либеральном направлении, наступавшее в 1825—1855 гг. или в 1880—1890-е гг., вызывалось объективной опасностью потерять контроль со стороны верховной власти над ситуацией в стране. Это особенно наглядно видно в контрреформах 1880—1890-х гг., которые обычно рассматриваются исключительно как стремление верховной власти отменить или по крайней мере сузить либеральное значение реформ. Между тем в них имелся и второй аспект — более органичное и рациональное по своей сути приспособление новых учреждений и институтов, созданных реформами, к традиционным институтам, к потребностям всего общества, а не только его малочисленной образованной части. В некоторых случаях эта была необходимость: Великие реформы опережали уровень социально-политического развития России. Так, городская и земская контрреформы были вызваны желанием верховной власти смягчить противоречия, существовавшие, во-первых, между коронной администрацией и общественным самоуправлением, во-вторых, между различными группировками внутри самих органов самоуправления, в-третьих, между органами обществен-

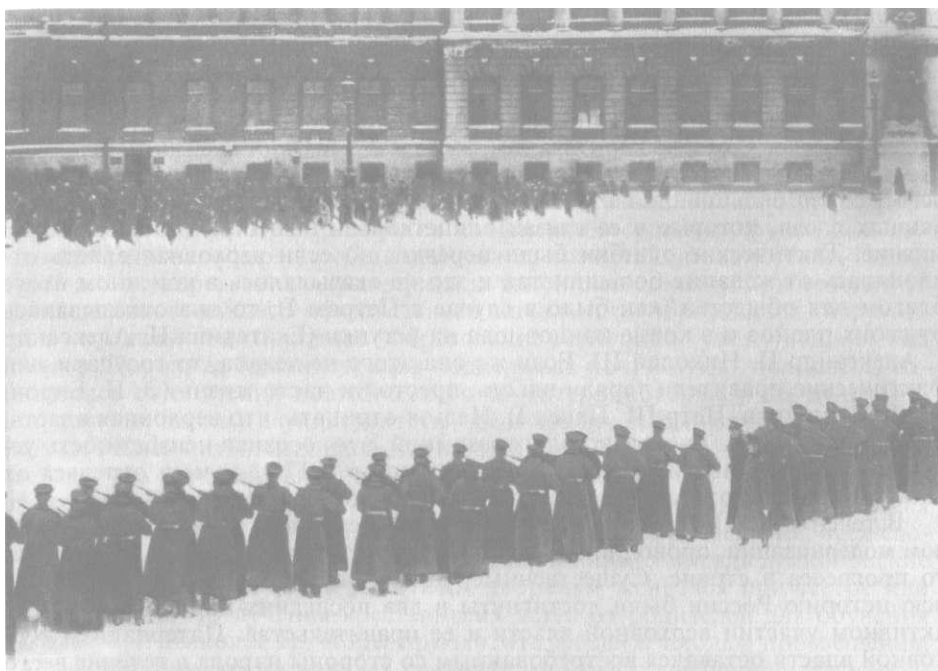

Рис. 28. Расстрел демонстрации у Зимнего дворца 9 января 1905 г. С.-Петербург

ного самоуправления и населением. Эти противоречия мешали правильному функционированию всех органов власти. Цели судебной контрреформы также не сводились к отмене судебных уставов ради усиления прерогатив коронной администрации. Контрреформа стремилась сузить деятельность суда присяжных из-за того, что в составе присяжных оказалось много крестьян и представителей национальных меньшинств, которые не могли надлежащим образом выполнять свои обязанности вследствие малограмотности, сильной зависимости от мнения аудитории, адвокатов и приверженности нормам обычного права, имевшего противоречия с правом официальным. В критике последствий Великих реформ, развернутой консерваторами, заключались рациональные моменты.¹²⁵

Требует переосмысления и негативная оценка сохранения сильной исполнительной власти в руках императора по Основным законам 1906 г. На мой взгляд, это было *объективно целесообразным*: обеспечивалась в политическом и психологическом смыслах плавность перехода к полному конституционализму и правительству, ответственному перед парламентом и, следовательно, перед народом, который, нельзя этого забывать, как и Николай II, был не готов к парламентской демократии. Новый избирательный закон, так называемый третьеиюньский переворот 1907 г., изменивший представительство от отдельных групп населения, также содержал позитивный элемент: создавалась возможность *для эффективной работы думы в рамках действующих законов*.

Если бы получившая распространение в последнее время схема реформы—контрреформы, которую было бы правильно назвать концепцией маятника, была состоятельна, то Россия «бежала» бы на месте. Между тем, как мы видели, **российское общество непрерывно развивалось**, в том числе в царствования, которые принято называть консервативными: в эпоху дворцовых переворотов, при Николае I и Александре III, не говоря уже о Ни-

колае II. В так называемые консервативные царствования, следовавшие после радикальных, системных петровских или Великих реформ, произошедшие изменения как бы переваривались, усваивались, происходила скрытая подготовка к следующему циклу социальных изменений. Это была необходимая пауза перед новым движением. Подобно тому, как сердце работает в режиме сокращение—расслабление, при этом продолжительность паузы равна продолжительности работы, так и общество нуждается в паузах покоя, которые обеспечивают консервативные периоды. «Во время реакции (1880-х—начала 1890-х гг. — *Б. М.*) продолжалось перерождение русского общества, — верно заметил В. А. Маклаков. — На сцене появлялось новое поколение, которое не знало николаевской эпохи и ее нравов. Реформы 60-х годов, освобождение личности и труда приносили свои результаты». ¹²⁶ В годы так называемой третьеиюньской системы воспитывалось — не только в обществе, но и в верхах, включая императорский дом, — новое поколение людей, для которых гражданские свободы и парламент являлись неотъемлемым атрибутом общественной жизни. Нельзя также не отметить, что консервативный курс правительства дважды вызывался насилием — покушением на верховную власть со стороны декабристов и народовольцев, а насилие революций 1905 г. и 1917 г. порождало реакцию и новое насилие со стороны власти. Воистину насилие рождает насилие. Таким образом, **смена либерального курса консервативным имела свои серьезные основания, а** вовсе не была обусловлена тупым императорским самодержавным или дворянским эгоизмом, как часто изображается в литературе.

Развитие событий после Февральской революции показало, что шоковые политические реформы — любимое лекарство революционеров — оказались не лечением, а несчастьем для страны. Февральская революция была встречена всеми с энтузиазмом: ненавистное самодержавие, от которого, как уверяла либеральная и революционная пропаганда, происходило все зло, рухнуло. Революция поэтому воспринималась, как праздник Пасхи: все славили новый режим и ждали чуда — быстрого всеобщего очищения, воскрешения и немедленного улучшения ситуации. Однако чуда не происходило, эйфория сменилась фрустрацией. На этом фоне стали широко пропагандироваться социалистические идеи, и они быстро захватили сознание не только крестьян, рабочих и солдат, но также священнослужителей и образованного общества. Возникла мода на социализм, и параллельно с этим стали стремительно нарастать антибуржуазные настроения, а образ «буржуя» — дьяволизироваться. Массовое сознание нашло объяснение ухудшающегося положения страны в грандиозном «заговоре буржуазии» и настолько поверило в него, что только новая, социалистическая, революция могла разрушить навязчивую идею. Тем более, как заметил Н. А. Бердяев, «в коммунизме есть здоровое, верное и вполне согласное с христианским понимание жизни каждого человека как служение сверхличной цели, как служение не себе, а великому целому. <...> Большевизм оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием». Л. Д. Троцкий верно сказал: «Мужик не читал Ленина. Но зато Ленин хорошо читал в мыслях мужика». Вследствие чего русскому человеку и в особенности крестьянину и рабочему социалистическая идея в интерпретации и исполнении большевиков не могла быть чужда. ¹²⁷ Последующие события развивались по тому же сценарию: идентификация новых врагов, их поиск и уничтожение. Все три российские революции воочию показали, что народ по-настоящему желал только аграрной и социальной реформ, а к политической реформе его толкали политические партии, стремившиеся к власти. Не имея силы добиться ее самостоятельно, они использовали народ

как таран, чтобы разрушить существовавшую государственность и захватить власть; при этом некоторые из партий использовали в борьбе все средства, включая инсинуации, терроризм, национальные противоречия, гражданскую войну, иностранные деньги, приносили в жертву своим амбициям государственные интересы, социальный мир и общественный порядок. «Действиями вождей русской социальной революции, — говорит современник событий С. А. Аскольдов, — руководила лишь жажда власти и желание во что бы то ни стало сейчас же осуществить свои замыслы, нисколько не заботясь о прочности в будущем».¹²⁸

Положительную роль самодержавия в истории России осознавали многие выдающиеся историки и общественные деятели, причем отнюдь не консерваторы, а либералы-западники. Б. Н. Чичерин, по свидетельству А. И. Герцена, в царствование Николая I и позже «считал правительство гораздо выше общества и его стремлений». С. М. Соловьев при всех своих симпатиях к конституционной монархии в реальной политической жизни пореформенной России отдавал предпочтение неограниченной монархии за ее «самодержавную инициативу», и чем тверже она действовала, тем на большие результаты можно было рассчитывать. К. Н. Кавелин, имея в виду дореформенное время, утверждал, что «общество в массе чрезвычайно невежественно», поэтому правительству приходилось «думать и действовать за него». «Со времени Петра, — полагал В. А. Маклаков, — власть была много выше общества и народа и вела их к их же благу насильем. <...> В 1860-е годы России было достаточно идти по проторенным путям, по которым раньше победоносно пошли европейские демократии. Но ведь и для того, чтобы в 60-х годах поставить Россию на эту дорогу, нужно было Самодержавие. Тогдашний правящий класс этих реформ не хотел. Самодержавная власть провела их против него и в Государственном совете утверждала мнение его меньшинства. Самодержавие было нужно, чтобы мирным путем эгоистическое сопротивление Самодержавию сломить. <...> И 60-е годы, которые превозносили либерализм, были торжеством не только его представителей; они были торжеством Самодержавия».¹²⁹

Отношения верховной власти и общественности до конца XVIII в. складывались более или менее благополучно, но с возникновением интеллигенции они стали портиться, хотя процесс их ухудшения не был линейным: отношения знали приливы и отливы взаимного понимания и непонимания. Особой сложностью отличались они в пореформенное время. В царствование Александра II, когда верховная власть взяла на себя инициативу реформ и, переломив сопротивление господствующего класса, провела их, отношения были в целом конструктивными. В 1880—первой половине 1890-х гг. наступило охлаждение. Общественность была недовольна так называемыми контрреформами, но ее негативизм сдерживался распространенным в образованном обществе мнением, что «в неподготовленной, некультурной России государственное самоуправление было бы самообманом. <...> Всеобщее избирательное право превратится в подделку под народную волю. В силу такого образа мыслей „конституция“ панацеей еще не считалась; самодержавие не было для всех общим и главным врагом». Разрыв общества с верховной властью, по мнению многих современников, произошел в 1895 г., после того как новый император на приеме, устроенном по случаю его свадьбы в Зимнем дворце, назвал надежды на участие представителей земств в делах внутреннего управления «бессмысленными мечтаниями». В начале XX в., по словам В. А. Маклакова, «если оставались еще сторонники самодержавия, то его „идеалисты“ уже исчезали. За самодержавие стояли тогда или поклонники всякого факта, или представители привилегированных классов, которые понимали, что самодержавие их охраняет». Постепенно общество усваивало точку зрения, что «единственный враг России есть его правительство; всякое слово в пользу его казалось преступлением перед род-

ной страной. И подобный взгляд оно отстаивало перед всем миром». В принципе той же периодизации отношений между общественностью и верховной властью придерживались другие активные участники либерального движения. «В семидесятых годах произошел своего рода раскол между правительством и обществом, — пишет в своих воспоминаниях один из видных октябристов С. И. Шидловский. — Проявленные последним аппетиты оказались столь велики, что правительство до известной степени испугалось того пути в области реформ, на который оно стало, и, не меняя названия, стало вкладывать в новые учреждения коррективы, значительно менявшие первоначальное их значение. Между правительством и обществом произошел конфликт, ставящий обе стороны в положение воюющих, <...> вся жизнь страны приняла характер упорной борьбы между двумя сторонами. <...> Последовавшее царствование Николая II представляет целый ряд неудач его политики и параллельно с этим систематичную утрату авторитета и силы власти. Наконец настало великое испытание в виде мировой войны. В этой войне сказалась полная несостоятельность правительственных элементов в деле объединения народа для защиты родины и создались особенно благоприятные условия для проявления революционных тенденций, которыми постепенно пропитывался русский народ в предшествующее время». Легко увеличить свидетельства современников о том, что господствующим настроением среди общественности, даже среди умеренной ее части, с середины 1890-х гг. стала не просто враждебность к коронной власти, а стремление ее уничтожить любыми средствами. «Политика правительства, полная недоверия к общественной самодеятельности, — отмечал один из руководителей земского либерального движения Д. Н. Шипов, — побуждала все образованное общество, всех, участвовавших в общественной работе, слачиваться, порождала во всех слоях населения недовольство, раздражение и отрицательное отношение к государственному строю». Либеральный проф. В. И. Вернадский писал другому либералу С. Н. Трубецкому в 1904 г.: «В стране изменнической деятельностью полиции истираются сотни и тысячи людей, среди которых гибнут бесцельно и бесплодно личности, которые должны бы явиться оплотом страны и которые вновь не могут народиться или не могут быть заменены. <...> И так уже десятки лет и кругом с каждым днем подымается все большая ненависть, сдерживаемая лишь грубой полицейской силой, с каждым днем теряющей последнее уважение». Еще решительнее высказывались кадеты. «Для нас самодержавие символ — символ всего нашего мрачного прошлого, векового гнета, тяготевшего и еще тяготеющего над несчастной страной, — писал В. М. Гессен в феврале 1906 г. — И когда мы восстаем против этого символа, мы восстаем против бюрократической опричнины и гражданского рабства, против позора наших внешних поражений и еще большего позора наших внутренних побед».¹³⁰

Взаимная вражда между обществом и государством вела к эскалации конфликта и мешала творческой работе, так как строить и совершенствовать огромное государство при враждебном отношении значительной части образованных слоев было задачей исключительной трудности. По словам Д. Н. Шипова, он оставил в 1911 г. общественную деятельность в московской городской думе по той причине, что «атмосфера, окружавшая городскую думу, была насыщена раздражительностью и духом партийной политической нетерпимости, которые исключали возможность спокойной работы и предрешали неизбежность постоянной борьбы», и одновременно политическую деятельность вообще, потому что «то направление, которое приняло развитие нашей политической жизни, обрекало страну на усиление в ней на долгие годы процесса деморализации, озлобления, столкновения интересов и борьбы материальных сил».¹³¹

В чем причины войны между общественностью и государством? Объяснить причины нелегко, и я не претендую на полноценный их анализ. Вы-

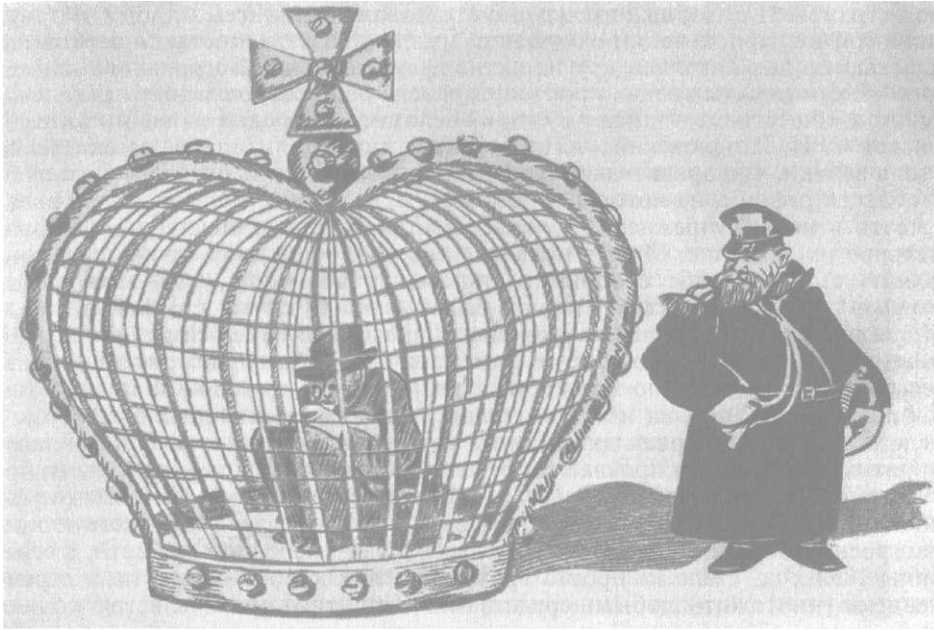

Рис. 29. Так жил и работал российский обыватель. Карикатура из журнала «Бич». 1917 г.

Рис. 30. Карикатура на Николая II. 1905 г.

скажу несколько предположений. На мой взгляд, в основе противостояния лежала борьба за государственную власть. Как было показано в первом разделе настоящей главы, благодаря развитию общественного самоуправления после Великих реформ к 1880-м гг. роль коронной администрации в государственном управлении серьезно умалилась; параллельно с этим усиливался контроль за ее деятельностью со стороны общественности. Изменение соотношения сил в ее пользу, с одной стороны, вызвало в правительственных кругах недовольство и опасение потерять свое доминирующее положение в управлении государством, и, с другой стороны, подогревало желание общественности, чтобы император и правительство поделились с нею властью на паритетных началах, пропорционально фактическому соотношению сил. Как выразился Вернадский: «Самодержавная бюрократия не является носителем интересов русского государства; страна истощена плохим ведением дел. В обществе издавна подавляются гражданские чувства: *русские граждане, взрослые мыслящие мужчины, способные к государственному строительству, отбиты от русской жизни*: полная интеллектуальной, оригинальной жизни русская образованная интеллигенция живет в стране в качестве иностранцев, ибо только этим путем она достигает некоторого спокойствия и получает право на существование (курсив мой. — Б. М.)».¹³² На фоне взаимных подозрений развернулась идеологическая и психологическая война, увеличивалось взаимное недоверие, росло число конфликтов. Общественная жизнь во всех ее проявлениях была настолько политизирована, что многие своевременные и полезные общественные инициативы, как-то, созыв профессиональных съездов, создание легальных профсоюзов или каких-либо всероссийских организаций, сдерживались коронной администрацией из-за совершенно реальных опасений, что на съездах будут ставиться политические вопросы, неудобные для правительства, и проводиться политическая агитация, а организации станут местом сплочения неблагонадежных элементов и крышей для нелегальной антиправительственной деятельности. Например, разрешенные властями в 1885 г. Пироговские съезды, собиравшие по 2—2,5 тыс. членов Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, постоянно сопровождались политическими дискуссиями, имевшими с точки зрения властей характер «общественных беспорядков»; земства и городские думы стали центрами оппозиции; невинное на первый взгляд «Собрание фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», созданное с разрешения властей в 1904 г., за несколько месяцев превратилось в значительную политическую организацию, выдвинувшую политические требования, направленные на изменение существовавшего строя, и т. п.¹³³

В русском обществе уже со второй половины 1850-х гг., со времени подготовки Великих реформ, обнаружилось завышенные ожидания и требования. Многие думали, что с отменой крепостного права, которое общественность считала главным злом и тормозом прогресса, положение во всех сферах жизни сразу изменится к лучшему. Между тем проведение реформ требовало времени и больших усилий, результаты не могли появиться немедленно, улучшение в деревне задерживалось и обнаружилось только в 1880-е гг. Естественно, что уровень политических ожиданий общественности и социально-экономических ожиданий крестьянства и рабочих постепенно нарастал, но, не находя удовлетворения, порождал у тех и других состояние фрустрации. Желание достичь всего и в короткий срок стало прямо-таки навязчивой идеей. «Все люди действовали до известной степени предвзято, а истинной правды найти не могли, — констатировал С. И. Шидловский. — Правительство ошиблось, пойдя назад, вместо того чтобы крепко удержаться на занятой им позиции; общество сделало ошибку, всегда свойственную русскому обществу, не зная ни в чем меру. *Постепенность, медленность и упорное развитие в известном направлении всегда, от давних времен до последних времен, были не в натуре русского*

человека (курсив мой. — Б. М.)».¹³⁴ Нужно было найти причины, объясняющие мизерность, как казалось народу и общественности, позитивных результатов от Великих реформ. Действительными причинами были позднее приобщение России к европейской цивилизации, приведшее к отставанию, и объективная невозможность быстрых преобразований в неграмотной стране с ужасающей инфраструктурой. Однако виноватой была объявлена монархия с ее администрацией, другими словами, зеркало, а не физиономия, которая в нем отражалась. Они-то и стали козлами отпущения. Между тем среди чиновников пропорция порядочных и компетентных людей была, как всегда, ровно такая же, как и во всем обществе, а монарх желал счастья своему народу не меньше, чем искренний народолюбец. Тогда, как и теперь, многим казалось, что провести преобразования можно легко и быстро, колоссальность задачи и сопротивление преобразуемого материала в расчет не принимались. К тому же воевать с самодержавием было легче, почетней, заметнее, чем заниматься скучной практической рутинной работой. С другой стороны, нельзя не признать, что тяжело было жить в России образованному, развитому, знакомому с европейскими порядками человеку. Поэтому легко и удобно было принять за аксиому ходячую мысль о монархии как источнике всех несчастий.

Известный литературный критик П. В. Анненков (1813—1887) определил еще в 1840-е гг. русскую интеллигенцию как «воюющий орден, который <...> стоял *поперек всего течения современной ему жизни*, мешая ей вполне разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими (курсив мой. — Б. М.)».¹³⁵ Свойственный интеллигенции этос «воюющего ордена» дополнялся «политическим радикализмом» (П. Б. Струве) и «нигилистическим морализмом: высшая и единственная задача человека есть служение народу, а отсюда в свою очередь следует аскетическая ненависть ко всему, что препятствует или даже только не содействует осуществлению этой задачи». Ради свержения самодержавия, с горестью писал С. Л. Франк, «чистая и честная русская интеллигенция, воспитанная на проповеди лучших людей, способна была хоть на мгновение опуститься до грабежей и животной разнузданности, политические преступления незаметно слились с уголовными и вульгаризованная „проблема пола“ как-то идейно сплелась с революционностью. <...> Основная морально-философская ошибка революционизма есть абсолютизация начала борьбы и обусловленное ею пренебрежение к высшему и универсальному началу производительности». Б. А. Кистяковский осуждал интеллигенцию также и за «притупленность правового сознания и отсутствие интереса к правовым идеям», за «убожество правосознания» в отношении к конституционному праву, гражданскому правопорядку, к гражданскому суду буржуазного общества, что открывало дорогу нигилизму, террору, неуважению к собственности, презрению к существующим законам. Струве сползание интеллигенции к революционным действиям объяснял так: «В безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции — ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции».¹³⁶

Непримиримость образованного общества в отношении государства была связана отчасти с индивидуалистической этикой образованных людей, в рамках которой всякая власть рассматривалась как гнет и насилие, а личность имела абсолютный приоритет. В то время как верховная власть придерживалась другой этической концепции: абсолютный приоритет имеют общее благо и общественный порядок, ради которых следует пожертвовать и правами человека, и самой личностью. Кстати, крестьянство разделяло государственную точку зрения, оно требовало от верховной власти не политических прав, демократии, представительного учреждения, а конфискации помещичьих земель, т. е. нарушения прав немногих землевладельцев во

имя миллионов крестьян, эффективного и честного управления безотносительно к тому, кто и как будет его осуществлять.

Достижению согласия между общественностью и государством мешала и вера всех, участвующих в конфликте, в существование абсолютной истины, которой обладал только один из участников; и каждая сторона думала, что это именно она. Согласие же предполагало компромисс, принятие в качестве руководящей идеи плюрализм: каждый участник может быть по-своему прав, и на этом основании его интересы должны приниматься во внимание, не поступаясь при этом ни принципами, ни истиной. На вере в абсолютные истины и сверхидеи сформировалась специфическая поведенческая парадигма: лучшим средством решить проблему отношений между двумя противоборствующими сторонами является не договор на условиях компромисса, который все равно ни к чему хорошему не приведет, а устранение из игры одной стороны.¹³⁷

Государство и народ

Крестьяне или мещане также оказывали влияние на государственную политику, но по-иному, чем образованное общество. В XVIII в. народ забыл традиции активного участия в государственной жизни через земские соборы и превратился не столько в сознательного, сколько в бессознательного сторонника монархической власти. Монархическая парадигма не ослабла в первой половине XIX в., так как крестьяне возлагали все надежды на освобождение от крепостного права на царя.¹³⁸ Даже в их высказываниях против царствующего императора не заключалось антимонархизма в принципе, так же как и неприятие правящего царя-антихриста старообрядцами не означало отрицания института самодержавия.¹³⁹ Лишь в пореформенное время, по мнению некоторых исследователей, народный монархизм стал постепенно слабеть, хотя вплоть до революции 1905—1907 гг. именно с царем связывалась мечта крестьян об экспроприации помещичьей земли в их пользу.¹⁴⁰ Правда, современники, которых невозможно заподозрить в необъективности, так как они были искренними монархистами, указывали на недостаток политической сознательности у народа, который придерживался самодержавной идеи по инстинкту и чувству, «не достигая сознательности», и признавали, что «народ не давал для государственного строительства никаких ясных идей».¹⁴¹ Народ по традиции верил, что царь в политике был неотделим от Бога, ибо он являлся проводником в политическую жизнь воли Божьей; поэтому все, что делал государь, шло на пользу народу.¹⁴²

Однако эмоционально-инстинктивный монархизм был силен и сокрушить его было, может быть, еще труднее, чем монархизм сознательный. «Вера хлебопашцев в государя имела давнюю традицию, была неразрывно связана с их верой в Бога, любовью к Отечеству, к отцу и матери, — пишет Н. А. Миненко о крестьянах начала 1860-х гг., — и, чтобы существенно поколебать ее, требовалось серьезно „поработать“ над разрушением духовных основ деревенской жизни».¹⁴³ Все крестьянское движение в России XVIII—первой половины XIX в., направленное против крепостного права, проходило под знаком самозванчества¹⁴⁴ или «под именем царя».¹⁴⁵ Показательно отношение крестьянства к выступлению декабристов и расправе над ними. Согласно донесениям секретной агентуры III Отделения, крестьяне были на стороне царя и против дворянства: «Простой народ сильно негодует против дворянства».¹⁴⁶ Однако приверженность к самодержавию не означала позитивного отношения народа к коронной бюрократии. Отношение к ней было дифференцированным и зависело от уровня власти. Местные чиновники казались крестьянству коррумпированными и ненужными, они существовали для самих себя, не выполняли возложенных на них императором функций

и, как правило, действовали против его воли. Чем выше был эшелон власти, тем более позитивным становилось отношение к чиновникам. А центральная администрация, близкая к царю, даже заслуживала доверия.¹⁴⁷ Не поголовно, но в большинстве случаев крестьянство не включало в «мы» и духовенство и относилось к нему негативно.¹⁴⁸

В начале 1860-х гг. не удалось попытки радикальной интеллигенции поднять народ против верховной власти под предлогом тяжелых условий отмены крепостного права. Даже апелляция к старообрядцам не имела успеха.¹⁴⁹ В 1870—1880-х гг. неудача постигла народников, организовавших массовое «хождение в народ» (в движении участвовало до 3 тыс. человек) с целью поднять народную революцию против самодержавия.¹⁵⁰ Очень глубоко объяснил причины неудачи народнического движения его участник В. Г. Короленко: «Это была трагедия всей тогдашней русской революционной интеллигенции. Положение это было создано поразительным политическим невежеством народа, инертностью общества и проснувшимся сознанием в части интеллигенции, которая одна решилась на борьбу с могущественным государством. Народ был еще весь во власти легенды о непрестанной царской милости. Крестьянство даже в случае сильного раздражения можно было поднять на сопротивление только подложными царскими грамотами. Рабочие, правда, начинали кое-где просыпаться, но это были еще только отдельные, индивидуальные случаи, и они только увеличивали число жертв, не придавая заметной силы движению».¹⁵¹ Современные историки находят подтверждения этому. По мнению Д. Филда, поражение народников состояло не столько в том, что крестьяне иногда сдавали их полиции или оставались глухи к их пропаганде, сколько в том, что когда народники добивались доверия крестьян, то в одних случаях этот успех достигался использованием ими своего более высокого социального статуса, так как крестьяне уважали их благородное происхождение, а в других — прямо покупался деньгами. Вопреки прогнозам деревня сама по себе не была готова совершить революцию, у крестьян отсутствовала оппозиционность к существующему режиму, в их сознании не было революционных идей и идеалов.¹⁵² Равнодушие крестьян к призывам народников резко контрастировало с сочувственным отношением к ним образованного общества.¹⁵³

Социальные низы города придерживались той же политической и общественной ориентации, что и крестьяне. Поэтому неудивительно, что исследователи рабочего класса обнаружили стойкий монархизм и среди рабочих, и среди мещанства не только провинциальных городов, но и столицы. И подобно крестьянам отношение к бюрократии было по преимуществу негативным, и чем ближе чиновники по роду своей службы были к народу, тем более негативным было отношение.¹⁵⁴

В конце XIX—начале XX в. в политических воззрениях и практике народа произошли некоторые перемены. Крестьянину стала вполне понятна идея выборности сельских властей не только в общине, но и в волости. Эти власти он считал ответственными перед собой и в случае недовольства их действиями проваливал их на следующих выборах. Но о своем праве влиять посредством выборов на состав уездного земства, не говоря уже о губернском земстве или Государственной думе, крестьяне имели еще очень смутное представление. Все, что выходило за пределы общины и волости, в глазах крестьян имело свое самостоятельное происхождение, не зависело от их воли. Им была чужда идея всесословного самоуправления, а после 1906 г. и идея о том, что верховная политическая власть принадлежит народу и что эту власть они могут делегировать своим доверенным для управления на уездном, губернском или общегосударственном уровнях. Крестьяне считали, что управление уездом, губернией, а тем более государством — это дело царя, его заместителей и слуг. В массе своей они не претендовали на участие в принятии государственных решений, на политическую власть, да и их по-

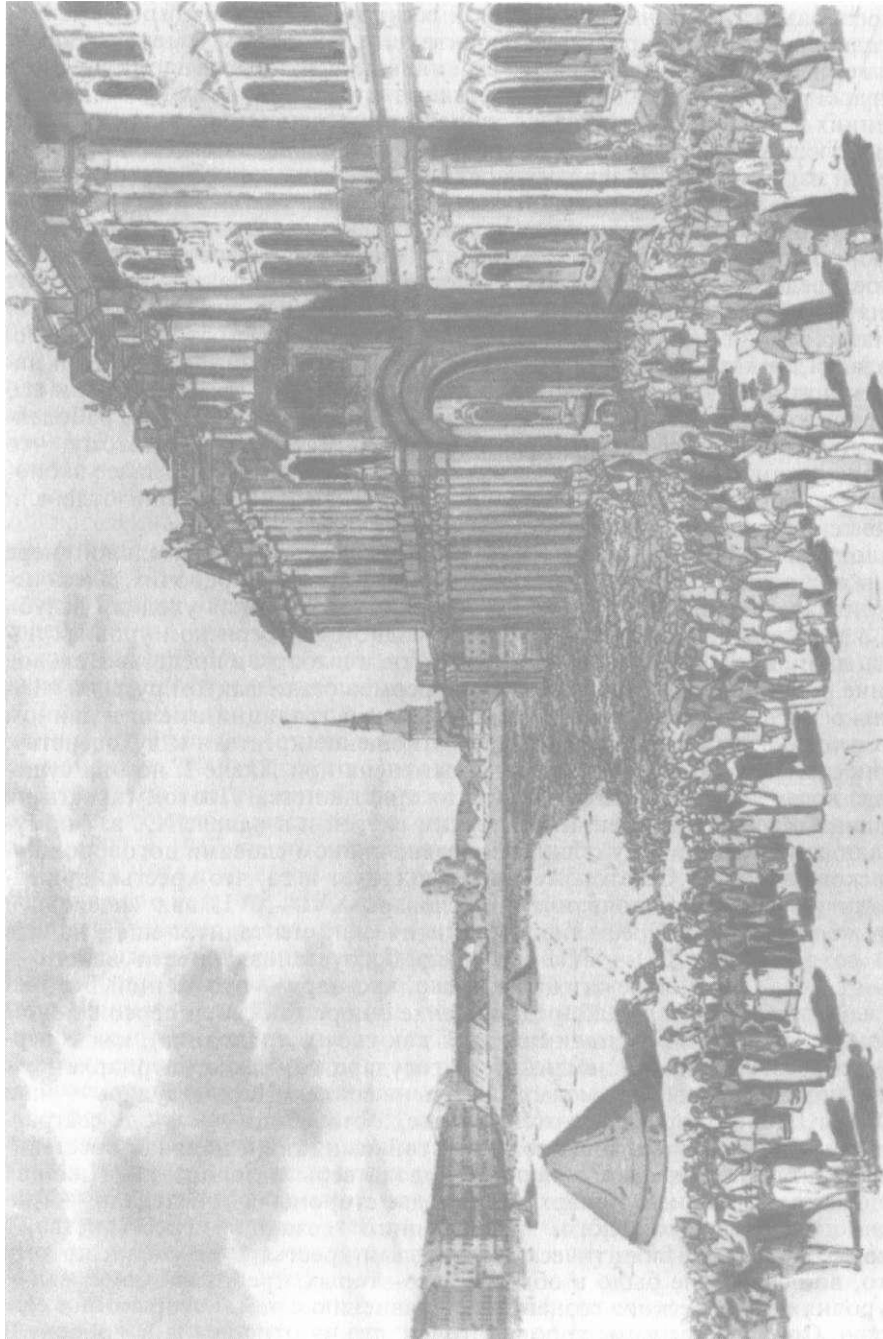

Рис. 31. Угощение народа в С.-Петербурге на Дворцовой площади перед Зимним дворцом в праздник при Екатерине II: справа и слева под кумачом жареные быки, посередине — фонтан для вина

нения о государственном строе России были весьма смутными. Их кругозор и знаний не доставало, чтобы понять, как организована и функционирует власть, какое место в обществе отводится народу.¹⁵⁵

Своеобразие отношения народа к государству понимали и бюрократы, сталкивавшиеся с народом на практике, и философы, смотревшие на него с горней высоты, и либералы, стремившиеся привлечь народ на свою сторону. «Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, — считал министр внутренних дел П. Н. Дурново, — одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных». Философ В. С. Соловьев полагал: «Русский народный взгляд не признает государственность саму по себе за высшую и окончательную цель национальной жизни. Понимая всю важность государственного порядка, сильной власти и т. д., русский народ никогда не положит свою душу в эти политические идеи. Для него государство лишь необходимое средство, дающее народу жить по-своему, ограждающее его от насилия чужих исторических стихий и обеспечивающее ему известную степень материального благосостояния». Либералы разделяли это мнение. «Успехи власти, за которые ей должна была быть благодарна Россия, были народу непонятны и чужды, — считал В. А. Маклаков. — И в отношении его к исторической власти существовали долго только две крайности: раболопное послушание или тайное сопротивление».¹⁵⁶ Естественно поэтому, что при столь узком кругозоре интересы крестьян не простирались далее экономических и фискальных дел на уровне общины и волости, и они отдавали предпочтение аграрной реформе перед политической.¹⁵⁷

Вплоть до начала XX в. монархические взгляды в значительной мере продолжали разделять социальные низы города, включая рабочих. Здесь нечему удивляться. Корни мирского и волостного управления уходили вглубь веков, в то время как самоуправление на уездном и губернском уровнях появилось лишь в 1864 г., после введения земств, а выборы в представительное собрание после более чем двухвекового перерыва стали фактом русской жизни только в 1906 г. То, что вековые привычки и традиции имели в данном случае решающее значение, показывает отношение крестьян к духовенству. Выборность священника и клира была отменена при Павле I, но она существовала восемь столетий, со дня принятия христианства. Поэтому крестьяне по традиции считали священника мирским слугой и в начале XX в. формулировали отношения между общиной и священником словами договоров допетровского времени. Об этом же свидетельствует и то, что крестьяне предпочитали использовать политический словарь XVI—XVII вв.: «воеводы», «царь», «бояре» и т. д. Крестьянский политический менталитет еще в начале XX в. сохранил от XVI—XVII вв. идею богоустановленности власти — власть от Бога и принадлежит царю, идею, что царь — это земной Бог, заботливый отец бедного люда, представление о царе как своем персональном государе (т. е. крестьянин понимал царя как своего господина), как о верховном собственнике всей земли, всего государства, как о патриархе всех русских людей, который все может сделать на земле. «Царь-государь — наш земной Бог. Царь — примерно отец в семье, а отечество — мать да сестра». Эти наивные парадигмы были столь же стойкими, как и наивная крестьянская вера в Бога без твердого знания символа веры и догматики. Наивная религиозность и наивный монархизм суть две стороны одной медали — традиционного, патриархального, религиозного сознания крестьянства.¹⁵⁸ Пользоваться новыми политическими правами крестьяне не умели, потому что это, во-первых, не было в обычае, а во-вторых, требовало более высокого уровня политического сознания по сравнению с тем, которым они еще обладали. Социальные низы города с точки зрения отношения к монарху и государству мало отличались от крестьянства.

Советские историки при всем желании модернизировать, осовременить менталитет народа все же признавали, что монархизм крестьян, который

они называли «наивным», являлся «мировоззренческой нормой времени» для XVIII—первой половины XIX в.¹⁵⁹ и интегральной частью крестьянского мировоззрения до революции 1905—1907 гг.,¹⁶⁰ а для значительной части крестьян и до 1916 г. Политический индифферентизм широких народных масс, локальность народных движений также нашли подтверждение во многих работах.¹⁶¹ Что касается рабочих, то, если иметь в виду рабочие массы в целом, а не «сознательных рабочих», и среди них монархизм, политический индифферентизм и патриархальные представления о власти были широко распространены, по крайней мере до революции 1905—1907 гг., поскольку большинство их происходило из крестьян и сохраняло крестьянской менталитет;¹⁶² только под влиянием первой революции их отношение к верховной власти и государству стало изменяться, но все равно медленно. Разгон I Государственной думы в июле 1906 г. был встречен народом, в том числе столичными социальными низами, равнодушно. Обращение депутатов распушенной думы к народу, так называемое Выборгское воззвание от 10 июля 1906 г., с призывом к пассивному неповиновению — «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию» — не нашло у него отклика: отказы от уплаты налогов и от воинской службы были единичными и исходили не от рабочих и крестьян.¹⁶³ Разгон II Думы и изменение избирательного закона в июне 1907 г. также не вызвали народного протеста. К концу 1907 г. правые черносотенные организации насчитывали по приблизительным оценкам до 400 тыс. человек, главным образом из «простонародья», и действовали в 2208 населенных пунктах 66 губерний. Во время выборов в Государственную думу в 1907 г. в 51 губернии Европейской России к правым партиям принадлежали 42% крестьянских выборщиков.¹⁶⁴ Это было самое массовое движение в России в тот момент.¹⁶⁵ Революции 1905—1907 гг. оказала сильное воздействие на крестьян, но преобладающее большинство их не стали республиканцами.¹⁶⁶ Именно поэтому правые видели социальную базу самодержавия в народе, преимущественно в провинции.¹⁶⁷

В 1907—1914 гг. широкие народные массы в значительной степени под влиянием пропаганды стали постепенно разочаровываться в Николае II, а не в монархии,¹⁶⁸ хотя степень этого разочарования, по-видимому, часто преувеличивается и переносится с личности отдельного императора на институт монархии. Участие крестьян и мещанства в черносотенных организациях между 1907 и 1917 гг. и подъем монархических и националистических настроений в 1914 г. в связи со вступлением России в Первую мировую войну¹⁶⁹ говорят о том, что идея монархизма не исчерпала себя. Но в ходе войны народ определенно разочаровался в Николае II. То, что император в предвоенные годы не передавал крестьянам помещичьи земли, еще могло быть объяснено вредным влиянием чиновников. Но то, что Россия во время его царствования терпела поражение во второй войне подряд, не могло быть списано на привходящие факторы. Проигранные русской армией сражения наносили огромный удар по авторитету монарха, ибо миф о его персональной божественной силе и всесилии с каждым поражением развевался, особенно после того как Николай II лично стал во главе армии.¹⁷⁰ Парадигма всемогущества государя пришла в противоречие с действительностью. Мне кажется, не следует смешивать недовольство и разочарование Николаем II с антимонархизмом. Во всяком случае возрождение самодержавия генеральными секретарями коммунистической партии в СССР вряд ли было случайностью: оно, по-видимому, свидетельствовало о живучести монархической идеи в массовом сознании народа.

В XVII—начале XX в. народ — крестьяне, мещане, ремесленники, мелкие торговцы, рабочие, все другие непривилегированные разряды населения — несмотря на слабое распространение грамотности в его среде, был осведомлен о важнейших событиях, происходивших в государстве, об изменениях в законодательстве, обсуждал их в своем кругу. У народа формиро-

Рис. 32. Калики переходные. 1900-е гг.

ваилось общественное мнение по актуальным для него вопросам, которое было известно правительству через жалобы и прошения, а также от местных коронных властей и осведомителей. Во время достаточно многочисленных бунтов правительство имело особенно благоприятную возможность познакомиться с тем, о чем думает народ. В крестьянской среде находили отклик все крупные политические события общегосударственного масштаба, причем наряду с оценкой текущих событий народ хранил память также и о важнейших исторических событиях.¹⁷¹

Механизм формирования общественного мнения среди народа действовал иначе, чем среди образованного общества. III Отделение, исследовавшее вопрос об источниках слухов, пришло к выводу, что общественное мнение среди народа в дореформенное время, а среди крестьянства и в пореформенное, формировалось не посредством печатного слова, как мнение образованного общества, а в процессе прямого межличностного общения. К сектантам информация поступала организованно и через специальных

людей, принадлежавших к их конфессии; среди крестьян, мещан, рабочих людей мнения распространялись стихийно через солдат, духовенство, отходников, фабричных, странников, богомольцев, нищих, а также через людей, чья профессия требовала частых передвижений с места на место: скупщиков, офеней, коробейников, косарей, пастухов, бурлаков.¹⁷² Большая роль в передаче информации принадлежала нищим. Известный писатель и этнограф С. В. Максимов писал о них в 1875 г.: «Вот они, за поголовным безграмотством (безграмотностью. — Б. М.) сельского люда, живые ходячие газеты с внутренними известиями; толковые из них даже с курсами и биржевыми ценами, и всегда с обличениями самого сердитого свойства (курсив мой. — Б. М.)».¹⁷³ Всякого рода сведения распространялись среди народа довольно быстро и на огромные расстояния. Чиновники-ревизоры в первой половине XIX в. изумлялись скорости, с которой крестьяне узнавали об их прибытии и маршрутах их следования. В 1853 г. один чиновник жаловался в Петербург: «Не могу ни выехать, ни въехать в деревню, чтобы не встретить какого-нибудь агента (из крестьян. — Б. М.)».¹⁷⁴ В 1773 г. во многих провинциях циркулировали слухи о том, что крестьяне, принявшие участие в русско-турецкой войне, получают свободу. Слухи вызвали массовое бегство крестьян и вынудил правительство принять через приходских священников меры по их пресечению.¹⁷⁵ В 1825 г. на территории 20 губерний, по своей площади во много раз превосходивших любое западноевропейское государство, в короткое время слух о получении воли переселившимися на Урал и в Сибирь спровоцировал массовые побеги крепостных.¹⁷⁶ В 1839 г. в 12 губерниях, охваченных пожарами в связи с засухливым

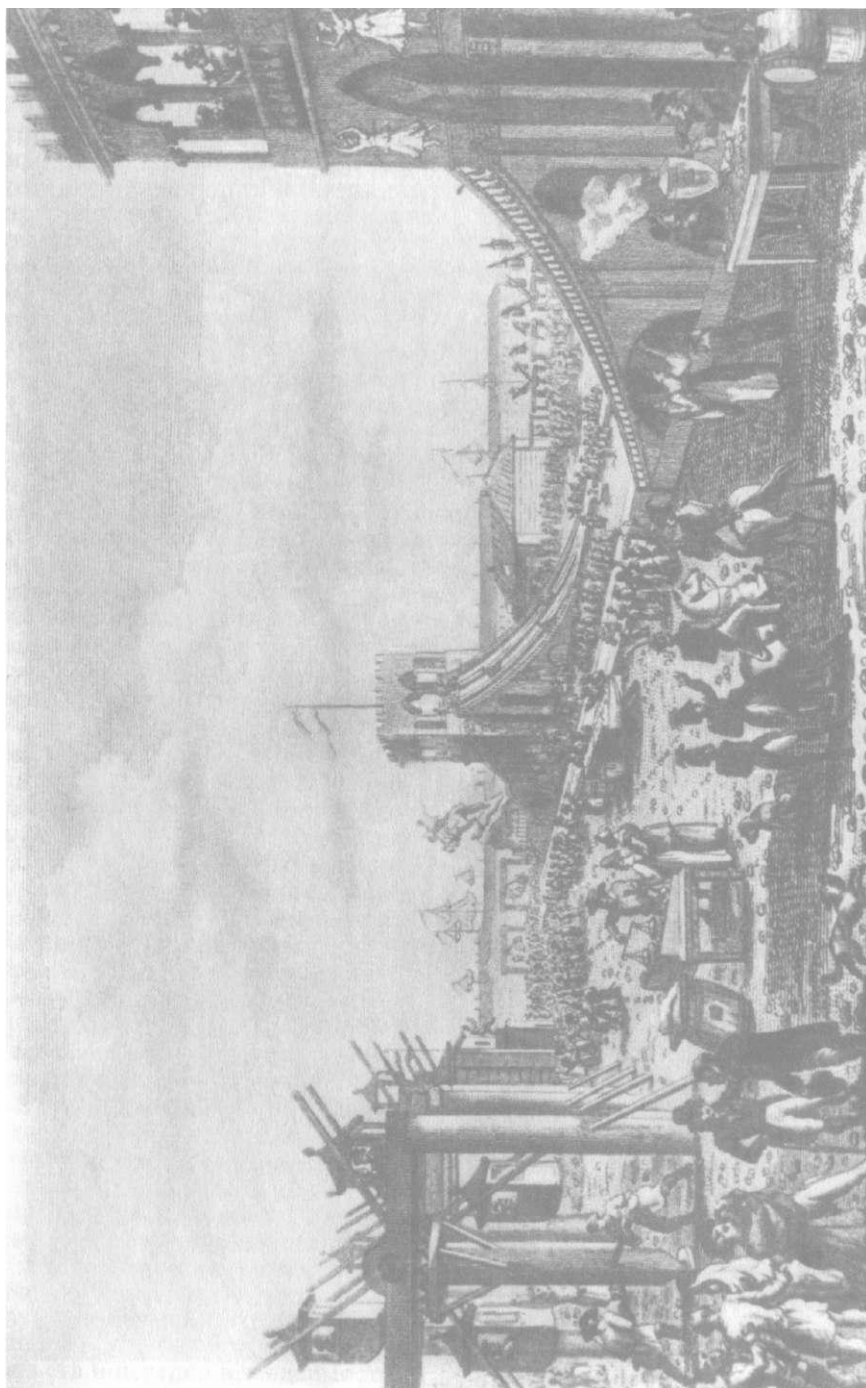

Рис. 33. Народное гуляние в С.-Петербурге. Конец XVIII в.

Рис. 34. Базар. Астрахань. 1900-е гг.

летом, разнесся слух, что поджоги произведены помещиками для разорения своих крестьян, которых император повелел отдать в приданое великой княжне Марии Николаевне.¹⁷⁷ В 1847 г. ложными слухами о даровании свободы всем переселившимся на Кавказскую оборонительную линию было увлечено до 20 тыс. помещичьих крестьян из центральных губерний России.¹⁷⁸ С появлением железных дорог устная информация стала передаваться быстрее, но механизм формирования и распространения мнений остался прежним.¹⁷⁹ В 1877—1879 гг. все российское крестьянство находилось под воздействием слухов о предстоящем понижении повинностей и дополнительной нарезке земли. В 1881 г. им на смену пришел слух о скором переделе всей помещичьей земли между крестьянами, и т. д.¹⁸⁰ Каждому крупному массовому движению крестьян предшествовала волна слухов, которые оперативно, без телефона и телеграфа охватывали огромные расстояния и многие губернии.¹⁸¹

Роль информационных центров для городских низов и крестьян играли монастыри, куда на церковные праздники стекались многие тысячи людей из многих губерний, а также ярмарки, базары и разного рода торжки, которые регулярно собирались в каждом городе, в каждом большом селе. До середины XIX в. периодические формы торговли являлись в России главными. В 1860-е гг. на городских и сельских ярмарках продавалось около 30% всей товарной массы страны, на городских и сельских базарах — около 10—14% и посредством развозно-разносной торговли — свыше 9%. В 1860-е гг. свыше 11 тыс. мелких торговцев развозили и скупали товар по всей Европейской России. Ярмарки служили особенно важным каналом формирования общественного мнения как среди крестьян, так и среди городских низов, мещан и ремесленников. Именно на ярмарках город встречался с деревней и крестьяне разных губерний — друг с другом. В 1790—1860-е гг. участие крестьян и мещан зафиксировано практически на всех ярмарках, а дворян и чиновников — лишь на 1—2% ярмарок. В России в конце XVIII в. действовало свыше 3 тыс., а в 1860-е гг. — более 6 тыс. ярмарок, в которых принимали участие миллионы человек. До 30 ярмарок имели общероссийское значение, на них собирались десятки тысяч людей со всей страны: это Макарьевская, Ирбитская, Коренная, Свенская, Киевская, Рижская, Архангельская, Оренбургская, Иркутская и другие ярмарки. Расположенные в разных частях России, они вместе с Москвой и Петербургом не только управляли всей торговой жизнью огромной страны, но служили центрами, где формировалось общественное мнение народа. *Уже в последней трети XVIII в. ярмарки связали всю страну не только в экономическом, но также в информативном и культурном смыслах.*¹⁸²

Функцию средства массовой информации для простолюдинов в городе и деревне, куда доступ женщинам, к сожалению для информационного потока, был фактически закрыт, выполнял кабак. Особенно велико было его значение для бедной средстами информации деревни, где он был настоящим сельским клубом. Мужчины собирались там постоянно: зимой часто, летом ввиду напряженного ритма работ — редко; кабаки были многолюдны в праздники, но и в будни вечерами там собиралось немало народа. Посетители узнавали новости, текущие цены, здесь заключались и, по русскому обычаю, «обмывались» сделки.

Мнения, зарождавшиеся в головах отдельных людей, обсуждались на общественных сходах. Сходы, выработав нечто систематическое, передавали результаты своей интеллектуальной работы через своих членов другим общинам, в другие регионы. Все совершалось стихийно, под давлением обстоятельств и нередко в зависимости от простой случайности. Но из единичных случаев тем не менее складывалось нечто постоянное и в общем своем течении регулярное. Благодаря информационным потокам крестьяне, разделенные большими пространствами, в социальном и духовном смысле жили

общей жизнью, представляли собой огромный класс со своей субкультурой и своим общественным мнением. То же следует сказать и о городском простонародье. Причем крестьянство и городские низы жили в едином информационном пространстве.¹⁸³ Этому способствовало то, что до середины XIX в. общественный и семейный быт крестьянства, с одной стороны, и городских низов, с другой — в мелких и средних городах с числом жителей до 25 тыс., которые составляли в XVIII в. около 99%, а в 1856 г. — 96% всех городов,¹⁸⁴ был весьма сходен благодаря интенсивным экономическим, культурным и матримониальным связям между городскими и сельскими жителями, жившими в округе города. До Великих реформ можно достаточно уверенно говорить о единой русской традиционной национальной культуре крестьянства и городских низов.¹⁸⁵ В пореформенное время это единство не было разрушено благодаря усилению информационных связей и огромной миграции крестьянства в города, носившей маятниковый характер.

Сектантам, т. е. лицам, придерживавшимся иных, чем ортодоксальное православие, религиозных взглядов, удалось создать всероссийские организации уже в конце XVIII в. Примером могут служить старообрядцы. В 1770-е гг. беспоповцы и поповцы — два их главных направления — создали свои общероссийские центры в Москве при Преображенском и Рогожском кладбищах, которые координировали деятельность старообрядцев во всероссийском масштабе исключительно путем личного устного общения.¹⁸⁶ В 1840-е гг. под влиянием Преображенского центра находились общины в 26 губерниях России и за границей.¹⁸⁷ И это в условиях преследований, обрушившихся на них со стороны правительства Николая I. В среде старообрядцев формировалось единое общественное мнение, опираясь на которое, их лидеры предпринимали различные акции в масштабе всей страны. Например, в 1803—1822 гг. старообрядческие общины, зависевшие от Рогожского центра, засыпали правительство просьбами о разрешении совершать культ и благодаря хорошо организованной кампании добились цели.¹⁸⁸

Но во многих случаях, когда дело касалось войны, смены монарха и некоторых других событий, имевших общегосударственное значение и близко затрагивавших интересы верховной власти, правительство пыталось формировать общественное мнение народа сознательно, используя все доступные ему средства массового воздействия: проповедь священников, внушение местной коронной администрации, авторитет царского имени, распространение слухов и легенд, печатное слово. Иногда это имело успех. Например, правительству удалось создать благоприятное мнение народа относительно русско-турецких войн при Екатерине II, относительно политики по польскому вопросу в 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг. и на Балканах в 1870—1880-е гг.

Пресса и печатная литература стали понемногу входить в народную жизнь начиная с последней трети XIX в., но их влияние на общественное мнение городских низов было более значительным, чем влияние на мнение крестьянства в силу меньшего образовательного уровня последнего и недоверия его к прессе. В 1883 г. крестьяне одной из наиболее развитых российских губерний — Московской, где в деревне проживало 1.3 млн человек, выписывали лишь 350 экземпляров различных периодических изданий, половина из которых приходилась на трактиры. Читатели проявляли большой интерес ко всему, что происходило в России, но в особенности к военным событиям и полицейской хронике. До начала XX в. общественное мнение крестьянства было в большей степени результатом интеллектуального творчества самого народа, чем городских и иных влияний. Однако внешние влияния на крестьянство усиливались. Передача знаний и мнений из привилегированной среды в среду крестьянства существовала всегда, но начиная с последней трети XIX в. приняла небывалые сравнительно с прошлым раз-

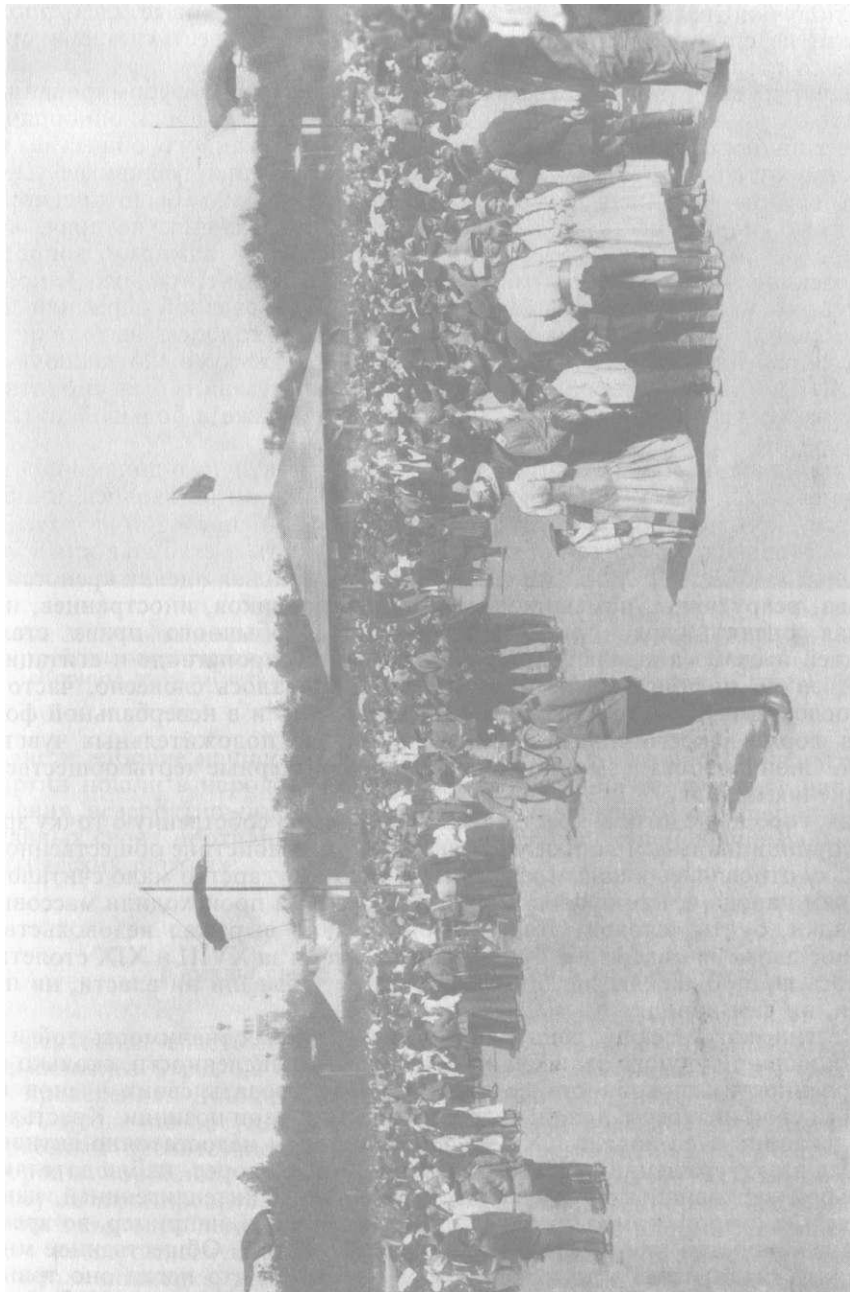

Рис. 35. Народное гуляние на Марсовом поле. С.-Петербург. 1900-е гг.

меры благодаря росту грамотности, деятельности земств, всеобщей воинской повинности, суду присяжных, развитию отхода, политической активности радикалов. В народной, лубочной литературе в конце XIX в. и еще более в начале XX в., которую читали по разным оценкам от 5 до 15 млн человек, получили распространение и оказывали влияние новые идеи, плохо совместимые с традиционными ценностями русского крестьянства и пришедшие со стороны.¹⁸⁹

Следует иметь в виду, что стихийно или сознательно сформированное общественное мнение городских низов и крестьян отличалось однородностью, всеобщностью и не разделялось, как у образованного общества, на множество оттенков, течений, вариантов, так как индивидуализм не успел пустить глубокие корни в их среде. Почти всегда можно было предположить, что думают крестьяне в отличие от интеллигенции, которая, как правило, не имела единого мнения ни по одному важному вопросу. Общественное мнение народа имело позитивную или негативную направленность, когда дело касалось самого народа, православной веры или царя, но было в основном индифферентным, когда вопросы выходили за круг его практических интересов. Без большой натяжки можно заключить, что в XVIII—XIX вв. народ, и в особенности крестьянин, был аполитичным, чего нельзя было сказать об интеллигенции даже с большой натяжкой.

В принципе общественное мнение проявляет достаточную динамичность, подвижность. Однако в традиционном обществе, каким оставалось по преимуществу крестьянское общество, общественное мнение часто в течение жизни нескольких поколений сохраняет устойчивость и стабильность и *закрепляется в обычаях, нормах, традициях*. Отрицательная оценка крепостного права, рекрутчины, помещиков, местных чиновников, иностранцев, позитивная оценка царя, православия, общины, обычного права стали традицией и слабо поддавались влиянию времени, пропаганде и агитации. Общественное мнение в среде народа формулировалось словесно, часто в виде пословиц и поговорок, но могло существовать и в невербальной форме — в форме некоего сплава отрицательных или положительных чувств, эмоций. Спонтанность и эмоциональность — характерные черты общественного мнения народа.

Итак, городские низы и крестьянство имели свою собственную точку зрения по принципиальным вопросам жизни, она была поистине общественной, поскольку относилась к целым классам. Однако государство мало считалось с мнением народа и, как правило, лишь тогда, когда происходили массовые беспорядки, бунты, словом, когда народ активно выражал недовольство. Народное движение масштаба пугачевского мятежа за XVIII и XIX столетия случилось лишь однажды, но о нем никогда не забывали ни власти, ни помещики, ни сам народ.

В России, как и всюду, социальная и политическая значимость той или иной социальной группы зависела не столько от ее численности, сколько от ее сплоченности, способности ее лидеров мобилизовать своих членов на борьбу за свои интересы, ясно и твердо отстаивать свои позиции. Крестьяне и городские низы до начала XX в. в общем и целом недостаточно активно боролись за утверждение своих интересов и были, скорее, наблюдателями за борьбой верховной власти с общественностью и интеллигенцией, чаще оставаясь на стороне самодержавия, как это случилось, например, во время мятежа декабристов или хождения народников в народ. Общественное мнение народа было менее влиятельным, еще и потому, что когда оно трансформировалось в политические действия, как это случалось во время бунтов, забастовок и т. п., эти действия носили стихийный и локальный характер. Но было бы заблуждением полагать, что оно вообще не имело влияния на правительственную политику. В ходе революции 1905—1907 гг., когда крес-

Рис. 36. Колонна женщин-демонстранток проходит по Невскому проспекту с лозунгами, требующими материальной помощи семьям солдат: «Прибавка пайка семьям солдат», «Кормите детей защитников (так!) Родины». Петроград. 23 февраля (8 марта) 1917 г.

тыне и рабочие нашли своих лидеров, точнее, когда просоциалистические партии пошли в народ за поддержкой и получили ее, значение народного мнения невероятно поднялось, хотя верховная власть по инерции видела главных своих противников в образованном обществе и в либеральных политических партиях.

Каналы связи между обществом и государством

Верховная власть и ее правительство начиная с Петра I твердо придерживались курса на европеизацию, хотя и изменяли формы и способы ее проведения. Диалог с общественностью был нелегким.¹⁹⁰ Невозможность публично обсуждать социальные и политические проблемы являлась серьезным препятствием и для диалога, и для контроля за обществом со стороны коронной администрации: что скрыто, того нельзя по-настоящему контролировать. В связи с этим возникают вопросы: как при отсутствии гласности и при строгой цензуре верховной власти удавалось находить компромиссную, удовлетворяющую большую часть общественности линию в политике, каким образом власть узнавала об общественном мнении и учитывала его?

В определенной мере служащие государственного аппарата сами были частью общества, и поэтому, следуя своему широко понимаемому интересу, они могли, хотя бы до некоторой степени, удовлетворять запросы общества,

поскольку чиновники происходили из всех социальных слоев населения. Одновременно высшие чиновники информировали императора и подготавливали его к принятию того или иного решения. Как известно, костяк и наиболее влиятельную часть бюрократии составляло поместное дворянство. Поэтому в значительной мере через него верховная власть опосредованно контактировала со страной. Конечно, поместное дворянство представляло прежде всего свои сословные интересы, однако трудно отрицать, что после своей эмансипации в 1762 г. и вплоть до 1860-х гг. оно действительно близко стояло к жизни и крестьянству, поскольку проживало преимущественно в деревне. Например, в 1858 г. в 49 губерниях Европейской России свыше 67% дворянства проживало в деревне и менее 33% — в городе.¹⁹¹ Только к началу XX в. положение изменилось: в 1897 г. 43% дворян оставались в деревне и 57% жили в городе.¹⁹² Они активно занимались земледелием и промышленностью, были тесно связаны с рынком, а значит, были знакомы с настроениями купечества и мещанства. Это обстоятельство, возможно, являлось важным фактором политического консерватизма дворянства по двум причинам. С одной стороны, объективно, в силу своих материальных и социальных интересов, оно было заинтересовано в сохранении существующего порядка, который обеспечивал ему самый привилегированный статус в обществе. С другой стороны, близко соприкасаясь с крестьянством, купечеством и мещанством, поместное дворянство знало о монархических политических идеалах народа и, по-видимому, находилось под их влиянием. Требования свободы и гражданских прав, раздававшиеся со стороны радикальной и либеральной интеллигенции, естественно, казались большинству дворянства чуждыми русскому народу, искусственно занесенными в Россию с Запада. Возможно, что связь с обществом через лояльное к нему дворянство служила важным фактором политического консерватизма самой верховной власти.

Во все времена и во всех самодержавных государствах важным каналом, обеспечивавшим верховную власть информацией о настроениях, нуждах и желаниях общества и народа, являлась политическая полиция. В России она возникла в форме «Слово и дело государево» в XVII в. при первом Романове, чрезвычайно усилилась при Петре I,¹⁹³ была реорганизована в правильный административный институт при Николае I, в 1826 г., как III Отделение в составе собственной канцелярии императора, была вновь преобразована и вошла в состав Министерства внутренних дел как Департамент полиции в 1880 г. Названия учреждений, осуществлявших функции политической полиции, изменялись, но главная цель их деятельности оставалась неизменной — сбор сведений об общественном мнении, настроениях и потребностях населения.¹⁹⁴ «Общественное мнение для власти, — писал в ежегодном обзоре общественного мнения за 1827 г. шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, — то же, что карта для начальствующего армией во время войны. Но составить верный обзор общественного мнения так же трудно, как и сделать точную топографическую карту».¹⁹⁵ Политическая полиция через свою не слишком широкую агентурную сеть (по данным последнего ее шефа А. Т. Васильева, даже в 1910-е гг. профессиональная агентура насчитывала не более тысячи человек по всей России) достаточно квалифицированно изучала общественное мнение во всех сословиях. Например, в царствование Николая I объектами ее постоянного внимания были: придворное общество, высшее общество, средний класс (помещики, купцы первой гильдии, «образованные люди» и литераторы), который она называла «душой империи», «молодежь», чиновничество, армия, духовенство и крепостное крестьянство.¹⁹⁶ В конце XIX—начале XX в. центр внимания переключился на тайные общества, революционеров, интеллигенцию, политические организации, рабочих.¹⁹⁷ Полиция стремилась собирать данные «о мнении большинства во всех классах об-

щества, т. е. о мнениях, пользующихся в своем кругу наибольшим влиянием»,¹⁹⁸ что указывает на правильное понимание своей задачи. Для этого применялись все доступные средства: перлюстрация, слежка, подслушивание, провокаторы, подкуп и т. д.¹⁹⁹ Некоторые общественные деятели, зная, что их письма перлюстрируются, намеренно писали в них откровенно о злободневных политических вопросах в надежде, что их мнение дойдет до правительства. Кроме этого, практически во всех отчетах политическая полиция рекомендовала императору меры, продиктованные общественным мнением, для улучшения состояния страны. Некоторые отчеты представляли собой собрание проектов реформ в аграрной, финансовой, юридической и других сферах.²⁰⁰ Во времена Николая I все чиновники, включая министров, «трепетали перед жандармами, как мальчишки перед розгами», страшась обвинений как в политической неблагонадежности, так и в профессиональной несостоятельности и служебных злоупотреблениях.²⁰¹ А. Сергеев, подготовивший первую публикацию отчетов Бенкендорфа, считал, что «III Отделение в системе самодержавия Николая I и Александра II заполняло отсутствие представительных учреждений и, являясь центральным органом политического сыска, было в то же время верховным органом надзора за всем аппаратом исполнительной власти, начиная с министерств».²⁰²

Политическая полиция не всегда давала объективную оценку состояния общественного мнения. Временами оппозиционность общества преувеличивалась. Например, Бенкендорф предрекал революционный взрыв в конце 1820-х и в середине 1830-х гг. Однако ничего похожего на взрыв не произошло. В то же время в отчетах явно приукрашивалась действительность, нередко встречались заключения типа: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение» или «Все единодушно любят государя, привержены к нему и отдают полную справедливость неутомимым трудам его на пользу государства <...> и семейным его добродетелям. <...> Императрицу более чем любят, можно сказать, обожают. На нее взирают как на божество доброты».²⁰³ В 1839 г., за 22 года до отмены крепостного права, Бенкендорф предупреждал императора, что «весь дух народный направлен к одной цели — к освобождению» и что «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством».²⁰⁴ Взрыва вновь не последовало. Однако в донесениях полиции все-таки преобладала тенденция к приукрашиванию действительности, поскольку государям больше нравились «красивые», успокаивающие картинки. В пользу такого предположения говорит тот факт, что все донесения полиции о крестьянских и рабочих бунтах за XIX—начало XX в. принижают масштабы таких выступлений.²⁰⁵ «Государь, очарованный блестящими отчетами, — писал о Николае I известный историк М. П. Погодин, живший в его царствование, — не имеет верного представления о настоящем положении России».²⁰⁶ В конце 1916 г., накануне свержения царизма, Департамент полиции в своих отчетах создавал излишне оптимистическую картину положения в стране, что влияло на оценку политической ситуации императором и его ближайшим окружением. В своих донесениях шефы политической полиции, вероятно, считались с настроениями императоров и в придворных кругах, пытались воздействовать на политику в соответствии со своими представлениями, а также решали свои персональные проблемы. Все это снижало объективность их информации.²⁰⁷

Все подданные с 1810 г. имели право подачи индивидуальных петиций на высочайшее имя, а дворянство и его сословные организации — с 1775 г.²⁰⁸ Однако петиция как средство донести свое мнение до верховной власти активно использовалась всегда, в том числе в XVIII в., несмотря

на запрещения;²⁰⁹ несколько лет это право фактически существовало при Павле I.²¹⁰ В год санкционирования права петиций была создана Комиссия по принятию прошений на высочайшее имя, переименованная в 1884 г. в Канцелярию прошений, в 1895 г. — в Канцелярию по принятию прошений. За 1810—1884 гг. в Комиссию поступили 75 тыс. жалоб и 600 тыс. прошений, из которых 26% были удовлетворены, остальные переданы в соответствующие учреждения для рассмотрения; 6.3% наиболее важных прошений докладывались лично государю. Число прошений со временем возрастало: в 1825 г. поступило 11 582, в 1893 г. — 21 382, в 1899 г. — 32 336, в 1908 г. — 65 357 прошений. В 1908 г. число прошений, лично рассмотренных императором, возросло до 12% от их общего числа, и все они были удовлетворены. 26% прошений были отклонены и 48% переданы в другие учреждения. Состав прошений был сложен, но среди них преобладали жалобы на решения суда, высших административных учреждений и просьбы о помиловании. Например, в 1908 г. поступило жалоб на решения Сената 331, министров — 27, других должностных лиц — 96. Благодаря своей обширной деятельности Канцелярия по принятию прошений на высочайшее имя не только вносила свой вклад в надзор за отправлением суда и за соблюдением законов, но и служила важным каналом связи общества с верховной властью.²¹¹

Следует заметить, что до печального убийства Александра II подданные имели возможность личной апелляции к государю при появлении на публике, в том числе на прогулке, во время путешествий, посещения церкви и т. п. Например, Александр I, Николай I и Александр II гуляли по Дворцовой набережной в Петербурге ежедневно в определенные и всем известные часы, и желающие подавали прошения.²¹²

В течение всего изучаемого периода общественное мнение доходило до властей через экспертов, которые привлекались в различные комиссии по изучению каких-либо насущных проблем, и эти мнения часто использовались при подготовке правительственных мер или законов. Эта традиция существовала уже в XVII в., когда для получения сведений о мнении населения царь собирал земские соборы. В XVIII в. правительство обращалось к опросу сведущих лиц с помощью местной администрации или посредством анкеты всякий раз, когда возникала какая-нибудь экономическая или социальная проблема. Например, в 1767 и 1787 гг. была опрошена местная администрация о причинах повышения хлебных цен.²¹³ В дореформенное время правительство неоднократно просило высказаться купеческую общественность о предполагаемой реформе городского самоуправления и суда.²¹⁴ В составлении проектов всех Великих реформ участвовали представители общественности на правах экспертов.²¹⁵ В пореформенное время при подготовке многих важных реформ эксперты либо вызывались в столицу, либо опрашивались через местную администрацию или специальными анкетами.

Каналом связи государства с обществом являлись ходатайства и адреса сословных организаций — купеческих обществ, дворянских собраний, после реформ — земств и городских дум и других, многие из которых удовлетворялись или принимались к сведению. Начиная с последней трети XVIII в. известное влияние приобрела пресса, роль которой непрерывно росла. Нередко использовались и нелегальные способы «контактов» с властями — банкеты, демонстрации, митинги и т. д. Характерным примером давления общества на верховную власть с целью реформирования государственного строя может служить мощная кампания, развернутая общественностью весной—осенью 1905 г. Под ее воздействием Николай II сначала в Манифесте от 6 августа 1905 г. согласился на введение законосовещательной Государственной думы, а 17 октября того же года в результате начавшейся революции — и на введение законодательного парламента.²¹⁶

Рис. 37. Открытие памятника Александру III (скульптор П. П. Трубецкой). С.-Петербург. 1909 г.

В течение всего периода империи многочисленные придворные торжества и церемонии, поездки государя по стране, встречи с подданными являлись неотъемлемой чертой государственного быта. Одна из главных их функций состояла в том, чтобы создать возможность для неформального, неслужебного общения с подданными в лице представителей высших слоев военного и гражданского чиновничества, а также всех лиц, с которыми встречался император.²¹⁷ В XIX в. вошло в правило, что наследники-цесаревичи путешествуют по России с целью ознакомления с организацией управления, с бытом и нравами населения. Например, будучи наследником, много путешествовал Александр II, во время поездок он заходил в крестьянские избы, беседовал с простым народом о его нуждах и заботах, посещал фабрики и мастерские, присутствовал на уроках в сельских школах. У него сложилось убеждение, что он увидел страну, как она есть, и научился ее любить и уважать.²¹⁸ Надо полагать, что визиты тщательно готовились и встречи дозировались. Однако, поскольку незапланированные встречи предусмотреть невозможно, путешествия давали наследникам и неожиданные для их устроителей впечатления. Например, Александр III во время плавания на пароходе по Волге часто без предупреждения сходил на берег, пешком посещал села, знакомился с жизнью народа.²¹⁹ Будучи наследником, много путешествовал Николай II.²²⁰ После вступления на престол путешествия регулярно повторялись. Обычно император во время поездок лично знакомился с местными нуждами, принимал прошения и многочисленные депутации от городов,²²¹ крестьянских обществ, казаков и нерусских народов данной местности.

Со времен Алексея Михайловича государи были усердными читателями сначала зарубежной, а со времени Екатерины II и отечественной прессы. Допущенная в середине XIX в. гласность, несмотря на цензуру, обеспечивала бюрократию и общественность ценной информацией о состоянии дел в стране.

Все каналы связи общества и государства действовали одновременно, но в разное время преобладали те или иные, что в немалой степени зависело от личных склонностей государей. В XVII в. главными каналами связи служили, вероятно, челобитные и Земский собор. В первой половине XVIII в. связь верховной власти и общества осуществлялась главным образом через дворян, которые находились на государственной службе, оставаясь в то же время помещиками, земскими людьми. При Екатерине II на общественную сцену выступила пресса. Императрица лично участвовала в полемике по злободневным вопросам жизни, которая развернулась в прессе, и даже пыталась возглавить общественное мнение через издававшийся ею журнал.²²² Для получения представления о нуждах и желаниях населения она весьма искусно использовала наказы депутатам в законодательную комиссию 1767 г. По ее распоряжению все наказы были самым тщательным образом обработаны и содержащиеся в них мнения систематизированы с таким совершенством, которого в настоящее время не всегда достигают социологи, специализирующиеся на изучении общественного мнения. Пожелания, содержащиеся в наказах, помогли императрице составить программу социальных реформ, которую она в дальнейшем и реализовала.

Очень чутко к общественному мнению был Александр I, который всегда им интересовался. После долгих колебаний он принял программу правительственной деятельности, составленную в салоне его сестры Екатерины Павловны, вокруг которой объединилось влиятельное московское дворянство (программа была написана Н. М. Карамзиным). Неожиданный способ познакомиться с мнением общества и прислушаться к нему нашел Николай I. Он начал свое правление с того, что внимательнейшим образом изучил показания декабристов, которые были по его поручению систематизированы в следственной комиссии. Выводы, к которым он при этом пришел, послужили основой его охранительного политического курса. Очень большое значение он придавал информации тайной полиции, которая при нем была поставлена на уровень последних европейских достижений в этой области.

Со второй половины 1850-х гг., с восшествием на престол Александра II, на первое место среди способов выражения общественного мнения выдвинулась пресса.²²³ Александр II ежедневно читал не только все главные газеты, но и запрещенный в России «Колокол» А. И. Герцена и, как говорили очевидцы, со вниманием относился к тому, что там печаталось.²²⁴ Именно в это время понятие *общественное мнение* стало обиходным, и главным каналом его проявления и правительство, и общество считали прессу. Не случайно понятия *печать* и *общественное мнение* употреблялись в качестве синонимов. Под давлением общественности всех политических ориентаций была допущена регулируемая гласность в прессе, но при этом подтверждался старый принцип неответственности верховной власти перед обществом. Однако, вопреки провозглашенной независимости от общественного мнения, император и его правительство постепенно попали в сильную зависимость от прессы, поскольку нуждались, во-первых, в информации о состоянии дел, мнении общества, в новых идеях, во-вторых, в общественном доверии и поддержке общества.²²⁵ Первая задача решалась путем поощрения правительством обсуждений в прессе всех проблем, кроме политических и касавшихся государственного управления. В результате все либеральные реформы, проведенные при Александре II, были продиктованы верховной властью либеральным общественным мнением через печать. Вторая задача решалась путем изучения всех материалов прессы, касавшихся общественных проблем и

работы администрации. В 1860-е гг. Министерство внутренних дел ввело в постоянную практику учет критических замечаний, высказанных в прессе в адрес правительства. Эти замечания фиксировались в Главном управлении по делам печати в форме так называемых министерских обзоров. Все сообщения в прессе о неблагоприятных действиях коронной администрации брались на заметку и проверялись. Если сообщения подтверждались, виновные несли наказание, а если нет, публиковалось опровержение в официальной печати. Другие министерства поступали аналогичным образом. Популярный правый журналист М. Н. Катков был столь могуществен, что довел до отставки министра внутренних дел П. А. Валуева. Александр II проявлял большое внимание не только к внутреннему, но к европейскому общественному мнению.²²⁶ Соответственно общественное мнение стало влиять также и на внешнюю политику. Например, в 1877 г. общественность, можно сказать, вынудила верховную власть вступить в войну с Турцией ради «защиты славянских братьев на Балканах».²²⁷ Ф. М. Достоевский в своей записной книжке в 1880 г. заметил: «Общественное мнение у нас дрянное, кто в лес — кто по дрова, но его кое-где боятся, стало быть, оно своего рода сила, а стало быть, и годиться может».²²⁸

В либеральное царствование Александра II правительство больше считалось с либеральной общественностью и ее прессой, а в консервативное царствование Александра III — с консервативной общественностью и ее прессой. Автором программы контрреформ был крайне правый дворянский общественный деятель А. Д. Пазухин, а ее идейными вдохновителями и трубадурами стали упоминавшийся Катков (до своей смерти в 1887 г.), а затем В. П. Мещерский — редактор другой правой газеты «Гражданин».²²⁹ Однако и либеральная общественность не утратила своего влияния. Вот показательный пример. В 1883 г. в Иркутске за пощечину генерал-губернатору Сибири Д. Г. Анучину был казнен народоволец К. Г. Неустроев. Общественное мнение Иркутска выступило против Анучина. При проезде его по городу ему кричали: «Убийца!». Ворота его дома были несколько раз вымазаны кровью. После казни Неустроева иркутская газета «Сибирь» напечатала в отделе хроники, что совершено возмутительное убийство невинного человека. Генерал-губернатор был вынужден уйти в отставку.²³⁰ Пресса весьма активно использовалась для лоббирования групповых интересов и оказывала серьезное влияние на правительство.²³¹ Общественные организации, в частности земства, намеренно дистанцировались от государственной администрации. Ярким подтверждением этому может служить отказ земских служащих в 1894 г. от предложения правительства принять статус государственных служащих.²³²

В царствование Николая II общественное мнение начало еще больше влиять на политику. Усилилась роль печати, большее, чем прежде, значение в формировании и выражении мнения общества получили земства и городские думы. С 1906 г. Государственная дума стала рупором политических партий всех направлений — от крайне правых до крайне левых. Общество приобрело легальную возможность воздействовать на законодательную работу парламента. Примером этого может служить успешная борьба общества за новый закон о разводе, который был принят в 1914 г. Правительство не только внимательно следило за колебаниями общественных настроений, но и само стало использовать прессу для влияния на них, в том числе само организовывало газеты, а премьер С. Ю. Витте использовал прессу для воздействия на Николая II.²³³

В 1785 г. с учреждением дворянских обществ в губерниях общественное мнение, с которым местные власти вынуждены были считаться, стало фактором политики в провинции. В Москве и, вероятно, в других больших городах в начале XIX в. из-за недостатка отечественных газет дворяне узнавали политические новости через особых информаторов — «ну-

веллистов», которые как живая газета переходили из дома в дом, принося с собой новости, естественно, с собственными комментариями. Повсеместно возникшие в первой половине XIX в. литературно-музыкальные кружки и салоны стали теми центрами дворянской общественности, где зарождалась, воспитывалась и развивалась русская мысль и формировалось общественное мнение, злые языки общественности стали страшнее пистолета не только для дворян, но и для местной бюрократии.²³⁴ А. И. Герцен, имея в виду первую половину XIX в., писал: «Власть губернатора растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири». Автор приводит примеры, как местное дворянское общество сопротивлялось произволу местной коронной администрации и добивалось устранения неугодных администраторов, включая губернаторов.²³⁵ М. М. Сперанский в бытность свою сибирским генерал-губернатором провел ревизию управления в 1821 г. и обнаружил вопиющую картину злоупотреблений. «Первую причину» беспорядков он усматривал в отсутствии общественного мнения, носителем которого, на его взгляд, являлось дворянство. Современник и знаток административных порядков первой половины XIX в., известный юрист А. В. Лохвицкий делил российские губернии с точки зрения административных злоупотреблений на дворянские и чиновничьи, т. е. такие, где имелись или отсутствовали дворянские общества. «Во вторых (чиновничьих губерниях. — *Б. М.*) произвол чиновничий не встречает себе препоны: нет общественного мнения, нет важных должностей, занятых по выбору дворянства, нет общества. Наша жизнь еще не выработала сильного и образованного класса вне дворянства». И само дворянское общество, и коронная администрация считали дворянские собрания рупором общественного мнения. «Дворянство сделалось некоторым образом легальным представителем губернии в противоположность губернатору как представителю государства. <...> Поэтому там, где не было дворянства, общества не существовало: были только чиновники и безличная масса, в которой и городское сословие было мужицким. Такой тип представляют губернии сибирские, Олонецкая, Архангельская и отчасти многие другие. Карта крепостного населения (и, следовательно, распределения поместного дворянства. — *Б. М.*) дает довольно верное понятие об общественной силе различных губерний».

Однако неверно думать, что общественность собственно городского сословия была совершенно безгласна в дореформенное время и не оказывала влияния на коронную администрацию. Когда последняя поступала противоправно, она встречала отпор. Вот несколько примеров. Городская дума Калуги в 1789—1802 гг. вела борьбу с губернской коронной администрацией за прекращение полицейских поборов и освобождение от незаконного постоя. Длительная тяжба, в которой администрация применила весь набор доступных ей средств, включая шельмование городского головы И. И. Борисова, закончилась победой думы. Помогло вмешательство высшей администрации. Великолуцкая городская дума с 1804 по 1818 г., 14 лет, боролась с городничими за возвращение отданных в их распоряжение городских земель и старой крепости и добилась своего, используя разные средства: жалобы губернатору, остракизм, угрозы. В конце концов был назначен лояльный к нуждам горожан городничий, который удовлетворил их законные требования. В 1851 г. харьковская губернская администрация распорядилась перевести оптовую торговлю в Харькове с одного места на другое, что было неудобно местным купцам. Руководимые городским головой, они составили прошение об отмене распоряжения, а городской голова собрал подписи под прошением среди граждан, приглашая их по вечерам к себе домой. Генерал-губернатор «уволит» городского голову, но последний пожаловался в Сенат, где нашел поддержку. В результате голова был реабилитирован, а торговля

возвратилась на старое место.²³⁶ Эти частные примеры показывают, что и дворянские, и городские общества имели права и реальные возможности бороться с коронной администрацией и в случае необходимости их использовали.

Общественность находила самые разнообразные способы воздействия на власти. Например, популярная в России в 1990-е гг. телепередача «Куклы» имела предшественников еще в царствование Николая I, о чем поведал нам Н. С. Лесков в «Мелочах архиерейской жизни». В губернском городе Орле во второй половине 1840-х гг. враждовали губернатор кн. П. И. Трубецкой и преосвященный Смарагд. Старшина дворянского клуба отставной майор А. Х. Шульц — душа местного общества, олицетворявший «в своей особе местную гласность и сатиру, которая благодаря его неумолимому и острому языку была у него беспощадна и обуздывала много пошлостей дикого самодурства тогдашнего „доброе время“, устроил на окне своего дома два чучела: красного петуха в игрушечной каске, с золочеными шпорами и бакенбардами, и козла с бородой, покрытого черным клобуком. Козел и петух стояли друг против друга в боевой позиции, которая от времени до времени изменялась. В этом и заключалась вся штука. Смотря по тому, как стояли дела князя с архиереем, т. е.: кто кого из них одолевал, так и устраивалась группа. То петух клевал и бил взмахами крыла козла, который, понуря голову, придерживал лапою сдвигающийся на затылок клобук; то козел давил копытами шпоры петуха, поддевая его рогами под челюсти, отчего у того голова задиралась вверх, каска сваливалась на затылок, хвост опускался, а жалостно разинутый клюв как бы вопиял о защите. Все знали, что это значит, и судили о ходе борьбы по тому, „как у Шульца на окне архиерей с князем дерутся“. Это был первый проблеск гласности в Орле, и притом гласности бесцензурной. <...> Не наблюдать за *фигурами* было невозможно, потому что бывали случаи, когда козел представал очам прохожих с аспидною дощечкою, на которой было крупно начертано: „П-р-и-х-о-д“, а внизу, под сим заголовком, писалось „такого-то числа: взял сто рублей и две головы сахару“ или что-нибудь в этом роде. <...> Предпринять против этого ничего нельзя было, так как против устроенного органа гласности не действовала ни предварительная цензура, ни система предостережений». И «„шутовские органы гласности“ сильно действовали, — отмечает Лесков. — По крайней мере то несомненно, что крутой из крутых и смелый до дерзости архиерей их серьезно боялся».²³⁷

С учреждением новых городских дум и земств губернаторы были вынуждены еще более прислушиваться к мнению не только дворянства, а всего городского общества. Чтобы успешно справляться со своими обязанностями, необходимо было проявлять большое дипломатическое искусство, ибо губернатор не только должен был считаться с центром, представителями других министерств в губернии, но и «обхаживать» и «обрабатывать» лидеров земств, городских дум, дворянских собраний и прессы. О зависимости бюрократии от общественности красноречиво, на мой взгляд, свидетельствует заинтересованность руководителей местной и центральной коронной администрации в получении звания почетного гражданина города по представлению органов местного самоуправления. Звание «почетный гражданин города» стихийно возникло в 1863 г. Оно жаловалось императором на основании ходатайства городских дум и не давало никаких дополнительных прав и привилегий. Несмотря на это, многие правительственные чиновники заискивали перед гражданами с целью получения почетного гражданства, а когда городские общества обращались к ним за согласием на присвоение этого почетного звания, то отказов не было. С 1863 по 1915 г. было присвоено более 2 тыс. званий почетного гражданина города. Даже если главным мотивом его получения являлось желание обратить на себя внимание

высочайшей власти, все равно чиновникам, желающим его приобрести, приходилось добиваться расположения и уважения городских обществ.²³⁸

Народ доводил до властей свое мнение главным образом через жалобы, доносы и бунты.²³⁹ Жалобы на администрацию подавались в инстанционном порядке: на низшую администрацию — в высшую, на высшую — в Сенат. Во все инстанции их поступало многие тысячи ежегодно. Жалобы брались на заметку, проверялись и в случае подтверждения виновные наказывались. Хотя процедура требовала много времени, нельзя сказать, что этот канал связи не действовал и был бесполезен. Разновидностью жалоб являлся донос. Хотя в источниковедении нет такой разновидности документа, как донос, в жизни такой вид документации существовал. Донос означал не личную жалобу как таковую, а сообщение представителям власти о неблагоприятных поступках официального лица, и он мог быть как анонимным, так и подписным.²⁴⁰ В принципе публика осуждала только тайные, или анонимные, доносы. Как бы ни относиться к доносам, нельзя не признать, что они до некоторой степени компенсировали недостаток контроля за работой коронных чиновников со стороны прокуратуры и суда, которые в правовых государствах защищают интересы граждан от злоупотреблений администрации, и давали простому обывателю некоторую долю контроля за деятельностью органов власти. К доносам люди, отнюдь не всегда интриганы или негодяи, обращались обычно тогда, когда не имели другого средства воздействия на администрацию. Власти рассматривали доносы как важный источник информации об общественных настроениях и как эффективное средство обнаружения недостатков. От начала XVIII в. и до реформы местного управления 1775 г. специальные следственные комиссии как экстренные орудия центральной власти, наделенные очень широкими полномочиями, учреждались Сенатом в ответ на доносы и проводили расследования на местах. Местная коронная администрация трепетала перед ними и всякий раз ожесточенно противилась назначению комиссий.²⁴¹ Власти относились к доносам очень серьезно: фиксировали, проверяли и принимали по ним меры. В романе Н. С. Лескова «Соборяне» честный и порядочный священник С. Туберозов 5 февраля 1849 г. написал донос на городничего; менее чем через два месяца, 1 апреля, приехал в уездный город из губернии жандарм для расследования дела, побеседовал с автором, который не скрыл своего имени; а 7 сентября того же года городничий был освобожден от должности.²⁴² Возможно, скорость рассмотрения доноса объясняется его актуальностью — священник жаловался на пропольскую агитацию городничего-поляка. Разумеется, доносы использовались для сведения личных счетов, в целях интриги, по корыстным соображениям (кстати, в романе Лескова есть примеры и такого рода). Однако очевидно, что доносы выполняли и полезные функции для государства в условиях отсутствия гражданских свобод и легальных возможностей контролировать работу органов государственной власти со стороны рядовых граждан. Не случайно с появлением в России после Великих реформ гласности, справедливого и быстрого суда, административной юстиции количество анонимных доносов резко пошло на убыль, и само слово стало нарицательным, хотя число жалоб увеличилось. Народ перестал бояться и стал жаловаться на то, что прежде считал нормальным, и апеллировать в те инстанции, куда прежде не решался обращаться, вплоть до императора. Например, по свидетельству В. В. Берви (Н. Флеровского), в 1866 г. томские купцы, мещане и сельские обыватели послали несколько телеграмм министру внутренних дел о злоупотреблениях губернатора. Не получив ответа, они направили телеграмму прямо на имя Александра II, что привело к его отставке.²⁴³

Лишь с 1906 г., после издания Основных законов, граждане России получили легальную возможность выразить свое мнение с помощью забастовок, митингов, демонстраций. Но этими средствами они начали нелегально

пользоваться задолго до официального разрешения. Бунты в городе и деревне служили для народа важнейшим каналом для выражения своего негативного отношения к официальной политике, которую народ ассоциировал не с государем, а с административным аппаратом. Нужно сказать, что верховная власть большей частью адекватно реагировала на бунты и вносила поправки в свою политику. Например, после пугачевского мятежа в 1773—1775 гг. правительство прекратило почти на 25 лет повышение налогов, несмотря на инфляцию, а помещики не повышали ренту. Под влиянием крестьянского движения 1905—1906 гг. земельная аренда понизилась, а зарплата сельскохозяйственных рабочих повысилась, что принесло крестьянам доход в 100 млн р., но понизило доходы помещиков на 20%. После массовых беспорядков 1905—1907 гг. правительство отменило выкупные платежи, разрешило рабочим профсоюзы и т. п. *Народные бунты были моментами истины для верховной власти*, способствовали не столько расшатыванию, сколько укреплению существовавшего режима.²⁴⁴ Во-первых, бунты служили своего рода спасательными клапанами, через которые недовольство выходило наружу и реализовывалось в разрушениях, убийствах чиновников, помещиков и других лиц, в чем-то провинившихся перед народом и виноватых в его тяжелом положении. Это временно освобождало народ от негативного отношения к существующему порядку, бюрократии и дворянству, создавало предпосылки для наступления новой фазы терпения и ожидания. Во-вторых, администрация устраняла самых активных из недовольных (ссылка, тюрьма, казнь), что устрашало и лишало народ лидеров. Наконец, верховная власть вносила поправки в порядок управления, в социальные отношения, укрепляла административный аппарат. После бунтов 1648 г. — новый свод законов и реформы, после Пугачева — реформа местного управления, после выступления декабристов — реформа государственной деревни, подготовка отмены крепостного права, изменение экономической политики и т. д., после революции 1905—1907 гг. — столыпинская реформа, политические реформы. Фабричное законодательство 1880—1900-х гг. было ответом на растущее рабочее движение.

ИТОГИ: ОТ ОБЩЕСТВА КАК ОБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ К ОБЩЕСТВУ КАК СУБЪЕКТУ УПРАВЛЕНИЯ²⁴⁵

С точки зрения прав, прерогатив и обязанностей государства изучаемое время можно разделить на два периода: конец XVII в.—1860-е гг., когда происходило их увеличение за счет расширения функций государства и присвоения им части функций местного самоуправления, и 1860-е—1917 гг., когда имело место их уменьшение за счет делегирования части власти местному общественному самоуправлению, с 1906 г. — парламенту. Соотношение сил между государством и общественностью изменялось параллельно с изменением функций органов государственной власти и общественного самоуправления: до 1861 г. сила коронной администрации росла, после Великих реформ — снижалась, что находило отражение в изменении относительной численности бюрократии и армии. Соответственно мы наблюдали равновесие сил в XVII в., перевес их в пользу государства в 1700-х гг.—середина XIX в., хрупкое равновесие до 1880-х гг., перевес в пользу общественности в 1881—1905 гг. и полное преимущество последней после установления режима конституционной монархии.

Отношение официальных властей к обществу и общественности к верховной власти со временем также серьезно изменялось. Схематично можно сказать, что до конца XVII в. верховная власть видела в общественности

помощника, советника и слугу, с начала XVIII в. и до конца 1850-х гг. общество являлось объектом управления и попечительства, а общественность служила как бы связующим звеном между государством и обществом. «Россия (имеется в виду общество. — *Б. М.*) всегда была такая страна, — считал М. А. Дмитриев — один из видных представителей русской общественности второй четверти XIX в., — которая не имела своего голоса, да если бы и дали его, она сама не знала бы, что ей нужно. Чего просить или чего требовать. Мы чувствуем только инстинктивно, что нам нехорошо, а устройство не нашего ума дело! И потому все должно угадывать правительство!». ²⁴⁶ В 1860-е—1895 гг. верховная власть рассматривала общественность как младшего партнера, в 1895—1905 гг. — как соперника и конкурента за власть, а с 1906 г. — как своего могильщика. До 1880-х гг. общественность чаще всего соглашалась с ролью, которая ей отводилась верховной властью, хотя около 1825 г. между ними возникло отчуждение, перешедшее около 1848 г. во вражду, которая продолжалась до середины 1850-х гг. Примерно с середины 1890-х гг. общественность стала претендовать на равное партнерство с верховной властью и, не добившись этого, начала рассматривать самодержавие как своего злейшего врага. После 1906 г., разделив власть с императором, общественность взяла курс на установление своего полного господства над государством и в феврале 1917 г. добилась этого.

Сотрудничеству между верховной властью и общественностью мешало нетерпение интеллигенции, в особенности ее радикального крыла, не умевшего и не желавшего ждать, наивно верившего в то, что только самодержавие сдерживало прогресс в России. «Россия способна жить конституционной жизнью, — писал, например, народник Н. Флеровский в 1897 г., — императоры все время были единственным препятствием к введению усовершенствованного политического порядка. <...> Народу оставался один путь к введению конституционного порядка — *повесить императора и изгнать из страны весь царский дом*. Ставить народ в такое положение может только правительство насилия, а такое царствование оправдывает насилие над самим собой; император не может жаловаться, если он от насилия погибнет, даже и тогда, когда не будет единодушного взрыва, потому что он народ устрашает и не дает ему свободно и спокойно проявиться (курсив мой. — *Б. М.*)». 10 лет спустя подобные заключения отвел как наивные и несостоятельные С. Л. Франк: «В этом распроstrанном стремлении успокаиваться во всех случаях на дешевой мысли, что „виновато начальство“, сказывается оскорбительная рабья психология, чуждая сознания личной ответственности и привыкшая свое благо и зло приписывать всегда милости или гневу посторонней внешней силы. Напротив, к настоящему положению вещей безусловно и всецело применимо утверждение, что „всякий народ имеет то правительство, которое он заслуживает“». ²⁴⁷ Бесспорно, что вина за отсутствие взаимопонимания лежала также и на правительстве, часто без достаточных оснований не доверявшем общественности. На это в 1905 г. указали Николаю II шесть патриархов российской бюрократии, полагавшие, что контрреформы Александра III способствовали эскалации революционного движения и социальной напряженности, что привлечение «общественников» во власть разумно и менее опасно, чем развитие событий по революционному сценарию. ²⁴⁸ Однако террор, развязанный в России революционерами в 1860-е гг. и продолжавшийся до 1917 г., от которого только за 1901—1911 гг. пострадало около 17 тыс. человек, среди них около половины были государственными служащими, ²⁴⁹ моральная и материальная поддержка, которую он получал со стороны либеральной общественности (террористов прятали, финансировали, защищали на политических процессах и т. п., либералы отказались осудить терроризм с трибуны Государственной думы), также никак не могла способствовать взаимопониманию. Несмотря на все трения и противоречия, либералы даже из правительственных кругов и ре-

Рис. 38. Начальник С.-Петербургского охранного отделения полковник Карпов, убитый при взрыве его квартиры, в гробу. С.-Петербург. 1909 г.

Рис. 39. Кабинет начальника С.-Петербургского охранного отделения полковника Карпова, пострадавший при взрыве его квартиры. С.-Петербург. 1909 г.

волюционеры рассматривали друг друга в качестве союзников для давления на верховную власть. «Настоящего антагонизма между нами и революционерами нет, вот в чем дело. Непрерывная цепь связывает людей благонамеренных с заговорщиками», — констатировал, например, в 1879 г. либеральный ученый и высокопоставленный чиновник А. Н. Куломзин, товарищ министра государственных имуществ в 1879 г., а затем, в течение 20 лет, 1883—1902 гг., управляющий делами Комитета министров.²⁵⁰

В. А. Маклаков обвинял собственную партию в поддержке революционеров и, следовательно, террористов: «Партия (конституционных демократов. — *Б. М.*) создавалась, чтобы бороться *против самодержавия*; борьба велась общим фронтом в соглашении с *революционными партиями*. <...> Открыто революционные партии в кадетскую партию не входили и были только *союзники*, зато в своей собственной среде кадетская партия *революционной идеологии* не исключала». По его мнению, «основной порок кадетской партии» состоял в том, что она не была «чисто конституционной партией», что она в случае необходимости поддерживала революцию и «мешала водворению конституционного строя» в России. Эти обвинения справедливы, в особенности для периода до 1907 г. На учредительном съезде кадетской партии в 1905 г. главный лидер партии П. Н. Милюков называл радикалов «союзниками» и открыто заявлял, что партия «стоит на том же, как и они, левом крыле русского политического движения». Оценивая в начале 1917 г. взаимоотношения общества и государства за последние 12 лет, П. Н. Милюков полагал, что «бюрократия уходила в сторону реакции, общественность — в сторону революции. Правительство тяготело к отжившим охранительным мероприятиям; либеральная оппозиция — к боевым настроениям своих крайних левых соседей. Та и другая сторона не умели, не хотели, а может быть, роковым образом были лишены возможности сойтись, сплотиться для совместной работы».²⁵¹

Мало того, общественность, по свидетельству современников, например Б. В. Савинкова, преклонялась перед террористами, которые в силу этого гордились своей деятельностью, чувствовали себя героями, смотрели на террор как на подвиг, религиозную жертву. Убийство эсерами министра внутренних дел В. К. Плеве вызвало радостное оживление в обществе: «Трудно описать гамму чувств, охвативших меня, да, наверно, и очень многих других людей, узнавших об этом событии: смесь радости, облегчения и ожидания великих перемен», — вспоминает А. Ф. Керенский в своих мемуарах. «Партия сразу выросла в глазах правительства и стала сознавать свою силу, — свидетельствует Савинков. — В Боевую организацию поступали многочисленные денежные пожертвования, являлись люди с предложением своих услуг». Состоятельные люди жертвовали значительные средства на революционное движение.²⁵² Директор Департамента полиции А. А. Лопухин в 1904 г. на вопрос С. Н. Трубецкого: «Какой же смысл богатым и крупным купцам давать деньги революционерам на закупку оружия?» — ответил: «Желание играть роль и страх быть снесенным волной. Лучше стать во главе». А вот свидетельство Н. А. Бердяева: «В России образовался особенный культ революционной святости. Культ этот имеет своих святых, свое священное предание, свои догматы. И долгое время всякое сомнение в этом священном предании, всякая критика этих догматов, всякое непочтительное отношение к этим святым вело к отлучению не только со стороны революционного общественного мнения, но и со стороны радикального и либерального общественного мнения. Достоевский пал жертвой этого отлучения, ибо он первый вскрыл ложь и подмену в революционной святости. Он понял, что революционный морализм имеет обратной своей стороной революционный аморализм и что сходство революционной святости с христианской есть обманчивое сход-

Рис. 40. Группа полицейских у кареты после экспроприации эсерами казначейской казны на наб. Екатерининского канала. С.-Петербург. 1906 г.

ство антихриста с Христом».²⁵³ Лишь с 1907 г. наметился некоторый перелом в настроении общественности по отношению к террору.

Правильно отмечается, что насилие со стороны государства и революционеров было взаимным, но была и большая разница: государство защищало законный порядок, а революционные террористы его методично и систематически разрушали, хотя и во имя светлого будущего. По словам лидера эсеров В. М. Чернова, в России политический террор существовал «как система, как партийно-организованный метод борьбы против самодержавия».²⁵⁴

Вплоть до 1917 г. при каждом столкновении с общественностью верховная власть уступала ей столько, сколько было необходимо, чтобы реформами поддержать социальную стабильность и приспособить существующий строй к новым требованиям. В конечном счете борьбу за власть общественность у царизма выиграла, но это была пиррова победа: за гибелью монархии последовала и гибель либеральной общественности, что свидетельствует о том, что для народа социально-экономические реформы имели приоритет перед политическими.

Если под зачатками гражданского общества иметь в виду те социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, которые образовывали обособленную, самостоятельную идейно-общественную силу, в той или иной степени оппозиционную государству, но в то же время легитимную, т. е. признаваемую государством и всем обществом, и которые оказывали влияние на официальную власть, то следует признать, что в XVII в. элементов гражданского общества еще не существовало. Имелись отдельные самостоятельные личности, конфессиональные группы вроде старообрядцев со своим особым мнением, но они были нелегитимными, маргинальными и не признавались обществом за выразителей их интересов, а государством — за законную оппозицию. Имелась, если так можно выра-

зяться применительно к XVII в., общественность, с мнением которой верховная власть считалась: духовенство, служилые люди, посадские. Ее представители приглашались на земские соборы, выступали с корпоративными требованиями, и верховная власть принимала их во внимание. Однако они занимали подчиненное и зависимое положение по отношению к верховной власти, отождествляли себя с ней, не контролировали коронную администрацию и даже не могли четко отделить себя от последней, так как частично входили в органы государственного управления или формировали их, например, дворянство составляло армию (дворянское ополчение), посадские выступали в качестве чиновников по казенному финансовому управлению и т. д. По тем же причинам не существовало элементов гражданского общества во времена Петра I и его преемников вплоть до Екатерины II. По-видимому, **о зарождении гражданского общества вместе с интеллигенцией и общественным мнением, независимым от официальной точки зрения, которое власти признавали и учитывали, можно говорить не ранее последней трети XVIII в.** П. Н. Милюков полагал, что «семидесятые и восьмидесятые годы XVIII столетия были тем моментом, с которого начинается непрерывная история интеллигентного общественного мнения в России. Этот момент был подготовлен двумя предыдущими десятилетиями. Но тогдашнее поколение — первое поколение русской интеллигенции — мы можем пересчитать по пальцам». В. Г. Белинский связывал возникновение общественного мнения с Отечественной войной 1812 г.: «(18)12-й год, потрясший Россию из конца в конец», принес с собой не только «внешнее величие и блеск, <...> но и внутреннее преуспеяние в гражданственности и образовании и всем этим способствовал зарождению публичности как началу общественного мнения».²⁵⁵ С тех пор инициатива с точки зрения генерации идей по реформированию российского общества переходит к интеллигенции, которая, несмотря на свою ничтожную численность, становится силой, подталкивающей верховную власть к проведению социальных и политических реформ. Однако общественность не была однородной. Одни критиковали самодержавие за отход от национальных традиций, другие — за недостаточно последовательное проведение политики европеизации.²⁵⁶

Следует учитывать, что русская интеллигенция приобрела влияние в значительной мере благодаря поддержке западного общественного мнения, на которое верховная власть, начиная с Екатерины II, постоянно оглядывалась. Правительство считалось с общественным мнением в Западной Европе не в последнюю очередь потому, что начиная с 1760-х гг. казна имела внешний долг, который систематически увеличивался вплоть до 1917 г. Эта зависимость помогла общественности подвинуть верховную власть на введение представительного учреждения. Как свидетельствует сестра известного либерального деятеля С. Н. Трубецкого: «В день обнародования Манифеста 18 февраля (1904 г., где осуждались попытки изменения самодержавных устоев государства. — *Б. М.*) представители группы финансистов, с которыми В. Н. Коковцов (министр финансов. — *Б. М.*) вел переговоры о заключении займа в Париже, явились к нему с тем, что при данных условиях: Манифеста и Указа (возложивших на Совет министров рассмотрение предложений, касающихся усовершенствования государственного благоустройства. — *Б. М.*) — заем нельзя будет реализовать. <...> Курс наш не упадет от неудач в Маньчжурии и даже, если бы вспыхнула война с Англией, но с „манифестом“ Россия вступает на путь смуты, и ценности наши должны упасть. <...> Коковцов был против „представителей“, но пришлось доложить царю, что денег нет и занять нельзя будет, если остаться при Манифесте. Пришлось согласиться на Рескрипт (министру внутренних дел А. Г. Булыгину от 18 февраля 1904 г. о подготовке к созыву совещательной Думы. — *Б. М.*). <...> Франция — кредитор России, и как таковой, мо-

жет потребовать порядка, который бы ей обеспечил доходность ее капитала».²⁵⁷

Итак, вопреки всем ограничениям для свободного развития общественной мысли, сильно преувеличенным в исторической литературе, под влиянием западных либеральных идей в среде дворянства уже в конце XVIII в. появились критики существующего общественного строя.²⁵⁸ Критики справа положили начало консервативному направлению в общественной мысли и движении, критики слева — либеральному, а радикалы — революционному направлению.²⁵⁹ Консерваторы (они не имели ничего общего с реакционерами) желали участия народа в принятии государственных решений, мирного сближения общества с монархом путем устранения некоторых негативных черт существующего порядка;²⁶⁰ либералы стремились к мирной эволюции самодержавия в сторону конституционной монархии;²⁶¹ радикалы были сторонниками установления демократической республики.²⁶² Имелись и крайне правые, которые хотели быть монархичнее императора. Каждая партия имела своих идеологов, которые оформляли эти желания в политические доктрины. Все направления действовали до 1917 г. Консерваторы были менее популярны в образованном обществе, и на общественной арене их представляли в меньшей степени организации, в большей — отдельные выдающиеся личности, такие как М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, Ф. М. Достоевский, Н. А. Данилевский, К. П. Леонтьев, И. А. Ильин. Либералы, радикалы и крайне правые, имея более широкую общественную поддержку, были представлены преимущественно обществами и организациями — декабристами, западниками, народниками, конституционалистами и социалистами разных оттенков, черносотенцами.

Зарождение гражданского общества не привело автоматически к увеличению рядов общественности: в XVIII—первой половине XIX в. они сузились до дворянства, духовенства и купечества и лишь во второй половине XIX в., в результате Великих реформ, расширились и стали включать представителей практически всех социальных групп населения, кроме лиц наемного труда, которые не получили избирательных прав для выборов в органы местного самоуправления. После революции 1905—1907 гг., с возникновением парламента, общественность стала формально включать все разряды населения, в том числе крестьян и рабочих, так как все сословия получили избирательные права.

В начале XX в. в России было много элементов гражданского общества: масса добровольных общественных организаций, включая женские, критически мыслящая общественность, общественное мнение, с которым считалась государственная власть, после 1905 г. — свободная пресса, политические партии и т. п. В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам и контроль за их исполнением в виде законодательных учреждений и прессы. Однако общество не успело этот механизм отладить, чтобы исключить силовое решение конфликтов между ним и государством.²⁶³

Общественность всегда была в состоянии диалога с верховной властью. Благодаря этому в целом, хотя и не всегда, правительство проводило сбалансированную политику. В XVIII в. Россия не превратилась наподобие Польши в страну дворянской анархии, в первой половине XIX в. не стала страной, управляемой помещиками-крепостниками, а в пореформенное время не была принесена в жертву интересам дворян и крупной буржуазии. **Именно соблюдение высших государственных интересов, которыми руководствовалась верховная власть, обеспечило социальную стабильность, умеренный экономический, культурный и политический прогресс.** Не только инстинкт самосохранения, но и взаимодействие с обществом позволяло верховной власти следовать этому курсу, так как случавшиеся от него от-

клонения наказывались и пресекались обществом. Верховной власти принадлежала решающая роль во всех сферах жизни, и долгое время все социальные группы относились к монарху, олицетворявшему в их глазах государство, как к высшему арбитру, как к реальному, законному и единственному источнику льгот и привилегий, прав и обязанностей.²⁶⁴ И это было не так наивно, как может показаться: в абсолютной монархии один государь является единственным прямым и производным органом государства, и только с учреждением народного представительства личность монарха отделилась от юридической личности государства.²⁶⁵

Реакция верховной власти на требования общественности определяла отношение к ней общества. До 1825 г. доминировало взаимопонимание и соответственно позитивное отношение общества к самодержавию, затем при Николае I наступило охлаждение. Со вступлением на престол Александра II отношения между общественностью и верховной властью то теплели (1860-е гг. — во время Великих реформ), то остывали (конец 1870-х—начало 1880-х гг.), то доходили до враждебности (середина 1890-х—1907 гг.). Негативные отношения складывались чаще, и постепенно размежевание общества и верховной власти перешло в раскол и достигло полного разрыва.²⁶⁶ Но слабость общественности в силу ее фрагментарности (достаточно сказать, что в начале XX в., когда политическая деятельность была легально разрешена, в России существовало около 100 политических партий)²⁶⁷ не позволяла ей собственными силами добиваться своих целей. В этих условиях чрезвычайно усилилась революционная интеллигенция благодаря тому, что ей удалось возглавить протест социальных низов. Война на два фронта — с общественностью, в особенности с радикальной ее частью, и с Германией — истощила силы верховной власти и привела ее к параличу в начале 1917 г. Радикалы воспользовались этим и захватили власть, опираясь на солдат, рабочих и крестьян.

Русское государство с начала XVIII в. до Октября 1917 г. прошло путь от абсолютизма до демократической парламентской республики, а общество — от объекта до субъекта государственного управления. Это означало, что общественность расширила свои социальные границы от привилегированных социальных групп до всего народа и что из общественного небытия народ возвратился к политической жизни. Однако Россия в своем социально-политическом развитии к 1917 г. не успела достичь такой стадии, когда государство попадает под полный контроль общественности и адекватно реагирует на требования общества, когда общество и государство приобретают способность развиваться благодаря умению разрешать любые виды проблем мирным путем и с помощью компромисса находить консенсус и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни.²⁶⁸ В этом смысле общество отставало от своей экономики, которая к 1914 г. достигла состояния самоподдерживающегося экономического роста. Возможно, одна из причин этой дисгармонии заключается в том, что российское государство начиная с середины XVI в. имело претензии сначала быть третьим Римом, потом великой державой, которые не всегда соответствовали наличной материальной силе, что вынуждало его уделять большее внимание развитию экономики, чем развитию общественных отношений.

Почему социальная модернизация проходила болезненно, а для монархии — ее инициатора и долгое время лидера закончилась крахом? Вопрос чрезвычайно сложный для убедительного ответа; выскажу лишь несколько соображений. Примерно до второй половины XVII в. общество и государство развивались довольно гармонично, возникавшие противоречия носили временный характер и достаточно успешно разрешались; по своей культуре и политическому менталитету элита и народ были более или менее однородными. В конце XVII в. верховная власть в ходе военного столкновения со Швецией осознала экономическую и культурную отсталость России срав-

нительно с Западной Европой и стала принимать меры для ее преодоления путем европеизации. Общество в целом и народ в особенности не проявляли большой заинтересованности, мало сочувствовали замыслам верховной власти, и тогда она стала реформировать страну в соответствии со своими представлениями о благе России. При Петре I — инициаторе реформ — Россия достигла крупных военных успехов, которые общество связало с петровскими преобразованиями и правильной, дальновидной политикой самодержавия. Общественность рассматривала победы как результат реформ, как достижение верховной власти, а не общества. Вследствие этого она как бы признала превосходство самодержавия и согласилась на подчиненную роль по отношению к нему. Народ к преобразованиям отнесся индифферентно, если не сказать негативно, но сохранил верность самодержавной идее. По-настоящему серьезный бунт произошел в 1773—1775 гг., да и то крестьянство протестовало не против европеизации, а против ее последствий — снижения жизненного уровня и усиления крепостного гнета. Индифферентность народа к европеизации объяснялась двумя обстоятельствами: государство позволило народу жить по старым, допетровским, традициям и обычаям и взяло под контроль отношения между помещичьими крестьянами и их владельцами. Этот контроль со временем усиливался и привел в 1861 г. к освобождению крестьян от помещиков. Таким образом, начиная с петровского царствования самодержавное государство стало легитимным лидером, а общественность и народ — ведомыми. Такое положение устраивало все три стороны, исключая немногочисленный слой интеллигенции, и позволяло коронному правительству управлять страной без особых проблем до тех пор, пока оно проводило сбалансированную социальную политику. Общественность в большинстве своем поддерживала верховную власть, пока интеллигенция была малочисленной и действовала изолированно от народа.

Между тем в течение XVIII—первой половины XIX в. европеизация затронула верхние слаты общества в несравненно большей степени, чем нижние. В результате этого в обществе возникла культурная асимметрия, и оно раскололось по культурному признаку на образованное меньшинство и народ, который в своем быту продолжал придерживаться традиционных ценностей. Культурное наследие допетровской Руси, по словам Н. С. Тихонравова, «отодвинулось в средний и низший класс народа и <...> долго определяло собою умственное и нравственное развитие народа, мешая быстрому распространению новых воззрений и держа в своей сильной опеке сознание масс».²⁶⁹ Раскол общества привел в середине XIX в. к расколу самой общественности на либералов, радикалов, консерваторов и охранителей, которые предлагали различные решения социальных, экономических и политических проблем, стоявших перед Россией. В результате социальная фрагментарность общества увеличилась,²⁷⁰ о чем свидетельствует не только существование семи десятков сословных групп, но и противоречия, конфликты, недостаток взаимопонимания между различными разрядами населения, отсутствие попыток консолидироваться с целью добиться гражданских и политических прав для всех. Отдельные социальные группы предпочитали действовать сепаратно с целью добиться специальных сословных привилегий, часто в ущерб другим. Фрагментарность общества усиливала его зависимость от верховной власти, обеспечивала последней большую самостоятельность и позволяла проводить сбалансированную, или надсословную, политику: власть опиралась на охранителей и консерваторов, уступала либералам и подавляла радикалов. Это была достаточно эффективная политика, пока народ, прежде всего крестьянство, безмолвствовал, оставаясь по своему политическому мировоззрению стойким монархистом. Однако после отмены крепостного права экологическое и демографическое давление породило сильное скрытое аграрное перенаселение в деревне: к 1900 г. в Европейской России половина рабочих рук стала фактически лиш-

ней, при том что безземельный сельский пролетариат был крайне невелик. Город и промышленность не могли дать работу 23 млн работников.²⁷¹ Крестьянство пробудилось, стало искать выход из положения и нашло его в том, чтобы экспроприировать помещичьи земли. Это абсолютно не решало проблемы. Во-первых, конфискация всех помещичьих земель (53.2 млн десятин дворянских и 16.7 млн купеческих и мещанских земель, всего 76.6 млн га в 1905 г.) не в состоянии была удовлетворить земельный голод: благодаря ей душевые земельные наделы крестьян могли увеличиться всего на половину десятины.²⁷² Во-вторых, помещичьи земли не пустовали, а обрабатывались крестьянами. Поэтому их конфискация в лучшем случае слегка облегчила бы положение крестьян. И все же если бы верховная власть выполнила требование крестьянства, хотя бы в более мягкой форме выкупа помещичьих земель, как предлагал С. Ю. Витте и на чем настаивали кадеты, это бесспорно продлило бы жизнь монархии на достаточно долгий срок. Но ни Александр III, ни Николай II на конфискацию земель не соглашались, не хотели перешагнуть через своего традиционного союзника — 107 тыс. дворян-землевладельцев — и в то же время не хотели уступать либералам в политических вопросах. Эта неуступчивая позиция в аграрном вопросе в значительной мере породила крестьянское движение, революцию 1905 г. и последовавшие за ней политические уступки, а после созыва I Думы вопрос о ликвидации помещичьего землевладения стал главным камнем преткновения между правительством и думой, вследствие чего она дважды распускалась.²⁷³ Вместо конфискации помещичьих земель верховная власть пошла на столыпинскую реформу, которая, несмотря на свою стратегическую целесообразность, нашла отклик лишь у трети крестьянства, вызвав недовольство остальной, большей его части. В результате крестьянство нашло себе лидера в социалистах, которые предлагали симпатичное ему решение аграрного вопроса путем революции и конфискации помещичьей земли.

Рабочий класс, будучи в массе своей крестьянского происхождения и тесно связанным с деревней, имел в основном крестьянский менталитет. В силу этого, а также ввиду серьезных просчетов в рабочей политике правительству и предпринимателям не удалось ввести рабочее движение в рамки правильного тред-юнионизма, и рабочие стали легкой добычей социалистов. Они также были склонны к решению своих проблем путем революции.

Все перечисленное создало предпосылки для революции. Война несомненно ускорила этот процесс. А если бы верховная власть и общество нашли взаимопонимание, а общественность отказалась от войны на истребление? В. А. Маклаков дает прогноз, который заслуживает того, чтобы быть услышанным: «Если бы вместо „борьбы“ до полной победы общественность устремила бы свою энергию на окончание реформ 60-х годов, на все то, что было начато и не окончено, что исказила реакция 80-х годов, что с Самодержавием казалось несовместимым, а при конституции делалось очень простым, если бы внимание либеральных политиков сосредоточилось не на борьбе, а на *этой* работе, то по мере проведения и усвоения всех этих реформ конституция 1906 г. стала бы „самотеком“ видоизменяться, соответственно пройденной политической школе. Пришло бы без всяких сенсаций — и расширение избирательных прав, и увеличение компетенции Думы, и политическая зависимость от нее Министерства. Это было бы не „победой над врагом“, а понятным для всех „усовершенствованием“ государственного аппарата, приспособлением его к стоявшим перед ним целям. Это был бы тот путь естественной *эволюции* государства, которым России идти не пришлось». Кто виноват? Вновь Маклаков, на мой взгляд, дает правильный ответ: «В этом вина общественности, пожалуй, больше, чем власти. Представители общественности, уверенные, что они все сами умеют, что страну они представляют, что она верит им, убежденные, что управлять страной

Рис. 41. В. А. Маклаков (1869—1957), лидер кадетской партии. 1912 г.

очень легко, что только бездарность нашей бюрократии не давала проявиться всем талантам русского общества, неустанно себя в своей прессе рекламировавшие и кончившие тем, что поверили сами тому, что сами о себе говорили, самовлюбленные и непогрешимые, не хотели унизиться до совместной работы с прежней властью; они соглашались быть только хозяевами. Они ими и стали в 1917 году на горе себе и России. <...> Понятие согласия и сотрудничества с властью было обществу незнакомо. История выработывала два крайних типа общественных деятелей — „прислужников" и „бунтовщиков". Независимых, самостоятельных, но лояльных по отношению к власти людей жизнь не воспитывала. Вместо разумного общества, которое помогло бы успокоить Россию, власть перед собой увидела людей, которые „с легким сердцем" вели страну к революции. А ведь в обоих лагерях были люди, которые положение понимали. Но благодаря *этому* они теряли влияние в своей же среде. Таким был П. А. Столыпин, и *его* среда его отвергла и задушила. Такими были те немногие люди среди нашей либеральной общественности, которые под снисходительными насмешками новых „властителей дум", как *отсталые*, сходили с политической сцены. Общество за *ними* не шло». ²⁷⁴ Напомню лишь об одной упущенной либералами возможности. Либеральные партии во главе с кадетами имели большинство в I Думе (в значительной мере благодаря счастливому для них обстоятельству: социал-демократы, эсеры и правые бойкотировали выборы) и получили возможность в течение 4 лет, 1906—1910 гг., стоять у руля законодательной власти и направлять деятельность правительства при условии сотрудничества с нею. Вместо этого они, уверенные в новых уступках со стороны верховной власти (либералы требовали министерства доверия, а некоторые ответственного перед думой министерства, принятия кадетской аг-

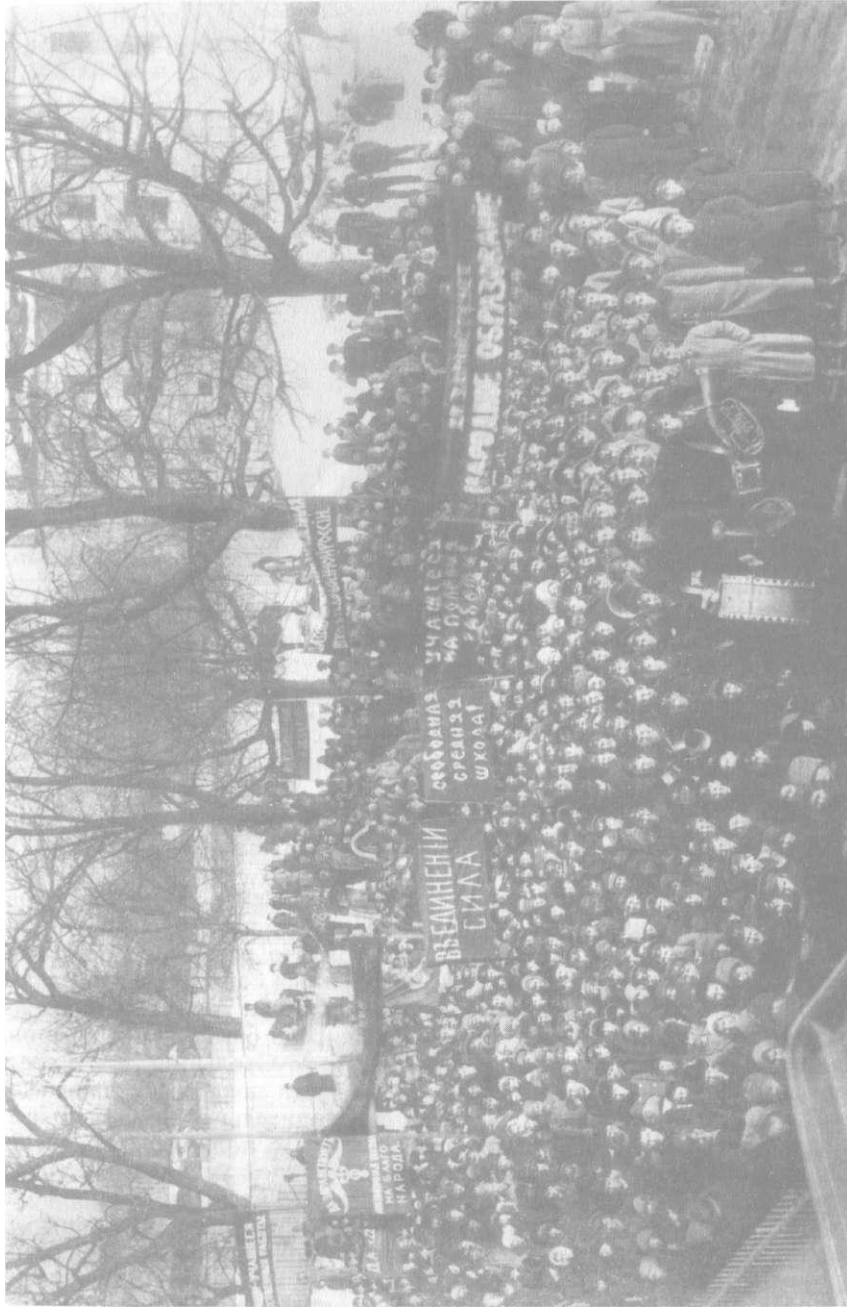

Рис. 42. Демонстрация учащихся у здания городской ратуши. Царское Село. Март 1917 г. (можно прочесть многие лозунги, в том числе: «Учащиеся на полевые работы», «Свободная средняя школа», «Автономная школа на благо народа»)

Рис. 43. Делегаты фронта передают кресты, медали и деньги на нужды Петросовета и в пользу революции. Петроград. 1917 г.

рарной программы и т. п.), пошли на конфронтацию с Николаем II. Это привело к роспуску I и II Думы и пересмотру избирательного закона, вследствие чего либералы больше никогда большинства в думе не имели.

Война предопределила перерастание борьбы против царизма в борьбу против нового демократического режима, так как образованное общество потеряло контроль над народными массами. Тяготы войны превысили способность народа терпеть и сохранять благоразумие, народу еще не нужна была демократия западноевропейского типа. Крестьянам нужна была земля, а рабочим — фабрики и заводы, тем и другим — конец войны, и все это немедленно, не дожидаясь Учредительного собрания. Вследствие этого радикалы-социалисты сумели привлечь народ на свою сторону и свергнуть Временное правительство. Как это ни парадоксально, сбылось предсказание министра внутренних дел П. Н. Дурново, который в феврале 1914 г. представил Николаю II записку, предостерегающую его от вступления в войну с Германией. Министр, в частности, писал: «Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у ней нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только прави-

тельственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, — Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905—1906 годов». Если война окажется для России победоносной, то все будет хорошо. «Но в случае неудачи социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а засим и всеобщий раздел всех ценностей и имущества. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расхаживавшие народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению».²⁷⁵

Известный социолог П. А. Сорокин лично наблюдал предсказание Дурново. «В 1917 г. социализм стал религией большинства масс. Идеология социализма или коммунизма — в рафинированной или примитивной форме — захлестнула все сознание народных масс. Маркс и другие идеологи стали божествами. Программы социалистов — в их практических лозунгах — символами веры. Вместе с этим количественным ростом, с увеличением голода происходил и качественный рост крайних течений за счет умеренных. Уже в апреле—мае 1917 г. умеренный социализм потерял позиции. К октябрю ушла почва из-под ног у „центристов“. Торжество коммунизма — с быстрым прогрессом бедности и голода и с наличием в то время „скопов“ богатств и имущественной дифференциации — было неизбежным. Оно и наступило».²⁷⁶

А когда большевикам удалось захватить власть и выполнить требования народа, они обеспечили себе его поддержку и смогли расправиться со всеми своими политическими противниками: с либералами и консерваторами, с анархистами и монархистами, с Николаем II и его семьей. Так недостаток у двух последних императоров и общественности терпимости, мудрости и дальновидности привел к революции, поглотившей в своей пучине многие достижения двухвековой модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дитятин Н. И. Верховная власть в России XVIII столетия // Рус. мысль. 1881. Март. С. 38—64; Апрель. С. 1—30; Казанский П. Е. Власть всероссийского императора. Одесса, 1913. С. 22—39, 258—261.

² Вучич Н. И. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902; Ермолов А. Комитет министров в царствование Александра I. СПб., 1891; Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1—5; Кулинеров И. Н. Высшие государственные учреждения Российской империи. СПб., 1903; Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи. СПб., 1909. С. 322—339; Мироненко К. Н. Совет министров по указу 19 октября 1905 г. (Исторический очерк) // Учен. зап. ЛГУ. 1948. Сер. юридическая. № 106. Вып. 1. С. 348—370; Тельберг Г. Г. Происхождение Комитета министров в России // Журнал МНП. 1907. Ч. 8. Март. С. 38—61; Чернуха В. Г. 1) Совет Министров в 1861—1882 гг. // Носов Н. Е. (ред.). ВИД. Л., 1978. Т. 9. С. 90—117; 2) Внутренняя политика царизма с середины 50-х гг. до начала

80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 136—198; Шанский Д. Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в.: (20—60-е гг.) // Голикова Н. Б. (ред.). Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. М., 1991. С. 119—136.

³ История Сената обстоятельно изучена: *Гаген В. А.* Очерки по истории Сената в XIX в. СПб., 1911; *Гогель С. К.* Правительствующий Сенат в XIX в. СПб., 1911; История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711—1911: В 5 т. СПб., 1911; *Корф С. А.* 1) История Правительствующего Сената за 200 лет. Ярославль, 1911; 2) Реформа Сената. М., 1915; Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб., 1901; *Цейль М. А.* Правительствующий Сенат. СПб., 1898.

⁴ Подробнее о деятельности Государственного совета см.: *Бильбасов Б. А.* Учреждение Государственного Совета. СПб., 1901; Государственный Совет (1801—1901). СПб., 1901; *Левинсон М. Л.* Государственный Совет. СПб., 1907; *Перетц Е. А.* Деятельность Государственного Совета за 1881—1894 гг. СПб., 1900; *Пичет Е.* Деятельность Государственного Совета во время царствования государя императора Александра Александровича (1881—1894). СПб., 1900; *Романов М. Н.* Государственный Совет (1801—1901). СПб., 1901; *Романович-Славятинский А. В.* Воспоминания об Архиве Государственного Совета. Киев, 1888; *Рубакин Н. А.* Архив Государственной мудрости. СПб., 1906; *Щеглов В. Г.* Государственный Совет в России. М., 1905.

⁵ *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 21.

⁶ *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма... С. 196—198.

⁷ О развитии административного аппарата в XVII—начале XX в. см.: *Вернадский Г. В.* Очерк истории права Русского государства XVIII—XIX вв.: (Период империи). Прага, 1924. С. 11—102; *Голикова Н. Б.* (ред.). Государственные учреждения России XVI—XVIII вв.; *Грибовский В. М.* Государственное устройство и управление Российской империей. Одесса, 1912; *Епифанов А. Н.* Система государственного управления. М., 1908; *Ерошкин Н. П.* 1) История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; 2) Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; *Кривенко В. С.* Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб., 1884; *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 278—426; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в русском государстве. М., 1961; *Савич Г. Г.* Новый государственный строй. СПб., 1907; *Сыромятников Б. И.* Краткий обзор и указание литературы по истории государственной власти в России. М., 1913; *Чернов А. В.* Государственные учреждения России в XVIII веке : (Законодательные материалы). Справочное пособие. М., 1960; *Эйхельман О. О.* Обзор центральных и местных учреждений управления России. Киев, 1890. Наиболее полное справочное пособие по истории государственных учреждений: *Amburger E.* Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden: Brill, 1966. См.

также: *Yaney G. L.* The Systematization of Russian Government : Social Evolution in Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905. Urbana: University of Illinois Press, 1973. Наиболее полная библиография дореволюционной литературы по данной теме: *Загоскин Н. П.* Наука истории русского права: Ее вспомогательные знания, источники и литература. Казань, 1891.

⁸ *Дубенцов Б. Б.* Самодержавие и чиновничество в 1881—1904 гг. (Политика царского правительства в области организации государственной службы): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. С. 61, 204.

⁹ За 1897 г. данные о численности классных чиновников взяты из: *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России, 1861—1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 91, 94; данные о числе канцелярских служащих — из: Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 256—259. По сведениям Департамента Государственного казначейства Министерства финансов, на 1905 г. в империи насчитывалось 91 204 чиновника с размером окладного содержания 1000 р. и выше: Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906. С. XXVII, 86—87; *Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 428.

¹⁰ *Рубакин Н. А.* 1) Россия в цифрах. СПб., 1912. С. 61—62, 66; 2) Много ли в России чиновников // ВЕ. 1910. Январь. С. 116; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России... С. 71; *Raeff M.* The Bureaucratic Phenomenon of Imperial Russia: 1700—1905 // American Historical Review, 1979. Vol. 84, No. 2. April. P. 4.

¹¹ *Трутовский В.* Современное земство. Пг., 1914. С. 47—48.

¹² *Ковалевский В. И.* (ред.). Россия в конце XIX века. СПб., 1900. С. 777—784.

¹³ *Блинов И. А.* Отношение Сената к местным учреждениям после реформ 60-х годов: Сенаторские ревизии // История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711—1911: В 5 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 208—209. В литературе широко распространено представление, что общественные служащие в городских думах и земствах с точки зрения добросовестности исполнения своих обязанностей и понимания интересов местного общества намного превосходили коронных чиновников. Однако население жаловалось на земства почти столь же часто, как и на коронные учреждения: за 1890—1904 гг. в Сенат поступили 422 жалобы земств на коронные учреждения и в то же время 249 жалоб различных местных организаций и частных лиц на земства, не считая 67 жалоб коронных учреждений (*Fallows Th.* The Zemstvo and the Bureaucracy, 1890—1904 // *Emmons T., Vucinich W. S.* (eds.). The Zemstvo

in Russia: An Experiment in Local Self-government. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1982. P. 182).

¹⁴ *Allen S. E., Jr.* The Zemstvo as a Force for Social and Civic Regeneration in Russia: A Study of Selected Aspects, 1864—1905. Ph. D. diss. Clark University, 1969. P. 259—266; *Emmons T.* The Zemstvo in Historical Perspectives // *Emmons T., Vucinich W. S.* (eds.). The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1982. P. 423—446; *Fallows Th.* The Zemstvo and the Bureaucracy: 1890—1904 // *Ibid.* P. 177—242; *McKenzie K. E.* Zemstvo Organization and Role within the Administrative Structure // *Ibid.* P. 31—78; *Pearson Th. S.* Russian Officialdom in Crisis: Autocracy and Local Self-Government, 1861—1900. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 245—260.

¹⁵ *Ковалевский В. И.* (ред.). Россия в конце XIX века. С. 777, 787; *Mironov B. N.* 1) Bureaucratic- or Self-Government: The Early Nineteenth Century Russian City // *Slavic Review.* 1993. Vol. 52, No. 2. Summer. P. 251—255; 2) Local Government in Russia in the First Half of the Nineteenth Century: Provincial Government and Estate Self-Government // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1994. Bd 42. Hf. 2. S. 161—201.

¹⁶ *Трутовский В.* Современное земство. С. 47—48.

¹⁷ *Ковалевский В. И.* (ред.). Россия в конце XIX века. С. 777, 787.

¹⁸ *Лаврычев В. Я.* К вопросу о вмешательстве царизма в экономическую жизнь России в начале XX в. // *Пушкарёва И. М.* (ред.). Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX—начале XX в. М., 1981. С. 66—97.

¹⁹ *Блинов И. А.* Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 355—356.

²⁰ *Карнович Е. П.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 113—114.

²¹ *Фадеев Р. А.* Письма о современном состоянии России. СПб., 1881. С. 3—8, 11.

²² *Половцов А. А.* Дневник Государственного секретаря: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 237.

²³ *Тихонов В. А.* Двадцать пять лет на казенной службе. СПб., 1912. Ч. 2. С. 21—22.

²⁴ *Назаревский В. В.* Царствование императора Александра III (1881—1894). М., 1910. С. 31—37.

²⁵ Самодержавие и земство: Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899) с предисловием и примечаниями П. Н. С. Печатано «Зарей». Stuttgart, 1901. С. 21—43; *Vinogradoff P.* Self-Government in Russia. London: Constable, 1915. P. 57—70. См. подробнее: *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 430—435.

²⁶ *Starr S. F.* Decentralization and Self-Government in Russia: 1830—1870. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1972. P. 49.

²⁷ *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. С. 62; *Rogger H.* Russia in the Age of Modernization and Revolution: 1881—1917. London; New York: Longman, 1983. P. 49.

²⁸ *Менделеев Д. И.* К познанию России. СПб., 1906. С. 67—68. См. также: *Starr S. F.* Decentralization and Self-Government... P. 44—50.

²⁹ Более подробно библиографию по данному вопросу см. в главе IX «Развитие российской государственности...» в разделе «Отличие российского чиновника от идеального чиновника».

³⁰ *Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 3. Национализм и европеизм. М., 1995. С. 337; *Лихачев Д. С., Макогоненко Г. П.* (ред.). История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 572—574; *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати: 60—70-е гг. XIX века. Л., 1989. С. 6—22.

³¹ *Шумилов М. М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х—начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 185—189.

³² *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 129—133.

³³ *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России... С. 101—103.

³⁴ *Пушкин Н. Е.* (ред.). 1) Статистика акционерного дела в России. Вып. 1. Состав директоров Правления на 1897 г. СПб., 1897; Вып. 4. Ежегодник на 1901—1902 год: Личный состав всех правлений и ответственных агентов. СПб., 1901; *Дмитриев-Мамонов В. А.* (ред.). Указатель действующих в империи акционерных предприятий. СПб., 1907; Статистика акционерного дела России. 1913/14 год. СПб., 1914. См. также: *Боханов А. Н.* Крупная буржуазия России. М., 1992. С. 158—159.

³⁵ Существует и другое мнение, согласно которому проникновение в государственный аппарат буржуазных элементов после отмены крепостного права было незначительным: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России... С. 104—105, 223—224.

³⁶ *Дубенцов Б. Б.* Самодержавие и чиновничество в 1881—1904 гг. С. 6—10, 204.

³⁷ *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 28—60; *Румянцева М. Ф.* Генеалогия российского чиновничества второй половины XVIII в.: Постановка проблемы и источники изучения // *Муравьев В. А.* (ред.). Генеалогические исследования. М., 1994. С. 201—221; *Orlovsky D. T.* The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802—1881. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1981. P. 104—122; *Pintner W. M.* The Evolution of Civil Officialdom: 1755—1855 // *Pintner W. M., Rowney D. K.* (eds.). Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. P. 369—380. См. также наст. т., с. 162—175.

³⁸ Подсчитано по: ПСЗ-I. Т. 44, ч. 2. Книга штатов. СПб., 1830; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В

- 41 т. СПб., 1892. Т. 7. С. 823. Приложение. Табл. 1.
- ³⁹ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 253—267.
- ⁴⁰ Таблицы к статистическим сведениям о Санкт-Петербурге. СПб., 1836. Табл. 22.
- ⁴¹ Цит. по: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России... С. 45.
- ⁴² Beyrau D. Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland. Köln, 1984; Bushneil J. Peasants in Uniform: The Tsarist Army as a Peasant Society // Stearns P. N. (ed.). Expanding the Past: A Reader in Social History. New York; London: New York University Press, 1988. P. 93—104; Curtiss J. S. The Russian Army under Nicholas I: 1825—1855. Durham, NC: Duke University Press, 1965; Garthoff R. L. The Military as a Social Force // Black C. E. (ed.). The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. P. 323—336; Fuller W. C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia: 1881—1914. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985; Keep J. L. H. Soldiers of the Tsar Army and Society in Russia: 1462—1874. Oxford: Clarendon Press, 1985; Menning B. W. Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861—1914. Bloomington: Indiana University Press, 1992; Wirtschafter E. K. From Serf to Russian Soldier. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.
- ⁴³ Епанчин Н. А. На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996. С. 367—368; Bushneil J. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905—1906. Bloomington: Indiana University Press, 1985.
- ⁴⁴ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 48, 90, 134, 192. См. также главу II «Социальная структура и социальная мобильность», табл. II.18 в т. 1 наст. изд.
- ⁴⁵ Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг.: (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т. 37. С. 146.
- ⁴⁶ Водарский Я. Е. Население России... С. 64—65, 82, 90, 134, 192.
- ⁴⁷ Бушен А. (ред.). Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 267—293; Обручев Н. Н. (ред.). Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871. Отд. 2. С. 40.
- ⁴⁸ Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х—начале 90-х гг. XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984. С. 62.
- ⁴⁹ В 1883—1886 гг. 423 тыс. человек имели право участвовать в земских выборах из 66 млн населения 34 земских губерний России: Сборник сведений по России 1890 года. СПб., 1890. С. 48—51.
- ⁵⁰ Нардова В. А. Органы городского самоуправления в системе самодержавного аппарата власти в конце XIX—начале XX в. // Дякин В. С. (ред.). Реформы или революция? Россия 1861—1917. СПб., 1992. С. 57—58.
- ⁵¹ Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную думу третьего созыва. Статистический отчет особого делопроизводства. СПб., 1911. С. VII—X; White St. Political Culture and Soviet Politics. New York: St. Martin's Press, 1979. P. 29.
- ⁵² Обзор литературы по вопросу взаимодействия общества и государства см.: Карпачев М. Д. Истоки российской революции: Легенды и реальность. М., 1991; Suny R. G. Rehabilitating Tsarism: The Imperial Russian State and its Historians. A Review Article // Comparative Studies in Society and History. An International Quarterly. 1989. Vol. 31, No. 1. January. P. 168—179. Многие историки считают отрыв политики от интересов общества традицией русской политической культуры: Szamuely T. The Russian Tradition. New York et al.: McGraw-Hill Book Company, 1974. P. 37—48.
- ⁵³ Ледонн Дж. П. Правящий класс России: Характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 191.
- ⁵⁴ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 442.
- ⁵⁵ Уланов В. Я. Оппозиция Петру Великому // Калаи В. В. (ред.). Три века: Россия от Смуты до нашего времени: В 6 т. М., 1912. Т. 3. С. 58—86; Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I по материалам Преображенского приказа. М., 1957; Cracraft J. Opposition to Peter the Great // Mendelsohn E., Shatz M. S. (eds.). Imperial Russia, 1700—1917: State, Society, Opposition. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1988. P. 22—36. См. также: Солоневич И. Л. Народная монархия. Минск, 1998. С. 427—500.
- ⁵⁶ Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. Кн. 5; Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в. М., 1958. С. 296. См. также: Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Избр. труды. Записки. М., 1983; Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994.
- ⁵⁷ Лютти А. Русский абсолютизм XVIII века // Лютти А., Золмер В., Липовский А. Итоги XVIII века в России: Введение в русскую историю XIX века. М., 1910. С. 250—254; Raeff M. Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime. New York: Columbia University Press, 1984. P. 97—101.
- ⁵⁸ Брикнер А. Г. История Екатерины II: В 2 т. М., 1991. Ч. 4; Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...». СПб., 1992; Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерки истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С. 145; Лаппо-Данилевский А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898; Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993; Madariaga I. Russia in the Age of

Catherine the Great. New Haven; London: Yale University Press, 1981. P. 584—587; *Raeff M.* (ed.). Catherine the Great: A Profile. New York: Hill and Wang, 1972.

⁵⁹ *Клочков М. Н.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 570—584; *Сафонов М. М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2002; *Шильдер Н. К.* Император Павел I: Историко-биографический очерк. СПб., 1901; *Шумигорский Е. С.* Император Павел I: Жизнь и царствование. СПб., 1907.

⁶⁰ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 246; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. С. 232; *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 238—240. По мнению некоторых исследователей, Александр I до конца жизни оставался в душе сторонником либеральных идей: *Вернадский Г.* Конституционная хартия Российской империи от 1820 года. Париж, 1933. С. VII, 7; *Фатеев А.* Проблема человека и государственного деятеля в исторической фигуре Александра I, императора всероссийского // Зап. научно-исследовательского объединения в Праге. 1938. Т. 9. С. 3.

⁶¹ *Сперанский М. М.* План государственного преобразования России. М., 1905. С. 73—74.

⁶² *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990. С. 91, 164; *Бушен А.* (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 267, 270—271.

⁶³ Цит. по: *Семевский В. И.* М. М. Сперанский // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 41 т. СПб., 1900. Т. 31. С. 192.

⁶⁴ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 48, 102, 105.

⁶⁵ Царствованию Александра I посвящена большая литература: *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 201—254; *Богданович М. И.* История царствования имп. Александра I и его время. СПб., 1869—1871. Т. 1—4; *Вел. кн. Николай Михайлович.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Пг., 1914; *Ожунь С. Б.* История СССР: Лекции. Л., 1974, 1978. Ч. 1, 2; *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957; *Пресняков Е. А.* Александр I. Пг., 1924; *Шильдер Н. К.* Император Александр I. СПб., 1904—1905. Т. 1—4.

⁶⁶ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 94—101, 247—254.

⁶⁷ *Исаев И. А.* Политико-правовая утопия в России: Конец XIX—начало XX в. М., 1991. С. 235; *Соловьев Ю. Б.* Идеология контрреформ как показатель чрезвычайных трудностей обуржуазивания России // *Старцев В. И., Фруменкова Т. Г.* (ред.). Россия в девятнадцатом веке: Политика, экономика, культура. СПб., 1994. С. 227—236.

⁶⁸ *Thaden E. C.* Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle: University of Washington Press, 1964. P. XIII, 59.

⁶⁹ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1, 2; *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 г. М.; Л., 1926; *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; *Щеголев П. Е.* Декабристы. М.; Л., 1926; *Mazour A. G.* The First Russian Revolution, 1825. The Decembrist Movement: Its Origin, Development and Significance. Stanford: Stanford University Press, 1965; *Raeff M.* (ed.). 1) The Decembrist Movement. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966; 2) Understanding Imperial Russia... P. 142—145.

⁷⁰ *Шильдер Н. К.* Император Николай I. СПб., 1903. Т. 2. С. 31.

⁷¹ *Крутиков В. И.* Законодательство о помещичьих крестьянах дореформенного времени (1801—1860 гг.) // *Пауто В. Т.* (ред.). Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д., 1980. С. 113.

⁷² *Raeff M.* Understanding Imperial Russia... P. 147—161; *Lincoln W. B.* Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russians. Bloomington: Indiana University Press, 1978.

⁷³ *Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 52—65, 86—87, 91.

⁷⁴ Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. 2: Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 9—65.

⁷⁵ *Андреева Т. В.* Николай I и декабристы: (К постановке проблемы реформ) // *Фурсенко А. А.* (ред.). Россия в XIX—XX вв. СПб., 1998. С. 140—146; *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 1912. С. 402—418, 419—502; *Lincoln W. B.* Nicholas I...

⁷⁶ Архив графов Мордвиновых: В 10 т. СПб., 1910. Т. 10. С. 155.

⁷⁷ *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 303—309.

⁷⁸ Данные взяты из главы II «Социальная структура и социальная мобильность», табл. II.1, II.2, II.9, II.10, II.18 в т. 1 наст. изд.

⁷⁹ *Миронов Б. Н.* История в цифрах. Л., 1991. С. 82.

⁸⁰ «Тайные общества возникли первоначально вовсе не как союз либеральной оппозиции или революционный заговор. Это была позднейшая, уже вторичная форма. Первоначально была налицо не столько либеральная оппозиция, сколько консервативная; имел место не революционный заговор, а соединение желающих поддержать и укрепить власть против всяческой внутренней неурядицы» (*Вернадский Г.* Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 84). См. интересные соображения Д. И. Олейникова: Власть и реформы в России: Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков / Материал подгот. С. С. Секиринский // ОИ. 1988. № 2. С. 18—22.

- ⁸¹ *Рахматуллин М. А.* Император Николай I и семьи декабристов // ОИ. 1995. № 6. С. 3—21.
- ⁸² Цит. по: *Троцкий И.* III-е Отделение при Николае I. Л., 1990. С. 30—31.
- ⁸³ *Крутиков В. И.* Законодательство о помещичьих крестьянах... С. 112—120.
- ⁸⁴ *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 245. См. также: *Андреева Т. В.* Русское общество и 14 декабря 1825 года // ОИ. 1993. № 2. С. 156.
- ⁸⁵ *Чичерин Б. Н.* Несколько современных вопросов. СПб., 1862. С. 162.
- ⁸⁶ *Андреева Т. В.* Русское общество и 14 декабря 1825 года. С. 159—161.
- ⁸⁷ *Боборыкин П. Д.* Воспоминания. Т. 1. С. 52—65, 86—87, 91.
- ⁸⁸ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 304—310; *Евдокимова М. В.* Полемика в русской прессе о свободе слова и цензурных постановлений: 1857—1867 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994. С. 1—18; *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856—1861. М., 1984. С. 25—38; *Кимбелл А.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ: 1859—1863 // *Захарова Л. Г., Эклоф Б., Бушнелл Дж.* (ред.). Великие реформы в России: 1856—1874. М., 1992. С. 260—282; *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. Л., 1958. С. 53—65.
- ⁸⁹ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 304—367.
- ⁹⁰ Там же. С. 299; *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 7.
- ⁹¹ *Ковалевский М.* Очерки по истории политических учреждений России. СПб., б. г. С. 176.
- ⁹² *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 69.
- ⁹³ *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 165—251.
- ⁹⁴ *Wortman R.* Moscow and Petersburg: The Problem of Political Center in Tsarist Russia, 1881—1914 // *Wilentz S.* (ed.). Rites of Power: Symbolism, Ritual, and Politics since the Middle Ages. Philadelphia, 1985. P. 244—274; *Уортман Р.* Николай II и образ самодержавия // *Дякин В. С.* (ред.). Реформы или революция? Россия 1861—1917. СПб., 1992. С. 18—30.
- ⁹⁵ *Фриз Г.* Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // *Дякин В. С.* (ред.). Реформы или революция? Россия 1861—1917. СПб., 1992. С. 31—42.
- ⁹⁶ *Трубецкой Е.* Над разбитым корытом // Рус. мысль. 1911. № 2. С. 191—193. На утопичности либерализма в России настаивал и Бердяев: *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 93.
- ⁹⁷ *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство. Л., 1978. С. 14—15.
- ⁹⁸ *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России... С. 53; *Анфимов А. М., Макаров И. Ф.* Новые данные о землевладении Европейской России // ИСССР. 1974. № 1. С. 85.
- ⁹⁹ *Hamburg G. M.* Politics of the Russian Nobility: 1881—1905. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1984. P. 225—242; *Manning R. Th.* The Crisis the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1982. P. 45—66, 131—137, 325—326; *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990. С. 233—234, 249.
- ¹⁰⁰ *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма: Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М., 1975. С. 42—52.
- ¹⁰¹ *Gregory P.* Russian National Income: 1885—1913. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1982. P. 192—194; *Plaggenborg St. 1)* Who Paid for Industrialization of Tsarist Russia // *Revolutionary Russia.* 1990. Vol. 3, No. 2. December. P. 183—210; 2) *Staatsfinanzen und Industrialisierung in Russland. 1881—1903. Die Bilanz der Steuerepolitik für Fiskus, Bevölkerung und Wirtschaft // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1990. Bd 44. S. 123—339.
- ¹⁰² *Шенелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 134—190.
- ¹⁰³ За 1880—1890-е гг. только число предпринимателей, относившихся к крупной буржуазии, увеличилось со 100 тыс. до 150 тыс.: *Лаврычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900. М., 1974. С. 70—71.
- ¹⁰⁴ *Byrns R. F.* Pobedonostsev: His Life and Thought. Bloomington: Indiana University Press, 1968. P. 281—283; *Katz M.* Mikhail N. Katkov: A Political Biography, 1818—1887. The Hague et al., 1966. P. 178—181; *Thaden E. C.* Conservative Nationalism... P. 38—58, 204—206. Напротив, Р. Уортман полагает, что попытка сочетать национальные и европейские принципы политической культуры привела царизм к окончательному краху: *Уортман Р.* Николай II и образ самодержавия. С. 18—30.
- ¹⁰⁵ *Pearson Th. S.* Russian Officialdom in Crisis; *Whelan H. W.* Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia. New Brunswick: Rutgers University Press, 1982. P. 164—244.
- ¹⁰⁶ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 396—397; *Verner A. M.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. P. 326—350.
- ¹⁰⁷ *Гурко В. И.* Царь и царица // *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* (ред.). Государственные деятели России глазами современников: Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 367.
- ¹⁰⁸ *Шидловский С. И.* Воспоминания. Ч. 1. С. 198.
- ¹⁰⁹ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 457—479; *Лукоянов И. В.* Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX—начале XX в. и власть: (Пробле-

ма правого реформаторства): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.

¹¹⁰ *Vitte* С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 334–335.

¹¹¹ Цит. по: *Кавелин К. Д.* Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 927.

¹¹² См.: *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 457.

¹¹³ Цит. по: *Обнинский В. П.* Николай II — последний самодержец: (Очерки из жизни и царствования). Пг.; М., 1917. Вып. 4. С. 5. См. также: *Ганелин Р. Ш.* Политические уроки освободительного движения в оценке старейших русских бюрократов // *Троцкий Н. А.* (ред.). Освободительное движение в России. Саратов, 1991. Вып. 14. С. 122—137.

¹¹⁴ *Суворин А.* Дневник. М., 1992. С. 374. Напомню, что своим символом крайние монархисты избрали «Черную сотню» — ополчение крестьян и горожан, освободивших Москву в 1612 г. от поляков и приведших на трон династию Романовых; в XVI—XVII вв. черными назывались люди, платившие налоги.

¹¹⁵ *Арбатский Ф. П.* Царствование Николая II. М., 1917. С. 7, 10; *Васильевский И. М.* Николай II. М.; Л., 1923. С. 10—15, 27—28; *Обнинский В. П.* Николай II Романов: (Его жизнь и деятельность). 1894—1917. Пг., 1917. С. 27.

¹¹⁶ *Уортман Р.* Николай II и образ самодержавия. С. 26—28; *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. С. 175, 182—184; *Дякин В. С.* (ред.). Кризис самодержавия в России: 1895—1917. Л., 1984. С. 611, 630; *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 218.

¹¹⁷ *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. С. 182—183.

¹¹⁸ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания 1903—1919 гг. М., 1992. Т. 2. С. 130.

¹¹⁹ *Трубецкая О.* Князь С. Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1953. С. 94—95.

¹²⁰ Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 190—196; Записка, достойная внимания // Красный архив. 1926. Т. 18, № 5. С. 208—214.

¹²¹ *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 184—233, 244—245; *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 615—642; *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 657—700; *Дякин В. С.* 1) Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны: (1914—1917). Л., 1967; 2) Кризис верхов в России накануне Февральской революции // ВИ. 1982. № 3. С. 70—83; *Спирин Л. М.* (ред.). Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984; *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны: (Совет Министров в 1914—1917 гг.). Л., 1988; *Хеймсон Л.* Об истоках революции // ОИ. 1993. № 6. С. 3—14; *Pearson Th. S.* The Russian Moderates and the Crisis of

Tsarism, 1914—1917. New York: Barnes and Noble, 1977; *Rogger H.* Russia in the Age of Modernization and Revolution... P. 251—271.

¹²² *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 607—614; *Weissman N. B.* Reform in Tsarist Russia: The State Bureaucracy and Local Government, 1900—1914. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1981. P. 221—228. О развитии грамотности в России в императорский период подробнее см.: *Миронов Б. Н.* 1) История в цифрах. С. 73—86; 2) Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет, X—XX вв. // *Studia Humanistica* 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 24—46.

¹²³ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. М., 1991. С. 498; *Сорокин А. К.* (ред.). Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 115, 142—150; *Taranovski Th.* The Return to Normalcy: Commentary // *Taranovski Th.* (ed.). Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? Cambridge et al.: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1995. P. 419—423; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 23. С. 35.

¹²⁴ ПСЗ-I. Т. 7. № 4345.

¹²⁵ О противоречиях судебной реформы и вызванной ими контрреформе см.: *Красовский М. В.* О недостатках нынешнего устройства мировых судебных установлений в отношении уголовной юстиции // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 4. С. 39—64; № 5. С. 65—84; *Baberowski J.* Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Ruckständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864—1914. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1996. См. также работы наиболее последовательного критика быстрого реформирования: *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993.

¹²⁶ *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России: (Воспоминания). Приложение к «Иллюстрированной России». Париж, 1936. С. 28. См. интересные соображения А. Н. Медушевского и С. В. Тютюкина: Власть и реформы в России. С. 18—22.

¹²⁷ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 93, 125; *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 2 : Октябрьская революция. Ч. 2. Берлин: Гранит, 1933. С. 33. См. также: *Колоницкий Б. И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазное» сознание // *Черняев В. Ю.* (ред.). Анатомия революции. СПб., 1994. С. 188—202; *Figes O.* 1) Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917—1921. Oxford: Oxford University Press, 1989; 2) A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891—1924. London: Pimlico, 1997. P. 808. О социальных причинах Октябрьской революции, ее неизбежности и о том, почему именно большевики взяли власть, см.: *Miliukov P. N.* Russia Today and Tomorrow.

New York: The Macmillan Company, 1922. P. 1—44.

¹²⁸ *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 242; *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 210—226; *Поффе Г. З.* «Распутиниада»: большая политическая игра // ОИ. 1998. № 3. С. 103—118.

¹²⁹ *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1988. Т. 1. С. 447; *Соловьев С. М.* Избр. труды. Записки. М., 1983. С. 372; *Кавелин К. Н.* Собр. соч. Т. 2. С. 69; *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. С. 11—12.

¹³⁰ *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. С. 68—69, 230; *Шидловский С. И.* Воспоминания. Ч. 1. С. 5—6, 8; *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 131—134; *Трубецкая О.* Князь С. Н. Трубецкой. С. 73. См. также: *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. С. 134; *Гессен В. М.* На рубеже. СПб., 1906. С. 255.

¹³¹ *Шипов Д. Н.* Воспоминания. С. 562, 563; *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. С. 33.

¹³² См.: *Трубецкая О.* Князь С. Н. Трубецкой. С. 73.

¹³³ *Булгакова Л. А.* Неудавшиеся попытки созыва съездов по общественному призванию в начале XX века // *Фурсенко А. А.* (ред.). Россия в XIX—XX вв.: СПб., 1998. С. 195—204; *Королева Н. Г.* Земство на переломе (1905—1907 гг.). М., 1995; *Потолов С. И.* 1) Георгий Гапон и либералы (новые документы) // Там же. С. 96—105; 2) Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905—1907 гг. // *Потолов С. И.* (ред.). Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861—февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 542—555.

¹³⁴ *Шидловский С. И.* Воспоминания. Ч. 1. С. 5—8.

¹³⁵ Цит. по: *Чешихин-Ветринский В. Е.* Герцен. СПб., 1908. С. 107. Кстати, И. В. Сталин также называл большевистскую партию орденом.

¹³⁶ *Франк С. Л.* Этика нигилизма: (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 167—199. 168, 176; *Кистяковский Б. А.* В защиту права: (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Там же. С. 127, 131, 136; *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Там же. С. 157, 162. См. также: *Чернов В. М.* Рождение революционной России (Февральская революция). Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. С. 34: «Интеллигентский максимализм в России — плоть от плоти и кость от костей максимализма народного».

¹³⁷ Нежелание идти на компромиссы и структурирование мира как черно-белого, возможно, имело свою психологическую предпосылку — характерное для русского человека восприятие мира как враждебного и греховного. См.: *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М., 1994. С. 143. См. также: *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994. С. 337—351; *Shimkin D. V., Sanjuan P.* Culture and World View: A Method of Analysis Applied to Rural Russia // American Anthropologist. 1953. Vol. 5. P. 329—348.

¹³⁸ *Побережников И. В.* 1) Народная монархическая концепция на Урале: (XVIII—первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 21—42; 2) Материалы по истории народной политической культуры: (XVIII в.) // Там же. С. 132—146; *Раскин Д. И.* Некоторые черты психологии народных масс России XVIII в. // *Карнеев Э. П.* (ред.). Наука и культура России XVIII века. Л., 1984. С. 225—247; *Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven: Yale University Press, 1961. P. 82—84, 183—184; *Field D.* Rebels in the Name of the Tsar. Boston: Houghton Mifflin, 1976. P. 1—29.

¹³⁹ *Побережников И. В.* Дела «об оскорблении императорской чести» // *Андреева Т. А.* (ред.). Социально-политические институты провинциальной России: (XVI—начала XX веков). Челябинск, 1993. С. 142—143; *Покровский Н. Н.* 1) Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 381—384; 2) Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII—середины XIX в. // *Покровский Н. Н.* (ред.). Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 50—62.

¹⁴⁰ *Виноградов В. А.* Источники для изучения мировоззрения пореформенного крестьянства // *Павленко Н. И.* (ред.). Источниковедение отечественной истории. М., 1980. Вып. 4. С. 169; *Короленко В. Г.* Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины // Новый мир. 1990. № 1. С. 178; *Литвак Б. Г.* 1) Крестьянское движение в России в 1775—1904 гг. М., 1989. С. 252—253; 2) Переворот 1861 года в России. М., 1991. С. 210; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 217.

¹⁴¹ *Коринфский А. А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1995. С. 81—87; *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. С. 272—302.

¹⁴² *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. С. 247—254, 272—302; *Бабарыкин В.* Сельцо Васильевское, Нижегородской губернии Нижегородского уезда // Этнографический сборник, издаваемый имп. РГО. СПб., 1853. Вып. 1. С. 20; Вып. 2. С. 94—96, 107—109 и др.

¹⁴³ *Миненко Н. А.* «Великий князь» Данило Петров сын Тяжелков: Феномен самозванчества и социальная психология уральского крестьянства в начале реализации реформы 1861 года // *Андреева Т. А.* (ред.). Социально-

- политические институты провинциальной России. С. 111.
- ¹⁴⁴ *Разоренова Н. В.* Из истории самозванства в России 30-х годов XVIII в. // Вестник МУ. 1974. Сер. 9: История. № 6. С. 54—74; *Сивков К. В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // ИЗ. 1950. Т. 31. С. 88—135; *Троцкий С. М.* Самозванцы в России XVII—XVIII вв. // ВИ. 1963. № 3. С. 134—146; *Успенский Б. А.* Царь и самозванец: Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Карпушин В. А.* (ред.). Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201—235; *Longworth Ph.* The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century Russia // Past and Present. 1975. Vol. 66. P. 61—83; *Raeff M.* Pugachev's Rebellion // *Forster R., Greene J. P.* (eds.). Preconditions of Revolution in Early Modern Europe. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1970. P. 161—200.
- ¹⁴⁵ *Field D.* Rebels in the Name of the Tsar. P. 1—29.
- ¹⁴⁶ *Модзалевский Б. Л., Оксман Ю. Г.* (ред.). Декабристы: Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 40.
- ¹⁴⁷ *Миненко Н. А.* Отношение государственных крестьян Урала и Западной Сибири к местной бюрократии в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 43—52.
- ¹⁴⁸ *Фруменкова Т. Г.* Бунтующие крестьяне 1830—1850-х годов глазами сельского духовенства // *Старцев В. И., Фруменкова Т. Г.* (ред.). Россия в девятнадцатом веке: Политика, экономика, культура. СПб., 1994. С. 278—285.
- ¹⁴⁹ *Клибанов А. И.* Религиозное сектанство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 16—23.
- ¹⁵⁰ *Богучарский В. Я.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1911; *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965. С. 266—360; *Offord D.* The Russian Revolutionary Movement in the 1880s. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1986. P. 161—170.
- ¹⁵¹ *Короленко В. Г.* История моего современника // Собр. соч.: В 5 т. Л., 1991. Т. 5. С. 254.
- ¹⁵² *Field D.* Peasants and Propagandists in the Russian Movement to the People of 1874 // Journal of Modern History. 1987. Vol. 59, No. 3. September. P. 415—438.
- ¹⁵³ *Троцкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866—1895 гг. М., 1979. С. 121—182. Попытка опровергнуть этот тезис пока не выглядит убедительной: *Орлова С. А., Рабинович Я. В.* Об отношении крестьян к пропаганде революционных народников // *Эммаусский А. В.* (ред.). Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. Киров, 1979. С. 125—129.
- ¹⁵⁴ *Рутман Р. Е.* Рабочее движение перед отменой крепостного права // *Нечкина М. В.* (ред.). Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962. С. 189—229; *Китанина Т. М.* Рабочие Петербурга: 1800—1861 гг. Л., 1991. С. 263—279; *Шкерин В. А.* К характеристике политического и правового сознания уральских рабочих первой половины XIX в. // *Черкасова А. С.* (ред.). Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 165—179.
- ¹⁵⁵ *Дикарев М. А.* Толки народа о скорой кончине света // ЭО. 1894. Кн. 21, № 2. С. 157—161; *Секиринский Д. С.* Стадии формирования классового самосознания крестьянства в конце XIX—начале XX века: (По материалам Таврической губернии) // *Пауи-то В. Т.* (ред.). Социально-экономические проблемы Российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д., 1980. С. 257—260; *Горюшкин Л. М.* (ред.). Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 162—163; *Окладников А. П.* (ред.). Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 447—457.
- ¹⁵⁶ *Дурново П. Н.* Записка // Красная новь. 1922. № 6 (10). Докладная записка Николаю II, поданная в феврале 1914 г. С. 196; *Соловьев В. С.* Национальный вопрос в России. М., 1894. Вып. 1. С. 105; *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. С. 603—604.
- ¹⁵⁷ *Веселовский Б. Б.* 1) Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902—1906 гг.). СПб., 1907; 2) Материалы по истории крестьянских движений в России. М.; Л., 1923; *Сенчакова Л. Г.* Историография «приговорного» движения крестьянства в 1905—1907 гг. // *Черменский Е. Д.* (ред.). Первая российская революция 1905—1907 гг.: Обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991. С. 58—86.
- ¹⁵⁸ Архив РГО, разр. 23, оп. 1, д. 150, л. 27; *Avrich P.* Russian Rebels: 1600—1800. New York; London: W. W. Norton and Company, 1976.
- ¹⁵⁹ *Янель З. К.* Феномен стихийности и повстанческой организация массовых движений феодального крестьянства России // ИСССР. 1982. № 5. С. 93.
- ¹⁶⁰ *Сенчакова Л. Т.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1989. С. 223—228.
- ¹⁶¹ *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1 : От реформы к революции. М., 1966. С. 250, 271—283; *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы мировой войны: (1914—февраль 1916 г.). М., 1962. С. 339—364.
- ¹⁶² *McDaniel T.* Autocracy, Capitalism, and Revolution in Russia. Berkeley et al.: University of California Press, 1988. P. 79, 175; *Johnson R. E.* Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1979. P. 67—79.
- ¹⁶³ *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977. С. 109—110.

- ¹⁶⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России: (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 244.
- ¹⁶⁵ Степанов С. А. Численность и состав черносотенных союзов и организаций // *Кириянов Ю. И.* (ред.). Политические партии России в период революции 1905—1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987. С. 193—195.
- ¹⁶⁶ Степанов С. А. Черная сотня... С. 236—264; *Perrie M.* The Russian Peasant Movement of 1905—1907: Its Social Composition and Revolutionary Significance // *Past and Present.* 1972. No. 57. November. P. 123—155.
- ¹⁶⁷ Минувшее: Исторический альманах. Т. 14. С. 190—196.
- ¹⁶⁸ *Секиринский Д. С.* Стадии формирования классового самосознания крестьянства. С. 257—260.
- ¹⁶⁹ *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. С. 214—238.
- ¹⁷⁰ *Hubertus F. J.* For Tsar and Fatherland? Russian Popular Culture and the First World War // *Frank St. P., Steinberg M. D.* (eds.). Culture in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 131—146.
- ¹⁷¹ *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 209—234.
- ¹⁷² Там же. С. 122—166.
- ¹⁷³ *Максимов С. В.* Избр. произведения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 434.
- ¹⁷⁴ РГИА, ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел), оп. 208, д. 480-а, л. 18.
- ¹⁷⁵ РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 53, д. 137.
- ¹⁷⁶ *Игнатович И. И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века. М., 1963. С. 447.
- ¹⁷⁷ *Предтеченский А. В.* (ред.). Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. М., 1961. С. 345, 355.
- ¹⁷⁸ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб 1888. Т. 2. С. 580.
- ¹⁷⁹ *Успенский Д. И.* Толки народа // ЭО. 1893. № 2. С. 183—189.
- ¹⁸⁰ *Итенберг Б. С.* (ред.). Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1983. С. 161—168.
- ¹⁸¹ *Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М., 1990. С. 163.
- ¹⁸² *Побережников И. В.* Общественные настроения в уральской деревне XVIII—XIX вв.: Опыт классификации слухов // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 58—73. *Арутюнов С. А.* Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // *Перишц А. И., Тер-Акопян Н. Б.* (ред.). Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 45; Из истории русской культуры. Т. 5 : XIX век. М., 1996. С. 371; *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Л., 1981. С. 65—66, 149, 154, 177, 214, 243—247.
- ¹⁸³ *Щербина Ф.* Передача и обращение народных знаний // Устои. 1885. № 5. С. 1—24.
- ¹⁸⁴ *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е годы. С. 22.
- ¹⁸⁵ *Рабинович М. Г.* 1) Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 281—285; 2) Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 265—269.
- ¹⁸⁶ *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1931. С. 218—219, 225—226.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 292.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 276.
- ¹⁸⁹ *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1895. С. 215—216; Сборник сведений по России за 1883 год. СПб., 1886. С. 44—45; Сборник статистических сведений по Московской губернии. М., 1884. Т. 9. С. 150; *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985. P. 178—210. См. также: *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991; *Фролова И. И.* (ред.). 1) Книга в России: 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 69—86; 2) Книга в России, 1881—1895. СПб., 1997. С. 305—317.
- ¹⁹⁰ *Riasanovsky N. V.* A Parting of the Ways: Government and Educated Public in Russia 1801—1855. Oxford: The Clarendon Press, 1976. P. 291—297.
- ¹⁹¹ *Бушен А.* (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 276—277.
- ¹⁹² Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 172—183.
- ¹⁹³ *Веретенников В. И.* Из истории тайной канцелярии, 1731—1762: Очерки. Харьков, 1911; *Есипов Г. В.* Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880; *Новомбергский И.* Слово и дело государевы: В 2 т. М., 1911; *Семевский М. И.* Слово и дело! 1700—1725: Тайная канцелярия при Петре Великом. СПб., 1885.
- ¹⁹⁴ *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. С. 158—177; *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993; *Троцкий И.* III-е Отделение при Николае I. С. 47—48; *Hingley R.* The Secret Police: Muscovite, Imperial Russian and Soviet Political Security Operation. New York: Simon and Shuster, 1970; *Deacon R.* A History of the Russian Secret Service. New York: Taplinger Publishing Company, 1972. P. 63—194.
- ¹⁹⁵ Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. Т. 37. С. 141.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 138—173; Граф А. Х. Бенкендорф в России... // Красный архив. 1930. Т. 38. С. 109—147; *Троцкий И.* III-е Отделение при Николае I; *Monas S.* The Third Section: Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961; *Squire P. S.* The Third Department: The Establishment and Practices of the Political Police in

the Russia of Nicholas I. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968.

¹⁹⁷ *Vassilyev A. T.* The Ochrana: The Russian Secret Police. Philadelphia; London: J. B. Lippincott Company, 1930. P. 38—39; о числе агентов — р. 42.

¹⁹⁸ Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. Т. 37. С. 141—142.

¹⁹⁹ *Флеровский Н.* Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания. Berlin, 1897. С. 1; *Vassilyev A. T.* The Ochrana... P. 37—62.

²⁰⁰ *Андреева Т. В.* Русское общество и 14 декабря 1825 года. С. 154.

²⁰¹ *Флеровский Н.* Три политические системы... С. 1.

²⁰² Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. Т. 37. С. 138. Не стоит, однако, видеть в деятельности жандармов только негативную сторону. По свидетельству декабриста С. Г. Волконского, «во все время моей ссылки голубой мундир не был для нас лицами преследователей, а людьми, охраняющими и нас, и всех от преследований»: *Волконский С. Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 179.

²⁰³ Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1831—1832 гг. // Красный архив. 1931. Т. 46. С. 146.

²⁰⁴ *Богучарский В.* Третье отделение собственной его величества канцелярии о себе самом: (Неизданный документ) // ВЕ. 1917. Кн. 3. С. 94.

²⁰⁵ *Окунь С. Б.* (ред.). Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.: Сб. документов. М., 1962. С. 33, 35; *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. С. 340.

²⁰⁶ *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны: 1853—1856. М., 1874. С. 259.

²⁰⁷ *Лурье Ф. М.* Политическая полиция Российской империи // *Шенелев Л. Е.* (ред.). Санкт-Петербургское общество историков и архивистов. Ежегодник «Английская набережная, 4». СПб., 2000. С. 101—134. К февралю 1917 г. число секретных агентов достигало 40 тыс. — больше, чем активных революционеров.

²⁰⁸ *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1893. Т. 1. С. 361—367.

²⁰⁹ *Игнатович И. И.* Крестьянское движение в России... С. 439—441.

²¹⁰ Павел I приказал повесить на стене Зимнего дворца желтый ящик, в который любой подданный имел право опустить прошение: *Deacon R.* A History of the Russian Secret Service. P. 38.

²¹¹ *Писарев С. Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений, приносимых на высочайшее имя: 1810—1910. СПб., 1909. С. 152, 180—181, 217.

²¹² *Флеровский Н.* Три политические системы... С. 143.

²¹³ *Миронов Б. Н.* Статистическая обработка Сенатской анкеты о причинах повышения хлебных цен // *Ковальченко И. Д.* (ред.). Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972. С. 89—104.

²¹⁴ *Mironov B. N.* Bureaucratic- or Self-Government: The Early Nineteenth Century Russian City. P. 251—255.

²¹⁵ *Джанишев Гр.* Эпоха Великих реформ. 8-е изд. М., 1900. С. 33—34, 191, 200—204, 251—257, 305—312, 516—520.

²¹⁶ *Ганелин Р. III.* Российское самодержавие в 1905 году. С. 3, 195—196, 207—210.

²¹⁷ *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. С. 202; *Шенелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 183.

²¹⁸ *Вишневецкий П.* Народный сборник памяти царя-освободителя и великого события 19 февраля 1861 г. СПб., 1911. С. 9.

²¹⁹ *Назаревский В. В.* Царствование императора Александра III: (1881—1894). М., 1910. С. 10—14.

²²⁰ *Кривенко В. С.* Путешествие е. и. в. наследника-цесаревича на Восток: от Гатчины до Бомбея. СПб., 1891. С. 3—4.

²²¹ *Юдин П. Л.* Император Александр II в Астрахани в 1871 г. Астрахань, 1898. С. 21—22; *Корольков К.* Личность императора Александра III и воссоздание им церковной школы. Киев, 1909. С. 6—8.

²²² *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 3 : Национализм и общественное мнение. СПб., 1903. Вып. 2. С. 290—293; *Ашевский С.* Бюрократия в русской литературе XVIII века // Современный мир. 1908. Август. С. 118—148; *Parmehl K. A.* Freedom of Expression in Eighteenth Century Russia. The Hague: Martinus Nijhoff, 1971.

²²³ *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х—начала 1860-х годов. М., 1974; *Итенберг Б. С.* (ред.). Вторая революционная ситуация в России: Отклики на страницах прессы. М., 1981; *Латишина Г. С.* Русская пореформенная печать 70—80-х годов XIX века. М., 1985; *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати: 60—70-е годы XIX века. Л., 1989; *Lincoln W. B.* The Problem of 'Glasnost' in Mid-Nineteenth Century Russian Politics // European Studies Review. 1981. Vol. 11, No. 2. P. 171—188; *McReynolds L.* The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

²²⁴ *Барриве Л.* Общественное движение в царствование Александра II. М., 1911. С. 11—14.

²²⁵ *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII—XIX вв. и Вольная печать. М., 1973. С. 9—32, 349—356.

²²⁶ *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России: 1856—1861. М., 1984. С. 27.

²²⁷ *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати... С. 6—22, 151—197.

²²⁸ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 356.

²²⁹ *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политиче-

- ская реакция 80-х—начала 90-х годов). М., 1970. С. 66—81.
- ²³⁰ *Троцкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности... С. 138. С. 138.
- ²³¹ *Балуев Б. П.* Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М., 1971; *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал: Конец XIX—1914 г. М., 1984; [*Капитист П. И.*]. Краткое обозрение направления периодических изданий и отзывов их по важнейшим правительственным и иным вопросам за 1862 год. СПб., 1862; *Нардова В. А.* Городское самоуправление в журналистике 70—80-х г. XIX в. (по страницам «Вестника Европы» и «Отечественных записок») // *Цамутали А. Н.* (ред.). Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986. С. 159—180; *Durman K.* The Time of the Thunderer: Michail Katkov, Russian Nationalist Extremism and the Failure of the Bismarckian System, 1871—1887. Boulder, CO: East European Monographs; New York: Distributed by Columbia University Press, 1988; *Krukones J. H.* To the People: The Russian Government and the Newspaper Sel'skii Vestnik («Village Herald»), 1881—1917. New York: Garland, 1987; *McReynolds L.* The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.
- ²³² *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 6—51; *Пирумова Н. М.* 1) Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С. 3—25; 2) Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 170—230; *Fallows Th.* The Zemstvo and the Bureaucracy, 1890—1904. P. 227—228; *Timberlake Ch. E.* The Zemstvo and the Development of a Russian Middle Class // *Clowes E. W. et al.* (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 178.
- ²³³ *Лихоманов А. В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905—1907 гг. СПб., 1997; *Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте — первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Одынца // *Шепелев Л. Е.* (ред.). Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С. 325—342; *Wagner W. G.* Ideology, Identity, and the Emergence of a Middle Class // *Clowes E. W. et al.* (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 149—163.
- ²³⁴ *Аронсон М. И., Рейсер С. А.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 15—83; *Бродский Н. Л.* (ред.). Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века. М.; Л., 1930. С. V—XXI; *Марголис Ю. Д.* Женщины в политической жизни России первой половины XIX века // *Тишкин Г. А.* (ред.). Феминизм и российская культура. СПб., 1995. С. 134; *Фадеев А. В.* Культурная жизнь дореформенной России // *Фадеев А. В.* (ред.). История СССР. Первая серия. Т. 4. М., 1967. С. 591—595; *Филитенко И. В.* Общественно-идейная жизнь в московских литературных салонах 30—40-х годов XIX в. // Вестник МУ. 1991. Сер. 8: История. № 5. С. 37—48; *Pipes R.* Russia under the Old Regime. New York: Charles Scribner's Sons, 1974. P. 262—265.
- ²³⁵ *Герцен А. И.* Былое и думы. Л., 1947. С. 126.
- ²³⁶ Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири // *Прутченко С.* Сибирские окраины. СПб., 1899. Приложения. С. 23—24; *Лохвицкий А. В.* Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. Ч. 1. С. 117, 122—123; *Пульхеров А.* Великолуцкое городское общественное управление 1785—1891 гг.: Историческое обозрение. Псков, 1892. С. 7, 21, 42—46; [*Ушаков А. С.*]. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 2. С. 25—36; ПСЗ-II. 1852 г. № 26429. См. также: *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762—1855. СПб., 1906. С. 424, 578—584.
- ²³⁷ *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 402—408. Лесков говорит, что дело происходило в николаевское царствование, но не указывает точной даты, которую можно установить по времени исполнения Смарагдом обязанностей орловского епископа — 1844—1858 гг.: Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. 18. С. 645—646. Конфликты между светской и духовной властями были не редкостью в провинции. Московский митрополит Филарет держал в 1850—1860-е гг. в страхе всю губернскую администрацию. В 1911 г. конфликт саратовского епископа Гермогена, с амвона обличавшего губернатора С. С. Татищева и критиковавшего правительство, стал благодаря прессе известным всей России: *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. С. 455.
- ²³⁸ *Нардова В. А.* Институт почетного гражданства городов в дореволюционной России (Правовой аспект) // *Фурсенко А. А.* (ред.). Россия в XIX—XX вв. СПб., 1998. С. 171—182. См. также: *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 353—362; *Петров Ф. А.* Нелегальные общеземские совещания и съезды конца 70-х—начала 80-х гг. XIX в. // ВИ. 1974. № 9. С. 33—44; *Robbins R. G., Jr.* The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. Chapter 5.
- ²³⁹ *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX—начала XX в. М., 1979. С. 267—286; *Avrich P.* Russian Rebels: 1600—1800.
- ²⁴⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1903. Т. 1. Стб. 1163—1164; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1997. Вып. 4. С. 316; Словарь русского языка XVIII века. Л., 1991. Вып. 6. С. 212—213; Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1892. Вып. 2. Стб. 1115.

- ²⁴¹ Готье Ю. В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке // Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 103—152.
- ²⁴² Лесков Н. С. Собр. соч. Т. 4. С. 59—60. «Страсть или привычка к доносам есть одна из выдающихся сторон характера наших предков. Донос существует в народных нравах и в законодательстве» (Щебальский П. К. Черты из народной жизни в XVIII веке // ОЗ. 1860. Т. 138. С. 438). Эта «страсть», в основе которой, возможно, лежало желание доносителя идентифицировать себя с сакральной верховной властью, должна стать предметом тщательного историко-психологического исследования. По-видимому, «страсть» была ловко использована в сталинскую эпоху.
- ²⁴³ Флеровский Н. Три политические системы... С. 229—237.
- ²⁴⁴ Mironov B. N. Consequences of the Price Revolution in Eighteenth-Century Russia // The Economic History Review. 1992. Vol. 45, No. 3. August. P. 468; Покровский Н. Н. Томск, 1648—1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 372; Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах. СПб., 1907. С. 45—46, 51; Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII—XVIII вв. в России // ИСССР. 1965. № 5. С. 61—80.
- ²⁴⁵ Моя точка зрения на взаимоотношения общества и государства была высказана в докладе «Общество, государство, общественное мнение в России: конец XVII—начало XX в.» на конференции «Гражданское общество: историко-философские корни, реальная практика, перспективы», проведенной Институтом российских исследований им. Дж. Кеннана 30 июня—2 июля 1998 г. в г. Пушкине.
- ²⁴⁶ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 244. Дмитриев печалился, что дворянство не имело никаких прав и находилось в полной власти императора (С. 255—257).
- ²⁴⁷ Флеровский Н. Три политические системы... С. 485; Франк С. Л. Этика нигилизма. С. 167.
- ²⁴⁸ Ганелин Р. Ш. Политические уроки освободительного движения в оценке старейших русских бюрократов. С. 122—137.
- ²⁴⁹ Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia: 1894—1917. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. P. 21.
- ²⁵⁰ Головин К. Мои воспоминания. СПб., 1908. Т. 1. С. 372. См. также: Лион С. Е. От пропаганды к террору // Каторга и ссылка. 1924. № 6; Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. С. 351—353; Петров Ф. А. Из истории общественного движения в период второй революционной ситуации в России: Революционеры и либералы в конце 1870-х гг. // ИСССР. 1981. № 1. С. 144—155; Троцкий Н. А. Царские суды против революционной России. Саратов, 1978. С. 270—284.
- ²⁵¹ Макаков В. А. Власть и общественность на закате старой России. С. 483, 494, 482—507. Слова Милокова цит.: Там же.
- С. 483; Смирнов Н. Н. На переломе: Российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб., 1994. С. 87.
- ²⁵² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 30; Савинков Б. В. Воспоминания террориста. Л., 1990. С. 38—39, 43, 69, 147; Старцев В. И. Князь Д. И. Бебутов и его воспоминания // Шенелев Л. Е. (ред.). Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С. 358, 365.
- ²⁵³ Трубецкая О. Князь С. Н. Трубецкой. С. 114; Бердяев Н. А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 287.
- ²⁵⁴ Будницкий О. В. (ред.). «Кровь по совести»: Терроризм в России: Документы и биографии. Ростов на/Д., 1994. С. 8; Чернов В. М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. С. 39.
- ²⁵⁵ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1995. Т. 3. С. 337; Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 446—447. См. также: Лихачев Д. С., Макогоненко Г. П. (ред.). История русской литературы. Т. 1. С. 572—574; Кимбелл А. Русское гражданское общество... С. 260—263.
- ²⁵⁶ Глинский Б. Б. Борьба за конституцию, 1612—1861: Исторические очерки. СПб., 1908; Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1960. P. 276—284.
- ²⁵⁷ Трубецкая О. Князь С. Н. Трубецкой. С. 114—115. См. также: Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 16—19; Torke H.-J. Continuity and Change in the Relations between Bureaucracy and Society in Russia: 1613—1861 // Canadian Slavic Studies. 1971. Vol. 5, No. 4. P. 457—476; 1972. Vol. 6, No. 1.
- ²⁵⁸ Милоков П. Н. 1) Из истории русской интеллигенции: Сб. статей и этюдов. СПб., 1903; 2) Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 253; Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York: Harcourt, Brace, 1966.
- ²⁵⁹ Бозуарский В. Из прошлого русского общества: Общественное движение в России в первую половину XIX века. СПб., 1905; Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; Итенберг Б. С. (ред.). Революционеры и либералы России. М., 1990; Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX—начало XX в. Л., 1974; Милоков П. Н. 1) Из истории русской интеллигенции; 2) Очерки по истории русской культуры. Т. 3; Левин Ш. М. (ред.). В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX—начала XX в. Л., 1969; Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х—начале 60 годов XIX в.: (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). Л., 1962; Цамутали А. Н. 1) Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; 2) Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986; Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории

- русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986; *Шушко Л. Э.* Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. М., 1920; *Berlin I.* Russian Thinkers. New York: The Viking Press, 1978; *Nahiry V. C.* The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence. London; New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1983; *Stavrou Th. G.* (ed.). Russia under the Last Tsar. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1969; *Walicki A.* A History of Russian Thought from Enlightenment to Marxism. Stanford: Stanford University Press, 1979.
- ²⁶⁰ *Вест Дж. Л.* Буржуазия и общественность в предреволюционной России // ИСССР. 1992. № 1. С. 192—200; Исследования по консерватизму. Пермь, 1994—1997. Вып. 1—4; Российские консерваторы. М., 1997; Консерватизм в России // Социологические исследования. 1993. № 1. С. 42—61; *Рудницкая Е. Л.* (ред.). В раздумьях о России (XIX в.). М., 1996; *Самарин Ю. Ф., Дмитриев Ф. М.* Революционный консерватизм: Книга Р. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» и предположения петербургских дворян об организации веселословной волости. Berlin, 1875; *Синицина Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюции концепции. М., 1997; *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность; *Хомяков Д.* Самодержавие: (Опыт схематического построения этого понятия). М., 1903; *Katz M. Mikhail N. Katkov; Schapiro L.* Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought. New Haven; London, 1964; *Thaden E. C.* Conservative Nationalism...
- ²⁶¹ *Андреев Д. А.* Российский либерализм и Государственная Дума: (Обзор англо-американской историографии) // Вестник МУ. 1995. Сер. 8: История. № 2. С. 16—23; *Гоголевский А. В.* Очерки истории русского либерализма в XIX—начале XX в. СПб., 1996; *Леонтович В. В.* История либерализма в России: 1762—1914. М., 1995; *Пирумова Н. М.* 1) Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в.; 2) Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в.; *Рормозер Г.* Кризис либерализма. М., 1996; *Шаццло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг.: Организация, программы, тактика. М., 1985; *Galai Sh.* The Liberation Movement in Russia: 1900—1905. New York: Cambridge University Press, 1973; *Timberlake Ch. E.* (ed.). Essays on Russian Liberalism. Columbia: University of Missouri Press, 1972.
- ²⁶² *Кириллова Е. А.* Очерки радикализма в России XIX века: Философско-исторические концепции 40—60-х годов. Новосибирск, 1991; *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России: 1783—1883. М., 1986; *Brower D. R.* Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca, NY, London: Cornell University Press, 1975; *Gleason A.* Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s. New York: The Viking Press, 1980; *Ulam A. B.* Ideologies and Illusions: Revolutionary Thought from Herzen to Solzhenitsyn. Cambridge, MA, London: Harvard University Press, 1976; *Yarmolinsky A.* Road to Revolution: A Century of Russian Radicalism. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- ²⁶³ *Balzer H. D.* (ed.). Russia's Missing Middle Class: The Profession in Russian History. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1996. P. 23; *Bradley J.* Russia's Parliament of Public Opinion: Associations, Assembly, and the Autocracy, 1906—1914 // *Taranovski Th.* (ed.). Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? Cambridge et al.: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1995. P. 212—236.
- ²⁶⁴ *Haimson L. H.* The Parties and the State: The Evolution of Political Attitudes // *Black C.* (ed.). The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. P. 110—111.
- ²⁶⁵ *Тарановский Ф. В.* Энциклопедия права. Берлин, 1923. С. 320.
- ²⁶⁶ Об истории раскола общества и государства см.: *Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 337—431; *Raeff M.* Understanding Imperial Russia; *Riasanovsky N. V.* A Parting of the Ways.
- ²⁶⁷ *Зевелев А. И.* (ред.). История политических партий России. М., 1994. С. 11; *Спирин Л. М.* (ред.). Непролетарские партии России. С. 3.
- ²⁶⁸ *Eisenstadt S. N.* Bureaucracy and Political Development // *LaPalombara J.* (ed.). Bureaucracy and Political Development. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. P. 96—107.
- ²⁶⁹ *Тихомиров Л. А.* Две культуры в России // Соч. СПб., 1898. Т. 2. С. 9.
- ²⁷⁰ *Бушен А.* (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 264.
- ²⁷¹ Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1903. Ч. 1. С. 249.
- ²⁷² Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 12—13; 261. О незначительности возможного увеличения надела говорят результаты послеоктябрьской конфискации земли. К 1922 г. экспроприация земель (купчей и хуторской) частных владельцев и зажиточных крестьян увеличила крестьянское землевладение в среднем на 23.7%, на душу крестьянского населения прирезка составила от 0.1 десятины в Московской до 1 десятины в Архангельской губернии, в громадном большинстве губерний — не более полудесятины, а на едока и того меньше — во многих случаях десятые и даже сотые доли десятины. Это явилось для крестьян полной неожиданностью; *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1. С. 132—133.
- ²⁷³ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы. С. 515, 540.
- ²⁷⁴ *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. С. 603—604.
- ²⁷⁵ *Дурново П. Н.* Записка. С. 195—197.
- ²⁷⁶ *Сорокин П. А.* Голод и идеология общества // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 398—399.

ИТОГИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПЕРИОД ИМПЕРИИ И СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Александр I: Как Вам нравятся чужие края в сравнении с отечеством?

М. М. Сперанский: Здесь установления, а у нас люди лучше.

(Из разговора в Эрфурте в 1808 г.)

Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства

Анализ социальной жизни России периода империи позволяет заключить, что **российское общество в XVIII—начале XX в. быстро и прогрессивно изменялось**. Социальная структура населения подверглась глубокой трансформации. Московское государство было бессословным и бесклассовым: социальные группы не являлись ни сословиями, ни классами в европейском смысле этих понятий. К концу XVIII в. в России в основном сформировались сословия, которые обладали главными признаками истинного сословия: их права были закреплены в законе, являлись наследственными и безусловными; они имели свои организации и суды, пользовались правом самоуправления; обладали сословным самосознанием и менталитетом. К 1917 г. сословия юридически утратили важнейшие специфические привилегии и превратились в классы. Однако законы обгоняли жизнь: массовые представления о социальной структуре общества и социальных отношениях, а также и социальное поведение находились еще в рамках сословной парадигмы.

В демографическом отношении все сословия испытывали медленный переход от нерегулируемой рождаемости к регулируемой, от высокой смертности к низкой, от почти всеобщей к 85%-ному уровню брачности (когда 15% лиц бракоспособного возраста не вступали в брак). Благодаря этому в конце XIX в. в России начался период демографического перехода от традиционной к современной, более эффективной с точки зрения материальных, психологических и физических затрат со стороны родителей и общества модели воспроизводства населения. Общая сумма затрат на воспроизводство населения только за период с 1851—1863 гг. по 1904—1913 гг. уменьшилась приблизительно на 23%. Это означало, что женщина стала меньше рожать, но несмотря на это каждое новое поколение становилось более многочисленным, причем замена одного поколения другим стала проходить на 23% более эффективно, т. е. с меньшими физическими затратами со стороны женщины и меньшими материальными затратами со стороны родителей.

В течение XVIII—начала XX в. у всех сословий, хотя и в разной степени, семья изменялась в направлении от составной или расширенной к нуклеарной, при этом величина семьи уменьшалась. По условиям своей жизни духовенство не знало составной семьи, в среде дворянства к началу XIX в. безраздельно утвердилась малая семья. Малая семья преобладала также и у купечества, мещанства и крестьянства в течение периода империи, однако

значительная часть жизни крестьян, главным образом детство и юность, проходила в рамках составной семьи, которая являлась обязательной стадией развития семьи до эмансипации для всего крестьянства, а после нее — для его значительной части. Малая семья как главная и единственная форма организации семейной жизни пришла в город примерно на 50 лет раньше, чем в деревню, — уже к концу XIX в. После Великих реформ позитивные изменения происходили также и в семейном укладе. Прогресс выражался в смягчении насилия над слабыми в семье и в установлении известного контроля со стороны общества и закона за соблюдением интересов женщин и детей: абсолютизм патриарха был в большей или меньшей степени поставлен в рамки закона. Но если среди образованного общества гуманизация внутрисемейных отношений зашла достаточно далеко, то среди крестьянства и городских низов прогресс был умеренным, особенно в аграрных губерниях.

Главные социальные организации населения — сельская и городская общины, купеческие, мещанские, ремесленные и дворянские корпорации — с точки зрения структуры, функций, управления, межличностных отношений, норм жизни с течением времени становились все более рациональными, формализованными, полагающимися в своей деятельности на твердые юридические принципы; в них органическое единство превращалось в механическое, а солидарность, основанная преимущественно на соседстве и родстве, на уважении, привязанности и дружбе, заменялась объединением, базирующимся главным образом на законном порядке, на обмене услугами и других рациональных основаниях, в которых все меньшее значение придавалось родственным связям.

Крепостничество, пронизывавшее в начале XVIII в. все общество снизу доверху, постепенно уступало место отношениям, основанным на личной свободе, договоре и признанных законом сословных правах. Первым в 1762 г. было освобождено дворянство, затем к концу XVIII в. — духовенство и городское сословие, последним — крестьянство в три приема: в 1861 г. — от частновладельческого, в 1861—1905 гг. — от государственного, в 1906 г. — от корпоративного крепостничества. Необходимо иметь в виду, что крепостнические отношения, несмотря на всю их жесткость, строились все-таки на законе и обычае, а не на произволе, как часто изображается, — отсюда и происхождение термина — «крепостное право», а не «крепостное бесправие».

Серьезную эволюцию в течение периода империи испытали город и деревня. До середины XVII в. между ними не было четкой правовой, культурной, социальной, административной и экономической границы. В 1775—1785 гг. произошло окончательное размежевание города и деревни в административном, а городского и сельского населения — в социальном отношении. Еще полстолетия потребовалось для того, чтобы город четко отделился от деревни и экономически. Однако даже в момент достижения наивысшей степени дифференциации, в середине XIX в., город и деревня не превратились в противоположности благодаря тому, что параллельно с дифференциацией происходил рост контактов между ними. После эмансипации экономические и культурные связи между городом и деревней усилились настолько, что создались предпосылки для постепенного слияния их в целостное экономическое и культурное пространство, основанное на этот раз не на полном сходстве, как это было до XVIII в., а на интеграции экономически специализированного и взаимно нуждающегося друг в друге городского и сельского населения.

В XVIII—начале XX в. все отрасли права в России развивались параллельно: понятия уголовного права совершенствовались; развитие гражданского права увеличивало полномочия отдельного лица в сфере гражданско-правовых сделок до предельно возможной степени; на смену об-

Рис. 44. Юные участники сбора средств в помощь жителям окраин на площади перед Казанским собором. Петроград. 1915 г.

винительному процессу пришел розыскной, а он в свою очередь был заменен смешанным процессом. Шаг за шагом изменения приводили к установлению как власти закона над человеческим произволом, так и превосходства закона над обычаем, к отделению судебной власти от административной, к признанию за каждым человеком (независимо от пола, возраста и социального положения) равного права на судебную защиту, к росту гражданских прав населения. Суд достиг значительного уровня справедливости уже в 1830-е гг., а после судебной реформы 1864 г. жалобы на коррупцию, волокиту и вообще на несправедливость в судах прекратились. Во всех сферах жизни утверждался закон, который в ходе Великих реформ 1860—1870-х гг. одержал победу в городе и медленно, но верно вытеснял обычное право в деревне. Характерной чертой развития права периода империи являлось то, что правовые нормы изменялись, опережая жизнь и потребности населения: государство почти всегда понимало нужды страны раньше общества и подталкивало последнее к переменам с помощью изменения права, заимствуя его на Западе. Отсюда возникало много проблем: будучи взятыми из более зрелых в социальном и политическом отношении государств, новые правовые нормы часто расходились с жизнью; старые нормы отменялись в то время, когда они еще были жизнеспособны; новые нормы часто нарушались по причине долгого сосуществования со старыми и вследствие юридического плюрализма — в деревне действовал обычай, в городе — закон; утверждаемое юридически расходилось с существовавшим фактически. Однако это не должно умалять значение достигнутого и утвержденного де-юре: юридические нормы создавали идеал правового государства и гражданского общества, которые постепенно формировались в России. Поясню мою мысль следующей аналогией. В советское время существовали декоративные демо-

кратия, федерализм и равенство мужчин и женщин, но все это было закреплено в законе, что, как оказалось, имело большое значение: люди привыкали к самим *идеям* гражданских прав, федерализма и равенства полов и в конце концов настолько сжились с этими идеями, что в один прекрасный момент, при благоприятных обстоятельствах, захотели их реализовать и довольно быстро добились успеха.

Значительного прогресса достигла российская государственность — из абсолютной монархии начала XVIII в. она превратилась юридически сначала в правомерную монархию во второй четверти XIX в., затем в конституционную монархию в 1906—феврале 1917 г., и наконец, в демократическую парламентскую республику в марте—октябре 1917 г. При этом нельзя забывать о том, что, во-первых, каждая стадия в развитии российской государственности была необходима и целесообразна для общества в свое время и соответствовала политическим представлениям своей эпохи и, во-вторых, после того как принцип законности и правомерности управления провозглашен официально, проведение его в жизнь растягивается на долгие годы. В течение всего периода империи, как, впрочем, и в более раннее время, характерной особенностью коронного управления являлось разделение, или расщепление, властных и управленческих функций между верховной властью и ее администрацией, с одной стороны, и городскими и сельскими общинами, городскими и дворянскими корпорациями, с другой. В руках сословного самоуправления находилось местное управление на первичном уровне, вследствие чего сословия всегда участвовали в управлении обществом. Разделенную форму власти, на мой взгляд, следует рассматривать как разумный компромисс между обществом и государством, обеспечивавший социальный порядок и соблюдение сословных прав.

До XVIII в. общество и государство были едины. Однако в этом симбиозе общественность играла подчиненную, а не господствующую роль, как в гражданском обществе. Верховная власть для людей являлась данностью; они ее признавали, ей подчинялись и с ней себя идентифицировали. Народ бунтовал, но не против верховной власти, а против ее агентов, которые, по его мнению, дурно исполняли свои обязанности. В течение XVIII—начала XX в. русское общество из слуги государства и объекта управления де-юре и де-факто превращалось в субъект государственного управления, благодаря чему были заложены основы гражданского общества. Если под его зачатками иметь в виду те социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, которые образовывали обособленную, самостоятельную идейно-общественную силу, в той или иной степени оппозиционную государству, но в то же время легитимную, т. е. признаваемую государством и всем обществом, и которые оказывали влияние на официальную власть, то следует признать, что гражданское общество зародилось в России не ранее последней трети XVIII в. В момент его генезиса общественность представляла собой узкий, привилегированный слой населения. В течение XIX—начала XX в. она расширила свои социальные границы до всего народа, который после более чем двухсотлетнего перерыва возвратился к государственной жизни. Четкое размежевание общественного самоуправления и коронного управления после Великих реформ являлось и фактом, и фактором становления гражданского общества. На этой первой стадии общественность противопоставляла себя государству и боролась с ним за власть.

Вопрос о развитии индивидуалистической личности в России затрагивался практически во всех главах книги. Индивидуалистическая личность зародилась в среде дворянства в XVII в. и набирала силу очень медленно, так как ни государство, ни общество не поощряли развитие индивидуализма.¹ Русская классическая литература негативно оценивала индивидуализм и положительно — всякие формы коллективизма и соборности, в силу чего

главным действующим лицом у русских писателей чаще всего выступал маленький человек, а не гений и герой.² Но остановить развитие индивидуалистической личности было невозможно. В пореформенное время процесс индивидуализации захватил все слои населения и имел разнообразные проявления, в том числе и негативные, например в форме хулиганства среди деревенской и городской молодежи.³ Становление личности в низших слоях общества ярко обнаруживалось во время конфликтов рабочих с работодателями. Рабочие стали жаловаться не только на низкие заработки и длинный рабочий день, как было до Великих реформ, но также на грубость мастеров и других представителей фабричной администрации, на применение физической силы и употребление мата, на сексуальные посяательства по отношению к работницам, на обращение к рабочим на «ты», на отношение к ним «как к детям», «рабам», «крепостным» или «вещам». Другими словами, рабочие протестовали против обращения с ними в формах, характерных для дореформенных отношений между господином и слугой, помещиком и крепостным. Важно отметить, что они не ограничивались коллективными протестами, а часто обращались с личными исками в мировые суды с теми же жалобами. И в том, и другом случае явно проявлялось стремление добиться уважения к себе как личности.⁴ В жалобах женщин на жестокое обращение свекров и мужей и на запрещение последними заниматься отхожими промыслами также проявлялось стремление крестьянок — самой заботой части населения — отстаивать личное достоинство.⁵ Одним из проявлений индивидуализма в среде крестьянства можно считать приход в деревню городского понятия моды. Как известно, мода предполагает индивидуализацию: погоня за модой невозможна без желания выделиться из других. В традиционных обществах, отмеченных максимальной однородностью, где порицается и потому отсутствует стремление выделиться из общей массы, нет и моды, хотя вкусы со временем могут медленно изменяться. По наблюдениям этнографов, до отмены крепостного права крестьяне не знали моды; она пришла в деревню около 1863 г., и с тех пор материя и фасоны одежды в деревне стали регулярно, как и в городе, изменяться — в 1863, 1867, 1872, 1876, 1880, 1883, 1885 гг. и т. д. Одновременно с этим домотканая одежда вытеснялась покупной, одноцветная — разноцветной, дешевая — более дорогой. Важно отметить, что эти перемены пришли не только в села, охваченные отходничеством, но и в чисто земледельческие селения, например Киевской губернии.⁶ Хотя проявления индивидуализма в последней трети XIX—начале XX в. являлись массовыми и повсеместными, было бы преувеличением сказать, что к 1917 г. российский человек стал индивидуалистом. Правом на личную тайну, на независимую частную жизнь, на имидж, начиная с внешнего вида и кончая привычками и образом жизни, правом каждой личности быть тем, кто она есть или хочет быть (то, что подразумевает американское понятие «privacy» — «прайваси»), даже в начале XX в. пользовались почти исключительно представители высшего класса.

В целом в России в императорский период происходила социальная модернизация: во-первых, люди получали личные и гражданские права, человек становился автономным от коллектива — будь то семья, община или другая корпорация — и как бы самодостаточным, иными словами, приобретал ценность сам по себе, независимо от корпоративной принадлежности и родственных связей; во-вторых, малая семья становилась автономной от корпорации и высвобождалась из паутины родственных и соседских связей; в-третьих, городские и сельские общины изживали свою замкнутость, все больше включались в большое общество и систему государственного управления; в-четвертых, корпорации консолидировались в сословия, сословия трансформировались в профессиональные группы и классы; из них формировалось гражданское общество, которое освобождалось от опеки государства и верховной власти и становилось субъектом власти и управления;

в-пятых, по мере постепенного признания субъективных публичных прав граждан возникали конкретные правовые пределы для деятельности органов государственного управления — государство становилось правовым. Словом, **суть социальной модернизации в императорской России, как и всюду, состояла в генезисе личности, малой демократической семьи, гражданского общества и правового государства.** В ходе ее городские и сельские обыватели в юридическом, социальном и политическом отношениях превращались из верноподданных его величества в граждан.

Подчеркнем взаимосвязанность и параллелизм изменений в разных сферах жизни. В XVII—начале XVIII в. отношения в семье, обществе и государстве строились на традиционном, патриархальном господстве и патернализме; власть главы семьи, хозяина, помещика и государя уподоблялась отцовской власти и сакрализировалась. Патриархальный несвободный человек, ограниченный в своих правах семьей и своей корпорацией, а в своих желаниях и стремлениях — традицией, обычаем и религиозной моралью, т. е. традиционным менталитетом, патриархальная семья, общинная форма социальной организации, преобладание общинной или государственной собственности, натуральное в основе хозяйство, абсолютная правомерная монархия и империя как форма существования народов в рамках единого государства оптимально сочетались. В XVIII—XIX вв. и в семье, и в корпорациях, и в большом обществе, и в государстве властные отношения стали шаг за шагом строиться на рациональных соображениях, на договоре и законе: везде традиционное господство постепенно заменялось легальным, а власть десакрализировалась и ставилась в рамки писаного закона, т. е. становилась закономерной. На этой основе с различным темпом в разных сословиях формировалась, хотя и не сформировалась до конца, новая система социальных организаций, государственных институтов, правовых норм, соответствующих потребностям секулярного человека, наделенного сословными правами, ограниченного в своих желаниях и стремлениях только законом. Свободный гражданин с политическими правами, светский менталитет, малая семья, общественная форма социальной организации, частная собственность, рыночное хозяйство, гражданское общество, правовое государство и федерация как форма сосуществования народов в рамках одного государства — именно в этих направлениях развивалась Россия.

Таким образом, **человек, семья, собственность, экономика, общество и государство в целом развивались симметрично и синхронно, во взаимной обусловленности,** от патриархальности к модернизму благодаря секуляризации индивидуального и массового сознания, рационализации и легализации социальных и политических отношений, коммерциализации экономики, централизации и интеграции политической, экономической и культурной сфер, или уровней, общества. Изменения затрагивали все группы населения, но в разной степени, отставание в развитии одной структуры тормозило изменения в других, и наоборот. Асинхронность в развитии различных структур вела к асимметрии, которая создавала социальные напряжения в обществе. Реформы восстанавливали симметрию и укрепляли социальную стабильность. Отметим, например, что медленное изживание общинности оказывало влияние на все структуры, в том числе на трансформацию политического строя. Преобладание общины в качестве главной социальной организации крестьянства вплоть до 1917 г. имело серьезное политическое последствие — *партикуляризм*, так как каждая община стремилась к возможной большей независимости от внешнего мира, к неприкосновенности местных обычаев и традиций. Отсюда в значительной мере проистекал принудительный централизм, бюрократическое вмешательство из столицы, опека. Слабость экономических, культурных, политических связей между сельскими и городскими общинами, которые долгое время были самодостаточными, должна была по необходимости компенсироваться бюрократическими

связями, а недостаток экономического и культурного единства — принудительно навязанным государственным подчинением, иначе хрупкий государственный организм мог развалиться, местные интересы — взять верх над общегосударственными. Только сильное государство могло преодолеть партикуляризм, местничество и сепаратизм. По мере того как общинная организация и общинные связи слабели, а общественные связи развивались и возникали общественные организации уездного, губернского и общероссийского масштаба, по мере развития географического разделения труда и всероссийского рынка, по мере роста потребности в культурных, социальных и экономических контактах со всей страной необходимость в государственном вмешательстве для поддержания единства страны отпадала: сцепление стало осуществляться на основе экономических, социальных и культурных связей.

Тесная связь существовала между оживлением общинных отношений и становлением гражданского общества. Гражданское общество в полном смысле этого слова — это такая структура, в которой человек, социальные организации и государство образуют устойчивое единство на основе паритетных отношений; в нем общественный порядок зиждется не на страхе и господстве, а на внутренней, рационально мотивированной дисциплине, на социальном компромиссе, целесообразности, взаимном интересе; все вероятные и действительные конфликты регулируются не насильем, а правовыми и политическими средствами, властью государства, которая сама подчиняется созданным ею законам. В силу этого гражданское общество предполагает наличие развитых экономических, культурных, политических и социальных отношений между его субъектами, обладание членами общества полным набором политических прав, существование общенациональных общественных организаций, партий, представительного органа и правового государства, иными словами, гражданское общество — это совокупность не общин, а свободных рациональных и активных личностей и представляющих их интересы организаций и ассоциаций. Чтобы гражданское общество могло утвердиться, необходимо, чтобы общины преобразовались в организации общественного типа — в фермы, кооперативы, предприятия и т. п., чтобы человек преодолел патриархальные соседско-родственные связи и осознал необходимость участия в общественных и политических организациях для отстаивания своих интересов в представительном органе и перед правительством. Становление гражданского общества — это процесс, в котором одновременно изменяются все его субъекты — человек, организации, членом которых он является, и государство — и отношения между ними, т. е. отношения между людьми, отношения между человеком и организацией, или коллективом, отношения между человеком и государством, отношения между организациями, наконец, отношения между организацией, или коллективом, и государством. В ходе этих изменений возникает гражданское общество и выразитель его интересов — парламент. Поскольку общинные формы организации социальной жизни до конца императорского режима преобладали в деревне, где проживало 85% населения, и лишь незадолго до этого и то не полностью распались в городе, естественно, что к 1917 г. гражданское общество находилось в фазе становления, что общероссийские общественные и политические организации возникли лишь в конце XIX в. и объединяли незначительную часть населения.

Таким образом, в стране к 1917 г. парламентская демократия и гражданское общество были менее развиты, чем в западноевропейских странах, но это объяснялось не тем, что Россия была утконосом в семье европейских народов, а тем, что позднее их вступила на путь модернизации, и в частности тем, что общинные отношения являлись до начала XX в. доминирующими. Когда государство осознало зависимость между социально-экономическим и политическим прогрессом и господством общинных

отношений в деревне, оно отказалось от своей политики искусственного поддержания сельской общины. Тот же путь в свое время проделали западноевропейские страны: при трансформации доиндустриального, или традиционного, общества в индустриальное общество они изменили господствующий тип социальности, перейдя от социальности, основанной на отношениях общинного типа, к социальности, основанной на рациональных, индивидуалистических, рыночных отношениях, или отношениях общественного типа; в случае необходимости государство обращалось к насилию, типичный пример — огораживание в Англии, Нидерландах, Франции и Германии.⁷

Россия и Европа

Основные итоги социального развития России в период империи свидетельствуют о том, что в **социальном, культурном, экономическом и политическом отношениях Россия в принципе изменялась в тех же направлениях, что и другие европейские страны.**⁸

Вместе с тем имелись и существенные отличия. Общества в западноевропейских странах развивались в направлении нивелирования местных, региональных, сословных или классовых особенностей общественного и частного быта, интеграции и централизации политического, правового и культурного пространства, ранее фрагментированного и децентрализованного по регионам, сословиям и классам, в единое национальное пространство; словом, происходила консолидация отдельных классов в единую нацию, что в общих чертах завершилось в 1870-е гг.⁹ В русском обществе, наоборот, в течение XVIII—XIX вв. наблюдался рост социальной и культурной фрагментации. До середины XVII в. отдельные классы отличались общностью культуры, веры, менталитета, общественной организации, и в этом смысле русское общество было более или менее однородным. Однако с начала XVIII в. под влиянием модернизации оно постепенно фрагментировалось и к концу XIX в. стало значительно более асимметричным, чем было до петровских реформ начала XVIII в. Парадокс заключался в том, что три главных сословия — дворянство, городское сословие и крестьянство из-за различных темпов социальной динамики в конце XIX в. находились на разных стадиях социального развития и социальной организации, жили в значительной мере в разных социальных, правовых и культурных условиях, несмотря на то что постоянно взаимодействовали и влияли друг на друга. Крестьянство, составлявшее большинство населения (80% в 1913 г.), в массе своей проживало в сельской общине, руководствовалось в основном обычным правом, передачу культурного наследия осуществляло устным путем и т. д., т. е. существовало в условиях общности традиционного типа. Городское сословие (18%) к началу XX в. в значительной мере изжило общинные отношения, но отдельные его группы — купцы, мещане и ремесленники — в разной степени. Дворянство и разночинная интеллигенция (2%) практически не знали общинной организации частной и общественной жизни и в начале XX в. уже жили по законам современного гражданского общества, т. е. в условиях равенства возможностей, приоритета заслуг перед рождением, открытости и социальной мобильности, главенства закона; психологически они были готовы к социальным переменам, к жизни в условиях демократии и разделяли концепцию прогресса.¹⁰

Вместе с тем город и деревня (где в 1913 г. проживало соответственно 15 и 85% населения) не превратились в два отличных друг от друга мира. Во-первых, деревня всегда была тесно связана с городом и не являлась его антагонистом. В течение всего императорского периода от трети до половины городского населения состояло из крестьян, и в пореформенное время

их доля постепенно увеличивалась. Часть образованного общества, оппозиционно настроенная к существовавшему режиму, во второй половине XIX—начале XX в. находилась под сильным влиянием мировоззрения простого народа и разделяла некоторые парадигмы массового сознания крестьян и городских низов, хотя было бы неверно думать, что интеллигенция имела общий менталитет с крестьянством или рабочими. Во-вторых, в пределах городского и деревенского пространства также существовала порожденная модернизацией социальная фрагментация, достаточно сильная и отчетливая. В городе и деревне возникли новые классы — буржуазия и рабочие, из сельской общины к 1917 г. вышло до 30% крестьян. Буржуазия и значительная часть крестьян, порвавших с общиной и фактически с крестьянством, связывали свои надежды с урбанизацией, индустриализацией и развитием рыночных отношений. Напротив, рабочие, в массе своей имевшие тесные отношения с деревней, не успевшие «перевариться» в фабричном или городском котле, во многом несли на себе печать крестьянского менталитета. Индустриализация ассоциировалась в их сознании с тяжелой работой на фабрике, с отрывом от родины и семьи, с разрушением традиционного уклада их жизни. Поэтому они мечтали о том, чтобы переустроить весь мир, в том числе промышленность и город, по модели сельской переделной общины. Таким образом, внутри города и деревни проходила существенная социальная и культурная граница между формирующимися классами, что также не позволяет рассматривать город и деревню как противоположности.

Российское культурное и социальное пространство, если несколько огрубить действительность, было расколото на две части в соответствии как с местом жительства, так и с сословной принадлежностью: крестьяне и городские низы, с одной стороны, дворянство, буржуазия и интеллигенция, с другой. Это обнаружилось уже в конце XVIII в. Вот наглядный пример. В сентябре 1792 г. А. Т. Болотов, застигнутый ненастной погодой в дороге, вместе со своей семьей вынужден был остановиться в крестьянском доме. Он, по его словам, впервые (!) оказался на деревенском «годовом празднике» и смотрел на него как иностранец. «На что смотрели и сами мы, как на невиданное еще никогда зрелище, с особливым любопытством, и не могли странности обычаев их, принужденности в обрядах и глупым их этикетам и угощениям довольно надивиться. <...> И глупые обряды их при том ажно нам прискучили и надоели. Однако, как ни не мешали они нам тем в нашем чтении (французских книг, надо полагать. — *Б. М.*), но мы, скрепя сердце, сидели уже молча и давали им волю дурачиться». Как видим, дворянин, постоянно общавшийся с крестьянами по делам своего поместья и по службе, — к 1794 г. он прослужил коронным управляющим казенных крестьян в течение 20 лет! — плохо знал их быт и нравы и жил в бытовой и культурной изоляции от них. И это было отнюдь не исключением, а нормой. Для культурного помещика первой половины XIX в. М. А. Дмитриева (1796—1866) мир народной культуры был столь же глубоко чужд, враждебен и абсолютно непонятен, как и для Болотова. А. Гакстгаузен, много лет изучавший Россию не только по книгам, но и в ходе путешествий, имел все основания написать в 1847 г.: «С XVI столетия Россия значительно сблизилась с Западной Европой. В последние 140 лет в России сильно распространилась европейская цивилизация. Высшие классы получают западноевропейское воспитание и образование; все государственные учреждения заимствованы с Запада. Законодательство приняло не только характер, но и форму европейских законодательств; но все это отразилось только на высших классах. Западная цивилизация не проникла в нижние слои русского народа, в его нравы и обычаи; его семейная и общинная жизнь, его земледелие и способ поземельного владения сохранились вне всякого влияния иноземной культуры, законодательства и почти вне правительственного вмешательства. Но благодаря различию в образовании верхних и нижних слоев русского народа образо-

Рис. 45. Иоанн Кронштадтский среди прихожан. Кронштадт. 1900-е гг.

ванное сословие утратило всякое понимание сельских народных учреждений. <...> Русская литература, рисувавшая народ по Вальтеру Скотту и Ирвингу, только теперь начинает знакомиться с жизнью народа, его семейными отношениями и традициями; это, только в еще высшей степени, должно быть сказано об иностранцах, писавших о России. Всякий, едущий в Россию с целью основательного изучения русского народного быта, должен прежде всего постараться забыть все, что он читал о нем в Европе».¹¹

Четыре фактора играли ключевую роль в этом расколе. Замедленность урбанизации (городское население за 1861—1914 гг. увеличилось с 9.4 до 15.3%, или всего на 6 пунктов), рассеянность индустриализации (в городе в 1860—1914 гг. было сосредоточено около 40% всех рабочих, в деревне — остальные 60%), слабая социальная мобильность, сдерживаемая господством сословной парадигмы в социальных отношениях и в общественном сознании, и преимущественно устный характер культуры населения вследствие низкого уровня грамотности. Медленная урбанизация приводила к тому, что город «переваривал» на новый модернистский лад лишь незначительную часть крестьянства. А рассеянная индустриализация позволяла крестьянам сочетать сельскохозяйственные занятия с промышленными, традиционные модели поведения с новыми. Межсословная и географическая мобильность была, с одной стороны, недостаточно интенсивной из-за низких темпов урбанизации и индустриализации, с другой стороны, односторонней — преимущественно из крестьянства в городское сословие и из деревни в город. Это задерживало проникновение новых идей, социальных и культурных ориентаций в деревню. Положение усугублялось малограмотностью и отсутствием привычки у крестьянства и городских низов черпать нужные знания в печатном слове, это определяло передачу знаний и опыта

Рис. 46. Тамбовские богомольцы, приехавшие на Саровские торжества, на привале. Саровская мужская пустынь, Темниковский уезд, Тамбовская губ. 1903 г.

посредством прямых примеров и подражания, что в свою очередь сужало значение книги, школы, средств массовой информации в социализации молодого поколения. К началу XX в. только дворянство и духовенство (2% всего населения России) достигли почти полной грамотности; остальные сословия по степени грамотности находились на уровне западноевропейских стран XVII в.: грамотность среди мужчин старше 9 лет составляла в конце XVIII в. 6%, в 1850 г. — 19, в 1913 г. — 54, у женщин — соответственно 4, 10 и 26%.¹² Функциональная грамотность была намного ниже, так как не все грамотные люди имели возможность читать литературу и считали, что у нее следует учиться. Крестьянство и городское сословие в XVIII—первой половине XIX в. к чтению относились неодобрительно, полагая, что этим пристойно заниматься только представителям дворянства и духовенства. В пореформенное время народный читатель в массе своей ценил религиозные книжки, а светские считал вредными, сбивающими с истинного пути. Вследствие этого в середине XIX в. читательская аудитория России насчитывала всего от 600 тыс. до 1 млн человек, что составляло лишь 1—1.5% всего населения; к концу XIX в. аудитория возросла до 3—4 млн, или 3—4% населения.¹³ Положение стало серьезно изменяться в начале XX в., особенно после того, как в 1908 г. Государственная дума приняла закон о постепенном, в течение 10 лет, введении всеобщего обязательного начального образования, и верховная власть поддержала эту инициативу. Грамотность стала быстро повышаться, обгоняя даже текущие потребности народа в ней, развивалась склонность к серьезному, прагматическому чтению, наметился переход крестьянства от устной культуры к письменной. Это имело принципиальное значение, поскольку механизм передачи и преобразования накопленного и нового знания в существенной, если не решающей степени обуславливает своеобразие культуры, возможность и темпы ее трансформации.¹⁴ Устная передача опыта нацеливала крестьян на преемственное вос-

произведение людьми определенных навыков, умений, ориентаций и в лучшем случае обеспечивала очень медленную эволюцию устоявшихся знаний и представлений. Книга и печать делали крестьянский мир открытым влиянию города, высокой культуры, всему, что происходило во всем мире, и готовили крестьян по большому счету к переходу от традиционной к индустриальной культуре.

В отличие от простонародья дворянство и интеллигенция уже в конце XVIII—начале XIX в. рассматривали книгу как руководство к действию и в своем поведении подражали литературным героям.¹⁵ Однако на их долю приходилось всего 2% населения, что было достаточным, чтобы развить могучую, имеющую мировое значение русскую культуру, но недостаточным, чтобы подготовить народ к восприятию и ассимиляции достижений европейской цивилизации. В результате четыре мощных двигателя модернизации — индустриализация, урбанизация, мобильность населения и печатное слово — в общественном и культурном отношениях имели ограниченное значение в России. Социальные и политические реформы, проходившие в начале XX в., создавали благоприятные возможности, чтобы сгладить противоречия на основе консенсуса, но две неудачные войны (русско-японская и мировая) и три революции, случившиеся в продолжение всего 10 лет, помешали этому процессу. Как предупреждал П. Н. Милоков, при оценке самобытности раскола образованного общества и народа в России необходимо соблюдать меру: «Факт „отрыва“ на этом пути (перехода всего народного организма от стихийной или полусознательной стадии существования к стадии сознательного «культурного, или цивилизованного, существования». — Б. М.) от некультурной массы культурного авангарда „интеллигенции“ есть, с нашей точки зрения, неизбежная переходная стадия процесса цивилизации, — стадия, вовсе не свойственная одной только России. <...> Речь идет о национальной особенности общечеловеческого процесса, а вовсе не о чем-то исключительном и специфическом».¹⁶ Раскол не означал, что народная и элитарная культуры не взаимодействовали: например, общественный и семейный быт, нравы, поэтическое творчество крестьян и низших слоев города испытывали постоянное влияние элитарной культуры в течение XVIII—начала XX в., и наоборот.¹⁷ Проблема, вероятно, состояла в том, что элитарная культура изменялась быстрее, чем народная. Это, по-видимому, и создавало ощущение, что народ дремлет, а элита европеизируется. В Западной Европе народная культура получила сокрушительный удар от церкви и государства еще в XVI—XVII вв. После этого о народной культуре можно говорить только как об осколках дезинтегрированного целого или псевдонародной культуре.¹⁸ В России к 1917 г. народная культура была живой и сильной, хотя и начала разрушаться.

Важное отличие России от Западной Европы заключалось также и в том, что **социальные изменения, происходившие в России и других европейских странах в XVIII—начале XX в., по большей части были асинхронными.** Одни процессы начинались в России в тот момент, когда они завершились или завершались на Западе, например, становление сословий и городских корпораций, переход от общности к обществу; другие процессы захватили Россию с большим опозданием, например, демографический переход, промышленная революция, возникновение гражданского общества и представительных учреждений. В европейских странах важнейшие социальные и культурные процессы также не были вполне синхронными, но там временной разрыв между ними был намного меньше.

Глубина охвата России и других европейских стран различными социальными, экономическими, культурными и политическими процессами была существенно различна. Например, укрепление населения в России, как нигде, было всеобъемлющим и глубоким; наоборот, урбанизация, индустриализация, распространение грамотности, секуляризация массового общест-

венного сознания к 1917 г. не успели глубоко захватить российское общество; некоторые процессы вообще обошли Россию стороной, а если затрагивали, то поверхностно, например, русское общество так и не испытало чего-либо подобного Ренессансу, Реформации и научно-технической революции XVII—XVIII вв., которые имели место в западноевропейских странах, ни одновременно, ни позже. Только в XVIII в. Россия по-настоящему присоединилась к остальной Европе и стала составлять вместе с ней единое культурное, экономическое и информационное пространство, подвергаться тем же процессам и явлениям, которые происходили там, правда, с некоторым опозданием и иной интенсивностью. Движение цен в России и на Западе может служить хорошим индикатором уровня контактов между ними. До начала XVIII в. в динамике западноевропейских и русских цен не наблюдалось никакой согласованности. Революция цен, которая постепенно охватывала Европу в XVI—XVII вв. с запада на восток, включая Прибалтику, Польшу, Скандинавские страны и Австрию, остановилась у российской границы. В результате асинхронного изменения цен в течение нескольких столетий на рубеже XVII—XVIII вв. уровень цен, выраженных в граммах золота, в России оказался в 9—10 раз (!) ниже, чем в западноевропейских странах, — вот реальный показатель уровня контактов. Экономические связи, которые имела Россия с Западом, являлись совершенно недостаточными для включения страны в мировой рынок, а ведь они были намного интенсивнее, чем культурные контакты. Отсюда очевидно, как мало общалась Россия с остальной Европой до XVIII в. в экономическом, да и других отношениях также. Зато в следующем столетии в России наблюдался компенсационный рост: цены повысились в 5 раз в золоте и в 11 раз номинально — больше, чем на Западе за несколько предыдущих столетий, благодаря чему разрыв в уровне цен сократился до двукратного. В следующем столетии цены в России и остальной Европе изменились совершенно согласованно, разрыв в их уровне на рубеже XIX—XX вв. сократился до возможного минимума и составлял всего 20—30% — твердое доказательство того, что Россия вполне интегрировалась в мировую экономику. Динамика российских и западноевропейских цен является, на мой взгляд, тестом на интенсивность всех вообще контактов между Россией и Западом: их ничтожность до XVIII в., их бурный компенсационный рост в XVIII в., их нормальность в XIX—начале XX в., соответственно периферийность России по отношению к Западу до XVIII в., ее интеграция в Европу начиная с XVIII в. и включенность в XIX—начале XX в.¹⁹

Социальная и культурная асимметрия создала огромное напряжение в обществе и способствовала созреванию предпосылок для трех революций 1905 и 1917 гг. Последняя революция не ограничилась разрушением остатков старого режима, как это было во время революций в Европе в 1789—1848 гг., она разрушила также и возводившееся здание нового модернистского общества. Три фактора способствовали тому, что **Октябрьская революция в некоторых отношениях стала антимодернистской**: мировая война; сохранение в среде большей части русского крестьянства и рабочих социальных институтов, права и менталитета традиционного типа; многонациональность Российской империи. Неудачная для России война расшатала власть, дисциплину и общественный порядок, породила материальные трудности, позволила выйти наружу социальным противоречиям, которые до войны, хотя и с большим трудом, удерживались в определенных границах, а также дала возможность социалистическим партиям спекулировать на трудностях войны и агитировать в пользу революции. Октябрьская революция свершилась под четырьмя лозунгами: земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам, власть — трудящимся. Важнейшим среди них был призыв к всеобщей экспроприации собственности и перераспределению ее между работниками города и деревни, объединенными в общины.

Рис. 47. Группа участников демонстрации — членов Союза правительственных учреждений Харькова с лозунгами: «Всеобщего демократического мира», «Вся земля трудовому народу», «Контроль над производством». 1917 г.

артели и другие подобные ассоциации. Прекращение войны и свержение существующей власти играли вспомогательную роль — надо было убрать два препятствия, которые мешали экспроприации собственности. Главные социальные лозунги революции есть не что иное, как призыв к «черному (всеобщему.— *Б. М.*) переделу». В них нашел свое выражение традиционный крестьянский принцип — «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает», видоизмененный в новых условиях в «собственность принадлежит трудящимся». Участники Октябрьской революции были равнодушны к фундаментальным принципам буржуазного общественного порядка. И это не случайно: **большинство народа участвовало в революции во имя восстановления попорченных ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни.** «Русская революция враждебна культуре, она хочет вернуть к естественному состоянию народной жизни, в котором видит непосредственную правду и благость», — констатировал Н. А. Бердяев.²⁰ Антимодернистский характер Октябрьской революции ярко проявился в том, что в 1917—1918 гг. народ намеренно сжигал сотни музеев и тысячи помещичьих усадеб, а также книги, ноты, музыкальные инструменты, произведения искусства, постельное белье, гобелены, фарфор — все, что символизировало европейскую культуру и напоминало о дворянстве. И в селах, и в городах подобные действия носили символический характер: уничтожение остатков «проклятого прошлого», освобождение пространства от «чуждых элементов». Для описания процесса уничтожения высеченных и вылепленных образов царей и генералов прошлого, имперских регалий и эмблем, зданий и названий был изобретен специальный термин — «деромановизация». «Вандализм, „иконоборче-

ство" и культурный нигилизм, — считает Р. Стайтс, — грозили полностью уничтожить прошлое великой цивилизации».²¹ Разрушение культурных ценностей во время революции напоминает разрушение машин, а иногда и целых фабрик луддитами во время промышленной революции в Англии в 1760—1820 гг.; рабочие таким образом протестовали против наступления индустриальной эры и хотели вернуться в прошлое.²² «Надеяться на то, что революция в России может пройти, если можно так выразиться, в более культурной форме, чем проходила в других странах, — осуждал интеллигентных идеалистов С. И. Шидловский, всегда отличавшийся трезвостью мысли и знанием деревни, — не было ни малейших оснований в силу присущих русскому народу свойств, заставляющих его находить известную прелесть в самом процессе разрушения. Думать, что при таких условиях можно будет ограничиться государственным переворотом и изменением строя, было весьма наивно, а этой наивностью отличались в значительной мере наши руководящие интеллигентские либеральные круги, весьма мало знакомые с действительной подоплекой народной души».²³

Многонациональность империи также сказала свое веское слово в пользу революции. Централизация, унификация управления, суда и законов, а также экономическая интеграция в России, как и везде, приходили в столкновение с ростом национализма. Модернизация империи натолкнулась на национализм и сама по себе способствовала его росту. Разумеется, Октябрьская революция не была фатальной, она была порождена кризисной ситуацией, стала возможной вследствие стечения неблагоприятных обстоятельств. Однако социальный и культурный раскол российского общества создал для нее существенные предпосылки.

Стремление догнать западноевропейские страны в экономическом отношении вынуждало российское правительство проводить реформы, которые подстегивали одни процессы и принудительно останавливали другие. Так, в течение XVIII в. правительства Петра I и Екатерины II, движимые благими намерениями, усиленно насаждали сословный строй и регулярное государство, полагая, что это последнее слово европейской цивилизации. Правительство Александра II из лучших побуждений провело серию крупных реформ, которые опережали общественные потребности России в тот момент, если под ними иметь в виду не требования образованной части русского общества, а требования крестьянства и городского сословия. Крепостное право было отменено сверху до того, как оно стало экономическим и социальным анахронизмом; поэтому его отмены жаждали крестьяне, но не желало большинство помещиков. Парламент и конституция пришли в Россию задолго до того, как широкие народные массы получили об этих институтах хоть малейшее представление. В данном случае речь идет не о том, нужны или не нужны были российскому обществу эти и другие реформы, — это другая проблема. Я хочу сказать, что с начала XVIII в., с того момента, когда российское правительство стало оплодотворять Россию самыми передовыми европейскими идеями, институтами и процессами, **естественность и органичность социального развития России были нарушены**: не успевали естественным путем завершиться одни процессы, как стимулировалось появление других. Подобные реформы, отвечавшие представлениям и потребностям правительства и образованного общества, а не широких масс населения, естественно, оказывали воздействие на социальные верхи в значительно большей степени, чем на низы, на город больше, чем на деревню. Это еще более усиливало социальную и культурную асимметрию общества, раскалывая его по линии город—деревня.

Переход от традиции к современности в западно- и центральноевропейских странах проходил сравнительно с Россией в значительно большей степени естественно и органично и несмотря на это был длительным, болезненным и трудным процессом, сопровождался ростом социальных напряже-

ний, конфликтами и революциями.²⁴ В России, где **темпы перехода к модернизму опережали возможности и готовность широких народных масс к переменам, болезненность перехода увеличивалась.** Форсирование социальных изменений привело в конечном счете к социальной напряженности такой степени, что общественный порядок, не выдержав ее, рухнул и под его руинами были погребены на известный срок многие достижения модернизации.

Я далек от мысли делать на этом основании вывод, что Россия не была и не является европейской страной. Напротив, я разделяю мнение тех, кто думает, что основы российской государственности, общественного быта и менталитета имеют европейское происхождение, что они были заложены в киевский период и связаны с византийским наследием, принятием христианства и приходом письменности.²⁵ Неблагоприятные внешние и внутренние обстоятельства в течение нескольких столетий задерживали их развитие, но не разрушили и не заменили их другими. Противопоставление России и Запада или России и Европы, мне кажется, основано на том, что в каждый данный момент ввиду асинхронности социальных процессов и изменений Россия сильно отличалась от Европы, иногда так сильно, что ее европейский фундамент трудно было разглядеть. Но в исторической перспективе **Россия развивалась по тем же направлениям, что и Запад, только с опозданием.** Другими словами, дореволюционная Россия в каждый момент своей истории отличалась от западноевропейских стран, но двигалась по той же орбите, что и они, и поэтому **в каждый момент была похожа на то, чем они были прежде.** Мы легко обнаружим сходство между императорской Россией и другими европейскими, особенно центрально- (Австрией и Германией) и восточноевропейскими,²⁶ странами, если заглянем в их средневековую историю и в первые столетия новой истории.²⁷

Переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, в результате которого рост численности населения стал регулироваться людьми и перестал угрожать прогрессивному развитию общества, начался во Франции во второй половине XVIII в., охватил большинство европейских стран в XIX в. и закончился в основных чертах лишь в начале XX в.²⁸

Патриархальная, или «монархического типа», семья с деспотическим главой и приниженными домочадцами преобладала во всех европейских странах в средние века и Новое время; всюду община вмешивалась в семейную жизнь, контролировала супружескую верность, вследствие чего интимность личной жизни нарушалась.²⁹ Репрессивная педагогика господствовала всюду вплоть до XVIII в., а строгое и систематическое дисциплинирование в раннем детстве являлось общей европейской моделью воспитания ребенка до XX в.³⁰ Ряд историков полагают, в противовес историкам из кембриджской группы по изучению населения,³¹ что в странах Западной Европы, как и в России, «расширенные» и «многочайные» семьи предшествовали или по крайней мере существовали наряду с простыми, или нуклеарными, семьями.³²

Сословный строй в более развитых европейских странах установился в средние века и являлся основой общественного порядка до конца XVIII в. При этом ни в одной стране даже в период расцвета сословного строя не существовало четких консолидированных сословий — дворянства, духовенства, горожан и крестьян.³³ Например, во Франции XVII в. исследователи насчитывают 22 социальные группы, подразделявшиеся в свою очередь на 569 подгрупп.³⁴ Русское дворянство после его превращения в сословие в 1762—1785 гг. ничем существенно не отличалось от европейского.³⁵ Крестьянство нигде, за исключением некоторых северных стран, не было сословием в полном смысле этого слова.³⁶

В европейском средневековье мы находим много общего с социальной жизнью русского города XVII—первой половины XVIII в. и русской дерев-

ни XIX—начала XX в.³⁷ Даже такие институты, как общинная собственность и переделы, были известны во многих европейских странах в средние века, а в некоторых регионах Австрии, Германии бытовали еще в XVIII—начале XIX в.; в Норвегии общинная собственность дожила до наших дней. В Англии до начала Нового времени, а в других европейских странах до XVIII—XIX вв. каждое сельское поселение представляло собой особый род общности, или, пользуясь понятием Ф. Тённиса, *Gemeinschaft*.³⁸

В европейских странах, как и в России, долгое время городские и сельские поселения не только экономически, но и в социальном отношении мало различались, за исключением немногочисленных крупных торговых городов. Каждый малый город, которых было подавляющее большинство, подобно сельскому поселению, представлял собой общность: «Эта солидарность, это всеобщее братство не ограничивалось многочисленными мелкими союзами, цехами, гильдиями, корпорациями, которые образовывали патриции, ремесленники, подмастерья. Оно обнимало всех граждан города в одно, связанное присягой целое, в котором все готовы были делить вместе радость и горе в городе, или где придется».³⁹ Различия принципиального порядка между городом и деревней появились с полным переходом городов к рыночному хозяйству, что в Англии завершилось к началу XVI в., в других европейских странах — к XVII—XVIII вв. Сельскохозяйственные занятия среди горожан были распространены даже в крупных городах в XVIII в., не говоря уже о малых городах.⁴⁰ Даже американские города в XVII в. все еще отличались патриархальным коммунизмом.⁴¹

Крепостное право, хотя и в более мягких формах сравнительно с Россией, существовало в большинстве европейских стран в средние века, его пережитки исчезли там лишь в течение XVI—XVIII вв., а в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы крепостничество было отменено лишь в конце XVIII—первой половине XIX в.⁴² Однако, пожалуй, только в России закрепощенными оказались и горожане, и дворяне, а община была субъектом крепостного права.

Государственность в России проходила те же стадии в своем развитии, как и в других европейских странах, только с большим опозданием и с некоторыми особенностями.⁴³ В эпоху абсолютизма в европейских странах понятие государства также заключало в себе идею собственности. Монарху «принадлежало» государство, а многие государственные институты считались «собственностью» частных лиц, которые осуществляли военные и гражданские функции таким образом, что стиралось различие между частным и публичным, между государством и обществом. Еще более трудно было отделить власть городских корпораций (гильдий, городских советов) над своими членами или землевладельцев над своими крестьянами от государственной власти, так как они обладали такой юридической и административной властью, которая в современных государствах принадлежит всецело государственным институтам. К западноевропейским государствам эпохи абсолютизма понятия «публичный» и «частный» столь же трудно приложимы (как и к Российскому государству XVIII—первой половины XIX в.), поскольку отсутствовало понятие «общегражданских прав и обязанностей», права рассматривались как частные привилегии, купленные, унаследованные, выслуженные отдельными лицами и семьями, или как иммунитет от налогов и воинской повинности. Понятие «гражданство» в современном смысле также не было известно, а свобода понималась как автономия от центральной власти.⁴⁴ При возникновении демократии электорат в европейских странах был столь же мал, как и в России после образования Государственной думы. Даже в самой демократической для своего времени Англии электорат, если иметь в виду число выборщиков, которые непосредственно выбирали депутатов в парламент, в 1831 г. составлял всего 3.3% от численности населения, как в Европейской России в 1907-1910 гг.⁴⁵

Юридический плюрализм, когда в пределах одного государства одновременно действуют две или более системы права, характерный для России XVIII—начала XX в., был всеобщим явлением в европейских странах в средние века и в начале Нового времени, лишь в XIX в. в большинстве случаев законодательство вытеснило обычное право.⁴⁶ В Англии юридический дуализм сохранялся в XIX в.⁴⁷ Преступность в европейских странах в доиндустриальную эпоху была невысокой, как и в России до 1860-х гг. В течение второй половины XIX—начала XX в. различия сгладились, в результате чего в 1900—1913 гг. по уровню преступности Россия уступала Англии лишь в 1.2 раза, Франции — в 1.9 раза, Германии — в 2.4 раза, в то время как в середине XIX в. — примерно в 7—8 раз.⁴⁸ Уровни преступности выровнялись благодаря более быстрому росту преступности в России (в западноевропейских странах тяжкая преступность уменьшалась, а легкая и общая увеличивались).

Сходство между Россией периода империи и другими европейскими странами в более раннее время обнаруживается также в духовной культуре и менталитете.⁴⁹ Вот характерный пример. Гадалки, колдуны и прорицатели пользовались большим почетом в российской деревне до начала XX в., в крупных городах они стали исчезать в конце XIX в. В западноевропейских странах их популярность достигла своего пика в средние века, с началом Нового времени она пошла на убыль, но в сельской местности сохранилась до XVIII в.⁵⁰ По наблюдениям иностранных путешественников XVIII—вв., религиозность русских и западных людей существенно различалась. Для религиозности всех русских в начале XVIII в., а для простого народа вплоть до начала XX в. были характерны следующие особенности: плохое знание основ христианского вероучения, подмена веры строгим соблюдением ее уставов и обрядов (почитание икон, хождение на поклон к святым местам, посты и т. п.), распространность суеверий и предрассудков, отсутствие должного благоговения в церкви во время службы и совершения таинств, «прагматический» характер благочестия (от соблюдения обрядов ожидали практических результатов — хорошего урожая, здоровья, успеха в делах и т. п.). Но примерно такой же была религиозность в западноевропейских странах до Реформации, а для многих сельских жителей — до XVII—XVIII вв.⁵¹ Охота на ведьм — свидетельство бытования языческих пережитков в массовом сознании — настолько широко практиковалась в западноевропейских странах в XVII—XVIII вв., что в этом отношении, если судить по числу зафиксированных случаев суда над ведьмами, они даже превосходили Россию.⁵² В XVI—XVIII вв. языческие пережитки существовали повсеместно в Европе, их живучесть и распространенность возрастали с запада на восток; в восточноевропейских странах они наблюдались еще в XIX в.,⁵³ а, вероятно, последний случай линчевания колдуньи зафиксирован в Англии в 1751 г.⁵⁴ Сельскохозяйственная магия — другой важный показатель сохранения шаманизма в верованиях людей — благополучно дожила до середины XX в. во многих западных странах. Например, в США в 1950-е гг. она широко применялась при поднятии целины, кастрации скота, посадках садов и в других случаях, когда налицо были риск и неопределенность результата. В 1956 г. 40% фермеров из штата Огайо перед севом приглашали профессиональных колдунов, гарантирующих достаточное количество осадков. Вследствие спроса на их услуги во всей стране насчитывалось до 25 тыс. колдунов, вызывающих дождь.⁵⁵ Русские путешественники первой половины XIX в. с удивлением отмечали бытование языческих праздников в Европе.⁵⁶

Многие современники сознавали, что простой народ — преобладающая часть населения России — живет в более раннем времени сравнительно с привилегированными группами населения или со своими западными соседями. По мнению ирландской знакомой Е. Р. Дашковой, Кэтрин Вильмот,

Рис. 48. Народ наблюдает за перенесением больной в Успенский собор для приложения к мошам Серафима Саровского. Саровская мужская пустынь, Темниковский уезд, Тамбовская губ. 1903 г.

проведшей 18 месяцев в России в 1805—1806 гг., русское общество конца XVIII—начала XIX в. напоминало западноевропейское общество XIV—XV вв.⁵⁷ Известный либеральный историк и хороший помещик К. Д. Кавелин считал темные и грубые стороны русского сельского быта 1860—1870-х гг., по свидетельству А. Ф. Кони, «недостатками молодости».⁵⁸ По мнению экономиста социал-демократической ориентации, крестьянина по происхождению, П. П. Маслова, «прилагая западноевропейские мерки к идейным течениям среди крестьян, мы можем сказать, что крестьянство (во второй половине XIX в. — *Б. М.*) идейно жило в XV—XVI столетии, между тем как городская интеллигенция жила в XIX столетии. Крестьянство <...> на почве религии стремилось создать новый идеальный общественный строй».⁵⁹ Возможно, расцвет русской религиозной философии конца XIX—начала XX в. объясняется именно особым менталитетом значительной части русского народа, свойственным Западной Европе в средние века. Все это признаки молодости, если смотреть на средневековье в соответствии с достижениями современной медиевистики как на инкубационный период, подготовивший творческий взлет Нового времени, а не как на период застоя и невежества.⁶⁰ В 1881 г. Э. О'Фаррель перевел и издал на свой счет «Три русские сказки М. Е. Щедрина» («Как один мужик трех генералов прокормил», «Пропала совесть», «Дикий помещик») и в августе 1881 г., во время пребывания писателя в Париже, подарил ему экземпляр книги. Это подношение растревожило автора. «Помилуйте, — говорил Салтыков-Щедрин, — какой интерес могу я представлять для французской публики? Я — писатель семнадцатого века, на их аршин. То, против чего я всю жизнь ратую, для них не имеет даже значения курьеза. Надо это понять!». Бывший свидетелем этого П. Д. Боборыкин заметил в своих воспоминаниях: «Спорить с ним было трудновато, и он никак не хотел сойти с того тезиса, что он писатель „семнадцатого века“. А между тем разве он по-своему не был прав? Разве после представления „Грозы“ Островского самые авторитетные французские кри-

тики не сказали без всякой иронии, что нравы эти напоминают им XIV век во Франции; вы видите: даже „четырнадцатый“, а не „семнадцатый“. Быть может, у одного Салтыкова достало мужества так резко определить *содержание своей сатиры* для французов».⁶¹

Можно считать закономерным, что по своей психологии русский взрослый крестьянин XIX в., как он изображается в русской классической литературе и как это было в жизни, напоминает подростка.⁶² Н. А. Бердяев проницательно заметил: «Всякий народ в любой момент своего существования живет в разные времена и разные века. Но нет народа, в котором соединились бы столь разные возрасты, который так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник нездоровья и помеха для цельности нашей национальной жизни».⁶³

Таким образом, **то, что в императорский период считалось национальной спецификой русских, несколькими поколениями ранее встречалось в других европейских странах.** Разумеется, не буквально, а принципиально, ибо в рамках европейской цивилизации Россия, как и каждая страна, имела национальные, или количественные, особенности, обусловленные различиями в религии, географической среде, в политических и культурных условиях существования.⁶⁴ Эти особенности были усилены расположением России на восточной окраине Европы, многонациональным составом ее населения, влиянием восточных соседей, тем, что она позже других вступила в круг новой европейской цивилизации и ее история разворачивалась на «диком», необъятном и непрерывно увеличивавшемся пространстве, между тем как большинство народов Западной Европы после падения Римской империи развивалось на уже освоенной и небольшой сравнительно с Россией территории, где находились центры римской культуры. Своеобразие условий существования не помешало ей иметь принципиальное сходство с Европой в социальном, экономическом, политическом и культурном отношениях. То, что называется «европеизацией России», как верно сказал П. Н. Милуков, «не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, задержанный условиями среды».⁶⁵ Глобальные факторы социальной эволюции на ранних стадиях, по крайней мере после принятия христианства, — религия, географическая среда и антропологические предки, — были общими или близкими у русских и других народов Европы, что обеспечивало культурные, религиозные и материальные предпосылки для их развития по существенно похожим сценариям, а в Новое и Новейшее время в значительной мере предопределяло сходство социального развития и Запада и России в XVIII—XIX вв.⁶⁶

Однако более позднее включение в круг европейской цивилизации имело серьезные последствия. Во-первых, Россия развивалась асинхронно сравнительно с другими европейскими странами, поэтому то, что исследователи, лишенные всякого понятия историзма, называют пороками российской политической и социальной системы, национального характера или, наоборот, достоинствами, — не более и не менее как болезни роста и стадии развития: при сравнении с более зрелыми обществами многие особенности кажутся недостатками, а при сравнении с более молодыми — достоинствами. Россия как государство и цивилизация позже, чем западноевропейские страны, если можно так сказать, родилась и поэтому живет в другом часовом поясе. Киевская Русь, согласно трезвой оценке таких исследователей, как Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков и И. Я. Фроянов, не являлась феодальным обществом в европейском смысле этого понятия; феодальные черты появились несколькими столетиями позже — в XIII—XVI вв. — и поэтому не были столь «чистыми».⁶⁷ *Проводить синхронные сравнения уровня социального и политического развития между Россией и западноевропейскими странами так же некорректно, как сравнивать мальчика со взрослым человеком.* Напри-

мер, Россия привержена авторитаризму и коллективизму несколько не более, чем Англия или Германия в свое время; русские люди отличаются неуважением к частной собственности или закону настолько же, насколько французы или итальянцы отличались в свое время. По отношению к России завышенные требования, может быть, и уместны, поскольку они стимулируют движение вперед, но оценка достигнутого должна соотноситься с ее возможностями и возрастом, подобно тому как при воспитании юноши от него следует требовать, чтобы он вел себя, как взрослый, но при оценке его поступков необходимо учитывать его возраст. Во-вторых, социальная модернизация проходила тогда, когда традиционные структуры были здоровыми и полными сил: она ломала и перестраивала крепкий еще старый порядок по западноевропейским образцам. Вследствие этого соотношение между преемственностью и изменением нередко оказывалось в пользу первой, модернизация не доходила до устоев, захватывала внешнюю сторону, как говорится, мертвые хватали живых. «В революции (Октябрьской 1917 г. — *Б. М.*) раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия харь и морд, — писал ее свидетель Н. А. Бердяев. — Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подыметя во весь свой рост после того, как падет самовластье. Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре. Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией. <...> Хлестаковская смелость на каждом шагу дает себя чувствовать в русской революции. По-прежнему Чичиков ездит по русской земле и торгует мертвыми душами. Но ездит он не медленно в кибитке, а мчится в курьерских поездах и повсюду рассылает телеграммы. <...> В стихии революции обнаруживается колоссальное мошенничество, бесчестность как болезнь русской души. Вся революция наша представляет собой бессовестный торг — торг народной душой и народным достоинством». ⁶⁸ Но другого выхода не было: это судьба страны, вступившей в процесс модернизации позже других и стремящейся их догнать.

Незавершенность социальной модернизации

В западноевропейских странах переход к современному обществу особенно интенсивно происходил в 1770—1870 гг., причем до 1848 г. общества как бы колебались между старым и новым; с 1870 г. процесс модернизации стал необратимым и завершился в начале XX в. ⁶⁹ Основываясь на их опыте, выделяют следующие существенные признаки модернизма: 1) возникновение современной личности, которая принимает изменение как норму, гражданские и политические права как атрибут человека, рыночную экономику и частную собственность как необходимые условия, обеспечивающие нормальное функционирование общества и государства на основе разума и науки; 2) утверждение светской системы ценностей, в которой индивидуализм является «массовым ощущением», «второй религией», «новой технологией общественного и человеческого успеха»; ⁷⁰ 3) малая демократическая семья с полным равенством супругов, родителей и детей как единственная форма семейной жизни; 4) индустриальный и урбанистический образ жизни, основанный на функциональной специализации институтов и людей (имеется в виду разделение труда, профессионализация, бюрократизация управления и т. д.); 5) гражданское общест-

во; 6) правовое государство; 7) полная централизация и интеграция политической, экономической и культурной сфер, или уровней, общества на единых основаниях: верховенстве закона, открытости, гласности, публичности и конкуренции; 8) рыночная экономика, основанная на конкуренции и частной собственности; 9) складывание нации не только на основе языка, религии, культуры и территории, но и как совокупности людей, объединенных согласно их воле, идентифицирующих себя с целым и осознающих свое единство.⁷¹ Российское общество не соответствовало в полной мере ни одному из перечисленных критериев современного общества, особенно это относится к новому менталитету и индивидуализму, свидетельством чего могут служить потребительская трудовая этика, антибуржуазность сознания самой продвинутой в социальном и культурном отношении интеллигенции и слабая секуляризация массового сознания.

Трудовая этика

В дореволюционной отечественной литературе высказывались два мнения о том, как много и насколько напряженно приходилось работать русскому крестьянству, для того чтобы выжить в условиях крепостного права и после его отмены. Согласно первому, русское крестьянство отличалось большим трудолюбием и прилежанием, работало много и напряженно, если не выше, то в полную меру своих сил и возможностей. Второе мнение сводилось к тому, что крестьяне работали умеренно, лишь настолько, чтобы удовлетворить свои необходимые и скромные потребности. В советской историографии первая точка зрения стала своего рода аксиомой, которая как бы и не могла подвергаться сомнению. Как же было на самом деле, какую трудовую мораль исповедовали крестьяне, иными словами, каким нормам поведения в процессе труда они следовали, как они оценивали значение труда в своей жизни, какими мотивами руководствовались, как они должны были относиться к труду, чтобы не чувствовать угрызений совести за неморальное поведение? Различаются два идеальных типа трудовой этики, один из которых можно назвать *потребительским, традиционным, или минималистским*, другой — *буржуазным, или максималистским*. Согласно принципам минималистской трудовой морали работать следует до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи и не стремиться к накоплению; напротив, максималистская трудовая этика ориентировала человека на достижение максимально возможного результата в своей работе, а предпринимателя — на максимальную прибыль.⁷²

Одним из важных критериев трудовой этики является уровень трудовых затрат. Измерить их можно тремя способами: 1) путем определения числа праздничных и выходных дней (в дальнейшем те и другие вместе будем называть празднично-выходными днями) и нерабочих дней; 2) путем хронометража отдельных трудовых процессов; 3) путем измерения затрат времени на все сельскохозяйственные и промысловые занятия. Оценим сначала уровень напряженности труда первым способом. Он дает менее точную оценку, чем второй и третий, потому что можно работать несколько часов в день или все 24 часа, можно трудиться с полным напряжением или с легким усилием, можно работать или не работать в праздники. Приблизительность оценки объясняется также разнообразием числа и состава праздников по местностям, неопределенностью их продолжительности и тем, что крестьяне нередко участвовали в праздниках соседних деревень, а во время ярмарок и базаров, которые случались в данной местности, как правило, не работали.⁷³ Наконец, точная оценка затруднена недостатком данных о потерях рабочего времени, связанных с

важными, радостными и печальными, событиями семейной жизни, такими как рождения, крестины, похороны, проводы новобранцев и т. п. Однако определение числа празднично-воскресных дней все-таки имеет смысл. Во-первых, из-за отсутствия более точных сведений и для проверки данных об интенсивности труда, полученных другими способами. Во-вторых, в празднично-воскресные дни сельскохозяйственные работы, как правило, не производились, так как запрещались не только обычаем, но и законом. В-третьих, труд и отдых в общине носили не индивидуальный а коллективный характер; общинный строй русской деревни диктовал каждому крестьянину определенный темп и ритм сельскохозяйственных работ, нарушать который ввиду чересполосицы и принудительного севооборота было и сложно, и в значительной мере бесполезно.

Все празднично-воскресные дни в России разделялись на три группы: 1) воскресенья, 2) официальные государственные и церковные праздники и 3) народные, так называемые храмовые, или бытовые. Воскресенья были общими для всех.⁷⁴ Вторая группа праздников была величиной почти постоянной и мало изменялась как во времени, так и по местностям: в 1850 г. их насчитывалось 31, в 1878 г. — 33, в 1900 г. — 32 (без учета совпадающих с воскресеньями).⁷⁵ Праздники, относившиеся к третьей группе, большей частью имели религиозный характер, однако их число и состав весьма сильно изменялись по местностям вследствие того, что они были санкционированы обычным правом и традициями данной местности, законность которых государство не оспаривало.⁷⁶ Именно бытовые праздники определяли различия в балансе рабочего и нерабочего времени между местностями и национальностями, так же как и в отдельные периоды истории.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении сведениям, в 1850-е гг., в канун отмены крепостного права, православное население в Европейской России имело примерно 108 празднично-выходных дней в году,⁷⁷ в 1872 г., 11 лет спустя после эмансипации, по данным из 38 губерний, — 120,⁷⁸ а к 1902 г., через 31 год после падения крепостничества, по данным из 31 губернии, — около 140.⁷⁹ Поскольку число воскресений (52) и официальных праздников осталось практически прежним, то общее увеличение праздничных дней произошло за счет бытовых праздников, следовательно, по инициативе самих крестьян. Уже в 1866 г. стали появляться первые свидетельства сельской интеллигенции об увеличении местных праздников: «В Александровском уезде Екатеринославской губернии, — жаловался К. Буницкий, — год от году чаще стали повторяться случаи беспорядка и перерыва среди летних полевых работ вследствие празднования рабочими таких дней, которые не показаны в табели, установленной для правительственных мест и училищ».⁸⁰ Обобщая материалы Комиссии для исследования нынешнего положения сельской производительности в России, учрежденной в 1872 г. (Валуевской комиссии), В. Владимирский писал: «Итог времени для рабочего труда в последние годы (с 1861 по 1872 г.) уменьшился вследствие увеличения в народе числа праздников до 140, а в Тверской и Новгородской губерниях даже 145».⁸¹ Действительно, расчет показывает, что количество бытовых праздников в 1850-е гг. не превышало 21, в 1872 г. доходило до 33, в 1902 г. — до 53. Поскольку каждый восьмой—девятый праздник совпадал с воскресеньем, число нерабочих дней, связанных с бытовыми праздниками, равнялось в 1850-е гг. — 18, в 1872 г. — 29, в 1902 г. — 47, а общее количество празднично-выходных дней соответственно — 95, 105, 123. От общего числа дней в году это составляло в 1850-е гг. — 26%, в 1872 г. — 29%, в 1902 г. — 34%, соответственно доля рабочих дней — 76, 71, 66%.

Празднично-выходные дни составляли лишь часть общего числа нерабочих дней. Помимо самого праздника крестьяне тратили время на его под-

готовку и затем на отдых от праздника. По существующим в деревне обычаям, каждый праздник сопровождался значительным употреблением алкоголя, вследствие чего нередко крестьянин не в состоянии был начать работу на следующий день сразу после праздника. «Воскресенье — свято, понедельник — черный», «Понедельник — похмелье», «Понедельник и пятница — тяжелые дни».⁸² Продолжительность праздника не была строго фиксирована и зависела от обстоятельств, например от урожая. Осенний праздник Покров в урожайный год праздновался 5—6 дней, в год средней урожайности — 2—3 дня, в неурожайный год — 1 день. Нельзя также забывать, что каждая крестьянская семья имела собственные праздники. Наконец, несколько дней в год уходило на поездку на ярмарку или базар, на болезни, значительное время пропадало для работы вследствие непогоды.⁸³ Попробуем приблизительно оценить эти потери.

На основе имеющихся указаний современников можно предположить, что общее число рабочих дней в году в первой половине XIX в., до отмены крепостного права, составляло около 140 дней, из них половину, т. е. 70 дней, помещичьи крестьяне по закону отдавали своему владельцу.⁸⁴ После отмены крепостного права и до перехода на выкуп земли крестьяне за пользование помещичьей землей должны были нести барщину или платить оброк. Согласно «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», за высший душевой надел крестьяне обязаны были обработать 70 рабочих дней в год — 40 мужских и 30 женских.⁸⁵ «Общее положение» сочинялось очень тщательно, правительство стремилось по возможности учесть интересы помещиков и привлекало их к его составлению. Поэтому 70 рабочих дней в год на помещика — реальная и близкая к жизни цифра. Отсюда следует, что примерно 70 дней крестьянин работал в своем хозяйстве, а общее число рабочих дней в год в середине XIX в. приближалось к 140, а нерабочих — к 225. Из них на долю празднично-выходных дней приходилось как минимум 95, остальные 135 дней уходили на неучтенные праздничные и послепраздничные дни, важные семейные события, на болезни, общественные дела, поездки на ярмарку; значительная часть из этих 135 дней пропадала для работы из-за непогоды.

Итак, в середине XIX в. в течение года рабочее время составляло всего около 38%, а нерабочее — 62%, в том числе на долю празднично-выходных дней приходилось не менее 26%. В 1862 г. ярославское губернское начальство ходатайствовало перед Министерством юстиции об установлении в губернии нового местного праздника в день 8 августа. Министерство ответило, что праздников и так много: табельные и праздничные дни отнимают у присутственных мест почти четверть года, у учащихся — более трети.⁸⁶ Поскольку во второй половине XIX—начале XX в. ни климат, ни крестьянский быт не претерпели принципиальных изменений сравнительно с первой половиной XIX в., потери рабочего времени, связанные со всеми обстоятельствами, кроме праздников, можно принять за величину постоянную. Тогда общий баланс рабочих и нерабочих дней во второй половине XIX—начале XX в. будет приблизительно таким, как показано в табл. XI.1.

Общее число празднично-выходных дней варьировало по местностям. В 1872 г. в районах с преимущественно русским населением праздников (без учета совпадающих с воскресеньями) было около 120, с преимущественно украинским населением — 122, с преимущественно белорусским населением — 117.⁸⁷ К 1902 г. число праздников выросло соответственно — до 128, 154 и 120.⁸⁸ Таким образом, за 30 лет количество нерабочих дней, связанных с праздниками, у русского крестьянства возросло на 7%, у украинского — на 26%, у белорусского — на 3%.

Таблица XI.1

Общий баланс рабочих и нерабочих дней в году в крестьянском хозяйстве в середине XIX—начале XX в.

	1850-е гг.		1872 г.		1902 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Число рабочих дней	135	38	125	34	107	29
Общее число нерабочих дней	230	62	240	66	258	71
В том числе праздничных	95	26	105	29	123	34

Источники указаны в примечаниях 76—78.

Второй метод оценки интенсивности труда дает примерно такие же результаты. Специальные кадастровые комиссии МГИ в 1850-е гг. захронометрировали трудовые затраты на отдельные трудовые процессы в казенных имениях в 21 губернии Европейской России. Согласно их расчетам, в нечерноземных губерниях (Владимирской, Ярославской, Костромской и Нижегородской) полная обработка 1 десятины земли под рожь и уборка с нее урожая требовали 35.2 дня, под овес — 29.75, под ячмень — 28.0, под пшеницу — 34.5 и под сенокос — 16.25 дня, значит, десятина озимых требовала 35.2 дня работы, десятина яровых — 30.75, десятина сенокоса — 16.25 дня, а в черноземных губерниях (Самарская) соответственно — 13.0, 8.25 и 6.75 дня.⁸⁹ Отсюда полная обработка десятины посева в нечерноземных губерниях требовала 32.98 рабочих дня, в черноземных — 10.63. В наименее обеспеченной землей нечерноземной Московской губернии на ревизскую душу приходилось 0.76 десятины сенокоса и 1.61 десятины пашни (включая усадьбу) в трех полях — озимом, яровом и под паром, следовательно, под посевом находилось 1.07 десятины.⁹⁰ Один крестьянский двор включал 3.21 ревизских души, значит, двор обладал посевом в 3.43 десятины и сенокосом в 2.44 десятины. Полная обработка пашни и урожая (удобрение, вспашка, боронование, жатва, молотба и т. д.) требовала 113.12 рабочих дня, сенокоса — 39.65 дня, всего 152.77 рабочих дня в год. Один двор имел 1.68 работника,⁹¹ значит, один работник-мужчина должен был затратить на всю работу примерно 90.9 рабочих дня в год. Однако часть сельскохозяйственных работ, например жатва, сушка, молотба, сгребание сена и другие, выполнялась также женщинами и подростками (табл. IV.7), которых на один двор приходилось соответственно 1.85 и 0.75 чел. Таким образом, действительные трудовые затраты, связанные с сельскохозяйственным производством, на одного работника были существенно меньше и вряд ли превышали 60 дней в год.

Аналогичные расчеты для самой многоземельной нечерноземной Смоленской губернии, где на ревизскую душу приходилось 2.70 десятины пашни в трех полях и 2.15 десятины сенокоса (включая выгон), дают следующий результат: обработка пашни и урожая требовала примерно 190.56 рабочих дня, сенокоса — 112.15, всего — 302.71 рабочих дня, значит, один работник должен был затратить на всю сельскохозяйственную работу 180.18 рабочих дня в год, а с учетом помощи со стороны работниц и подростков — около 125 дней в год. Расчет для наименее обеспеченной землей черноземной Рязанской губернии (2.71 десятины пашни в трех полях и 0.45 десятины сенокоса) позволяет предположить, что по нормам затрат нечерноземных губерний вся сельскохозяйственная работа требовала 209.74 рабочих дня в год, на одного работника — 124.85 дня, а по нормам затрат Самарской губернии — 66.5 дня. Из расчета для самой многоземельной черноземной Екатеринославской губернии (5.88 десятины пашни в трех полях и 1.19 десятины сенокоса) можно сделать вывод, что по нормам затрат Самарской губернии

вся сельскохозяйственная работа требовала 144.29 рабочих дня в год, на одного работника — 85.89 дня.

В пореформенное время душевые наделы земли вследствие естественного прироста населения сокращались, что уменьшало затраты труда, несмотря даже на совершенствование агротехники, которое требовало их увеличения. Но для конца XIX—начала XX в. мы располагаем и прямыми данными земской статистики о затратах труда на полную обработку одной десятины посева в черноземных губерниях: в паровом-многоземельном хозяйстве черноземных губерний они составляли 14.84 рабочих дня, в залежно-пестропольном хозяйстве юго-восточных губерний — 6.55 рабочих дня.⁹² На одного работника в Центрально-черноземном районе приходилось в 1900 г. всего 2 десятины надельной, 0.4 десятины арендованной и 0.1 купленной земли, в Юго-Восточном регионе соответственно 3.5, 1.1 и 0.13 десятины.⁹³ Как ни считай, наблюдался огромный запас неиспользованного труда, больший, чем в середине XIX в.⁹⁴

Наконец, третий метод измерения общих затрат времени на все сельскохозяйственные занятия подтверждает выводы, полученные двумя первыми методами. Согласно данным, собранным кадастровыми комиссиями МГИ, в 1850-е гг. в Костромской губернии избыток рабочей силы, считая только работников-мужчин, достигал 37% от всех работников, во Владимирской губернии — 45%.⁹⁵ Крестьяне-отходники на время страды и сенокоса возвращались домой. По расчету учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России, избыток рабочей силы в деревне к 1901 г. достигал 79.3% от общего числа работников.⁹⁶ По подсчетам земских статистиков, в конце XX—начале XX в. один взрослый работник-крестьянин был занят на сельскохозяйственных работах в Тамбовской губернии — 73.9 дня в год, в Смоленской и Харьковской — 86.3, в Вологодской губернии — 88.8.⁹⁷ Свободное от сельскохозяйственных работ время крестьяне использовали для занятия промыслами, включая отхожие. Но и с учетом этого у них оставалось много свободного времени. Так, по подсчету А. Н. Челинцева, в северной, более промысловой части Тамбовской губернии крестьянин был занят 148.3 дня в год (из них 43.6% времени на промыслах), в средней части — 107 дней (30.5% времени на промыслах), в южной — 85.4 дня (14% времени на промыслах).⁹⁸

Календарный год в жизни крестьянства традиционно делился на три периода: а) январь—март, б) апрель—октябрь, в) ноябрь—декабрь. Второй период назывался страдным, потому что основные сельскохозяйственные работы выполнялись весной и летом. Праздники по периодам распределялись довольно равномерно, хотя на страдный период приходилось не только абсолютно, но и относительно немного больше праздников, чем на первый и третий периоды: 58% общего в году числа рабочих дней и 62% общего числа праздников.⁹⁹ Объясняется это, возможно, тем, что в страдную пору крестьяне особенно интенсивно работали и сильно уставали, поэтому им требовалось больше времени на отдых. «Кто близко дело знает и сам участвовал в исполнении сельского труда, тому хорошо известно, как велика потребность организма в отдыхе при этом тяжелом, страдном труде, — указывал один современник. — Такой праздник встречается с великой радостью и нетерпением».¹⁰⁰ Интересно отметить, что во время главных сельскохозяйственных работ — при посеве, жатве, молотье и сенокосе — российские крестьяне работали столь же интенсивно, а временами и интенсивнее, чем западноевропейские, исключая английских и американских фермеров.¹⁰¹ Но в остальное время продолжительность и интенсивность труда были ниже.

Традиция не работать в воскресные и праздничные дни уходила в глубину веков, она освящалась не только обычаями, но также церковью и зако-

ном начиная с Уложения 1649 г.¹⁰² Есть основания думать, что закон применялся на практике. В 1669 г. царским указом князь Григорий Оболенский был посажен в тюрьму за то, что в воскресенье на его подворье работали его холопы и крепостные.¹⁰³ Совершенно естественно, что в сознании крестьян работа в праздники ассоциировалась с грехом и нарушением закона. В первой половине XIX в. закон ограничивал барщинные работы тремя днями в неделю и при этом запрещал помещикам заставлять крестьян работать во все праздничные дни, включая воскресенья и храмовые (бытовые) праздники: «Крестьяне обязаны работать на помещика три дня в неделю; но он не может заставлять их работать на него в воскресные дни, а также: в двенадцатые праздники, в день Верховных апостолов Петра и Павла, 9 мая и 6 декабря во дни Святителя и Чудотворца Николая, и в храмовые в каждом селении праздники. Строжайшее за сим наблюдение возлагается на губернские начальства через посредство местной полиции».¹⁰⁴ В то же самое время закон не запрещал крестьянам работать на себя.

Можно предположить, что у помещичьих крестьян помимо иных соображений был большой резон не работать в праздничные дни также и на себя, так как в противном случае им бы пришлось работать и на барина. Однако это стремление наталкивалось на сопротивление помещиков, поэтому на практике крепостное право само по себе, по-видимому, не приводило к увеличению числа праздников. Об этом можно судить по тому, что все категории крестьян имели одинаковое количество праздников. Стоит подчеркнуть, что обычай в деревне отнюдь не был пустым звуком. Крестьянская община следила за его выполнением и наказывала нарушителей, чаще всего денежным штрафом. В случае сопротивления крестьяне не останавливались перед тем, чтобы применить к нарушителю насилие — избить и сломать инвентарь и инструменты, с помощью которых он производил не дозволенную обычаями работу.

После отмены крепостного права в 1861 г. обычай не работать в праздники продолжал действовать, и теперь даже в бывшей помещичьей деревне надзор за его соблюдением стал полностью прерогативой общины. Главные меры воздействия сохранились прежние — штраф и при сопротивлении — физическое наказание и поломка инвентаря. Если община не могла самостоятельно справиться с нарушителями обычая, а также в случае рецидивов, она обращалась за помощью к нижней административно-полицейской власти, которая по требованию общины привлекала нарушителей к ответственности.¹⁰⁵ Обычным наказанием оставался денежный штраф, который в этом случае был намного выше, а при отсутствии денег — кратковременный арест. Величина штрафа сильно колебалась по местностям и зависела от важности праздника, в который производились работы. Например, в начале XX в. величина штрафа, взимаемого общиной, колебалась от 50 коп. до 4 р. и зависела от характера работ, например, за сенокос штраф был меньше, чем за жнивьё. Это существенная сумма, если средний дневной заработок крестьянина колебался в течение года от 20 до 50 коп. Штраф, накладываемый сельской полицией, достигал 20 р. Общинный штраф немедленно пропивался крестьянами, полицейский — шел в пользу государства.¹⁰⁶

Вместе с тем после эмансипации появились и новые наказания. В отдельных местностях за работу в праздники применялось следующее наказание: у нарушителя отнималась на год часть сенокосных угодий, которые распределялись между остальными крестьянами.¹⁰⁷ В ряде местностей штраф и физическая расправа были отменены и заменены моральным наказанием: крестьяне коллективно насмехались, издевались над тем, кто работал, всячески мешая ему.

В основе обычая не работать в праздники лежало искреннее народное убеждение, что за работу в праздничный день в будущем виновный потерпит убыток, который вдвое превысит доход, полученный в день работы. Соглас-

но крестьянским представлениям, не только работать, но даже не принимать участия в сельском празднике считалось аморальным и оскорбительным для общины. Крестьянина, уклонявшегося от участия в празднике, односельчане лишали круговой чаши, из которой пили все, и это считалось величайшим позором.¹⁰⁸

Времяпрепровождение в праздники сводилось главным образом к богослужению, приему гостей и хождению в гости, массовому гулянию. Участники Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и современники отмечали, что праздники нередко заполнялись пиршествами с пьянством, кулачными боями улицы с улицей или деревни с деревней и заурядными драками отдельных крестьян друг с другом.¹⁰⁹ «Пьянство в праздники, — справедливо заметил В. О. Ключевский, — одна из религиозных обязанностей народа».¹¹⁰

Работа за деньги в праздники во всех случаях считалась грехом, но коллективная работа за угощение и музыку в некоторые праздники допускалась. Такие работы назывались в разных местностях по-разному — клаками, помочами, толоками. Выполняемые работы были самыми разнообразными — уборка хлеба или сена в страдную пору, перевозка построек, леса, дров и прочего зимой. Все работы были срочными и требовали значительных затрат труда, поэтому и выполнялись коллективно. На такие работы собиралась преимущественно молодежь, которую привлекало угощение с выпивкой. В некоторых случаях коллективная работа в праздники являлась способом общинной помощи бедным вдовам или крестьянам, пострадавшим от пожара или какого-нибудь другого несчастья.¹¹¹

Сельская интеллигенция и государственная администрация среднего и высшего звена оценивали количество праздничных дней у православного крестьянства как чрезмерное. По их мнению, обилие праздников наносило существенный вред крестьянскому хозяйству, так как отнимало массу времени и средств.¹¹² Если бы, например, в 1913 г. православные российские крестьяне имели празднично-воскресных дней столько же, сколько американские фермеры, т. е. 68 вместо 140, то это бы дало производству дополнительно около 4,1 млрд человеко-дней в год и увеличило бы баланс рабочего времени почти на 20%.¹¹³ Считалось, что если бы деньги, которые крестьяне расходовали в праздники на алкоголь, они употребили на улучшение своего хозяйства, они бы привели российское сельское хозяйство в цветущий вид. «Русская страна и русский народ от того беднее прочих, что мы работаем меньше других, меньше производим и чаще гуляем, — утверждал А. И. Васильчиков, между прочим, народник и поклонник крестьянской общины. — Расстройство сельского хозяйства происходит из самых нравов и обычаев нашего народа».¹¹⁴ Государственный секретарь А. А. Половцов советовал императору Александру III: «Если вы, государь, в царствование свое уничтожите чины, общинное владение да половину праздников, так оставите после себя совсем другую Россию».¹¹⁵ Существовало и другое мнение, согласно которому праздники крестьяне использовали для выполнения своих общественных обязанностей или личных нужд, удовлетворение которых все равно поглотило бы столько же будничных рабочих дней; причина бедности состояла не в обилии праздников, а в малоземелье, неурожаях, семейных разделах, падежах скота и других тяжелых обстоятельствах деревенской жизни.¹¹⁶ Попытаемся разобраться, почему у русского крестьянства было так много праздников.

Значительное число праздников у православного русского крестьянства обуславливалось совокупностью религиозных, культурных, политических и экономических соображений.¹¹⁷ Крестьянство было религиозным. В середине XIX в. исповедь на Пасху пропускали всего около 10% русских крестьян, во Франции — от 50 до 80%; воскресную службу пропускали немногие православные, в Англии — 61% населения.¹¹⁸ Российское православ-

ное крестьянство сохранило в своих религиозных верованиях многочисленные и сильные языческие элементы, которые были закамouflированы под христианские. В силу этого одни — официальные праздники посвящались христианскому культу, другие — храмовые, или бытовые, в большей своей части по давней традиции посвящались языческому культу, но в скрытом виде.¹¹⁹ Во многих губерниях 27 июля чтли святого мученика и исцелителя Пантелеймона, которого часто называли Поликопом, и не работали в этот день. Но крестьяне этот день отмечали как поворот природы в сторону осени. Председатель Бессарабской губернской земской управы отмечал, что крестьяне соблюдают немало праздников, «основанных на невежественных предрассудках или носящих на себе явный отпечаток язычества»: день Кирика-шкёпы (чтобы не сделаться калекой), Русалии (для искупления младенцев, умерших без святого крещения), день Ивана Купалы, день Фоки (от пожара), день Симеона Столпника (чтобы небо, которое поддерживает святой, не упало на землю), день св. Никиты (от бешенства), день св. Прокопия (против засухи), день Евдокии (против сглаза), день св. Харлампия (против чумы) и т. д.¹²⁰ Как в православные, так и в псевдоправославные праздники одинаково запрещалось работать. Наложение православных и языческих праздников не заменило одни другими, но, наоборот, существенно увеличило их число. «Мужики просидели всю святую неделю на завалинках и все толковали, что надобно бы пахать, а то упустишь время и останешься без овса, — а пахать все-таки не поехали. <...> Чтут, говорят, день св. мучеников и благоверных князей Бориса и Глеба, в который хоть и нет никакого табельного и даже церковного празднества, да зато есть в окрестности ярмарка».¹²¹

Многие местные бытовые праздники возникали по самым разным обстоятельствам, весьма важным с точки зрения крестьянства: открытие в деревне церкви или написание новой иконы, прекращение благодаря когда-то произведенному коллективному молебну, как считали крестьяне, засухи, града, дождя или пожара и др. Эти праздники становились ежегодными и закреплялись обычаем данной местности. Вследствие этого происходила аккумуляция праздников, что приводило к постепенному увеличению их числа.

До эмансипации в праздники запрещалась всякая работа, включая барщину и исполнение натуральных государственных повинностей. Можно допустить поэтому, что у представителей всех сословий, особенно непривилегированных, было некоторое основание увеличивать число праздников или по крайней мере крепко охранять существующие. Приходское православное духовенство поддерживало существующие праздники как по религиозным, так и не в последнюю очередь по материальным соображениям, что представляется совершенно естественным. Для многих из них единственным источником существования их многочисленных семейств являлись подарки прихожан и плата за исполнение треб — то и другое в праздники существенно возрастало. Кроме того, духовенство благоразумно предпочитало жить со своими прихожанами мирно и по возможности не ссорилось с крестьянами. Один духовный пастырь страстно и убежденно возражал на выше-приведенное утверждение А. И. Васильчикова: «Наша страна, наша необъятная Россия — беднее прочих! И от чего же? Оттого, что мы много гуляем. Но не наоборот ли, не оттого ли мы много гуляем, что страна наша очень богата, что и при небольших трудах благодаря богатству нашей страны мы сытее, трудолюбивее немцев, которые за тем именно и бегут к нам. <...> В течение своего тысячелетнего существования русский народ потерял одними прогульными днями 137 лет. Но что бы мы стали делать с ними, если бы работали все это время? Нам пришлось бы нанимать все прочие народы Европы для очистки России (намек на экологическое загрязнение среды обитания. — *Б. М.*), как мы нанимаем мусорщиков для очистки наших дворов. Главное наше бедствие в отсутствии благочестия, благоговейного почтения

к праздникам. Мы бедны оттого, что часто работаем в праздники, и чрез то отвыкаем от порядка в занятиях, живем без правил, слишком порабощемся материей, забываем о духе».¹²² Высшие церковные иерархи иногда пытались повлиять на приходское духовенство, но без всякого успеха. Например, землевладельцы Харьковской губернии в 1870-е гг. «с целью уменьшить число праздников обращались к преосвященным Иннокентию и Макарию с просьбой составить списки праздничных дней, которые должны были быть разосланы во все волостные правления. Ходатайство землевладельцев было удовлетворено, но меры эти не были поддержаны местным духовенством и потому не имели никаких последствий».¹²³ Аналогичная ситуация наблюдалась и в Подольской губернии в 1890-е гг.¹²⁴

В течение XVIII—первой половины XIX в. общее число праздников увеличивалось незначительно, в пореформенное время их число выросло существенно. Объяснять это только увеличением свободы, которой крестьяне не могли надлежащим образом воспользоваться, не кажется мне достаточным. Важная причина, по-видимому, состояла в росте малоземелья и скрытого аграрного перенаселения. В среде крестьянства рождаемость до начала XX в. практически не регулировалась, так как вмешиваться в таинства зачатия и рождения считалось грехом, и находилась на предельно высоком уровне — 50 рождений на тысячу человек населения. Смертность была высокой; однако в последней трети XIX—начале XX в. обнаружилась тенденция к ее снижению, что еще более обострило демографическую ситуацию в деревне.¹²⁵ В результате огромного естественного прироста населения — около 1% в год — к 1900 г. большое число крестьян в деревне не находило полного применения своим силам даже по нормам минималистской трудовой морали; а по стандартам максималистской трудовой этики лишним стал каждый второй.¹²⁶ Однако уходить из деревни многие воздерживались: боялись потерять право на общинную землю, не находили работы в сфере услуг и промышленности, не обладали достаточной грамотностью и квалификацией для переселения в город, не могли преодолеть серьезных бюрократических препятствий для получения права на миграцию из деревни, боялись города и т. п. В этих условиях увеличение количества праздников могло служить своеобразным средством борьбы с аграрным перенаселением: чем меньше оставалось рабочих дней в году, тем большему числу крестьян обеспечивалась занятость в сельском хозяйстве. (К такому способу прибегают в настоящее время профсоюзы в западноевропейских странах, например в Германии.) Общее большое число праздников образовалось под решающим влиянием потребительского характера крестьянского хозяйства, целью которого было не получение прибыли, а получение пропитания.¹²⁷ Это вовсе не означает, что крестьяне были ленивыми или неразвитыми. Просто смысл жизни они в массе своей усматривали не в накоплении собственности, не в увеличении власти и влияния с помощью богатства, а в спокойной и праведной жизни, которая одна только и могла обеспечить вечное спасение и добрую славу среди односельчан.¹²⁸ В системе ценностей православного крестьянина праздник занимал важное место еще и по той причине, что освобождал от земных забот и обременительных обязанностей, делал человека свободным и всем другим людям равным. Именно поэтому «всякая душа празднику рада».¹²⁹ При таком подходе, чем больше было праздников, тем лучше могла казаться жизнь. Праздники не считались крестьянами потерей времени: во время их крепилась солидарность, обсуждались дела, за праздничным столом разрешались конфликты и снимались противоречия. «Справление празднеств объясняется потребностью славянского гостеприимства и потребностью обмена впечатлений с прибывшими за много верст гостями- родственниками, — свидетельствовал один крестьянин. — Лишить крестьянство, имеющего столь мало в жизни внешних, за пределами домашнего

хозяйства, впечатлений, обмена мыслями и опытом, лишить его возможности справить праздничную нежелательно».¹³⁰ Крестьяне не отказывались от праздников даже тогда, когда существовала острая необходимость работать, и охотно заимствовали праздники у соседей, исповедовавших другую веру: православные заимствовали у католиков и протестантов,¹³¹ а мусульмане — у православных. Например, татары Вятской губернии праздновали масленицу под названием «зиин».¹³²

В формировании трудовой морали, по-видимому, важная роль принадлежала культурно-религиозному фактору, о чем можно судить по тому, что в конце XIX—начале XX в. у католиков и протестантов в Прибалтийских губерниях праздников насчитывалось соответственно 90—100 и 65—75.¹³³ Потребительские цели экономического поведения, ориентированного на удовлетворение насущных потребностей, а не на прибыль, были в несравненно большей степени присущи православному крестьянству. По уровню грамотности православные уступали католикам и протестантам: в 1897 г. уровень грамотности составлял у православных 19%, у католиков — 32, у протестантов — 70%.¹³⁴ По-видимому, грамотность способствовала секуляризации сознания, оказывала влияние на поведение, делая его рациональным и расчетливым, ориентированным на достижение максимальных результатов. Не случайно, наверное, в Прибалтийских губерниях, где уже в начале XIX в. грамотными были две трети взрослого населения,¹³⁵ число празднично-воскресных дней в году не превышало 100, а остальные дни использовались для производства более рационально, чем в остальной части империи, хотя еще и не по принципам максималистской трудовой этики.¹³⁶ Итак, **трудовая этика большинства российских крестьян в течение всего периода империи не претерпела радикальных изменений**, вплоть до 1917 г. она оставалась минималистской, потребительской. Крестьянин работал до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи, не стремился к накоплению («Хватает каждому дню своих забот») и весь годовой доход потреблял. В случае повышения потребностей семьи ввиду увеличения числа едоков он увеличивал «степень самоэксплуатации», но до определенных пределов, дальше которых крестьянин «идти не хочет».¹³⁷ Как видим, трудовая этика крестьянина была принципиально отлична от максималистской, так называемой буржуазной трудовой этики.¹³⁸ Следует отметить, что потребительское отношение к труду существовало во всех традиционных крестьянских обществах и в литературе получило название «этики праздности».¹³⁹ Во всех западноевропейских странах в средние века и в большинстве из них в доиндустриальную эпоху, т. е. до конца XVIII—начала XIX в., трудовая этика также не отвечала «духу капитализма».¹⁴⁰ В эпоху трехполья от Англии до России и от Швеции до Испании крестьяне имели примерно одинаковое количество земли, работали примерно столько же и в таком же ритме, как русские крестьяне в XIX—начале XX в., а в периоды улучшения конъюнктуры уменьшали время работы до 80—100 дней в год, как это наблюдалось в русской пореформенной деревне; они тоже имели много праздников, лишь немногим меньше, чем русские крестьяне.¹⁴¹ Западные европейские горожане следовали такой же потребительской трудовой этике, имели столько же праздников, но им для удовлетворения своих потребностей приходилось работать больше — не 125—135 дней в год, как крестьянам, а 210—220.¹⁴² Таким образом, «этика праздности» была общим европейским явлением в доиндустриальную эпоху, и причина этого состояла не в климате, не в природной среде обитания, а в менталитете, присущем человеку традиционного общества. Климатические особенности нечерноземных регионов оставляли православному крестьянину меньше времени для занятия сельским хозяйством сравнительно с крестьянами, проживавшими в Центре и на Юге Европы, но и это время он использовал в соответствии с принципами минималистской трудовой морали, тогда как крестьяне Се-

верной Европы и в значительной степени Прибалтийского региона Российской империи, несмотря на суровость климата, в XIX—начале XX в. следовали другой, максималистской трудовой этике. В самих северных и нечерноземных губерниях имелось немало хозяйств, как помещичьих, так и крестьянских, которые, несмотря на неблагоприятные климатические условия, добивались отличных результатов.¹⁴³ «В жизни земледельца Крайнего Севера играет роль, разумеется, и характер местного климата, — справедливо заметил один этнограф, — но старожилы настолько сжились с ним и приспособились к нему, что ничего другого в общем не желают, тем более что сравнительная суровость его облегчается тем привольем, которое крестьянин встречает в лесе, в земле, в охоте и в заработках. Экономическое благополучие местного крестьянина сказывается во всем его обиходе, и оно стоит гораздо выше, чем благополучие крестьянина другой, более южной части России».¹⁴⁴ В XIX—начале XX в. результаты крестьянского полеводства в нечерноземных губерниях превышали результаты полеводства у крестьян черноземных губерний примерно на 19% за счет более высоких цен, большего распространения льна, лучшего качества обработки земли.¹⁴⁵ Это притом, что естественное плодородие земли в Черноземье было выше, климат теплее, а продолжительность времени, благоприятного для производства сельскохозяйственных работ, — больше. Современники также считали, что население Севера и Нечерноземья с более бедной природой было не только зажиточнее, но и инициативнее, чем население южных губерний с богатой и щедрой природой.¹⁴⁶

Существенные изменения в трудовой этике и соответственно в ритме труда стали происходить с развитием капитализма. Однако только в первой половине XIX в. новая модель труда и отдыха утвердилась среди работающего населения западноевропейских стран: 286—308 рабочих дней в год, разделенных на шестидневные рабочие недели.¹⁴⁷ Во второй половине XIX в. настала очередь России. Сначала новая трудовая этика стала утверждаться в промышленности. В дореформенное время большинство промышленных заведений останавливало работу во время страды и сенокоса, рабочие имели столько же праздников, сколько крестьяне, и их число устанавливалось не законом, а обычаем. На отдельных фабриках и заводах существовало огромное разнообразие праздников и нерабочих дней, вследствие чего предприятия даже в 1900 г. работали не круглый год, а от 117 до 355 дней.¹⁴⁸ При таких условиях рабочие, даже если бы они хотели, не могли трудиться круглый год и в большинстве случаев фактически работали 200—230 дней в год, как свидетельствует практика казенных предприятий, где число рабочих дней регламентировалось. Продолжительность рабочего дня зависела от времени года — летом она доходила до 14 часов, зимой — уменьшалась до 8 часов; дисциплина труда была слабой.¹⁴⁹ В пореформенное время стала постепенно регулироваться продолжительность рабочего дня: сначала детей (1882), потом женщин и подростков (1885), наконец, рабочих: в 1897 г. закон ограничил рабочий день на фабриках 11 1/2 часами и одновременно подтвердил закон 1890 г., признавший воскресенье, а также общегосударственные и наиболее важные, так называемые двенадцатые церковные праздники нерабочими днями.¹⁵⁰ Общее количество рабочих дней по-прежнему устанавливалось соглашением между рабочими и предпринимателями; фактически их число до 1890-х гг. увеличивалось, достигнув 286—288 в год, затем стабилизировалось, а с 1905 г. под влиянием рабочего движения стало уменьшаться и в 1913 г. составило 276.¹⁵¹ Но праздников у российских рабочих было все равно больше, чем у их коллег на Западе, что давало им при одной и той же продолжительности рабочего дня 280—300 часов в год, т. е. один час в день, дополнительного нерабочего времени.¹⁵² В начале XX в. перемены пришли и в деревню. Появилось значительное меньшинство — около 30% крестьян, не удовлетворенных общинными порядками, в

том числе и необходимостью следовать традиционной трудовой этике, которые захотели выделиться из общины и работать по-новому. Именно они поддержали столыпинскую реформу. Однако трансформация традиционной трудовой этики в современную далеко не завершилась к 1917 г. ни в городе, ни в деревне. Процесс продолжился, и к концу советской эпохи трудовая мораль российских граждан, хотя и не стала вполне максималистской, все же не осталась и минималистской.¹⁵³

При всей своей симпатичности традиционная трудовая этика не могла обеспечить материального изобилия, поэтому народ жил скромно. Однако основные материальные потребности удовлетворялись, о чем свидетельствует, как будет показано дальше, стабильность длины тела, зависящая в решающей степени от питания. До завершения промышленной революции на Западе в середине XIX в. Россия по жизненному уровню народа, по-видимому, не уступала большинству западноевропейских стран, а трудовая этика народов не различалась радикально. Международные сравнения жизненного уровня чрезвычайно сложны, и до сих пор нет работ, в которых это было бы осуществлено на уровне современных требований науки. И все же, на мой взгляд, заслуживает доверия вывод, сделанный на основе анализа крестьянских повинностей В. И. Семевским, самым компетентным историком российского крестьянства XVIII—первой половины XIX в. Согласно ему, благосостояние российских крестьян XVIII в. было выше, чем немецких и польских и вряд ли уступало французским.¹⁵⁴ Достоин внимания также вывод английского исследователя У. Тука, автора фундаментального труда о царствовании Екатерины II, младшим современником которой он являлся: «Умеренные налоги, дешевая жизнь, отличные и разнообразные продукты, довольство народа и хорошие законы, обеспечиваемые империей, дают каждому, кто ведет себя сообразно требованиям своего сословия, достаточно средств для достижения благополучия. Большинство русских подданных живет лучше, чем огромное большинство населения во Франции, Германии, Швеции и некоторых других странах. Это можно сказать о всех классах».¹⁵⁵ С Туком применительно к первой половине XIX в. солидарен известный немецкий исследователь А. Гакстгаузен, признанный знаток западноевропейского и русского сельского хозяйства, предпринявший, как бы мы сейчас сказали, социологическое полевое исследование аграрных отношений в России в 1843 г. По его наблюдениям, «нет страны, где бы заработная плата относительно стоимости предметов первой необходимости была бы так высока, как в России».¹⁵⁶ Но индустриальная революция, которая пришла в Россию поздно, только после Великих реформ, изменила ситуацию в пользу Западной Европы. Относительно пореформенного периода иностранные и российские исследователи единодушны в том, что по уровню благосостояния Россия стала отставать от наиболее развитых западноевропейских стран. В конце XIX—начале XX в. русский рабочий по уровню реальной зарплаты уступал английскому — в 1.8 раза, немецкому — в 1.2 раза.¹⁵⁷ Его американский коллега за океаном имел зарплату даже в 3 раза большую,¹⁵⁸ но за это ему приходилось больше и эффективнее работать. «Многие крестьяне, баграки и даже хозяева отправляются на заработки в Северную Америку, — свидетельствовал в 1903 г. помещик Киевской губернии Л. Г. Липковский. — После 4—5-летнего пребывания в Америке (где они работали на заводах. — *Б. М.*) рабочие-крестьяне часто возвращаются изнуренными усиленной работой, но привозят с собой сбережения (1000—1500 р. — *Б. М.*), обеспечивающие их благосостояние, и привыкают к добросовестному отношению к труду и работодателям, притом приучаются понимать потерю рабочего дня и утверждают, что в Америке, кроме воскресных дней, они праздновали лишь те, в которые не могли найти работы. В этом они расходятся с земляками, которые охотно уходят с работы в самое страдное время, от-

говариваясь праздниками и базарными днями, именно в горячее время, когда уборка хлеба не терпит отлагательства».¹⁵⁹

Таким образом, если иметь в виду благосостояние населения, то не монголо-татарское иго, не крепостное право и его пережитки, не самодержавие (этот ряд псевдопричин легко продолжить) задерживали его повышение, а то, что российский народ вплоть до 1917 г. жил по принципам традиционной трудовой этики или по христианским заповедям, т. е. не превращал трудолюбие, деньги и время в фетиши, которым следует поклоняться. Время — не деньги, был он уверен, время — праздник!

Антибуржуазность сознания интеллигенции

О широком распространении среди образованного общества антибуржуазных настроений хорошо известно. Однако какова была степень, глубина и динамика таких настроений? Для выяснения этого произведен контент-анализ биографического материала, помещенного на страницах самого популярного среди интеллигенции России в 1870—1918 гг. еженедельного журнала «Нива». Его тираж, вначале не превышавший 9 тыс. экземпляров, достиг к 1880 г. 55 тыс., к 1891 г. — 115 тыс., а к 1900 г. — 235 тыс. экземпляров.¹⁶⁰ «Нива» формально являлась беспартийным «иллюстрированным журналом литературы, политики и современной жизни», как значилось на титульном листе каждого номера начиная с 1871 г., либерального направления. Издатели стремились придать ему «значение русского семейного журнала, в котором каждый член семьи мог бы найти чтение по себе, занимательное и полезное, нравственно-успокаивающее и развлекающее».¹⁶¹ Издатели ставили своей задачей всеми доступными средствами способствовать просвещению страны, поэтому «Нива» печатала много материалов воспитательного характера, дававших подрастающему поколению жизненные ориентиры, образцы поведения, нравственные идеалы. Особое значение для выполнения этой задачи имели биографии, которые заняли важное место на страницах журнала: за 1870—1913 гг. было помещено 7946 статей, некрологов, заметок биографического характера и портретов различных деятелей.¹⁶²

В нашем контексте особенный интерес представляют биографии предпринимателей, авторы которых должны были прямо высказывать свое отношение к ценностям и стандартам поведения, которые можно считать не просто *светскими*, или *секулярными*, а *буржуазными*. Если для крестьянства и городских низов сущность нового менталитета состояла не только в его буржуазности, но и секулярности также (поскольку традиционный менталитет носил сакральный характер), то для образованного общества новизна состояла именно в буржуазности, потому что оно давно усвоило секулярную культуру и менталитет. В общей массе биографических материалов заметки о предпринимателях занимали ничтожное место — 1.4% в 1870—1899 гг. и 1.2% — в 1900—1913 гг. Однако их анализ дает интересные результаты.

Всего за 44 года отмечено 106 материалов о предпринимателях, но частота их появления со временем возрастала: в 1870-е гг. в среднем в год публиковалось 0.4, в 1880-е г. — 1.2, в 1890-е гг. — 3.4, в 1900—1913 гг. — 4.0 материала. Просматриваются некоторые изменения и в их подаче. Биографии можно разделить на две группы. В первой бизнесмены представлены личностями с подозрительной репутацией, их деятельность оценивалась негативно и порицалась за то, что во главу угла ставила личное обогащение и не отвечала высоким моральным критериям. Подобных материалов имелось всего 16 из 106, и все они были напечатаны в 1870—1880-х гг.

Во второй группе из 90 материалов бизнесмены выглядят положительными личностями. Но в основе позитивной оценки лежала не их предпринимательская деятельность сама по себе, а то, что она имела либо патрио-

тическую направленность (в том смысле, что имела целью развитие отечественной промышленности), либо служила высоким идеалам науки, искусства, просвещения, либо совмещалась с меценатством и благотворительностью и заботой о ближнем. Богатство служило не столько личным целям предпринимателей, сколько обществу. В заметке о столетии торговой фирмы братьев Елисеевых кроме благотворительности подчеркивалась роль фирмы в установлении международных торговых связей России.¹⁶³ Книгоиздатель К. Л. Риккер заслужил положительную оценку как «издатель-гуманист» и глава «прекрасного и высокополезного дела».¹⁶⁴ В некрологе, посвященном «хлебному королю» Н. А. Бугрову, отмечена его редкая по масштабам благотворительность: «Нижегородская беднота потеряла в нем родного отца, толпы народа со слезами шли за гробом».¹⁶⁵ Немецкий «пушечный король» А. Крупп «оправдал дело разрушения — делами созидания. Он организовал прекрасные благотворительные учреждения для своих рабочих и много жертвовал во всех направлениях и сферах», — говорилось в заметке по случаю юбилея фирмы.¹⁶⁶ В большинстве случаев авторы биографий даже скрывали от читателей, что их герои — предприниматели. Они представлялись общественными деятелями, помогающими организации научных экспедиций (А. М. Сибиряков или Ф. П. Рябушинский),¹⁶⁷ выдающимися изобретателями (Э. В. Сименс, Р. Фультон, Дж. Стефенсон, братья Э. и А. Б. Нобели, Т. Эдисон, Д. Уатт и др.),¹⁶⁸ знаменитыми писателями, журналистами (А. С. Суворин, М. М. Стасюлевич, Ф. А. Иогансон и др.),¹⁶⁹ основателями музеев (П. И. Щукин, Ф. М. Плюшкин).¹⁷⁰ Книгоиздатели «зажигали свечи в душах людей»,¹⁷¹ коммерсанты и промышленники жертвовали огромные суммы на общественные нужды, банкиры действовали в интересах общества, защищали бедных¹⁷² и т. д. В журнале настойчиво проводилась мысль о том, что предпринимательская деятельность заслуживает общественного одобрения только в том случае, если она честная и если капитал, на котором она основана, имел «чистое» происхождение. Фирма братьев Елисеевых начала с нуля и разбогатела «энергией, умом и любовью к работе», Н. А. Бугров — «крестьянин-самородок», «патриархальный простой человек» начал дело с «маленького предприятия», «вел дело попросту, на честное слово, и не признавал никаких формальностей». Американский предприниматель П. Морган сам и честно добился богатства «изумительной предприимчивостью, силой воли и трудолюбием».¹⁷³

В биографиях, посвященных представителям науки, искусства, литературы, религии, общественным деятелям, отношение к светским ценностям обнаруживается не менее четко. Все эти персонажи отвечали самым высоким моральным стандартам, являлись людьми, бескорыстно служившими интересам общества, чуждыми сребролюбия, сострадавшими ближним, для которых общественные интересы имели приоритет над личным благополучием, духовные потребности — над материальными. В 1870—1890-е гг. наибольшей похвалы авторов заслуживали герои, близкие образу христианского аскета-подвижника, которые не стремились к богатству, а в случае, если им располагали, добровольно отказывались от него в пользу страждущих или на удовлетворение общественных потребностей. Безусловно положительные герои были чужды индивидуализма, который чаще всего ассоциировался с эгоизмом, неприемлемым этически. Если они действовали в одиночку, то их усилия направлялись на моральное самоусовершенствование и развитие творческих способностей с целью использовать их для общественного блага. Помимо альтруизма в качестве необходимых черт истинно положительного героя выдвигались скромность, отвращение к саморекламе, равнодушие к богатству, отсутствие в мотивах поведения каких-либо меркантильных интересов. Стремление к богатству как жизненная цель отвергалось, так как богатство связывалось с нечистоплотностью, аморальными поступками и с потерей доброго имени. В некрологе, посвященном историку

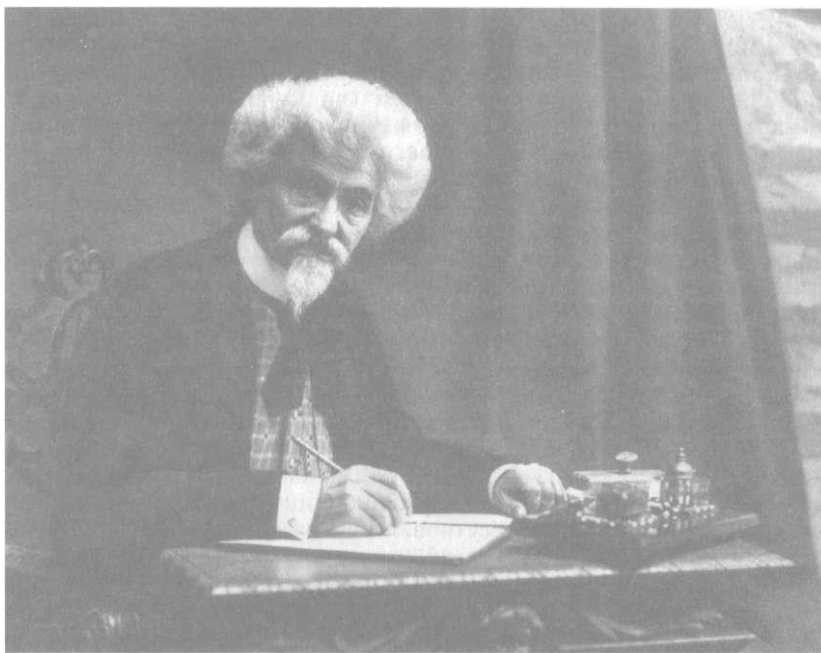

Рис. 49. А. Ф. Чербек, инженер. С.-Петербург. 1900-е гг.

искусств П. Н. Петрову, умершему в 1891 г., предлагалось поставить ему памятник и высечь на нем надпись: «Жил честно, целый век трудился — и умер гол, как и родился», — «так как она прекрасно характеризует его безупречную деятельность». На страницах «Нивы», выходявшей в начале XX в., образ героя-аскета исчезает, не встречаем мы и осуждения стремления к богатству, хотя и панегириков ему не появилось. В 1909 г. журнал решился на невозможную прежде рекламу книги «Кратчайший и доступный каждому путь к богатству», написанную, как сказано в рекламе, «человеком, которому удалось достичь успеха».¹⁷⁴ Однако бескорыстное служение обществу по-прежнему оценивалось очень высоко. В некрологе, посвященном директору Варшавско-Венской железной дороги Н. Д. Лапчинскому, в заслугу поставлено, что «он принадлежал к неудобному разряду людей, которые сами не хотят и другим не дают богатеть».¹⁷⁵

Если «Нива» отражала вкусы и склонности своих читателей, — а именно об этом говорит стойкая и возраставшая со временем популярность журнала, — то биографические материалы, помещенные на ее страницах в 1870—1913 гг., свидетельствуют о непопулярности среди широких образованных кругов русского общества буржуазного типа личности и неприятия таких базисных буржуазных ценностей, как богатство, слава, власть, влияние, личный успех, индивидуализм. Это позволяет сделать предположение об антибуржуазном менталитете читательской аудитории, состоявшей в значительной степени из русской интеллигенции, но, судя по тиражу журнала, включавшей и более широкие слои среднего класса русского общества. Известный московский предприниматель и общественный деятель начала XX в. П. А. Бурый в своих воспоминаниях писал: «Нужно сказать вообще, что в России не было того культа богатых людей, который наблюдается в западных странах. <...> Во всех некупеческих слоях — и в дворянстве, и в чиновничестве, и в кругах интеллигенции, как правой, так и левой, —

отношение к „толстосумам" было в общем малодружелюбным, насмешливым и немного „свысока". Во всяком случае, торгово-промышленники отнюдь не пользовались тем значением и не имели того удельного веса, которые они должны были иметь благодаря своему руководящему участию в русской хозяйственной жизни и которыми пользовались их западные, европейские и особенно заокеанские коллеги в своих странах».¹⁷⁶

Вместе с тем постепенно со страниц журнала исчезало отрицательное отношение к деятельности предпринимателей. Наиболее существенное изменение состояло в том, что стала признаваться положительная роль богатства при наличии у его обладателя высоких идей духовного порядка и желания использовать его на благо человечества, для благотворительности, поддержки науки, искусства и просвещения. Несмотря на эти компромиссы, «Нива» и в начале XX в. не содержала апологетики предпринимательства и личного успеха, не рекламировала преуспевающего бизнесмена, миллионера, человека дела, сильной личности, капитана индустрии, который добился жизненного успеха, славы и богатства как основы счастья, как это делала литература и журналистика в США и западноевропейских странах в конце XIX—начале XX в.¹⁷⁷ «Нива» также не отказалась и от традиционных идеалов беззаветного и бескорыстного служения обществу. Новые идеалы не вытесняли традиционные, а сосуществовали с ними, более того — традиционные идеалы даже корректировали их.

Таким образом, несмотря на то что образованное общество отличалось фрагментарностью, т. е. значительной материальной дифференциацией, низким уровнем сплоченности и организованности, а его представители придерживались различных политических и идеологических ориентаций,¹⁷⁸ можно предположить, что значительная, а возможно, и большая его часть (представители свободных профессий — юристы, врачи, литераторы, художники и т. п., земская и научно-техническая интеллигенция, служащие негосударственных организаций и другие лица умственного труда) имела не только некоторые общие черты, но, скорее всего, и общий антибуржуазный по существу менталитет. Отсюда, вероятно, происходила антибуржуазность всего российского либерального движения. Трудно не согласиться с Ю. Б. Соловьевым в том, что «в большом и малом тон в России задавала антибуржуазность», которая парадоксальным образом сочеталась с желанием иметь буржуазные порядки, свободы и материальное изобилие.¹⁷⁹ Переход значительной части интеллигенции, офицерства, чиновников и даже буржуазии на сторону большевиков после октября 1917 г.¹⁸⁰ тоже был закономерным следствием антибуржуазного менталитета.

Насколько правилен сделанный вывод?

Авторы сборников «Вехи» и «Из глубины» (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, С. Л. Франк и др.), которые являлись виднейшими представителями русской либеральной интеллигенции начала XX в., подтверждают выявленные особенности менталитета интеллигенции.¹⁸¹ Их оценки имеют особую ценность потому, что большинство из них были не только крупнейшими русскими философами и социологами, но и активными деятелями общественного движения, в свое время перенесшими болезнь под названием «левизна», испытавшими катаклизмы революций, которые их отрезвили. «Русская интеллигенция не любит богатства, — утверждал Франк. — В ее душе любовь к бедным обращается в любовь к бедности. Она мечтает накормить всех бедных, но ее глубочайший неосознанный метафизический инстинкт противится насаждению в мире действительного богатства. <...> Русского интеллигента влечет идеал простой, бесхитростной, убогой и невинной жизни. <...> Мы можем определить классического русского интеллигента как *воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия* (курсив мой. — Б. М.)».¹⁸² Булгаков также отметил в качестве наиболее характерных

для духовного облика русской интеллигенции черт «антибуржуазность», психологическую чуждость мещанскому укладу жизни Западной Европы. Бердяев подчеркнул приоритет для интеллигентского сознания идеологии над истиной: «С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какое несчастье: „любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине“». ¹⁸³ Популярный в интеллигентских кругах литературовед и социолог Р. В. Иванов-Разумник дал следующее определение интеллигенции: «Интеллигенция есть этически — антимещанская (антибуржуазная. — *Б. М.*), социологически — внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности». ¹⁸⁴ «Постоянной чертой русской интеллигенции нового времени, — отмечал эсер В. М. Чернов, — является ее антибуржуазный уклон, ярко выраженный демократический и трудовический характер ее социально-политических симпатий и тяготений». ¹⁸⁵ Эсеры, как и социал-демократы, относились к капитализму резко враждебно. ¹⁸⁶ Антибуржуазность общественного сознания находила яркое отражение во взглядах членов Государственной думы на российского предпринимателя как косного, корыстного, имевшего колоссальные доходы за счет эксплуатации, и вследствие этого относившихся, по словам министра торговли и промышленности С. И. Тимашева, с изрядной долей враждебности к самой торгово-промышленной деятельности. ¹⁸⁷

Предположение о наличии у интеллигенции общего менталитета находит подтверждение в том, что большая часть образованного общества вплоть до 1917 г. придерживалась одной народнической мировоззренческой ориентации, хотя 97—98% интеллигенции были беспартийными. ¹⁸⁸ «По своему этическому существу, — считал Франк, — русский интеллигент приблизительно с 70-х годов и до наших дней остается упорным и закоренелым народником: его Бог есть народ, его единственная цель есть счастье большинства, его мораль состоит в служении этой цели, соединенном с аскетическим самоограничением и ненавистью или пренебрежением к самоценным духовным запросам. Эту народническую душу русский интеллигент сохранил в неприкосновенности в течение ряда десятилетий, несмотря на все разнообразие политических и социальных теорий, которые он исповедовал; до последних дней (1909 г. — *Б. М.*) народничество было всеобъемлющей и непоколебимой программой жизни интеллигента, которую он свято оберегал от искушений и нарушений, в исполнении которой он видел единственный разумный смысл своей жизни и по чистоте которой он судил других людей». ¹⁸⁹ А. Блок в 1908 г. под одобрение аудитории сказал на заседании литературного общества Петербурга (а потом написал в статье «Народ и интеллигенция»): «С екатерининских времен проснулось в русском интеллигенте народолюбие, и с той поры не оскудевало». ¹⁹⁰ Когда же он стал развивать идею об отрыве интеллигенции от народа, на него обрушился шквал критики сначала на заседании, а потом в прессе. ¹⁹¹ В. Г. Короленко в своих воспоминаниях честно признается в этом: «Одна черта была присуща не одному мне, а всему моему поколению: мы создавали предвзятые общие представления, сквозь призму которых рассматривали действительность. <...> В этот период перед нами стоял такой общий и загадочный образ народа — „сфинкс“. Он манил наше воображение, мы стремились разгадать его. Он представлялся как благодушный богатырь, сильный и кроткий. Эта романтическая призма стояла постоянно между мной и моими непосредственными впечатлениями». ¹⁹² Народничество русской интеллигенции означало, что она разделяла утопические представления русского народа о возможности построения справедливого общества по образцу сельской передельной общины — на основе всеобщего согласия, равенства, взаимной поддержки и коллектив-

Рис. 50. Студент за письменным столом (на фоне скульптуры Л. Н. Толстого). С.-Петербург. 1914 г.

Рис. 51. Ф. А. Щукин, купец первой гильдии, торговавший фарфором и хрусталем. С.-Петербург. 1911 г.

ной собственности. Мечта о всеобщей свободе и переустройстве человечества являлась важным мотивом общественной деятельности многих революционеров.¹⁹³

Итак, если судить по народной литературе (на примере лубка), предназначенной для низов города и грамотного крестьянства (доля которого на рубеже XIX—XX вв. составляла около 20%),¹⁹⁴ и журналам (на примере «Нивы»), предназначенным для образованного общества, то можно сделать следующий вывод. В пореформенное время и низшие страты, и привилегированная образованная часть общества испытали влияние буржуазного менталитета, но они корректировали буржуазные ценности и мораль, пытались в некоторой степени приспособить их к русским условиям, примирить с традиционными православными русскими ценностями. Например, если они проявляли склонность принять капитализм, то он должен быть только «с человеческим лицом», т. е. такой капитализм, который в первую очередь служит людям и обществу, а только потом — личным интересам. Если они соглашались признать ценность личного успеха, то последний должен был служить общему благу.

Даже многие представители буржуазии долгое время поддерживали идею развития в России патерналистского капитализма «с человеческим лицом».¹⁹⁵ Крупный предприниматель П. А. Бурьшкин отмечал, что само отношение русской буржуазии к своему делу было «несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность смотрели не только как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти в том, что именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые смотрели как на выполнение какого-то свыше назначенного долга».¹⁹⁶ О том же писал в своих мемуарах представитель знаменитой старообрядческой династии промышленников В. П. Рябушинский: «Перефразируя французское „noblesse oblige" — знатность обязывает, старший брат нас часто наставлял: „Богатство обязывает" (Richesse oblige). Так и другие роды понимали. <...> Громадное большинство людей, которые жили по этому обязательству, в формулы свои ощущения не укладывали, но знали и нутром чувствовали, что не о хлебе одном жив будет человек». По мнению Рябушинского, в основе этого девиза лежала твердая христианская вера отцов и дедов и крестьянское происхождение русской буржуазии.¹⁹⁷ Следует добавить, что благотворительность и меценатство не только поддерживались буржуазной моралью и церковью, но и являлись одним из каналов социальной мобильности, так как открывали доступ к почетному гражданству, иногда к дворянству, обеспечивали престиж и авторитет фамилии.¹⁹⁸ О склонности к предпринимательству по традиции — без рекламы, без холодного и точного расчета, с оглядкой на традиционные моральные принципы, о монархизме, патриархальности и глубоком православии писали и другие представители буржуазии, пережившие революцию и гражданскую войну.¹⁹⁹ Эти российские особенности буржуазного сознания были, по-видимому, в значительной мере обусловлены двумя обстоятельствами. Во-первых, происхождением многих крупных предпринимателей из среды старообрядцев и интеллигенции.²⁰⁰ Во-вторых, поздним приходом капиталистических отношений в Россию. Собственно о буржуазии как о классе, обладающем классовым самосознанием, собственными предпринимательскими организациями, прессой и т. д., можно говорить, наверное, только применительно к пореформенному периоду. Но и после эмансипации формирование настоящей буржуазии под влиянием неблагоприятных обстоятельств (словных пережитков, этнической разнородности, региональной разобщенности и др.) затянулось, и к 1917 г. буржуазное сознание, если о нем судить по характеристике М. Вебера и В. Зомбарта, не

успело отчетливо кристаллизироваться, хотя некоторые российские особенности, о которых уже шла речь, успели обнаружиться.²⁰¹ Лишь в начале XX в., по мнению некоторых исследователей, большинство предпринимателей отказались от идей патернализма и стремились к тому, чтобы отношения между ними и рабочими строились на основе договора, спроса и предложения на труд и без всякого вмешательства правительства, хотя они признавали свою моральную ответственность за удовлетворение потребностей рабочих в социальной защите. В начале XX в. в России существовало более 300 предпринимательских организаций. Несмотря на это, попытки создания собственной политической партии не увенчались успехом. Только в канун февраля 1917 г. П. П. Рябушинскому удалось создать Всероссийский торгово-промышленный союз с целью координации действий всех предпринимательских организаций. Но было слишком поздно, чтобы класс буржуазии мог оказать влияние на ход событий.²⁰²

Насколько глубоко новые идеи проникли в массовое сознание? Ответить на этот вопрос позволяют данные об идеалах учащихся, которые изучались русскими педагогами в начале XX в. как по своей инициативе, так и по инициативе Московского педагогического музея.²⁰³ С помощью анкетного опроса пытались выяснить мнение учащихся по следующим вопросам: на кого вы желаете быть похожими и почему? (другой вариант вопроса — какого человека вы считаете лучшим и почему?) и какая профессия вам нравится и почему? Анкета проводилась в разных учебных заведениях, так как, несмотря на всеобщий принцип обучения, в каждом виде заведений преобладал разный контингент учащихся: в городских гимназиях численно доминировали дети интеллигенции, в городских училищах — дети городских низов, в деревенских школах — дети крестьян. Воспользуемся результатами опубликованных опросов учащихся по нескольким городам, включая Москву и Тифлис, и 52 сельских школ центральных губерний. Опросы охватили более 5 тыс. учащихся в возрасте 7—16 лет, из которых 3 тыс. обучались в гимназиях, 1 тыс. — в городских училищах и 1 тыс. — в сельских школах.²⁰⁴ Если суммировать результаты опросов, то получаем следующую картину. Идеалы для подражания разделялись на две группы: 1) «литературные идеалы» — персонажи беллетристических произведений, а также общественные, политические, религиозные, военные деятели, ученые, изобретатели, известные учащимся из книг и журналов; 2) «местные идеалы» — родители, родственники и знакомые, лично известные учащимся. Идеалы гимназистов примерно на 70% состояли из литературных и на 30% — из местных идеалов, идеалы учащихся городских училищ — соответственно на 48 и 52%, идеалы сельских школьников — на 19 и 81%. Среди литературных идеалов первое и второе места занимали писатели и персонажи из их произведений (их предпочли около 34% гимназистов, 42% учащихся городских училищ и 11% сельских школьников); третье место принадлежало историческим гражданским и военным героям, четвертое — современным общественным деятелям, пятое — изобретателям и инженерам, шестое — лицам свободных профессий, а 26-е, последнее, место — «богачам» (среди гимназистов их предпочли 0.1% опрошенных, среди учащихся коммерческих училищ и сельских школ им никто не симпатизировал). Среди мотивов, определивших выбор идеала, все опрошенные на первое место поставили высокие моральные качества своих героев (22% гимназистов, 34% учащихся городских училищ и 38% сельских школьников), на второе место — способности героев, на третье — их мужество, отвагу и самоотверженность, на четвертое — их славу и почести. Материальный успех своих героев гимназисты и учащиеся городских училищ поставили на 18-е, последнее, место — соответственно 1—2 и 6% всех опрошенных, а сельские школьники — на второе место (10% опрошенных). При аналогичном опросе, проведенном в Германии, для 25% немецких школьни-

Рис. 52. 3. П. Невзорова, А. А. Якубова, Е. И. Агринская — члены С.-Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса. 1895 г.

ков главным мотивом при выборе идеала служили его высокие моральные качества и для 20% — его материальный успех.

При выборе занятия 74% гимназистов и 47% сельских школьников предпочли свободные интеллигентные профессии, среди которых на первом месте стояла профессия учителя (учащимся городских училищ такой вопрос не задавался). 33% сельских школьников предпочли профессии, связанные с сельским хозяйством, ремеслом или домоводством, и 20% — профессии в других сферах жизни. Среди гимназистов всего 26% опрошенных желали иметь профессии, связанные с материальным производством. Среди мотивов выбора профессии гимназисты на первое место поставили интерес к делу (50% опрошенных), на второе место — альтруистические соображения (15%), на третье место — материальный расчет (7%, в том числе менее 1% стремились стать богатыми), на четвертое — честолюбие (2% опрошенных). У сельских школьников среди мотивов на первом месте стоял материальный расчет (12% опрошенных, в том числе хотели стать богатыми 6%), на втором месте — стремление к знаниям (10%), на третьем месте — легкость работы (8%), на четвертом — альтруистические мотивы (5% опрошенных).

Приведенные данные об идеалах подрастающего поколения показывают, что новая буржуазная система ценностей и соответствующий ей менталитет к 1914 г. еще не успели сколько-нибудь глубоко проникнуть в массовое сознание интеллигенции. Более широко, но все же еще весьма незначительно, они охватили низшие слои горожан и, возможно, успешнее всего укоренились среди крестьянской молодежи. Дети простолюдинов более твердо стояли на земле, чем дети интеллигенции. По мнению исследователей идеалов молодежи, учащиеся, оканчивающие гимназии, «не знают тех средств, с помощью которых можно было бы реализовать свои возвышенные идеалы».²⁰⁵ «Хаос мнений, — резюмировал один московский учитель женской гимназии, анализируя сочинения гимназисток, написанные о своей будущей жизни. — Страшно становится за этих девочек, стремящихся „совершать подвиги“, жаждущих „всего великого“, „решивших

отдавать свои жизни на благое дело", мечтающих о ком-то, кто „поведет их смело на борьбу", живущих более чувством, чем рассудком, рвущихся в жизнь и боящихся ее». ²⁰⁶ Учителя своей профессиональной деятельностью в дореволюционный период до некоторой степени способствовали победе большевизма. ²⁰⁷

Секуляризация сознания

Секуляризация жизни — управления, школы, власти, суда, мышления и поведения — важнейшее направление социальной модернизации. Когда говорят о секуляризации, то прежде всего имеется в виду процесс освобождения общества и культуры от власти религии и господства закрытых метафизических мировоззрений, создание светской системы ценностей, десакрализация власти и природы. ²⁰⁸ Рассмотрим только один аспект — ослабление значения религиозных обрядов и освобождение от власти религиозных запретов. Мы имеем множество свидетельств современников о том, что со временем посещаемость церкви падала, соблюдение постов становилось менее строгим, заключались гражданские браки и т. д. При всей важности живых свидетельств, мне кажется, более определенный ответ на этот вопрос мы получим при обращении к данным об исповеди и причастии на Пасху и о соблюдении самого строгого Великого поста населением страны. Эти данные являются особенно важным индикатором для оценки степени секуляризации сознания простого народа, который твердо верил, что только человек, соблюдающий все православные обряды, и есть настоящий христианин, хотя бы эти обряды и исполнялись чисто внешним образом. ²⁰⁹ Например, пост понимался в первую очередь как воздержание от скоромной пищи и интимных отношений. ²¹⁰

Согласно имеющимся данным, посещение исповеди не претерпело сколько-нибудь заметных изменений с конца XVIII до начала XX в. (табл. XI.2). Как видно из приведенных данных, в Европейской России доля лиц православного вероисповедания в возрасте старше 7 лет, пропускавших исповедь и причастие по неуважительным причинам, колебалась в отдельные годы, но, принимая во внимание улучшение качества исповедного учета, вряд ли обнаруживала четкую тенденцию к понижению: эта доля составляла в 1780 г. около 2%, в 1802 г. — 3, в 1825 г. — 8, в 1869 г. — 10, в 1900—1913 гг. — 6—7%. Исповедь по уважительным причинам, к которым относились болезнь и временное отсутствие, пропускали 2—3% от общего числа прихожан. Пропуски исповеди на Пасху у горожан были реже, чем у селян, главным образом по той причине, что в каждом городе был храм, в то время как в большинстве сельских поселений церкви не было, а ближайшая находилась в десятках километров от места жительства. Пасха чаще всего приходилась на апрель, когда дороги были труднопроходимы, что не позволяло крестьянам съездить в церковь. Вследствие этого в северных губерниях, где были распространены мелкие поселения, посещение исповеди на Пасху было очень низким сравнительно с черноземными губерниями, где преобладали большие селения, имевшие собственную церковь.

Например, в Архангельской и Олонецкой губерниях более трети крестьян, как правило, не посещали церковь на Пасху ввиду отдаленности храма, что не считалось уважительной причиной. Погода и состояние дорог являлись существенным фактором колебаний процента посещаемости исповеди для крестьян, поэтому процент каждый год изменялся без всякой заметной тенденции. У горожан подобные препятствия к посещению церкви отсутствовали, и доля лиц, исповедовавшихся на Пасху, была более или менее стабильной. Самый высокий процент посещаемости исповеди

был у духовенства, затем у дворян и чиновников, потом у лиц военного и городского сословий, чаще других пропускали исповедь крестьяне, но это являлось скорее следствием не зависящих от человека обстоятельств, чем лености или возникновения антирелигиозных настроений. Только у дворянства можно обнаружить тенденцию к некоторому росту процента лиц, пропускавших исповедь, но это увеличение было все же крайне незначительным, чтобы на этом основании делать какие-либо выводы о секуляризации сознания.

Таблица XI.2

Пропуск исповеди во время Пасхи различными сословиями православного исповедания по неуважительным причинам в XIX—начале XX в. (в %)

Сословие	1780 г.	1802 г.	1825 г.	1845 г.	1855 г.	1860 г.	1869 г.	1900 г.*	1913 г.**
Дворянство	—	2	4	3	4	3	4.4	4.0	4.7
Духовенство	—	0	1	0	0	0	0.2	0.2	0.3
Городское	—	5	7	8	6	5	6.3	5.8	5.8
Крестьянство	—	3	7	8	9	9	11	7.3	6.3
Военные	—	5	5	5	6	7	8.1	7.4	3.8
Всего	2	3	7	8	9	8	9.9	7.2	6.0

* 1900—1903 гг. ** 1913—1914 гг., данные по 12 епархиям.

Источники: РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 63, д. 123 (1789 г.); оп. 84, д. 901, 1005, 1016 (1802 г.); оп. 106, д. 1472 (1825 г.); ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода), оп. 97, д. 573 (1845 г.); ф. 796, оп. 137, д. 2408 (1855 г.); оп. 142, д. 2372 (1860 г.); оп. 51, д. 285 (1869 г.); оп. 181, д. 3451; оп. 184, д. 5736 (1900, 1903 гг.); оп. 440, д. 1244, 1245, 1248, 1249; оп. 442, д. 2394, 2476, 2570, 2578, 2591, 2603, 2604, 2622.

Однако посещение исповеди являлось показателем *внешнего благочестия*: оно легко контролировалось общественным мнением, церковными и отчасти светскими властями, которые непосещение исповеди трактовали как показатель принадлежности к расколу. Воздержание от интимных контактов во время Великого поста менее поддавалось контролю общественности, и поэтому данные об этих контактах могут пролить дополнительный свет на приверженность населения к религиозным обрядам или, как говорили люди, на степень «страха Божьего». Православная и католическая церкви во время Великого поста, который продолжался 48 дней между февралем и маем (пост не имел строгой датировки, но февраль или март целиком приходились на пост), требовали от своей паствы ограничений в пище, развлечениях, а также полового воздержания. Нарушение этих запретов считалось грехом. На исповеди священники спрашивали прихожан: «В праздники господские, в воскресные дни, в среды и пятницы и Великий пост не совокупляешься ли с ним/с нею?».²¹¹ Если бы все православные соблюдали запреты, то в год, когда пост приходился на февраль, нулевая рождаемость наблюдалась бы в ноябре, а когда пост приходился на март — в декабре. Чем менее соблюдались запреты воздержания в Великий пост, тем больше была бы рождаемость в соответствующие месяцы, и наоборот. Следовательно, колебания рождаемости через 9 месяцев после поста могут служить хорошим показателем строгости его соблюдения. Этот своего рода тест имеет преимущество перед другими, поскольку касается интимной стороны жизни человека, закрытой от других и не поддающейся прямому контролю. Нарушение запрета могло обнаружиться, когда женщина рожала (так как прихожане могли определить, когда произошло зачатие), но перспектива «разоблачения» была отдаленной и неопределенной, в то время как непосещение исповеди обнаруживалось сразу и влекло немедленные санкции. Мы располагаем всероссийскими данными о рождаемости по месяцам за 1867—1910 гг., ко-

Рис. 53. Монахи-схимники Староладожского Николаевского монастыря. 1892 г.

торы показывают, что через 9 месяцев после окончания Великого поста (обычно в ноябре или декабре) у православных и вообще у всех христиан наблюдалась минимальная рождаемость, а через 10 месяцев после поста (обычно в январе) — максимальная рождаемость, которая была несомненной компенсацией за воздержание во время поста. Для чистоты эксперимента исключим из анализа 13 лет, когда хотя бы один день марта не попадал на время поста: 1868, 1871, 1874, 1877, 1882, 1885, 1888, 1891, 1893, 1896, 1904, 1907, 1909 гг. (табл. XI.3).

Отношение минимальной рождаемости к максимальной может служить показателем динамики полового воздержания во время поста, но оно не отвечает на вопрос, как много лиц соблюдало воздержание во время поста. Дело в том, что существует естественное снижение плодовитости у женщин в ноябре—декабре — именно через 9 месяцев после Великого пос-

та. Согласно данным по России за 1989 г., когда подавляющее число людей посты уже не соблюдали, именно на ноябрь и декабрь приходилось наименьшее число рождений — соответственно 85 и 87% от максимума в январе.²¹² Следовательно, можно предположить, что если бы люди второй половины XIX—начала XX в. вообще не соблюдали полового воздержания во время Великого поста, то рождаемость в ноябре—декабре находилась бы на уровне 86% от январского максимума. Это соображение подкрепляется тем, что у ортодоксальных евреев, у которых вообще не было длительных постов и полового воздержания, в 1867—1910 гг. отношение ноябрьско-декабрьской рождаемости к январской составляло 83—87%. Таким образом, разница между 86% (а не 100%) и отношением минимальной к максимальной рождаемости (выраженным в процентах) будет примерно соответствовать доле лиц, строго соблюдавших половое воздержание во время поста (табл. XI.4).

Таблица XI.3

Годы	Население городов			Сельское население	Православные	Католики	Протестанты	Итого	Рождаемость внебрачных детей
	больших	прочих	всех						
1867—1870	19	25	23	37	38	26	18	37	34
1871—1880	20	23	21	35	33	32	23	34	29
1881—1890	18	26	22	31	31	28	21	29	26
1891—1900	17	21	19	27	28	23	19	27	23
1901—1910	15	22	18	27	28	20	20	26	15

* Отношение первого максимума рождаемости через 10 месяцев после Великого поста к минимальной рождаемости через 9 месяцев после Великого поста.

Источник: Движение населения в Европейской России за [1867—1910] год. СПб., 1872—1916.

Таблица XI.4

Годы	Население городов			Сельское население	Православные	Католики	Протестанты	Итого	Рождаемость внебрачных детей
	больших	прочих	всех						
1867—1870	5	11	9	23	24	12	4	23	20
1871—1880	6	9	7	21	19	18	9	20	15
1881—1890	4	12	8	17	17	14	7	15	12
1891—1900	3	7	5	13	14	9	5	13	9
1901—1910	1	8	4	13	14	6	6	12	1

Источник указан в примечании к табл. XI.3.

На основании приведенных данных можно предположить, что православные и католики воздерживались от половых контактов во время поста (для протестантов это не было обязательным требованием), но отнюдь не поголовно: даже в 1860-е гг. доля лиц, соблюдавших воздержание, достигала у православных — 24%, а у католиков — 12%. Процент соблюдавших воздержание со временем систематически снижался — к 1901—1910 гг. он упал у православных до 14%, у католиков — до 6%. В течение всего пореформенного времени процент соблюдавших пост среди крестьян был выше, чем сре-

ди горожан, в малых и средних городах — выше, чем в крупных городах, а у лиц, состоявших в законном браке, — выше, чем у лиц, имевших внебрачные связи (т. е. у женщин, рожавших вне брака). Еще в 1860-е гг. около четверти православного населения соблюдало половое воздержание во время Великого поста, причем тогда в этом отношении существовало значительное различие между крестьянами и горожанами. Начиная с 1870-х гг. вместе с уменьшением процента лиц, соблюдавших воздержание, различие между городом и деревней стало уменьшаться и в 1901—1910 гг. составило 9% против 14% в 1867—1870 гг.

Кроме Великого поста имелись еще 15-дневный Успенский пост (1—15 августа по григорианскому стилю), 40-дневный Рождественский пост (15 ноября—24 декабря) и переходящий и неопределенный по продолжительности (от 6 до 48 дней) Петровский пост (между маем и июлем). Строгость каждого поста была различной: за Великим постом по строгости следовал Успенский, затем Петровский и Рождественский. Снижение рождаемости наблюдалось через 9 месяцев после Успенского и Рождественского постов, но Петровский пост, по-видимому, не оказывал на рождаемость никакого влияния. Точно зафиксировать уровень воздержания во время этих постов невозможно, так как они не захватывали полностью какого-либо месяца, а учет рождаемости велся именно по календарным месяцам. Можно лишь констатировать, что строгость соблюдения всех постов постепенно снижалась, вследствие чего различия в рождаемости по месяцам, как свидетельствует коэффициент вариации, сглаживались: в 1867 г. коэффициент составил 16%, в 1885 и 1910 г. — 11%, не достигнув, однако, минимума, который в 1989 г. равнялся 5.5%.²¹³

Таким образом, если внешнее, обрядовое благочестие строго соблюдалось в течение всего XVIII—начала XX в., то внутреннее благочестие обнаружило легкую эрозию. Снижение доли лиц, соблюдавших половое воздержание во время постов, на 10% у крестьян и на 5% у горожан вряд ли можно считать революцией не только из-за незначительности снижения числа нарушавших запрет, но и потому, что уже в начальной точке, в 1867—1870 гг., процент таких лиц был высок — 77% у крестьян и 91% у горожан. Приведенные данные, мне кажется, не дают основания говорить о понижении религиозности православного населения, так как данный тест может свидетельствовать о том, что религиозность как таковая в массе населения не падала, а принимала другие формы. Например, мы можем говорить о продолжавшейся христианизации крестьянства в пореформенное время в том смысле, что языческие верования все больше вытеснялись христианскими,²¹⁴ хотя до конца не были изжиты. «В сознании этих ревностных христиан сохранился остаток язычества, проникавший в их веру, бессознательно перемешиваясь с суевериями и православной религией», — свидетельствовал И. Столяров, крестьянин по происхождению, родившийся в 1874 г., проведенный в воронежской деревне детство и юность и ставший впоследствии инженером во Франции.²¹⁵ Ярким проявлением пережитков язычества, а не столько грубости нравов, являлся так называемый мат. В обрядах, связанных с плодородием, матерщина была необходимым компонентом и носила ритуальный, но антихристианский характер. В ряде случаев она приравнивалась к молитве. Например, считалось, что и молитва, и матерная ругань помогают спастись от лешего, домового или черта, но последнее средство представлялось более эффективным.²¹⁶

У католиков и протестантов процент соблюдавших воздержание всегда был ниже, чем у православных, но вряд ли они были менее верующими христианами, чем православные. Однако, если принять во внимание направления в изменении менталитета крестьянства и городских низов, снижение процента лиц, соблюдавших воздержание, может свидетельствовать о десакрализа-

Рис. 54. Римско-католическая религиозная процессия на Невском проспекте в день Божьего тела. Петроград. 1917 г.

ции внутренних форм благочестия (что обычно предшествует десакрализации его внешних форм), об уменьшении власти религии над человеком, о секуляризации массового сознания или в более широком смысле — о трансформации сакрального менталитета в светский. Согласно данным о датах рождения 439 зажиточных дворян XVI—XVII вв., которые сделали вклады в монастыри на помин души, доля лиц, соблюдавших воздержание во время Великого поста, составляла от 15% до 29%, в среднем около 22% — примерно столько же, сколько и в 1860-е гг. Отсюда можно заключить, что благочестие православных россиян в течение четырех столетий либо повышалось, либо находилось на одном, достаточно высоком уровне и обнаружило легкую эрозию только в конце XIX в.²¹⁶

Таким образом, секуляризация массового сознания крестьян в пореформенный период происходила, но не так быстро, как думают одни исследователи,²¹⁷ и не так медленно, как думают другие,²¹⁸ поскольку крестьяне оставались религиозными еще в первое десятилетие советской власти.²¹⁹ Интеллигенция в смысле темпов секуляризации намного опережала земледельцев. «Однажды (в 1904 г. — *Б. М.*), во время ужина в товарищеском кружке, — вспоминала О. Н. Трубецкая, — после одного из заседаний Психологического общества (Московское общество в 1897 г. объединяло 234 члена. — *Б. М.*) спорили долго и много: речь шла о бессмертии души. Под конец кто-то предложил поставить вопрос на баллотировку: голоса разделись, и бессмертие прошло большинством одного голоса».²²⁰ Конечно, голосованием, да тем более открытым, вопросы веры не решаются. Однако широкое распространение атеизма среди дореволюционной интеллигенции подтверждается многими современниками, в частности веховцами. Как тонко заметил

финский этнограф П. Кууси: «Даже если мы перестаем ходить в церковь и забываем Бога, церковные колокола продолжают звучать у нас в душе». ²²¹ Так и русская интеллигенция, несмотря на свой атеизм, не смогла освободиться от религиозной концепции мира. Дело в том, что народнические воззрения представляли собой типичную закрытую мировоззренческую систему — светскую по форме, но религиозную по существу. ²²²

Советская модернизация ²²³

Итак, **ввиду незавершенности модернизации русское общество в начале XX в. не достигло полной социальной зрелости**, которая ассоциируется с созданием, если пользоваться термином Мишеля Фуко, «дисциплинированного общества», в котором господствуют порядок, законопослушание и дисциплина и все классы отличаются готовностью к социальному компромиссу и сотрудничеству; такое общество адекватно приспосабливается к изменяющимся условиям жизни, разрешает любые проблемы мирным путем, словом, развивается посредством постоянного реформирования. ²²⁴ Эту социальную незрелость России многие называют отсталостью, но ее можно назвать также и *социальной молодостью*. Подобно тому как подросток отличается от взрослого человека, так и Россия отличалась (и до сих пор отличается) от западноевропейских стран. Эмоциональность, лишние движения, недостаток самоконтроля и расчетливости, склонность к экспериментам, наивность, абсолютизм требований и другие особенности молодости, хорошо описанные Ф. М. Достоевским в «Подростке», одинаково свойственны и юношам, и русским. Но зато любознательность, способность усваивать новое, быстро развиваться также очень велики. Вряд ли можно сказать, что юноша является отсталым сравнительно со взрослым. Русские к началу XX в. не создали многих институтов, привычных на Западе, не потому, что в принципе не способны были их создать, а потому, что до поры до времени не нуждались в них или не доросли до потребности в них. Все, что было социально ценным на Западе, рано или поздно становилось достоянием России, а что не укоренилось в начале XX в., например парламент и конституция, пришло в Россию в конце XX в.

Как это всегда бывает, когда какой-нибудь процесс строится на противоречивых основаниях, **результаты советской модернизации оказались неоднозначными**. С одной стороны, индивидуализм, буржуазия, частная собственность стали понятиями отрицательными; семью пытались сначала «обобществить», потом огосударствить; в различных производственных организациях типа колхоза, совхоза и государственного предприятия происходила реанимация общинных форм социальной жизни; одновременно восстанавливались патерналистская государственность, традиционная парадигма господства, а власть сакрализовалась. С другой стороны, благодаря необратимости социального развития во многих сферах наблюдался значительный прогресс: секуляризация массового сознания превзошла все западные стандарты, мотивация поведения стала рациональной, система ценностей стала вполне светской и приблизилась к западной модели; демографическая революция совершилась, освободив женщин от тяжелого бремени рожать детей, обреченных вскоре умереть; социальная структура общества приобрела современный вид, социальная мобильность достигла высокого уровня, классы стали открытыми, и общество в целом стало более доступным влиянию современных западных идей, ценностей, норм поведения; получил дальнейшее развитие современный тип малой семьи, в которой супруги имеют равные права, а дети утрачивают приниженный статус; женщины достигли равноправия с мужчинами юридически и успешно реализовывали его фактически; урбанизация ускорила, и страна

стала по преимуществу городской, соответственно люди в массе переориентировались на ценности городской потребительской культуры; в городских поселениях община не была реставрирована, а поскольку доля городского населения неуклонно увеличивалась и к 1990 г. в Российской Федерации достигла 74%, то уже сам процесс урбанизации автоматически приводил к тому, что население переходило от общинных к общественным формам организации; но и в деревне общинные отношения изживались, в результате в целом по стране к концу советского периода они были изжиты и модернизация социальных отношений продвинулась далеко вперед; индустриализация экономики в основном завершилась, домашнее хозяйство отделилось от производства, промышленность с технологической точки зрения достигла современного уровня; была создана развитая социальная сфера (пенсионное обслуживание, здравоохранение, охрана детства и материнства и др.); организована современная система начального, среднего и высшего образования, благодаря чему в интеллектуальной сфере (наука, литература, искусство) были достигнуты значительные успехи; империя превратилась в конфедерацию де-юре, и нерусские народы получили больше возможностей для национального развития.²²⁵ По-видимому, только в советское время в основных чертах сформировалось и так называемое дисциплинированное общество (М. Фуко), что помогло обойтись без революции при переходе от советского строя к открытому обществу, произошли важные изменения в трудовой морали. *В целом дистанция между Западом и Россией в экономической и культурной сферах сократилась.* Во многих аспектах Советская Россия стала принадлежать к пространству модернистской культуры, а не развивающихся стран.

Трудно согласиться с теми, кто думает, что Россия в период империи или в советскую эпоху проходила так называемую неорганическую модернизацию,²²⁶ которая не являлась этапом ее собственного развития и не была подготовлена всем ходом предшествующей эволюции. В то же время очевидно, что государство постоянно старалось ускорить ее естественное, органическое развитие в ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран. **Россия совмещала спонтанное и «догоняющее» развитие.** Отметим, что деятельность любого нового института или новой организации, например адвокатуры, административной юстиции, городской думы, земства или Думы, имела на первых порах низкий коэффициент полезного действия (в особенности сравнительно с ожиданиями) и нередко была сопряжена с ощутимыми издержками и потерями. По этой причине не следует умалять их значение, точно так же, как мы не принижаем важность первых паровых двигателей на том лишь основании, что их эффективность была менее 10%, а их работа загрязняла окружающую среду и влекла за собой рост травматизма и несчастных случаев.

Советское государство выработало формулу модернизации, которая в одних аспектах отличалась от модели западных стран (приоритет государства над обществом, приоритет коллектива над личностью, ограничение свободы личности, централизация, планирование, эксплуатация народного энтузиазма), а в других ее напоминала (формирование рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализация, урбанизация, демократическая семья, эмансипация женщин и детей). В более кратком виде **формула советской модернизации сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов.** Не забывая, что всякое обобщение огрубляет действительность, можно сказать, что на какое-то время вся страна превратилась в большую общину и действовала на ее принципах. Если мы сравним основополагающие принципы, на которых строилась жизнь общинной русской деревни до 1917 г. и советского общества в сталинское время, то обнаружим между ними большое сходство. Выразим принципы общинной жизни в современных терминах:

1) коллективная форма собственности; 2) право на труд, которое община гарантировала тем, что каждый взрослый мужчина получал от нее во временное пользование участок земли; 3) право на отдых: примерно 140 дней в году, включая 52 воскресенья, 30 церковных и государственных праздников и 58 местных праздников, запрещалось работать под страхом наказания; 4) право на социальную помощь бедным, старым, одиноким, а также попавшим в тяжелое положение вследствие пожара, падежа скота и других чрезвычайных обстоятельств; 5) демократический централизм: подчинение меньшинства большинству; 6) коллективная ответственность: один — за всех, все — за одного; 7) право на участие в общественных делах: главы семей участвовали в сходках, заседали в крестьянском суде, занимали общественные должности, важные — по выбору, а второстепенные — по очереди; 8) равенство, отсутствие существенной материальной и социальной дифференциации; 9) регламентация всей жизни, право общины вмешиваться во все дела крестьян, включая семейные, если они вступали в противоречие с интересами общины, с традицией и обычаем; 10) тождественность прав и обязанностей: право на труд, отдых, участие в общественных делах, на помощь являлось одновременно обязанностью трудиться, отдыхать, заниматься общественными делами, помогать нуждающимся.

Как можно видеть, **жизнь в Советской России, как в деревне, так и в городе стала строиться на принципах, характерных для дореволюционной русской передельной общины**, вследствие чего в национальном масштабе во многих отношениях был воспроизведен социальный строй общины.

Коллективная воля, концентрация сил и средств, готовность жертвовать личными интересами ради общественных долгие время давали свои плоды. Однако успехи продолжались до тех пор, пока не были исчерпаны ресурсы коллективизма, общинности, централизации, планирования и народного энтузиазма. В то же время реализация советской модели модернизации создала новую асимметрию между личностью, семьей, обществом и государством. В конце концов сформировавшаяся в малой демократической семье рациональная, образованная, требовательная, светски ориентированная личность плохо совмещалась с коллективной собственностью, тотальным регулированием, подавлением инициативы, недостатком гражданских и политических свобод, с общинностью социальных институтов и патерналистским государством. Назрел социальный, экономический и политический кризис, который разрешился не революцией и гражданской войной, а болезненным реформированием, растянувшимся на годы. Реформы должны восстановить гармонию между человеком, семьей, социальными институтами, собственностью и государством, т. е. отрегулировать социальную систему, после этого социальное и экономическое развитие будет продолжено. Как показывает российский опыт XVIII—XX вв., на трансформацию требуется примерно 20—25 лет, т. е. жизнь одного поколения людей. С исторической точки зрения это небольшой срок, но с точки зрения людей, попавших под колесо этих перемен, — очень долго.

Как показал советский опыт, отказ от политической и до некоторой степени от социальной модернизации имел печальные последствия, и те огромные трудности, с которыми сталкивается страна в настоящее время, в значительной степени обусловлены этим отказом. Классик современной социологии К. Поппер предупреждал: «Остановка политических изменений не дает средства лечения болезни. Она не может принести счастья. Мы никогда не можем вернуться к мнимой невинности и красоте закрытого (коллективистского. — *Б. М.*) общества. Нашу мечту о небе нельзя воплотить на земле. Случилось так, что мы однажды стали полагаться на разум и использовать способность к критике, и как только мы почувствовали голос личной ответственности, а вместе с ней и ответственности за содействие прогрессу знания, мы уже не можем вернуться к государству, основанному на бессознательном подчинении племенной магии. Для вкусивших от древа познания

рай потерян. Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму. Начав с подавления разума и истины, нам придется закончить жестоким и насильственным разрушением всего человеческого. Нет пути назад к гармоническому государству природы. Если мы повернем назад, то нам придется пройти весь путь — мы будем вынуждены вернуться в животное состояние. <...> Если мы мечтаем о возвращении к своему детству, если мы испытываем искушение опереться на других и таким образом быть счастливыми, если мы стремимся уклониться от задачи нести свой крест гуманности, разума и ответственности, если мы потеряли мужество и хотим избавиться от напряжения, — то нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь — путь в открытое общество. Мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать насколько возможно нашу безопасность и одновременно нашу свободу».²²⁷

Неравномерность развития отдельных сфер общества — политической, социальной, экономической и культурной — общая черта модернизации в любой западноевропейской стране. Однако Россия по степени этой асимметричности побила все рекорды. Опыт Запада показывает, что относительная автономность отдельных этажей общества создает возможность, опираясь на одну, более развитую сферу, преодолевать отсталость в других. Например, в процессе модернизации Англии первенствовала экономика, Германии — государство. В России всегда первенствовало государство, естественно, что именно оно и являлось тем Архимедовым рычагом, опираясь на который, страна двигалась вперед, чаще всего оглядываясь именно на Германию.

Модернизация и благосостояние населения

Опыт модернизации России в течение трех столетий, с начала XVIII в. и до конца XX в., несмотря на все издержки, следует признать успешным, и это дает основания для исторического оптимизма. Если цель всех социальных изменений состоит в том, чтобы повысить качество жизни людей, то в последние 280 лет благосостояние российских граждан постепенно повышалось, хотя поступательное движение неоднократно прерывалось вследствие войн, радикальных реформ или общественных смут. Мое предположение основывается на данных об изменении роста людей, который, как установлено современной наукой, зависит от качества их жизни, или *биологического статуса*, т. е. от питания, перенесенных болезней, интенсивности и условий работы, медицинского обслуживания, жилищных условий, психологического комфорта, климата, воды, воздуха и других факторов среды в течение всей их предшествующей жизни до момента измерения роста.²²⁸ Генетический фактор весьма существен для роста отдельного человека, но генетические различия утрачивают свое значение, когда измеряются массы людей и сравниваются средние величины роста, а не его индивидуальные значения. То же и на уровне целых народов: различия в росте определяются не их этнической или расовой принадлежностью, а условиями существования.²²⁹

С биологической точки зрения человек до достижения полной физической зрелости превращает потребленные продукты в энергию, которая затем расходуется на различные нужды — на поддержание жизнедеятельности организма, работу, учебу, сексуальные отношения, спорт, борьбу с инфекциями, болезнями и т. п., а *чистый остаток* энергии от питания преобразует в рост и при избытке питания — в массу. После достижения полной физи-

ческой зрелости, которая у мужчин в XVIII—XIX вв. обычно наступала к 25 годам, в настоящее время — к 20 годам, а у женщин несколько раньше, длина тела уже не изменяется, при понижении биологического статуса происходит снижение массы тела, а при повышении — ее увеличение. Потенции роста, заложенные в генах человека, полностью реализуются лишь при благоприятных условиях среды, и, наоборот, при продолжительной и суровой депривации происходит задержка роста, которая может, по крайней мере частично, компенсироваться более быстрым увеличением длины тела в другие, благоприятные периоды.²³⁰ Для роста человека особенно важны 1-й, 6—8-й, 13—15-й годы жизни, называемые критическими возрастными, когда он особенно чувствителен к действиям угнетающих и благоприятствующих росту тела факторов.²³¹

Таким образом, рост 25-летнего мужчины зависит от биологических условий существования в течение 25 лет и 9 месяцев, включая утробный период развития, и в определяющей степени зависит от *чистой* разницы между потребленной энергией от питания и израсходованной энергией на абсолютно все потребности в течение всей предшествующей жизни, другими словами, рост отражает *историю чистого потребления*.²³² Отсюда не следует, что длина тела определяется исключительно чистым потреблением, что чистое потребление реализуется только через длину тела. Имеются данные, которые позволяют предположить, что масса тела служит важным показателем биологического статуса не только после, но и до достижения полной зрелости,²³³ что инфекционные заболевания воздействуют на длину тела независимо от питания, другими словами, не обязательно чаще поражают тех, кто меньше ростом и, значит, хуже питается.²³⁴ Однако в ряду факторов, влияющих на длину тела, чистое потребление является решающим. Из этой парадигмы следует, что высокие люди, взрослые и дети, большей частью лучше питались, имели лучший уход, меньше болели и т. д., т. е. обладали более высоким биологическим статусом, чем люди с низким ростом. Данные о росте детей из разных сословий в 1879—1881 гг. приведены в табл. XI.5.

Т а б л и ц а X I . 5
Рост учащихся Вятской и Пермской губерний в 1879—1881 гг.
(в мм)

Возраст	Дворяне	Духовенство	Крестьяне	Рабочие*	Мещане
7 лет	—	—	1122	1101	1087
8 лет	—	—	1143	1115	1104
9 лет	—	—	1193	1175	1160
10 лет	1247	1242	1220	1229	1172
11 лет	1283	1294	1269	1257	1231
12 лет	1336	1332	1318	1317	1290
Влет	1390	1388	—	—	1345
14 лет	1475	1469	—	—	1403
15 лет	1534	1503	—	—	1483

* Рабочие из крестьян-отходников.

И с т о ч н и к : Рума Р. Н. Антропометрические исследования: Материалы для физического развития учащихся // Сборник, изд. Медицинского департамента Пермского земства. Пермь, 1881. Т. 3. С. 44—45. Всего были измерены 879 детей, в том числе из дворян — 179, из духовного сословия — 85, из крестьян — 140, из рабочих — 217, из мещан — 258.

Данные табл. XI.5 позволяют сделать вывод (и именно такой вывод сделал автор цитируемого труда), что дети дворян в массе жили в наиболее благоприятных с точки зрения питания, жилища, воздуха и т. п.

условиях сравнительно с детьми из других сословий, а дети мещан — в наименее благоприятных, что условия жизни различных сословий существенно различались, причем не только между группой привилегированных (дворяне, духовенство) и группой непривилегированных (крестьяне, мещане) сословий, но также и в пределах каждой из групп. Крестьяне по своему биологическому статусу превосходили мещан настолько, насколько дворяне превосходили крестьян. Замечу, что эти чрезвычайно важные выводы делаются без прямых данных о доходах и жизненных условиях разных сословий, а лишь на основании данных о длине тела, которые универсальны для всех людей, для всех стран и всех исторических периодов. Таким образом, увеличение длины тела во времени свидетельствует об улучшении биологического статуса, и наоборот, уменьшение — о его снижении. Задача историка объяснить, за счет каких компонентов статуса произошло изменение; это может быть качество питания, интенсивность работы или учебы, заболеваемость, окружающая среда, массовые и продолжительные стрессы, физическое перенапряжение.

Данные о длине тела могут отражать также и динамику биологического статуса населения, или, как говорят статистики, вековые тенденции в его изменении, если мы располагаем большими сериями данных. Это требует некоторого пояснения. Если, по определению, рост 20- или 25-летних мужчин является результатом изменения их биологического статуса в течение всей предшествующей жизни, то о чем говорит, например, изменение длины тела новобранцев в 1877 г. сравнительно с 1876 г. или в 1892 г. сравнительно с 1875 г. (табл. XI.6)?

В 1877 г. рост 20-летних новобранцев равнялся 1623 мм, а в 1876 г. — 1622 мм. Рост 1877 г. являлся итоговым результатом изменения биологического статуса за 1857—1876 гг., а в 1876 г. — за 1856—1875 гг. Но 20-летний период 1856—1875 гг. отличается от 20-летнего периода 1857—1876 гг. только двумя годами — у него нет 1856 г., но есть 1876 г. Для длины тела человека первый год жизни имеет во много раз большее значение, чем двадцатый. Значит, разница в росте новобранцев 1877 г. и 1876 г., равная 1 мм, в сущности объясняется одним, 1856 г. Поэтому возможно следить за ежегодными изменениями длины тела, что позволяет определить, когда тенденция увеличения длины тела сменяется тенденцией его уменьшения, и соответственно, когда тенденция улучшения биологического статуса сменяется тенденцией его ухудшения, и наоборот. Для выявления тенденции обычно нивелируют годовые колебания путем подсчета средних за 5—10 лет или скользящих средних; именно эти приемы были использованы нами.

По аналогии с вышесказанным разница в росте между новобранцами призывов 1892 г. и 1874 г., равная 15 мм, объясняется 18 годами, 1874—1891 гг., так как рост новобранцев в 1892 г. был обусловлен преимущественно 1872—1891 гг., а в 1874 г. — 1854—1873 гг. и т. д. Разница в росте между новобранцами призывов 1913 г. и 1874 г., равная 26 мм, объясняется 40 годами, 1854—1873 и 1893—1912 гг., так как рост новобранцев в 1913 г. был обусловлен 1893—1912 гг., а в 1874 г. — 1854—1873 гг., и эти периоды не пересекаются. Наиболее удобно интерпретировать последовательные данные о длине тела, будь то годовые данные (1874, 1875, 1876 и т. д.) или средние 5-летние данные (1874—1878, 1879—1883, 1884—1888 и т. д.) или средние 10-летние данные (1874—1883, 1884—1893, 1894—1903 и т. д.), а также наиболее удобно сравнивать данные, «не пересекающиеся», но отстающие друг от друга на интервал, равный возрасту новобранцев, в нашем случае 1874 г. — с 1894 г., 1894 г. — с 1904 г., поскольку в этом случае результаты получаются более корректными и наиболее «чистыми». Но, разумеется, историки никогда не могут провести свой «эксперимент» столь же корректно, как физики или биологи, и поэтому определенная условность в

результатах анализа присутствует. С этим приходится мириться как с неизбежным злом.

Таблица XI.6

Средняя длина тела новобранцев по результатам медицинского осмотра лиц, призванных к отбыванию воинской повинности в Российской империи без Финляндии в 1874—1913 гг. (в мм)*

Год	Рост	Год	Рост	Год	Рост	Год	Рост	Год	Рост
1874	1622	1882	1617	1890	1631	1898	1645	1906	1651
1875	1622	1883	1620	1891	1634	1899	1647	1907	1651
1876	1622	1884	1619	1892	1637	1900	1647	1908	1651
1877	1623	1885	1622	1893	1639	1901	1647	1909	1651
1878	1623	1886	1622	1894	1641	1902	1648	1910	1651
1879	1622	1887	1622	1895	1642	1903	1649	1911	1651
1880	1622	1888	1622	1896	1642	1904	1650	1912	1649
1881	1622	1889	1629	1897	1642	1905	1650	1913	1648

* Данные откорректированы сравнительно с приведенными во втором издании книги. Источники: РГИА, ф. 1292 (Управление по делам о воинской повинности), оп. 2, д. 798—1330 (1874—1876 гг.), оп. 3, д. 14—739 (1877—1881 гг.), оп. 4, д. 8—1353, оп. 7, д. 575—585 (1882—1897 гг.), оп. 5, д. 377 (1898 г.), оп. 7, д. 37 (1899 г.), оп. 5, д. 65—70 (1900 г.), оп. 7, д. 72—76, 81—85, 131—137, 149—154, 155—160, 173—178, 205—210, 223—228, 230—234, 524, 248—251, 597—601 (1901—1913 гг.).

Следует иметь в виду, что биологический статус не является синонимом благосостояния и уровня жизни, так как для длины тела безразлично, в автомобиле какой марки ездит человек, во дворце или комфортабельной квартире он живет, питается изысканной или просто хорошей пищей. Но статус в существенной степени определяется уровнем жизни или доходом, что позволяет делать выводы о динамике благосостояния народа и национальном доходе страны по изменению средней длины тела ее граждан.²³⁵ Расчеты показывают, что средний рост людей в данной стране примерно на 67—77% определяется национальным доходом на душу населения.²³⁶ Кроме того, для слабо- или среднеразвитых стран поддержание биологического статуса поглощает почти все или, во всяком случае, львиную долю доходов населения, что еще больше увеличивает связь между благосостоянием и биологическим статусом.²³⁷ Например, в 1984 г. только на питание, главную составляющую статуса, в Индии тратилось 55.9% общих расходов на личное потребление, в Польше — 50.2, Венгрии — 41.4, в СССР — 36.6%, в то время как в США — 13%, во Франции — 20.4, Германии — 21.6, Японии — 21.8%.²³⁸

Антропометрический подход предъявляет повышенные требования к данным о росте, так как даже самое незначительное увеличение или уменьшение длины тела указывает на изменение биологического статуса населения. Только опираясь на массовые и точные измерения роста людей, можно делать выводы об изменении их благосостояния. Мы располагаем сведениями о длине тела новобранцев, измеренных в 1740—1927 гг., о длине тела мужского населения из среды городских и сельских жителей, измеренных в 1881—1981 гг., и о росте новорожденных мальчиков за 1874—1964 гг. Поскольку измерения делались по разной методике и в разное время и касались людей разного возраста, необходимо рассмотреть все обстоятельства, которые влияли на результаты измерения.

Данные о росте новобранцев собирались во время медицинского осмотра, имевшего целью определить их пригодность для службы и соответствие тем требованиям, которые предъявлялись к длине тела и здоровью. С 1730 г. и до 1802 г. сведения собирались рекрутскими присутствиями и представлялись в Военную и Адмиралтейскую коллегии, с 1803 г. — в Военное и Морское министерства и МВД. Суммарные данные о росте всех призывников за 1840—1893 гг. опубликованы в юбилейном издании «Столетие Военного министерства 1802—1902»,²³⁹ за 1874—1906 гг. — в Отчетах Военного министерства за соответствующие годы и за 1907—1912 гг. — в Отчетах главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел.²⁴⁰ Сведения о росте относились к лицам, подвергавшимся медицинскому обследованию и принятым на службу, число которых колебалось от 45 тыс. в 1843 г. до 432 тыс. в 1912 г. До введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. на службу призывались крестьяне (85—90% населения страны), мещане (5—9% всего населения). Дворянство (1.5—2% населения) с 1762 г. добровольно служило офицерами, духовенство (0.5% всего населения) было освобождено от рекрутской повинности, а немногочисленное гильдейское купечество имело право откупаться от воинской службы. После 1874 г. воинская повинность стала всеобщей, но поскольку население страны вплоть до 1913 г. почти на 80% состояло из крестьян и на 11% из мещан, то можно считать, что после 1874 г. социальный состав призывников мало изменился — и до, и после 1874 г. это были преимущественно крестьяне и мещане. Социальный состав армии имеет важное значение, потому что существовали различия в росте по сословиям.

Требования к росту (ростовой ценз) и возрасту (возрастной ценз) в течение 1840—1912 гг. изменялись (табл. XI.7), и это представляет существенную трудность для сравнения данных за разные годы.

Таблица XI.7

Изменение ростового ценза при призыве в российскую армию в 1740—1912 гг. и его влияние на средний рост новобранцев

Показатели	1740 г.	1757 г.	1767 г.	1825 г.	1840— 1844 гг.	1845— 1853 гг.	1854— 1855 гг.	1866— 1873 гг.	1874 г.	1912 г.
Ростовой ценз, мм	1422	1600	1600	1600	1600	1578	1556	1556	1534	1534
Фактический рост, мм	1559	1636	1650	1655	1666	1661	1654	1648	1622	1649
Рост рекрутов, от- вечавших цензу 1757 г., мм	1644	1636	1650	1655	1666	1668	1671	1663	1657	1673
Возрастной ценз, лет	18—35	18—35	18—35	18—35	20—35	20—35	20—35	20—35	20	20

Источники указаны в примечании к табл. XI.8 и XI.9.

В период рекрутской повинности ростовой ценз понижался, достигнув минимума в 1854 г. — 2 аршина и 3 вершка (старинные русские меры, равные соответственно 71.12 и 4.445 см), или 1556 мм. Новый ростовой ценз, равный 1534 мм, был установлен в 1874 г. и оставался неизменным до 1915 г. Понижение ростового ценза, естественно, приводило к понижению среднего роста новобранцев, что, однако, не может служить основанием для заключения о падении среднего роста мужского населения России. Например, по данным о фактическом среднем росте рекрутов в 1840—1855 гг. можно заключить, что их рост *понижился* с 1666 мм в 1840—1844 гг. до 1654 мм в 1854—1855 гг. Но если включить в подсчеты только тех рекрутов, которые соответствовали ростовому цензу 1840—1844 гг., то окажется, что их рост *повысился* с 1666 до 1671 мм.

До 1831 г. в армию принимались мужчины преимущественно в возрасте от 18 до 35 лет, с 1840 г. — от 20 до 35, с 1874 г. и до 1912 г. — мужчины, достигшие к 1 января призывного года 20 лет (с 1893 г. достигших 21 года к 1 октября призывного года), и некоторое число лиц более старшего возраста, которые по определенным в законе условиям получили в предыдущие призывы отсрочки от службы. С 1913 г. возрастной ценз был понижен на один год. Средний возраст рекрутов до 1873 г. был выше, чем после введения всеобщей воинской повинности, — 23.2 против 20.5 лет в 1874—1912 гг. и 19.5 лет в 1913—1915 гг.²⁴¹ Снижение возрастного ценза тоже приводило к уменьшению среднего роста призывников, так как мужчины в то время росли до 25 лет. Военные врачи, изучавшие влияние воинской службы на рост солдат, установили, что 20-летние солдаты увеличивали длину тела к 26 годам на 6—45 мм, в том числе в течение первого года службы — на 6—20 мм.²⁴² Основываясь на этих сведениях, можно предположить, что понижение возрастного ценза в 1874 г. могло привести к уменьшению среднего роста новобранцев не менее чем на 6 мм, а дальнейшее понижение возрастного ценза в 1913 г. на год — еще на 3—4 мм.

Рост рекрутов зависел также и от того, в какой род войск они назначались служить. Самые высокие рекруты направлялись в гвардию, ростом ниже — в гренадеры и т. д. Во флот набирали рекрутов из губерний, где было распространено судоходство. За 1840—1855 и 1874—1913 гг. мы располагаем суммарными данными о росте всех призывников империи (в 1856—1862 и 1864 гг. рекрутских наборов вообще не было).²⁴³ За 1740—1799 гг. имеются данные о росте 87 493 рекрутов²⁴⁴ и за 1866—1873 гг. — 14 427 рекрутов,²⁴⁵ взятых в матросы в Балтийский флот, за 1913—1915 гг. — о росте 6,5 тыс. новобранцев из Казанской, Пермской, Симбирской и Смоленской губерний.²⁴⁶ С 1874—1883 по 1914—1915 гг. средний рост новобранцев из этих четырех губерний увеличился на 1.1—1.2%. Если принять, что средний рост всех российских новобранцев за эти годы также возрос на 1.1—1.2%, то в 1914—1915 гг. он мог составить около 1653 мм. Разумеется, выборочные сведения о росте новобранцев из Казанской, Пермской, Симбирской и Смоленской губерний за 1914—1915 гг. являются ориентировочными и нуждаются в уточнении. А вот по данным о матросах мне кажется некорректным реконструировать средний рост всех новобранцев в стране, так как за те годы, за которые имеются данные о росте матросов, 1866—1873 гг., нет сведений о росте новобранцев, направленных на службу в другие рода войск. Лица, направлявшиеся на службу во флот, с точки зрения роста могли отличаться от среднего роста всех российских новобранцев, во-первых, ввиду специальных требований к морской службе, во-вторых, вследствие набора в матросы лишь из 5 губерний с развитым судоходством: Архангельской, Новгородской, Олонекской, С.-Петербургской и Саратовской. Если второе препятствие отчасти можно преодолеть сравнением данных о росте призывников в 5 губерниях и в стране в целом (в 1874—1883 гг. различие составляло 2 мм в пользу всероссийских данных), то первое препятствие преодолеть не представляется возможным. Вышеизложенное не позволяет объединить данные о росте матросов в единый статистический ряд с данными за 1840—1863 гг. и 1874—1915 гг. Они образуют самостоятельный микродинамический ряд и могут быть полезны для суждения об изменении длины тела рекрутов только за 1740—1873 гг.

Наиболее полные, однородные и достоверные данные относятся к 1874—1912 гг. В эти годы ни ростовой, ни возрастной, ни социальной цензы (требования к социальному происхождению и конфессии новобранцев) не изменялись, сведения охватывали всех призывников и представлены в отчетах Военного министерства в одинаковой форме — сгруппированы в 11 ростовых интервалов. К сожалению, их некорректно объединить в единый ста-

стистический ряд с данными о росте рекрутов за 1840—1855 гг. по трем причинам. Во-первых, ввиду изменения ростового, возрастного и социального цензов, о чем речь шла выше. Во-вторых, из-за того, что первоначальные данные о росте рекрутов, собранные рекрутскими присутствиями, представлялись в отчетах Военного министерства до и после 1874 г. по-разному — до введения всесословной воинской повинности в 1874 г. они группировались в 4 ростовые группы: до 159 см, от 160 до 168, от 169 до 177 и от 178 до 191 см, а с 1874 г. — в 11 групп от 159 до 196 см с интервалом в 4,4 см (переводя аршины и вершки в сантиметры). Число ростовых групп оказывает существенное влияние на результаты подсчета средней длины тела. Например, одни и те же данные, сгруппированные в 4 и 11 ростовых групп, дают средние, отличающиеся на 1—3 мм. В качестве общего правила действует формула: чем меньше ростовых групп, тем величина средней длины тела выше. В-третьих, изучение материалов, связанных с призывом на воинскую службу, приводит к выводу, что до 1874 г. отбор лиц, годных к службе, не был вполне случайным процессом, он зависел не только от роста и здоровья рекрутов, как это было в период всесословной воинской обязанности в 1874—1915 гг. Субъективный фактор — интересы помещиков и крестьянских и мещанских общин, которые сдавали рекрутов и несли круговую ответственность за исполнение повинности, а также и вкусы рекрутских присутствий — играл существенную роль и нарушал случайность отбора, которая одна дает вполне объективные результаты. Например, помещик и общины стремились сбывать в рекруты нарушителей общественного порядка, мелких преступников, нелояльных к власти лиц и т. п., рекрутские присутствия имели склонность принимать на службу высоких и красивых мужчин. Подобная селекция должна была отражаться на высоте рекрутов. Остается надеяться, что указанные субъективные интересы действующих при рекрутских наборах лиц были постоянными и искажали данные о росте рекрутов систематически и на одну и ту же величину.

Данные за 1874—1912 и 1913—1915 гг. лишь с натяжкой можно соединить в один ряд. Как указано, в 1913 г. возрастной ценз был понижен на год, ввиду чего средний рост новобранцев при прочих равных условиях должен был бы уменьшиться на 3—4 мм сравнительно с периодом 1874—1912 гг., когда действовал другой возрастной ценз. Средний рост 19-летних новобранцев призыва 1913 г. равнялся 1648 мм, т. е. всего на 1 мм меньше, чем 20-летних призывников в 1912 г., что свидетельствует о том, что в действительности средний рост мужчин продолжал увеличиваться. Согласно имеющимся выборочным данным, средний рост 19-летних новобранцев в 4 указанных губерниях в 1915 г. оказался на 3 мм выше, чем в 1912 г. Отсюда можно предположить, что тенденция к увеличению роста мужчин была достаточно сильной, перекрывая влияние снижения возрастного ценза, и с началом войны не остановилась. Следовательно, объединение в один ряд данных за 1874—1912 и 1913—1915 гг. не приведет к искажению их общей динамики.

После 1917 г. сведения о росте новобранцев собирались военкоматами и представлялись в Военный и Морской наркоматы, с 1946 г. — в Министерство обороны. Сразу после Октябрьской революции ростовые цензы при наборе в армию были отменены. Законы о всеобщей воинской обязанности 1925, 1928, 1930, 1939 и 1967 гг. ростовой ценз также не установили.²⁴⁷ Медицинские комиссии, проверявшие здоровье новобранцев, пользовались инструкциями, которые не публиковались в печати. Имеющиеся сведения позволяют предположить, что как до, так и после войны 1941—1945 гг. ограничений по росту при призыве в армию не было. В 1925—1935 гг. возрастной ценз составлял 21 год к 1 января года призыва, с 1936 г. — 19 лет, с 1967 г. — 18 лет ко дню призыва.

В советское время были опубликованы данные о росте, массе тела и окружности груди призывников (мужчин в возрасте 21 года) только за 1927 г.²⁴⁸ Я обработал данные о росте 65 197 новобранцев, призванных в Ленинграде—Петербурге в 1959—1999 гг. Кроме того, для 1960—1970-х гг. использовались данные о росте мужчин, измеренных антропологами, в возрасте 18—22 лет — именно в этом возрасте российская молодежь призывалась тогда в армию. Вследствие различия цензов, действовавших при наборах в армию до и после 1917 г., данные за советское время не могут быть корректно соединены в единый ряд с дореволюционными данными.

Таким образом, все имеющиеся в моем распоряжении данные о длине тела новобранцев за 1740—1999 гг. корректно разделить на 4 микроряда — 1740—1839 гг., 1840—1855, 1874—1915 и 1927—1999 гг.

В литературе XIX—начала XX в. данные о росте рекрутов, как правило, завышены по той причине, что исследователи, не располагавшие современной вычислительной техникой, упрощали задачу определения средней длины тела двумя способами. Во-первых, они уменьшали число ростовых групп по сравнению с тем, которое имелось в источниках, например, вместо 17 брали 5 или 8 групп. Во-вторых, за средний рост рекрутов какой-либо возрастной группы брали не середину ростового интервала, соответствующего данной группе, а его верхнюю границу. Например, если в источнике указывался интервал от 2 аршин и 3 вершков до 2 аршин и 4 вершков, то за середину интервала принимали 2 аршина и 4 вершка вместо 2 аршин и 3.5 вершка и т. д. Подобный облегченный способ счета занижал средний рост рекрутов на 20—21 мм. Например, известный антрополог конца XIX—начала XX в. Д. Н. Анучин определил среднюю длину тела призывников в 1874—1883 гг. в 1641 мм, между тем как она равнялась 1621 мм.²⁴⁹

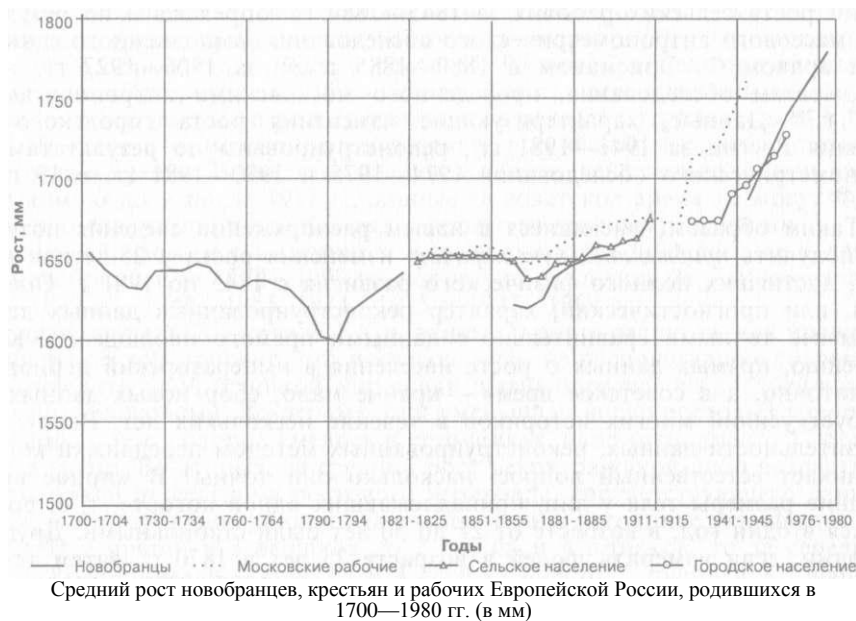
Данные о росте новобранцев могут быть дополнены и одновременно проверены сведениями о росте гражданского населения. Во-первых, данными о росте рабочих-мужчин Москвы, полученными в ходе четырех обследований, проведенных санитарным врачом В. И. Песковым в 1880—1881 гг. и антропологами из Московского университета в 1925—1927, 1957 и 1974—1975 гг.²⁵⁰ Базы данных содержали соответственно 9428, 61 535, 2000 и 1000 измерений лиц в возрасте от 18 до 60 лет, которые в момент обследования работали в промышленности. На основе этих сведений, используя хорошо известный среди антропометристов метод передвижки когорт, можно построить для 1845—1975 гг. динамический ряд роста мужчин, достигших полной физической зрелости в возрасте 25 лет, следующим образом. Известно, что рост мужчин в возрасте от 25 до 50 лет практически не изменяется, а затем начинает слегка уменьшаться.²⁵¹ Благодаря этому можно принять рост 60-летних мужчин, измеренных в 1880 г., за средний *минимальный* рост²⁵² когорты мужчин, родившихся в 1820 г. (1880 г. — 60 лет) и достигших полной физической зрелости в 1845 г. (1820 г. + 25 лет), рост 59-летних — за средний *минимальный* рост когорты мужчин, родившихся в 1821 г. и достигших физической зрелости в 1846 г., и т. д. вплоть до 25-летних мужчин, родившихся в 1855 г. и достигших полной физической зрелости в 1880 г. Таким образом, данные исследования 1880—1881 гг. дали возможность получить представление об изменении роста взрослых рабочих-москвичей за 1845—1880 гг. Аналогичным способом мною построен статистический ряд данных, показывающий изменения роста москвичей за 1886—1927 гг. на основе измерений 1925—1927 гг., ряд данных за 1927—1957 гг. — на основе измерений 1957 г. и ряд данных за 1957—1975 гг. — на основе измерений 1974—1975 гг. Вместе эти данные дают представление об изменении роста взрослых москвичей в 1845—1975 гг.

Методом передвижки когорт были получены данные о росте сельского и городского мужского населения Центральной России. Данные об изме-

нении роста сельских рабочих за 1845—1884 гг. определены по результатам массового антропометрического обследования, выполненного санитарным врачом Ф. Эрисманом в 1880—1885 гг.,²⁵³ за 1906—1927 гг. — по результатам обследования, проведенного московскими антропологами в 1927 г.²⁵⁴ Данные, характеризующие изменения роста городского населения России за 1941—1981 гг., реконструированы по результатам антропометрического обследования 1974—1975 и 1980—1981 гг. в 19 городах.²⁵⁵

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют получить *приблизительную картину* изменения роста у 25-летних мужчин, достигших полного физического развития с 1845 по 1981 г. Оценочный, или прогностический, характер реконструированных данных делает их менее точными сравнительно с данными прямого наблюдения. К сожалению, прямых данных о росте населения в императорский период недостаточно, а в советское время — крайне мало; сбор новых данных потребует усилий многих историков в течение нескольких лет. Ввиду приблизительности данных, реконструированных методом передвижки когорт, возникает естественный вопрос: насколько они точны? В мирное время средние размеры тела у лиц, принадлежавших одной когорте, т. е. родившихся в один год, в возрасте от 25 до 50 лет были стабильными. Другими словами, если измерить людей в возрасте 25 лет в 1870 г., затем тех же людей, точнее, оставшихся в живых, измерить в 1880, 1890 и 1905 гг., то их средний рост будет одинаковым. Однако война изменяла положение и тем серьезнее, чем больше были военные потери. Вследствие гибели огромного числа здоровых и высокорослых мужчин средняя длина тела оставшихся в живых оказывалась меньше, и, следовательно, средний рост тех, кто пережил войну, был меньше среднего роста всех людей данного года рождения, который они имели до войны. Например, москвичи 1898—1909 гг. рождения по результатам обследования 1927 г. имели рост 1655 мм, а по послевоенному обследованию 1957 г. — 1648 мм — на 7 мм меньше. Ввиду этого метод передвижки когорт дает хорошие результаты для мирного времени, не прерываемого большой войной; его использование для реконструкции размеров тела в довоенное время по данным послевоенного обследования может дать неудовлетворительные результаты, степень некорректности которых будет зависеть от масштабов военных потерь. Самый корректный подход состоит в том, чтобы не объединять данные различных обследований в одну базу данных, в один динамический ряд, а рассматривать их автономно. В пределах каждого министатистического ряда данные более или менее правильно отражают изменения в длине тела, но при их объединении могут возникать некоторые несообразности и противоречия, в особенности в местах соединения минирядов.

Следует иметь в виду, что реконструированные данные не могут рассматриваться как абсолютно точные и в пределах минирядов. Но здесь причина заключается не в их прогностической природе, не в использовании метода передвижки когорт, а в том, что исходные сведения, на которых основаны наши выводы об изменении длины тела, являлись не полными, а *выборочными данными*. Они охватывали, во-первых, незначительное число лиц (сравнительно со всем населением), во-вторых, охватывали разное количество лиц в разное время, что позволяет сформировать средние или даже малые выборки, если иметь в виду число измерений лиц каждого возраста за каждый год. Как всякие выборочные данные, они подвержены ошибкам, величина которых может быть легко вычислена. Однако разные размеры выборки (т. е. разное количество данных в разные годы) не позволяют составить такой статистический ряд, в котором

все его члены (показатели) имели бы одинаковую степень точности и достоверности.

Наиболее показательными и надежными являются данные о росте рекрутов, потому что они охватывали десятки и сотни тысяч мужчин. Применительно к 1840—1855 гг. это огромные выборки, а если иметь в виду 1874—1912 гг. — почти сплошные данные, так как медицинскому осмотру подвергались от 42% в 1874—1883 гг. до 54% в 1912 г. всех лиц призывного возраста.²⁵⁶ Остальные не освидетельствовались лишь по той причине, что на них не выпадал жребий служить. В России существовало избыточное по сравнению с потребностью число лиц призывного возраста, поэтому к отбыванию воинской повинности привлекалась по жребию, т. е. вполне случайно, примерно половина лиц, другая половина даже не проходила медицинского осмотра и сразу зачислялась в ополчение. Половина лиц призывного возраста освидетельствовалась, и наиболее здоровая ее часть — 25—30% всех лиц призывного возраста — шла в действующую армию. Говоря строго статистически, данные о росте рекрутов за 1874—1912 гг. — это 40—50%-ная случайная выборка из общего числа лиц 20-летнего возраста. К сожалению, как упоминалось, данные о росте рекрутов для времени до и после 1874 г. несопоставимы из-за изменений требований к их физической годности. И здесь для выявления тенденций в изменении роста мужчин нам помогают результаты антропометрических исследований, о которых речь шла выше.

Для выявления тенденций в изменении длины тела сгруппируем данные по десятилетиям за XVIII в. и пятилетиям за XIX—XX вв. Чтобы избежать затруднений при интерпретации данных, относящихся к длине тела людей разного возраста, измеренных в одно время, в антропометрии принято группировать данные о росте по годам рождения людей. В этом случае все данные как бы приводятся к общему знаменателю, что облегчает их восприятие и интерпретацию (табл. XI.8, XI.9 и график).

Таблица XI.8

Рост новобранцев, взрослого мужского населения Центра Европейской России и новорожденных мальчиков (г. Москва), рожденных в 1821—1961 гг. (в мм)

Годы	Новобранцы	Рабочие Москвы	Сельское население	Годы	Новобранцы	Рабочие Москвы	Сельское население	Новорожденные
1821—1825	—	1649+2	1650+	1871—1875	1639	1658+	1647	524
1826—1830	—	1656+	1652+	1876—1880	1645	1660	1647	525
1831—1835	—	1657	1652	1881—1885	1649	1666	1650	528
1836—1840	—	1653	1652	1886—1890	1651	1668	1659	524
1841—1845	—	1656	1652	1891—1895	1653	1671	1658	528
1846—1850	—	1659	1652	1896—1900	—	1674	1661	525
1851—1855	—	1656	1651	1901—1905	—	1673	1663	533
1856—1860	1622	1653+	1649	1906—1910	—	1678	1675	534
1861—1865	1620	1647+	1639+	1911—1915	—	1672+	—	527
1866—1870	1625	1649	1640+	1916—1920	—	1671	—	528

Таблица XI.8 (продолжение)

Годы	Новобранцы	Рабочие Москвы	Городское население	Новорожденные
1921—1925	—	1711 +	1674+	532
1926—1930	—	1716	1673	529
1931—1935	—	1720	1674	514
1936—1940	—	1739	1689	512
1941—1945	1686	1758	1695	510
1946—1950	—	—	—	513
1954—1955	1720	1765+3	1713+**	516
1960—1961	1736	—	1726+**	521
1961—1965	—	—	—	528
1966—1968	—	—	—	537
1970—1981	17774	—	—	—

2 Знак + означает, что действительная длина тела была выше. ** В возрасте 18—22 лет. *** С.-Петербург.

Источники: Кроме указанных в примечании к табл. XI.6. **Измерения в досоветский период:** Обручев Н. Н. (ред.). Военно-статистический сборник. Вып. 4. Отд. 2. С. 32—39; Отчет о действиях Военного министерства за [1858—1906] год. СПб., 1861—1908; Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за [1876—1895] год. СПб., 1878—1898; Отчет [Управления главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел] о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за [1896—1914] год. СПб., 1898—1916; Сборник сведений по Европейской России за [1882—1885, 1896] год. СПб., 1884—1887, 1897; Столетие Военного министерства. 1802—1902. Т. 4, ч. 2, кн. 1. Отд. 2. С. 178—210; Т. 4, ч. 3, кн. 1. Отд. 2. С. 136, 175, 300; [Кербер, Гольдер]. О физическом исследовании молодых матросов... С. 32—155, 172—263; Медицинское прибавление к морскому сборнику. 1871. Вып. 12. С. 160—165, 178—181, 199, 207, 251—253, 261, 267; Песков В. И. К вопросу о влиянии фабричного труда на здоровье рабочих. С. 198—213; Сырнев А. А. Всеобщая воинская повинность в империи за первое десятилетие 1874—1883 гг.; *Erismann F. G.* Untersuchungen über die körperliche Entwicelung der Arbeiterbevölkerung in Zentralrussland. S. 98—135, 429—484. **Измерения в советский период:** Дерябин В. Е., Пурунджан А. Л. Географические особенности строения тела населения СССР. С. 17—37; Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я. Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет. С. 71—99; Пурунджан А. Л. Географическая изменчивость антропометрических признаков на территории СССР. С. 108—116; Статистический справочник СССР за 1928 год. С. 902—913; Никитюк Б. А. Изменения размеров тела новорожденных за последние 100 лет // Вопросы антропологии. 1972. Вып. 42. С. 78—94.

Рост новобранцев в 1700—1799 гг. (мм в годы рождений)

Год рождения	Рост	Год рождения	Рост	Год рождения	Рост
1700—1709	1647	1740—1749	1646	1780—1789	1609
1710—1719	1637	1750—1759	1633	1790—1799	1605
1720—1729	1633	1760—1769	1637	1800—1819	1637*
1730—1739	1643	1770—1779	1632		

* Предварительные данные.

Источники: Российский исторический архив Военно-морского флота (Ф. 406. Послужные и формулярные списки морского ведомства. Оп. 8. Рекрутские списки и рекрутские наборы); Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Ф. 2. Канцелярия главной артиллерии и фортификации).

Данные табл. XI.8 и XI.9 позволяют обнаружить следующие закономерности в динамике роста: 1) у мужчин 1700—1724 годов рождения рост уменьшался; 2) у мужчин 1725—1744 годов рождения — увеличивался; 3) у мужчин 1745—1794 годов рождения — понижался, 4) у мужчин 1795—1819 годов рождения — увеличивался; 5) у мужчин 1821—1850 годов рождения рост отличался стабильностью или, возможно, слегка понижался; 6) у мужчин 1851—1865 годов рождения — уменьшался; 7) у мужчин 1866—1910 годов рождения — увеличивался; 8) у мужчин 1911—1920 годов рождения — уменьшался; 9) у мужчин 1921—1980 годов рождения — увеличивался. Другими словами, за 1700—1980 гг. ориентировочно выделяются 9 периодов в изменении биологического статуса и, вероятно, благосостояния населения: 1) в первом периоде 1700—1724 гг., охватывавшем примерно 25 лет, статус и благосостояние понижались, 2) во втором, 1725—1744 гг., продолжительностью 25 лет, — повышались, 3) в третьем, 1745—1794 гг., продолжительностью приблизительно 50 лет, — понижались, 4) в четвертом, 1795—1820 гг., продолжительностью 25 лет, — повышались, 5) в пятом, 1821—1850 гг., продолжительностью 30 лет, — были, по-видимому, стабильными или понижались, 6) в шестом, 1851—1865 гг., охватывавшем 15 лет, — понижались, 7) в седьмом, 1866—1910 гг., охватывавшем 45 лет, — увеличивались, 8) в восьмом, 1911—1921 гг., охватывавшем 10 лет, — уменьшались, 9) в девятом периоде, 1921—1980 гг., охватывавшем 60 лет, — увеличивались. Общая протяженность 4 периодов повышения биологического уровня жизни населения составила 150 лет, а четырех периодов его понижения — 100 лет. Из-за недостатка данных пока принимаем, что биологический статус населения в 1820—1851 гг. не изменился. За 280 лет мужчины стали выше примерно на 10—11 см, вероятно, на столько же увеличился и рост женщин. Однако весь прирост практически приходился на последнее столетие, 1866—1980 гг., а в XVIII—первой половине XIX в. наблюдались циклические колебания роста: существенное снижение роста при Петре I было в значительной мере преодолено при Анне Иоанновне; последующее сильное снижение роста в елизаветинское и екатерининское царствование было с лихвой преодолено при Павле I и Александре I. В результате к середине XIX в. рост населения, вероятно, лишь на 10—15 мм превзошел исходный рубеж конца XVII—XVIII в. Расширение источниковой базы антропометрических исследований (особенно за первую половину XIX в. и советский период) в будущем позволит уточнить как периодизацию, так и степень колебаний в длине тела населения. На основании приведенных данных можно предположить, что эпохи реформ и интенсивного расширения территории дорого стоили России, так как они отмечены снижением биологического статуса и, скорее всего, общего благосостояния населения.

Эпоха реформ 1860-х гг. также отмечена снижением роста, правда, оно началось, вероятно, у поколения, рожденного за 10 лет до эмансипации. В 1851—1865 гг. снижение было непродолжительным и по сравнению с XVIII в. несущественным: рост новобранцев понизился на 3 мм, горожан-москвичей — на 12 мм и крестьян — на 13 мм. У новобранцев снижение роста было наименьшим, так как данные об их росте относятся ко всей империи, а данные о росте горожан и крестьян — только к великорусским губерниям, которые в социально-экономическом отношении всегда находились в непривилегированном положении сравнительно с периферией.²⁵⁷ В 1866—1910 гг. происходило увеличение роста, и высшая точка была достигнута поколением 1906—1910 гг. рождения. К этому времени призывники превзошли уровень 1861—1865 гг. примерно на 30 мм, горожане-москвичи — на 31 мм, крестьяне — на 36 мм. Темп увеличения длины тела в пореформенном периоде был более быстрым, чем до эмансипации, следовательно, и биологический статус в пореформенное время улучшился в большей степени, чем в дореформенное. В 1911—1920 гг. происходило менее продолжительное, но зато более интенсивное, чем в 1851—1865 гг., снижение роста (на 7 мм, если судить по Москве и если учитывать различие в длительности этих периодов). Отсюда следует, что биологический статус деградировал во время мировой и гражданской войн интенсивнее, чем в период подготовки и проведения реформ 1860-х гг. В 1921—1961 гг. когорты, рожденные после 1920 г., всего за 5 лет восстановили свой рост и впоследствии быстро его наращивали. Поколение 1956—1961 гг. было на 47—94 мм выше поколения 1916—1920 гг., в том числе новобранцы — на 54 мм, москвичи — на 94 мм, прочие горожане — на 36 мм. Средний рост петербургских новобранцев 1970—1980 гг. рождения составлял 1777 мм, что говорит о том, что в 1962—1980 гг. увеличение роста продолжалось. Сравнение интенсивности увеличения длины тела в 1866—1910 гг. и 1921—1980 гг. приводит к выводу, что в годы советской власти биологический статус улучшался быстрее, чем в пореформенное время. Как можно интерпретировать полученные результаты?

В исторической литературе высказаны разные точки зрения о положении крестьянства до эмансипации, о причинах отмены крепостничества, о характере экономического развития России и динамике благосостояния населения в пореформенное и советское время. В российской дореволюционной историографии на основании данных о ценах, налогах, помещичьей ренте и недоимках был распространен взгляд, в соответствии с которым петровские реформы подорвали благосостояние населения; в остальные годы крепостной эпохи материальное положение крестьянства было неудовлетворительным, но, вероятно, без явной тенденции к его изменению в худшую или лучшую сторону. Перед реформой 1861 г. крепостное хозяйство не испытывало упадка, и отмена крепостничества обуславливалась гуманитарными и политическими, а не экономическими соображениями.²⁵⁸ В советской историографии утвердилась точка зрения, согласно которой положение крестьянства непрерывно ухудшалось, его эксплуатация росла, а крепостная система хозяйства с 1830-х гг. вступила в перманентный социально-экономический кризис, который проявлялся в снижении уровня производства, пауперизации и вымирании крестьянства, а также в увеличении числа крестьянских волнений. Именно этот кризис в первую очередь вынудил правительство отменить крепостное право сверху.²⁵⁹ Одинокие голоса возражавших тонули в хоре сторонников кризисной схемы эмансипации.²⁶⁰ В западной историографии была принята и развита точка зрения дореволюционной российской историографии. Что же касается состояния крепостного хозяйства, то наиболее распространенное мнение сводилось к тому, что перед эмансипацией экономического кризиса не наблюдалось, отмена крепостного права была вызвана страхом крестьянских волнений, военными, финансовыми и другими потребностями государства, культурным и моральным факторами.²⁶¹

Наиболее дискуссионной является проблема социально-экономического развития пореформенной России. Если кратко резюмировать существующие взгляды, то обнаруживаются три точки зрения. Советские историки и их последователи в современной российской историографии полагают, что вследствие тяжелых условий отмены крепостного права (выкуп свободы и земли по ценам, превышавшим рыночные) российская деревня, а вместе с ней и все общество сразу после эмансипации вступили в затяжной социально-экономический кризис, продолжавшийся до Октябрьской революции 1917 г. и породивший ее. Одни западные историки высказывают мнение, что эмансипация сразу привела к улучшению жизни крестьянства. Другие считают, что кризис, вызванный структурными реформами общества и экономики, существовал, но в 1880-е или 1890-е гг. он закончился, после чего Россия вступила в период быстрого экономического роста.²⁶²

Что касается советского периода, то теперь осталось мало историков, которые бы полностью доверяли официальной статистике того времени, говорившей о непрерывно и быстро растущем благосостоянии народа. В России все больше скепсиса высказывается относительно достижений советской власти в области улучшения качества жизни, и только твердые сторонники социалистической идеи считают эти достижения неоспоримыми.²⁶³ Однако ни одна сторона не приводит принципиально новых и достоверных данных, которые бы подтвердили их точку зрения. Западные историки, как правило, держатся золотой середины, считая, что определенные успехи в повышении качества жизни при советской власти были сделаны, в особенности в послевоенный период, но эти достижения не обеспечили прорыва в этой области, в силу чего сильное, в 2—3 раза, отставание по уровню потребления от развитых европейских стран не было преодолено и в 1980-е гг. и перспективы к этому отсутствовали.²⁶⁴ Все, однако, вынужденно полагаются преимущественно на официальные данные за неимением других и частично — на опросы эмигрантов.²⁶⁵ Оба источника, к сожалению, недостаточно объективны.

Антропометрические данные бросают новый свет на спорные вопросы. Они поддерживают точку зрения, что петровские реформы легли тяжелейшим бременем на страну. В царствование Анны Иоанновны наступила стабилизация, снижение биологического статуса не только прекратилось, но наблюдалось его повышение. При Елизавете и Екатерине II произошло катастрофическое ухудшение благосостояния населения, вызванное войной и падением урожайности вследствие похолодания климата. Улучшение в положении населения, т. е. прежде всего крестьянства, началось, вероятно, при Павле I. Именно он начал проводить политику ограничения прав помещиков на эксплуатацию крепостных, которая была поддержана Александром I и Николаем I.

Антропометрические данные позволяют выдвинуть альтернативную точку зрения и относительно динамики благосостояния населения в пореформенное время. Из них следует, что рост мужского населения начал уменьшаться, не позже чем в 1850-е гг., и этот процесс продолжался 15 лет, из которых 10 приходилось на дореформенное время и лишь 5 — на пореформенное. Если бы улучшение в положении крестьянства (90% населения в 1861 г.) началось сразу после эмансипации, то мы должны были бы наблюдать немедленное после освобождения увеличение длины тела. Однако потребовалось еще 10 лет, чтобы преодолеть снижение и достигнуть того роста, который имели мужчины до начала его падения. Следовательно, кризис и его преодоление растянулись примерно на 20 лет, из которых около 10 лет приходилось на дореформенное и 10 лет — на пореформенное время. Отсюда следует, что начало падения биологического статуса и, вероятно, благосостояния населения, в первую очередь крестьянства, связано было, скорее всего, с Крымской войной 1853—1855 гг., породившей острый финансовый и экономический кризис и принесшей большие человеческие жертвы. Во всеподданнейшем отчете военного министра Н. О. Сухозанета за 1856 г. была высказана просьба об отмене рекрутских на-

боров до 1860 г. ввиду крайнего истощения крестьянства: «Чрезвычайные наборы и призывы людей в течение двух лет, с ноября 1853 по ноябрь 1855 года, уменьшили рабочее население по среднему исчислению до 10 процентов, а в местах, где свирепствовали холера и тиф, — на 20 и более процентов».²⁶⁶

Кризис, вызванный Крымской войной, плавно перешел в социально-экономическую перестройку российского общества, особенно интенсивно проходившую во время Великих реформ 1860—1870-х гг., но начавшуюся по крайней мере за 5 лет до объявления в феврале 1861 г. манифеста об освобождении помещичьих крестьян, сразу после окончания войны, когда 30 марта 1856 г. император Александр II в речи перед представителями московского дворянства заявил о необходимости отменить крепостное право: «Лучше отменить крепостное право сверху, чем ждать, когда оно само будет отменено снизу». Всем стало ясно, что эмансипация состоится, и все начали к ней каждый по-своему готовиться. Основываясь на антропометрических данных, можно предположить, что перестройка, начатая речью императора, благополучно завершилась в основных чертах в 1870-х гг., и уже в 1880-е гг. население улучшило свой биологический статус сравнительно с дореформенным временем. Интересно отметить, что повышение роста по времени совпало с мировым аграрным кризисом 1870—1880-х гг., который особенно сильно затронул Россию в 1880-е гг.²⁶⁷ Возможно, аграрный кризис послужил фактором, затормозившим, но не прекратившим восстановление биологического статуса.

В пользу предлагаемой интерпретации полученных результатов говорят, во-первых, прямые данные о питании, смертности и здоровье населения в пореформенное время. К сожалению, данные о потреблении не имеют формы динамического ряда, уровень питания определялся только 3 раза — в 1850-х гг., 1890-х гг. и 1910-х гг., и результаты измерений позволяют сказать, что в 1890-е гг. питание было хуже, чем в 1850-е гг., а в 1913—1915 гг. — лучше, чем в 1890-е гг.²⁶⁸ Во-вторых, между 1850-ми и 1890-ми гг. наблюдалась высокая и неустойчивая смертность, а с 1890-х гг. — устойчивое снижение смертности (подробнее об этом далее).²⁶⁹ В-третьих, в 1850—1860-е гг., по-видимому, наблюдалось ухудшение здоровья населения, что проявлялось в повышении процента рекрутов, получивших временное или постоянное освобождение от военной службы по невозможности и недостатку роста (что часто бывает следствием недоедания), а также по состоянию здоровья: в 1863—1865 гг. (новобранцы 1840—1842 гг. рождения) было забраковано 24.4%, в 1881—1885 гг. (новобранцы 1861—1865 гг. рождения) — 41.3%; в 1900-е гг. (новобранцы 1880-х гг. рождения) процент забракованных стал уменьшаться и к 1911—1912 гг. (новобранцы 1891—1892 гг. рождения) упал до 28.4. Российская общественность активно обсуждала вопрос о вырождении русского народа, основываясь преимущественно на данных о снижении физических качеств рекрутов. Сетования начались в 1872 г.: «В отношении здоровья, — писал один священник Смоленской губернии в 1872 г., — прежнее поколение имеет преимущество перед настоящим: между молодыми людьми не видно таких рослых, с такими широкими плечами, какие заметны почти у всех стариков».²⁷⁰ По инерции жалобы продолжались до начала XX в., хотя уже в 1880-е гг. тенденция изменилась. В-четвертых, перерасчет национального дохода России за 1885—1913 гг., произведенный П. Р. Грегори, показывает значительное повышение расходов на личное потребление начиная со второй половины 1880-х гг.²⁷¹

Отметим еще один важный факт: длина тела у москвичей (жителей большого города) превышала средний рост горожан, а последние в свою очередь были выше крестьян. В современных развитых странах сельские жители в отношении длины тела превосходят горожан, а в развивающихся странах часто бывает наоборот. Соотношение длины тела разных групп населения в России свидетельствует о том, что биологический статус у москвичей был выше, чем у жителей средних и малых городов, а у последних — выше, чем

у крестьян. Это согласуется с прямыми данными о потреблении городского и сельского населения в последней трети XIX—начале XX в., из которых следует, что качество питания у горожан было выше, они потребляли больше продуктов животного происхождения, но по калорийности потребления они уступали крестьянам.²⁷² В период депрессии, 1851—1865 гг., рост существенно уменьшился у крестьян. Но зато в периоды увеличения благосостояния рост у крестьян прогрессировал быстрее, чем у москвичей и горожан вообще. Это приводило к выравниванию роста и, следовательно, физиологического статуса у крестьян и горожан.

Большой интерес представляет сравнение показателей роста русских и нерусских в пределах Европейской России. Русские, как правило, были ниже нерусских. В 1874—1883 гг. средний рост призывников из 28 великорусских губерний равнялся 1620 мм, а из 22 остальных губерний — 1627 мм. Причина заключалась в том, что центральное российское правительство стремилось с помощью налоговой системы поддерживать такое положение в империи, чтобы материальный уровень жизни нерусских, проживавших в национальных окраинах, был выше, чем собственно русских.²⁷³

За 1907—1920 гг. мы располагаем сведениями лишь о росте взрослых и новорожденных москвичей. Как показывают данные за другие годы, столичные жители всегда были выше сельских и нестоличных городских жителей и находились в отношении биологического статуса в привилегированном положении. Следовательно, резонно предположить, что если в столице наблюдалось снижение роста, то в еще большей степени это происходило в остальной стране. Данные по Москве свидетельствуют, что с 1911—1915 гг., когда изменение длины тела у мужского населения вступило в фазу снижения, почти буквально повторилась ситуация, которую мы наблюдали в XIX в. после Крымской войны и Великих реформ: 10 лет снижения роста (поколения 1911—1915 и 1916—

1920 гг. рождения), его восстановление и последующее быстрое увеличение. Так же как и тогда, снижение роста совпало с неудачной, кровопролитной, дорогостоящей Первой мировой войной 1914—1918 гг., закончившейся поражением России, финансовым и общественным кризисом, революцией, за которой последовали крупная, не уступавшая по своему значению эмансипации 1861 г. аграрная революция и гражданская война. Если в 1861 г. разрушалось помещичье крепостное право, то теперь — помещичье землевладение.

Данные об изменении роста у различных групп городского населения за 1921—1935 гг. дают не во всем сходную картину. Если судить по Москве, то с 1921 г. биологический статус населения стал неуклонно и быстро повышаться, если судить по другим городам, то оказывается, что снижение статуса в 1921—1925 гг. только приостановилось и потребовалось еще 15 лет, как было после отмены крепостного права, чтобы превзойти его довоенный уровень. Отсюда следует, что у разных групп населения и биологический статус изменялся по-разному. Москва, как и до революции, вероятно, находилась в привилегированном положении, поэтому и ее население с началом нэпа испытывало значительный рост благосостояния, в то время как население средних и малых городов медленно приспосабливалось к новым условиям.

Из-за недостатка сведений о росте трудно сказать что-либо определенное относительно биологического статуса деревни в 1920—1930-е гг. Но накануне коллективизации, в 1927 г., судя по последним опубликованным в советское время массовым антропометрическим данным, население страны, включая и крестьян, в основном оправилось от бедствий обеих войн. Средний рост 21-летних призывников в городе равнялся 1676 мм, в деревне — 1675 мм, а средняя масса — соответственно 61.6 и 61.9 кг.²⁷⁴ Отсюда следует, что индекс массы тела (Body Mass Index — отношение массы тела, выраженной в килограммах, к росту, выраженному в метрах) равнялся соответственно 22.00 и 22.54, т. е. был достаточно высоким, свидетельствующим об удовлетворительном биологическом статусе населения.

Итак, как это ни парадоксально, с окончанием гражданской войны в 1920 г. и вплоть 1980-х гг., а вероятно, и до перестройки 1985—1991 гг., длина тела у мужского городского населения не уменьшалась, даже у тех, кто родился во время индустриализации и массовой коллективизации. А начиная с поколения 1936—1940 гг. рождения увеличение тела происходило необычайно быстро, причем на этот раз подъем охватил не только столичное, но все городское население. За 44 года, 1936—1980 гг., прибавка роста составила у разных категорий населения от 47 до 91 мм — такого российские мужчины еще не испытывали. Отсюда следует, что в годы советской власти биологический статус основной массы городского и, возможно, сельского населения (поскольку городское население включало много сельских мигрантов) в целом повышался. Как это можно объяснить и как вообще это могло произойти в условиях непрерывного давления государства на жизненный уровень населения?

Вопрос чрезвычайно сложный; я позволю себе предложить следующее сугубо предварительное объяснение. Российские граждане нашли разумный выход из, казалось бы, безнадежной ситуации, сложившейся в СССР в 1930—1980-е гг. — они увеличили если не общие, то по крайней мере душевые доходы семьи за счет главным образом внутренних резервов, но отчасти и внешних источников четырьмя способами. Во-первых, за счет сокращения расходов, связанных с рождением и воспитанием детей, для чего они резко уменьшили рождаемость. Во-вторых, за счет уменьшения затрат, связанных с заболеваемостью, общей и детской смертностью, вследствие резкого сокращения той, другой и третьей — здесь государство предприняло большие усилия и взяло инициативу на себя, но затраты легли, конечно, на плечи трудящихся. В-третьих, за счет того, что значительное число ранее не работавших или не в полную меру работавших женщин пошло работать за зарплату или жалованье, поскольку спрос на рынке труда был огромный, а при уменьшении числа детей возможности отдать их в ясли, детские сады и в школы резко возросли. Наконец, за счет более равномерного распределения материальных благ как между разными стратами общества, так и внутри страт.

Перечисленные возможности открылись главным образом благодаря переходу от традиционного к современному типу воспроизводства населения, или так называемой демографической революции, произошедшей в СССР в основном в 1920—1960 гг. с большим опозданием от западноевропейских стран, где она в начале XX в. уже завершилась. В ходе этой революции резко сократилась рождаемость главным образом за счет внутрисемейного регулирования, существенно уменьшилась смертность за счет коренного изменения причин смерти (резко снизилась смертность от инфекционных заболеваний) и в конечном счете установился современный, т. е. более рациональный и экономичный, тип воспроизводства населения. Динамика коэффициентов рождаемости хорошо показывает, как проходила демографическая революция (табл. XI.10).

Некоторое уменьшение рождаемости обнаружилось еще в пореформенное время. Затем произошло кратковременное и существенное снижение рождаемости, вызванное Первой мировой и гражданской войнами, революцией и послевоенной разрухой. К середине 1920-х гг. восстановился довоенный уровень рождаемости. Но уже во второй половине 1920-х гг. наметилась тенденция к ее снижению, которая резко усилилась в 1930-е гг. К началу Отечественной войны рождаемость снизилась на четверть. Война снова искусственно вызвала ее резкое снижение, однако по ее окончании довоенный уровень рождаемости не восстановился. В первые послевоенные годы наблюдалось незначительное временное повышение рождаемости, достигшее максимума в 1949 г., а затем произошло новое и на этот раз необратимое понижение рождаемости, которая к 1960 г. впервые опустилась ниже 25 рождений на тысячу человек населения и продолжала падать впоследствии. Па-

дение рождаемости, несмотря даже на существенное снижение детской смертности (с 206 в 1920-е гг. до 29 на тысячу новорожденных в 1960-е гг.), резко уменьшило детность семей (табл. XI.11). За 1890—1960 гг. число рожденных (ожидаемых) детей в городских семьях уменьшилось в 2.29 раза, в сельских семьях — в 2.05 раза. Снижение рождаемости было обусловлено главным образом намеренным предотвращением рождений (в основном через аборт, по числу которых Россия до сих пор занимает первое место в мире). Некоторое значение имело увеличение числа разводов и возраста вступления в первый брак у женщин — с 1897 г. по 1989 г. (за более раннее время нет точных данных) в среднем по стране с 21.4 до 22.4, а также повышение доли женщин, никогда не состоявших в браке: среди женщин 1900—1909 гг. рождения, следовательно, вступивших в брачный возраст в 1915—1924 гг., процент таких женщин равнялся 3.1, а среди женщин 1939—1948 гг. рождения, вступивших в брачный возраст в 1955—1964 гг., — 3.7.²⁷⁵

Таблица XI.10

Общий коэффициент рождаемости населения СССР за 1918—1969 гг.
(на тысячу человек населения)

Год	Коэффициент	Год	Коэффициент	Год	Коэффициент	Год	Коэффициент
1867	51.2	1926	44.0	1938	37.5	1952	26.5
1887	49.9	1927	43.7	1939	36.5	1953	25.1
1897	50.0	1928	44.3	1940	31.2	1954	26.6
1913	45.5	1929	41.8	1946	23.8	1955	25.7
1921	35.3	1930	41.2	1947	25.7	1957	25.4
1922	36.8	1932	32.6	1948	24.1	1958	25.3
1923	42.8	1935	31.6	1949	28.5	1959	25.0
1924	41.0	1936	34.3	1950	26.7	1960	24.9
1925	45.0	1937	38.7	1951	27.0	1970	17.4

Источники: Население СССР. 1973. М., 1975. С. 69; Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. С. 39—40; Урланис Б. Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Вишневецкий А. Г. (ред.). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 11—12.

Феноменальное снижение общей смертности (39.8 летальных случаев на тысячу человек населения в 1850-е гг., 30.2 — в 1900-е гг., 22.9 — в 1920-е гг. и 7.4 — в 1960-е гг.) привело к увеличению средней продолжительности жизни (25.8 года в 1838—1850 гг., 32.34 года в 1896—1897 гг., 44.35 года в 1926—1927 гг., 68.59 года в 1958—1959 гг.)²⁷⁶ и соответственно к увеличению числа лиц пожилого нетрудоспособного возраста. Но благодаря уменьшению количества детей общее число нетрудоспособных членов в семье уменьшилось. В 1926 г. на 100 человек в трудоспособном возрасте приходилось 92 человека в нетрудоспособном возрасте, в том числе 76 детей и 16 лиц пенсионного возраста, а в 1959 г. — соответственно 74, 53, 21.²⁷⁷ Отсюда следует, что за 1926—1959 гг. общая нагрузка на трудоспособное население в семье в целом уменьшилась на 20%. Кроме того, большинство людей нетрудоспособного возраста при советской власти стали получать пенсию, что освободило или по крайней мере уменьшило бремя их содержания для детей. Наконец, общество и отдельные семьи выиграли за счет снижения заболеваемости и увеличения времени, прожитого каждым человеком в трудоспособном возрасте.

Каждый человек, каждая семья и общество в целом выиграли от демографической революции не только вследствие уменьшения числа детей и уменьшения смертности, но и от рационализации самого процесса воспроизводства населения. В демографии существует специальный показатель, который оценивает экономичность воспроизводства населения, называемый

«цена простого воспроизводства населения». Он подсчитывается как отношение демографических «затрат» и «результатов». «Затраты» выражаются через общее число девочек, которых рождает одна женщина, прожившая до конца репродуктивного периода, а «результаты» — через то число из родившихся девочек, которые доживают до репродуктивного возраста. При таком подходе «цена простого воспроизводства» — число девочек, которых необходимо родить каждой женщине, чтобы обеспечить простую замену материнского поколения, — в России изменялась следующим образом: 1838—1851 гг. — 2.40, 1874—1883 гг. — 2.14, 1904—1913 гг. — 1.84, 1926—1927 гг. — 1.55, 1938—1939 гг. — 1.49, 1958—1959 гг. — 1.08, 1969—1970 гг. — 1.05.²⁷⁸ С 1913 г. по 1959 г. экономичность воспроизводства населения увеличилась в 1.7 раза, а в целом за весь изучаемый период — в 2.3 раза. Приведенные данные позволяют предположить, что увеличение роста в пореформенное время, в 1866—1910 гг., также было, хотя бы отчасти, связано с уменьшением затрат на воспроизводство населения.

Таблица XI.11

Среднее число рожденных или ожидаемых детей у состоявших в браке женщин в 1890—1978 гг.*

Годы рождения женщин	Среднее число детей у		
	городского населения	сельского населения	всего населения
1890—1894	4.71	5.54	5.39
1895—1899	4.14	5.43	5.25
1900—1904	3.38	4.86	4.61
1905—1909	2.88	4.43	3.96
1910—1914	2.76	3.85	3.50
1915—1919	2.46	3.66	3.14
1920—1923	2.08	2.96	2.46
1924—1928	2.07	3.01	2.44
1929—1933	2.05	3.19	2.49
1934—1938	2.07	3.42	2.56
1939—1943	2.07	3.45	2.55
1944—1948	2.05	3.29	2.43
1949—1953	2.00	3.06	2.33
1954—1958	2.01	2.91	2.31
1959—1960	2.06	2.70	2.28
1961—1964	1.97	3.20	2.41
1965—1969	1.96	3.15	2.35
1970—1974	1.93	2.86	2.22
1975—1978	1.92	2.72	2.15

* За 1890—1928 гг. — фактическое число рожденных детей, за остальные годы — фактическое и ожидаемое (по результатам опроса женщин).

Источники: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974. С. 44, 64; Вишневский А. Г., Волков А. Г. (ред.). Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 159, 184, 191.

Современный тип воспроизводства рационализировал весь жизненный цикл семьи и человека, в особенности женщины. Преимущественно прокреативные функции женщины, прежде поглощавшие огромные силы с момента наступления половой зрелости до старости, сократились и сконцентрировались на определенном моменте жизненного цикла, высвободив время, силы, энергию, которыми она воспользовалась в значительной мере для работы ради улучшения семейного бюджета. Напомним некоторые известные дан-

ные, которые в этом контексте приобретают новое звучание. Процент женщин среди рабочих и служащих (без колхозов) за 1922—1960 гг. увеличился почти в 2 раза, с 25 до 47, а в колхозах они всегда работали наравне с мужчинами. Число не работающих по найму женщин трудоспособного возраста (16—54 лет) за 1939—1970 гг. снизилось с 46.6 до 18.4% — более чем в 2.5 раза. Таким образом, начиная с 1940-х гг. женщины работали по найму почти наравне с мужчинами: их доля среди занятых в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи составляла в 1939 г. 30%, в 1959 г. — 39%, в сельском хозяйстве — соответственно 52 и 54%, в торговле, общественном питании, снабжении и сбыте — 41 и 61%, в просвещении, здравоохранении и науке — 60 и 71%.²⁷⁹

По уровню образования женщины постепенно приблизились к мужчинам. В 1897 г. среди последних в возрасте 9—49 лет грамотные составляли 40.3%, а среди женщин — 16.6, в 1939 г. — соответственно 93.5 и 81.6%, в 1970 г. оба пола достигли всеобщей грамотности. Число лиц со средним и высшим образованием среди мужчин составляло в 1897 г. 1.4%, среди женщин — 0.9, в 1939 г. — соответственно 12.7 и 9%, в 1959 г. — 39 и 34%, в 1970 г. — 52 и 45%. Доля женщин в общей численности специалистов с высшим и средним специальным образованием постоянно повышалась: в 1940 г. она составила 36%, в 1960 г. — 59%. Подобной женской трудовой и культурной активности не знала ни одна страна мира.²⁸⁰ По закону мужчины и женщины, выполнявшие идентичную работу, должны оплачиваться одинаково. Но фактически заработная плата женщин, как правило, составляла около 68% от зарплаты мужчин для занятых в промышленности и 75% — для занятых в сельском хозяйстве, как утверждает официальная статистика, вследствие различия в образовании, профессии, квалификации и тяжести работы.²⁸¹

Чтобы женщины могли развить столь интенсивную трудовую активность, должны были существовать важные предпосылки: юридические права, рабочие места, густая сеть дошкольных и школьных учреждений, медицинское обслуживание, гарантированная пенсия, пособия многодетным семьям, одиноким и кормящим матерям, по беременности и др. Следует признать, что государство, оказывавшее огромный нажим на жизненный уровень населения, вместе с тем создало такую систему социального обеспечения и гарантий, которая хотя и не была адекватна потребностям, тем не менее до конца советского режима существовала и со своими функциями более или менее справлялась. Даже в 1930-е гг., после коллективизации, по удачному выражению Ш. Фицпатрик, государству удавалось поддерживать у крестьян менталитет, свойственный гражданам «государства всеобщего благоденствия», благодаря компромиссу, на который оно пошло с крестьянством в вопросе приусадебных участков.²⁸²

Таким образом, общий выигрыш от изменения характера воспроизводства населения оказался настолько большим, что позволил улучшить биологический статус населения, несмотря на громадные размеры государственной эксплуатации, правда, ценой большого напряжения со стороны мужчин и в особенности женщин. Перестав быть родильными машинами, они отчасти превратились в машины по производству товаров, услуг и домашней работы, которая по-прежнему оставалась в их исключительной компетенции.

Советское общество мобилизовало и такой важный внутренний резерв для улучшения биологического статуса, как выравнивание доходов огромной массы населения на некотором среднем для всех прожиточном минимуме. В антропометрической истории установлено, что неравенство в распределении доходов между различными группами населения в обществе является вторым по значимости для длины тела фактором после среднего дохода на душу населения. Уменьшение неравенства в доходах, оцененного с помощью коэффициента Джини, на 10% приводит к увеличению длины тела взрослых на 14 мм при той же величине дохода на душу населения.

Причем чем беднее общество, тем чувствительнее биологический статус его населения к степени неравенства в распределении доходов.²⁸³ К сожалению, квалифицированных оценок изменения уровня неравенства в СССР пока не существует, однако бесспорно, что начиная с октября 1917 г. огромная государственная машина безостановочно работала, чтобы свести на нет материальное неравенство между людьми, и достигла в этом больших успехов.

Кроме нутритивной концепции, объясняющей рост человека биологическим статусом, существует также генетическая гипотеза, согласно которой миграция и урбанизация способствуют увеличению длины тела благодаря гетерозису (heterosis) — высокой подвижности населения и смешанным бракам между людьми, принадлежащими к разным этническим и территориальным группам.²⁸⁴ Если эта гипотеза верна, то из нее следует, что особенно быстрое увеличение длины тела, наблюдавшееся в России в 1921—1961 гг., происходило также благодаря феноменальным темпам урбанизации (доля городского населения в России с 1921 по 1961 г. увеличилась с 15 до 50%).

Итак, с точки зрения изменений роста у российских мужчин, 1700—1980 гг. можно разделить на 9 периодов повышения и снижения, которые последовательно сменяли друг друга. Длина тела у взрослых женщин и мужчин в 1845—1881 и 1945—1999 гг. изменялась более или менее согласованно, но мужчины были систематически выше на 12—13 см.²⁸⁵ В период увеличения длины тела происходило повышение биологического статуса населения и всего, что за ним стояло: улучшение питания, медицинского обслуживания, жилищных условий, социальной защиты, психологического комфорта, уменьшение заболеваемости, смертности и т. п., наоборот, в периоды уменьшения длины тела биологический статус снижался и соответственно качество жизни падало. На протяжении изучаемого времени складывались большей частью благоприятные предпосылки для изменения биологического статуса: в продолжение 150 лет рост людей увеличивался и в течение 100 лет уменьшался, в остальные годы был стабильным, следовательно, только один год из каждых трех был неблагоприятным. Самой благоприятной для биологического статуса была советская эпоха, так как именно тогда среднегодовые темпы прироста были самыми высокими: в 1921—1980 гг. длина тела у разных групп населения увеличилась на 47—94 мм, в то время как в 1866—1910 гг. прибавление роста находилось в пределах 6—55 мм.

Основные источники улучшения биологического статуса в советское время, а возможно, и в пореформенный период, заключались не столько в росте производства и потребления, сколько в изменении структуры семьи, в повышении экономической роли женщин, в уменьшении затрат на воспроизводство человека, в чрезвычайно равномерном распределении материальных благ, оставляемых государством на потребление людей, и, возможно, в феноменальной социальной мобильности населения. Именно внутренние источники семьи и более рациональное их использование обеспечили, как мне думается, выживание народа в трудных условиях, когда огромные средства должны были выделяться на индустриализацию, преобразование быта и культуры, создание современной инфраструктуры, на образование, армию и бюрократию. Благодаря мобилизации этих внутренних резервов модернизация и экономический рост России в 1861—1980 гг. произошли без понижения физиологического статуса широких слоев населения, а возможно, и материального благосостояния.

Представляет большой интерес сравнение длины тела в разных странах. В конце XIX в. русские по этому показателю находились посередине среди различных народов мира, а среди европейских народов были на несколько миллиметров выше поляков, итальянцев, испанцев, португальцев, венгров и французов, всем же остальным европейцам и народам других развитых стран, за исключением японцев, русские (так же как белорусы и украинцы) уступали. Наиболее высоким ростом отличались представители северно-

европейских народов, а также канадцы и американцы, которые были выше русских на 6—7 см. В XX в. во всех странах Европы и Северной Америки, как и в России, проходила акселерация, однако она мало изменила соотношение роста между русскими и другими народами. Русские остались выше тех, кого они обгоняли в XIX в., и ниже тех, кому они уступали. В 1990-е гг. самыми высокими были голландцы 1970-х гг. рождения — 185 см, затем шведы — 184 см, немцы — 183 см, им уступали американцы (178 см), долгое время бывшие лидерами в отношении роста. Длина тела 20-летних петербуржцев, родившихся в 1970—1980 гг. равнялась 178 см, т. е., как и сто лет назад, русские уступали самым высоким народам мира на 6—7 см.²⁸⁶ Если биологический статус повышается, как настаивают антропометристы, пропорционально изменению длины тела, то проведенное сравнение показывает, что **Россия с точки зрения всего того, что за этим статусом скрывается, развивалась, по крайней мере до начала 1980-х гг., примерно такими же темпами, как и большинство развитых стран.** Конечно, биологический статус — это не синоним жизненного уровня, благополучия и дохода, но он имеет исключительно большое значение для человека. Может быть, в улучшении биологического статуса и лежит главная причина длительного существования советского строя, бесчеловечного в одном и гуманного в другом, и тех ностальгических чувств, которые к этому режиму до сих пор испытывают многие российские граждане, биологический статус которых после распада СССР в 1991 г., вероятно, ухудшается.

Антропометрические данные, при всей их ориентировочности, подтверждают некоторые важные выводы, сделанные нами в предыдущих главах книги. Во-первых, вывод о том, что во времена крепостного права не происходило систематического снижения благосостояния населения, и, возможно, это являлось важным фактором длительного существования крепостничества, и что в последние десятилетия существования крепостничества не наблюдалось глобального социально-экономического кризиса. Во-вторых, вывод о том, что структурные изменения в обществе и экономике, вызванные петровскими, екатерининскими и Великими реформами, прошли болезненно для благосостояния населения. На основании приведенных данных можно предположить, что советская модернизация если и не несла систематического повышения уровня жизни, то все-таки сопровождалась повышением физиологического статуса основной массы населения — той части, которая не подвергалась репрессиям.²⁸⁷ 280-летняя траектория динамики биологического статуса людей, рожденных в 1700—1980 гг. и измеренных в 1730—1999 гг., позволяет думать, что наблюдаемое с середины 1980-х гг. снижение статуса, о масштабах которого мы можем пока догадываться, а измерить сможем через 20 лет — после 2005 г., является временным явлением, вызванным системными реформами, преобразующими прямо или косвенно все сферы общественной жизни. С их завершением, когда Россия вступит в эпоху социального и экономического прогресса, должен начаться новый виток повышения благосостояния населения. Опыт России показывает, что фаза интенсивного снижения биологического статуса населения обычно продолжалась от 10 до 20 лет и совпадала с периодами крутых перемен — петровскими, екатерининскими, Великими, столыпинскими и большевистскими реформами. Это говорит о том, к сожалению для живущих в эпоху перемен, что *реформы без снижения жизненного уровня невозможны*, по крайней мере в России. Но, с другой стороны, дает надежду на то, что кризис, начавшийся в середине 1980-х гг., к 2005 г., завершится, и мы вступим в фазу подъема благосостояния населения.

Summa sumarum

Повышение роста населения в течение трех столетий, XVIII, XIX и XX вв., как главная тенденция, прерываемая время от времени тяжелыми войнами, радикальными реформами или общественными смутами, может служить доказательством успешной в целом модернизации, которая к тому же шла в России с ускорением. Если в XVIII—первой половине XIX в. российские мужчины, возможно, на 15 мм увеличили свой рост, то за вторую половину XIX—начало XX в. рост повысился на 30—40 мм, за XX в. — на 60—80 мм. В целом за три столетия они стали почти на 11 см выше, значит, на 11 см выше подняли голову над землей, стали видеть дальше и понимать больше.

Поспешая вперед, не стоит, однако, забывать, что почти всякое достижение сопровождается потерями, нередко безвозвратными утратами. Например, рефлексия вытесняла интуицию, рациональность — эмоциональность, представительная демократия — непосредственную демократию, индивидуализм — общинность и коллективизм, деловые отношения заменяли привязанность и дружбу, законность — справедливость и т. д. Рефлексия и расчетливость снижали эмоциональность, непосредственность, душевность. Холодный, расчетливый, безнравственный человек скорее преуспеет в жизни, чем эмоциональный, нравственный бесребренник. Первый может совершить любой поступок ради выгоды, второй следует нравственным нормам и поэтому проигрывает, даже если он умнее и образованнее. Русский крестьянин, как всякий традиционный человек, придерживался твердых моральных принципов, был равнодушен к собственности, был уверен, что деньги пахнут и что цель не оправдывает средства. Плохо ли это?

Приборы с успехом заменяют органы чувств, часто превосходя последние по чувствительности и точности. Это замечательно. Но еще в начале XX в. крестьянин выходил в поле босиком и подошвой своей ступни оценивал температуру, влажность и готовность земли к севу, по приметам предсказывал погоду и урожай. Теперь такие способности утрачены. Можно ли считать это прогрессом?!

Рыночная экономика и частная собственность экономически эффективны, но создают много других проблем. Индустриализация повысила производительность труда, но в то же время, в особенности социалистическая индустриализация, породила экологический кризис и парниковый эффект, который грозит новым потопом. Где белый снег, чистая вода, свежая зелень цветов и деревьев в российских городах и их окрестностях?! Успехи медицины способствовали демографическому взрыву в развивающихся странах, что увеличило бедность и страдания их населения, и блокировали действие механизма естественного отбора, что ведет к увеличению процента людей с хроническими и наследственными заболеваниями и, возможно, к снижению генетического и интеллектуального потенциала людей в развитых странах.

Свобода — это прекрасно. Однако она открывала двери не только самодеятельности и инициативе в рамках закона, но и преступному поведению. Личная свобода, полученная в результате Великих реформ, привела почти к четырехкратному росту преступности. В крепостническую эпоху строгий контроль общины за поведением своих членов, их солидарность, соседский, дружеский характер их отношений, низкая мобильность населения, с одной стороны, сдерживали людей с криминальными наклонностями, а с другой стороны, мешали преступникам скрыться от правосудия, народного или официального. После эмансипации общинные отношения медленно разлагались, и это привело к росту отклоняющегося поведения вообще и криминального в частности. Издержки обретения политической свободы в 1906 г. также были велики — они стали предпосылкой кровопролитной революции и гражданской войны. Свобода, вновь обретенная человеком в постсовет-

Рис. 55. Монах сеет рожь. 1900 г.

ской России, также имела не только позитивные, но и негативные последствия, например, многократный рост преступности, обнищание населения и огромную имущественную дифференциацию, падение морали, рост эгоцентризма и культура материальных потребностей, распространение массовой культуры и других опасных тенденций власти «толпы».

Утраты особенно болезненно ощущаются в переходный период, когда от привычного приходится отказываться, а к изменениям еще не приспособились и не успели ощутить благо нового. Когда заменяются институты и верования, не исчерпавшие своей целесообразности, переход к другим бывает особенно болезненным и трудным и чреват регрессиями. Например, наблюдаемое в 1990-е гг. возрождение религиозной веры (согласно социологическим опросам, проведенным в декабре 1997 г., 32.1% молодых людей в возрасте 16—26 лет верят в Бога против 2% в 1980-е гг., 27% сомневаются, 13.9% безразличны к вопросу веры и лишь 14.6% не верят)²⁸⁸ — явный результат насильно навязанной в советское время секуляризации, проявление религиозных импульсов, долгие годы подавлявшихся.

К сожалению, мир, который уходит, мы теряем навсегда. Понятна грусть по этому поводу. Но удержать, а тем более вернуть его невозможно. Попытки сделать это закончатся не только безрезультатно, но и трагически, как уже не однажды случалось в истории России, Франции, Германии и других стран. Желаящего судьба ведет, нежелающего — тащит.

Мудрецы советуют не торопить события: Россия часто страдала от излишней спешки; есть не только трудности жить сразу в двух мирах — традиционном и современном, но и преимущества — не повторять ошибок первопроходцев; в свое время все разумное придет в Россию и станет действительным. Однако Клио повелительно говорит нам: опасность в промедлении, с повзрослением следует торопиться, затянувшееся возмужание может перейти в необратимую задержку развития, в социальный и политический инфантилизм, настало время для мужественных решений и гражданской ответственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Развитие индивидуализма является достаточно популярным сюжетом в западной общественной мысли: *Dumont L. Essays on Individualism: Modern Ideology in Anthropological Perspective*. Chicago: University of Chicago Press, 1986; *Lukes St. Individualism*. New York: Harper and Row, 1973; *Macfarlane A. The Origin of English Individualism*. Oxford: Oxford University Press, 1978; *Shanahan D. Toward a Genealogy of Individualism*. Amherst: The University of Massachusetts Press, 1992; и др. Специальные исторические работы на русском языке по этой теме отсутствуют, если не считать книги: *Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.* СПб., 1914. Т. 1, 2. А. С. Лаппо-Данилевский в последние годы жизни работал над монографией «Лицо, общество и государство в России XVIII в.», которая осталась незавершенной; материалы хранятся в: Архив РАН, ф. 113 (А. С. Лаппо-Данилевский), оп. 1, д. 158, 159. Судя по рукописи, автор пришел к выводу, что на фоне образования сословий, возникновения общественного мнения происходил процесс выделения личности из патриархальных союзов, а затем из-под государственного гнета: *Черная Л. А., Сорокина М. Ю. Предисловие // Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв.* М., 1990. С. 5—6.

² *Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы*. Л., 1974. С. 32.

³ *Гуревич В. Я. Хулиганство // Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13—16 февраля 1914 г. в Петербурге в 1914 г.* Пг., 1916. С. 6—7.

⁴ *Нюбергер Дж. Власть слова: Рабочие против хозяев в мировых судах // Черняев В. Ю. (ред.). Анатомия революции*. СПб., 1994. С. 24; *Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции // Там же*. С. 24.

⁵ *Farnsworth B. The Litigious Daughter-in-law: Family Relations in Rural Russia in the Second Half of the Nineteenth Century // Slavic Review*. 1986. Vol. 45, No. 1.

⁶ *Савченко И. Старое и новое в народном убранстве и одежде // ЖС. 1890. Вып. 1. С. 103—114. Феномен моды исследован Г. Зиммелем: Кон И. С. (ред.). История буржуазной социологии XIX—начала XX века*. М., 1989. С. 186—187.

⁷ *Блок М. Характерные черты французской аграрной истории*. М., 1957. С. 262—275; *Треvelyан Дж. М. Социальная история Англии: Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории*. М., 1959. С. 389—395; *Удальцова З. В. (ред.). История крестьянства в Европе. Т. 2: Эпоха феодализма*. М., 1986. С. 32—43, 199—200; *Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией*. М., 1897. С. 534—588.

⁸ *Galtung J., Rudeng E., Heiestad T. On the Last 2500 Years in Western History, and Some Remarks on the Coming 500 // Burke P. (ed.). The New Cambridge Modern History*. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1979. Companion vol. XIII. P. 318—362. Проблема «Россия и Европа» имеет большую историографию, правда, преимущественно спекулятивного характера. См., например: *Губман Б. Л. (ред.). Россия и Запад: Диалог культур*. Тверь, 1994; *Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея*. Пб., 1922; *Крахмальникова З. А. (сост.). Русская идея: Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм*. М., 1994; *Хомяков А. С. Опыт катехизического изложения учения о церкви*. М., 1864; *Ядов В. А. Россия в мировом пространстве // Социологические исследования*. 1996. № 3; *Hollander P. Soviet and American Society: A Comparison*. New York: Oxford University Press, 1973; *Schuhart W. Russian and Western Man*. New York, 1950; *Wittram R. Russia and*

- Europe. London: Harcourt Brace Iovanovich, 1973.
- ⁹ *Gillis J. R.* The Development of European Society: 1770—1870. Washington: University Press of America, 1983. P. XI—XV.
- ¹⁰ *Ibid.* P. XV—XVI.
- ¹¹ *Болотов А. Т.* Записки. СПб., 1873. Т. 4. Стб. 1020; *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 15; *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. XVI—XVII.
- ¹² *Мионов Б. Н.* Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет: X—XX вв. // *Studia Humanistica.* 1996. Исследования по истории и филологии. С. 24—46.
- ¹³ *Фрлова И. И.* (ред.). Книга в России: 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 69—86.
- ¹⁴ *Петров М. К.* Язык, знак, культура. М., 1991. С. 317—320; см. также предисловие к книге, написанное С. С. Неретиной (С. 3—18).
- ¹⁵ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века). СПб., 1994. С. 384—390.
- ¹⁶ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2: Вера. Творчество. Образование. М., 1994. С. 468.
- ¹⁷ *Веселовский А. А.* Любовная лирика XVIII века: К вопросу о взаимоотношении народной и художественной лирики XVIII в. СПб., 1909. С. 155—68; *Лихачев Д. С.* (ред.). Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1956. Т. 2, кн. 2. С. 150—152; *Новикова А. М.* (ред.). Русское народное поэтическое творчество. М., 1978. С. 314—328.
- ¹⁸ *Гуревич А. Я.* Ведьмы в деревне перед судом (народная и ученая традиция в понимании магии) // *Успенский Б. А.* (ред.). Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 45—46.
- ¹⁹ Подробнее см.: *Мионов Б. Н.* 1) Революция цен в России XVIII в. // *ВИ.* 1971. № 11. С. 49—61; 2) Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.). Л., 1985. С. 45—49, 111—113, 169—188; *Mironov B. N.* 1) Le mouvement des prix des céréales en Russie du XVII 1-e siècle au début du XX-e siècle // *Annales: Économies. Sociétés. Civilisations.* 1986. Vol. 41, No 1. P. 217—251; 2) Consequences of the Price Revolution Eighteenth-Century Russia // *The Economic History Review.* 1992. Vol. 45. August. P. 457—478. См. также: *Иванова М. В.* Экономическое развитие России и большие циклы мировой конъюнктуры // *Широкопад Л. Д., Рязанов В. Т.* (ред.). Экономическое наследие Н. Д. Кондратьева и современность. СПб., 1994. С. 88—102.
- ²⁰ *Бердяев Н. А.* Души русской революции // *Вехи. Из глубины.* М., 1991. С. 283. Такую же цель — вернуться к более древнему общественному строю преследовали крестьянские движения во Франции XVII в.: *Mousmier R.* Peasant Uprising in Seventeenth-Century France, Russia, and China. New York: Evanston: Harper and Row, 1970. P. 305—348.
- ²¹ *Стэйтс Р.* Русская революция и культура и ее место в истории культурных революций // *Черняев В. Ю.* (ред.). Анатомия революции. СПб., 1994. С. 373—374; *Gleason A., Kenez P., Stites R.* (eds.). Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1985. P. 1—20. См. также: *Keep J. L.* The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York: W. W. Norton, 1976. P. 205—207. О революции как регенерации традиционной культуры см.: *Кантор К. М.* История против прогресса. М., 1992. С. 49—59.
- ²² *Васютинский В.* Разрушители машин в Англии: (Очерки истории луддитского движения). М.; Л., 1929.
- ²³ *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 9.
- ²⁴ *Gillis J. R.* The Development of European Society. P. XIII—XIV; *Fletcher A., Stevenson J.* (eds.). Order and Disorder in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 1985; *Laslett P.* The World We Have Lost. New York: Scribner, 1965. P. 182—209; *Weber E.* Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870—1914. London: Chato and Windus, 1977. P. 485—496.
- ²⁵ *Masaryk Th. G.* The Spirit of Russia: Studies in History, Literature and Philosophy. London; New York: G. Allen and Unwin; Macmillan, 1955. Vol. 1. P. 1—9; *Miliukov P., Seignobos Ch., Eisenmann L.* Russian History. New York: Funk and Wagnalls, 1968. Vol. 1. P. XVIII—XXI, 98; *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500—1453. New York; Washington: Praeger Publishers, 1971.
- ²⁶ *Chirot D.* (ed.). The Origins of Backwardness in Eastern Europe: Economics and Politics from the Middle Ages to the Early Twentieth Century. Berkeley, CA: University of California Press, 1989; *Okey R.* Eastern Europe, 1470—1980: From Feudalism to Communism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982; *Wandycz P. S.* The Price of Freedom: A History of East Central Europe from the Middle Ages to the Present. London; New York: Routledge, 1992.
- ²⁷ *Треvelьян Дж. М.* Социальная история Англии. С. 21—121; *Galtung J., Rudeng E., Heiestad T.* On the Last 2500 Years in Western History... P. 320—329; *Goubert P.* The Ancient Regime: French Society, 1600—1750. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973; *Huppert G.* After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1986; *Laslett P.* The World We Have Lost; *Pennington D. N.* Seventeenth Century Europe. London; New York: Longman, 1970; *Weber E.* A Modern History of Europe: Men, Culture, and Society. New York: W. W. Norton, 1971. P. 3—36, 183—220.

²⁸ Бессмертный Ю. Л. 1) Историческая демография позднего средневековья на современном этапе // Средние века. 1987. Т. 50. С. 292—293; 2) Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С. 222—229; Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976; Вишневский А. Г., Кон И. С. (ред.). Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979; Flinn M. W. The European Demographic System: 1500—1820. Brighton: Harvester Press, 1981; Gowgill D. O. Transition Theory as General Population Theory // Ford T. R., De Jong G. F. (eds.). Social Demography. Englewood Cliffs, NJ, 1970. Зарождение ограничительных тенденций роста населения во Франции относится к XIV—XV вв.

²⁹ Boh K. et al. (eds.). Changing Patterns of European Family Life: A Comparative Analysis of Fourteen European Countries. London; New York, 1989; Flandrin J.-L. Families in Former Times: Kinship, Household and Sexuality. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1979. P. 118—144; Gillis J. R. For Better, For Worse: British Marriages, 1600 to the Present. New York; Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 130—134; Gottlieb B. The Family in the Western World from Black Death to the Industrial Age. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993; Mitterauer M., Reindard S. The European Family: From Patriarchy to Partnership from the Middle Ages to the Present. Oxford: Basil Blackwell, 1982. P. 227—234; Shorter E. The Making of the Modern Family. New York: Basic Books, 1977. P. 39—44, 54—78, 218—227; Stone L. The Rise of the Nuclear Family in Early Modern England: The Patriarchal Stage // Rosenberg Ch. E. (ed.). The Family in History. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1975. P. 13—59. Впрочем, насилия в семейных отношениях много даже в современных западных странах. Например, в США в 1980-е гг. в 28% семей встречались случаи физической агрессии супругов друг против друга, в 4% случаев с применением оружия; Campbell A. Men, Women and Aggression. New York: Basic Books, 1993. P. 103. Ежегодное число женщин, избиваемых своими мужьями, оценивается социологами в 3—5 млн человек, а мужчин, избиваемых женщинами, в 6 раз меньше, следовательно, 0.5—0.8 млн. Общественные науки за рубежом. Реферативный журнал. Сер. 3: Философия и социология. 1986. № 3. С. 159—165.

³⁰ Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988; Anderson A., Zinsser J. P. A History of Their Own: Women in Europe from Prehistory to the Present. New York: Harper and Row, 1988. Vol. 1, 2; Aries Ph. Centuries of Childhood: A Social History of Family Life. London: Jonathan Cape, 1962; Lloyd M. (ed.). The History of Childhood. New York: The Psychohistory Press, 1974; Pollock L. A. A Lasting Relationship: Parents and Children over Three Centuries. Hanover and London: University Press of New England, 1987.

³¹ Laslett P., Wall R. (eds.). Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 623; Wall R. (ed.). Family Forms in Historic Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

³² Дюби Ж. Структура семьи в средневековой Западной Европе. М., 1970. С. 1—9; Berkner L. K. The Use and Misuse of Census Data for the Historical Analysis of Family Structure // Journal of Interdisciplinary History. 1975. No. 4. P. 721—738; Flandrin J.-L. Families in Former Times: Kinship, Household and Sexuality. P. 5—92.

³³ Bush M. L. (ed.). Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification. London; New York: Longman, 1992.

³⁴ Филд Д. Социальные представления в дореволюционной России // Дякин В. С. (ред.). Реформы или революция? Россия 1861—1917: Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 70, 78.

³⁵ Banac I., Bushkovitch P. (eds.). The Nobility in Russia and Eastern Europe. New Haven: Yale University Press, 1983.

³⁶ Хачатурян Н. А. Французское крестьянство в системе сословной монархии // Удальцова З. В. (ред.). Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 103—111.

³⁷ Gies F., Gies J. Life in a Medieval Village. New York et al.: Harper and Row, 1990. P. 88—105; Hippert G. After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe. P. 1—13, 30—40.

³⁸ Анохин Г. И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971. С. 167, 184, 190; Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. С. 77—104; Котельникова Л. Л. Крестьянская община // Удальцова З. В. (ред.). История крестьянства в Европе. Т. 2: Эпоха феодализма. М., 1986. С. 476—492; Котова Л. В. Социальная организация и содержание общинного самоуправления в Германии XIV—XV вв. // Удальцова З. В. (ред.). Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 150—154; Рошер В. Наука о народном хозяйстве в отношении к земледелию и другим отраслям первоначальной промышленности. М., 1869. С. 234—237; Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. С. 37—48; Hey D. An English Rural Community: Myddle Under Tudor and Stuart. Leicester, 1974; Le Roy-Ladurie E. 1) The Peasant of Languedoc. Urbana, IL et al.: University of Illinois Press, 1974; 2) The French Peasantry: 1450—1660. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1987.

³⁹ Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907. С. 165.

⁴⁰ Там же. С. 141—166; Дживелегов А. К. Средневековые города в Западной Европе. СПб., 1902; Эшли У. Дж. Экономическая ис-

- тория Англии в связи с экономической теорией. С. 285—297; *Ястребицкая А. Л.* Европейский город: (Средние века и раннее новое время: Введение в современную урбанистику). М., 1993; *Doyle W.* The Old European Order: 1660—1800. Oxford et al.: Oxford University Press, 1990. P. 126.
- ⁴¹ *Russo D. J.* Families and Communities: A New View of American History. Nashville, 1974.
- ⁴² *Томпсон Ф. М.* История европейских сельских обществ // Цивилизации. М., 1995. Вып. 3. С. 209—218; *Якубский В. А.* Основные проблемы истории крестьянства Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы // *Какх Ю. Ю.* (ред.). История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3. С. 234—247; *Vardi L.* Serfdom: Western Europe // *Stears P. N.* (ed.). Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000. Detroit et al.: Charles Scribner's Sons, 2001. Vol. 2. P. 369—378; *Gorshkov B.* Serfdom: Eastern Europe // *Ibid.* P. 379—388. *Aston T. H., Philis C. H. E.* (eds.). Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1985; *Blum J.* The End of the Old Order in Rural Europe. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978; *Slicher van Bath B. H.* The Agrarian History of Western Europe: A. D. 500—1850. New York: St. Martin's Press, 1963.
- ⁴³ *Bendix R.* Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order. Berkeley et al.: University of California Press, 1977. P. 175—211; *Heady T.* Public Administration: A Comparative Perspective. New York; Basel, 1983. P. 136—173; *Heater D. B.* Order and Rebellion: A History of Europe in the Eighteenth Century. London et al.: G. G. Harrap, 1964. P. 223—229; *Madariaga I.* 1) Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven; London: Yale University Press, 1981. P. 581—588; 2) Sisters under the Skin // *Slavic Review.* 1982. Vol. 41, No. 4. P. 624—628.
- ⁴⁴ *Gillis J. R.* The Development of European Society. P. 19—20.
- ⁴⁵ Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную Думу третьего созыва: Статистический отчет особого делопроизводства. СПб., 1911. С. VI; *Hamerow Th. S.* The Birth of a New Europe. Chapel Hill; London: The University of North Carolina Press, 1983. P. 302—304.
- ⁴⁶ *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986. С. 177—180.
- ⁴⁷ *Зарудный М. И.* Общественный быт Англии. СПб., 1865. С. 131—143.
- ⁴⁸ *Гернет М. Н.* Моральная статистика. М., 1922. С. 50—97; О преступности в Англии и во Франции // БдЧ. 1854. № 10. С. 43—54; Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М., 1933. Т. 33. Стб. 375—378; *Cockburn J. S.* 1) Patterns of Violence in English Society: Homicide in Kent, 1560—1985 // *Past and Present.* 1991. No. 130. February. P. 70—106; 2) (ed.). Crime in England: 1550—1800. London, 1977; *Curr T. R.* Contemporary Crime in Historical Perspective: A Comparative Study of London, Stockholm, and Sydney // *Annual of the American Academy of Political and Social Science.* 1977. No. 434. P. 114—136; *Zehr H.* The Modernization and Crime in Germany and France: 1830—1913 // *Journal of Social History.* 1975. Vol. 8, No. 4. P. 117—141.
- ⁴⁹ *Burke P.* Popular Culture in Early Modern Europe. New York et al.: Harper Torchbooks, 1978; *Cantor N., Werthman M. S.* (eds.). The History of Popular Culture to 1815. New York; London: The Macmillan Co., 1968; *Greyerz K.* (ed.). Religion and Society in Early Modern Europe: 1500—1800. London, 1984; *Scarre G.* Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth-Century Europe. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International, 1987; *Scribner R. W.* Popular Culture and Popular Movements in Reformation Germany. London; Roncererte: The Hambledon Press, 1987; *Thomas K.* Religion and Decline of Magic. New York: Scribner, 1971.
- ⁵⁰ *Виззель Ф.* Зарисовки российского быта XVIII—XIX веков: Гадалки и их клиенты // ОИ. 1997. № 1. С. 159—167.
- ⁵¹ *Огеева О. Г.* Религиозность русских людей в первой четверти XVIII века глазами западноевропейских мемуаристов: Ю. Юль, Х.-Ф. Вебер // *Горский А. А.* (ред.). Русская история: Проблема менталитета: Тезисы докладов научной конференции. Москва, 4—6 октября 1994. М., 1994. С. 102—105; *Doyle W.* The Old European Order. 1660—1800. P. 152—155.
- ⁵² *Scarre G.* Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth-Century Europe. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International, 1987. P. 25, 30.
- ⁵³ *Pocs E.* Between the Living and the Dead: A Perspective on Witches and Seers in the Early Modern Age. Budapest: Central European University Press, 1998.
- ⁵⁴ *Doyle W.* The Old European Order. 1660—1800. P. 152—155.
- ⁵⁵ *Roger E. M.* Social Change in Rural Society: A Text-book in Rural Sociology. New York, 1960. P. 208—209.
- ⁵⁶ *Каразин В. Н.* Языческий праздник в Европе в XIX столетии христианского летоисчисления // *Каразин В. Н.* Сочинения, письма, бумаги. Харьков, 1910. С. 582—584.
- ⁵⁷ [Дашкова Е. П.]. Записки княгини Е. Р. Дашковой. М., 1990. С. 480.
- ⁵⁸ *Кони А. Ф.* Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 535.
- ⁵⁹ *Маслов П.* Аграрный вопрос в России. Т. 2: Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. СПб., 1908. С. 73.
- ⁶⁰ См., например, ставшую классической книгу: *Haskins Ch. H.* The Renaissance of the 12th Century. Cleveland; New York: The World Publishing Company, 1964.
- ⁶¹ *Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 414.
- ⁶² *Миронов Б. Н.* Историк и социология. Л., 1984. С. 140—162; *Кон И. С.* Психология

юношеского возраста: (Проблемы формирования личности) М., 1979. С. 59—77. Американский историк русского происхождения, М. Левин, считает, что русские крестьяне в 1900—1920-е гг. жили примерно как французские крестьяне в XVI в.: *Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia.* New York: Panteon Books, 1985. P. 52.

⁶³ *Бердяев Н. А. Духи русской революции.* С. 251.

⁶⁴ *Хачатурян Н. А., Хачатурян В. М. Средневековая культура России и Западной Европы: Идентичность и расхождение // Цивилизации.* М., 1995. Вып. 3. С. 62—79.

⁶⁵ *Милюков П. Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 158. См. также: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси.* М.; Пг., 1923. С. 181—186; *Кареев Н. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России: По поводу теории Павлова-Сильванского.* СПб., 1910. С. 137—145.

⁶⁶ *Black C. E. The Modernization of Russian Society // Black C. E. (ed.). The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. P. 679.

⁶⁷ *Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России.* М., 1988; *Пресняков А. Е.* 1) Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909; 2) Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1; 3) Образование великорусского государства. Пг., 1918; *Фроянов И. Я.* 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

⁶⁸ *Бердяев Н. А. Духи русской революции.* С. 256, 258.

⁶⁹ *Gillis J. R. The Development of European Society.* P. XI—XVI.

⁷⁰ *Shanahan D. Toward a Genealogy of Individualism.* P. 9—10, 75—76.

⁷¹ *Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History.* New York, 1994. P. 200—224; *Gillis J. R. The Development of European Society.* P. XI—XVI. См. также: Критический анализ буржуазных теорий модернизации: Сб. обзоров. М., 1985; *Крупина Т. Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX—начала XX в. // ИСССР.* 1971. № 1. С. 191—205; *Поткина И. В., Селунская Н. Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // Там же.* 1990. № 4. С. 194—206; *Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study.* New York; London: The Free Press, 1986.

⁷² *Маркович Д. Социология труда.* М., 1988. С. 502—551.

⁷³ Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (далее: Особое совещание. Труды местных комитетов). Т. 8: Волынская губерния. СПб., 1903. С. 134.

⁷⁴ *Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 2: Всенародная агрономия.* СПб., 1905. С. 84—89.

⁷⁵ Настенный календарь на [1850—1900] год. СПб., 1849—1899.

⁷⁶ *Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 2. С. 85—86. Число местных праздников изменялось от прихода к приходу: Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии.* СПб., 1884. Вып. 1—10.

⁷⁷ *Буницкий К. Вычисление дней, празднуемых в течение года рабочими людьми в Александровском уезде, Екатеринославской губернии // Зап. имп. об-ва сельского хозяйства Южной России.* 1866. С. 306—310; *Быкопя Г. Ф. (ред.). Город у Красного Яра.* Красноярск, 1986. С. 35—36; *Доброзраков М. Село Ульяновка Нижегородской губернии Лукояновского уезда // Этнографический сборник.* СПб., 1853. Вып. 1. С. 33; Заметка о влиянии праздничных и прогульных дней на общее экономическое положение России // *Владимирские епархиальные ведомости.* 1865. № 7; *К. Д. Несколько замечаний об урочных работах в сельском хозяйстве // Журнал МГИ.* 1853. Ч. 47. С. 237; *Преображенский В. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении.* СПб., 1854. С. 99—101; *Соловьев Я. А. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии.* М., 1855. С. 226; *Сумароков П. Деревенские письма // ОЗ.* 1861. Т. 138. С. 510.

⁷⁸ *Владимирский В. Обзорение современного состояния сельского хозяйства России.* СПб., 1874. С. 5, 22—25; Доклад Комиссии 1873 г. СПб., 1873. Отд. 1. С. 201—204. Поступили сведения из 38 губерний, из которых в 27: 1) Виленской, 2) Витебской, 3) Воронежской, 4) Гродненской (в некоторых селениях не изменилось), 5) Екатеринославской, 6) Казанской, 7) Калужской, 8) Киевской, 9) Ковенской, 10) Костромской, 11) Минской, 12) Московской, 13) Нижегородской (в Княгининском уезде осталось без изменения, в некоторых селениях Горбатовского уезда уменьшилось), 14) Новгородской, 15) Орловской, 16) Подольской, 17) Полтавской, 18) Псковской, 19) Рязанской, 20) С.-Петербургской, 21) Самарской, 22) Саратовской, 23) Смоленской, 24) Тамбовской, 25) Тверской, 26) Харьковской, 27) Херсонской — число праздников увеличилось, в 8 губерниях: 1) Владимирской, 2) Курляндской, 3) Лифляндской, 4) Могилевской, 5) Пензенской, 6) Симбирской, 7) Тульской, 8) Эстляндской — не изменилось, в 2 губерниях: Таврической и Черниговской — уменьшилось.

⁷⁹ *Петерсон Н. Л. (сост.). Просвещение (Особое совещание. Свод трудов.).* СПб., 1903. С. 12—14; Особое совещание. Труды местных комитетов. Т. 3: Бессарабская губерния. СПб., 1903. С. 62—76, 188, 386; Т. 4: Виленская губерния. СПб., 1903. С. 27—28, 115; Т. 5: Витебская губерния. СПб., 1903. С. 444; Т. 6: Владимирская губерния. СПб., 1903. С. 184; Т. 8: Волынская губерния. СПб., 1903. С. 134; Т. 10: Вятская губерния. СПб., 1903. С. 40, 451; Т. 11:

Гродненская губерния. СПб., 1903. С. 172—173, 258, 345, 459—461; Т. 14: Калужская губерния. СПб., 1903. С. 19, 26—27, 50, 64; Т. 15: Киевская губерния. СПб., 1903. С. 132, 604, 716—717, 1069—1070, 1131—1134; Т. 17: Костромская губерния. СПб., 1903. С. 463; Т. 19: Курская губерния. СПб., 1903. С. 48—49, 79—83, 358—360, 541; Т. 21: Минская губерния. СПб., 1903. С. 127, 174, 282; Т. 22: Могилевская губерния. СПб., 1903. С. 94; Т. 23: Московская губерния. СПб., 1903. С. 512—513, 585—586, 616, 631, 673; Т. 24: Нижегородская губерния. СПб., 1903. С. 45; Т. 25: Новгородская губерния. СПб., 1903. С. 263, 410—412, 442—443, 457—458; Т. 31: Подольская губерния. СПб., 1903. С. 164, 463—464, 481—483, 486, 561—562, 802, 804, 811, 814—817, 936—941, 1007, 1015—1018, 1053—1054, 1112; Т. 32: Полтавская губерния. СПб., 1903. С. 352—353, 641—642, 718, 724—735; Т. 33: Псковская губерния. СПб., 1903. С. 69—70, 113, 118, 126, 127, 146—147, 192, 235—236, 251—252, 344—346; Т. 34: Рязанская губерния. СПб., 1903. С. 272—273, 387—393, 571—572, 582; Т. 35: Самарская губерния. СПб., 1903. С. 174; Т. 36: С.-Петербургская губерния. СПб., 1903. С. 39, 41; Т. 37: Саратовская губерния. СПб., 1903. С. 412, 446, 566, 608; Т. 39: Смоленская губерния. СПб., 1903. Ч. 2. С. 176, 179, 247—248, 306; Т. 40: Таврическая губерния. СПб., 1903. С. 189—190; Т. 41: Тамбовская губерния. СПб., 1903. С. 198, 430; Т. 42: Тверская губерния. СПб., 1903. С. 275, 445; Т. 44: Уфимская губерния. СПб., 1903. С. 184—185; Т. 45: Харьковская губерния. СПб., 1903. С. 414; Т. 46: Херсонская губерния. СПб., 1903. С. 66, 68—69, 214, 261; Т. 47: Черниговская губерния. СПб., 1903. С. 94—96, 116, 432.

⁸⁰ Буницкий К. Вычисление дней, празднуемых в течение года.... С. 306.

⁸¹ Владимирский В. Обзорение современного состояния сельского хозяйства России. С. 5.

⁸² Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 924.

⁸³ Там же; Доклад Комиссии 1873 г. Отд. 1. С. 201—224; Астырев Н. М. Праздники в крестьянском быту Московской губернии // Статистический ежегодник Московского губернского земства за 1887 г. М., 1887. Отд. 8. С. 1—26; Карышев Н. Труд, его роль и условия приложения в производстве. СПб., 1897. С. 302—309; Статистическое описание Калужской губернии. Козельский уезд. Вып. 2. Текст. Калуга, 1889. С. 200—235.

⁸⁴ СЗРИ 1857. Т. 4. Ст. 1046; Скребицкий А. И. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Бонн-на-Рейне, 1865/6. Т. 3. С. 1277—1297.

⁸⁵ Положение 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М., 1916. Гл. 3. Ст. 189.

⁸⁶ РГИА, ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода), оп. 37, д. 26. О соображениях к сокращению праздничных дней, л. 3.

⁸⁷ Доклад Комиссии 1873 г. Отд. 1. С. 201—224; Владимирский В. Обзорение современного состояния сельского хозяйства России. С. 5.

⁸⁸ Подсчитано по данным, указанным в сноске 78.

⁸⁹ Материалы для статистики России, собираемые по ведомству МГИ. СПб., 1859—1860. Вып. 2. С. 187—188; Вып. 3. С. 105—113; Вып. 4. С. 84—85; Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. СПб., 1857. Вып. 2. С. 26—27, 72—74.

⁹⁰ Материалы для статистики России, собираемые по ведомству МГИ. Вып. 2. С. 249, 257.

⁹¹ Там же. Вып. 1. С. 1—4.

⁹² Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919. С. 150

⁹³ Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1903.

Ч. 1. С. 82—83, 84—85, 106—107, 148.

⁹⁴ По данным Л. В. Милова, относящимся к

середине XVIII в., на монастырской барщине

затраты труда на обработку десятины посева

составили по нечерноземным губерниям

72.6—73.6 человеко-дня, по черноземным

губерниям — 41.35—43.45 человеко-дня: Милов

Л. В. Великорусский пахарь и особенности

российского исторического процесса. М., 1998. С.

204—206. Это намного больше — в 2,2 раза для

нечерноземных и в 2,9—4 раза для черноземных

— по сравнению с данными кадастровых отрядов

МГИ и земских статистиков. При подобных

затратах труда государственные крестьяне

Владимирской, Калужской, Костромской,

Нижегородской, Псковской и Ярославской

губерний в нечерноземной полосе и

Воронежской, Екатеринославской, Курской,

Орловской, Пензенской, Саратовской,

Тамбовской, Тульской и Харьковской в черно-

земной полосе в середине XIX в. не могли бы

обработать принадлежавшую им землю, даже

если бы они работали все дни, кроме воскресений

и общегосударственных праздников, а крестьяне

Смоленской губернии — даже в том случае, если

бы они работали 365 дней в году. Такие

невероятные нормы труда, возможно,

объясняются тем, что на монастырской барщине

они были либо завышены с учетом ее

подневольности, либо от крестьян требовалось

неординарное качество работы. Парадокс состоит

также и в том, что агротехника в течение второй

половины XVIII—XIX в. понемногу улучшалась,

вследствие чего затраты труда на десятину посева

должны были постепенно увеличиваться, а не

уменьшаться.

⁹⁵ Материалы для статистики России, со-

бираемые по ведомству МГИ. Вып. 4. С. 90—91;

Вып. 5. С. 56—57.

⁹⁶ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1.

С. 84—85.

⁹⁷ Челинцев А. Н. Теоретические основания

организации крестьянского хозяйства.

- С. 126. См. также: *Чаянов А. В.* Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С. 39. По данным губернского предводителя дворянства Казанской губернии в начале 1870-х гг., «крестьянам для обработки своих наделов и поддержания усадеб достаточно от 70 до 80 рабочих дней в году» (Доклад Комиссии 1873 г. Отд. 1. С. 207).
- ⁹⁸ *Челинцев А. Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. С. 126.
- ⁹⁹ Подсчитано по данным Трудов местных комитетов, указанных в сноске 78.
- ¹⁰⁰ Особое совещание. Свод трудов местных комитетов. Т. 47. Черниговская губерния. С. 67.
- ¹⁰¹ Материалы для статистики России, собираемые по ведомству МГИ. Вып. 2. С. 187—188; Вып. 3. С. 26—27, 105—113; Вып. 4. С. 62—63, 84—85; Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. Вып. 2. С. 20, 26, 67, 72; *Clark G.* Productivity Growth without Technical Change in European Agriculture before 1850 // *The Journal of Economic History*. 1987. Vol. 47. June. P. 427—429.
- ¹⁰² *Маньков А. Г.* (ред.) Соборное Уложение 1649 года. СПб., 1987. С. 33—34, 190.
- ¹⁰³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1962. Кн. 7. С. 128.
- ¹⁰⁴ СЗРИ 1857. Т. 4. Ст. 1046.
- ¹⁰⁵ *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979. С. 262—263.
- ¹⁰⁶ Особое совещание. Труды местных комитетов. Т. 3: Бессарабская губерния. С. 72; Т. 34: Рязанская губерния. С. 272—273; Т. 47: Черниговская губерния. С. 432.
- ¹⁰⁷ Архив РГЭМ, ф. 7 (Этнографическое Бюро В. Н. Тенишева), оп. 2, д. 208, л. 1.
- ¹⁰⁸ Там же, д. 275, л. 17, 78.
- ¹⁰⁹ *Петерсон Н. Л.* (сост.). Просвещение. С. 12; Особое совещание. Труды местных комитетов. Т. 25: Новгородская губерния. С. 457—458.
- ¹¹⁰ *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 354.
- ¹¹¹ *Громыко М. М.* 1) Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; 2) Мир русской деревни. М., 1991. С. 73—86.
- ¹¹² Доклад Комиссии 1873 г. Отд. 1. С. 201—224; *Петерсон Н. Л.* (сост.) Просвещение. С. 12—13; *И. В.* Анкета о праздновании различных праздников в Грязовецком уезде Вологодской губернии // Изв. Архангельского об-ва изучения Русского Севера. 1913. № 10. С. 445—447; Материалы по оценке земель Херсонской губернии. Т. 2: Елисаветградский уезд. Херсон, 1886. С. 252—254; *Небольсин П.* Около мужичков // ОЗ. 1861. Т. 138. С. 243; Положение крестьянского хозяйства: Причины его упадка: Община и большое число праздничных дней // Труды ВЭО. 1878. Т. 3, вып. 3. С. 375—381.
- ¹¹³ 4.1 млрд человеко-дней в год получено следующим образом: 72 дополнительных рабочих дня (20% от общего числа дней в году) умножалось на 57 млн крестьян в рабочем возрасте.
- ¹¹⁴ Цит. по: Заметка о влиянии праздничных и прогульных дней. С. 306.
- ¹¹⁵ *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 2. С. 435.
- ¹¹⁶ *Астырев Н. М.* Праздники в крестьянском быту... С. 25—26.
- ¹¹⁷ РГИА, ф. 1405 (Министерство юстиции), оп. 543, д. 387, л. 259—270. Записка министра земледелия и государственных имуществ Н. В. Муравьева по вопросу о влиянии на производительность земледельческого труда в России чрезвычайного числа нерабочих дней. Доклад Комиссии 1873 г. Отд. 1. С. 201—224; *Петерсон Н. Л.* (сост.). Просвещение. С. 12—14.
- ¹¹⁸ *Burke P.* Religion and Secularization // *Burke P.* (ed.). *The New Cambridge Modern History Companion* vol. 13. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 308—312.
- ¹¹⁹ *Владимирский В.* Обзорение современного состояния сельского хозяйства России. С. 22—25; *Смирнов М. И.* Культ и крестьянское хозяйство в Переяславль-Залесском уезде: (По этнографическим наблюдениям). Переяславль-Залесский, 1927; *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. Л., 1988. С. 213—229.
- ¹²⁰ Особое совещание. Свод трудов местных комитетов. Т. 3: Бессарабская губерния. С. 62—74.
- ¹²¹ *Сумароков П.* Деревенские письма. С. 509.
- ¹²² Заметка о влиянии праздничных и прогульных дней. С. 306.
- ¹²³ Доклад Комиссии 1873 г. Отд. 1. С. 212. Вплоть до начала XX в. приходское духовенство выступало против сокращения числа праздников: Особое совещание. Свод трудов местных комитетов. Т. 25: Новгородская губерния. С. 263; Т. 31: Подольская губерния. С. 563—564. Саратовская губерния. С. 566.
- ¹²⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 543, д. 387, л. 271—283. Справка о работе в праздничные дни по учению церкви; Особое совещание. Свод трудов местных комитетов. Т. 31: Подольская губерния. С. 565; Т. 15: Киевская губерния. С. 716, 1131.
- ¹²⁵ См. главу III «Демографические процессы и проблемы» в т. 1 наст. изд.
- ¹²⁶ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 247—249.
- ¹²⁷ *Чаянов А. В.* 1) Организация крестьянского хозяйства. С. 10—11; 2) Влияние состава и величины семьи на ее хозяйственную деятельность // Труды ВЭО. 1912. № 1—2. С. 1—12; *Челинцев А. Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. С. 125.
- ¹²⁸ *Коринфский А. А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и по-

словит русского народа. М., 1995. С. 481—506, 530—547.

¹²⁹ Даль В. И. Пословицы русского народа. С. 821.

¹³⁰ Особое совещание. Свод трудов местных комитетов. Т. 33: Псковская губерния. С. 157.

¹³¹ Особое совещание. Свод трудов местных комитетов. Т. 31: Подольская губерния. С. 565.

¹³² Особое совещание. Свод трудов местных комитетов. Т. 10: Вятская губерния. С. 440. 451.

¹³³ Доклад Комиссии 1873 г. Отд. 1. С. 223—224; Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие. СПб., 1876. Т. 2. С. 582—584.

¹³⁴ Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 34. У казанских и крымских татар насчитывалось около 75 праздничных дней, включая пятницы (РГИА, ф. 911, оп. 1, д. 89), а их грамотность в 1897 г. составляла у лиц старше 9 лет в Казанской губернии 25.2%, в том числе 27.9% у мужчин и 22.6% у женщин, и 25.7% в Таврической губернии, в том числе 26.3% у мужчин и 25.7% у женщин, в то время как доля грамотных среди всех мусульман империи составляла 7% (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 14: Казанская губерния. СПб., 1904. С. 136—139; Т. 41: Таврическая губерния. СПб., 1904. С. 126—129). Следует отметить, что в этих губерниях грамотность русских превышала среднероссийский уровень: 30.9% в Казанской, в том числе 46.9% у мужчин и 16.5% у женщин, и 33.6% в Таврической губернии, в том числе 48.9% у мужчин и 16.4% у женщин.

¹³⁵ Миронов Б. Н. Динамика грамотности в Прибалтике во второй половине XVIII—XIX в.: Опыт исторического предсказания // Изв. Академии Наук ЭССР. Общественные науки. Таллин, 1989. № 38/1. С. 42—50.

¹³⁶ Kahk Yu. Changing Leisure in Nordic Villages // Blanchard I. (ed.). Labour and Leisure in Historical Perspective, Thirteenth to Twentieth Centuries. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. P. 39—44.

¹³⁷ Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. С. 125—126.

¹³⁸ Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 70—96, 184—207; Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994. С. 12—20.

¹³⁹ Современные концепции аграрного развития // ОИ. 1995. № 4. С. 3—33; Seavoy R. E. Famine in Peasant Society. New York; London: Greenwood Press, 1986.

¹⁴⁰ Зомбарт В. Буржуа. С. 118—144.

¹⁴¹ Blanchard I. Introduction // Blanchard I. (ed.). Labour and Leisure in Historical Perspective, Thirteenth to Twentieth Centuries. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. P. 11—23.

¹⁴² Ibid. P. 23—27. См. также: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры.

М., 1972. С. 192—195, 217—261; Goff J. L. Time, Work and Culture in the Middle Ages. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980; Keith Th. Work and Leisure in the Pre-Industrial Society // Past and Present. 1964. No. 29. December. P. 50—62.

¹⁴³ Обзор 19-летнего управления И. П. Неждановым Клинской вотчиною Е. В. Апраксиной в Юрьевском уезде Владимирской губернии // Журнал сельского хозяйства. 1857, № 6. С. 159—182; [Масальский В. И. (сост.)]. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. СПб., 1904. Вып. 4. С. 248—292.

¹⁴⁴ Третьяков А. К вопросу о колонизации Архангельской губернии // Изв. Архангельского об-ва изучения Русского Севера. 1917. № 11—12. С. 412.

¹⁴⁵ Соковнин П. Н. Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле и его значение в земельном вопросе. С поездными данными по 46 губерниям Европейской России. СПб., 1906. С. 10—23.

¹⁴⁶ Мордовцев Д. Л. Действительно ли мы богаты // Дело. 1873. № 12. С. 186.

¹⁴⁷ Blanchard I. Introduction. P. 27—38.

¹⁴⁸ Среднегодовое число дней работы промышленных предприятий составляло в 1875—1878 гг. 256 дней, в 1900 г. — 264; Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958. С. 493—495.

¹⁴⁹ Дякин В. С. (ред.). История рабочих Ленинграда. Т. 1: 1703—февраль 1917. Л., 1972. С. 133; Китанина Т. М. Рабочие Петербурга, 1800—1861 гг.: Промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение. Л., 1991. С. 195—206; Пажитнов К. А. 1) Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при крепостном праве // Гессен Ю. (ред.). Архив истории труда в России. Пг., 1922. С. 97—106; 2) Промышленный труд в крепостную эпоху. Л., 1924; Преображенский А. А. (ред.). История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 430; Святловский В. В. Фабричный рабочий. Исследование здоровья русского фабричного рабочего: Санитарное положение фабричного рабочего в Привислинском крае и в Малороссии (из наблюдений фабричного инспектора). Варшава, 1889. С. 42; Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. СПб., 1863. Ч. 3. С. 105.

¹⁵⁰ В 1890 г. закон устанавливает праздничные дни, в которые не рекомендуется производить казенные и другие публичные работы, за исключением чрезвычайных случаев: СЗРИ. 1890. Т. 14. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 24—25. В 1893 г. закон распространяется на частную промышленность, не запрещая, однако, производить работы по соглашению с рабочими: СЗРИ. 1893. Т. 11, ч. 2. Устав о промышленности. Ст. 142, 430. Но закон плохо исполнялся, вследствие чего его в 1897 и 1904 гг. подтверждал Государственный совет: Собрание зако-

- нений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1904. № 83 от 27 мая 1904 г. Отд. 1. Ст. 858. Об истории этого узаконения см.: РГИА, ф. 1405, оп. 543, д. 387, л. 254—255, 284—288, 304—310. О разъяснении узаконений, касающихся производства работ в праздничные дни. См. также: *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976. С. 245—249.
- ¹⁵¹ *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897. С. 58—116; *Карышев Н.* Труд, его роль и условия приложения в производстве. С. 302—309; *Кириянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX—начало XX в.). М., 1979. С. 72—83; *Погожев А. В.* Учет численности и состава рабочих в России: Материалы по статистике труда. СПб., 1906. С. 113; *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии: Отчет за 1882—1883 г. СПб., 1884. С. 45—53; *Бинеман Я. М.* (ред.). Рабочий день в фабрично-заводской промышленности. М., 1930. Вып. 2. С. 28.
- ¹⁵² Стенографический отчет Особого совещания при Министерстве торговли и промышленности, под председательством министра торговли и промышленности, шталмейстера Д. А. Философова, для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству. СПб., 1907. Ч. 2. С. 213—214.
- ¹⁵³ *Заславская Т. И., Рывкина Р. В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. М., 1991. С. 148—181. См. также: *Маркович Д.* Социология труда. С. 502—551.
- ¹⁵⁴ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901, 1903. Т. 1. С. 83—100.
- ¹⁵⁵ *Took W.* Views of the Russian Empire during the Reign of the Catherine II to the Close of the Present Century. London, 1799. Vol. 2. P. 611. Современники Тука разделяли его представления о России: *Тарле Е. В.* Запад и Россия: Статьи и документы из истории XVIII—XX вв. Пг., 1918. С. 122—149.
- ¹⁵⁶ *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни в особенности сельских учреждений России. Т. 1. С. XX, 98. Этот вывод, хотя и с оговорками, поддержал М. И. Туган-Барановский в своей книге «Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историческое развитие русской фабрики в XIX в.» (М., 1922. С. 160).
- ¹⁵⁷ *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. С. 167, 182—183; *Маркузон Ф. Д.* Наемный труд на Западе. М., 1926. С. 57.
- ¹⁵⁸ *Маркузон Ф. Д.* Наемный труд на Западе. С. 57. С. Г. Струмилин полагал, что «уровень реальной оплаты труда в России» следовало бы оценить «не ниже 85% американского»: *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 95—96.
- ¹⁵⁹ Особое совещание. Труды местных комитетов. Т. 15: Киевская губерния. С. 132.
- ¹⁶⁰ *Дементьева А. Г., Запорова А. В., Черепанова М. С.* (ред.). Русская периодическая печать, (1702—1894): Справочник. М., 1959. С. 530—531.
- ¹⁶¹ *Нива.* 1889. № 52. С. 1353; *Зезина М. Р.* и др. История русской культуры. М., 1990. С. 253. До 1871 г. «Нива» называлась «иллюстрированным журналом для семейного чтения».
- ¹⁶² Исползованы результаты контент-анализа содержания журнала «Нива» за 1871—1900 гг., выполненного в 1992 г. выпускником С.-Петербургского университета В. В. Аристовым в его дипломном сочинении «Проблема отношения российского общества периода капитализма к буржуазии и к буржуазным ценностям: 1871—1900 гг. (по материалам журнала «Нива»)» (с разрешения автора), и дополнены мною за 1901—1917 гг. Подсчет числа публикаций за 1870—1904 гг. произведен на основании двух библиографий: *Торопов А. Д.* (сост.). 1) Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала «Нива» за XXX лет (с 1870 по 1899 г.), основанного А. Ф. Марксом. СПб., 1902. С. 24—56; 2) Первое прибавление за 5 лет (1900—1904 г.) к Систематическому указателю <...> за XXX лет. СПб., 1906. С. 11—16. За остальные годы — по ежегодным систематическим указателям.
- ¹⁶³ *Нива.* 1913. № 45. С. 899—900.
- ¹⁶⁴ *Нива.* 1912. № 1. С. 18.
- ¹⁶⁵ *Нива.* 1911. № 22. С. 414.
- ¹⁶⁶ *Нива.* 1912. № 32. С. 642.
- ¹⁶⁷ *Нива.* 1913. № 2. С. 37.
- ¹⁶⁸ *Нива.* 1892. № 50. С. 1118; 1909. № 43. С. 749. В Приложении к журналу «Нива» за 1901 г. «XIX век: Иллюстрированный обзор минувшего века» в разделе «Изобретатели» о предпринимательской деятельности изобретателей не было сказано ни слова (С. 340—465).
- ¹⁶⁹ *Нива.* 1909. № 9. С. 179; № 37. С. 646; 1908. № 27. С. 484.
- ¹⁷⁰ *Нива.* 1912. № 43. С. 862; 1911. № 36. С. 664.
- ¹⁷¹ *Нива.* 1909. № 8. С. 158.
- ¹⁷² *Нива.* 1908. № 6. С. 119—120.
- ¹⁷³ *Нива.* 1902. № 30. С. 602—603.
- ¹⁷⁴ *Нива.* 1909. № 30. С. 536-б.
- ¹⁷⁵ *Нива.* 1909. № 6. С. 120.
- ¹⁷⁶ *Бурьцкин П. А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 40—41, 113.
- ¹⁷⁷ *Гуревич П. С.* Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980. С. 52—56.
- ¹⁷⁸ В книге, подготовленной большой группой авторов из 22 исследователей, убедительно показаны фрагментарность и незавершенность формирования российского среднего класса в начале XX в.: *Clowes E. W., Kassow S. D., West J. L.* Introduction // *Clowes E. W., Kassow S. D., West J. L.* (eds.). Between Tsar and People : Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1991 (далее: *Clowes E. W.* et al. (eds.). Between Tsar and People). P. 3—14.
- ¹⁷⁹ *Соловьев Ю. Б.* Идеология контрреформ как показатель чрезвычайных трудно-

- стей обуржуазивания России // *Старцев В. И., Фруменкова Т. Г.* (ред.). Россия в девятнадцатом веке: Политика. Экономика. Культура. СПб., 1994. С. 235.
- ¹⁸⁰ *Островский А. В.* Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность? // *Островский А. В.* (ред.) Из глубины времен. 1993. № 2. С. 155—156.
- ¹⁸¹ Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909; Из глубины: Сб. статей о русской революции. М., 1921.
- ¹⁸² *Франк С. Л.* Этика нигилизма: (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 201—204.
- ¹⁸³ *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. М., 1909. С. 5; *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество: Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции // Там же. С. 27—29.
- ¹⁸⁴ *Иванов-Разумник Р. В.* Что такое интеллигенция // *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли... Т. 1. С. 20.
- ¹⁸⁵ *Чернов В. М.* Рождение революционной России (Февральская революция). Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. С. 93—94.
- ¹⁸⁶ *Чернов В. М.* К вопросу о «положительных» и «отрицательных» сторонах капитализма // *Абалкин Л. И.* (ред.). Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX—начала XX века. М., 1994. С. 36—44.
- ¹⁸⁷ *Шепелев Л. Е. В. В.* Жуковский и С. И. Тимашев о законодательных учреждениях России (1907—1914 гг.) // *Фурсенко А. А.* (ред.). Россия в XIX—XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 171—182.
- ¹⁸⁸ *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого октября. Л., 1988. С. 19, 21.
- ¹⁸⁹ *Франк С. Л.* Этика нигилизма. С. 188.
- ¹⁹⁰ *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 322.
- ¹⁹¹ *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого октября. С. 35—36.
- ¹⁹² *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1960. Т. 5. С. 7.
- ¹⁹³ *Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989.
- ¹⁹⁴ Подробнее об этом см. в главе V «Город и деревня в процессе урбанизации» в т. 1 наст. изд.
- ¹⁹⁵ *Кириллов И. А.* Правда старой веры. М., 1916. С. 377—381; *West J. L.* The Riabushinsky Circle: Burzhuaia i Obshchestvennost' // *Clowes E. W.* et al. (eds.). Between Tsar and People. P. 41—56; *Ruckman J. A.* The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840—1905. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1984. P. 205—206; *McCaffray S. P.* The Politics of Industrialization in Tsarist Russia: The Association of Southern Coal and Steel Producers, 1874—1914. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1996.
- ¹⁹⁶ *Бурьяшкин П. А.* Москва купеческая. С. 113.
- ¹⁹⁷ *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. Москва; Иерусалим, 1994. С. 135, 152—153. См. также: *Кириллов И. А.* Правда старой веры. С. 377—381.
- ¹⁹⁸ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977. С. 256—257; *Баикина А., Додонова Л.* Аристократы капитала: Очерки истории российского предпринимательства и благотворительности X—XX вв. Тюмень, 1994; *Norman J. O. Pavel Tret'iakov and Merchant Art Patronage, 1850—1900* // *Clowes E. W.* et al. (eds.). Between Tsar and People. P. 93—107; *Bowl J. E.* The Moscow Art Market // *Ibid.* P. 108—130.
- ¹⁹⁹ *Дурьлин С. Н.* В своем углу: Из старых тетрадей. М., 1991. С. 168—171. В дореформенное время менталитет русских купцов был весьма далек от буржуазного: *Козлова Н. В.* Некоторые черты личного образа купца XVIII века: (К вопросу о менталитете российского купечества) // *Пушкарев Л. Н.* (ред.). Менталитет и культура предпринимателей России XVII—XIX вв. М., 1996. С. 43—57; *Куприянов А. И.* Представления о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи // Там же. С. 83—107; *Нилова О. Е.* Московская купеческая гильдия первой четверти века в ее отношении к предпринимательству: (К вопросу о буржуазной идеологии в России) // Там же. С. 108—138.
- ²⁰⁰ *Боханов А. Н.* Крупная буржуазия России: Конец XIX в.—1914 г. М., 1992. С. 156—158; *Воронцова Е. А.* Российские предприниматели и интеллигенция: (К вопросу о характере отношений) // *Старцев В. И., Фруменкова Т. Г.* (ред.). Россия в девятнадцатом веке: Политика. Экономика. Культура. СПб., 1994. С. 44—50; *Blackwell W. L.* The Old Believers and the Rise of Private Industrial Enterprise in Early Nineteenth-Century Moscow // *Slavic Review*. 1965. Vol. 24. P. 407—424.
- ²⁰¹ *Берлин П. А.* Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 108—110, 142, 181; *Генкин Л. Б.* Общественно-политическая программа русской буржуазии в период революционной ситуации 1859—1861 гг.: (По материалам журнала «Вестник промышленности») // *Иванов Л. М.* (ред.). Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 91—117; *Барышников М. Н.* Политика и предпринимательство в России: (Из истории взаимодействия в начале XX века). СПб., 1997. С. 230—232; *Гиндин И. Ф.* Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // ИСССР. 1963. № 2. С. 57—80; № 3. С. 37—60; *Ерманский А.* Крупная буржуазия до 1905 года // *Мартов Л., Маслов П. П., Потресов А. Н.* Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1911. Т. 1, ч. 2.

- Кн. 2. С. 313—348; *Сорокин А. К.* (ред.). Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 123—125; *Owen Th. C.* 1) Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855—1905. New York; Cambridge, England: Cambridge University Press, 1981. P. 271—276; 2) Impediments to a Bourgeois Consciousness in Russia, 1880—1915: The Estate Structure, Ethnic Diversity, and Economic Regionalism // *Clowes E. W.* et al. (eds.). Between Tsar and People. P. 75—92.
- ²⁰² *Сорокин А. К.* (ред.). Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. С. 121—123; *Шенелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. Л., 1987. С. 174—185; *McCaffray S. P.* The Politics of Industrialization in Tsarist Russia: The Association of Southern Coal and Steel Producers 1874—1914. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1996.
- ²⁰³ О проведении опросов Московским педагогическим музеем см.: Психология и дети. 1917. № 3.
- ²⁰⁴ *Ананьин С. А.* Детские идеалы // Рус. школа. 1911. Май—июнь, август—сентябрь. Т. 2. Отд. 1. С. 210—219; *Смирнов В.* Психологические основы постановки внеклассного чтения // Там же. 1911. № 9. С. 145—161; № 10. С. 167—189; № 11. С. 166—184; *Сивков К.* 1) Идеалы учащейся молодежи: (По данным анкеты) // Вестник воспитания. 1911. № 2. С. 117—158; 2) Идеалы городских школьников // Там же. № 4. С. 92—108; *Рыбников Н. А.* 1) Идеалы гимназисток: (очерк по психологии юности). М., 1916; 2) Деревенский школьник и его идеалы: Очерки по психологии школьного возраста. М., 1916; 3) Школа и выбор профессии // Психология и дети. 1917. № 3—4. С. 26—34. К таким же в принципе выводам пришли и другие исследователи, но привести результаты всех опросов к общему знаменателю из-за различия в используемых при опросах анкетах невозможно. См.: *Марков.* О школьной молодежи: (По данным одной анкеты) // Вестник воспитания. 1913. № 5. С. 178—205; № 6. С. 162—198; *Богданов Т. Ф.* Результаты пробной анкеты относительно идеалов детей // *Бернштейн А. Н.* (ред.). Труды психологической лаборатории при Московском педагогическом собрании. М., 1911. Вып. 2. С. 12—27; *Новосильцев А. Н.* Обзор работ о детских идеалах // Там же. С. 1—11; *Рабин Е. П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общественной анкеты 1912 г. СПб., 1913; и др.
- ²⁰⁵ *Рыбников Н. А.* Идеалы гимназисток. С. 49—50.
- ²⁰⁶ *Ф.* Идеалы гимназисток // Вестник воспитания. 1914. № 8. С. 182.
- ²⁰⁷ *Смирнов Н. Н.* На переломе: Российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб., 1994. С. 392—393.
- ²⁰⁸ *Кокс Х.* Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / Пер. с англ. О. Боровой и К. Гуровой. М., 1995. С. 36.
- ²⁰⁹ *Громыко М. М.* Православие в жизни русского крестьянина // ЖС. 1994. № 2. С. 40—42; *Островская Л. В.* Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири // *Русакова Л. М.* (ред.). Общественный быт и культура русского населения Сибири XVIII—начала XX в. Новосибирск, 1983. С. 135—150.
- ²¹⁰ Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 2. Стб. 1864—1867; *Heretz L.* The Practice and Significance of Fasting in Russian Peasant Culture at the Turn of the Century // *Giants M., Tommre J.* (eds.). Food in Russian History and Culture. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 67—80.
- ²¹¹ *Алмазов А.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Одесса, 1894. Т. 3. Приложения. С. 157. См. также: *Успенский Г. И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 5. С. 185.
- ²¹² Демографический ежегодник СССР. 1990 г. М., 1990. С. 352—353.
- ²¹³ О коэффициенте вариации см.: *Ковальченко И. Д.* (ред.). Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. С. 137—176; *Blalock H. M., Jr.* Social Statistics. New York et al.: McGraw-Hill Book Company, 1971. P. 361—396.
- ²¹⁴ *Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975. С. 76, 89—90.
- ²¹⁵ *Столяров И.* Записки русского крестьянина // *Вострышев М. И.* (сост.). Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 339.
- ²¹⁶ *Успенский Б. А.* 1) Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии: Семантика русского мата в историческом освещении // Semiotics and the History of Culture. Columbus, OH: Slavica Publishers, 1988. P. 197—302; 2) Религиозно-мифологический аспект экспрессивной фразеологии // Структура текста-81: Тезисы симпозиума. М., 1981. С. 49—52.
- ²¹⁷ *Емелях Л. И.* Исторические предпосылки преодоления религии в советской деревне (секуляризация деревни накануне Великого Октября). Л., 1975. С. 123.
- ²¹⁸ *Громыко М. М.* 1) Мир русской деревни. С. 86—151; 2) Традиционный нравственный идеал // Русские народные традиции и современность. М., 1993; 3) О народном благочестии у русских XIX в. // Российский этнограф. М., 1993. I. С. 65—102.
- ²¹⁹ *Ransel L. D.* Baptism in Rural Russia: Village Women Speak of Their Children and Their Way of Life // The History of the Family. 1996. Vol. 1, No 1. P. 63—80.
- ²²⁰ *Трубецкая О. Н.* Князь С. Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1953. С. 65.
- ²²¹ *Кууси П.* Этот человеческий мир. М., 1988. С. 86.
- ²²² *Кокс Х.* Мирской град. С. 36.

²²³ Моя точка зрения на советскую модернизацию высказана в: *Миронов Б. Н.* Семья: Нужно ли оглядываться в прошлое // *Вишневский А. Г.* (ред.). В человеческом измерении. М., 1989. С. 226—246; *Mironov B. N.* 1) The Current Economic Crisis in Russia and its Causes: A Retrospective Approach // *Conan Economic Paper*. 1992. Vol. 33, No. 2. September. P. 105—133 (Kobe, Japan); 2) The Restoration of the Feudal Order in the USSR after the 1917 Revolution // *The Waseda Journal of Political Science and Economics*. 1993. No. 315 (Tokyo, Japan); 3) Peasant Popular Culture and the Origins of Soviet Authoritarianism // *Frank St. P., Steinberg M. D.* (eds.). Culture in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 54—73.

²²⁴ *Подорога В. А.* Власть и познание: (Археологический поиск М. Фуко) // *Мивени-ерадзе В. В.* (ред.). Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989. С. 206—255. На Западе «дисциплинированное общество» начало формироваться в эпоху европейского Просвещения и завершилось в конце XIX в.

²²⁵ *Арутюнян Ю. В.* (ред.). Русские: Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 426—451; *Бляхман Л. С.* Россия на пути к информационному обществу // *Вестник СПб. ГУ*. 1997. Сер. 5: Экономика. Вып. 1. Март. С. 117—125; *Дроздова Н. П.* Социально-экономическое развитие России в XX веке: Проблема преемственности // Там же. С. 6—18; *Рязанов В. Т.* Уроки реформирования в России в контексте мирового развития // Там же. С. 92—104; *Цветаев В. М.* Россия: Эволюция мотивов хозяйственной деятельности в XX веке // Там же. С. 19—23; *Ильин В. В.* (ред.). Философия власти. М., 1993. С. 190—195; *Семенов Ю. И.* Россия: Что с ней случилось в двадцатом веке // *Российский этнограф*. М., 1993. С. 5—105; *Холмс Л.* Социальная история России: 1917—1941. Ростов н/Д., 1994; *Black C. E.* 1) The Modernization of Russian Society. P. 661—682; 2) The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. New York, 1966. P. 92—123; *Fitzpatrick Sh.* 1) The Russian Revolution. Oxford; New York: Oxford University Press, 1982. P. 135—161; 2) Education and Social Mobility in the Soviet Union: 1921—1934. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1979. P. 235—254.

²²⁶ *Кравченко А. И.* Социология Макса Вебера: Труд и экономика. М., 1997. С. 159—160.

²²⁷ *Поннер К.* Открытое общество и его враги: Чары Платона. М., 1992. Т. 1. С. 247—248. «Магическое, племенное или коллективистское общество мы будем именовать закрытым обществом, а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, — открытыми обществами. <...> Переход от закрытого к открытому обществу можно охарактеризовать как одну из глубочайших революций, через которые прошло человечество» (Там же. С. 218, 220).

²²⁸ *Tanner J. M.* Foetus into Man: Physical Growth from Conception to Maturity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978. P. 157.

²²⁹ Пока не объясненное исключение из правила представляют дальневосточные народы: *Eveleth P. B., Tanner J. M.* Worldwide Variation in Human Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 1—15, 222—240.

²³⁰ *Грим Г.* Основы конституционной биологии и антропометрии. М., 1967. С. 113; *Харисон Дж. и др.* Биология человека. М., 1979. С. 386; *Tanner J. M.* Foetus into Man: Physical Growth from Conception to Maturity. P. 151—159.

²³¹ *Карасевич Т. В.* Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. М., 1970. С. 116—124; *Грим Г.* Основы конституционной биологии и антропометрии. С. 71—93.

²³² *Komlos J.* Nutrition and Economic Development in Eighteenth-Century Habsburg Monarchy: An Anthropometric History. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989. P. 26—28; *Steckel R. H.* New Perspectives on the Standard of Living // *Challenge*. 1995. September—October. P. 14.

²³³ *Riley J. C.* Height, Nutrition, and Mortality Risk Reconsidered // *Journal of Interdisciplinary History*. 1994. Vol. 24, No. 3. Winter. P. 465—492.

²³⁴ *Livi-Bacci M.* Population and Nutrition: An Essay on European Demographic History. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1987. P. 119—121.

²³⁵ *Guff T.* Historical Anthropometrics — Theory, Methods, and State of the Field // *Komlos J.* (ed.). The Biological Standard of Living on the Three Continents: Further Explorations in Anthropometric History. Boulder et al.: Westview Press, 1995. P. 1—18; *Komlos J.* Nutrition and Economic Development... P. 23—50.

²³⁶ Этот результат получен по данным о 16 странах мира в 1960—1980-е гг. с помощью корреляционного анализа между средним ростом в стране и логарифмом национального дохода на душу населения: *Steckel R. H.* Stature and the Standard of Living // *Journal of Economic Literature*. 1995. Vol. 33. December. P. 1913.

²³⁷ Именно установление тесной связи между уровнем экономического развития государства, оцениваемого как национальный доход на душу населения, и размерами тела его населения вывело антропометрические исследования из рамок традиционной антропологии в широкий мир экономической и социальной истории и сделало подобные исследования важным направлением в западной историографии, которое получило название антропометрической истории. См. краткий, но содержательный обзор состояния антропометрической

- истории: *Komlos J.* Nutrition and Economic Development... P. 23—54; *Steckel R. H.* Stature and the Standard of Living. P. 1903—1940; *Nicholas St.* Anthropometric History and Economic History // *Komlos J.* (ed.). The Biological Standard of Living on the Three Continents. P. 191—202. Более полное представление можно получить из: *Tanner J. M.* History of the Study of Human Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. Библиографию см. в кн.: *Komlos J.* (ed.). The Biological Standard of Living on the Three Continents. P. 203—220. Об антропометрических исследованиях в России см.: *Башикиров П. Н.* Учение о физическом развитии человека. М., 1962. С. 48—113; *Ивановский А. А.* Об антропологическом составе населения России. М., 1904. С. 211—287.
- ²³⁸ Statistical Abstract of the United States. 1988. Washington, DC: U.S. Department of Commerce and Bureau of the Census, 1988. P. 807.
- ²³⁹ Столетие Военного министерства, 1802—1902. Т. 4, ч. 2. Кн. 1. Отд. 2: Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. СПб., 1907, 1914. С. 178—210; Т. 4, ч. 3. Кн. 1. Отд. 2: Комплектование войск с 1855 по 1902 год. СПб., 1914. С. 136—175, 300.
- ²⁴⁰ Источники, из которых они были взяты, находятся в: РГИА, ф. 1292 (Управление по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел); ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной); ф. 1291 (Земский отдел Министерства внутренних дел); ф. 1298 (Управление главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел). Более подробные сведения хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве и в областных архивах в фондах воинских присутствий.
- ²⁴¹ *Редигер А.* Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1892. С. 80—108; *Обручев Н. Н.* (ред.). Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871. Отд. 2. С. 2—15, 35; Отчет о народном здравии за 1913 год. СПб., 1914. С. 71.
- ²⁴² *Ковалев-Рунский.* Отчет о выборе рекрут в гвардейский экипаж в 1869 году // Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1871. Вып. 12. С. 130—131; *Геннинг К. А.* Материалы к изучению влияния военной службы на физическое развитие нижних чинов: Дис. ... докт. медицины. СПб., 1895. С. 1—11, 40—42.
- ²⁴³ За 1851—1855 гг. опубликованы также данные о росте новобранцев в 5 губерниях: по Симбирской губернии (о 20 006 рекрутах за 1851—1855 гг.), по Виленской губернии (о 12 841 рекруте в 1851—1854 гг.), по Черниговской губернии (о 17 336 рекрутах в 1851—1855 и 1863 гг.): *Бобровский П.* Гродненская губерния. СПб., 1863. Ч. 2. С. 573; *Домонтович М.* Черниговская губерния. СПб., 1865. С. 139—141; *Киркор А.* Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1858. Вып. 3. С. 123; *Липинский.* Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 1. С. 316—318; *Трубников В. В.* Результаты народных переписей в Ардатском уезде Симбирской губернии // Сборник статистических сведений о России, издаваемый РГО. 1858. Кн. 3. С. 419—421.
- ²⁴⁴ ЦГА ВМФ, ф. 173 (Дела адмирала Мордвинова), оп. 1, д. 140, 142; ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия), оп. 5 (1741 г.), д. 74; оп. 1755 г., д. 27; оп. 1757 г., д. 24; оп. 1758 г., д. 24; ф. 283 (Инспекторский департамент), оп. 3, д. 3882, 3930, 3964, 3992, 4017, 4047, 4095; *Миронов Б. Н.* Бремя величия // Родина. 2001. № 9. С. 32—36.
- ²⁴⁵ [*Кербер, Гольдер*]. О физическом исследовании молодых матросов, произведенном в Кронштадтском морском госпитале в 1867 и 1868 годах. СПб., 1870. С. 32—155, 172—263; Медицинское прибавление к Морскому сборнику: О физическом исследовании рекрутов и молодых матросов. 1871. Вып. 12. С. 160—165, 178—181, 199, 207, 251—267.
- ²⁴⁶ *Вишневский Б. Н.* К антропологии великорусского населения Пермской губернии // Русский антропологический журнал. 1916. № 1—2. С. 52; *Вишневский Б. Н., Гагаева М.* Рост призывного населения Буинского уезда и его способность к несению военной службы // Там же. 1924. Т. 13, вып. 3—4. С. 119—120; Отчет Об-ва изучения Смоленской губернии за 1914 год. Смоленск, 1915. С. 17; *Сырнев А. А.* Всеобщая воинская повинность в империи за первое десятилетие 1874—1883 гг. СПб., 1886. С. XXXVII—XLIX. (Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 12).
- ²⁴⁷ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. № 62. Ст. 463. С. 850—882; Там же. 1928. № 51. Ст. 51. С. 970—1020; Там же. 1930. № 40. Ст. 424. С. 721—770; Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938—1961 г. М., 1961. С. 351—365; Там же: 1938—1967. М., 1968. Т. 1. С. 625—650.
- ²⁴⁸ Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С. 902—911.
- ²⁴⁹ *Анучин Д. Н.* О географическом распределении роста мужского населения России: (По данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874—1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб., 1899. С. 77—78, 80, 173—184.
- ²⁵⁰ *Песков В. И.* К вопросу о влиянии фабричного труда на здоровье рабочих // Труды VI съезда земских врачей Московской губернии. М., 1882. С. 198—213; Статистический справочник СССР за 1928 год. С. 910—911; *Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я.* Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // *Куришкова Ю. С. и др.* Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 71—99; *Дунаевская Т. И.* Об изменении размеров и формы тела у детей Центрального района РСФСР с 1957 по 1975 г. // Там же. С. 71—100;

Зенкевич П. И. и др. Изменение процентного распределения типовых фигур во взрослом населении Москвы с 1967 по 1975 г. // Там же. С. 57—59; Куришкова Ю. С. Возрастные различия размеров тела у взрослых мужчин // Там же. С. 155—224.

²⁵¹ Грим Г. Основы конституционной биологии и антропометрии. С. 113; Харрисон Дж. и др. Биология человека. С. 386.

²⁵² В возрасте 51—60 лет мужчина имеет рост меньший сравнительно с тем, который он имел, когда ему было 25 лет, поэтому реконструированный рост будет меньше действительного роста; мы его называем минимальным.

²⁵³ Erismann F. G. Untersuchungen über die körperliche Entwicelung der Arbeiterbevölkerung in Zentralrussland // Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. 1888. Bd 1. S. 98—135, 429—484. Обследование охватило 65 041 мужчин и 36 200 женщин в 7 губерниях: Владимирской, Калужской, Московской, Рязанской, Тульской, Смоленской и Тверской. Исследование проходило около 5 лет, с 1881 по 1885 г. При подсчете среднего роста людей разного возраста автор объединил результаты измерений за 5 лет таким образом, что в группу 25-летних попали лица, рожденные в 1856—1860 гг., в группу 26-летних — рожденные в 1855—1859 гг. и т. д. Вследствие этого все приведенные в работе Эрисмана цифры являются изначально средними 5-летними. Эрисман — единственный ученый XIX в., исследовавший рост российских женщин.

²⁵⁴ Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я. Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет; Пурунджан А. Л. Географическая изменчивость антропометрических признаков на территории СССР // Куришкова Ю. С. и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 108—116. Было обследовано свыше 5000 крестьян в возрасте от 18 до 70 лет, занятых в кустарной промышленности Нижегородской и Костромской губерний.

²⁵⁵ Дерябин В. Е., Пурунджан А. Л. Географические особенности строения тела населения СССР. М., 1990. С. 17—37. Обследовано более 10 000 мужчин в возрасте от 18 до 70 лет.

²⁵⁶ Сырнев А. А. Всеобщая воинская повинность в империи за первое десятилетие 1874—1883 гг. С. XV; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1912 год. Пг., 1914. С. 323.

²⁵⁷ Каптелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад / Пер. с нем. С. Червонной. М., 1996. С. 97—118, 249—266.

²⁵⁸ Струве П. Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России XVIII и XIX в. СПб., 1913. С. 154—159.

²⁵⁹ Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Демографические проблемы истории СССР досоветского периода // Поляков Ю. А. (ред.). Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 110—119; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; Ковальченко И. Д.,

Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII—первой половине XIX в. // ИСССР. 1966. № 4. С. 55—80.

²⁶⁰ Рындзюнский П. Г. 1) Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г. // ВИ. 1967. № 7. С. 54—70; 2) Утверждение капитализма в России 1850—1880 гг. М., 1980. С. 73—83.

²⁶¹ Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961. P. 612—618; Emmonce T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 34—36; Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. P. 96—101; Gershenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia 1861—1917 // Cambridge Economic History of Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. Vol. 6. Pt 2. P. 706—800; Hoch St. L., Augustine W. A. The Tax Censuses and the Decline of the Serf Population in Imperial Russia // Slavic Review. 1979. Vol. 38, No. 3. September. P. 403—425; Kolchin P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1987. P. 17—31; Rieber A. J. The Politics of Autocracy. The Hague; Paris: Mouton, 1966. P. 15—58.

²⁶² Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе: 1861—1880 гг. М., 1978. С. 266—274; Федосов И. А. (ред.). История СССР: XIX—начала XX в. М., 1987. С. 156—165; Хок С. Л. Мальтус: Рост населения и уровень жизни в России. 1861—1914 годы // ОИ. 1996. № 2. С. 28—54. Подробнее историография указана в сноске 109 главы I «Территориальная экспансия и ее последствия» и в сноске 125 главы VII «Главные социальные организации...» в т. I наст. изд.

²⁶³ Октябрьский П. Я., Смирнова Н. А. Уровень жизни населения России в XX веке // Вестник СПбГУ. 1997. Сер. 5: Экономика. Вып. 1. Март. С. 71—92.

²⁶⁴ Этой точки зрения, например, придерживаются авторы, участвовавшие в сборнике: Herlemann H. (ed.). Quality of Life in the Soviet Union. Boulder; London: Westview Press, 1987. См. также: Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе: Ожидания и реальность // ОИ. 1998. № 1. С. 97—117; Bater J. H. The Soviet Scene, A Geographical Perspective. London etc.: Edward Arnold, 1989.

²⁶⁵ См., например, на мой взгляд, лучшее исследование такого рода: Millar J. R. (ed.). Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

²⁶⁶ Столетие Военного министерства 1802—1902. Т. 4, ч. 3. Кн. 1. Отд. 2. С. 20—21.

²⁶⁷ *Мендельсон Л. А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. М., 1959. Т. 2. С. 144—173.

²⁶⁸ *Mironov B. N.* Diet and Health of the Russian Population from the Mid-Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century // *Komlos J.* (ed.). *The Biological Standard of Living on Three Continents*. P. 59—80.

²⁶⁹ *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг., 1916. С. 40—42.

²⁷⁰ Смоленские епархиальные ведомости. 1872. С. 925, 815. См.: *Белоглазов М. М.* Вырождение населения Тамбовской губернии // *Вестник общественной гигиены*. 1905. Октябрь. С. 1511—1526; *Дедюлин С. А.* К вопросу о причинах физического вырождения русского народа (Составлено по отчетам Государственного Контроля в диаграммах и таблицах). Доклад высочайше утвержденному Об-ву для содействия русской промышленности и торговле 25 марта 1899 г. СПб., 1900. С. 1—48; К вопросу о борьбе с чрезвычайной смертностью в России и вырождением народа. Доклад правления общему собранию гг. членов Благотворительного христоролюбивого об-ва самопомощи в болезнях в С.-Петербурге 17 ноября 1902 г. о деятельности правления. СПб., 1905. С. 1—56; *Красноперов И.* Экономический быт крестьян Рославльского уезда Смоленской губернии // *Рус. мысль*. 1880. № 8. С. 69—99; *Обухов В. М.* Экономические причины смертности и вырождения крестьянского населения Воронежской губернии // *Журнал Русского об-ва охранения народного здравия*. 1895. № 11. С. 880—903; *Покровский М. М.* Здоровье русского народа в связи с условиями его быта // *Рус. мысль*. 1882. № 2. С. 105—149; № 3. С. 26—59.

²⁷¹ *Gregory P. R.* 1) *Russian National Income: 1885—1913*. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1982. P. 55—101; 2) *Grain Marketings and Peasant Consumption in Russia: 1885—1913* // *Exploration in Economic History*. 1980. Vol. 17; 3) *Russian Living Standards during the Industrialization Era, 1885—1913* // *Review of Income and Wealth*. 1980. Vol. 26. P. 87—103. См. также: *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в до-революционной России и Советском Союзе. С. 98—99.

²⁷² *Mironov B. N.* Diet and Health of the Russian Population. P. 59—80.

²⁷³ *Каттелер А.* Россия — многонациональная империя. С. 267. Подробнее об этом см. в главе I «Территориальная экспансия и ее последствия» в т. I наст. изд.

²⁷⁴ Статистический справочник СССР за 1928 год. С. 902—913.

²⁷⁵ Подсчитано мною по данным: Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 188—189, 236—237.

²⁷⁶ *Вишневский А. Г., Волков А. Г.* (ред.). *Воспроизводство населения СССР*. М., 1983. С. 61, 63, 88.

²⁷⁷ Там же. С. 266.

²⁷⁸ Там же. С. 273, 285.

²⁷⁹ Женщины и дети в СССР: Статистический сборник. М., 1969. С. 62; Труд в СССР: Справочник 1926—1930 гг. М., 1930. С. 10; Труд в СССР: Статистический сборник. М., 1988. С. 105—107. Доля женщин в населении трудоспособного возраста (16—54 лет) равнялась в 1926 г. 49.9%, в 1939 г. — 50.9, в 1959 г. — 55, в 1970 г. — 53.9%.

²⁸⁰ Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 188—189; Народное образование, наука и культура в СССР: Статистический сборник. М., 1977. С. 114. Женщины, получившие среднее специальное и высшее образование, работали, как правило, по специальности, в то время как мужчины нередко были рабочими, вследствие чего среди специалистов доля женщин выше.

²⁸¹ Труд в СССР: Справочник 1926—1930. С. 44—45, 83; Женщины в СССР. 1989: Статистические материалы. М., 1989. С. 15.

²⁸² *Fitzpatrick Sh.* *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York: Oxford University Press, 1994.

²⁸³ *Steckel R. H.* *Stature and the Standard of Living*. P. 1914—1916.

²⁸⁴ *Бунак В. В.* Об увеличении роста и укореении полового созревания современной молодежи в свете советских соматологических исследований // *Вопросы антропологии*. 1968. Вып. 28. С. 52—55; *Грим Г.* Основы конституционной биологии и антропометрии. С. 83—84; *Харрисон Дж. и др.* Биология человека. С. 426—427; *Tanner J. M.* *Foetus into man: Physical Growth from Conception to Maturity*. P. 153.

²⁸⁵ *Erismann F. G.* *Untersuchungen über die körperliche Entwicelung der Arbeiterbevölkerung in Zentralrussland*. S. 106—107. Коэффициент корреляции между изменениями длины тела у мужчин и женщин составлял 0.538.

²⁸⁶ *Бунак В. В.* Об увеличении роста... С. 38—40; *Деникер И.* Человеческие расы. СПб., 1902. С. 685—692; *Komlos J., Whaples R.* *Anthropometry* // *Stearns P. N.* (ed.). *Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000*. Detroit et al.: Charles Scribner's Sons, 2001. P. 400.

²⁸⁷ По подсчетам А. Н. Дугина, в 1930—1953 гг. через лагеря и колонии ГУЛАГа НКВД прошло около 17.8 млн, в том числе 3.4—3.7 млн по политическим мотивам: *Борисов А. В. и др.* *Полиция и милиция России: Страницы истории*. М., 1995. С. 171.

²⁸⁸ *Мчедлов М. П.* О религиозности российской молодежи // *Социологические исследования*. 1998. № 6. С. 107—110.